РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Выпуск VI

Министерство культуры, печати и по делам
национальностей Республики Марий Эл
Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
Марийский государственный университет
Региональное отделение Российского
военно-исторического общества в Республике Марий Эл

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Выпуск VI

Материалы VI Всероссийской
научно-практической конференции

г. Йошкар-Ола, 13–14 ноября 2024 года

Йошкар-Ола
2024

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)
Р 32

Печатается по решению Ученого совета
государственного бюджетного научного учреждения
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева» (МарНИИЯЛИ)

Редактор-составитель
канд. ист. наук ***О.А. Кошкина***

Редакционная коллегия:
Л.Я. Григорьева, О.А. Кошкина,
Е.П. Кузьмин, С.В. Стариков

Рецензент – ***Е.Л. Храмкова***, докт. ист. наук

Р 32 **Регионы России в военной истории страны**. Выпуск VI: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 13–14 ноября 2024 года / ред.-сост. О.А. Кошкина. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2024. – 480 с.

ISBN 978-5-94950-134-4

Знак информационной продукции 12+

В сборник включены материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, прошедшей в Йошкар-Оле 13–14 ноября 2024 г. Статьи посвящены актуальным проблемам военной истории регионов России.

Издание адресовано ученым-историкам, преподавателям и студентам, краеведам, деятелям культуры и всем, интересующимся историей.

В оформлении обложки использована картина В.В. Волкова «Минск 3 июля 1944 года» (1946–1955).

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-94950-134-4

© МарНИИЯЛИ, 2024
© Авторы статей, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 8

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Бушуев А.С. Народы СССР в освободительной миссии Красной армии в Восточной Европе (на примере боевых потерь РККА при освобождении Польши) 9

Грознов Е.А. Уроженцы Марийского края на фронтах Гражданской войны в России (по материалам фондов Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева)..... 17

Гусарова А.Ю. Трудовые дружины в Чувашии в годы Первой мировой войны: по материалам Государственного исторического архива Чувашской Республики 23

Игошина О.Ю. Самарцы в газовых атаках Первой мировой войны по документам Российского государственного военно-исторического архива 34

Кирюхина Е.М. Адъютант «товарища А.»: А.Г. Зиновьев в мемуарной литературе и периодической печати..... 42

Кудрявцев А.Н. Книги памяти Первой мировой войны (Марийский край): опыт написания..... 50

Суздальцев И.А. Высадка в Нормандии: реакция в отечественной печати и науке 56

Устинова А.А. Воронежский государственный институт им. Н.Н. Бурденко в эвакуации в г. Ульяновск (по материалам газеты «Пролетарский путь» / «Ульяновская правда») 65

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДРЕВНОСТИ И ДО КОНЦА XIX ВЕКА

Абдусаламов М.-П.Б., Багаутдинов С.М. Поход воеводы Ивана Черемисинова на Тарки в 1560 г.: причины и последствия 73

Бахтин А.Г. Восточное направление внешней политики Русского государства в XIV–XVII вв. 80

Герман Р.Э. Использование российскими войсками нарезного оружия в Кавказской войне 90
Горбашова Г.Ф. Медико-санитарная деятельность русских сестер милосердия в англо-бурской войне (1898–1902) .. 95
Шумилов Е.Н. Бегство как форма экспансии (о неволинцах, которые стояли у истоков формирования современных коми этносов) 107

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

Ащеулов О.Е. Роль артиллерии Юго-Западного фронта в ходе Брусиловского прорыва в мае–июне 1916 г. 114
Безденежных А.И. Численность военнопленных в Царевококшайском уезде Казанской губернии в годы Первой мировой войны 125
Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Экономическое развитие Казанского Поволжья в годы Первой мировой войны 136
Оськин М.В. На Ковельском направлении: русская гвардия в Брусиловском прорыве 1916 г. 146
Петров О.М. Марийская печать в период Гражданской войны 156
Пчелкин А.Ю. Наказания, применяемые к нижним чинам в Смоленском военном госпитале (лазарете) 162
Разумная Н.Н. Социальное обеспечение вдов и сирот в годы Первой мировой войны 170
Сергеев М.А. Организация и проведение военной мобилизации в Казанском военном округе в годы Первой мировой войны 179
Шулдяков В.А. 4-й Сибирский казачий полк в 1914 – начале 1915 г. к 110-летию начала «Второй Отечественной войны»..... 187

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙН

Бимеева А.Р. Парторганизация колхоза в 1940–1953 гг. и ее влияние на повседневную жизнь колхоза (на примере колхоза «Новая жизнь» Ульяновской области) 199

Делова Л.А. Адыгея в период немецко-фашистской оккупации 208

Кошкина О.А., Новик В.М. Эвакуация с территории Белоруссии в Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 212

Маркова С.В. 21-я армия Юго-Западного фронта в оборонительных боях на Воронежской земле летом 1942 г. 226

Полугодин А.Д. Коллаборационизм в Тульском крае периода немецко-фашистской оккупации 1941–1943 гг.: специфика, проявление 232

Сергеева А.Н. «Женское лицо Победы» (о мобилизации женщин Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) 256

Устинов Д.А. Ульяновск – оплот флота в годы Великой Отечественной войны 263

Харитонова В.Г. Национальный и языковой факторы агитационно-пропагандистской работы накануне и в годы Великой Отечественной войны в Чувашской АССР 267

ЧЕЛОВЕК И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Бойкова И.П. Военная сатира А.Л. Дурова в годы русско-японской и Первой мировой войн 282

Дроботушенко Е.В. Российское казачество в Китае во второй четверти XX в.: сохранение традиций в условиях эмиграции 288

Исхаков Р.Л. Оружие, которое бьет без промаха: сатира и юмор на войне 296

Кирюхин Д.В. Купеческий сын Алексей Харлампиевич Панышев в немецком плену и на фронте Великой Отечественной войны 315

Ладина А.С. Проблемы беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны (по материалам Марийской АССР)..... 324

Лопатина Т.Е., Лопатин А.П., Лопатина Н.А., Васильева О.А. Уроженец Кубанского Армавира Михаил Михайлович Джагаров – один из первых организаторов партизанских отрядов в Белоруссии в период Великой Отечественной войны. К вопросу о «малой партизанской войне» и ее героях . 337

Салоникес М.Я. Василий Жуковский – солдат и учитель .. 355
Семенов А.А. Они отстояли Ленинград: защитники и их семьи 359
Тайгильдин А.В. Начало Великой Отечественной войны (1941–1945) в дневнике Л.А. Тайгильдина. 1941 г. 369

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Сапожникова В.П., Марискин О.И. Пионеры-герои Великой Отечественной войны (на примере Вали Котика, Зины Портновой) в исторической памяти народа 382
Сенюткина О.Н. Первая мировая война в исторической памяти нижегородских татар-мусульман 387
Стариков С.В. Великая Отечественная война и специальная военная операция: исторические параллели и связь поколений 392
Урожаева Т.П. Афганская война – боль, страдания и память жителей Приангарья 402
Шалахов Е.Г. Восточное оружие и защитное снаряжение в музеях России (по материалам отечественных оружиеведческих публикаций последних лет) 414

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Ануфриев А.В. Семейные истории. Иркутяне Белоголовые на фронте и в тылу 425
Бегоутова М.А. «Без права на забвение» (результат поиска родственников пропавших без вести солдат Великой Отечественной войны)..... 436
Кавиева Л.Г. «Музей хранит память о войне» 442
Сибиль С.Н., Завьялова С.В. «Подвиг ваш, ленинградцы, бессмертен»: дети блокадного Ленинграда 449
Смирнова Н.Б. Участник трех войн майор Малясов Степан Павлович 452

Федотова (Ермилова) Е.В., Федотова Т.Ю. «Все для фронта!»: воспоминания погонщика гурта из Аксумлы Октябрьского района Татарской АССР 456
Щетинин А.И. Председатели колхоза «Отбой» – участники Великой Отечественной войны 463
Сведения об авторах 473

ПРЕДИСЛОВИЕ

VI Всероссийская научно-практическая конференция «Регионы России в военной истории страны», прошедшая в Йошкар-Оле 13–14 ноября 2024 г., традиционно была организована Министерством культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Марийским государственным университетом, Региональным отделением Российского военно-исторического общества в Республике Марий Эл.

В ходе работы конференции обсуждались темы по направлениям, ставшим уже классическими: методологические, источниковедческие и историографические проблемы изучения военной истории; военные конфликты в древности и средневековье; военная история XVII–XIX вв.; военная история XX в.; человек и повседневность в условиях войны; отражение событий военной истории в культуре, искусстве, исторической памяти народа; историческое краеведение.

В работе конференции приняли участие ученые научно-исследовательских институтов и вузов, научные сотрудники музеев, работники образовательных и культурных учреждений, краеведы, журналисты, аспиранты, студенты из 21 региона России: городов Арзамаса, Армавира, Воронежа, Донецка, Екатеринбурга, Елабуги, Иркутска, Йошкар-Олы, Казани, Калуги, Краснодара, Майкопа, Махачкалы, Москвы, Нижнего Новгорода, Омска, Перми, Самары, Саранска, Ставрополя, Тулы, Ульяновска, Чебоксар, Читы, с. Починки (Нижегородская область), пгт Юрино (Марий Эл).

Представленное издание состоит из семи разделов, соответствующих проблематике конференции. Включенные в сборник статьи охватывают значительный пласт актуальных проблем российской и региональной военной истории. Часть работ посвящена юбилейным датам 2024 г. – это 120-летие начала русско-японской войны, 110-летие начала Первой мировой войны, 80-летие снятия блокады г. Ленинграда, 80-летие освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(4)«1944/45»+355.48(94)«1944/45»

А.С. Бушуев

НАРОДЫ СССР В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ МИССИИ КРАСНОЙ АРМИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ БОЕВЫХ ПОТЕРЬ РККА ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ПОЛЬШИ)

Аннотация. В статье на основе анализа базы данных, содержащей сведения о солдатах Красной армии, погибших при освобождении Польши на Сувалкском направлении в 1944–1945 гг., изучены особенности национального состава боевых потерь РККА на рассматриваемом участке советско-германского фронта в ходе выполнения освободительной миссии Красной армии в Восточной Европе.

Ключевые слова: РККА, Красная армия, 3-й Белорусский фронт, национальный состав, боевые потери, народы СССР, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Польша.

Изучение национального состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны и вклада народов Советского Союза в Победу над нацистской Германией и ее сателлитами является одним из актуальных направлений историографии. На полях сражений с нацизмом проявили себя уроженцы разных Советских республик и представители разных народов: сражались они плечом к плечу и гибли вместе, невзирая на место рождения или национальность. Поэтому уже в 1960–1980-х гг. в нашей стране вышло большое количество работ, связанных с проблематикой национальных воинских формирований в РККА, политико-воспитательной и военно-организаторской работой в различных воинских соединениях и регионах страны [подробнее см.: 5, с. 14–21]. Хотя

уровень и качество этих работ были разными, они положили начало научному изучению этой темы.

К серьезным обобщающим исследованиям в этой области относится монография А.П. Артемьева, который на примере двухсот стрелковых дивизий в 1975 г. впервые провел историко-статистический анализ участия народов СССР в Великой Отечественной войне [1]. В дальнейшем работа исследователей в этом направлении была продолжена. Так, в диссертационном исследовании М.Я. Сухаря на примере среднеазиатских республик СССР были рассмотрены национальные и иные особенности призывных ресурсов и проблемы комплектования воинских соединений в регионе [6]. Эти и другие работы и сегодня представляют научный интерес.

В постсоветское время на фоне прошедшей архивной «революции», связанной с рассекречиванием огромного документального массива, состоявшейся либерализации общественно-политического пространства страны, актуализированных региональных идентичностей, а также формирования на территории бывшего Советского Союза независимых государств интерес к данной теме и возможности ее научной разработки существенно возросли. Это сказалось на росте числа диссертационных исследований и публикаций, в которых в той или иной степени нашли отражение различные аспекты данной темы [подробнее см.: 5, с. 24–38]. В последние годы в этом направлении произошел существенный сдвиг, появились исследования, комплексно и с опорой на серьезную источниковую базу рассматривающие данный вопрос в масштабах всего СССР и общего состава военнослужащих РККА в годы Великой Отечественной войны [2; 5].

Вместе с тем если исследование национального состава воинских соединений и порядка их комплектования еще возможно, то исследование национального состава потерь Красной армии в годы Великой Отечественной войны весьма затруднительно. Такая ситуация вызвана, прежде всего, тем, что специального учета потерь по национальности в годы войны в Красной армии не было, поскольку ни одна из действовавших форм персонального учета потерь не имела соответствующей графы [5, с. 118–119].

В этой связи проведенное автором просопографическое исследование состава безвозвратных потерь Красной армии в ходе освобождения Польши на Сувалкском направлении в 1944–1945 гг.

представляет определенный интерес, частично закрывая имеющиеся в историографии лакуны [4]. На примере потерь воинских соединений 3-го Белорусского фронта, понесенных в ходе освобождения территории Сувальщины летом 1944 – зимой 1945 г., можно в целом восстановить национальный состав понесенных армией потерь.

Большую часть погибших в боях за освобождение Сувалок и близлежащих населенных пунктов составили уроженцы трех крупнейших союзных республик – РСФСР (41,2 %), Белорусской (34,7 %) и Украинской ССР (17,0 %) (см. *табл. 1*).

Таблица 1

Места рождения солдат и офицеров РККА, захороненных на кладбище в Сувалках, n=951 [4, с. 36]

Союзные республики СССР	%
Азербайджанская ССР	0,1
Армянская ССР	0,1
Белорусская ССР	34,7
Грузинская ССР	0,1
Казахская ССР	1,4
Киргизская ССР	0,2
Латвийская ССР	0,2
Молдавская ССР	0,1
РСФСР	41,2
Туркменская ССР	0,1
Узбекская ССР	0,8
Украинская ССР	17,0
Не установлено	3,9
ВСЕГО	100,0

Поскольку установить национальный состав погибших по полковым донесениям о потерях и другим подобным источникам невозможно, мы обратились к выявленным наградным листам на погибших солдат и офицеров. Как известно, в форме наградного листа, в отличие от боевого донесения о потерях, была графа со сведениями о национальности представляемого к награждению военнослужащего.

Таблица 2

Национальный состав СССР (1939), РККА в целом и погибших на Сувальщине (1944–1945 гг.), % [Сост. по: 3, с. 57; 4, с. 38; 5, с. 122–123]

	Население СССР по Всесоюзной переписи населения 1939 г.	Погибшие на Сувальщине в 1944–1945 гг., n=183	РККА в 1944–1945 гг.			
			на 01.07.1944		на 01.01.1945	
			всего	ран-больных	всего	ран-больных
Русские	58,4	65,6	64,0	59,8	62,2	56,9
Украинцы	16,5	14,2	21,2	22,2	20,2	24,4
Белорусы	3,1	9,3	2,3	3,0	4,2	5,6
Татары	2,5[1]	2,7	1,8	0,7	1,8	1,6
Мордвины	0,8	2,2	0,6	0,4	0,6	0,4
Чуваши	0,8	1,6	0,6	0,5	0,6	0,4
Армяне	1,3	1,1	0,9	1,1	0,8	0,9
Марийцы	0,3	1,1	0,2	0,2	0,2	0,1
Башкиры	0,5	0,5	0,3	0,4	0,3	0,3
Евреи	1,8	0,5	1,7	1,1	1,7	1,3
Киргизы	0,5	0,5	0,2	0,4	0,2	0,3
Крымские татары	– [1]	0,5	–	–	–	–
Другие	13,5	–	6,2	10,2	7,2	7,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В общей сложности в ходе исследования были установлены награждения 183 военнослужащих, что составляет примерно пятую часть (19,2 %) всех идентифицированных захоронений. На основании собранных таким образом сведений удалось установить, что 65,6 % погибших составляют русские, украинцы – 14,2 %, белорусы – 9,3 %.

[1] Крымские татары в переписи 1939 г. были учтены в составе татар.

Представители других национальностей составили одну десятую часть погибших, а полный их перечень представлен в *таблице 2*.

При рассмотрении данных о распределении погибших по национальности необходимо учитывать, что малочисленность группы захороненных, у которых удалось установить их национальную принадлежность, вносит погрешность в расчеты. Поэтому мы не можем свободно экстраполировать полученные данные на всех погибших при освобождении Сувальщины. Тем не менее сравнение наших данных с имеющимися в научной литературе сведениями дает интересную картину.

Отправной точкой подобного исследования в условиях всеобщей военной мобилизации, безусловно, являются данные о национальном составе населения СССР, полученные в рамках Всесоюзной переписи населения 1939 г. Вместе с тем утрата Советским Союзом на продолжительное время больших и густонаселенных территорий западных областей резко изменил порядок комплектования и национальный состав армии. Поэтому по ряду национальностей мы видим существенные отклонения в их доле среди населения СССР накануне войны и в армии в ходе войны (см. *табл. 2*).

Исследователями ранее установлено, что национальный состав Красной армии существенно менялся на протяжении Великой Отечественной войны под влиянием целого ряда факторов. Поэтому для сравнения с нашими данными мы будем использовать сведения только о периоде с июля 1944 по январь 1945 г. Так, доля русских в общем составе РККА в этот период фиксировалась на уровне 64,0–62,2 %, среди раненых бойцов 59,8–56,9 % соответственно [5, с. 122]. Их доля среди погибших в Сувалках, у которых удалось установить национальную принадлежность (65,6 %), как видим, с небольшим отклонением соответствует общим данным.

Доля двух других восточнославянских народов – украинцев и белорусов, – которые наиболее представлены в составе боевых потерь на Сувальщине, заметно отличается от их доли как в личном составе РККА в рассматриваемый период, так и в составе ее санитарных потерь. Если украинцы в РККА летом 1944 – зимой 1945 г. составляли пятую часть всего личного состава (21,2–20,2 %) и почти четверть санитарных потерь (22,2–24,4 %), то среди захороненных в Сувалках они составляют не более седьмой части бойцов

(14,2 %). Доля белорусов, напротив, выше: 9,3 % против 2,3–4,2 % в составе Красной армии и 3,0–5,6 % в составе санитарных потерь в это же время [5, с. 122].

Такое изменение соотношения долей украинцев и белорусов по отношению к их численности в общем составе Красной армии в рассматриваемый период, вероятно, связано с тем, что наступающие части 31-й армии, освободив летом 1944 г. территорию Белоруссии, пополнились как раз ее жителями и уроженцами, поэтому их доля существенно возросла среди погибших в Сувалках. Таким образом, мы видим, что пришедшее пополнение, очевидно, изменило соотношение долей двух крупнейших славянских народов в составе боевых потерь на Сувальщине. Безусловно, учитывая неполноту наших данных и то, что доподлинно не установлен национальный состав пришедшего пополнения, мы не можем выяснить в полной мере объем влияния этого пополнения на такие изменения. Это требует дополнительных изысканий.

Такую диспропорцию в пользу увеличения доли белорусов среди рядового состава в войсках 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов отмечают и другие исследователи [5, с. 124]. Это указывает на то, что даже имеющиеся в нашем распоряжении ограниченные сведения о национальном составе погибших на Сувальщине позволяют в целом правильно определить основные тенденции.

Говорить о долях других народов СССР, учитывая их малочисленность в составе боевых потерь на польской земле, можно лишь в самом общем виде. Так, доля татар (2,7 %) примерно соответствует их доле в составе довоенного населения СССР (2,5 %), их доле в армии (1,8 %), хотя и несколько выше их доли среди раненых бойцов (0,7–1,6 %). Аналогичная ситуация с армянами (в Сувалках – 1,1 %, в РККА – 0,9–0,8 %, среди раненых – 1,1–0,9 %), башкирами (в Сувалках – 0,5 %, в РККА – 0,3 %, среди раненых – 0,4–0,3 %) и киргизами (в Сувалках – 0,5 %, в РККА – 0,2 %, среди раненых – 0,4–0,3 %).

Доля представителей поволжских народов – мордвин, чувашей и марийцев – среди погибших в Сувалках выше, чем в среднем в армии. Мордвины составляют 2,2 % среди погибших на подступах к Восточной Пруссии солдат, тогда как их доля в довоенном населении была 0,8 %, доля в армии в рассматриваемый период не превышала 0,6 %,

а среди раненых – 0,4 %. Чуваши с 1,6 % в Сувалках также потеряли чуть больше, чем их было в Союзе ССР (0,8 %), в составе РККА (0,6 %) и ее санитарных потерь (0,5–0,4 %). Доля марийцев (1,1 %) также выше по сравнению с их долей в СССР (0,3 %), общеармейской долей личного состава (0,2 %) и состава санитарных потерь армии в 1944–1945 гг. (0,2–0,1 %). Доля евреев среди погибших и идентифицированных в Сувалках красноармейцев (0,5 %), напротив, ниже, чем их доля в населении СССР (1,8 %), по Красной армии в целом (1,7 %) и в составе санитарных потерь (1,1–1,3 %) [5, с. 122–123]. Достаточно трудно как-либо объяснить отклонение долей этих народов среди идентифицированных захоронений в Сувалках от их долей в действующей армии в целом, учитывая неполноту имеющихся данных. Вместе с тем не отметить этого также совсем нельзя.

Если рассмотреть места рождений, то видно, что большинство русских (93,3 %) родились в РСФСР, оставшиеся 6,7 % приходятся на Белорусскую и Казахскую (по 2,5 %), Украинскую и Узбекскую ССР (по 0,8 %). Украинцы родились в УССР (88,5 %) и РСФСР (11,5 %), а белорусы все оказались родом из БССР. Представители финно-угорских народов являются в основном уроженцами соответствующих автономных республик в составе РСФСР или соседних с ними областей. Татары, традиционно проживающие в разных регионах России, на 60 % оказались уроженцами Татарской АССР, а также родились в соседней Башкирской АССР (20,0 %) и Омской области (20,0 %).

Можно говорить и о некоторых особенностях возрастного состава погибших солдат разных национальностей. При максимальном разбросе возрастов от 18 до 50 лет русские оказались наиболее молодыми: их средний возраст среди погибших составил 29 лет, а медиана еще на год меньше – 28 лет. При почти таком же возрастном разбросе (от 18 до 49 лет) белорусы в среднем оказались на 2–3 года старше (средний возраст и медиана – 31 год). Украинцы заняли промежуточное положение: при более скромном вариационном размахе (от 18 до 45 лет) их средний возраст и медиана оказались равны 30 годам. Средний возраст представителей других национальностей вычислять нецелесообразно ввиду малочисленности сведений о них.

Распределение воинского контингента по трем группам (офицеры, сержанты, рядовые) в зависимости от национальности

показывает, что оно примерно соответствует распределению в составе войск 3-го Белорусского фронта. Так, у русских в составе войск 3-го Белорусского фронта это соотношение было на уровне 1 : 1,8 : 3,7 [подсчитано по: 5, с. 125]. В Сувалках это соотношение сложилось в пропорции 1 : 2,5 : 4. По украинцам соотношение следующее: на фронте – 1 : 1,7 : 5 [подсчитано по: 5, с. 125], в Сувалках – 1 : 1,7 : 6. У белорусов на фронте – 1 : 2,3 : 13,1 [подсчитано по: 5, с. 125], в Сувалках – 1 : 2 : 14.

Изучение статистических данных о национальном составе Красной армии в ходе выполнения освободительной миссии в Восточной Европе на примере освобождения Польши позволяет установить, что на составе боевых потерь на Сувалкском направлении сказывались многие факторы – как общие тенденции изменения условий комплектования и пополнения армии (например, преобладание русских среди военнослужащих и погибших), так и специфические, характерные именно для данного направления и воинских соединений 3-го Белорусского фронта, связанных с заметным смещением доли белорусов в сторону увеличения по сравнению с их долей среди населения СССР и в армии в целом. По итогам исследования установлено, что даже имеющиеся ограниченные сведения по национальному составу войск, воевавших на данном участке советско-германского фронта, позволяют получить содержательную картину и определить тенденции, которые вполне вписываются в общеармейские процессы этого периода. Безусловно, для восстановления максимально полной картины национального состава потерь Красной армии в ходе реализации освободительной миссии РККА в Польше необходимо продолжение исследований в этом направлении и профессиональное обсуждение их результатов.

Источники и литература

1. *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. – М., 1975.

2. *Безугольный А.Ю.* Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование. – М., 2021.

3. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М., 1992.

4. На Сувалкском рубеже… Книга памяти красноармейцев, погибших в 1944–1945 гг. и захороненных в Сувалках (Польша) / сост., авт. предисл. и указ. А.С. Бушуев. – Казань, 2023.

5. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / отв. ред. Е.Ф. Кринко. – Ростов-на-Дону, 2022.

6. *Сухарь М.Я.* Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. … д-ра ист. наук. – Ашхабад, 1981.

A.S. Bushuev

THE PEOPLES OF THE USSR IN THE LIBERATION MISSION OF THE RED ARMY IN EASTERN EUROPE (ON THE EXAMPLE OF THE COMBAT LOSSES OF THE RED ARMY DURING THE LIBERATION OF POLAND)

Annotation. In the article, based on the analysis of the database with information about the soldiers of the Red Army who died during the liberation of Poland in the Suwalki direction in 1944–1945, the features of the national composition of the Red Army's combat losses in the considered section of the Soviet-German front during the Red Army's liberation mission in Eastern Europe is studied.

Keywords: RKKA (Wokers and Reasants Red Army), Red Army, Poland, 3rd Belorussian Front, national composition, combat losses, peoples of the USSR, the Great Patriotic War, the World War II, Poland

УДК 93/94

Е.А. Грознов

УРОЖЕНЦЫ МАРИЙСКОГО КРАЯ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ им. Т. ЕВСЕЕВА)

Аннотация. Статья поднимает проблему роли уроженцев Марийского края в событиях Гражданской войны в России. Рассматривается широкий спектр вопросов, связанных с мобилизацией, национальным составом, социальным положением представителей Марийского края в условиях

4. На Сувалкском рубеже… Книга памяти красноармейцев, погибших в 1944–1945 гг. и захороненных в Сувалках (Польша) / сост., авт. предисл. и указ. А.С. Бушуев. – Казань, 2023.

5. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / отв. ред. Е.Ф. Кринко. – Ростов-на-Дону, 2022.

6. *Сухарь М.Я.* Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. … д-ра ист. наук. – Ашхабад, 1981.

A.S. Bushuev

THE PEOPLES OF THE USSR IN THE LIBERATION MISSION OF THE RED ARMY IN EASTERN EUROPE (ON THE EXAMPLE OF THE COMBAT LOSSES OF THE RED ARMY DURING THE LIBERATION OF POLAND)

Annotation. In the article, based on the analysis of the database with information about the soldiers of the Red Army who died during the liberation of Poland in the Suwalki direction in 1944–1945, the features of the national composition of the Red Army's combat losses in the considered section of the Soviet-German front during the Red Army's liberation mission in Eastern Europe is studied.

Keywords: RKKA (Wokers and Reasants Red Army), Red Army, Poland, 3rd Belorussian Front, national composition, combat losses, peoples of the USSR, the Great Patriotic War, the World War II, Poland

УДК 93/94

Е.А. Грознов

УРОЖЕНЦЫ МАРИЙСКОГО КРАЯ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ им. Т. ЕВСЕЕВА)

Аннотация. Статья поднимает проблему роли уроженцев Марийского края в событиях Гражданской войны в России. Рассматривается широкий спектр вопросов, связанных с мобилизацией, национальным составом, социальным положением представителей Марийского края в условиях

конфликта. Особое внимание уделяется анализу участия уроженцев края на различных фронтах войны. Основой данного исследования послужили материалы фондов Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. В качестве документальной базы явились воспоминания, анкеты и списки участников Гражданской войны, проживавших на территории Марийской АССР. В связи с этим в данном исследовании представлена информация только об уроженцах Марийского края, участвовавших в Гражданской войне на стороне Красной армии.

Ключевые слова: Гражданская война, Марийский край, анкета, фронт, армия, солдат.

Гражданская война в России 1918–1921 гг. одно из трагических событий в отечественной истории, повлиявшее не только на российскую историю, но и на ход мировой. Война гражданская, в отличие от войн с внешним врагом, не имеет четкой даты начала и окончания, что приводит к появлению разных подходов. Данное исследование затрагивает период с 1918 по 1921 г. Выбор хронологических рамок объясняется тем, что проведенный анализ источников показал, что уроженцы Марийского края принимали участие в войне именно в рассматриваемый период.

В качестве отправной точки исследования послужили анкеты участников Гражданской войны. Однако для их формирования в 1960-х гг. военкоматом Марийской АССР была собрана информация обо всех известных и ныне живущих участниках войны с адресами их проживания. Выяснилось, что в г. Йошкар-Оле проживало 107 участников, в Медведевском районе – 70, в Горномарийском – 39, в Волжском – 13, в Куженерском – 15, в Мари-Турекском – 21, в Моркинском – 14, в Новоторъяльском – 18, в Сернурском – 51, в Советском – 78, в Звениговском – 18, в Оршанском – 3. Информация по трем районам – Юринскому, Килемарскому и Параньгинскому – отсутствует. Таким образом, в 1960-х гг. на территории Марийского края, по имеющимся материалам, проживало 447 участников Гражданской войны, однако в фондах Национального музея Республики Марий Эл сохранились только 146 анкет.

Анкета участника Гражданской войны была составлена военкоматом Марийской АССР совместно с Марийским республиканским краеведческим музеем и Марийской организацией общества «Знание». Анкета представляла собой таблицу из 23 пунктов [2]:

1. Фамилия, имя, отчество.

2. Национальность.

3. Год и месяц рождения.

4. Место рождения: а) по существующему в то время административному делению; б) по существующему в настоящее время административному делению.

5. Социальное положение в момент вступления в Красную гвардию, Красную армию.

6. Партийность. Время вступления в партию, комсомол.

7. Образование: а) в момент вступления в Красную армию; б) в настоящее время.

8. Год и месяц вступления в Красную гвардию, Красную армию и где: а) добровольно; б) по общей мобилизации; в) по партийной, комсомольской, профсоюзной и другой мобилизации.

9. В каких воинских частях Красной армии проходила Ваша служба и время пребывания в той или иной части?

10. На каких фронтах Гражданской войны Вы участвовали в боях, где и когда?

11. Имеете ли награды, полученные в годы Гражданской войны и какие?

12. Были ли ранения и контузии, полученные на фронтах Гражданской войны? Где и когда?

13. Принимали ли Вы участие в Великой Октябрьской социалистической революции и в революционном движении до Октября 1917 г. В чем выражалось это участие?

14. Принимали ли Вы участие в революционном движении в других странах (Венгрия, Финляндия, Германия и др.)?

15. Ваша основная работа после окончания Гражданской войны (в качестве кого и где)?

16. Участвовали ли Вы в Великой Отечественной войне? Ранения, контузии. Какие имеет награды?

17. Кого Вы знаете из активных участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны – уроженцев Марийской АССР (погибших на фронтах, умерших позднее или живущих в настоящее время в Марийской АССР и за ее пределами)? Кратко опишите подвиги отличившихся в борьбе за власть Советов. Кто из них получил награды и какие?

18. Кого Вы знаете из погибших в годы коллективизации от рук классового врага на территории Вашего района, сельсовета?

19. Если имеются упоминания в каких-либо печатных источниках о Вашем участии в боевых действиях на фронтах, то сообщите название книги, журналов или газеты, год выпуска, номер и число?

20. Какие документы и личные вещи, связанные с Вашим пребыванием на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, сохранились у Вас?

21. Что бы Вы предложили по оживлению работы общественной организации участников Гражданской войны?

22. Смогли бы Вы написать свои воспоминания об участии в Великой Октябрьской социалистической революции и на фронтах войн?

23. Ваш домашний адрес.

Также была предусмотрена графа «Для дополнительных записей», в случае если появлялась информация, не входившая в перечень вышеупомянутых вопросов.

В ходе анализа было выяснено, что из 146 опрошенных, уроженцами Марийского края являлись 120 чел. Примечательно, что из них 100 чел. принимали участие в Великой Отечественной войне и лишь два участвовали в революционных событиях до Октября 1917 г.:

– Веденкин Федор Петрович, уроженец д. Кокшембал Токтай-Белякской волости Уржумского уезда Вятской губернии, принимавший участие в штурме Зимнего Дворца 1917 г.;

– Баженов Иван Кузьмич, уроженец с. Цибикнур Арбанской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии, принимавший участие с февраля по октябрь 1917 г. в рабочих стачках Путиловского завода.

По национальному признаку 70 чел. были русские, 50 – мари. На вопрос о социальном положении были следующие ответы: 77 – крестьянин-бедняк, 33 – крестьянин-середняк, 7 – рабочий, 2 – служащий, 1 – батрак. О партийной принадлежности в годы Гражданской войны заявили пять опрошенных. Что касается вступления в Красную гвардию / Красную армию, то в данном случае имели место как мобилизация, так и добровольное вступление. В 1917 г. в ряды гвардии / армии вступило 16 чел., в 1918 г. – 50, в 1919 г. – 49, в 1920 г. – 5.

Наибольшее количество уроженцев Марийского края – 28 % – воевали на Восточном фронте против сил КОМУЧа, адмирала А.В. Колчака и принимали участие в боях за Казань, Уфу, Самару, Пермь, Ижевск и Воткинск. Порядка 18 % уроженцев воевали на южном направлении против А.И. Деникина, К.К. Мамонтова, Директории УНР и принимали участие в боях за Тулу и Ростов-на-Дону. 16 % уроженцев края воевали на северо-западном направлении против Н.Н. Юденича, где принимали участие в обороне Петрограда, боях за Нарву, Ямбург, Великие Луки и Псков. 7 % уроженцев края воевали на Крымском направлении против П.Н. Врангеля и принимали участие в боях за Перекоп. Также 7 % опрошенных отметили, что участвовали в боях с белополяками, что говорит об их причастности к советско-польской войне 1919–1921 гг. 4 % участвовали в боях на северном направлении против войск Е.К. Миллера. Остальные подавляли восстания в Кронштадте, Уфимской, Тамбовской, Самарской, Казанской, Тюменской губерниях; вели борьбу с басмачеством, с бандами Нестора Махно и Маруси; участвовали в боях на территории Монголии в районе г. Урга и в Приморье в составе Дальневосточной республики. Также стоит отметить, что небольшая часть опрошенных в годы войны находилась в трудовой армии либо вела охрану воинских частей.

Среди участников особо были награждены три человека:

– Иванов Александр Фудорович, уроженец д. Чкарино Ронгинской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии, за взятие Ижевска и Воткинска получил двухмесячный оклад;

– Вершинин Николай Григорьевич, уроженец д. Елнарка Кузнецовской волости Уржумского уезда Вятской губернии, получил 300 р. за доставку особо важных пакетов в Петропавловскую крепость;

– Анциферов Иван Иванович, уроженец д. Кожино Вараксинской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии, получивший орден Красного Знамени в 1919 г., золотые часы Петроградского совета и кожаное обмундирование.

Таким образом, уроженцы Марийского края, опрошенные в 1960-х гг., воевали на всех направлениях Гражданской войны. Большинство из них принимали участие в период наивысших военных успехов Белого движения 1918–1919 гг. В целом стоит отме-

тить, что представители края внесли свой вклад в победу советской власти в годы Гражданской войны.

Источники и литература

1. Адреса участников гражданской войны для анкетирования // Оригинал представлен в фондах Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева.

2. Анкета Плотникова Александра Павловича от 25 июля 1967 г. // Оригинал представлен в фондах Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева.

3. Анкета Вершинина Николая Григорьевича от 27 апреля 1967 г. // Оригинал представлен в фондах Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева.

4. Анкета Веденкина Федора Петровича от 30 мая 1967 г. // Оригинал представлен в фондах Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева.

5. Анкета Анциферова Ивана Ивановича от 15 августа 1967 г. // Оригинал представлен в фондах Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева.

6. Воспоминания Александра Павловича Плотникова от 3 ноября 1966 г. // Оригинал представлен в фондах Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева.

7. Список участников Гражданской войны, проживавших на территории гор. Йошкар-Олы Марийской АССР // Оригинал представлен в фондах Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева.

E.A. Groznov

NATIVES OF THE MARI TERRITORY ON THE FRONTS OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA (BASED ON THE MATERIALS OF THE FUNDS OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF MARI EL NAMED AFTER T. EVSEEV)

Annotation. This article raises the problem of the role of the natives of the Mari region in the events of the Civil War in Russia. The article examines a wide range of issues related to the mobilization, national composition, and social status of representatives of the Mari territory in conflict conditions. Special attention is paid to the analysis of the participation of the natives of the region on various fronts of the war. The materials of the collections of the National Museum of the Republic of Mari El named after T. Evseev served as the basis for this study. The documentary base consisted of memoirs, questionnaires of participants and lists of participants in the civil war who lived in the territory of the Mari ASSR. In this regard, this study provides information only about natives of the Mari Territory who participated in the civil war on the side of the Red Army.

Keywords: Civil War in Russia, Mari Territory, questionnaire, front, army, soldier.

УДК 94(100) «1914/19»

А.Ю. Гусарова

ТРУДОВЫЕ ДРУЖИНЫ В ЧУВАШИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. Статья основана на материалах Государственного исторического архива Чувашской Республики и рассказывает о работе ученических трудовых дружин во время Первой мировой войны на территории республики. Привлечение архивных документов дополнило ранее исследуемую проблематику и позволило ввести в научный оборот новые документальные свидетельства о формировании волонтерского движения среди учащихся в 1914–1917 гг. на территории Казанской и Симбирской губерний. На основании изученного материала можно констатировать, что возникновение трудовых дружин в годы Первой мировой войны стало результатом как проводимой правительством политики, так и добровольным желанием молодежи помочь тем, кто в этом нуждался.

Ключевые слова: трудовые дружины, волонтерство, Первая мировая война, архивные документы, помощь, сельскохозяйственные работы, Чувашия, Казанская губерния, Симбирская губерния.

В последнее время все чаще говорят о развитии волонтерского движения. Вызовы времени сподвигают людей к помощи тем, кто в ней нуждается. Особенно ярко это проявилось во время пандемии коронавируса в 2020 г. и сейчас, когда проходит специальная военная операция. Десятки тысяч людей по всей стране присоединились к волонтерскому движению.

Современное волонтерское движение имеет глубокие корни. В советское время дети и подростки массово участвовали в тимуровском движении, а их предтечей стали добровольные молодежные дружины периода Первой мировой войны. Исследования о них в региональной историографии представлены немногочисленными работами. В основном в них освещается история возникновения и деятельности добровольных трудовых дружин в Центральных регионах, а также Западной Сибири [1, 2, 14, 15, 16, 17, 19, 20]. Работ по данной теме по территориям Казанской и Симбирской губерний

нет. Тема трудовых дружин учащихся в чувашской историографии также затронута только вскользь в работах по истории региона в годы Первой мировой войны [18].

Первая мировая война внесла изменения в повседневную жизнь всего российского общества. Большое количество трудоспособных мужчин было призвано на фронт. Многие села и деревни остались без рабочих рук. Основные сельскохозяйственные работы легли на плечи женщин и подростков.

Движение ученических трудовых дружин, возникшее в 1914 г. и распространившееся по стране в 1915–1916 гг., стало одним из способов общественной помощи крестьянству в это непростое время.

Цели и задачи трудовых дружин отражали и сочетали в себе желание учащейся молодежи во время каникул принять непосредственное участие в сельскохозяйственных работах ради помощи семьям солдат. В условиях дефицита трудовых ресурсов они были востребованы. Дружины только частично снимали остроту в потребности обеспеченности «рабочими руками». Кроме того, ученические дружины создали совершенно новый практический опыт воспитания молодежи через включение ее на добровольных и безвозмездных началах в трудовую жизнь. Привлечение учащихся средних и низших учебных заведений к выполнению широкого спектра трудовых работ в условиях военного времени было призвано способствовать решению экономических и социальных проблем, назревавших в российском обществе.

Первые трудовые молодежные ячейки осенью 1914 г. создали студенты педагогических учебных заведений Минской губернии. Объединяясь в небольшие группы, они ходили по селам и деревням, оказывая помощь нуждающимся семьям [16, с. 115]. Летом 1915 г. Министерство народного просвещения выпустило циркуляр об организации при всех общеобразовательных учебных заведениях трудовых дружин.

В фондах учебных заведений Государственного исторического архива Чувашской Республики сохранились сведения о трудовых дружинах на территории Чувашского края.

Начало организации трудовых дружин в Чувашии положил циркуляр Министерства народного просвещения, направленный в учебные заведения директором народных училищ Казанской

губернии 11 марта 1916 г. Он отложился в фондах Цивильского высшего начального училища [6, л. 1], Марпосадского высшего начального училища [12, л. 11], приведен в протоколе заседания педагогического совета Ядринского реального училища [9, л. 176–177 об.].

Согласно документу, целью организации трудовых дружин из учащихся-добровольцев было не столько оказание помощи в полевых работах семьям, чьи родные были призваны на фронт, сколько «содействие своевременной уборке полей… ознакомление подрастающего поколения, путем непосредственного общения с кормильцем земли русской – пахарем в его трудовой деятельности, с основной отраслью нашего народного хозяйства – земледелием» [12, л. 11]. Министерство народного просвещения обращалось «к нашей отзывчивой на всякое благое начинание учащейся молодежи с горячим призывом отдать свой летний досуг на дело помощи в полевых работах семьям защитников родины», отмечая, что «ее добровольная и посильная лепта приобретает особо важное значение ввиду переживаемых отечеством великих событий, являясь символом единения всех классов населения с нашей доблестной армией в небывалой ее борьбе». Циркулярное распоряжение предлагало подключить к движению агрономов, земские, городские и другие общественные организации [12, л. 11].

Уже 29 марта 1916 г. педагогический совет Мариинско-Посадского высшего начального училища обсудил вопрос о том, как ученики могут помочь своим родственникам в полевых работах. Поскольку около половины учеников были выходцами из крестьянских семей, а приближались посевные работы, совет решил прервать занятия с 18 по 24 апреля и назначить выпускные экзамены на 25 апреля. Ученики младших классов должны были завершить обучение 2 апреля [12, л. 14].

В Чебоксарском высшем начальном училище в 1915/1916 учебном году обсуждался вопрос об организации трудовых дружин. Однако было решено, что создание таких дружин из числа учеников невозможно, поскольку дети, в основном выходцы из крестьянских и мещанских семей, сами нуждались в помощи как работники в своих семьях [8, л. 4, 38]. Поэтому учебный год в училище был завершен 1 мая [8, л. 37 об.]. Кроме того, чтобы не отвлекать учащихся от помощи родителям, руководство училища решило засчитывать

полевые работы как физические упражнения, то есть как уроки по физической культуре [8, л. 3 об.-4].

В 1915 г. Ядринская уездная земская управа создала сельскохозяйственную дружину, чтобы помочь семьям, чьи кормильцы ушли на войну, в уборке урожая. В состав дружины вошли четверо учеников Ядринского реального училища и один агроном. Работая на жнейках, дружина помогла в полевых работах 743 солдаткам деревень Убеево, Торханы, Крендейкасы, Чиршкасы и Пшонги, убрав хлеб с площади более 298 десятин [18, с. 12].

В 1916 г. к участию были привлечены еще ученики [9, л. 177 об.]. В мае этого же года руководство училища получило «Примерные правила о трудовых дружинах учащихся», присланные руководством Казанского учебного округа [9, л. 206]. Правила должны были унифицировать и ускорить процесс образования трудовых ученических дружин.

В период каникул рядом с Ядрином на свободных земельных участках был организован общественный огород в целях борьбы с «дороговизной столь важного пищевого продукта, как овощи». К работе по созданию огорода привлекались ученики в свободное от учебы время [9, л. 209].

23 мая 1916 г. директор училища направил подробный отчет в правление округа, в котором рассказал о проделанной работе по организации трудовых дружин. Согласно отчету, при училище были созданы две трудовые дружины: городская и сельская. В городской дружине состояло 20 чел., а в сельской – 25. Руководителями дружин были назначены исполняющий обязанности инспектора С.К. Преображенский и преподаватель П.М. Эверс. [9, л. 219 об.–220].

Сельская дружина финансировалась Ядринским земством: на каждого ученика выделялось по 12 руб. в месяц. Городская дружина существовала на средства родителей ее членов. Сельскохозяйственные работы между двумя дружинами были поделены следующим образом: сельская занималась работой на жнейках и уборкой сена, городская закладывала огороды на участке училища и на отведенной городской земле [9, л. 220].

В докладе отмечено, что работы «по устройству огородов идут успешно», «отношение крестьян к дружинникам – доброжелательное». Подчеркивается, что количественный состав дружинников

немногочислен, так как большая часть учащихся вместе с семьями занята трудом на собственных полях [9, л. 220].

В документах Ядринского реального училища сохранился пофамильный список учеников училища, желающих принять участие в трудовой дружине для оказания сельскохозяйственной помощи тем крестьянским семьям, отцы которых были призваны в действующую армию. Он датирован 18 апреля 1916 г. и содержит 23 фамилии: «Ученики 3-го класса: Кармальский Сергей, Прибыловский Сергей, Григорьев Василий, Кубарев Леонид, Метелкин Александр, Романов Петр, Бонаевский Вячеслав; Ученики 4 класса: Прытков Николай, Зудов Георгий, Кальянов Сергей, Телятников Порфирий; Ученики 5 класса: Киреев Александр, Николаев Михаил, Аникин Георгий, Цирков Константин, Перекшлись Александр, Добровский Каземир, Румянцев Василий, Акмин Яков; Ученики 6 класса: Никитин Никтополион, Гремячкин Михаил, Некрасов Виктор, Краснов Николай» [10, л. 48–49].

Как видим, дружина состояла преимущественно из учеников старших классов. В 1916 г. ею была оказана помощь 181 крестьянскому хозяйству, хлеба убраны с площади более 221 десятины [18, с. 12].

Для нужд дружины использовались и средства, полученные от платных мероприятий в училище. Например, 8 февраля 1917 г. в здании реального училища был поставлен спектакль по комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль». В спектакле играли ученики реального училища и женской гимназии. Выручка от спектакля была передана на организацию трудовой дружины. Сумма составила 239 руб. 57 коп. [11, л. 2, 7].

В Симбирской губернии также уделяли внимание трудовой помощи. В фонде Алатырского высшего начального училища отложилось два документа, присланные директором народных училищ Симбирской губернии. В циркуляре от 26 мая 1916 г. подчеркивается, что «помимо несомненной практической пользы для нуждающегося теперь в трудовой помощи сельского населения, участие в полевых работах учащейся молодежи имеет для нее, несомненно, большое воспитательное значение» [13, л. 42]. В документе отмечалось, что физический труд на свежем воздухе способствует укреплению здоровья, психики и силы воли. Кроме того, работа в дружинах

помогает «наглядному ознакомлению с юношеских лет учащейся молодежи, особенно городской, с основным нашим промыслом – земледелием», формируя у подрастающего поколения «правильный взгляд на эту отрасль отечественной промышленности, а также и конкретное познание трудовой жизни русского крестьянства, в ее обычной (естественной) обстановке» [13, л. 42]. Руководители трудовых дружин должны были донести до учащихся мысль, что «дело, во главе которого они поставлены, несет ту пользу, которую ждут от него и учащиеся, и родители, и русское общество» [13, л. 42 об.]. В распоряжении от 17 октября 1916 г. подчеркивалось, что в трудовые дружины следует привлекать опытных людей, то есть знакомых с обработкой земли, и ставить их в качестве руководителей [13, л. 67].

В 1916 г. в реальном училище г. Алатыря была организована одна дружина из 29 учеников для работ на полях воинов, ушедших на войну. Руководителем дружины земство назначило агронома. За жизнью и работой дружинников следили преподаватели училища: А.В. Молчалов, А.П. Красильников и С.С. Окулич [5, л. 68 об.–69].

В апреле 1917 г. в училище поступило циркулярное распоряжение попечителя Казанского учебного округа о том, что Экономический отдел Главного комитета Всероссийского земского союза вновь напоминает об организации трудовых дружин из учащихся для сельскохозяйственных работ. В ответ педсовет обязал классных руководителей опросить учащихся классов, начиная с шестого, о желании участвовать в этом деле и при согласии учеников получить согласие их родителей [4, л. 41].

Документы фонда Цивильского высшего начального училища по сравнению с другими учебными учреждениями содержат более полную информацию о деятельности трудовых дружин [6, 7]. В 1916 г. для уборки полей была создана трудовая дружина из 35 учеников [6, л. 2]. Цивильская уездная земская управа оказала содействие в ее организации [6, л. 5]. Она же обеспечивала дружинников суточными деньгами из расчета 50 коп. на чел., лаптями, аптечкой и инвентарем, ночлегом (в помещении приходского училища или на ярмарочных бараках), заботилась о пропитании [6, л. 3 об.]. Оплата труда была установлена в размере 5 руб. за десятину [6, л. 14–14 об.]. Все сельскохозяйственные работы осуществлялись

под руководством уездного агронома. В списке учеников II–IV классов, желающих участвовать в трудовых дружинах, значится 41 чел. в возрасте от 12 до 18 лет [6, л. 8, 27].

В фонде сохранилась переписка инспектора Цивильского высшего начального училища с агрономом при Свияжской уездной землеустроительной комиссии об опыте такой работы. Дело в том, что Свияжская уездная земская управа оказывала поддержку трудовой дружине Казанского коммерческого училища, взяв на себя ее снабжение инвентарем (заготовлено 6 плугов, 3 телеги и 13 лошадей), оборудованием помещения и кухни, а также предоставляла содержание для одного работника и двух инспекторов, сопровождающих дружину сельскохозяйственного училища, и снабжала лошадей овсом и сеном. В письме подчеркивалось, что расходы на питание дружинников осуществлялись исключительно из средств дружины. За работу на крестьянских полях с хозяев плата не взималась [6, л. 20].

Трудовая дружина под руководством инспектора Н.П. Пудовика занималась уборкой яровых культур на земле, принадлежавшей солдату Н.М. Салмину в Цивильске. Работы проводились с 3 по 5 августа 1914 г. На пропитание дружины было потрачено 10 руб. 25 коп. Всего в дружине было 9 чел., каждый из них получил по 1 руб. 25 коп. [6, л. 25, 26]. Полевые работы проводились на городской земле, поэтому городская дума Цивильска выделила 25 руб. на суточное пропитание дружины [6, л. 23–23 об.].

Достаточно полное представление о трудовой деятельности ученического формирования дает ведомость регистрации ее работ и расходов (см. *табл. 1–3*) [6, л. 27]:

Таблица 1

Время и место работ

	С какого времени		По какое время		
	число	месяц	число	месяц	Число рабочих дней
с. Иванова	14	июля	29	июля	7 дн[ей]
с. Рындино	7 21	июня июля	10 25	июня [июля]	4 дн[я] 3 дн[я]
г. Цивильск	11 3	июня августа	14 5	июня августа	4 дн[я] 3 дн[я]
					Всего 21 день

Таблица 2

Выполненные работы

	Бесплатно		За плату		Сумма платы	
	Де-сят[ин]	Кв[ад-ратных] саж[ень]	Де-сят[ин]	Кв[ад-ратных] саж[ень]	Руб.	Коп.
1. Рубка леса	до 50 деревьев		-	-	-	-
2. Чистка лугов	2	-	-	-	-	-
3. Пашня	7½	-	-	-	-	
4. Жатва озимых и яровых	13¼	-	1½	-	5 р[уб.] с дес[ятины]	
Итого	22¾	-	1½	-		

Таблица 3

Расходы

Питание		Кв[артирные] расх[оды]		Переезды		Обувь		Одежда		Оруд[ия] труда		Ост[альные] расходы		Всего	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
34	50	-	-	4	50	4	50	-	-	4	38	8	73	56	61

Отчеты инспектора Цивильского высшего начального училища Н.П. Пудовика от 4 сентября 1916 г. позволяют реконструировать трудовые будни дружинников. 28 мая 17 дружинников направились в с. Рындино, выяснив на месте, скольким семьям требуется помощь. С 7 по 10 июня 24 дружинника рубили лес для солдаток Мануловой и Карпеевой из с. Рындино. С 11 по 14 июня дружинники чистили луга в семьях солдат г. Цивильска, а 18–29 июня пахали поля [6, л. 28].

12 июля Цивильская земская управа выделила 300 руб. на пропитание и оснащение дружины. В частности, были предоставлены серпы, аптечка, лапти и другое необходимое оборудование. Кроме

того, дружине было разрешено пользоваться помещением земской управы. С 14 по 16 июля и с 18 по 25 июля дружинники занимались уборкой ржи для семей из сел Иваново и Рындино. В период с 3 по 5 августа ученики помогали солдатке Салминой из города Цивильска в уборке овса. В эти дни пропитание обеспечивала Цивильская городская управа [6, л. 28 об.]. Руководитель дружины сообщал, что дружина распалась «за выбытием учеников» из-за тяжести труда [3, л. 60 об.]. К слову, рабочий день длился 12 часов, а с 4 часов дня до 8 вечера полагался отдых. За это время дружинники вырубили до 50 деревьев, очистили до 2 десятин лугов, вспахали 7½ десятин полей и собрали 14¾ десятин ржи и овса.

После проделанной работы руководители дружин составляли общий счет по затратам [6, л. 30–33]. К примеру, для обеспечения дружинников пропитанием земская управа выделила: чугунную сковороду весом 4½ фунта, чугунный котел весом 7 фунтов, таган и чайник на общую сумму 3 руб. 9 коп. [6, л. 32].

Дружины находились в поле зрения полиции, следящей за общественным порядком. 5 сентября 1916 г. цивильский земский исправник в ответ на требование военного губернатора об установке наблюдения за подобными дружинами, в целях недопущения политической агитации, рапортовал, что дружинники политической агитацией не занимались [3, л. 60 об.].

Помимо обмена опытом с другими учебными заведениями России, Министерство народного просвещения и Экономический отдел Главного комитета Всероссийского земского союза в 1917 г. направили всем подведомственным учреждениям материалы доклада Ф.З. Чембулова «Трудовые дружины учащихся». Также были разосланы дополнительные изменения к постановлениям, связанным с изменениями в политической жизни страны. Эти документы предназначались для ознакомления педагогических коллективов [7, л. 1].

На основании изученного материала можно констатировать, что участие молодежи в трудовой деятельности во время Первой мировой войны было результатом не только политики властей, но и проявлением желания учащихся помочь семьям солдат. Движение ученических трудовых дружин сочетало в себе идеологическое влияние, а также нравственное воспитание и трудовое обучение.

Опыт организации трудовых дружин в период Первой мировой войны нашел свое дальнейшее развитие в советскую эпоху. Широкая распространенность практики участия советских школьников в тимуровских отрядах является примером преемственности во внутренней политике российского государства в царское и советское время. Кроме того, сегодня мы наблюдаем новый подъем волонтерского движения.

Источники и литература

1. *Букалова С.В.* Трудовая помощь солдатским семьям Центрального Черноземья в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 5. – С. 147–156.

2. *Букалова С.В.* Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодежной политики в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. – 2015. – № 2 (17). – С. 141–147.

3. ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. 122. Оп. 4. Д. 441.

4. ГИА ЧР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 196а.

5. ГИА ЧР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 316.

6. ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 185.

7. ГИА ЧР. Ф. 211. Оп. 2. Д. 199.

8. ГИА ЧР. Ф. 216. Оп. 1. Д. 407.

9. ГИА ЧР. Ф. 220. Оп. 1. Д. 218.

10. ГИА ЧР. Ф. 220. Оп. 1. Д. 250.

11. ГИА ЧР. Ф. 220. Оп. 1. Д. 283.

12. ГИА ЧР. Ф. 475. Оп. 1. Д. 164.

13. ГИА ЧР. Ф. 498. Оп. 1. Д. 60.

14. *Гордиенко О.Н.* Организация трудовых дружин учащихся в помощь солдатским семьям на территории Алтайского округа в период Первой мировой войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2008. – № 3 (77). – С. 83–85.

15. *Горлова Н.И.* История возникновения и развития добровольных трудовых дружин учащихся как формы волонтерской деятельности молодежи на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5 (194). – С. 123–128.

16. *Горлова Н.И.* Источники по исследованию ученических трудовых дружин как формы волонтерской деятельности молодежи в годы Первой мировой войны (по материалам Центрального государственного архива города Москвы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2018. – № 4 (28). – С. 113–123.

17. *Карпова В.В.* Региональные особенности деятельности трудовых дружин учащихся в России в годы Первой мировой войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2020. – № 3 (35). – С. 128–145.

18. *Николаев Г.А.* Организация помощи семьям солдат и беженцам в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Проблемы истории и сельского хозяйства Чувашии: сб. ст. – Чебоксары, 1987. С. 5–18.

19. *Сулимов В.С.* Движение трудовых дружин учащихся школ Западной Сибири в 1915 году (на примере Барнаула) // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 9. – С. 190–195.

20. *Чубаров А.И.* Формирование и деятельность трудовых дружин в Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 26, № 194. – С. 185–193.

A.Yu. Gusarova

LABOR SQUADS IN CHUVASHIA DURING THE FIRST WORLD WAR: BASED ON MATERIALS FROM THE STATE HISTORICAL ARCHIVES OF THE CHUVASH REPUBLIC

Annotation. The article is based on materials from the State Historical Archive of the Chuvash Republic, and it tells about the work of student labor squads during World War I on the territory of the republic. Archival documents added to previously studied problems, and introduced new documentary evidence into scientific circulation about the formation of a volunteer movement among students in 1914–1917 in Kazan and Simbirsk regions. Based on the study material, it can be concluded that the emergence of these squads during World War I was the result of both government policy and the spontaneous desire of young people to help others.

Keywords: labor squads, volunteering, World War I, archival documents, assistance, agricultural work, Chuvashia, Kazan province, Simbirsk province.

УДК 908+903.2

О.Ю. Игошина

САМАРЦЫ В ГАЗОВЫХ АТАКАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПО ДОКУМЕНТАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

Аннотация. Статья посвящена самарцам, погибшим в газовых атаках на Восточном и Западном фронтах Первой мировой войны. В Именных списках потерь солдат и офицеров в 1914–1918 гг., хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве, содержится 124 имени солдат, призванных из Самарской губернии, а в Журналах военных действий мы находим описание тех трагических событий.

Ключевые слова: Первая мировая война, Самарская губерния, газовая атака, химическая война, безвозвратные потери, Именные списки.

В 1899 г. по инициативе Российской империи в Гааге прошла первая международная конференция, посвященная вопросам мира и разоружения. Среди важных документов, подписанных в Нидерландах, была Декларация «О неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы», которую подписали 24 государства [1, с. 384–386].

На следующей конференции в Гааге в 1907 г. была принята конвенция «О законах и обычаях ведения сухопутной войны», одна из статей которой запрещала применять «яд или отравленное оружие», а также «оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания…» [2, с. 143].

Эти правовые акты не случайны – разработкой химического оружия и возможностей их применения на поле боя уже занимались ученые различных стран. Однако взятые обязательства не помешали применить яды для уничтожения противника обеим сторонам конфликта в ходе Первой мировой войны, отличающейся не только масштабами действий, числом участников, но и величиной людских

потерь, которые обусловлены новым уровнем технологичности оружия, среди которых и химическое.

В 1914–1918 гг. кроме «традиционных» причин гибели «убит», «умер от ран», «умер от болезни», «пропал без вести», в донесениях о потерях появилась новая – «умер от отравления газами». Всего в итоговых цифрах безвозвратных потерь числится 11 000 солдат, умерших от отравления. Среди них 161 офицер и 10 839 нижних чинов [28, с. 90].

Эту тему нельзя назвать новой – исследователей и обывателей всегда интересовали события на Ипре (первое массовое применение немецкой стороной «химии»), при крепости Осовец (знаменитая «атака мертвецов»), городе Сморгонь («мертвый город», более 800 дней находившийся на линии фронта). Но наша цель – вписать в эти события память о самарцах, погибших в бесчеловечных газовых атаках.

В работе мы рассмотрим безвозвратные потери среди воинов, умерших от отравления на поле боя в ходе газовых атак, призванных из Самарской губернии, опираясь на данные архивов, находящихся в открытом доступе – «Именные списки потерь солдат и офицеров Первой мировой войны 1914–1918 гг.», а также Журналы военных действий [8], которые описывают страшные события, ставшие последними для тысяч людей. В них мы находим информацию о 124 воинах-самарцах, погибших от смертельных ядов. Данные о воинских частях, дате выбытия и числе погибших, полученные при помощи анализа вышеуказанных документов, мы свели в единую таблицу (*табл. 1*). Более персонализированную информацию о них можно получить, воспользовавшись формой поиска на сайте «Памяти героев Великой войны» [8].

Пик «химической» войны приходится на лето-осень 1916 г., когда самарцы оказались участниками печально известных событий в районе г. Сморгонь (сегодня Гродненская область Республики Беларусь). Именно здесь в день 100-летия объявления Германией войны России открылся Мемориальный комплекс памяти героев и жертв Первой мировой войны. Здесь героически сражались будущие маршалы Советского Союза Р.Я. Малиновский и Б.М. Шапошников, будущие знаменитые писатели М.М. Зощенко и В.П. Катаев и многие другие [5, с. 801; 29, с. 98–104].

Таблица 1

Потери самарцев в газовых атаках Первой мировой войны

Воинская часть	Дата газовой атаки и выбытия	Число погибших самарцев	Документ
253-й пехотный Перекопский полк	19.06.1916	5	[9, л. 330, 331, 335]
254-й пехотный Николаевский полк	19.06.1916	14	[10, л. 251, 253, 254, 255, 256]
275-й пехотный Лебедянский полк	08.08.1916	13	[11, л. 157, 159, 160]
192-й пехотный Рымникский полк	09.08.1916	9	[12, л. 218, 220, 222, 223, 224]
189-й пехотный Измаильский полк	09.08.1916	1	[13, л. 356]
191-й пехотный Ларго-Кагульский полк	09.08.1916	5	[14, л. 12, 13, 14]
17-й пехотный Архангелогородский полк	21.08.1916	5	[15, л. 173, 186]
48-я артиллерийская бригада	09–11.08.1916	5	[16, л. 63, 65, 66]
5-й Сибирский стрелковый полк	09.09.1916	41	[17, л. 131, 132, 133, 135, 136, 137, 139]
6-й Сибирский стрелковый полк	09.09. 1916	11	[18, л. 69, 70, 71]
173-й пехотный Каменецкий полк	25.09.1916	4	[19, л. 226, 227]
168-й пехотный Миргородский полк	15.11.1916	1	[20, л. 227]
19-й пехотный Костромской полк	15.11.1916	1	[21, л. 284]
178-й пехотный Венденский полк	24.09.1916	1	[22, л. 587]
6-й Особый пехотный полк	31.01.1917	7	[23, л. 69 об., 70, 79, 79 об., 81 об.]
Всего		124	

Не случайно ходила поговорка: «Кто под Сморгонью не бывал, тот войны не видал». Вот что об этом месте писал начальник пулеметной команды подпоручик М.М. Зощенко: «Странное, тягостное впечатление производит небольшой уездный городок Сморгонь, до самого основания разбитый и разрушенный немецкой артиллерией... От облаков ядовитых газов, уже не раз пронесшихся над этим городом смерти, почернела штукатурка зданий, и среди серых развалин бродят стаи голодных, одичалых псов. Жители уже давно покинули этот город» [3, с. 41].

После серии газовых атак город практически перестал существовать. В архивных документах сохранились их описания. Вот что находим в Журнале военных действий 253-го пехотного Перекопского полка в день первой газовой атаки, 19 июня 1916 г.: «*На фронте была полная тишина. В 3.30 мин. немцы заиграли на рожках… через несколько минут было обнаружено движение удушливых газов в сторону дер. Ходоки… Сейчас же немцы дали залп из всех орудий по передовым окопам, а потом перенесли огонь по батареям Штаба полка … снарядами с удушливыми газами. По окопам продолжался ураганный огонь… В 6 ч. и 7 ч. газовые атаки были повторены… Газы от снарядов поражают очень сильно глаза и вызывают быстро тошноту и головную боль. Николаевский полк пострадал очень сильно и многие роты пришлось заменять, так как способных драться оставалось по 10–15 чел… Немецкий артиллерийский огонь, сопровождавшийся оружейным и пулеметным, продолжался до 8.30*» [24, л. 16–17].

Подобное описание есть и в Журнале военных действий 254-го пехотного Николаевского полка: «*В 3.10 мин. со стороны окопов противника … послышался страшный шум, похожий на шум паровоза. Вслед за этим наблюдатели увидели густое облако желтоватого дыма, двигающегося на наши окопы. Не было сомнения, что это были удушливые газы. Наблюдатели тут же донесли своим ротным командирам, а последние предупредили людей и, приказав раздать…; на правом фланге полка был сыгран уже сигналистом условный сигнал газовой атаки… Вслед за газами наступила немецкая пехота, которая встреченная сильным артиллерийским, оружейным и пулеметным огнем отхлынула в свои окопы. После неудавшейся первой газовой атаки, спустя*

около 15 мин. немцы из 5 мест выпустили вновь газы на участке полка, на это раз более густые, открыв в то же время сильный артиллерийский огонь снарядами с удушливыми газами. Облако газов окутало весь 1, 3 и 15 роты 4 батальона, газы были выпущены очень сильнодействующие, бойцы начали падать отравленными» [25, л. 16 об.–18].

Атака длилась полтора часа. Газы проникли вглубь русской обороны и причинили большие потери. В 253-м Перекопском полку «по первоначальным сведениям погибло от отравления 150 человек, в том числе все офицеры 2-го и 4-го батальонов, находившиеся при штабе полка» [30, с. 88]. 254-й пехотный Николаевский полк потерял 412 чел. умершими [7, с. 324]. Потери самарцев в газовой атаке в составе 253-го пехотного Перекопского и 254-го пехотного Николаевского полков составили 19 чел. (*табл. 1*).

В ночь на 9 августа 1916 г. после артиллерийского обстрела газовая атака в районе д. Крево (22 км южнее Сморгони) – первая для 275-го пехотного Лебедянского полка, Журнал военных действий которого также ее зафиксировал: «*Волны хлора и фосгена распылялись четырьмя последовательными периодами по нашей боевой линии. Были приняты тотчас же меры: надевались маски, разжигались костры, заработали распылители… А немец вдобавок начал стрелять химическими снарядами. Отдельные облачка слезоточивых, вызывающих зуд в слизистых оболочках носа, и удушающих газов присоединились к волнам хлора с фосгеном, разнося повсюду смерть и разрушение*» [26, л. 8–9]. Атака была отбита, но от отравления погибло 92 солдата [26, л. 9], среди них 13 призывников из Самарской губернии (*табл. 1*).

9 сентября 1916 г. немецкие войска провели газовую атаку южнее озера Нарочь против 2-го Сибирского стрелкового полка. Две волны удушливых газов проникли на большое расстояние за линию фронта в район деревень Узла и Брусы, выведя из строя 2660 чел. [3, с. 41]. Здесь, в составе 5-го и 6-го Сибирских стрелковых полков воевали самарцы. Безвозвратные потери среди них составили 11 и 41 чел. соответственно (*табл. 1*).

Архивные документы дают достаточно детальную сводку этих событий: «*В ночь на 9 сентября… была произведена противовоздушная тревога… В 5.15 … противником вдруг неожиданно*

был выпущен газ на всем фронте полка… По тревоге все люди надели маски, в окопах были зажжены костры.

…Газ, оседая в наши окопы, достигал такой плотности, что в 3–4 шагах ничего не было видно. Это обстоятельство чрезвычайно нервировало людей, которые представляли из себя в большинстве пополнение, лишь недавно прибывшее в полк… Многие офицеры, жертвуя своей жизнью, снимали маски, чтобы иметь возможность громче отдать приказание и голосом ободрить тех нижних чинов, которые растерялись, и внушить стойкость остальным.

…Газы…, проникая сквозь маски, вызывали кашель и резкую боль в груди, сердцебиение, удушье и головокружение, вследствие чего нижние чины стали убывать из строя… Вслед за выпусканием газа противник открыл и артиллерийский огонь обыкновенными и химическими снарядами, как по тылу, так и по передовой линии… убыль людей сразу стала увеличиваться… Судя по запаху, кроме хлористого соединения у немцев были выставлены вперемешку и баллоны с цианистыми соединениями… После этого последнего газа страдали сильнее, выбывая из строя почти все смертельно пораженными, во многих случаях смерть следовала почти моментально, по-видимому, от прекращения деятельности сердца…

….Передовые роты быстро растаяли, понеся потери до 60 % отравленными, при чем более половины смертельно, и положение стало критическим» [27, л. 6–9].

12 сентября немцы нанесли газовый удар по позициям 173-го пехотного Каменецкого полка на Икскюльском плацдарме. Атака оказалась внезапной и времени на подготовку не было. Полк сильно пострадал – от отравления умерли 272 чел. [6], среди них 4 самарца (*табл. 1*).

«Химическая» война продолжалась на Восточном фронте до холодов, когда действие газов нейтрализовалось температурой, но русские воины воевали и на Западном фронте. В 1916 г. в Самаре сформировался 6-й Особый пехотный полк, переброшенный через Сибирь и Дайрен (Дальний) во Францию, в Марсель. Он вошел в состав Русского экспедиционного корпуса, принявшего участие в одной из кровопролитнейших битв Первой мировой войны при Вердене. Среди потерь во Франции 86 солдат-самарцев [4, с. 184]. 31 января 1917 г. семь из них погибли в газовой атаке.

Таким образом, самарцы стали участниками около 10 газовых атак, которые сопровождались массовым отравлением и мучительной гибелью людей. Исследователи отмечают, что «несмотря на своевременность предупреждения об атаке, наличие всех необходимых средств борьбы с газами, потери были значительные». Объясняется это неопытностью личного состава при встрече с новым видом оружия, мощным артиллерийским обстрелом, вносившим панику и «повреждения оборонительной инфраструктуре», а также несовершенством масок – они быстро сохли или бойцы рано их снимали. Офицеры и вовсе вынуждены были их снимать, чтобы отдавать и слышать распоряжения [7, с. 326]. И тем не менее газовые атаки не давали ощутимого тактического преимущества противнику. Русские солдаты ценою своей жизни выполняли боевые задачи, не уступая врагу.

С тех пор применению химического оружия в вооруженных конфликтах неоднократно дана отрицательная моральная оценка, но, к сожалению, это все еще не имеет основополагающего значения для достижения военных целей.

Источники и литература

1. IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. [Электронный ресурс]. URL: https://m.bigenc.ru/vault/a37f117d44623d56d1bc71e353eddebc.pdf (дата обращения 13.08.2024).

2. Ежегодник Министерства Иностранных дел, 1901. – СПб., 1901. – С. 380–384. Электронная библиотека ГПИБ [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/b/deklaratsiia-o-neupotreblen-e9d9ff (дата обращения 25.06.2024)

3. *Зинчук В.В.* Применение химического оружия на территории Беларуси // Этих дней не смолкнет слава: Сб. материалов Республ. военно-науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., Гродно, 29 апр. 2015 г. – Гродно, 2015. – С. 39–43.

4. *Игошина О.Ю.* Людские потери Самарской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Самарский научный вестник. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 182–185.

5. *Магер Н.П.* Память о погибших в Первой мировой войне под Сморгонью // Материалы ежегодной Междунар. науч.-практ. конф. «Первая мировая война. Взгляд спустя столетие...». – 2015. – Т. 4. – С. 801–807.

6. *Олейников А.В.* «Газовый вихрь». Химическая война на Русском фронте Первой мировой. Ч. 1 // Военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: https://topwar.ru/132632-gazovyy-vihr-himicheskaya-voyna-na-russkom-fronte-pervoy-mirovoy-ch-1.html (дата обращения: 15.08.2024).

7. *Олейников А.В.* Две газовые атаки. 1916 г. // Война и революция: социальные процессы и катастрофы: Материалы Всерос. науч. конф., Москва, 19–20 мая 2016 г. – М., 2016. – С. 324–328.

8. Портал «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов» [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru/about/.

9. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 16196. Оп. 1. Д. 434.

10. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 435.

11. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 462.

12. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 368.

13. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 362.

14. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 366.

15. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 82.

16. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 1099.

17. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 750.

18. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 751.

19. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 377.

20. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 328.

21. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 86.

22. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 343.

23. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 928.

24. РГВИА. Ф. 2865. Оп. 1. Д. 30.

25. РГВИА. Ф. 2866. Оп. 1. Д. 92.

26. РГВИА. Ф. 2886. Оп.1. Д.141.

27. РГВИА. Ф. 3339. Оп. 1. Д. 135.

28. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др. – М., 2010.

29. *Смирнов А.* Терновый венец Сморгони // Родина. – 2017. – № 9. – С. 98–104.

30. *Смольянинов М.М.* Газовые атаки на территории Беларуси в годы Первой мировой войны // Беларуска думка. – 2012. – № 4 – С. 86–95.

O.Yu. Igoshina

RESIDENTS OF THE CITY OF SAMARA IN THE GAS ATTACKS OF THE FIRST WORLD WAR ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE RUSSIAN STATE MILITARY HISTORICAL ARCHIVE

Annotation. The article is devoted to the residents of the city of Samara who died in gas attacks on the Eastern and Western fronts of the First World War. The Nominal lists of losses of soldiers and officers in 1914-1918, stored in the Russian State Military Historical Archive, contain 124 names of soldiers called up from the Samara region, and in the Journals of military operations we find a description of those tragic events.

Keywords: World War I, Samara region, gas attack, chemical warfare, irretrievable losses, Personal lists.

УДК 94(470)

Е.М. Кирюхина

АДЪЮТАНТ «ТОВАРИЩА А.»: А.Г. ЗИНОВЬЕВ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Аннотация. Статья посвящена отражению личности А.Г. Зиновьева, адъютанта командира партизанского движения в Белоруссии А.К. Флегонтова, в фронтовых мемуарах и материалах газет, которые сохранились в семейном архиве его родных. Воспоминания самого героя были частично опубликованы в 1997 г., однако уцелевшие рукописи позволяют существенно расширить этот материал, как и статьи владимирских и белорусских журналистов, посвященные ветерану и его боевым товарищам.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, освобождение Белоруссии, партизанское движение Белоруссии, А.Г. Зиновьев, А.К. Флегонтов.

В 2024 г. мы отмечаем 80-летие освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков, эта юбилейная дата посвящена операции «Багратион». Во время немецкой оккупации на территории БССР активно действовало много партизанских отрядов. Данная

O.Yu. Igoshina

RESIDENTS OF THE CITY OF SAMARA IN THE GAS ATTACKS OF THE FIRST WORLD WAR ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE RUSSIAN STATE MILITARY HISTORICAL ARCHIVE

Annotation. The article is devoted to the residents of the city of Samara who died in gas attacks on the Eastern and Western fronts of the First World War. The Nominal lists of losses of soldiers and officers in 1914-1918, stored in the Russian State Military Historical Archive, contain 124 names of soldiers called up from the Samara region, and in the Journals of military operations we find a description of those tragic events.

Keywords: World War I, Samara region, gas attack, chemical warfare, irretrievable losses, Personal lists.

УДК 94(470)

Е.М. Кирюхина

АДЪЮТАНТ «ТОВАРИЩА А.»: А.Г. ЗИНОВЬЕВ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Аннотация. Статья посвящена отражению личности А.Г. Зиновьева, адъютанта командира партизанского движения в Белоруссии А.К. Флегонтова, в фронтовых мемуарах и материалах газет, которые сохранились в семейном архиве его родных. Воспоминания самого героя были частично опубликованы в 1997 г., однако уцелевшие рукописи позволяют существенно расширить этот материал, как и статьи владимирских и белорусских журналистов, посвященные ветерану и его боевым товарищам.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, освобождение Белоруссии, партизанское движение Белоруссии, А.Г. Зиновьев, А.К. Флегонтов.

В 2024 г. мы отмечаем 80-летие освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков, эта юбилейная дата посвящена операции «Багратион». Во время немецкой оккупации на территории БССР активно действовало много партизанских отрядов. Данная

статья посвящена А.Г. Зиновьеву, одному из известных партизан, в годы войны адъютанту А.К. Флегонтова, «товарища А.», как его называли в сводках Совинформбюро в 1941 г. Упоминаемые в работе материалы были бережно сохранены его родными в семейном архиве, ими поделилась его правнучка, студентка ветеринарного факультета Нижегородского государственного агротехнологического университета. В вузе в рамках курса «История России» несколько лет успешно ведется работа со студентами по написанию научно-исследовательских работ об их родственниках – участниках Великой Отечественной войны [12, с. 107–110]. К сожалению, завершить исследовательскую работу Анастасии Сергеевне Зиновьевой не удалось, однако она успешно выступила, будучи ученицей 6-го класса на конкурсе «Подвиг моего прадеда», проводившемся газетой «Комсомольская правда – Владимир» [5].

Андрей Григорьевич Зиновьев (1920–2000) в годы Великой Отечественной войны – командир партизанского отряда им. Петра Литвинова, позже – партизанской бригады «За Родину» А.К. Флегонтова, родился в поселке «Оргтруд» Камешковского района Владимирской области в семье ткача. В 1940 г. был призван в ряды РККА и направлен в 106-й пограничный отряд, затем – во 2-ю школу служебного собаководства Белорусского военного округа, где и встретил начало войны. Участвовал в боях в составе школы, затем – в партизанском движении в Смоленской области и Подмосковье, был адъютантом командира рейдового кавалерийского отряда «Боевой», затем – командира партизанской бригады «За Родину» А.К. Флегонтова. Участвовал в партизанском рейде от Велижа до Червеня и от Червеня до Бреста. А.Г. Зиновьев был награжден орденами Красной Звезды, Трудовой Славы 3-й степени, партизанскими медалями «За оборону Москвы» 1-й и 2-й степеней. После окончания войны вернулся в г. Владимир, где работал на тракторном заводе.

Еще более известна личность командира А.Г. Зиновьева. Андрей Канидьевич Флегонтов (1888–1943) был руководителем партизанского движения как в годы Гражданской войны (на Дальнем Востоке), так и во время Великой Отечественной войны (Подмосковье и Белоруссия). Командуя партизанским отрядом «Боевой» в Подмосковье, в 1942 г. он совершил переход

в Белоруссию. В июле того года в результате объединения партизанских отрядов «Боевой», «Пламя», «Красное знамя», им. Сталина, 752-го в партизанскую бригаду «За Родину» возглавил эту бригаду. Был награжден орденом Красного Знамени за штурм Волочаевских укреплений в годы Гражданской войны и орденом Ленина за партизанское движение. А.К. Флегонтов погиб 11 марта 1943 г. в бою с карательными «восточными» батальонами «Днепр» и «Березина».

В семейном архиве Зиновьевых сохранился большой корпус исторических источников и документов, мы затронем лишь часть из них – воспоминания и периодику. Фронтовые мемуары А.Г. Зиновьева впервые были опубликованы в 1997 г. в книге воспоминаний владимирцев – участников Великой Отечественной войны «Война глазами ветеранов» объемом девять печатных листов [6, с. 122–130]. Сохранились рукописи этих воспоминаний, датированные 1–3 ноября 1979 г. Это три тетради рукописного текста и машинописный вариант, вероятно, в указанную выше книгу вошли в неполном виде. Рукописные тетради по сравнению с машинописным вариантом представляют собой более подробное описание событий, почерк автора хорошо распознаваем, но не совсем аккуратен. Первая тетрадь имеет подпись: «Андрей Зиновьев. Адъютант Флегонтова, впоследствии командир партизанского отряда им. Литвинова п/р За Родину им. А.К. Флегонтова». Остальные тетради имеют лишь нумерацию. Воспоминания отличает доступный стиль написания хорошим литературным языком, факты перемежаются с высказываниями личной точки зрения и оценки событий. Первая тетрадь начинается с краткой автобиографической характеристики. Затем следует раздел «Первые месяцы войны», автор подробно рассказывает о том, как он стал воевать в тылу врага и впервые услышал о А.К. Флегонтове, которого называли дедом. Знакомство произошло во время эвакуации раненого А.К. Флегонтова в Москву. Первая тетрадь обрывается на половине предложения рассказа о боевой партизанской деятельности автора под Москвой. Во второй тетради рассказывается о том, как А.Г. Зиновьев и его товарищи нашли партизанский отряд, как были задержаны немцами и убежали из плена. Автор не забывает мучавшее их чувство голода: оказавшись в деревенском доме, где их приютили, они готовы были

даже есть очистки от вареной картошки. Когда хозяйка накормила их вареной картошкой, хлебом и кипятком, «по всему телу пошло тепло и мы заснули прямо на полу» [7, с. 16]. Описание скитаний по тылам занимает большое место в первых двух тетрадях. Вторая тетрадь также заканчивается на половине предложения.

Третья тетрадь начинается с описания возвращения автора после выполненных заданий в Москву, радости по поводу разгрома фашистов под Москвой, создания А.К. Флегонтовым кавалерийского эскадрона и начала работы у него в качестве адъютанта. Подробно описывается первый удачный бой эскадрона 21 августа 1942 г. Одной из задач рейдового конного отряда «Боевой» было налаживание связи с партизанскими отрядами и бригадами, в первую очередь с теми, которые не имели связи с Центральным Штабом партизанского движения, а А.К. Флегонтов имел официальный мандат этого Штаба. Одним из методов партизанской борьбы был подрыв вражеских эшелонов, А.К. Флегонтов задумал заняться еще и рельсовой войной, что получило горячую поддержку у местного населения. Автор подробно описывает первую операцию такого рода. Подошедший бронепоезд был взорван партизанами, давшими возможность уйти всем крестьянам, принимавшим участие в операции. Затем А.Г. Зиновьев и К. Шлыковский были посланы А.К. Флегонтовым за линию фронта за взрывчаткой, а когда они вернулись, деда уже не было в живых. Для автора эта смерть стала сильным ударом, он вспоминает, как на прощание командир ласково назвал его Андрюшей и сказал, что ему жаль расставаться. После этого А.Г. Зиновьев в нескольких предложениях пишет о своем дальнейшем пути командира, подписывает тетрадь 1 ноября 1979 г. и ставит свою подпись с расшифровкой. Таким образом, в этих рукописях описываются наиболее яркие события начала партизанского пути Андрея Григорьевича.

В 1972 г. вышел объемный очерк В.П. Зорина и Г.Н. Ершовой «Шла война народная…», в котором о А.Г. Зиновьеве говорится немного, но рассказывается о многих других участниках военных действий [8, с. 43–66]. Имя Андрея Григорьевича встречается и в некоторых других публикациях (Смирнов Н. «От Москвы до Бреста», 1971, документальные очерки Осипова Б. «Огненными тропами» и «Огненные километры», напечатанные в 1972 г. в журнале

«Дальний Восток»), но, к сожалению, в семейном архиве их нет, или они не сохранились.

Обратимся к материалам периодической печати. В 1968 г. на страницах газеты «Вперед» на белорусском языке выходит репортаж И. Ярославцева «Верность делам родителей» о торжественном мероприятии, проведенном в средней школе № 2 им. А.К. Флегонтова г. Червеня с кратким упоминанием А.Г. Зиновьева [13, с. 2]. Перед юбилеем Победы в 1974 г. в газете «Призыв» были опубликованы пять очерков А. Кобзева «Партизанские тропы Андрея Зиновьева», написанные на основе интервью журналиста с ветераном. Первый очерк «Адресат живет на улице Гастелло» рассказывает о знакомстве с А.Г. Зиновьевым, который «не лезет со своими боевыми заслугами на показ, не афиширует их, а скромно живет и работает, ничем не выделяясь среди окружающих» [11, с. 3]. В рассказе «Адъютант товарища А.» повествуется о военном пути Андрея Григорьевича, описывается его знакомство с А.К. Флегонтовым. «Отряд товарища А.» наводил страх на фашистов, о флегонтовцах уже слагались легенды [11, с. 3]. В отличие от воспоминаний, в которых автор рассказывал лишь о трудностях в тылу врага, А. Кобзев объясняет цели работы в тылу Андрея Григорьевича – он «присматривался ко всему, что могло интересовать партизан» [11, с. 3]. Объясняются причины выбора А.Г. Зиновьева адъютантом легендарного командира и особые доверительные отношения между ними: «Флегонтова радовала в Андрее здоровая молодость, общительный характер, смекалка, храбрость» [11, с. 3].

Третий рассказ «Отряд “Боевой”» повествует о боевом пути кавалерийского отряда, о первой его встрече с врагом – этот рассказ практически полностью вошел в воспоминания, причем текст либо совпадал, либо был весьма близким. Особенно четко видно сходство рассказов, основанных на интервью, с воспоминаниями в четвертом рассказе «Рельсовая война», где причины начала рельсовой войны и ее первый успех описаны очень сходно. В отличие от воспоминаний, рассказ наполнен эмоциональными диалогами. Четвертый очерк «Огненные километры», описывающий дальнейшие действия партизан, подробнее воспоминаний, особенно в описании охоты фашистов за отрядом и гибели А.К. Флегонтова. Причины, по которым эти повествования не войдут в воспоминания, следующие:

во-первых, последний бой приняла лишь небольшая часть отряда, самого А.Г. Зиновьева с ними не было; во-вторых, для него гибель командира была очень болезненна и, возможно, он возлагал и на себя вину за то, что не был в том последнем бою, хотя большая часть отряда отошла на другие позиции именно по приказу командира. Заканчивается цикл рассказов описанием открытия памятника погибшим воинам в белорусской деревне Липень Осиповичского района, куда приехали более 150 бывших партизан-флегонтовцев.

Статья 1979 г. Г. Кадета «У разъезда Дубровского» начинается с песни о погибшем партизане, которую поют у разъезда Дубровского в Белоруссии оставшиеся в живых боевые товарищи. Автор подробно описывает боевой путь партизан-флегонтовцев, и хотя А.Г. Зиновьев не упоминается в тексте, его легко узнать на фотографии [9, с. 4]. В материале А. Аркадьева «Помнишь, товарищ…» рассказывается о встрече фронтовиков, организованной внештатным отделом военно-патриотической пропаганды редакции газеты «Призыв». В конце статьи помещена фотография фронтовиков с боевыми орденами, во втором ряду стоит А.Г. Зиновьев [2, с. 3]. В семейном архиве Зиновьевых сохранилась статья А. Керножицкого «Сердце не знает покоя…» (1980), вышедшая в «Сельской газете», с дарственной надписью автора А.Г. Зиновьеву. Автор публикации – ветеран войны рассказывает о своем боевом товарище комиссаре А.В. Жохове, боевом товарище Андрея Григорьевича [10, с. 4]. Самая поздняя публикация – статья Г. Анучкина «Горькая правда о войне», рассказывающая о встрече ветеранов к 52-й годовщине Великой Победы, организованной Владимирским Союзом журналистов и областным Советом ветеранов, появилась в печати в 1997 г. [1, с. 3].

В семейном архиве хранится интервью А.Г. Зиновьева, которое взял после 1995 г. А. Буреев. Это шесть страниц машинописного текста, озаглавленные «Не спится что-то ветерану!». Интервью разительно отличается по своему эмоциональному настрою от предыдущих публикаций. Автор пишет, что, не зная, кто перед тобой, трудно узнать в А.Г. Зиновьеве известного героя войны: «Если увидишь Андрея Григорьевича на улице, то вряд ли догадаешься, какой замечательный человек идет тебе навстречу. Небольшого роста, сухонький (таких еще жилистыми называют), энергичный –

обыкновенный пенсионер из рабочих… А между тем А.Г. Зиновьев – один из тех героев Великой Отечественной, о ком написаны книги. Его фотографии, личные вещи, документы хранятся, как дорогие реликвии, более чем в десятке музеев. Причем – трех государств: России, Белоруссии и Украины» [3]. Так создается лейтмотив статьи, написанной в сложное для России время после развала Советского Союза. Интервью получилось нерадостным. Журналист отмечает, что кипа писем, открыток, фотографий и приглашений датированы не позднее середины 1980-х гг. Ветерану очень горько, что не приглашают в школы, не занимаются патриотическим воспитанием, что празднование 50-летия Победы, даже несмотря на то, что его пригласили на парад на Красной Площади, превратилось, по его мнению, в помпезность. К сожалению, до возрождения России, уважения к истории Родины Андрей Григорьевич не дожил – умер в 2000 г.

В рассмотренных исторических источниках Андрей Григорьевич Зиновьев предстает перед нами настоящим патриотом родной земли, бесстрашным и смелым, скромным и верным присяге и товарищам по оружию, а его жизнь и сегодня является прекрасным примером для молодежи. «Пусть твои дети и внуки будут такими честными и правдивыми, как ты, пусть гордятся, что у них такой отец и дед, который прошел жестокие испытания войны и оказался человеком с Большой буквы» [4] − написал в поздравительной открытке 19 августа 1980 г. в день 60-летия друга боевой товарищ А.Г. Зиновьева М.Н. Гришанович. К сожалению, объем статьи не позволяет использовать изюминку семейного архива – письма, открытки, поздравления и стихи, – им следует посвятить отдельную публикацию.

Источники и литература

1. *Анучкин Г.* Горькая правда о войне // Всполье. – 1997. – 25 апреля.

2. *Аркадьев А.* Помнишь, товарищ… // Призыв. – 1980. – 7 мая.

3. *Буреев А.* Не спится что-то ветерану!.. (интервью с А.Г. Зиновьевым). Точные дата и издание неизвестны // Семейный архив Зиновьевых.

4. *Гришанович М.Н.* Поздравительная открытка к 60-летию со дня рождения А.Г. Зиновьева. – Минск. 19 августа 1980 г. // Семейный архив Зиновьевых.

5. Детский конкурс творческих работ «Подвиг моего прадеда» // Комсомольская правда – Владимир. – 15 апреля 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vladimir.kp.ru/daily/26219/3103289/ (дата обращения: 02.08.2024).

6. *Зиновьев А.Г.* В разведке // Война глазами ветеранов. Воспоминания владимирцев – участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Владимир, 1997. – С. 122–130.

7. *Зиновьев А.Г.* Тетрадь № 2 с рукописью воспоминаний. 01.11.1979 г. // Семейный архив Зиновьевых.

8. *Зорин В.П., Ершова Г.Н.* Шла война народная… / Осиповичи. Историко-экономический очерк. – Минск, 1972. – С. 43–66.

9. *Кадет Г.* У разъезда Дубровского // Сельская газета. – 1979. – 28 июля.

10. *Керножицкий А.* Сердце не знает покоя… С дарственной надписью автора А.Г. Зиновьеву // Сельская газета. – 1980. – 12 июля.

11. *Кобзев А.* Адресат живет на улице Гастелло. Адъютант товарища А. Отряд «Боевой» / Партизанские тропы Андрея Зиновьева // Призыв. – 1974. – 7 марта.

12. *Кирюхин Д.В., Кирюхина Е.М.* Руководство научно-исследовательской работой студентов ветеринарного и зооинженерного факультетов Нижегородской ГСХА, посвященной подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны // Патриотизм: вчера, сегодня, завтра. Сб. материалов II Всерос. конф. – СПб., 2022. – С. 107–110.

13. *Ярославцев И.* Верность делам родителей // Вперед. – 1968. – 21 сентября.

E.M. Kiryukhina

ADJUTANT OF “COMRADRE A.”: A.G. ZINOVIEV IN MEMOIR LITERATURE AND PERIODICALS

Annotation. The article is devoted to the personality of A.G. Zinoviev, adjutant of the commander of the partisan movement in Belarus A.K. Flegontov, reflected in front-line memoirs and newspaper materials that have been preserved in the family archive of his relatives. The hero’s own memoirs were partially published in 1997, but the surviving manuscripts make it possible to significantly expand this material, as do articles by Vladimir and Belarusian journalists dedicated to the veteran and his comrades in arms.

Keywords: The Great Patriotic War, Liberation of Belarus, Partisan Movement of Belarus, A.G. Zinoviev, A.K. Flegontov.

УДК 94(100)

А.Н. Кудрявцев

КНИГИ ПАМЯТИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (МАРИЙСКИЙ КРАЙ): ОПЫТ НАПИСАНИЯ

Аннотация. В данной статье автор дает обзор собственной работы над мемориальными книгами Первой мировой войны. Автор анализирует ситуацию с основными архивными фондами, содержащими сведения о смерти, пленении и ранении солдат; рассматривает различные аспекты поиска информации.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская императорская армия, солдаты, книги памяти.

В отечественной исторической науке длительное время сохранялось одностороннее освещение целого комплекса проблем участия Российской империи в Первой мировой войне. Региональный аспект исследователи и вовсе не рассматривали. Только в конце XX в. начинается новый период в изучении этой страницы военной истории России. Качественные особенности местной среды долгое время не принимались во внимание, что повышает значимость региональных исследований. Проблема изучения жизни провинции в годы Первой мировой войны, несмотря на ряд исследований последнего времени, является пока еще в отечественной историографии малоизученной. А традиция отечественных изданий, посвященных участвовавшим в Первой мировой войне уроженцам тех или иных регионов России, и вовсе только начинает складываться [4].

В данной статье автор, основываясь на собственном опыте составления республиканских мемориальных изданий Первой мировой войны, хотел бы осветить некоторые стороны исследовательской работы.

Первый аспект относится к изменениям в административно-территориальном делении. К 1914 г. современная территория Республики Марий Эл состояла из девяти уездов трех губерний: Вятской (Малмыжский, Уржумский, Яранский), Казанской (Казанский, Козьмодемьянский, Царевококшайский, Чебоксарский) и Нижегородской (Васильсурский, Макарьевский). При этом

следует иметь в виду, что часть уездов внесла свою лепту в формирование современной территории республики лишь небольшой толикой своих волостей – Малмыжский уезд Вятской губернии в современный Мари-Турекский район Республики Марий Эл, Казанский – в современный Волжский район и т.д. Автор не считает преувеличением использование в данном контексте метафоры «лоскутного одеяла», которая становится все более очевидной при ее визуализации [5; 6, форзацы]. Например, как с современным Волжским районом Республики Марий Эл, состоящим из частей трех уездов одной губернии (Казанского, Чебоксарского и Царевококшайского Казанской губернии) или современным Советским районом, состоящим из частей трех же уездов, но уже двух губерний (Уржумского и Яранского Вятской губернии и Царевококшайского Казанской губернии). В связи с вышеизложенным исследователю приходится выискивать рабочие материалы по целому ряду фондов, не ограничиваясь лишь одним архивом, а привлекая документы и близлежащих областных и республиканских архивов.

Подробнее остановимся на стороне исследовательской работы, связанной с архивными фондами и степенью сохранности документов в них. Весь объем фондов в региональных архивах, в которых содержится разной степени полноты информация об участии подданных Российской империи в Первой мировой войны, автор разделяет по сущностному критерию – на военные и гражданские, и хронологическому – на дореволюционные и советские.

Основное внимание исследователю в корпусе военных дореволюционных фондов в первую очередь следует обратить на губернские и уездные военные учреждения, возникшие в России в результате военной реформы Александра II и «Устава о воинской повинности» 1874 г., в соответствии с которыми рекрутский набор был заменен обязательной воинской повинностью. Служба в вооруженных силах России становилась общеобязательной и всесословной. Призыву подлежали молодые люди, которым исполнился полный 21 год к моменту их призыва осенью. Сроком, или годом, их службы считался последующий год, наступавший 1 января. В мирное время призываемые на военную службу поступали в «постоянные

войска», состоявшие из армии, флота и казачьих войск. После прохождения «действительной службы» солдаты армии, флота и казачьих войск, называвшиеся «нижними чинами», зачислялись в запас. По окончании срока пребывания в запасе они зачислялись в государственное ополчение, в котором состояли до 40-летнего возраста [8, с. 4–7].

Накануне войны, согласно положениям Закона от 23 июня 1912 г. «Об изменениях в Уставе о воинской повинности», дело организации призывов и мобилизации в вооруженные силы было возложено на Управление по делам о воинской повинности при Министерстве внутренних дел. К обязанностям этого Управления относилось наблюдение за деятельностью местных по воинской повинности установлений, производство дел по призыву населения к отбыванию воинской, военно-конской и военно-повозочной повинности, принятие подготовительных мер к мобилизации армии и образованию государственного ополчения [3, с. 813–817].

В наибольшей степени нас интересуют сведения о проходивших службу в Российской императорской армии, содержащиеся в различных списках ратников. В управление уездного воинского начальника в годы войны поступало множество входящей документации: документы об освидетельствовании новобранцев и мобилизации запасных и ополченцев, переписка об уволенных со службы с присылаемыми из госпиталей – свидетельствами о болезнях, из полков – послужными списками и свидетельствами об исполнении воинской повинности, уведомлениями из полков к сведению родственников о потерях (убит, пропал без вести, пленен).

Исследователю следует быть готовым к неравномерности степени сохранности документальных фондов не только от одного архива к другому, но и фондов одних и тех же учреждений в одном архиве. Не выявлены на настоящий момент и книги приказов Козьмодемьянского воинского начальника. С другой стороны – в Козьмодемьянских фондах есть материалы, не сохранившиеся или не выявленные в настоящий момент в Царевококшайских. К таковым можно отнести реестры призываемых на срочную военную службу накануне и в годы войны, содержащие подробные сведения о дате и месте рождения, росте, весе призываемого [1, дд. 305, 313, 319, 320].

После заключения Брест-Литовского мирного договора, а тем более с падением Австро-Венгерской и Германской империй из австрийских и германских лагерей для военнопленных огромным потоком хлынули возвращавшиеся домой русские. Для руководства делами, возникающими в отношении военнопленных, беженцев, возвращающихся из плена солдат, на местах были организованы уездные коллегии по делам пленных и беженцев, которые наследовали эту сферу деятельности от уездных воинских начальников, а также занялись активным учетом массово начавших возвращаться из немецкого и австро-венгерского плена солдат. Информация о прохождении службы возвращающегося из плена в материалах коллегии содержится главным образом в анкетах, оформлявшихся в Центральной коллегии пленных и беженцев, выдававшихся в Москве и повествующих о том, в каком полку служил, где содержался, когда и где был пленен анкетирующийся. Кроме того, сведения о возвращавшихся из плена без документов в условиях дезорганизации кануна Гражданской войны, минувших центральные органы и своим ходом вернувшихся домой имеются в различных волостных списках. Волостные советы депутатов направляли два раза в месяц поименные списки вернувшихся в уездную коллегию. Из делопроизводственной переписки видно, что не все волостные советы депутатов выполняли инструкции в должной мере, игнорируя тот или иной пункт инструкции, запаздывая или же вообще не подавая списки, некоторая часть сведений оседала в волостных военкоматах.

Волостные военные комиссариаты являлись низовым звеном военно-призывных органов на местах. С началом введения всеобщей мобилизации в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии осенью 1918 г. перед государственными органами встала проблема учета подлежащих мобилизации, имевшихся на местах. Контроль за данным вопросом делегировался на уровень уездного военного комиссара, а осуществление учета велось волостным военным комиссаром. По большому счету в данном вопросе советскими органами была наследована вся дореволюционная система документации, и все выше сказанное применимо и к ним. Таким образом, в волостных фондах осел достаточно большой объем сведений о прохождении жителями тех или иных территорий военной службы. Наибольший

интерес представляют переписи наличного по месту жительства мужского населения той или иной призывной возрастной категории с указаниями отсутствия (убит, пленен, пропал без вести в годы войны) или же невозможности принять на службу ввиду тяжелого ранения. Кроме того, на волостном уровне велся подробный уже упомянутый учет возвращавшихся из плена.

В Центральном Государственном архиве Кировской области (ЦГАКО) материалы волостных военных комиссариатов выделены в отдельные фонды из общего корпуса документов волостных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (Буйского [11], Кичминского [10], Пилинского [9] и др. волостных военкоматов). В фондах Государственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ) материалы волостных военкоматов отдельно не выделены, и документы их имеются в фондах волостных правлений и волостных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [5, с. 30].

Гражданские ведомства, как дореволюционные, так и советские, в некоторой степени содержат сведения о службе в рядах Российской императорской армии. Материалы дореволюционных уездных казначейств и ведомств советских учреждений, ведающих социальным обеспечением в раннесоветские годы, могут содержать сведения о военных пенсионерах, получающих пенсию по потере кормильца на фронтах Первой мировой войны. Метрические книги за годы войны могут содержать сведения о статусе родителя (мобилизованный, запасной, убитый на войне солдат), однако содержательность этих сведений носит необязательный характер. Так, по опыту автора статьи, основанного на работе с фондом метрических книг ГА РМЭ [2], в лучшем случае каждый четвертый приход вел метрики с подробным указанием военного статуса родителя.

Не раскрывая широко хочется сказать, что отдельной сложной темой является выявление и атрибутирование фотографического и фалеристического материала, которые сами по себе пополняют комплекс сведений и обогащают издания.

Подытоживая, отметим, что тема регионального призыва и мобилизации в годы Первой мировой войны, исследования особенностей прохождения военной службы уроженцев тех или

иных регионов продолжает сохранять актуальность и несет в себе исследовательский потенциал.

Источники и литература

1. ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. 5. Оп. 1.

2. ГА РМЭ. Ф. 305.

3. Закон от 23 июня 1912 г. «Об изменениях в Уставе о воинской повинности» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 32. Огд. 1. № 37417. – Петроград, 1915. – С. 806–828.

4. *Кудрявцев А.Н.* Российские Книги Памяти Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Регионы России в военной истории страны. Выпуск III: сб. материалов III Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 17–18 нояб. 2021 г. – Йошкар-Ола, 2021. – С. 72–77.

5. Марийский край в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Мемориальная книга. Т. I. Царевококшайский уезд Казанской губернии / сост. А.Н. Кудрявцев, А.В. Соколов. – Йошкар-Ола, 2018.

6. Марийский край в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Мемориальная книга. Т. II. Козьмодемьянский уезд Казанской губернии / сост. А.Н. Кудрявцев, А.В. Соколов. – Йошкар-Ола, 2021.

7. Путеводитель по фондам ГКУ «Государственный архив Республики Марий Эл». – Йошкар-Ола, 2012.

8. Устав о воинской повинности // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Огд. 1. № 52983. – СПб., 1876. – С. 3–30.

9. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. Р-1661.

10. ЦГАКО. Ф. Р-3407.

11. ЦГАКО. Ф. Р-3470.

A.N. Kudryavtsev

BOOKS IN MEMORY OF THE FIRST WORLD WAR (MARI REGION): WRITING EXPERIENCE

Annotation. In this article author gives an overview of his work under World War I Memorial books. He analyzes the situation with archives of Great War and considers the main archive documents with records of dead, captivity or soldiers wound; examines various aspects of information searching.

Keywords: World War I, Russian imperial army, soldiers of war, Memorial books.

УДК 93/94

И.А. Суздальцев

ВЫСАДКА В НОРМАНДИИ: РЕАКЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ И НАУКЕ

Аннотация. В статье проведен анализ ряда публикаций в советских / российских газетах, а также научных публикациях, посвященных высадке англо-американского десанта в Нормандии в 1944 г. Автор делает вывод, что оценки этих событий в прессе зачастую были связаны с характером отношений нашей страны с Западом. В исторической науке они практически всегда оставались неизменными: отмечался незначительный вклад США и Великобритании в победу над нацистской Германией.

Ключевые слова: операция «Оверлорд», второй фронт, антигитлеровская коалиция, Вторая мировая война, И.В. Сталин.

В 2024 г. исполнилось 80 лет с момента высадки в Нормандии союзников СССР по антигитлеровской коалиции, известной как операция «Оверлорд», что ознаменовало открытие второго фронта в Европе. Проблема открытия второго фронта до настоящего времени остается кардинальным вопросом, вокруг которого ведется дискуссия военных теоретиков и историков о военной политике и стратегии США и Великобритании в годы Второй мировой войны [20, с. 144–194]. Например, в многотомном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» осуждается затягивание западными союзниками решения вопроса об открытии второго фронта [2, с. 714].

Тем не менее, несмотря на достаточно серьезную изученность вопроса, практически отсутствуют исследования, в которых была бы проанализирована реакция на эти события прессы и историков в нашей стране в исторической ретроспективе. В данной работе представлен ряд ключевых оценок высадки союзников в Нормандии в советский период и на современном этапе.

В вышеупомянутом многотомном исследовании дается подробный анализ событий, предшествовавших открытию второго фронта в Европе (более сжато это описывается, например, в статье историка А. Падерина [16]), поэтому, говоря уже непосредственно о 6 июне – дне, когда это событие произошло, следует отметить,

что, по мнению Г.К. Жукова, советские воины, а также И.В. Сталин радостно и искренне приветствовали открытие второго фронта, понимая, что это ускоряет окончательный разгром фашизма и приближает конец войны [6, с. 137, 144]. Сообщается, что московские рестораны были заполнены ликующими клиентами; солдаты на фронте стреляли в воздух; было много поцелуев и объятий; в беседах с представителями Политуправления 3-го Белорусского фронта колхозники заявляли, что «теперь война должна скоро кончиться. Сил у союзников много и нам будет легче» [12, с. 703]. При этом часть населения заботил вопрос, не случится ли так, что после открытия второго фронта «у Красной армии не окажется резервов и плоды наших побед пожнут союзники?» [12, с. 694].

Одной из первых о вторжении в Нормандию сообщила «Правда». В газете давались достаточно осторожные прогнозы о том, что «союзное главнокомандование, очевидно, будет стремиться к быстрому и энергичному развитию операций с целью наибольшего расширения плацдарма и накопления на них все больших сил и техники» [5, с. 3], а также отмечалось, что «нас восхищают бесстрашие бойцов, штурмующих береговые укрепления, и героизм парашютистов, спускающихся во вражеском тылу. Кровь, пролитая во имя общесоюзного дела на Востоке, Западе и Юге, еще прочнее скрепляет фундамент великого боевого содружества свободолюбивых народов, которые совместными ударами окончательно сокрушат гитлеровскую Германию» [5, с. 3]. В «Комсомольской правде» напоминали, что высадка стала возможной «благодаря тому, что Красная Армия на протяжении трех лет оттягивала на себя основные военные силы гитлеровской Германии» [15, с. 3], и делали схожий с М. Галактионовым (написавшим статью в «Правде») вывод о том, что «операции по вторжению союзных войск в Северную Францию еще раз подтверждают истину: совместными ударами с востока, запада и юга войска Объединенных наций разобьют гитлеровскую Германию и принесут освобождение порабощенной Европе» [15, с. 3]. В «Известиях» было напечатано сообщение штаба верховного командования экспедиционных сил союзников, в котором заявлялось, что «под командованием генерала Д. Эйзенхауэра военно-морские силы союзников при поддержке военно-воздушных соединений начали атаковать северное побережье Франции» [23, с. 4].

В «Правде» 14 июня 1944 г. вышло интервью И.В. Сталина, который заявлял, что «это несомненно блестящий успех наших союзников. Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного мероприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения. Только британским и американским войскам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша и массовой высадки десантных войск. История отметит это дело как достижение высшего порядка» [25, с. 1]. Однако в интервью и статьях, посвященных этому событию, отсутствовало указание на то, что данная операция – серьезный шаг к разгрому нацистской Германии, им в целом уже тогда был свойственен достаточно сухой тон о действиях союзников [18, с. 117].

22 июня не был разрешен к выпуску плакат «Все пути ведут в Берлин» по причине того, что его содержание «явно преувеличивают роль наших союзников и ничего общего не имеют с действительностью» [12, с. 730–731]. На нем изображалась лестница, по которой сверху вниз катятся Гитлер и Муссолини, в спину им направлены штыки Англии и США.

Если поначалу о высадке в Нормандии говорилось достаточно подробно, то уже к 5 июля количество публикаций значительно уменьшилось, что было в том числе связано с началом операции «Багратион» [18, с. 118]. Историк Т. Джонстон пишет, что кинохроника Нормандской кампании была заказана, но так и не показана в советских кинотеатрах [18, p. 59].

Сталин И.В. в докладе к 27-й годовщине Октябрьской революции отмечал, что «не может быть сомнения, что без организации второго фронта в Европе, приковавшего к себе до 75 дивизий немцев, наши войска не смогли бы в такой короткий срок сломить сопротивление немецких войск и вышибить их из пределов Советского Союза. Но также несомненно и то, что без мощных наступательных операций Красной Армии летом этого года, приковавших к себе до 200 немецких дивизий, войска наших союзников не смогли бы так быстро расправиться с немецкими войсками и вышибить их из пределов средней Италии, Франции, Бельгии» [1, с. 42–43].

В исторической науке тон был задан книгой И.И. Минца «Великая Отечественная война Советского Союза», в которой историк

заявлял, что «английская буржуазия не хотела скорой победы над Германией. Капиталисты боялись, что открытие второго фронта ускорит разгром Германии, что Советский Союз окрепнет и усилится после быстрой победы. Они хотели, чтобы Советский Союз пришел к концу войны ослабевшим и истощенным, и потому Черчилль оттягивал открытие второго фронта» [13, с. 55–56]; «Второй фронт, который так долго оттягивался, вопреки обещанию открыть его еще в 1942 году, наконец, стал фактом, но открыли второй фронт тогда, когда Красная Армия нанесла немцам ряд крупнейших поражений и готова была ворваться в Германию» [13, с. 56].

Краминов Д. подверг союзников критике за медленный темп их продвижения, особенно со стороны англичан, а также за то, что «авиация беспощадно бомбила французские города, расположенные севернее Сены и Марны», хотя немцы «вообще не пытались оказать сопротивление» по этому флангу [9, с. 132].

В речи на 9-й общегерманской рабочей конференции в г. Лейпциге 7 марта 1959 г. Н.С. Хрущев заявил, что «когда весь ход Второй мировой войны коренным образом изменился, когда события повернулись для западных стран так, что если бы они опоздали с открытием второго фронта, то советские войска могли оказаться не только в Берлине, но и в Париже, тогда наши союзники стали поспешно действовать. Было похоже на то, что наши союзники спешили тогда с его открытием, чтобы не дать народам стран Западной Европы самим, с помощью Красной Армии разгромить войска оккупантов» [19, с. 1].

В коллективной статье в «Военно-историческом журнале» за 1959 г. говорится о том, что, учитывая состояние экономики капиталистических стран накануне войны, они в принципе могли, объединив свои силы, предотвратить развязывание Германией мировой войны; боевые действия союзников в Европе оцениваются как осторожные и излишне методичные; «подготовка развертыванию вооруженной борьбы на протяжении более двух лет, когда Советский Союз выносил всю тяжесть борьбы с врагом на своих плечах, позволила англо-американскому командованию сосредоточить силы и средства, значительно превосходящие силы и средства противника» [3, с. 97–98, 102]. Похожие выводы делает В. Курасов: «наступательные операции Советских Вооруженных

сил первой половины 1944 г. создали благоприятные условия для высадки англо-американских войск во Франции и развития их дальнейшего наступления» [10, с. 36], а также отмечает, что «англо-американские вооруженные силы значительное время вели борьбу с фашизмом на второстепенных театрах военных действий и оттягивали создание второго фронта в Европе» [10, с. 26].

По мнению И. Зайцева, «победы Советских Вооруженных сил свидетельствовали о том, что фашистская Германия неизбежно потерпит полное поражение на советско-германском фронте. В свете этого открытие второго фронта на Западе уже не могло оказать того влияния на дальнейший ход войны, которое оно имело бы в случае его осуществления в 1942 или 1943 годах» [7, с. 62]; «несмотря на высадку англо-американских войск в Северной Франции, гитлеровское командование продолжало пополнять группировку своих войск на Востоке за счет резервов, готовившихся на территории Германии, и соединений, снятых из оккупированных ею стран: за полгода, истекшие после высадки американо-английских войск на советско-германский фронт из стран Европы было переброшено 59 немецких дивизий и 13 бригад. За это же время с фронта убыло всего 12 дивизий и 5 бригад» [7, с. 62–63].

В 1970-х гг. данная тенденция была продолжена. Например, в статье Г. Короткова и А. Орлова отмечается, что «второй фронт расценивался лишь как дополнительное – по отношению к главному советско-германскому фронту – средство общей вооруженной борьбы стран антигитлеровской коалиции» [8, с. 80]; «правящие круги США и Англии, преследуя свои империалистические интересы, не начали боевых действий в Западной Европе ни в 1942 г., ни в 1943 г., хотя имели для этого все возможности» [8, с. 80].

В 1984 г. в разгар очередного периода конфронтации между СССР и США, на американо-французской церемонии, посвященной 40-й годовщине высадки союзников в Нормандии, Р. Рейган в своей речи отметил единство демократических народов, которые вели войну, а также что союзные войска освобождали Францию, Бельгию и Люксембург, а затем вошли в Германию, «чтобы взрастить семена демократии среди тех, кто жаждал снова стать свободным» [30, p. 13]. Кстати, его соотечественник Д. Эйзенхауэр, выступая в Лондоне по радио 40 лет назад, подчеркнул, что «высадка представляет собой часть

согласованного плана освобождения Европы совместно с нашими русскими союзниками» [Цит. по: 26, с. 61]. В «Правде» так описали характер данной встречи: «Вновь и вновь раздавались славословия в адрес Соединенных Штатов, принесших-де Европе освобождение от гитлеровской тирании, хотя общеизвестно, что именно Советская армия к моменту этой высадки уже сломила в гигантских битвах хребет нацистской военной машине и, переступив границы СССР, несла свободу другим европейским народам» [14, с. 4].

В «Военно-историческом журнале» в этом же году вышло ряд статей по данной теме. В них были даны следующие оценки: «по своей роли он [фронт] стал действительно вторым, ибо был открыт через три года после нападения гитлеровской Германии на СССР, после того как Вооруженные силы Советского Союза остановили нашествие агрессора, осуществили коренной перелом во Второй мировой войне и создали условия для окончательного разгрома врага» [21, с. 74]; операция «Багратион» способствовала развертыванию «наступательных операций американо-английских войск во Франции» [22, с. 11]; «в то время, когда на советско-германском фронте шли ожесточенные бои, англо-американские вооруженные силы последовательно захватывали стратегически и экономически важные районы в различных частях мира» [26, с. 61].

В воспоминаниях Г.К. Жукова, опубликованных в 1986 г., отмечается, что «понеся значительные потери в боях за Нормандию и не имея возможности снять что-либо с других фронтов для усиления войск в северной Франции, немецкие войска начали быстрый отход по всему фронту к границам Германии» [6, с. 158]. Маршал пишет, что заявил Черчиллю о том, что «в Нормандии был допущен ряд серьезных промахов. И если бы не ошибка в оценке обстановки со стороны главного германского командования, продвижение союзных войск после их высадки могло значительно задержаться» [6, с. 317].

В рамках сближения с Западом, начавшегося во времена перестройки, риторика в отношении союзников по антигитлеровской коалиции несколько изменилась. Например, в 1987 г. увидел свет ранее не демонстрирующийся документальный фильм А. Сокурова «И ничего больше», в котором упоминаются ленд-лиз, Атлантическая

хартия, а также значительный вклад союзников в победу в войне, в том числе из-за высадки в Нормандии [24]. В 1994 г. на очередную годовщину этого события Банк России выпустил монету номиналом три рубля «Открытие второго фронта». В этом же году в «Правде» высадка в Нормандии называлась актом храбрости, мастерства и чести, а 6 июня 1944 г. – знаменательной датой в истории Второй мировой войны, которая приблизила победу [Op. cit.: 29, p. 232].

В 2004 г. В.В. Путин посетил Нормандию в рамках торжеств, посвященных 60-летию со дня высадки; в Москве Институтом Всеобщей истории РАН была организована Международная конференция «К 60-летию высадки союзников в Нормандии»; в «Российской газете» заявлялось, что «победа над нацизмом во Второй мировой войне была достигнута общими усилиями союзников по антигитлеровской коалиции» [4]. В 2005 г. в Москве был открыт памятник воинам стран-участниц антигитлеровской коалиции. Тем не менее в отечественной науке сохранялись оценки второго фронта, схожие с теми, которые давались ему еще до перестройки.

Например, В. Фалин писал: «...солдаты, матросы и офицеры шли в бой, не ведая того, что помимо схваток с открытым противником – германским нацизмом – их подрядили на конфронтацию с потенциальным недругом», пока значившимся союзной державой, – с СССР. Это не сгущение красок, не перехлест, не полемика. Это констатация того непреложного факта, что 6 июня 1944 г. пробил час операции с двойным дном. Парадная ипостась звалась «Оверлордом». А параллельно в глубокой тайне от Москвы пестовался план «Рэнкин», призванный увенчать многолетнюю интригу, что плели Черчилль и администрация Рузвельта. С союзничеством она не имела ровным счетом ничего общего» [27, с. 31]. А. Падерин в своей статье привел следующую статистику: «за двухлетний период, с 1 мая 1942 г. по 31 мая 1944 г., только безвозвратные потери Советских Вооруженных сил (убитыми, пленными и пропавшими без вести) составили более 5,5 млн человек. Такой непомерно высокой для Красной армии оказалась цена затягивания союзниками процесса подготовки к проведению Нормандской десантной операции» [16, с. 63]. Подобные указанным выше выводы в отношении второго

фронта и высадки союзников в Нормандии свойственны и недавно опубликованным работам [11, 17].

Таким образом, мнения о Нормандской десантной операции и в целом о втором фронте в Европе в отечественной прессе периодически незначительно менялись. В исторической науке оценки практически всегда были неизменными, а значит, объективными: США и Великобритания критиковались за затягивание открытия второго фронта, за медленный темп, осторожность, и, соответственно, за небольшой вклад союзников в победу над нацистской Германией.

Источники и литература

1. 27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад Председателя ГКО на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1944 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. В 3 т. Т. 2. – М. 1946. – С. 38–52.

2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. – М., 2011.

3. *Воробьев В., Альтговзен М., Миняйло С., Проэктор Д., Шеховцов Н.* Рецензия на: «Вторая мировая война 1939–1945 гг. Военно-исторический очерк. Под общей редакцией генерал-лейтенанта Платонова С.П. М.: Воениздат, 1958» // Военно-исторический журнал. – 1959. – № 5. – С. 96–105.

4. Высадка Путина в Нормандии // Российская газета. – 05.06.2004. – URL: https://rg.ru/2004/06/05/normandia.html (дата обращения 13.08.2024).

5. *Галактионов М.* Вторжение в Европу началось // Правда. – 1944. – № 136. – С. 3.

6. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 3. – М., 1986.

7. *Зайцев И.* К вопросу об открытии второго фронта и его роли во Второй мировой войне // Военно-исторический журнал. – 1959. – № 6. – С. 52–65.

8. *Коротков Г., Орлов А.* О политике и стратегии США и Англии в Западной Европе в 1944 г. // Военно-исторический журнал. – 1974. – № 8. – С. 79–85.

9. *Краминов Д.Ф.* Правда о втором фронте. – М., 1958.

10. *Курасов В.* О характере и периодизации Второй мировой войны 1939–1945 годов // Военно-исторический журнал. – 1959. – № 1. – С. 23–40.

11. *Лавренов С.Я., Хмельников В.С.* Открытие второго фронта в Европе. К 75-летию со дня проведения Нормандской операции (6 июня – 30 августа

1944 г.) // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2019. – № 6 (353). – С. 72–87.

12. *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. – М., 2007.

13. *Минц И.И.* Великая Отечественная война Советского Союза. – М., 1947.

14. *Некрасов В.* Имперские устремления. Тупик, в который ведет «атлантическая солидарность» // Правда. – 1984. – № 159. – С. 4.

15. Новый театр войны против гитлеровской Германии // Комсомольская правда. – 1944. – № 134. – С. 3.

16. *Падерин А.А.* Проблема открытия второго фронта в Европе: взгляд спустя семь десятилетий // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 3(36). – С. 58–68.

17. *Печуров С.Л.* Операция «Оверлорд» и послевоенные реформы системы военного управления США // Военная мысль. – 2020. – № 10. – С. 144–156.

18. *Простакова Ю.С.* Формирование образа Запада как союзника в советской центральной и периодической печати в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2023. – № 1. – С. 109–120.

19. Речь товарища Н.С. Хрущева на девятой общегерманской рабочей конференции в городе Лейпциге 7 марта 1959 года // Правда. – 1959. – № 86. – С. 1.

20. *Ржешевский О.А.* Война и история. – М., 1976.

21. *Секистов В.* Правда и вымысел об открытии второго фронта в Европе // Военно-исторический журнал. – 1984. – № 5. – С. 74–82.

22. Советское военное искусство в Белорусской операции 1944 года // Военно-исторический журнал. – 1984. – № 6. – С. 10–18.

23. Сообщение штаба верховного командования экспедиционных сил союзников // Известия. – 1944. – № 134. – С. 4.

24. *Степанов В.* «И ничего больше»: Tertium non datur // Сеанс. – 10.06.2016. – URL: https://seance.ru/articles/i-nichego-bolshe-tertium-non-datur/ (дата обращения 13.08.2024).

25. Тов. Сталин о вторжении в Северную Францию // Правда. – 1944. – № 142. – С. 1.

26. *Усиков А., Шевченко В.* Нормандская десантная операция // Военно-исторический журнал. – 1984. – № 6. – С. 61–69.

27. *Фалин В.Н.* Второй фронт. К 60-летию высадки союзников в Нормандии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2005. – № 1. – С. 30–53.

28. *Johnston T.* Being Soviet: Identity, Rumor, and Everyday Life under Stalin, 1939–1953. – Oxford, 2011.

29. *Kucherenko O.* «Their Overdue Landing»: A View from the Eastern Front // D-Day in history and memory: the Normandy landings in international remembrance and commemoration. Denton, 2014. – P. 221–256.

30. Remarks by Reagan at a Ceremony Commemorating the 40th Anniversary of the Normandy Invasion D-day // New York Times. – 7 June 1984. – P. 13.

I.A. Suzdaltsev

LANDING IN NORMANDY: REACTION IN THE DOMESTIC PRESS AND SCIENCE

Annotation. The article analyzes a number of publications in Soviet/Russian newspapers, as well as scientific publications dedicated to the Anglo-American landing in Normandy in 1944. The author concludes that assessments of these events in the press were often associated with the nature of our country's relations with the West, in historical scholarship, they almost always remained unchanged: the USA and Great Britain were criticized for their insignificant contribution to the victory over Nazi Germany.

Key words: Operation Overlord, second front, Anti-Hitler coalition, World War II, Joseph Stalin.

УДК 908

А.А. Устинова

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ им. Н.Н. БУРДЕНКО В ЭВАКУАЦИИ В г. УЛЬЯНОВСКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПРОЛЕТАРСКИЙ ПУТЬ» / «УЛЬЯНОВСКАЯ ПРАВДА»)

Аннотация. На примере анализа публикаций о деятельности Воронежского государственного медицинского института им. Н.Н. Бурденко в г. Ульяновске в 1942–1944 гг. рассмотрены особенности изучения газетных публикаций как источника исторических сведений.

Ключевые слова: газетные публикации, ВГМИ, 1942–1944, Ульяновск, медицина.

В период Великой Отечественной войны Ульяновск стал тыловым городом, куда были переведены заводы, предприятия,

28. *Johnston T.* Being Soviet: Identity, Rumor, and Everyday Life under Stalin, 1939–1953. – Oxford, 2011.

29. *Kucherenko O.* «Their Overdue Landing»: A View from the Eastern Front // D-Day in history and memory: the Normandy landings in international remembrance and commemoration. Denton, 2014. – P. 221–256.

30. Remarks by Reagan at a Ceremony Commemorating the 40th Anniversary of the Normandy Invasion D-day // New York Times. – 7 June 1984. – P. 13.

I.A. Suzdaltsev

LANDING IN NORMANDY: REACTION IN THE DOMESTIC PRESS AND SCIENCE

Annotation. The article analyzes a number of publications in Soviet/Russian newspapers, as well as scientific publications dedicated to the Anglo-American landing in Normandy in 1944. The author concludes that assessments of these events in the press were often associated with the nature of our country's relations with the West, in historical scholarship, they almost always remained unchanged: the USA and Great Britain were criticized for their insignificant contribution to the victory over Nazi Germany.

Key words: Operation Overlord, second front, Anti-Hitler coalition, World War II, Joseph Stalin.

УДК 908

А.А. Устинова

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ им. Н.Н. БУРДЕНКО В ЭВАКУАЦИИ В г. УЛЬЯНОВСКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПРОЛЕТАРСКИЙ ПУТЬ» / «УЛЬЯНОВСКАЯ ПРАВДА»)

Аннотация. На примере анализа публикаций о деятельности Воронежского государственного медицинского института им. Н.Н. Бурденко в г. Ульяновске в 1942–1944 гг. рассмотрены особенности изучения газетных публикаций как источника исторических сведений.

Ключевые слова: газетные публикации, ВГМИ, 1942–1944, Ульяновск, медицина.

В период Великой Отечественной войны Ульяновск стал тыловым городом, куда были переведены заводы, предприятия,

организации из оккупированных и разрушенных территорий Советского Союза. В июле 1942 г. бюро Куйбышевского ОК ВКП(б) и облисполкомом было решено, что город примет сотрудников Воронежского государственного медицинского института им. Н.Н. Бурденко [39]. Приехав на новое место, люди должны были обустроить быт и наладить профессиональную деятельность – участвовать в общегородских мероприятиях и отзываться на общемировую повестку. Сотрудники ВГМИ постарались максимально использовать возможности ежедневного печатного органа – газеты. А так как периодическая печать на своих страницах объединяла все события в единое разнообразное полотно, то изучение выпусков газеты «Пролетарский путь» (впоследствии переименованной в «Ульяновскую правду») представляет культурологический интерес для исследователя-краеведа и дает полномасштабное представление о жизни коллектива. Многочисленные публикации, в которых упоминается мединститут, или напечатанные под авторством профессорско-преподавательского состава, студентов, можно условно разделить на несколько направлений.

Во-первых, на страницах газеты сотрудники знакомят читателей с «вновь прибывшим вузом», его историей, планами на будущее. Фиксируется бытовая хроника событий: как обустроились [6, с. 2], как готовятся к зиме [13, с. 2], в каких общественных мероприятиях участвуют [36, с. 2], сколько напилили дров [26, с. 2], собрали посылок на фронт [22, с. 2]; а также хронология образовательного процесса: работа приемной комиссии [1, с. 2], научные [7, с. 2] и экзаменационные сессии [19, с. 2], комплектация пособиями для обучения [10, с. 2], принятие педагогов в кандидаты партии [20, с. 2], награждение почетными орденами [23, с. 2]; определяются производственные задачи: работа в эвакогоспиталях [40, с. 2], особенности организации лечебного дела в городе [38, с. 2]; упоминаются научные конференции [15, с. 2; 24, с. 2], защита диссертаций [11, с. 2], работа тематических кружков [28, с. 2], публикуются некрологи [14, с. 2].

Во-вторых, газета стала площадкой для обсуждения: заявлена проблема, и далее повествуется, как эта проблема решена. Например, на страницы газеты вносится предложение увеличить время работы читального зала Дворца книги до 22 часов, чтобы студенты могли

дольше готовиться к занятиям [18, с. 2]. Далее мы находим этому подтверждение: «Городская хроника. Читальный зал «Дворца Книги» работает «с 10 часов утра до 10 час. вечера» [9, с. 2].

Преподаватели – практикующие врачи, имея опыт полноценных лечебных действий на высокопрофессиональном уровне знаменитого в СССР учреждения, легко подмечают недостатки работы в системе здравоохранения Ульяновска: неразвитость диспансерной работы, недостаток диагностических мероприятий, скудность профилактических мер [24, с. 2]. Что немаловажно, они не замалчивают проблему, а в своих публикациях призывают вышестоящие инстанции обратить внимание на недоработки, добиваются результата, в том числе публикациями: «аппарат рентгена закуплен, но не функционирует до сих пор, хотя больным очень необходим» [42, с. 2], «исследование крови на реакцию Вассермана не проводится» [47, с. 2], «необходимо открыть лабораторию патолого-гистологической диагностики, развивать медицинскую помощь в районах» [2, с. 2], «райздравотдел медленно перестраивается» [17, с. 2], в «вендиспансере выявлены недостатки в работе» [46, с. 2].

В статьях критикуется работа городских служб: «плохая организация городского собрания, посвященного военно-лыжной подготовке студентов» [37, с. 2], «студентов выделяют на очистку путей от снега, а они по три часа ждут инвентарь» [3, с. 2], «в аудиториях холодно, но студенты не могут ждать» [43, с. 2] – вот неполный список заявленных проблем.

Справедливости ради следует сказать, что воронежцы сначала стремились решить проблемы своими силами и только потом обращались в публичное поле. «В мединститут по его прибытии влились сталинградцы. Дирекцией и парторганизацией института была создана бытовая комиссия под руководством члена партбюро доцента Е.Г. Лепешинской для изучения бытовых нужд студентов и персонала. Были распределены по группам обязанности – кто-то из сотрудников отвечал за снабжение овощами, другие – одеждой» [34, с. 2].

В своих статьях воронежцы первыми поднимают ту или иную тему, а другие организации это тему продолжают, развивают. Например, в статье о витаминах «Один из вопросов детского питания» доцент Р.А. Патушинская упоминает в качестве источника

витамина С настой из шиповника [29, с. 2]. Двумя днями позже управляющий ульяновским отделением Главаптекоуправления Л.И. Слицкий рапортует: «Важнейшая из производственных единиц Ульяновского аптекоуправления – лаборатории галеновых препаратов – открыла на базе местного шиповника витаминный цех и освоила производство строгостерилизованного препарата с содержанием 0,4 процента аскорбиновой кислоты (витамин «С»). Лабораторией уже выпущено 1000 кг витамина «С», продукция эта идет в лечебные учреждения города и на нужды населения» и надеется на помощь кафедры фармакологии для увеличения ассортимента экспериментальной продукции [41, с. 3].

Сотрудников института интересуют не только тематические вопросы, на страницах газеты они пишут об общегородских проблемах: «...экспонаты музея сложены в одну кучу, могут быть утеряны из-за плохого хранения» [44, с. 2], «в Ульяновске не соблюдаются правила хранения мяса на скотобойнях» [45, с. 2].

В публикациях реализуется просветительская функция прессы. Например, профессор М.Ф. Лифшиц рассказывает жителям, как беречься от сыпного тифа [21, с. 2], доцент Р.А. Патушинская – чем кормить грудных детей в условиях ограниченных ресурсов [29, с. 2]; доцент О.А. Гашкова – как из имеющихся продуктов получать витамины [8, с. 2]. Доктор медицинских наук Д.А. Бирюков публикует медицинские тематические статьи – к 80-летию со дня выхода книги И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» [4, с. 2] и биографию физиолога И.П. Павлова [5, с. 2]; доцент И.Ф. Прусаков делится знаниями, как правильно закаливать детей и взрослых [31, с. 2]. Следует отметить, написанные простым и понятным языком статьи содержат массу ценной информации, они могут быть полезны даже современному читателю.

Газетные публикации специализированы: если есть тематическая направленность полосы, то и все публикации сформированы по этой тематике: по событийному ряду, или по тематике, в ответ на вызов: «С большим подъемом прошел митинг в Ульяновском медицинском институте, посвященный выпуску Второго Военного Займа» [27, с. 2], «что нужно сделать, чтобы развить лыжный спорт в Ульяновске» [30, с. 2], как лечить обморожения [33, с. 2]).

И, конечно, газета – это площадка для объявлений, из которых мы можем почерпнуть точную краеведческую информацию, например, адрес и правила подачи документов для поступления в вуз [25, с. 2], фамилии награжденных участников спортивного кросса [32, с. 2], а также то, что «кафедра фармакологии покупает для опытов речных лягушек» [12, с. 2].

Журналистика – особый жанр. И периодическая печать – «расходный материал истории», поэтому исследователь, занимающийся изучением событий времени на материале периодической печати, сталкивается, наряду с приобретениями, с рядом сложностей.

Не все номера сохранены в одном источнике, и источник не всегда доступен. Подшивки газеты «Ульяновская правда» в сканированных копиях есть на сайте Ульяновской УОНБ «Дворец книги», но там есть не все номера (в 1943 г. отсутствуют шесть номеров, за 1944 – три); и несмотря на то, что формально подшивки выложены в интернет, получить к ним доступ может только авторизованный пользователь. Частично подшивки есть в ГАУО, копии этих страниц платные. На качество печати накладывается качество сканирования. Это технические сложности.

Есть и смысловые. Передовицы того времени старались разносторонне освещать события от крупных общемировых к локальным, но тематическая составляющая сохранялась. Так, на одной странице газеты «собирается» тематическая информация – полоса к 8 марта о женщинах-патриотках из Воронежа [35, с. 2; 40, с. 2]; о том, что «прошел митинг научных работников, посвященный освобождению Воронежа» [35, с. 2], «выступление сталинской стипендиатки Бузун на митинге молодежи, посвященное 1 мая» [35, с. 2].

Не всегда подписаны авторы публикаций, и безымянные публикации, и публикации, подписанные инициалами без указания должности, «выпадают», становятся объектом внимания исследователя только в контекстуальном понимании: либо при упоминании знакомых исследователю фамилий, или подходящей темы, или по ключевому слову – «мединститут». И их идентификация в большинстве случаев условна. Кроме этого, люди, читающие тогда «Пролетарский путь», были в курсе событий и знали пофамильно своих корреспондентов. Так, увидев в тексте «Ив. Прусаков» [30, с. 2] читатели понимали, что это – участник событий

или автор публикации – Прусаков Иван Федорович – доцент, зав. кафедрой санитарной и физической подготовки мединститута. Для современного исследователя это не столь очевидно.

Кроме этого, в исследованиях важен контекст: в 1943 г. в Ульяновске работали два Ткачева. Мы находим статьи, в которых упомянут, или автором которых является Тихон Яковлевич Ткачев – профессор кафедры организации здравоохранения мединститута, депутат Верховного Совета СССР, а также в публикациях упоминается райвоенком, техник-интендант 1-го ранга Ткачев (г. Инза) [16, с. 2].

То есть для правильного понимания процессов недостаточно компьютерным поиском найти все публикации с тегами «мединститут» или «Воронеж». Каким бы ни был уровень технического оснащения, он до сих пор требует сплошного прочтения, внимательного изучения контекста и досконального погружения в тему, к чему должен быть готов любой исследователь, начинающий реконструировать события на основе, казалось бы, доступного и простого источника.

Источники и литература

1. *А.Г.* Новый вуз в Ульяновске // Пролетарский путь. – 1942. – 9 сентября.

2. *Алякритский В.В.* Содействовать медицинской помощи в городе и районах // Пролетарский путь. – 1942. – 14 октября.

3. Бесперебойно водить поезда в любую погоду // Пролетарский путь. – 1942. – 13 декабря.

4. *Бирюков Д.А.* «Рефлексы головного мозга» // Ульяновская правда. – 1943. – 17 сентября.

5. *Бирюков Д.А.* Биография и путь физиолога Павлова // Пролетарский путь. – 1942. – 5 октября.

6. *Бузун Е.* Коллектив сумеет преодолеть трудности // Пролетарский путь. – 1942. – 14 октября.

7. В суровых условиях войны воспитываются новые кадры молодых специалистов // Пролетарский путь. – 1942. – 14 октября.

8. *Гашкова О.А.* Обеспечим себя витаминами // Пролетарский путь. – 1942. – 11 октября.

9. Городская хроника // Пролетарский путь, 1943. – 15 января.

10. *Дежорж Л.* Перспективы дальнейшей работы // Пролетарский путь. – 1942. – 14 октября.

11. Дирекция. Объявление // Пролетарский путь. – 1942. – 21 октября.

12. Дирекция. Объявление // Ульяновская правда. – 1943. – 18 августа.

13. За боевую учебу в вузах и техникумах // Пролетарский путь. – 1942. – 23 сентября.

14. Иван Прокофьевич Тарадин // Пролетарский путь. – 1943. – 3 февраля.

15. Извещение // Пролетарский путь. – 1942. – 29 декабря.

16. Извещение // Ульяновская правда. – 1943. – 24 сентября.

17. *Иценко Н.М.* Кафедра нервных болезней // Пролетарский путь. – 1942. – 14 октября.

18. *Кянжев В.* Наша учеба в Ульяновске // Пролетарский путь. – 1942. – 18 октября.

19. *Кянжев В.* Экзаменационная сессия // Пролетарский путь. – 1942. 2 декабря.

20. *Левитан С.* Приняты в ряды партии // Пролетарский путь. – 1942. – 30 октября.

21. *Лифшиц М.* Сыпной тиф и борьба с ним // Пролетарский путь. – 1942. – 26 декабря.

22. *Малыгин В.* Трудящиеся Сталинского района – дорогим бойцам // Пролетарский путь. – 1942. – 13 октября.

23. Митинг в мединституте по поводу награждения орденами профессоров товарищей Русанова и Боброва // Ульяновская правда. – 1943. – 25 сентября.

24. *Нейц Е.* Первая областная конференция работников здравоохранения // Ульяновская правда. – 1943. – 27 февраля.

25. Объявление // Пролетарский путь. – 1942. – 15 августа.

26. *Очнева О.* Комсомольцы мединститута // Ульяновская правда. – 1943. – 2 июня.

27. *Очнева О.* Подписка закончена // Ульяновская правда. – 1943. – 6 июня.

28. Партийная хроника // Ульяновская правда. – 1943. – 22 июня.

29. *Патушинская Р.* Один из вопросов детского питания // Пролетарский путь. – 1942. – 18 ноября.

30. *Прусаков Ив.* Еще раз о физкультурной работе // Пролетарский путь. – 1942. – 29 сентября.

31. *Прусаков Ив.* Закаливание организма // Пролетарский путь. – 1942. – 21 октября.

32. *Прусаков Ив.* Кросс начался // Пролетарский путь. – 1943. – 16 февраля.

33. *Прусаков Ив.* Предупреждение отморожения // Пролетарский путь. – 1942. – 4 декабря.

34. *Прусаков Иван.* Бытовые нужды Мединститута // Пролетарский путь. – 1943. – 20 января.

35. *Прусаков Иван.* Женщины – патриотки // Ульяновская правда. – 1943. – 7 марта.

36. *Прусаков Иван.* Кросс начался // Пролетарский путь. – 1943. – 16 февраля.

37. *Прусаков Иван.* Неудачное собрание // Пролетарский путь. – 1942. – 12 декабря.

38. *Прусаков Иван.* Решением Правительства создана Ульяновская область… // Пролетарский путь. – 1943. – 13 февраля.

39. Решение бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) о размещении Воронежского медицинского института в г. Ульяновске Куйбышевской области. 30 июля 1942 г. //https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/208652 (дата обращения 06.08.2024).

40. *Скаковский Ю.* О тех, кто спасает здоровье и жизнь // Ульяновская правда. – 1943. – 7 марта.

41. *Слицкий Л.* Производство медикаментов из местного сырья // Пролетарский путь. – 1942. – 19 ноября.

42. *Слободской И.* Не препятствовать рентгенотерапии в Ульяновске // Пролетарский путь. – 1942. – 29 декабря.

43. Студенты // Пролетарский путь. – 1943. – 4 января.

44. *Ткачев Т.Я.* Музей необходимо восстановить // Пролетарский путь. – 1942. – 27 сентября.

45. *Ткачев Т.Я.* Сурово наказывать бракоделов // Ульяновская правда. – 1943. – 8 октября.

46. *Якубсон А.* Диспансер требует внимания // Пролетарский путь. – 1943. – 21 февраля.

47. *Якубсон. А.* Необходимые мероприятия // Пролетарский путь. – 1943. – 29 января.

A.A. Ustinova

VORONEZH STATE INSTITUTE NAMED AFTER N.N. BURDENKO IN EVACUATION IN ULYANOVSK (BASED ON MATERIALS OF THE NEWSPAPER "PROLETARSKY PUTH" / "ULYANOVSKAYA PRAVDA")

Annotation. Using the example of studying publications about the activities of the Voronezh State Medical Institute named after N.N. Burdenko in Ulyanovsk in 1942-1944, the features of studying newspaper publications as a source of historical information are studied.

Keywords: newspaper publications, VGMI, 1942-1944, Ulyanovsk, medicine.

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДРЕВНОСТИ И ДО КОНЦА XIX ВЕКА

УДК 94 (470.67)

М.-П.Б. Абдусаламов,
С.М. Багаутдинов

ПОХОД ВОЕВОДЫ ИВАНА ЧЕРЕМИСИНОВА НА ТАРКИ в 1560 г.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье на основе анализа опубликованных и архивных материалов и специальной исторической литературы рассматривается малоизученный в отечественной историографии поход воеводы Ивана Черемисинова в 1560 г. на Тарки. Выделяются причины похода 1560 г., его последствия для Тарковского шамхальства. По мнению авторов, поход воеводы Ивана Черемисинова не достиг своих целей и не повлиял политически на положение шамхальства, которое по-прежнему оставалось влиятельным государственным образованием в регионе.

Ключевые слова: Московское государство, царь Иван IV, воевода, поход, Иван Черемисинов, кумыки, шамхальство, Тарки.

В результате присоединения Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, а также принятия в подданство Кабарды (1557) происходит значительное расширение юго-восточных рубежей Российского государства, в результате которого его территории вплотную приблизились к Дагестану [5, с. 315–316]. С этого времени в целом кавказский регион непосредственно вошел в сферу внешнеполитических планов русских царей. Вектор геополитических интересов Московской Руси был направлен на юго-восток: Астрахань, Северный Кавказ, в частности Дагестан, и далее − закавказские страны и Иран. Московское правительство стремилось поставить под свой контроль территории, по которым проходил международный торговый путь из Западной Европы через Российское государство на Восток [4, с. 382].

Для овладения важными торговыми маршрутами русскому правительству нужно было надежно утвердиться на Кумыкской равнине [6, л. 1–3]. Значимость Кумыкской плоскости была следствием ее уникального стратегического и географического ландшафта. Надо учитывать, что через Кумыкию проходили главные пути в Азию из стран Европы. Контроль над шамхальством Тарковским обеспечивал Москве контроль над этими военно-стратегическими и торговыми центрами, а следовательно, открывал перспективу установления российского доминирования на Северо-Восточном Кавказе [2, с. 98].

Так, первым на пути наступательной политики царя Ивана IV после овладения в 1556 г. Астраханским ханством стало Тарковское шамхальство – государственное образование кумыков со столицей Тарки. Во второй половине XVI столетия шамхальство Тарковское вне сомнений было одним из наиболее крупных и влиятельных государственных образований Северо-Восточного Кавказа. Границы тянулись с севера на юг – от Черкесии и р. Терек вдоль Каспийского моря до владений Аварского ханства [1, с. 14].

По мере углубления международных противоречий вокруг Кавказа политическое значение Прикаспийского торгового пути неизменно возрастало. Поэтому Россия предпринимает активные шаги для установления контроля над северокавказскими торговыми маршрутами [1, с. 15]. С этим и связаны походы войск царских воевод на шамхальство во второй половине XVI столетия.

Следует отметить, что союзниками московского царя в экспансии в пределы шамхальства являлись кабардинские князья, враждовавшие с тарковскими правителями. В 1557 г. в Астрахань прибывают послы от кабардинского князя Темрюка Идарова, враждующего в это время с шамхалом и претендующего на западные владения Тарковского шамхальства [3, с. 5–6]. Князь Темрюк искал защиты и стремился заручиться поддержкой московского царя против своих недругов, в частности против «Шавкал» [11, с. 289]. Однако Темрюк был врагом не только тарковского шамхала, но и крымского хана. Последний в свою очередь периодически враждовал с царем и представлял реальную угрозу Москве, с которой приходилось считаться. В 1558 г. с просьбой о поддержке к московскому государю обратились сыновья Темрюка Булгерак и Салтанук [4, с. 383].

Будучи опытным политиком, в сложившейся обстановке Иван IV умело воспользовался этим конфликтом и решил оказать кабардинскому князю Темрюку военную помощь в борьбе против шамхала. Как выше указывалось, царь видел в кабардинских владетелях верных союзников в реализации своих стратегических замыслов на Кавказе.

Второй из причин конфликта московского царя с шамхалом Тарковским является союз кумыкского правителя с крымским ханом и турецким султаном – главными противниками Москвы в южном и юго-западном направлениях.

Третьей причиной конфликта, повлекшей за собой военную экспедицию против шамхала Тарковского, выступает то, что в шамхальстве скрывались сыновья свергнутого в Ногайской Орде бия – Юсуфа. Отпрыски свергнутого ногайского бия были врагами нового промосковского правителя ногайцев Большой Ногайской Орды, союзника Москвы – бия Исмаила, который жаловался царю на шамхала: «А Юсуфовым княжим детем пристанище Шавкалы учинилося. И как будет пригоже, и нам бы над ними промышляти» [9, с. 313, 316]. Таким образом, царь Иван IV военным походом решил продемонстрировать тарковскому шамхалу силу русского оружия, что не стоит ему конфликтовать с союзными Москве кабардинским князем Темрюком и ногайским бием Исмаилом, но и переориентироваться с проосманской внешней политики на промосковскую, так как с захватом Астрахани владения шамхала стали досягаемы для Российского государства.

Факт обращения кабардинского князя с просьбой о защите к русскому царю, а позже и кахетинского царя в 80-е гг. XVI в., жалобы ногайского правителя однозначно позиционируют шамхала Тарковского как сильного и влиятельного правителя кумыков.

Летом 1560 г. состоялся первый в истории военный поход морем против шамхала Тарковского под руководством астраханского воеводы Ивана Черемисинова в «шевкал… оборонять Черкассы» [12, с. 437]. Перед Иваном Черемисиновым царь поставил следующие задачи − разгромить Будай-шамхала I и захватить Тюменское владение [3, с. 6].

В русских летописях о походе воеводы Ивана Черемисинова 1560 г. на Тарки говорится следующее: «Отпустил царь и государь

и великий князь по челобитью Кабардинских князей и по неправдам Шевкаловым воеводу Ивана Семеновича Черемисинова с товарыщи на Шевкал и Тюмень и с Иваном отпустил попы крестьянские (т.е. христианские. – *М.-П.А., С.Б.*) по их обещанию и челобитью крестити (крестить. – *М.-П.А., С.Б.*) их Кабардинских Черкас» [7, с. 284]. «Того же лета посылал царь и великий князь из Астрахани в Крым-Шавкалсково князя воевати в судах Ивана Семенова сына Черемисинова с стрельцы и казаки и со Астораханскими людми. И они пришли на Шавкал к городу Тарком. И Шавкалской князь с царя и великого князя людми бился половину дня и побежал от них в горы, а город Тарки покинул. И Иван Черемисинов город выжег и полону Русскова и Шавкалского поимал много и отошел со всеми людми здорово» [7, с. 289].

Из летописи мы видим, что воевода И. Черемисинов со своим войском высадился у г. Тарки. Шамхал Тарковский Будай I после многочасового упорного сражения был вынужден оставить Тарки и отступить в горы. Резиденция шамхала – Тарки – была сожжена И. Черемисиновым, вернувшимся затем в Астрахань [3, с. 6].

К сожалению, источники дают нам скупые сведения об этом походе. Поэтому вопрос о целях и планах этого похода сложен. Однако существует альтернативное мнение, что «запланированный захват Тюмени и шамхальства Тарковского не состоялся, не прошел И. Черемисинов и в Кабарду», что «даже русские источники не определяют поход русских войск 1560 г. как победный», что «И. Черемисинов был отброшен шамхалом», поскольку «иначе трудно объяснить, почему русский воевода отказался от выполнения царского приказа: захвата Тюмени, шамхальства и продвижения на соединение с кабардинцами». В совместной статье с профессором А.С. Акбиевым «Соперничество кумыкских и кабардинских феодальных владетелей за гегемонию на Северо-Восточном Кавказе во 2-й половине XVI – 1-й половине XVIII века», мы писали, что есть все основания полагать, что поход И. Черемисинова не достиг намеченных целей. Правители шамхальства поняли, какая угроза их независимости движется с севера [3, с. 6]. Мы ниже попытаемся аргументировать нашу точку зрения.

Итак, в современной исторической литературе часто можно встретить сведения различных авторов об успешных действиях

русского воеводы против шамхала Тарковского, однако анализ источников позволяет нам проследить ход событий. И здесь мы убеждаемся в обратном.

Столица шамхальства Тарки расположена была на горе в 5–6 км от моря. Надо понимать, чтобы пройти такое расстояние не замеченным воеводе И. Черемисинову со своим войском было бы невозможно, так как опорные пункты города, имевшие оснащенную систему оповещения, известили бы об опасности, грозившей Таркам. Тем более что Тарки являлся крупным торгово-экономическим городом и портом, и не мог не быть хорошо охраняемым центром Восточного Кавказа. Мы считаем, что шамхал Тарковский Будай I (1552/3–1566 гг.), возглавивший оборону города Тарки, знал о высадке войск воеводы И. Черемисинова и ждал их со своей дружиной. Собрать крупные силы за короткое время шамхал не мог, так как не имел регулярного войска. Полагаем, что шамхал дал сражение на подступах к городу до прихода главных сил шамхальского ополчения. Войско Ивана Черемисинова состояло из стрельцов, вооруженных огнестрельным оружием и, возможно, легкими переносными пушками («нарядом»), казаков и «астораханских людей». Можно предположить, что благодаря огнестрельному оружию и стремительности действий опытному воеводе удалось отбросить воинов шамхала, не имевших огнестрельное оружие и захватить город Тарки. Однако Иван Черемисинов во избежание крупных потерь и окружения в случае подхода основного войска шамхала, нанеся небольшой урон шамхальской столице, решил своевременно отступить[1]. Естественно, что от похода воеводы Ивана Черемисинова не стоило ожидать большего. Сил у воеводы было недостаточно для решения поставленных царем задач. Думается, что здесь имеет место и недооценка военного потенциала тарковского шамхала, о чем источники умалчивают. Видимо, это и побудило

[1] Позднее, во время Московско-Тарковской войны (1588–1604 гг.), терский воевода А. Хворостинин, захвативший и пытавшийся удержать Тарки в 1594 г., был вынужден бежать на Терек. Печальная участь постигла царских воевод Бутурлина, Плещеева, Полева и других в 1605 г. Захватив Тарки, они не сумели его удержать и были практически уничтожены шамхальской коалицией.

царского воеводу быстро покинуть Тарки и уйти в Астрахань. К тому же, можно с оговоркой отметить, что в условиях господства крымских татар в степях Предкавказья, московскому царю было бы нелегко утвердиться на Восточном Кавказе.

Из вышесказанного очевидно, что в итоге экспедиция воеводы Ивана Черемисинова в 1560 г. вылилась лишь в набег, грабительский рейд и не была спланирована по принципам классического похода. Мы считаем, что поход этот не был ущербным для шамхала Тарковского и политически не повлиял на него. «Тюмень и Шевкалы», как и прежде, фигурируют в источниках в числе недругов Ивана IV [10, с. 163]. Интересно, что в источниках не говорится о реакции крымского хана и турецкого султана на поход воеводы против Тарков. Она последовала только в 1567 г. во время возведения крепости русскими войсками на Тереке [8, с. 119]. Не вызывает сомнений, что если поход воеводы Ивана Черемисинова был бы масштабным и успешным, это непосредственно вовлекло бы в конфликт Османскую империю, которая, кстати, в этот период на Кавказе занимала доминирующее положение, тесня Сефевидов и захватывая их территории. Иными словами, османы в этот период находились на пике своего военного могущества, а шамхал Тарковский, как свидетельствуют источники, явно придерживался проосманской ориентации.

Таким образом, на основе вышеизложенного материала мы видим, что поход царского воеводы Ивана Черемисинова на шамхальство в 1560 г. был инициирован рядом причин, в числе которых и просьба кабардинского князя Темрюка об оказании военной помощи против соперника – Тарковского шамхала. Поддерживая своих сторонников в Кабарде, радея якобы об их интересах, царь Иван IV пользуется этим, чтобы укрепиться на нижнем Тереке, где и основывает в этот период форпост дальнейшего продвижения на Кавказ. Царь Иван IV стремился установить свой контроль на территориях, по которым пролегал международный торговый путь из европейского континента через Московское государство по Волге, Каспийскому морю через шамхальство Тарковское в Закавказье и Иран. Очевидно, что, не подчинив территорию шамхальства, невозможно было установить контроль над Прикаспийской торговой магистралью.

Этим можно, прежде всего, объяснить поход воеводы Ивана Черемисинова в 1560 г. на шамхальство, не достигший своих целей.

Источники и литература

1. *Абдусаламов М.-П.Б.* Шамхальство Тарковское в политике России на Кавказе в конце XVI – первой половине XVII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 3 (59). – Т. 1. – С. 14–20.

2. *Абдусаламов М.-П.Б.* Шамхальство Тарковское в русско-иранских и русско-турецких отношениях во второй половине XVI в. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. – 2015. – № 5. – С. 97–106.

3. *Акбиев А.С., Абдусаламов М.-П.Б.* Соперничество кумыкских и кабардинских феодальных владетелей за гегемонию на Северо-Восточном Кавказе во 2-й половине XVI – 1-й половине XVIII века // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 5. – С. 5–14.

4. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века / отв. ред. А.И. Османов. – М., 2004.

5. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. акад. Б.Б. Пиотровский. Т. 1. – М., 1988.

6. Политика шамхала в борьбе с Москвой за независимость // Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА ИИАЭ ДФИЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 54.

7. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXIX. – М., 1965.

8. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. – М., 2016.

9. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – Казань, 2006.

10. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1561–1566 гг.). – Казань, 2018.

11. Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. По 1598 год / изд. А. Шлецер, С. Башилов и А. Поленов. – СПб., 1791.

12. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Книга пятая, или по сочинителю часть четвертая древней летописи русской. – М., 1843.

M.-P.B. Abdusalamov,
S.M. Bagautdinov

VOIVODA IVAN CHEREMISINOV'S CAMPAIGN TO TARKI IN 1560: REASONS AND CONSEQUENCES

Annotation. The article, based on an analysis of published archival materials and special historical literature, examines the campaign of governor Ivan Cheremisinov in 1560 against Tarki, little studied in Russian historiography. The reasons for the campaign of 1560 and its consequences for the Tarkov Shamkhalate are highlighted. According to the authors, the campaign of governor Ivan Cheremisinov to Shamkhalate did not achieve its goals and did not politically influence the position of Shamkhalate, which still remained an influential state entity in the region.

Keywords: Muscovite state, Tsar Ivan IV, voivode, campaign, Ivan Cheremisinov, Kumyks, Shamkhalate, Tarki.

УДК 947.04

А.Г. Бахтин

ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XIV–XVII вв.

Аннотация. Внешняя политика Русского государства в XIV–XVII вв. имела преемственность с событиями всей предшествующей истории. Восточным славянам приходилось постоянно защищаться от очередного вторжения кочевников из бескрайних степей Азии. Это была долгая и тяжелая борьба, не всегда успешная изначально, но неизбежно заканчивающаяся победой славян. О противостояниях в древности мы знаем мало, однако больше известий о борьбе с монголо-татарами и противоборстве с Золотой Ордой и татарскими ханствами. Россия, защищаясь, смогла мобилизоваться лучше своих противников и вышла победителем в соперничестве на востоке Европы. Она оборонялась и успешно наступала. Это открыло ей простор для освоения богатой Сибири.

Ключевые слова: восточная политика, кочевники, Россия, Волжская Булгария, Золотая Орда, татарские ханства, оборона, экспансия.

M.-P.B. Abdusalamov,
S.M. Bagautdinov

VOIVODA IVAN CHEREMISINOV'S CAMPAIGN TO TARKI IN 1560: REASONS AND CONSEQUENCES

Annotation. The article, based on an analysis of published archival materials and special historical literature, examines the campaign of governor Ivan Cheremisinov in 1560 against Tarki, little studied in Russian historiography. The reasons for the campaign of 1560 and its consequences for the Tarkov Shamkhalate are highlighted. According to the authors, the campaign of governor Ivan Cheremisinov to Shamkhalate did not achieve its goals and did not politically influence the position of Shamkhalate, which still remained an influential state entity in the region.

Keywords: Muscovite state, Tsar Ivan IV, voivode, campaign, Ivan Cheremisinov, Kumyks, Shamkhalate, Tarki.

УДК 947.04

А.Г. Бахтин

ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XIV–XVII вв.

Аннотация. Внешняя политика Русского государства в XIV–XVII вв. имела преемственность с событиями всей предшествующей истории. Восточным славянам приходилось постоянно защищаться от очередного вторжения кочевников из бескрайних степей Азии. Это была долгая и тяжелая борьба, не всегда успешная изначально, но неизбежно заканчивающаяся победой славян. О противостояниях в древности мы знаем мало, однако больше известий о борьбе с монголо-татарами и противоборстве с Золотой Ордой и татарскими ханствами. Россия, защищаясь, смогла мобилизоваться лучше своих противников и вышла победителем в соперничестве на востоке Европы. Она оборонялась и успешно наступала. Это открыло ей простор для освоения богатой Сибири.

Ключевые слова: восточная политика, кочевники, Россия, Волжская Булгария, Золотая Орда, татарские ханства, оборона, экспансия.

Восточная политика Русского государства в XIV–XVII вв. была продолжением взаимоотношений русских княжеств в отношении соседей на востоке в предшествующий период. Политическая ситуация на востоке Европы в основе своей систематически воспроизводилась. О далеком бесписьменном периоде отечественной истории нам почти ничего не известно. Лишь вещественные артефакты, извлеченные археологами из земли, и «глухие» рассказы мифов, былин, преданий и сказаний сообщают о полной драматизма истории взаимоотношений славян и соседей, преимущественно тюркских и иранских кочевых племен. Фрагментарно сведения о древнейшем прошлом славян сохранились в русских и иностранных письменных источниках. Из них следует, что кочевники волна за волной накатывались на славян. Восточные славяне вели с ними жестокие оборонительные войны, порой побеждали и отражали вражеское нашествие, бывало проигрывали и подчинялись, платили дань завоевателям и выполняли повинности. Обязательства часто были тяжелыми и унизительными. Такой рассказ имеется в «Повести временных лет»: «В то же время были и обры[1], ходившие на царя Ираклия[2] и едва его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и покорили дулебов – также славян, и чинили насилья женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но повелевал впрячь в телегу три, четыре или пять жен и везти его – обрина. И так мучили дулебов. Были же обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, и вымерли все, и не осталось ни единого обрина. И есть поговорка на Руси до сего времени: “Погибли как обры”, – нет их ни племени, ни потомства. Вслед за обрами пришли печенеги, а затем шли черные угры[3] мимо Киева, уже после – при Олеге» [8, с. 43].

На смену одной волне кочевников приходила другая. Как правило, новые враги были более опасными, сильными и многочисленными, чем предшественники. Монголо-татарское нашествие 1237–

[1] Обры – кочевники, пришедшие в Восточную и Центральную Европу в VI в. и создавшие Аварский каганат, просуществовавший до IX века.

[2] Ираклий – византийский император в 610–641 гг.

[3] Черные угры – венгры.

1241 гг. стало одним из многих в череде вторжений. Благодаря появлению массы письменных источников, мы больше знаем о нем и его последствиях. Русские земли вынуждены были подчиниться непреодолимой силе.

Последним нашествием с востока стало вторжение калмыков в конце XVI – начале XVII в. В России в это время происходила «смута», однако пока калмыки разбирались с ногайцами, она была преодолена, страна окрепла и тотального противостояния между русскими и калмыками не произошло. Кочевники сами вынуждены были искать покровительство у русских царей.

Таким образом, если славяне и русские терпели неудачу в сражении, то выигрывали войну, если терпели поражение в войне, то оказывались победителями в противостоянии, конфликт в конечном итоге завершался их победой.

К началу XIII в. русские княжества оказались победителями в противоборстве с Волжской Булгарией за доминирование в Среднем Поволжье. Успешная борьба с половцами привела к снижению их активности, несмотря на феодальную раздробленность, наметился перевес в пользу русских княжеств. На Севере новгородские ушкуйники постепенно прибирали к рукам одну область за другой и двигались в направлении Урала. Значительных столкновений там не происходило. В начале XIV в. русские земли были еще разрозненными, раздирались междоусобицами и находились под властью Золотой Орды. Но неуклонно шел процесс укрепления и объединения Руси. В результате политики князя Ивана Калиты (1325–1341) выделилось Московское княжество, ставшее центром собирания русских земель.

Когда во второй половине XIV в. в Золотой Орде наступила «великая замятня», Московское княжество еще более усилилось, стало доминировать на Руси и начало проводить наступательную политику в Среднем Поволжье в отношении традиционного соперника – Волжской Булгарии, отказалось от уплаты дани и попыталось сбросить ордынское иго (Куликовская битва 1380 г.). Однако временная стабилизация в Орде при хане Тохтамыше и взятие татарами в 1382 г. Москвы помешали этому.

В первой половине XV в. происходил процесс медленного освобождения русских земель из-под власти Орды. Стояние на

Угре в 1480 г. ознаменовало освобождение Русского государства от ордынской зависимости. Давать дань в Орду прекратили еще в 1472 г., что и является фактически освобождением страны от иностранной зависимости. Этому способствовал окончательный распад Золотой Орды на несколько враждующих государств: Большую и Ногайскую орды, Казахское, Крымское, Астраханское, Казанское и Сибирское ханства.

Граничившие с Россией татарские ханства и орды, хотя и являлись беспокойными соседями, все-таки по отдельности смертельной опасности для России не представляли. Однако русским было еще памятно ордынское иго, существовал даже своеобразный ордынский синдром, влиявший на политику страны и массовое сознание. Русские серьезно опасались возможности объединения разрозненных татарских орд и ханств в единое государство, для них это была очевидная угроза. Попытки реанимации Золотой Орды неоднократно предпринимались многими татарскими правителями. Лишь после длительной междоусобной борьбы стало очевидно, что воссоздание некогда могучего государства на прежней основе невозможно, слишком сильны были внутренние противоречия среди его наследников. В то же время на постордынском пространстве заметно возросло влияние России, противостоять которому в полной мере наследники Золотой Орды уже не могли. Оставалось или признать русский протекторат или добиваться покровительства сильнейшего евроазиатского мусульманского государства – Турции и ее вассала Крымского ханства. Часть татарской знати выступала за союз с Россией, основная масса колебалась, многочисленная группа феодалов, связанная с работорговлей, настойчиво пыталась «за турскаго заложитися» [1, с. 78].

В XV – начале XVI в. Османская империя превратилась в одну из сильнейших держав мира, и русское правительство, располагавшее отлично налаженной разведкой, с тревогой узнавало о внешнеполитических планах столь могущественного и опасного южного соседа. Пока Турцию устраивал сложившийся в регионе баланс сил, для усиления своего влияния она использовала вассальное Крымское ханство и оказывала поддержку враждебным России силам в Поволжье. Сама в противоборство не вмешивалась. Но это продолжалось до тех пор, пока не обозначился перевес

России в борьбе с татарскими ханствами. Известно, что в XVI в. турки проводили большую агентурную и дипломатическую работу среди мусульманских народов Восточной Европы с целью создания антирусской коалиции, подталкивали своих вассалов – крымских татар – к нападению на Россию, настойчиво пытались распространить турецкое влияние на Поволжье. Источники отмечают присутствие турецких янычар, пушкарей и советников в составе войск крымских ханов при вторжении их в русские земли [3, с. 81, 100–113, 137–139, 189; 4. с. 12, 26, 40–41, 135–136; 9, с. 64]. Однако следует учесть, что эти турки находились в личной охране ханов. Особенно усилилась активность Крыма и Турции после прихода к власти в Казани в 1521 г. крымской династии Гиреев. Уже в 1524 г. была предпринята попытка объявить турецкий протекторат над Казанским ханством. Такое заявление сделал турецкий купец, принявший ислам грек Искандер Сака. Главным его делом была торговля, но по совместительству он выполнял роль султанского посланника. Невысокий статус дипломата сам по себе показывает, что интересы Стамбула в Поволжье не находились в приоритете. Заявление турецкого дипломата было парировано. Хотя в дальнейшем Турция больше не настаивала на своем требовании, обеспокоенное российское руководство стало внимательно следить за крымско-турецкой политикой в Поволжье.

Если до 1521 г. военные столкновения Москвы и Казани не были частыми, то потом они уже практически не прекращались. В годы малолетства великого князя Ивана IV бояре были больше заняты враждой друг с другом, чем обороной страны, поэтому Россия не могла отвечать адекватно на вторжения неприятеля. После 1530 г. 15 лет не предпринималось ответных походов на Казань. Чувствуя свою безнаказанность, возглавляемые крымцами казанские отряды, не встречая должного отпора, почти беспрепятственно разоряли русские деревни, села и города, достигали даже таких отдаленных мест как Пермь, Устюг, р. Сухона, Галич, Вологда, Муром, Владимир, проникали на окраины Московской области. Основной целью этих вторжений было ограбление России и захват многочисленных пленных, которых толпами продавали на восточных невольничьих рынках. Русские рабы ценились весьма дорого [10, с. 30–32], что стимулировало новые разбойничьи набеги на Россию. На

болезненность этих вторжений указывает то, что на переговорах между Москвой и Казанью вопрос об освобождении русских пленных всегда был одним из основных [3, с. 167–169, 171–172, 468–472]. Русские вынуждены были постоянно находиться в готовности к отражению очередного вражеского нашествия. В октябре 1551 г. Иван IV писал ногайскому мурзе Исмаилу: «И в наши лета против недругов все годы береженье бывает. Сами на коне сидим, а люди наши всегды при нас готовы» [5, с. 298]. Ситуация при которой страна постоянно вынуждена находиться в напряжении не может считаться нормальной, это мешает жизни населения, тормозит экономическое развитие, и этому необходимо было положить конец.

Примечательно, что цели походов татар и русских были принципиально различными. Если татары отправлялись в набеги исключительно ради грабежа, то русские предпринимали свои походы с целью достижения каких-либо политических результатов (заключение мира, установление вассалитета и т.п.), а грабежом занимались лишь попутно. Попытки некоторых историков поставить знак равенства между русскими и татарскими походами и тем самым уравнять ответственность сторон [6, с. 159] не могут быть признаны состоятельными. Иногда предлагается производить простой подсчет русских и казанских походов без рассмотрения их характера и целей, чтобы показать, что русские нападали чаще и, значит, они не менее, а может и более виновны в противостоянии [11, с. 6].

В середине XVI в. успехи русских в борьбе с Казанским ханством стали настолько очевидными, что вызвали серьезную обеспокоенность у мусульманских правителей, турецкий султан и крымский хан предприняли активные меры по противодействию русским. В 1549–1552 гг. крымско-турецкие посольства во главе с Ахмедом Чаушем, Хозяшем и Тагызекшем четыре раза посетили Астрахань и Ногайскую Орду, пытаясь сколотить антирусский союз мусульманских государств. По замыслу султана и крымского хана Османская империя должна была выступить в качестве координатора, а также оказывать помощь, основную же тяжесть борьбы следовало взять на себя Ногайской Орде и Крымскому ханству. К союзу уже присоединилось Астраханское ханство,

готов был примкнуть ногайский князь Юсуф, и Казанское ханство. Лишь промосковская позиция нескольких влиятельных ногайских мурз, особенно Исмаила, крымско-ногайские противоречия, а также дипломатические и военные усилия России не позволили реализоваться планам турецкого султана и крымского хана. Без многочисленного ногайского войска союз был бессмысленным. Астраханское ханство располагало весьма скромным воинским потенциалом и могло выставить только несколько сотен воинов, Казанское ханство к тому времени рухнуло под ударами русских войск, а одному Крыму было не под силу тягаться с таким мощным государством как Россия.

Неудача по созданию антирусского союза не остановила Крым и Турцию, такие попытки предпринимались неоднократно в 50–70-х гг. XVI в. Разрозненные вторжения неприятеля русские еще могли отражать, но в случае образования антирусской мусульманской коалиции неизбежно возникала серьезная угроза самому существованию Российского государства. Апофеозом стал турецко-крымский поход к Астрахани в 1569 г., имевший целью переподчинить султану Нижнее Поволжье, а в перспективе и Среднее. Предприятие провалилось. Опасными для существования государства стали походы крымского хана к Москве в 1571 и 1572 гг. Тогда остро встал вопрос о свободе и независимости страны. Победа в битве при Молодях решила его в пользу России. Пятидневная битва 29 июля – 2 августа 1572 г. стала не засчитанным ратным полем России после Куликовской битвы, но перед Полтавой, Бородино и Прохоровкой. Во всех этих сражениях решался вопрос быть России или не быть.

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что центральной задачей восточной политики России на протяжении всего XVI в. оставался вопрос о государственной безопасности. Усилия русского правительства решить проблему безопасности дипломатическим путем, через установление вассальной зависимости сопредельных территорий желаемого результата не дали. Исходя из своих стратегических задач, Россия вынуждена была осуществить присоединение Поволжья и Приуралья, опираясь на военную силу. Оборонительный характер этого акта очень точно выражен в словах Ивана Грозного крымскому гонцу Мустафе,

сказанных им 30 января 1574 г. На настойчивые требования отдать Казань и Астрахань хану царь отвечал, что против России «ныне одна сабля – Крым», а если отдадим хану завоеванное нами, «тогды другая сабля будет Казанская земля, третья сабля астороханская, четвертая нагаи, а толко Литва не помиритца, ино пятая сабля будет» [7, л. 180]. Это еще без учета внутриполитических проблем – внутренней войны, то есть опричного террора и черемисских войн 1552–1592 гг.

Особенность российской истории заключается в том, что необычайный рост территории России на востоке – следствие оборонительных войн. Россия отражала внешнюю агрессию многочисленных противников, и сама переходила в наступление, т.к. только наступательные действия способны привести к победе. Полный разгром противника мог обеспечить длительный мир. Побеждая врага, Россия занимала его территорию и устраняла существующую угрозу, границы отодвигались к востоку. Расширение (экспансия) шло одновременно с борьбой по отражению внешней агрессии, которая иногда не выходила за рамки инцидентов на границах, а порой угрожала самому существованию российской государственности (татарские вторжения 1521, 1541, 1571, 1572, 1591, 1592 гг.). Даже в XVII–XVIII вв., когда Россия стала мощной империей, ее границы подвергались постоянным вторжениям иноземцев, преимущественно крымских татар.

К концу XVI в. серьезных противников на востоке у России уже не было. Единственной организованной силой оставалось Сибирское ханство, самое слабое среди наследников Золотой Орды. Но даже не обладая существенным военным потенциалом, хан Кучум проводил активную наступательную политику в отношении владений Строгановых в Приуралье. Чтобы нанести смертельный удар этому государству, даже не понадобилось привлечение правительственных сил, только частная инициатива, снаряженная в 1582 г. купцами экспедиция казачьего атамана Ермака в количестве всего 840 чел. Атаман и большая часть его людей погибли, но от нанесенного удара ханство оправиться уже не смогло. Последующие походы стрельцов и казаков к 1598 г. завершили покорение ханства. После победы над Кучумом русские вышли на бескрайние сибирские просторы с богатыми природными ресурсами и малочисленным населением,

что обеспечило быстрое продвижение землепроходцев, «сибирская украина» стала сдвигаться на восток. Скоро достигли Тихого океана, а в XVIII в. началось освоение Аляски в Северной Америке. В это время главную роль играли не крестьяне-земледельцы, а служилые люди – казаки.

В отношении внешней политики России второй половины XVI в. можно определенно сказать следующее. Основным ее направлением являлось западное, где русское правительство преследовало цель – закрепиться в Прибалтике. В то же время на юге и востоке Россия вела оборонительные войны. Неудача на основном внешнеполитическом направлении – поражение в Ливонской войне, и впечатляющий успех на второстепенном – завоевание Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, объясняется несоразмерностью противодействия, с которым столкнулась Россия. Если на западе русским пришлось воевать с мощным союзом Литвы, Польши, Ливонии и Швеции, к которому подключались Дания, Крым и Турция, то на востоке России противостояли относительно слабые государственные системы, раздираемые внутренними противоречиями, так и не сумевшие, несмотря на общность религии и близость интересов, объединиться в сильную антирусскую коалицию. Татарские ханства погубило отсутствие единства и преобладание узких меркантильных интересов у феодальной верхушки над государственными. Власть у ханов не была абсолютной, они не имели возможности обуздать амбиции знати. Это разъяснял послу Афанасию Нагому в Крыму 6 июня 1564 г. татарский князь Сулешев: «Здесе царство не ваше: у вашего государя люди все в его воле, а в нашем де царстве люди самоволны, царя не все слушают» [6, л. 205 об.]. В России укрепляющаяся самодержавная власть смогла сосредоточить в одних руках все материальные и людские ресурсы и успешно решать внешнеполитические задачи.

Успехи России на востоке в немалой степени объясняются также переходом на ее сторону чуваш, горных марийцев, мордвы, башкир и части татар и ногайцев и тем, что борьба с татарскими ханствами отвечала интересам русского народа, стремившегося навсегда покончить с грабительскими вторжениями иноплеменников.

Источники и литература

1. Казанская история. – М.; Л., 1954.

2. *Кульпин Э.С.* Золотая Орда (Проблемы генезиса Российского государства). – М., 1998.

3. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. – М., 1965.

4. Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. – М., 1965.

5. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. 8. – СПб., 1793.

6. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 123. Крымские дела. Кн. № 11.

7. РГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Кн. № 14.

8. Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). – Арзамас, 1993.

9. Сказания князя Курбского. Ч. 1. – СПб., 1833.

10. *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. – М., 1980.

11. *Шаймиев М.* В истории народа – его настоящее и будущее! // Родина. – 1997. – № 3–4. – С. 6.

A.G. Bakhtin

THE EASTERN DIRECTION OF THE FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN THE XIV-XVII CENTURIES

Annotation. The foreign policy of the Russian state in the XIV-XVII centuries had continuity with the events of all previous history. The Eastern Slavs had to constantly defend themselves against another invasion of nomads from the boundless steppes of Asia. It was a long and hard struggle, not always successful initially, but inevitably ending in victory. We know little about the confrontations in ancient times, but there is more news about the struggle against the Mongol-Tatars and the confrontation with the Golden Horde and the Tatar khanates. Russia, defending itself, was able to mobilize better than its opponents and emerged victorious in the rivalry in eastern Europe. She defended herself and attacked. This opened up space for her to explore Godthat Siberia.

Keywords: eastern politics, nomads, Volga Bulgaria, Golden Horde, Tatar khanates, defense, expansion.

УДК 94(47).072/.081

Р.Э. Герман

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОССИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ НАРЕЗНОГО ОРУЖИЯ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. Данная научная статья посвящена одному из аспектов военной истории России XIX в. – применению нарезного огнестрельного оружия российской армией в ходе длительного вооруженного конфликта на Кавказе, известного как Кавказская война (1817–1864). В статье анализируется процесс внедрения нарезных ружей, штуцеров и винтовок на вооружение различных подразделений Отдельного Кавказского корпуса. Прослеживается эволюция моделей нарезного оружия российского и иностранного производства, применявшихся на разных этапах войны. Автор на конкретных примерах сражений и боевых столкновений показывает, как наличие нарезного оружия влияло на тактику действий русских войск против горцев. Отмечается повышение эффективности стрелкового огня, увеличение дальности, меткости и убойной силы. Это позволяло эффективнее обстреливать неприятеля на дистанции, вести контрснайперскую борьбу, отражать атаки горской конницы. В заключение автор приходит к выводу, что более активное использование российской армией нарезного оружия на завершающем этапе войны стало одним из факторов, обеспечивших ее победный исход. Данное исследование вносит вклад в изучение военно-технических аспектов Кавказской войны и представляет интерес для специалистов по военной истории России XIX столетия.

Ключевые слова: Кавказская война, российские войска, нарезное оружие, штуцер, А.И. Барятинский, винтовка.

Кавказская война (1817–1864) была одним из самых длительных и кровопролитных конфликтов XIX в. в истории Российской империи. Среди факторов, оказавших значительное влияние на ход боевых действий, важную роль сыграло внедрение нарезного оружия, получившего широкое распространение в этот период. Цель данной статьи – проанализировать особенности применения нарезного оружия войсками Российской империии, оценить его влияние на тактику и стратегию Кавказской войны.

Нарезное оружие впервые появилось в Европе в конце XV – начале XVI в., но долгое время не получало широкого распространения

из-за сложности изготовления, низкой скорострельности и высокой стоимости [16, с. 25]. Ситуация начала меняться в 1830-х гг. с развитием технологий массового производства и появлением новых систем зарядки.

Главным преимуществом нарезного оружия перед гладкоствольным была намного более высокая точность и дальность стрельбы. Если эффективная дальность гладкоствольных ружей не превышала 200–300 шагов, то нарезные штуцеры могли поражать цели на дистанциях до 1000 шагов и более [5, с. 56]. Это давало стрелкам возможность вести огонь с закрытых позиций, оставаясь недосягаемыми для ответного огня противника.

Первые нарезные ружья появились на вооружении отдельных подразделений русской армии на Кавказе еще в конце 1820-х гг., однако массовое перевооружение началось лишь в 1840-х гг. В 1828 г. на вооружение были приняты 7-линейные (калибр 17,78 мм) нарезные штуцеры, отличавшиеся высокой точностью стрельбы [15, с. 54]. Дальность эффективного огня из штуцеров достигала 300 шагов (около 210 м) [4, с. 22]. В 1843 г. на Кавказ было доставлено 5000 нарезных штуцеров, а в 1845 г. – еще 8000 [11, с. 112]. С 1845 г. штуцеры получили ударно-капсюльные замки, что повысило их надежность и практическую скорострельность [9, с. 107].

Переход к нарезному оружию не был быстрым и безболезненным. Военное руководство и многие офицеры первоначально скептически относились к новым образцам вооружения из-за их более сложного обслуживания, меньшей скорострельности, проблем со снабжением боеприпасами [2, с. 67]. Однако очевидные преимущества нового оружия вскоре стали неоспоримыми.

Нарезные штуцера сыграли большую роль в ключевых сражениях Кавказской войны 1840-х гг. В Даргинской экспедиции 1845 г. меткий огонь русских стрелков нанес горцам серьезные потери и не позволил им сблизиться для рукопашной схватки [6, с. 201]. Аналогичная ситуация произошла во время похода Воронцова в Дарго в 1846 г., когда колонны русских войск, вооруженные штуцерами, успешно отразили многочисленные нападения противника [10, с. 145].

Особое значение нарезное оружие приобрело в так называемой «малой войне» – действиях небольших отрядов и разъездов против

отдельных групп горцев. Высокая маневренность и дальнобойность штуцеров позволяла перехватывать инициативу и успешно противостоять внезапным нападениям [13, с. 88]. Не случайно именно в период 40-х гг. XIX в. в русских войсках на Кавказе появились специальные подразделения стрелков и пластунов, вооруженных преимущественно нарезным оружием.

Князь Александр Иванович Барятинский (1815–1879) сыграл значительную роль в ходе Кавказской войны (1817–1864), будучи генерал-фельдмаршалом, главнокомандующим Кавказской армией и наместником Кавказа в 1856–1862 гг. [17]. Одним из важных аспектов его деятельности стало повышение боеспособности российских войск за счет перевооружения их более совершенным нарезным оружием.

В середине XIX в. гладкоствольные ружья, бывшие до этого основным стрелковым оружием, начали уступать по своим характеристикам нарезным винтовкам и штуцерам, обладавшим большей точностью, кучностью боя и дальностью стрельбы [14]. Горцы, против которых сражались русские войска на Кавказе, традиционно были вооружены высококачественным длинноствольным оружием и прекрасно владели навыками меткой стрельбы [12]. Это давало им серьезное преимущество в дальнем бою и при обороне укреплений.

Барятинский, став главнокомандующим в 1856 г., провел анализ причин неудачных действий русских войск и пришел к выводу о необходимости скорейшего перевооружения армии нарезным оружием, особенно стрелковых и казачьих частей [7]. В 1856 г. на вооружение русской армии поступили 6-линейные (15,24 мм) винтовки образца 1856 г., имевшие ударно-капсюльный замок и прицельную дальность стрельбы до 1200 шагов (около 850 м) [15, с. 60]. Эти винтовки показали высокую эффективность в боях с горцами на Кавказе в 1850–1860-х гг. С 1856 по 1860 г. в Кавказскую армию было поставлено более 25 тыс. нарезных винтовок, сначала импортных, а затем и отечественного производства (винтовки Гартунга и Крнка) [3]. Кроме того, по инициативе Барятинского была начата раздача нарезного оружия лояльным России горцам [1].

Эти меры значительно усилили огневую мощь российских войск и позволили им успешнее бороться с противником на дальних дистанциях и при обороне укреплений. Например, в 1858 г. при

штурме аула Китури меткий ружейный огонь позволил русским с минимальными потерями разгромить значительно превосходящие силы Шамиля [8]. Перевес в вооружении наряду с другими факторами привел к победе России в Кавказской войне и пленению Шамиля в 1859 г.

Таким образом, можно заключить, что своевременные действия генерал-фельдмаршала А.И. Барятинского по модернизации стрелкового вооружения Кавказской армии сыграли существенную роль в завершающем этапе многолетней Кавказской войны и покорении Северного Кавказа. Переход от гладкоствольных ружей к нарезным штуцерам и винтовкам повысил боевые возможности русской пехоты и во многом предопределил исход противостояния.

Подводя итог, можно сказать, что широкое внедрение нарезного оружия в ходе Кавказской войны оказало значительное влияние на тактику действий как русских войск, так и их противника. Высокая точность и дальнобойность штуцеров позволили вести эффективную стрельбу с больших дистанций, что привело к росту потерь и затруднило ближний бой. В то же время новое оружие требовало лучшей выучки стрелков, модернизации системы снабжения и ремонта.

Несмотря на отдельные успехи горцев, в целом нарезное оружие стало одним из факторов, обеспечивших стратегическое преимущество русских войск. Лучшая организация, больший промышленный и людской потенциал позволили Российской империи провести перевооружение быстрее и эффективнее противника. Это в сочетании с другими военными, политическими и социально-экономическими факторами предопределило исход Кавказской войны.

Источники и литература

1. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. – М., 1994.

2. *Волков С.В.* Русская армия в XIX веке. – М., 2000.

3. *Гизетти А.Л.* Хроника Кавказских войск. В 2-х частях. Ч. 1. – Тифлис, 1896.

4. *Гордеев Н.В.* Русский военный костюм. Восточный театр. 1817–1864. – СПб., 2003.

5. *Гордеев А.Ю.* Оружие Кавказской войны. – М., 2004.

6. *Дегоев В.В.* Кавказская война: альтернативные подходы к изучению. – М., 1996.

7. *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856. – СПб., 2002.

8. *Казбек Г.Н.* Куринцы в Чечне и Дагестане. 1834–1861 г. Очерк истории 79-го пехотного Куринского его императорского высочества великого князя Павла Александровича полка. – Тифлис, 1885.

9. *Маркевич В.Е.* Ручное огнестрельное оружие. – СПб., 2005.

10. *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. – Краснодар, 1989.

11. *Потто В.А.* Кавказская война. В 5 томах. Т. 3. – Ставрополь, 1993.

12. *Потто В.А.* Кавказская война. В 5 томах. Т. 5. – Ставрополь, 1994.

13. *Романовский Д.И.* Кавказ и Кавказская война. Публич. лекции, чит. в зале Пассажа в 1860 г. [сост.] Ген. штаба полк. Романовским. – СПб., 1860.

14. *Федоров В.Г.* Вооружение русской армии за XIX столетие. – СПб., 1911.

15. *Федоров В.Г.* Эволюция стрелкового оружия. Ч. 1. – М., 1938.

16. *Федоров В.Г.* История винтовки. – М., 1940.

17. *Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: биобиблиографический справочник. – СПб., 2007.

R.E. German

THE USE OF RIFLED WEAPONS BY RUSSIAN TROOPS IN THE CAUCASIAN WAR

Annotation. This scientific article is devoted to one of the aspects of the military history of Russia of the XIX century – the use of rifled firearms by the Russian army during the long-term armed conflict in the Caucasus, known as the Caucasian War (1817-1864). The article analyzes the process of introducing rifled rifles, fittings and rifles into the armament of various units of a Separate Caucasian Corps. The evolution of models of rifled weapons of Russian and foreign production, used at different stages of the war, is traced. The author shows with specific examples of battles and combat clashes how the presence of rifled weapons influenced the tactics of Russian troops against the highlanders. There is an increase in the effectiveness of small arms fire, an increase in range, accuracy and lethal force. This made it possible to fire more effectively at the enemy at a distance, to conduct a counter-sniper struggle, to repel the attacks of the mountain cavalry. In conclusion, the author concludes that the more active use of rifled weapons by the Russian army at the final stage of the war was one of the factors that ensured its victorious outcome. This study makes a significant contribution to the study of the military-technical aspects of the Caucasian War and is of interest to specialists in the military history of Russia of the XIX century.

Keywords: The Caucasian war, Russian troops, rifled weapons, fitting, A.I. Baryatinsky, rifle.

УДК-94(47)

Г.Ф. Горбашова

МЕДИКО-САНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ В АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЕ (1898–1902)

Аннотация. В статье рассматривается деятельность русских сестер милосердия в полевых, тыловых госпиталях, сложности работы в созданных русскими санитарными отрядами госпиталях, их повседневная жизнь в годы англо-бурской войны (1898–1902). Воспоминания сестер милосердия дают значительный фактический материал, который позволяет выяснить причины возникавших трудностей в их работе, а также показать интересные подробности повседневной жизни и личное восприятие взаимоотношений внутри санитарных отрядов.

Ключевые слова: Южная Африка, Трансвааль, Оранжевое Свободное Государство, Российское общество Красного Креста, русско-голландский отряд, сестры милосердия.

Главное управление Российского общества Красного Креста (РОКК), находившегося под патронатом императрицы Марии Федоровны, и МИД России всемерно содействовали организации санитарных отрядов и отправке их в Южную Африку. Власти весьма требовательно относились к набору добровольцев из числа военнослужащих и медперсонала. Так, в Южную Африку для оказания помощи бурам было отправлено два медицинских отряда: российский отряд Красного Креста, под руководством врача Кускова (так называемый правительственный отряд. – *Г.Г.*), который работал в Южной Африке с января по август 1900 г. и русско-голландский отряд – добровольческий, под руководством пастора Гиллота. В основном в эти отряды зачислялись лица с медицинским образованием – врачи (Н. Александровский, А. Садовский, доктор К. Реннекамп), фельдшеры, санитары, а также сестры милосердия – представительницы Георгиевской и Александровской петербургских общин (Любовь Михайловна Страховская, Амалия Фридриховна Тауц, Адель-Елисавета Каролина Аль, Ольга Александровна Баумгартен – из общины Св. Георгия в Петербурге; Ольга Клавдьевна Тихомирова, Наталия Баграновна Онкоева, Феодосия

Ивановна Зандина, Вера Николаевна Макарова, Татьяна Яковлевна Соловьева, сестра доброволица – из Александровской общины Петербурга) и два агента по административно-хозяйственной части [2, с. 10–11]. Их главная задача – оказание амбулаторной и стационарной медицинской помощи раненым и больным. В русско-голландский отряд вошли: старшая сестра Иозефина Ежевская – Крестовоздвиженская община, Софья Изъединова из Георгиевской общины, Амалин Якобсен, Иоганна Мейер из Александровской больницы, Гильда Мейсен из Евангелической больницы [2, с. 296]. В этот санитарский отряд, который работал с февраля по май 1900 г., отбор производился гораздо строже, чем в РОКК. По воспоминаниям С. Изъединовой «от русских требовалось знание немецкого языка», «желательность знакомства с голландским и английским» [4, с. 3]. В состав отряда в основном брали российских немцев, преимущественно из Прибалтики. Здесь следует подчеркнуть, что обязательным условием для всех членов отряда было соблюдение нейтралитета по отношению к воюющим сторонам. Санитарный отряд должен был состоять только наполовину из русских, другую же половину его членов должны были набрать в Голландии во главе с доктором-голландцем. Этот медицинский отряд должен был работать в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве и оказывать значительную помощь и местному населению.

Следует особо отметить, что обучение сестер производилось под надзором специальных отделов Красного Креста, образованных РОКК в первой половине 1879 г. С 1880-х гг. при некоторых общинах создаются постоянные курсы для подготовки женского медицинского персонала: Мариинской в Киеве, святой Евгении в Петербурге, Харьковской и некоторых других. В 1888 г. в Санкт-Петербурге был образован комитет попечения о сестрах милосердия, в его ведении находились вопросы, связанные не только с профессиональной подготовкой женщин, но и с трудоустройством, а также опекой престарелых тружениц. Кстати, по словам С.В. Изъединовой, существовало различие в форме сестер милосердия двух медицинских отрядов, так, сестры правительственного отряда, взятые из Георгиевской и Александровской Петербургских общин, имели коричневый костюм, а сестры милосердия русско-голландского отряда – серый костюм, головную косынку и фартук

«обыкновенного образца русских общин». При этом, с определенной долей юмора, С.В. Изъединова пишет о наличии несколько странного на вид красного креста, нашитого на необычном месте – а именно на задней части косынки, «малого размера», который «совсем терялся, и при работе в поле приходилось рассчитывать только на общий вид костюма», более того, с иронией и сарказмом указывает и на причину введения такого знака отличия, «…чтобы англичане по нас не стреляли, когда мы станем удирать» [5].

Первые дни пребывания в Претории обоих отрядов были заполнены торжественными приемами и встречами: их приняли президент Трансвааля И. Крюгер, статс-секретарь Ф.В. Рейтц, российский и французский консулы. Недоразумения начались почти сразу же после приезда правительственного отряда в Преторию. Бурское правительство, относившееся к иностранцам в высшей степени недоверчиво и настороженно, опасаясь шпионажа с их стороны, неизбежно переносило свои подозрения и на весь медперсонал санитарных отрядов. Поэтому оно старалось избегать отправки иностранных медиков на передовую и не давало никаких сведений о ходе военных действий и пунктах, где ожидаются сражения. Санитарным отрядам предлагалось создавать крупные госпитали в различных населенных пунктах, находившихся в тылу. Но для русского правительственного отряда было сделано лестное исключение – президент Крюгер лично обратился с просьбой к начальнику отряда Н.И. Кускову, чтобы тот направился незамедлительно к Кольсбергу, где ожидалось сражение с англичанами. К сожалению, предложение, переданное личным секретарем Крюгера Н.И. Кускову, встретило совершенно неожиданную реакцию с его стороны. Сперва он отказался выполнять устные просьбы кого бы то ни было, а затем заявил, что «лучше Крюгера знает, куда ему ехать и что делать». Хотя бурское правительство особых письменных предписаний русскому отряду делать не хотело, так как это могло отрицательно повлиять на взаимоотношения с санитарными отрядами из других стран, и поэтому исключительное доверие было подорвано весьма грубой резолюцией начальника отряда. В результате «личные» отношения с ним были прекращены и отряд поступил в ведение Медицинской Комиссии (местоопределением этой комиссии была столица

Трансвааля, Претория. – *Г.Г.*). В состав этого коллегиального учреждения входили представители Трансваальского Общества Красного Креста и врачи. Эта комиссия занималась распределением медицинского персонала и лечебных заведений на театре войны в Трансваале [2, с. 122]. И только 19 января 1900 г. после длительных совещаний Медицинская Комиссия предложила бездействующему отряду (РОКК. – *Г.Г.*) выехать на восточный театр войны в города Фолксруст и Ньюкасл. 26 января весь отряд выехал на место своей службы для организации прифронтовых и тыловых госпиталей, в частности в г. Фолксрусте (центральный госпиталь) и в Ньюкасле.

Усилиями русско-голландского отряда были организованы госпиталь в Брандфорте и тыловой госпиталь в Кардорпуте. При отступлении буров отряд был переведен в Кронстадт и основал там госпиталь на 106 мест. Он оказывал значительную помощь местному населению. Руководил отрядом голландец доктор фан Леерсум (как позднее выяснилось, крайне некомпетентный врач и бестолковый администратор). Все медицинское оборудование было закуплено в Амстердаме. При этом полномочия начальника отряда оказались неограниченными: он имел право не только распоряжаться всеми материальными средствами, но и удалять любого неугодного ему, не выдавая при этом денег на возвращение в Европу.

За период работы санитарных отрядов в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве были организованы несколько стационарных и «летучих» госпиталей, амбулаторий, санитарных поездов, «передаточный лазарет» для эвакуируемых от фронта больных, передовой перевязочный пункт. Отряды были буквально завалены работой, о которой вспоминали с благодарностью все сражавшиеся на театре военных действий. Так, в центральном госпитале в г. Фолксрусте «с 8 по 30 мая 1900 г. находилось 484 человека, из них: выздоровело 435, было эвакуировано в другие госпиталя 120 человек, переведено при закрытии в город Стандертон 14 человек, умерло 5. За это время было произведено 132 большие и малые операции, принято 2117 амбулаторных больных, в том числе 106 человек с огнестрельным ранением» [3, с. 58].

Среди массы сюжетов, отражающих разные стороны организации медицинской помощи, присутствуют описания определенных трудностей, в частности в самих отрядах, неразбериха

в местном управлении и таможенные препятствия. Хотя русским отрядам уделялось очень много внимания как посланцам «наиболее благоприятствуемой нации», к которым правительство и бурская общественность питало большее доверие, чем ко всем остальным, но вскоре идиллия «исключительности» для русских окончилась. Санитарным отрядам предлагалось создавать крупные госпитали в различных населенных пунктах, находившихся в тылу. Русские медики, имевшие немалый опыт работы, в том числе и в полевых условиях, оказывали помощь сотням раненых бурских ополченцев и иностранных добровольцев, нередко находясь под обстрелом, пользовались вполне заслуженным уважением африканеров. Весьма интересным, на наш взгляд, представляется позиция Трансваальского правительства по организации помощи русским санитарным отрядам, причем оно было очень «плохо осведомлено относительно необходимой санитарной помощи и не особенно торопилось назначить определенный пункт для устройства нашего госпиталя», представителям санитарных отрядов приходилось действовать самостоятельно. При этом в начале военных действий санитарная часть в бурской армии была очень плохо организована, так как большинство трансваальских врачей обладает весьма невысоким научным цензом; многие из них даже не оканчивали курса; эти врачи со своими помощниками, большей частью евреями, которые «этим способом могли избегнуть» обязательной для всех военной службы. Они следовали за бурскими отрядами, оказывая им первую помощь непосредственно после сражения [2, с. 138]. Состав госпитальных больных был крайне разнообразен как по возрасту, так и по национальностям. Возраст колебался от 14 до 55 лет. Каких-либо госпитальных приспособлений в виде перевязочной, приемной для больных, ванны – не было, чистота помещений оставляла желать лучшего. Не мало труда стоило всему персоналу привести «камеры больных» (палаты. – *Г.Г.*) в должный вид, устроить перевязочную комнату, привести в порядок аптеку и приучить как больных, так и прочий «белый» и «черный» персонал к соблюдению чистоты. При госпитале в помещении аптеки был открыт амбулаторный прием больных, которые являлись за советом в течение целого дня, не обращая внимания на занятость врача. Редко когда приходящий больной являлся один – обыкновенно его сопровождали несколько

членов семьи; прежде чем заговорить о болезни, каждый считал своим долгом пожать руку, спросить о состоянии здоровья и только тогда переходил к перечислению всякого рода недомоганий; все это происходило крайне медленно, не торопясь, и на прием приходящих больных тратилась масса времени [2, с. 138].

Организация и оказание медицинской помощи требовали значительных усилий и организационных способностей. Так, например, в Ньюкасл (2 (14) февраля 1900 г. – *Г.Г.*) решено было, что 1 февраля переведут всех больных из городского госпиталя, который, в свою очередь, ввиду ожидания большого наплыва раненых, превратили в полевой лазарет. Устроили госпиталь в двух отдельных зданиях. В первом здании – хирургическое отделение, которое включало амбулаторию, операционную, комнату для труднобольных и комнату для уполномоченного. На втором этаже – перевязочная, ванная и хирургические палаты. Во втором здании русские сестры милосердия устроили помещение для страдающих внутренними болезнями. Благодаря отличному водопроводу, имеющемуся во всем городе, была возможность устроить для больных великолепные ванны и даже душ. Для надобностей госпиталя даже воспользовались зданием здешнего театра. Как это ни странно, но городской театр помещался здесь рядом с монастырем [2, с. 84]. Так, русский доктор описывал положение дел в городе и работу части отряда в Фолксфросте: «нашему отряду» в Фолксфросте пришлось устроить свой госпиталь в… гостинице, так как во всем этом городишке не нашлось ни одного подходящего помещения для больных. Некоторые номера гостиницы превратили в палаты для больных; тут же, в гостинице помещается и врачебный, и санитарный персонал. При организации амбулаторий требовалось знакомство с распределением как бурских, так прибывших европейских амбулаторий. И лишь с приездом первой, затем второй голландских амбулаторий санитарная организация значительно улучшилась. Для перевозки тяжелых раненых служили особо устроенные санитарные поезда числом четыре, которые постоянно поддерживали сношения между Преторией, где находились все основные госпиталя, и фронтом, то есть Наталем и северной частью Капской колонии [2, с. 132]. Для этого были взяты большие товарные вагоны, тщательно очищены и выкрашены белой масляной краской снаружи и внутри; пол покрыт

линолеумом, по сторонам выделано несколько небольших окон; двери сделаны настолько широкими, что свободно пропускали широкие носилки. Койки с пружинными матрацами были размещены по бокам вагона, в длину его и в два этажа. Между койками оставался очень широкий проход. Каждый вагон был снабжен большим пастеровским фильтром. Подобный вагон вмещал от 20 до 30 раненых; кроме тех вагонов, в каждом поезде имелись еще обыкновенные вагоны первого класса для помещения врачей, сестер и санитаров, а также более легко раненых, вагон-кухня, кладовая и бельевая и вагон с большим водяным резервуаром. Всякий поезд снабжен очень хорошо составленной аптекой и перевязочным материалом [2, с. 133]. Были организованы передаточный лазарет для эвакуируемых от фронта больных, передовой перевязочный пункт.

Воспоминания сестер милосердия наполнены интересным фактическим материалом и о бытовых условиях жизни в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве. Так, в Ньюкасле (город находится дальше от Претории часа на три езды по железной дороге, но зато ближе к полю военных действий. – *Г.Г.*) 2 февраля 1900 г. устроен главным отрядом «образцовый госпиталь». Накануне перевода больных занялись устройством жилья для медицинского персонала. Врачи и фельдшеры отряда поместились в двух отдельных, покинутых их хозяевами, домиках, шагах в 60–70 от госпиталя, сестер поместили в небольшом флигельке, в госпитальном саду. Этот флигель состоит всего из одной громадной комнаты и разделен на отдельные уголки, в которых и разместились сестры милосердия [2, с. 83]. В саду раскинули большую палатку, которая служила столовой. Здесь врачи, сестры милосердия пили чай, завтракали и обедали. С общего согласия персонала госпиталя сестра милосердия Соловьева избрана была заведующей хозяйственной частью. И после отъезда отряда из России в первый раз пообедали своими собственными, домашними, а не ресторанными продуктами. «Надо было видеть, какой восторг, например, обуял наших санитаров и фельдшеров, когда сестра Соловьева подала на стол дымящуюся чашку с русскими жирными щами и родимой гречневой кашей. Слезы у многих показались от радости!» [2, с. 83]. Что касается продуктов питания, то сестры милосердия описывали: «Едим мы теперь хорошо, по-русски

и вкусно, а до Ньюкасла нам казалось, что все вкусно, как, например, на пароходах, в гостиницах, но потом все скоро надоело, и мы теперь не нарадуемся, что едим как хотим, и это благодаря нашим консервам, а главное, благодаря драгоценному члену отряда сестре Соловьевой («доброволице». – *Г.Г.*) готовит нам один из санитаров. Мясо и булки получаем аккуратно и безвозмездно. Если бы не так, то нам бы пришлось туго, так как цены на все высокие. Сахар – 1 рубль фунт, 1/2 бутылки пива – 1 рубль; керосин – 50 копеек бутылка. Кофе – нет. Яйца страшно дороги» [2, с. 93].

И если условия проживания и питания, по словам сестер милосердия и других членов санитарного отряда, были достаточно комфортными, то работа в госпиталях, полевых лазаретах была не только трудной, часто очень утомительной. Вот что Йозефина Ежевская пишет в своих письмах о работе в Фолькрустской больнице: «…работы много. Лежит уже 50 человек раненых и больных. А между больными есть тифозные и очень слабые, которые лежат в отдельной комнате в доме бывшей гостиницы, во дворе, а остальные, тяжело больные, помещены через дом от нашей больницы – в большой лавке» [2, с. 372]. Как видно из приведенного письма, безусловно, двум сестрам было слишком тяжело дежурить через день и спать только через ночь, тем более что днем приходится перевязывать проезжающих по железной дороге раненых. Количество раненых зависело и от событий на полях сражений: чем больше и горячее бой, тем больше едет оттуда раненых. В какой-то степени их работу облегчали присланный на помощь из Ньюкасла фельдшер, который готовил лекарства и дежурил по ночам в очередь с сестрами, что позволяло им «спать две ночи и только третью не спать». По словам другой сестры милосердия С. Изъединовой, в безопасном Кронстадте, в «передовом лазарете» насчитывалось максимум 10 кроватей, здесь же сосредотачивались больные с разных пунктов боевой линии, то первое время, пока не был вытребован добавочный багаж из основного склада в Ференингене дело было далеко не легкое. Работа осложнялась и неудовлетворительными отношениями с начальником отряда, но русские сестры «из личных счетов» не бросали «тяжелого дела» и «тяжелую черную работу», в большинстве случаев «несправедливо и неделикатно налагаемую». При этом с особым удовольствием, даже нежностью,

она вспоминала как совместную работу, так и личные отношения с находившимися в это время в Кронстадте с русскими сестрами, в частности, «постоянной милой и усердной помощнице Гильде Мейснер, – Йоганне Мейер, Амалии Якобсен». В своих воспоминаниях С. Изъединова с особой теплотой пишет о поддержке и помощи сестры А. Якобсон, которая «находясь почти бессменно одна при палате в 30–40 человек, преимущественно тифозных, … еще находила время (урывая от сна после ночных дежурств) прибегать к нам на кухню, помогать в наших затруднениях» [2, с. 402–403]. Эти истинно товарищеские отношения с хорошими людьми – сестрами милосердия – остались для С. Изъединовой светлым воспоминанием в тяжелой «кронстадтской полосе». Главной и почти единственной причиной всех трудностей было, по ее мнению и не только, «неправильное отношение» начальника отряда, а отчасти просто его неумение организовать работу в госпитале. Но и впоследствии, несмотря попытки оказать помощь из склада в Ференингене, ощущался постоянный недостаток как в кроватях, так и в белье, так как постоянно увеличивалось число больных.

Одновременно с началом деятельности госпиталя открылась также и амбулаторная лечебница. По-видимому, здешние жители из тех, которые остались от старого Ньюкасла, не особенно были избалованы бесплатным амбулаторным лечением. Надо было видеть, как удивлены были какие-то две старые англичанки, явившиеся в лечебницу, когда после оказанной им медицинской помощи с них не взяли ни копейки денег [2, с. 86].Так, сестра милосердия Ольга фон Баумгартен говорила о тяжести работы медперсонала в неприспособленном помещении больницы. Но тем не менее с утра начинался прием амбулаторных больных, который продолжался до 5–6 часов [2, с. 119]. В амбулатории принимали «не только воинов», но и прочее население, женщин и детей из г. Ньюкасла и его дальних окрестностей. За исключением небольшого числа огнестрельных ранений, амбулаторные больные не представляли интереса с военно-медицинской стороны. В амбулатории производились по просьбе буров освидетельствования здоровья на предмет определения годности к военной службе [2, с. 134]. Здесь следует отметить, что трудности в оказании медицинской помощи испытывали представительницы РОКК и русско-голандского отрядов.

В воспоминаниях сестер милосердия (Ольги фон Баумгартен, С. Изъединовой и др.) говорилось не только о тяжелой многомесячной работе на чужбине сестры милосердия, но и о хозяйственной деятельности. Так, Софья Изъединова пишет, что ей предъявлялось требование накормить более 100 человек больных и здоровых шесть раз в день «в следующем порядке: в 6.1/2 часов кофе для персонала и больным посылается запас чаю, кофе, кипяченого молока. В 9 часов завтрак: персоналу и здоровым больным (то есть неопасным хирургическим случаям, поправляющимся и малярийным) порридж (овсяная каша), мясо или мясные консервы и разнообразные бутерброды с чаем; слабым же и тифозным – протертую кашу или кисель. В 11 часов слабым больным бульон или молоко с яйцом. В 12 1/2 обед больным из трех блюд и чая, или двух блюд, бутербродов с вареньем и чая; для слабых же 4.00 опять, смотря по указанию, бульон, яйца, протертый кисель» [2, с. 398]. При этом она должна была отвечать и за питание персонала. Легко понять, что действительное исполнение всего этого было физически невозможно, и поэтому сестрам милосердия приходилось выбирать только самое существенное, чтобы, по крайней мере, не заставлять никого голодать. Меню для больных, не поставленных на особую диету, было следующее: утром овсяная или пшенная кашица; ростбиф и чай или кофе; в обед суп мясной, жаркое, сладкое блюдо, чай; в 3 часа чай или кофе с хлебом; вечером в 6 часов холодное мясное блюдо, горячее. К столу подавались также почти постоянно фруктовые консервы [2, с. 130–131].

По словам сестер милосердия, занимаясь приготовлением пищи, они сталкивались с массой затруднений. Накормить соответствующим образом 60–100 чел. больных – хирургических, тифозных, малярийных, то есть требующих различный, более или менее строгий режим – в лучшем случае дело не легкое. Когда же, как это постоянно было здесь, половина необходимых предметов отсутствует и прежде чем варить пищу сплошь и рядом приходится искать топливо, рубить сухие сучья или старые ящики, носить воду, бегать разыскивать и покупать молоко – все это со страхом не поспеть вовремя и оставить больных без необходимого, – то чувство ответственности превращается прямо в пытку. Приведем, на наш взгляд, достаточно интересный отрывок из воспоминаний

С. Изъединовой о сложности приготовления пищи: приступая к приготовлению какого-либо мясного блюда из амбулаторного запаса консервов, надо было прежде всего отыскать соответствующий ящик в отведенном для этого совершенно неподходящем углу, где они были навалены грудами, в которых при недостатке места и разобраться-то было очень затруднительно. Затем, когда нужный ящик был, наконец, найден и извлечен, вскрывали банки с консервами топором, разогревали их содержимое. Средним числом – в сутки приходилось вскрывать до 100 жестянок и вскрывать спешно, так как «у нас положительно каждая минута была на счету», настолько, что, например, «порезав себе руку, как это часто бывало второпях, не было возможности дать крови остановиться, а приходилось продолжать начатое дело, кое-как обмотав порез и движением, конечно, усиливая кровотечение, так что несколько раз она накормила своих клиентов собственной кровью» [2, с. 401]. И, кроме того, на сестрах милосердия лежала обязанность еще чистки и уборки всего помещения, кроме больничного, и по возможности уборки белья на все это количество больных и здоровых [2, с. 400–401]. О таких условиях работы, при которых все нужное приходится делать самим, писали практически все сестры милосердия. Безусловно, эти условия нельзя было назвать нормальными даже для небольших полевых пунктов, не говоря уже о крупных госпиталях. Эти сложности и трудности могли быть только результатом полного беспорядка в администрации, исправить который сестрам милосердия было почти невозможно.

Итак, в Южную Африку (в Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство) для оказания помощи бурам было отправлено два медицинских отряда: российский отряд Красного Креста работал с января по август 1900 г., русско-голландский отряд – с февраля по май 1900 г. Оба эти отряда были укомплектованы людьми с медицинским образование. Негативную роль на возможность оказания медицинской помощи сестрами милосердия оказывали амбиции руководителей санитарных отрядов, несогласованность действий, недостаточная, если не сказать, плохая осведомленность бурского правительства относительно необходимой санитарной помощи, а также определенная недоверчивость, настороженность, опасение шпионажа бурского правительства по отношению

к иностранцам. На основе анализа воспоминаний можно составить и «портрет» русских сестер милосердия: подавляющее большинство – добровольцы, готовые, несмотря на все трудности, оказывать помощь раненым и больным, дежурить через день и спать только через ночь, переносить всякую тяжелую хозяйственную работу.

Источники и литература

1. Англо-бурская война. 1898–1902. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев / авт.-сост. Н.Г. Воропаев, Р.В. Вяткина, Г.В. Шубина. – М., 2001. http:// militera.lib.ru.>memo/1/all/com/n534431 vostlit./ Texts/Documenty/Africa/XIX/1880–1900/Anglo_bur_war/index.htm (дата обращения: 06.06.2024).

2. Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 т. – М., 2012. Т. 9. http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_anglo-boer/index.html (дата обращения: 06.06.2024).

3. Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия О. фон Баумгартен, 1899–1900. – СПб., 1901. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003695284/ (дата обращения: 06.06.2024).

4. *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. 1903. https://search.rsl.ru/ru/record/01003712814 (дата обращения: 06.06.2024).

5. *Изъединова С.* Воспоминания сестры милосердия (Отрывки). Зов Африки. Записки путешественников. – М., 1992, https://rositsa.livejournal.com/993156.html (дата обращения: 06.06.2024).

6. *Мария З.* Как я была добровольцем в Трансваале. – Киев, 1901. https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Afrika/XX/1900-1920/Maria_Z/text.phtml?id=9412 (дата обращения: 06.06.2024).

7. https://statehistory.ru/360/Russkie-dobrovoltsy-na-YUge-Afriki-v-period-anglo-burskoy-voyny/ (дата обращения: 06.06.2024).

G.F. Gorbashova

MEDICAL AND SANITARY ACTIVITY OF RUSSIAN SISTERSOF MERCY IN THE ANGLO-BOER WAR (1898–1902)

Annotation. The article deals with the activity of Russian sisters of mercy in field and rear hospitals, the difficulties of work in the hospitals created by Russian sanitary units, their daily life. Memoirs of sisters of mercy give significant and factual material, which allows to find out the reasons of arising difficulties in their work, and also to show interesting details of everyday life and personal perception of relations within sanitary units.

Keywords: South Africa, Transvaal, Orange Free State, Russian Red Cross Society, Russian-Dutch detachment, sisters of mercy.

УДК 94(477.7)«9»

Е.Н. Шумилов

БЕГСТВО КАК ФОРМА ЭКСПАНСИИ (О НЕВОЛИНЦАХ, КОТОРЫЕ СТОЯЛИ У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОМИ ЭТНОСОВ)

Аннотация. Статья посвящена потомкам неволинской археологической культуры, которые в силу обстоятельств вынуждены были покинуть в IX в. свою родину в Приуралье. Обосновавшись на новом месте в регионе, называемом ныне Русским Севером, они подчинили себе обширные территории, населенные финноязычными племенами. Но уже в X в. неволинцы возвращаются в Приуралье с подвластным им населением веси. В ходе ассимиляции веси и их языка потомками неволинцев сформировались новые этносы – коми-зыряне и коми-пермяки.

Ключевые слова: неволинская культура, двойная миграция, чудь, этнос, коми.

Российские археологи до сего времени ломают копья в споре относительно того, кем являлось проживавшее в Пермском Приуралье на территории Кунгурской лесостепи в IV–IX вв. население неволинской культуры: угорским или комиязычным [2, с. 167–173]. Вопрос непростой, но сторонники обеих версий правы по-своему.

В конце IV в. в Пермском Приуралье появилось новое оседлое население, занявшее плодородные земли лесостепи и принесшее сюда новый обряд погребения – курганы с круговыми канавками. Ближе всего по своей материальной культуре оно было к представителям зауральской саргатской культуры, в которых исследователи видят предков венгров [9, с. 58–65]. Расселившись в Пермском Приуралье на землях автохтонов-гляденовцев, пришельцы создали здесь две близкие друг другу культуры – ломоватовскую и неволинскую. В V в. в сферу их влияния попадает население бассейна реки Чепцы, притока Вятки, где формируется поломская культура с теми же курганами с круговыми канавками [8].

В VII в. к ним приходят с юга выходцы из бахмутинской культуры, разгромленной соседними племенами. Причем приходят не как завоеватели [4, с. 76–83]. Это, видимо, объясняется тем, что в Пермском Приуралье еще могло сохраняться гляденовское

население, родственное бахмутинцам. Бахмутинцы, как и гляденовцы, считаются представителями древнепермских финнов, правда, с наличием у первых угорского элемента. С их приходом во всех трех культурах Пермского Приуралья происходит смена обряда курганного погребения на грунтовый, присущий бахмутинцам [7, с. 79–90]. Видимо, именно тогда и началась комизация носителей этих культур.

История неволинской культуры подошла к концу в середине IX в., когда она прекратила существование [15, с. 4]. Обычно исследователи связывают данный факт с появлением кочевников-печенегов, однако памятники последних в Пермском Приуралье до сего времени не выявлены, да и их экспансия в тот период была направлена не на север, а на запад. Зато привлекает внимание другое: именно с IX в. на территории Волжской Булгарии фиксируется неволинское население [10, с. 24–33], а в Пермском Приуралье в X в. безраздельно господствуют булгары, превратив его в свою колонию Вису (Верхнюю Булгарию), из которой они получали ценную пушнину и рабов [14, с. 100–115]. Данное обстоятельство позволяет нам предположить, что именно волжские булгары нанесли сокрушительный удар по культурам Пермского Приуралья, при этом часть населения увели в полон. Наиболее активное неволинское население, в отличие от поломцев и ломоватовцев, оказало неприятелю сопротивление и вынуждено было покинуть свои земли. Неволинцы устремились на северо-запад в зону лесов, захватив по пути часть ломоватовцев и поломцев. Скорее всего, они двигались речными путями, по которым ранее проходили торговцы, разнося по Северу неволинские пояса [3, с. 88–94]. В конечном итоге, неволинцы достигли района Молого-Шекснинского междуречья, где осели, подчинив себе разноплеменное финноязычное население и в первую очередь весь [9, с. 240–242]. Именно здесь, по данным археологов, концентрируется основная масса выявленных неволинских артефактов. Более того, среди керамики белозерской веси присутствует камская посуда [13, с. 240–242]. Помимо Белозерья находки данного типа посуды сделаны археологами в Приладожье, на Северной Двине, в Верхнем и Среднем Поволжье (находки в Среднем Поволжье можно связать с находившимися там в полоне неволинцами) [6, с. 235–242]. Иными словами, масштабы экспансии

неволинцев были весьма значительными. Воинственность воинам-конникам придавал институт вождизма, который был характерен для угров, но он полностью отсутствовал у финских племен, во главе которых стояли старейшины и жрецы [6, с. 235–242].

Взаимоотношения с покоренными племенами можно проиллюстрировать на примере Поморья. Местное население является представителями беломорского антропологического типа (беломорский тип часто объединяют с восточно-балтийским типом в беломоро-балтийскую малую расу). Он характеризуется, по мнению этнографа и антрополога Н.Н. Чебоксарова, светловолосостью, светлоглазостью и низкорослостью и отличается от восточно-балтийского типа, который присущ прибалтийским финнам, меньшей брахикефалией и более обильным ростом бороды у мужчин. Носители беломорского типа ныне представлены преимущественно среди русского населения Поморья, частично – среди северных карелов и доминируют у коми-ижемцев, то есть представители неволинцев вобрали в себя местный элемент [20, с. 51–80].

Но закрепиться надолго здесь неволинцам не удалось. С 80-х гг. IX в. по северным рекам прокладывают свои маршруты с целью добычи пушнины и объясачивания местных финноязычных охотников представители русов князя Рюрика, обосновавшиеся в 860-х гг. в Приволховье [19, с. 107–120]. Несомненно, что неволинцы вступали с ними во взаимоотношения. В пользу этого свидетельствует такой факт: совсем недавно генетики установили, что жители Новгородской земли в генетическом аспекте находятся ближе всего к пермским финнам и весьма далеки от прибалтийских финнов [1, с. 51–57].

Поход русов в 913–914 гг. на Каспий за добычей обернулся для них полным разгромом со стороны мусульман [22, с. 461–472]. Этим не преминули воспользоваться скандинавы, которые к 921 г. подчинили себе русов и установили прямые торговые связи с Волжской Булгарией. Помимо пушнины им требовались еще рабы, пользовавшиеся большим спросом в Волжской Булгарии у купцов исламского Востока [5, с. 94–95]. Очевидно, именно это обстоятельство и вынудило неволинцев уйти со своей новой родины обратно на Урал, где в том же X в. они осели в верховьях Вычегды и Камы. При этом неволинцы смогли увлечь с собой значительную

часть веси – носителей восточно-балтийского типа, получивших позднее название чудь белоглазая [17].

Именно чудь являлась доминирующим элементом среди неволинцев-возвращенцев, создавших родановскую и вымскую культуры. Не случайно восточные авторы, описывавшие в X–XII вв. Верхнекамье (страну Вису), указывали ее жителей как блондинов [16, с. 74]. Именно в этот период в бассейнах Вычегды и Верхнекамья сложилась сеть топонимов, которые ныне невозможно расшифровать с использованием коми языков, а потому существуют народные этимологии, типа: Айва – «*лунная река*», Велва – «*лошадиная река*», Иньва – «*женская река*» (вариант: Енва – «*божественная река*»), Лысьва – «*хвойная река*», Низьва – «*соболиная река*», Шаква – «*грибная река*», Яйва (ранее Ейва) – «*мясная река*» и т.д. Другие гидронимы типа Кува, Лытва, Люнва, Онолва, Полва, Усьва, Язьва вообще не поддаются объяснению, даже народному, хотя и оформлены с помощью коми языка: имеют окончания ва – «*вода, река*». Попытка, предпринятая коми-пермяцким лингвистом А. Кривощековой-Гантман, объяснить все нерусские названия Коми округа из коми-пермяцкого языка (даже с привлечением коми-зырянского и удмуртского), не увенчалась успехом [12, с. 64–166].

Все изменилось для переселенцев в Верхнекамье в первой трети XIII в., когда на них обрушились монгольские завоеватели. Родановское население было оттеснено ими далеко на север в болотистый и мало пригодный для земледелия район. Северные коми-пермяки сохранили до настоящего времени восточно-балтийский тип и обычаи, которые существенно отличаются от обычаев южных коми-пермяков. А, кроме того, они считают себя потомками белоглазой чуди [11, с. 3–21]. Какая-то часть родановцев, видимо, мигрировала в бассейн Вычегды. Когда здесь появились русские, они восприняли именно чудские названия, сохранявшиеся, судя по письменным источникам, даже в XV–XVI вв. Широкое расселение зырян, начавшееся в XVII в., способствовало распространению коми языка, замене или искажению чудских названий. Это время можно считать окончательным исчезновением чудского языка. Но русские в официальной документации по-прежнему используют чудские варианты топонимов: Вашка (коми

Ву), Весляна (коми Весыва), Вымь (коми Емва), Вычегда (коми Эжва), Ижма (коми Изьва), Мезень (коми Мозым), Уса (коми Усва), Цильма (коми Чилим) и т.д. [18, с. 7–45]. Процесс замены чудских названий растянулся на несколько столетий. К примеру, такие чудские ойконимы, как Самсорд и Откылсорд, известные у северных коми-пермяков (потомков чуди) с XVII в., были заменены на Чирково и Старое Гущино только в XIX в. [21, с. 79, 92].

В целом можно сказать, что неволинско-угорский компонент, обретший со временем коми язык, благодаря своей активности, сыграл важную роль в победе коми языка над языком веси (белоглазой чуди). Он заложил основу коми этносов, несмотря на то, что доминирующим антропологическим типом для большинства современных коми-зырян и северных коми-пермяков до сих пор остается восточно-балтийский тип веси.

Источники и литература

1. *Балановская Е.В., Черневский Д.К., Балановский О.П.* Своеобразие Новгородского генофонда в контексте народонаселения европейской части России // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Медицинские науки. – 2021. – № 3. – С. 51–57.

2. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Археологическое содержание и основные этапы формирования Угорской ойкумены в Предуралье // II Междунар. Мадьярский симп. 13–17 авг. 2013 г.: сб. науч. тр. – Челябинск, 2013. – С. 167–173.

3. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Неволинские пояса в системе международных связей // Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. – СПб., 2001. – С. 88–94.

4. *Босенко И.В.* Этнокультурные связи неволинской культуры (по материалам бронзовых украшений) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. 7. – Пермь, 2007. – С. 76–83.

5. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с пол. VII в. до конца X в. по Р.Х.). – СПб., 1870.

6. *Голдина Р.Д.* Об общественном устройстве населения неволинской культуры // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. – Т. 14, № 3. – С. 235–242.

7. *Голдина Р.Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // Краткие сообщения института археологии. – Вып. 158. – 1979. – С. 79–90.

8. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: Конец V – первая половина XIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1997.

9. *Иванов В.А.* Миграции как механизм культурогенеза у населения Урала и Предуралья в эпоху великого переселения народов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур. – Челябинск, 2020. – С. 58–65.

10. *Казаков Е.П.* Сылвенско-неволинская керамика памятников ранней Волжской Булгарии и проблемы миграции угров на Волгу в VII–IX вв. // Finno-Ugrika. – 2008. – № 11. – С. 24–33.

11. *Королева С.Ю.* Чудь с русскими именами: кого и как поминают на чудских могильниках? (материалы Верхнего Прикамья) // Социо- и психолингвистические исследования. – Пермь, 2014. – Вып. 2. – С. 3–21.

12. *Кривощекова-Гантман А.С.* Географические названия Верхнего Прикамья. – Пермь, 1983. – С. 64–166.

13. *Кудряшов А.В.* Неволинские древности в бассейне р. Шексны // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. – М., 2008. – С. 240–242.

14. *Напольских В.В.* Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 2. – Казань, 2006. – С. 100–115.

15. *Перевозчикова С.А.* Височные украшения Верхнего Прикамья конца IV–IX вв.: историко-генетический подход : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2009.

16. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. – Л., 1939.

17. *Савельева Э.А.* Историко-культурные связи населения бассейна р. Вычегды и Верхнего Прикамья в эпоху средневековья (по материалам вымской и родановской археологических культур) // Вестник Пермского университета. – 2021. – Вып. 1 (52). – С. 70–76.

18. *Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. – Сыктывкар, 1986.

19. *Хвощинская Н.В.* Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // Археологические вести. – 2021. – № 33. – С. 107–120.

20. *Чебоксаров Н.Н.* Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. – 1946. – № 2. – С. 51–80.

21. *Шумилов Е.Н.* Населенные пункты Пермского края: краткий исторический справочник. – Пермь, 2016.

22. *Якубовский А.Ю.* О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. – 1946. – Т. 3. – № 5. – С. 461–472.

E.N. Shumilov

FLIGHT AS A FORM OF EXPANSION (ABOUT THE NEVOLINIANS WHO STOOD AT THE ORIGINS OF THE FORMATION OF MODERN KOMI ETHNIC GROUPS)

Annotation. The article is devoted to the descendants of the Nevolin archaeological culture, who, due to circumstances, were forced to leave their homeland in the Urals in the IX century. Having settled in a new place in the region now called the Russian North, they subjugated vast territories inhabited by the Finnish-speaking tribes. But already in the 10th century, the Nevolinians returned to the Urals with the Vesi population under their control. During the assimilation of Vesey and its language by the descendants of the Nevolinians, new ethnic groups were formed – Komi-Zyryans and Komi-Permians.

Keywords: Nevolinskaya culture, double migration, Chud, ethnos, Komi.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

УДК 94(470.343)

О.Е. Ащеулов

РОЛЬ АРТИЛЛЕРИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ХОДЕ БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА В МАЕ – ИЮНЕ 1916 г.

Аннотация. В статье на основе воспоминаний участников Первой мировой войны рассматривается роль артиллерии Юго-Западного фронта в ходе Брусиловского прорыва в мае – июне 1916 г. В статье приводятся сведения о группировке артиллерии Юго-Западного фронта накануне Брусиловского прорыва, особенностях применения русской артиллерии в ходе самой операции, приводятся выводы и оценки применения артиллерии Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, 1916 г., Брусиловский прорыв, русская артиллерия.

В 2024 г. исполняется 110 лет со дня начала Первой мировой войны. Российской империи и армии в той войне выпали тяжелые испытания. При этом важную роль в Первой мировой войне сыграла операция русского Юго-Западного фронта, которая была проведена с 22 мая по сентябрь 1916 г. и вошла в историю под названием «Брусиловский прорыв». «Брусиловский прорыв» стал последней крупной победой Российской империи. Русская армия смогла выйти «из позиционного тупика» и взломать оборону противника на широком фронте. В итоге Брусиловский прорыв обозначил стратегический перелом в ходе Первой мировой войны в пользу Антанты. Большой вклад в успех наступления Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. внесла русская артиллерия.

Планы и действия русского командования в ходе «Брусиловского прорыва», а также действия их противников изложены в ряде работ

современных российских исследователей. В качестве примера можно привести работы С.Г. Нелиповича [9], С.Н. Базанова [1] и М.В. Оськина [10].

По этой причине не будем подробно останавливаться на планах и составах русской и австро-венгерской сторон накануне и во время проведения «Брусиловского прорыва», так как они довольно подробно изложены в вышеуказанных работах, и ограничимся лишь кратким описанием.

Юго-Западному фронту в ходе наступательной операции предстояло прорвать заранее подготовленную оборону противника. Австро-венгры готовили оборонительные сооружения на данном участке фронта более 10 месяцев. Система австро-венгерской обороны состояла из двух-трех позиций глубиной до 4 км и включала две-три линии окопов полного профиля с проволочными заграждениями, фугасами, а также с бетонированными бойницами, стальными щитами и другими фортификационными сооружениями. Самой сильной была первая из 2–3 линий окопов, общей длиной 1,5–2 км. Основу ее составляли опорные узлы, в промежутках – сплошные траншеи, подступы к которым простреливались с флангов, на всех высотах – доты. От некоторых узлов шли вглубь отсечные позиции, так что в случае прорыва атакующие попадали в «мешок». Окопы были с козырьками, блиндажами, убежищами, врытыми глубоко в землю, с железобетонными сводами или перекрытиями из бревен и земли толщиной до 2 м, способными выдержать любые снаряды. Для пулеметчиков устанавливались бетонные колпаки. Перед окопами тянулись проволочные заграждения (2–3 полосы по 4–16 рядов), на некоторых участках через них пропускался ток, подвешивались бомбы, ставились мины. Две тыловых полосы были оборудованы слабее и состояли из 1–2 линий траншей каждая. А между полосами и линиями окопов устраивались искусственные препятствия: засеки, волчьи ямы, рогатки. Противник был уверен в неприступности своих укреплений.

К 22 мая 1916 г. Юго-Западный фронт располагал примерно миллионом солдат и офицеров (пехотные дивизии – 40, отдельные пехотные бригады – 2, кавалерийские дивизии – 15) при 2480 пулеметах, 2017 орудиях и 221 бомбомете (последние учтены только по 9-й армии). Противник на данном направлении имел 622 тыс.

солдат и офицеров в боевых порядках и 56 тыс. в запасе (пехотные дивизии – 35, отдельные пехотные бригады – 7, кавалерийские дивизии – 11, отдельные кавалерийские бригады – 1), 757 минометов и 2731 орудие [9, с. 11]. Как видно из сравнения, противник русского Юго-Западного фронта обладал превосходством в артиллерии.

Главнокомандующий фронтом А.А. Брусилов применил совершенно новую форму проведения операции. Она заключалась в нанесении одновременных ударов на нескольких участках Юго-Западного фронта.

Перед операцией была проведена тщательная подготовка. А.А. Брусилов требовал, чтобы каждая армия осуществила тщательную разведку неприятельских позиций и атаку проводила в соответствии с заранее разработанным планом: «Атака должна быть проведена по строго обдуманному и рассчитанному плану, причем намеченный план разрабатывать в деталях не в кабинете по карте, а на месте показом, совместно с исполнителями атаки от пехоты и артиллерии» [8, с. 118].

Кроме того, А.А. Брусилов также писал своим подчиненным: «Задачи как пехоте, так и артиллерии указывать точно и определенно, не допуская общих выражений, как то: «обстрелять высоту…», «перенести огонь на соседние участки» и т.д.» [8, с. 118].

Рассмотрим применение русской артиллерии Юго-Западного фронта в период с 22 мая по конец июня 1916 г. в ходе «Брусиловского прорыва».

Следует отметить, что взгляды на боевое применение артиллерии на Западном и Восточном направлениях Первой мировой войны имели существенные различия. К 1916 г. у воевавших держав был накоплен некоторый опыт прорыва позиционной обороны. И на западном направлении, и в России отмечали решающую роль артиллерии при прорыве позиционной обороны, однако выводы по ее применению существенно отличались. Во Франции и Германии считали, что артиллерия должна все уничтожить и разрушить. На этот счет даже существовал афоризм «артиллерия разрушает, пехота наводняет». Но даже при высоких плотностях артиллерия была способна подавить противника лишь на определенное время при частичном уничтожении и разрушении наиболее важных целей. Такой метод требовал проведения длительной артиллерийской

подготовки и вел к постепенному преодолению обороны противника в низком темпе.

Исходя из сложившейся ситуации в ходе Первой мировой войны, русские артиллеристы не могли рассчитывать на сосредоточение большого количества артиллерии на участках прорыва и неограниченный расход боеприпасов. По этой причине в России больше внимания уделялось совершенствованию способов действий артиллерии. Уже в начале 1916 г. выходит множество указаний, наставлений, в которых делается попытка по новому организовать применение артиллерии при прорыве укрепленной долговременной обороны противника.

Наиболее обстоятельно вопросы боевого применения артиллерии по опыту боев в конце 1915 и начале 1916 г. были рассмотрены в разработанной В.Ф. Киреем брошюре, которая были издана на Юго-Западном фронте. Согласно данной брошюре существо действий артиллерии заключалось в том, чтобы «обеспечить возможность в час, указанный для атаки… поднять одновременно всю намеченную для этого пехоту и довести ее до намеченной цели» [3, с. 253]. Относительно вопроса о продолжительности артиллерийского огня В.Ф. Кирей склонялся к проведению короткой артподготовки атаки.

Различные мнения на фронтах побудили Ставку утвердить и направить в войска единые «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы». Согласно этому документу артиллеристам предписывалось заблаговременно проводить тщательную подготовку к операции для решения задач по разрушению оборонительных сооружений противника, борьбе с вражескими батареями и уничтожению пулеметов и других огневых точек. В «Общих указаниях» имелись рекомендации по проведению «ложных переносов огня» в глубину в сочетании с демонстрацией пехотой атаки.

Документ также содержал указания о группировке артиллерии. Считалось, что артиллерийские группы следует создавать исходя из характера решаемых задач.

В полосе действия Юго-Западного фронта в преддверии Брусиловского прорыва группировки артиллерии создавались из характера поставленных задач. Например, в 9-й армии были созданы

четыре артиллерийские группы, в состав которых входили орудия различных калибров для выполнения разнообразных задач. Такими задачами являлись разрушение окопов, проделывание проходов в проволочных заграждениях, уничтожение долговременных огневых точек противника, а также ведение контрбатарейной борьбы. Первая группа имела 40 орудий, вторая – 50, третья – 42. Четвертая группа предназначалась для борьбы с артиллерией противника и имела в своем составе 27 орудий. Создание группы для контрбатарейной борьбы с артиллерией врага в масштабе армии явилось на тот момент новым шагом в развитии группировки артиллерии.

Плотность артиллерии на участках Юго-Западного фронта была различной. Так, на 20-километровом участке прорыва 8-й армии, выполнявшей главную роль в ходе «Брусиловского прорыва», плотность артиллерии была всего 20 орудий на 1 км. В других армиях Юго-Западного фронта плотность артиллерии была еще ниже и составляла от 11 до 15 орудий на километр фронта. С учетом бомбометов и минометов плотность артиллерии повышалась до 30–35 орудий и минометов на 1 км.

Например, наносившая главный удар 4-я стрелковая дивизия под командованием генерала А.И. Деникина получила в качестве средств усиления 40-й мортирный дивизион, две батареи 18-го тяжелого дивизиона, 8-ю батарею 6-й тяжелой бригады и батарею 10-см гаубиц. Сам генерал А.И. Деникин писал по тому поводу: «…никогда за всю войну Железная дивизия не обладала такой мощной техникой, и нам казалось, что в условиях Русского фронта мы достаточно сильны для прорыва и победы» [5, с. 357, 359].

Для каждой армии Юго-Западного фронта длительность артиллерийской подготовки была различной и составляла от 8 до 48 часов.

Как уже упоминалось ранее, наступлению предшествовала напряженная подготовка. В тылу русских войск были оборудованы макеты австрийских позиций, на которых отрабатывались методы взаимодействия артиллерии с другими родами войск. Русские артиллеристы отрабатывали ведение огня по проволочным заграждениям, окопам и дзотам, а также поддержку пехоты в ходе наступления.

В ночь на 22 мая армии Юго-Западного фронта заняли исходные рубежи для атаки. Артиллеристы в ночь перед наступлением завершали подготовку: обсуждали способы взаимодействия с пехотой, уточняли цели противника.

Рано утром 22 мая артиллерия Юго-Западного фронта открыла сильный огонь по оборонительным сооружениям, батареям и живой силе австро-венгерских войск. Австрийские солдаты, укрывшиеся в своих укреплениях, не увидели в то утро восхода солнца, так как на них обрушились тысячи снарядов. Среди рева орудий русской полевой артиллерии выделялись «голоса» тяжелых орудий и мортир, которые планомерно разрушали неприятельские долговременные укрепления.

Успешными были действия артиллерии 8-й и 9-й армии Юго-Западного фронта на правом и левом крыле. Этому способствовала хорошая предварительная подготовка: цели были тщательно разведаны и пристреляны, была продумана система корректировки артиллерийского огня. Итоги стрельбы были очень хорошие. При небольшом расходе снарядов русским артиллеристам удалось проделать много проходов в проволочных заграждениях. Например, только батареи 15-й артбригады за полдня проделали 23 прохода. При этом по свидетельствам очевидцев в некоторых местах проходы сливались в одну большую брешь. На выполнение проходов в проволочных заграждениях было потрачено 6900 гранат.

В течение 36-часовой артиллерийской подготовки батареи 4-й стрелковой («Железной») дивизии генерала А.И. Деникина выпустили 20 снарядов. Сам А.И. Деникин писал позднее: «Первый раз наша артиллерия получила возможность выполнить основательно ту задачу, которая достигалась ценою лишней крови» [5, с. 366].

На участке 7-й армии артподготовка продолжалась двое суток и сопровождалась бомбардировкой позиций противника с воздуха.

С наступлением темноты основная часть артиллерии русской 8-й армии прекратила огонь. Вместе с тем были выделены специальные артиллерийские батареи для ведения беспокоящего огня ночью по австро-венгерским позициям.

На следующий день в 4 часа утра русские артиллеристы начали мощную артподготовку, которая длилась 5 часов. В ходе

артподготовки батареи крупного калибра подавляли вражескую артиллерию, легкие и мортирные батареи, разрушали окопы второй линии противника.

С 6.30 часть орудий каждой батареи перенесла огонь по окопам первой линии обороны противника, увеличив темп огня до предельного. В 9 часов утра все батареи перенесли огонь на третью линию окопов противника и по целям в глубине.

С началом атаки русских пехотинцев штурмовые, траншейные и легкие орудия двигались в боевых порядках пехоты в качестве артиллерии сопровождения. Для лучшего взаимодействия артиллерии с пехотой артиллерийские наблюдательные пункты были вынесены вперед.

Очевидцы тех событий на многих направлениях отмечали высокую эффективность огня русской артиллерии. Так, укрывшиеся в «лисьих норах» солдаты 2-й пехотной австрийской дивизии были настолько ошеломлены, что, не успев покинуть убежище, были пленены или уничтожены. Потери в частях 70-й пехотной дивизии превысили 50 %, а в частях 2-й пехотной дивизии процент потерь был еще более высоким.

С первых дней наступления благодаря мощному и точному огню артиллерии русские войска добились крупных успехов. В течение одного-двух дней наступления первая позиция противника была прорвана. На направлении главного удара 8-я армия к 5 мая овладела Луцком, расширив прорыв до 7 км в ширину и 3–5 км в глубину. Уже в первые сутки наступления было взято в плен более 40 тыс. солдат и офицеров, захвачено до 130 орудий и бомбометов. Спустя три дня количество пленных превысило 72 тыс. чел. [4, с. 203].

Яковлев Н. в своей книге вспоминал о тех событиях: «По земле, где тягостным маем 1915 года пятились озлобленные, измученные русские солдаты, в пьянящий май 1916 года шли бравые полки Брусилова. Наступала отлично вооруженная и снаряженная армия, о нехватке снарядов забыли, командиры батарей заботились только о том, чтобы от той частой стрельбы не перегревались орудия и не портились каналы стволов» [4, с. 166].

Развивая первоначальный успех, войска Юго-Западного фронта быстро продвигались вперед. При этом действия артиллеристов отличались находчивостью и храбростью. В качестве примера можно

привести действия фейерверкера 4-й артбригады Березовского у местечка Заставна. Артиллерийская бригада поддерживала 101-ю пехотную дивизию, которая преследовала австрийцев. Фейерверкер Березовский в качестве передового наблюдателя шел вместе с пехотой и в числе первых ворвался во вражеские окопы. Используя брошенный телефонный провод, он быстро установил связь с русской батареей и стал корректировать ее огонь. Обнаружив фланкирующий пулемет австрийцев, Березовский выдвинулся вперед и четко корректировал огонь, пулемет был уничтожен, что обеспечило беспрепятственное продвижение вперед [6, с. 203].

Еще одним примером стали действия конной русской артиллерии. Когда 6-й Заамурский полк, преследуя врага, вышел к Заставне, в его порядках следовала и 2-я батарея 1-го конно-горного дивизиона. Убедившись, что вражеская батарея за отсутствием впереди русской конницы обязательно ускользнет, полковник Ширинкин решил бросить для ее преследования часть орудийных расчетов своей 2-й батареи. Без промедления 60 всадников во главе с командиром батареи капитаном Насоновым и самим полковником Ширинкиным ворвались в Заставну. Из того числа всадников 40 были направлены для преследования пехоты, а капитан Насонов с остальными за уходившей батареей неприятеля. Первая группа всадников, рубя и рассеивая отступающую пехоту, взяла в плен 150 чел. Вторая группа, настигнув батарею, пленила 2 офицеров, около 80 артиллеристов, захватила 30 лошадей и 4 исправных орудия. Об этом случае командующий 9-й армией генерал Лечицкий донес главнокомандующему войсками фронта, на что тот ответил телеграммой следующего содержания: «Благодарю полк Ширинкина и кап. Насонова за их разумный и смелый почин и доблесть, а нижним чинам, участвовавшим в конной атаке, – мое спасибо и жалую всем Георгиевские кресты. Брусилов» [7, с. 54–55].

В конце июня, когда 8-я армия вышла на подступы к городу Станиставув, 41-й армейский корпус, отбив контратаку противника, расположился в районе д. Тысмяница. В составе корпуса имелось 12 батарей дивизионной артиллерии, батарея 122-мм гаубиц и батарея 107-мм полевых тяжелых пушек. Ночью орудия неприятеля открыли огонь по русскому обозу, проходившему с большим шумом

в тылу корпуса, и были засечены по вспышкам выстрелов русскими артиллеристами. Утром вся артиллерия корпуса обрушилась на засеченные батареи и отчасти на окопы австрийцев, ведя стрельбы исключительно химическими снарядами. Тот внезапный и точный орудийный огонь вызвал у противника панику. Неприятельская артиллерия была подавлена. Русская пехота атаковала австрийские позиции, почти полностью пленила занимавшие их войска и захватила тяжелые орудия. Продолжая наступление, 41-й армейский корпус без боя овладел г. Станиславув [2, с. 180–181].

Подведем некоторые итоги. Наступление Юго-Западного фронта, получившее в историографии наименование Брусиловского прорыва, можно разделить на два периода. В ходе первого периода, который длился с 22 мая по конец июня 1916 г., русские войска достигли больших успехов по сравнению со своими союзниками по коалиции, сумев прорвать неприятельскую оборону на трехсотверстном фронте в ширину и на шестьдесят верст в глубину. В условиях позиционной войны ни одной из держав не удавалось до того добиться такого крупного успеха.

Брусиловский прорыв имел большое военно-политическое значение. Он привел к крупному поражению австро-венгерских войск в Галиции и Буковине. В ходе наступления Юго-Западного фронта противник потерял убитыми, ранеными и пленными до 1,5 млн чел. Только пленными австро-венгерские войска потеряли свыше 400 тыс. чел. Русскими трофеями стали 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Чтобы ликвидировать прорыв, верховное командование стран Центрального блока вынуждено было снять с Французского, Итальянского и Балканских фронтов 30 пехотных и 3 кавалерийских дивизий [1, с. 33].

Тем самым Брусиловский прорыв значительно облегчил положение союзников в сражении на Сомме и спас терпящую поражения итальянскую армию от разгрома. Непосредственным результатом Брусиловского прорыва стал отказ Румынии от нейтралитета и присоединение к Антанте.

Оценивая итоги операции, сам А.А. Брусилов писал следующее: «По сравнению с надеждами, возлагавшимися на тот фронт весной 1916 года, его наступление превзошло все ожидания. Он выполнил данную ему задачу» [4, с. 191].

Огромную роль в успешном начале «Брусиловского прорыва» сыграла русская артиллерия. Распределенная по фронту поэшелонно русская артиллерия била по заранее намеченным целям, нанеся неприятелю максимальный урон уже во время огневого удара. При том сами армии Юго-Западного фронта наступали в разное время, пользуясь результатами артиллерийской подготовки. Анализ боевых действий первых дней наступления показал, что в среднем от начала ударов русской артиллерии до первой пехотной атаки в 8-й армии прошло 29 часов, в 11-й армии – 6 часов, в 7-й армии – 45 часов, а в 9-й армии – 8 часов.

Анализ боевого применения русской артиллерии показал, что в ходе артподготовки артиллеристы неоднократно применяли ложный перенос огня. Превосходно зная об австрийской оборонительной тактике, русские артиллеристы стремились нанести противнику максимальные потери еще до начала атаки пехоты. Для достижения этой цели во время артиллерийской подготовки русские батареи дважды совершали ложный перенос огня в тыл первой линии врага. Обычно это означало, что готовится атака пехоты. В итоге австрийцы выбирались из укрытий и занимали окопы и пулеметные точки, а русские орудия вновь били по первой линии. На третий раз противник не решился выйти из своих укрытий, чтобы не подставлять зря пехоту под огонь, и пошедшие в атаку русские войска массами брали затаившихся в убежищах врагов в плен. Этим обстоятельством и объясняется столь значительное количество пленных, взятых русскими войсками на оборонительных позициях противника.

Значительная доля в боевой работе русской артиллерии отводилась на контрбатарейную борьбу, то есть на борьбу с австро-венгерской артиллерией. И на этом направлении русская артиллерия также добилась значительных успехов. Задачи артиллерии Юго-Западного фронта облегчались тем, что русские артиллеристы во время «Брусиловского прорыва» не испытывали так называемого «снарядного голода».

В заключение следует отметить, что в ходе «Брусиловского прорыва» в войсках Юго-Западного фронта были разработаны передовые на тот момент методы применения артиллерии при прорыве укрепленных оборонительных полос противника.

Непременным условием прорыва считалось массирование артиллерии в направлении главного удара, достижение целей не бесконтрольным расходом снарядов, а ведение огня по конкретным заранее разведанным целям. Также непременным условием успеха считалась поддержка подвижным заградительным огнем артиллерии наступавшей пехоты. Боевые действия в ходе «Брусиловского прорыва» подтвердили высокую эффективность минометов и бомбометов, однако опыт боевых действий также показал и необходимость увеличения их числа в войсках.

Источники и литература

1. *Базанов С.Н.* Алексей Алексеевич Брусилов. – М., 2006.
2. *Барсуков Е.З.* Русская артиллерия в мировую войну. Т. 2. – М., 1940.
3. *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. III. – М., 1949.
4. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. – М., 2001.
5. *Деникин А.И.* Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. – М., 2006.
6. *Левин Ш.* Брусиловский прорыв. – М., 1941.
7. *Литвинов А.И.* Майский прорыв IX армии в 1916 году. – Петроград, 1923.
8. Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. Сб. документов. – М., 1940.
9. *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампании 1916 года. – М., 2006.
10. *Оськин М.В.* Брусиловский прорыв. – М., 2010.
11. *Яковлев Н.* 1 августа 1914. – М., 1974.

O.E. Ashcheulov

THE ROLE OF THE ARTILLERY OF THE SOUTHWESTERN FRONT DURING THE BRUSILOV BREAKTHROUGH IN MAY – JUNE 1916

Annotation. The article, based on the memoirs of participants in the First World War, examines the role of the artillery of the Southwestern Front during the Brusilov breakthrough in May – June 1916. The article provides information on the artillery grouping of the Southwestern Front on the eve of the Brusilov breakthrough, the specifics of the use of Russian artillery during the Brusilov breakthrough itself in May – June 1916, and provides conclusions and assessments of the use of artillery of the Southwestern Front in May – June 1916.

Keywords: First World War, 1916, Brusilov breakthrough, Russian artillery.

УДК 94(470.343)”1914/19”

А.И. Безденежных

ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЦАРЕВОКОКШАЙСКОМ УЕЗДЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается численность и национальный состав военнопленных германской и австро-венгерской армий, размещенных на территории Царевококшайского уезда Казанской губернии в период Первой мировой войны. Выявлен период расквартирования на территории Царевококшайского уезда военнопленных. Рассмотрена динамика изменения численности и национального состава военнопленных.

Ключевые слова: Казанская губерния, Царевококшайский уезд, беженцы, военнопленные, Первая мировая война.

Первая мировая война стала конфликтом, в котором страны-участницы бросили в бой миллионные армии. Потери сторон в ходе сражений доходили до нескольких десятков тысяч человек, кроме того, воюющие стороны впервые встретились со столь большим количеством военнопленных. Во время войны около 8 млн чел. стали военнопленными. Центральные державы потеряли пленными 3 470 138 чел., Антанта – 4 007 090 чел. [10, p. 47–64]. Для маневренных стадий Первой мировой войны, а особенно на Восточном фронте, были характерны массовые сдачи в плен. Во время первой Галицийской битвы в 1914 г. русским сдалось в плен от 100 000 до 120 000 австрийских военнослужащих. В плен к войскам Австро-Венгрии попали около 40 тыс. российских военных. В битве при Танненберге в германский плен сдались 50 тыс. (по немецким данным порядка 92 тыс.) русских, в ходе Праснышской операции русские взяли 14 тыс. немцев, а в ходе Карпатского зимнего сражения в 1915 г. в плен Русской императорской армии сдалось около 150 тыс. военнослужащих Германии и Австро-Венгрии. При осаде Ковно в 1915 г. в плен сдались 20 тыс. русских. В итоге Брусиловского прорыва, по разным данным, русским в плен сдалось от 325 тыс. до 417 тыс. военных Германии и Австро-Венгрии [9, с. 158, 159]. Местом размещения военнопленных стали внутренние губернии российской империи, в частности Казанская губерния.

Проблема пребывания иностранных военнопленных на территории Российской империи в период Первой мировой войны нашла отражение в работе Ю.И. Смирнова и М.И. Скрипниковой «Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны» [8]. Крупнейшей работой по данной проблеме за последнее время является диссертация доктора юридических наук И.Б. Беловой «Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России: 1914–1925 гг.» [1], в которой дается анализ ситуации с беженцами и военнопленными в центральных губерниях Европейской части России. Статья Г.В. Рокиной «Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии» посвящена проблеме военного плена в период Первой мировой войны. В ней анализируется малоизученный аспект темы – положение пленных Австро-Венгерской монархии в провинциальных уездных городах Российской империи [7].

Прибытие военнопленных в Поволжье, в частности в Марийский край, непосредственно связано с действиями русской армии. Поток военнопленных увеличивался или уменьшался в зависимости от успехов русских войск на фронтах.

Приказ подготовить г. Царевококшайск Казанской губернии и уезд для принятия военнопленных поступил в декабре 1914 г., до этого уезд и город использовались лишь для ссылки военнообязанных подданных враждебных стран: Германии, Австро-Венгрии, Османской империи.

Для подготовки города к прибытию военнопленных органы местного управления – уездный исправник, военный начальник Царевококшайского уезда, городская дума, волостные управы – составили списки домовладельцев г. Царевококшайска и каждой волости, готовых принять военнопленных, и определить количество мест для каждого домовладения. Пример: *таблица 1* со списками домовладельцев пригородных деревень, готовых предоставить места для размещения военнопленных.

Другие пригородные деревни могли предоставить следующее количество мест для размещения: Гомзово – 55 мест, Ширяйково – 28 мест. Так, всего деревни Лапшино, Гомзово, Жуково, Коряково, Ширяйково могли предоставить 299 мест для размещения военнопленных [2, л. 15–17].

Таблица 1

Список домовладельцев деревень Лапшино, Жуково, Коряково Вараксинской волости Царевококшайского уезда, изъявивших желание принять военнопленных [2, л. 7]

Название деревни	ФИО домовладельца	Количество мест
1	2	3
Лапшино	И.Ф. Изычев	5
	И.Н. Конев	10
	О.Г. Мимотин	10
	И.Г. Конев	5
	А.С. Мимотин	10
	А.А. Тарасов	5
	Ф.М. Тарасов	5
	Ф.М. Шитинкин	5
	М.И. Карасов	5
	А.С. Федяков	5
	Балашев	5
	Ф.И. Житинкин	5
	А.М. Федьяков	10
Жуково	Н. Рыжков	2
	П. Логинов	5
	Д. Романов	3
	И.М. Стариков	5
	А. Стариков	5
	В. Матвеев	3
	В.И. Солдаткин	5
	К. Коваринов	4
	И. Плотников	2
	Г. Матвеев	4
	П. Осокин	3
	И.П. Яшин	2
	Ф. Осипов	4
	И.С. Чернов	3
	И. Демьянов	3

1	2	3
Коряково	Л. Коваринов	10
	М. Коваринов	5
	И. Ивайлов	5
	М. Николаев	3
	И. Коваринов	3
	И.Е. Коваринов	2
	И. Плотников	3
	В. Плотников	4
	М. Филипов	10
	И.П. Булыгин	5

Сохранились телеграммы военных ведомств Царевококшайска и Казани, позволяющие определить начало прибытия военнопленных. Так, телеграмма с докладом военного начальника Царевококшайского уезда от 5 января 1915 г. свидетельствовала, что на территории Царевококшайского уезда военнопленных пока «не имеется» [2, л. 35].

Первый военнопленный появился в Царевококшайске 20 февраля 1915 г. Военнопленный австро-венгерской армии, нижний чин, Альберт Дарой, который являлся подследственным по делу о нахождении у него листовки «Воззвание к русским солдатам» [2, л. 61]. В городе он содержался до 8 марта 1915 г., после чего был отправлен в Казань. Здесь необходимо отметить, что русская сторона брала на себя обязанность содержания и транспортировки военнопленных. Отправка в Казань Альберта Дарой сопровождалась выдачей 1 руб. 44 коп. кормовых [2, л. 67].

Для транспортировки военнопленных из Казани в Царевококшайск использовались подводы. В телеграммах говорилось о количестве человек и необходимом для этого числе транспортных средств: для доставки из Казани в Царевококшайск 55 чел. требовалось 24 подводы [2, л. 76].

Кроме того, Царевококшайск был перевалочным пунктом для военнопленных, следовавших в Яранск Вятской губернии. В том случае, если военнопленные не могли выдержать столь долгую

дорогу, то им позволяли остаться в городе на лечение, естественно, под надзором соответствующих органов. Так, 1 марта 1915 г. Рудольф Раин, солдат австро-венгерской армии, остался в Царевококшайске для лечения [2, л. 83]. И после выздоровления, 23 апреля 1915 г., был отправлен в Яранск [2, л. 113].

В мае 1915 г. вышло распоряжение о прекращении отправки военнопленных в Сибирь в связи с большим количеством мест в Казанском военном округе. С 1 мая по 30 сентября 1915 г. в уезде не было постоянно размещенных военнопленных, они, как правило, отправлялись в Яранск или Казань через Царевококшайск, оставаясь здесь лишь на лечение в земской больнице.

Важным моментом была транспортировка с остановкой на ночевку в Царевококшайске партии из 826 военнопленных из Казани в Вятскую губернию. Для этого в Царевококшайске и уезде было затребовано 28 одноконных и 2 парных подводы и хлеб для кормления людей [2, л. 341]. Кроме этого, было принято решение о прекращении расквартирования военнопленных в лагере в Елабуге.

В итоге 7 октября 1915 г. в Царевококшайске остановились на ночевку сразу две колонны военнопленных численностью 826 и 2250 чел. [2, л. 351], что суммарно превосходило даже население города. В тот же день в Царевококшайск прибыла из Пензы и первая партия из 20 военнопленных австро-венгерской армии для размещения в городе и уезде [2, л. 353]. Все военнопленные по званиям были записаны в специальный реестр.

Таблица 2

Список военнопленных из г. Пенза, прибывших в Царевококшайск 7 октября 1915 г. [2, л. 353]

№	Звание	Фамилия, имя
1	2	3
1	капитан	Конрад Юлиус
2	поручик	Барако Нешком
3	поручик	Камерле Раймонд
4	подпоручик	Гаванский Стефан
5	подпоручик	Надаш Франц
6	прапорщик	Теодорович Миловой

1	2	3
7	прапорщик	Хамбран Стефан
8	поручик	Ласко Адольберт
9	поручик	Миноск Михась
10	подпоручик	Агивенбогрг Александр
11	подпоручик	Биро Аладарь
12	подпоручик	Тордан Зальтань
13	подпоручик	Штарк Карл
14	подпоручик	Надашь Нандор
15	подпоручик	Катона Юзеф
16	подпоручик	Вамомер Людвиг
17	прапорщик	Стефанчик Юзеф
18	прапорщик	Артиннер Ескефор
19	поручик	Шураны Емиль
20	прапорщик	Апитмань Шитван

По поручению командования Казанского военного округа составлялись данные (*табл. 3, 4, 6*) о воинских званиях и национальной принадлежности военнопленных [2, л. 389].

Таблица 3

Распределение военнопленных в Царевококшайском уезде по специальностям и национальностям на 12 октября 1915 г.
[2, л. 389]

Специальности	**Национальности**					
	австрийские немцы	**сербы**	**мадьяры**	**евреи**	**чехи**	**словенцы**
Офицеры	1	3	8	7	2	1
Врачи				1		
Всего	1	3	8	8	2	1

Оформлялись «Списки движения» военнопленных, прибывших и убывших в Яранск, Казань или в Козьмодемьянск [2, л. 436]. Кроме информации о перемещении военнопленных, указывалось количество свободных мест для военнопленных

офицеров, а также сведения об использовании военнопленных на каких-либо работах.

По отчетам о численности военнопленных в Царевококшайском уезде с 1 ноября 1915 г. можно проследить их количественную динамику.

Из отчета за 22 ноября 1915 г. следует, что в Царевококшайском уезде размещено 22 офицера австро-венгерской армии и 16 нижних чинов. При этом ниже сделана приписка: «На работах нет никого. Есть 30 свободных мест для офицеров» [2, л. 487]. На 1 декабря в Царевококшайском уезде размещено 26 офицеров австро-венгерской армии и 16 нижних чинов, и 1 врач. «На работах нет никого. Есть 26 свободных мест для офицеров» [2, л. 500].

Местные власти старались увеличить количество мест для размещения офицеров. В докладе от 1 января 1916 г. отмечалось, что в Царевококшайском уезде размещено 36 офицеров австро-венгерской армии, 16 нижних чинов и 1 врач. «На работах нет никого. Есть 93 свободных места для офицеров, для нижних чинов мест нет» [3, л. 130].

Руководством Казанской губернии было дано распоряжение об учете профессий среди нижних чинов. В отчете имеется примечание о том, что нет пленных, занятых на работах, а среди нижних чинов есть 10 сапожников, 2 портных, 4 слесаря.

Таблица 4

Список распределения военнопленных Царевококшайского уезда по специальностям и национальностям на 15 января 1916 г. [3, л. 151]

Специальности	Национальности							
	австрийские немцы	сербы	мадьяры	евреи	чехи	словенцы	поляки	румыны
Офицеры	2	3	15	9	11	3	3	4
Врачи				1				
Нижние чины	3		13					
всего	5	3	28	10	11	3	3	4

В конце января 1916 г. военнопленные сербы, чехи, словенцы, поляки и румыны благодаря усилиям Королевской Сербской Миссии Красного Креста были отправлены в Казань для дальнейшей транспортировки в Одессу. В дальнейших отчетах военнопленные данных национальностей не встречаются.

5 февраля 1916 г. в Царевококшайск прибыли первые военнопленные германской армии [3, л. 151]. Данные об их возрасте, звании, месте жительства на родине, отмечены в *таблице 5*.

Таблица 5

Именной список военнопленных германской армии, прибывших в Царевококшайск 5 февраля 1916 г. [3, л. 151]

№	Фамилия и имя	Возраст	Звание	Место жительства
1	Гартман Вильгельм	30	поручик	Ольденбург
2	Эйзерман Фриц	24	поручик	Конрац
3	Диерк Ганц	26	поручик	Киль
4	Копп Отто	29	лейтенант	Кёнигсберг
5	Цирус Алельберть	23	лейтенант	Кёнигсберг

«Список движения» дает информацию об изменении численности военнопленных за период 1–15 февраля 1916 г. [3, л. 210]. Так, на 1 февраля 1916 г. в уезде размещалось 38 обер-офицеров и 16 нижних чинов австро-венгерской армии. В период с 1 по 15 февраля 1916 г. в уезд прибыло: 5 обер-офицеров и 1 нижний чин германской армии, 67 обер-офицеров, 1 штабс-офицер и 29 нижних чинов австро-венгерской армии. Информация из «Списков движения» содержит данные численности военнопленных на 15 февраля. Военнопленных германской армии было: пять обер-офицеров и один нижний чин. Военнопленных австро-венгерской армии числилось: 100 обер-офицеров; 1 штабс-офицер, 1 врач и 45 нижних чинов.

В итоговом списке приводятся такие данные по званиям военнопленных: 1 штабс-офицер, 105 обер-офицеров, 1 врач и 46 нижних чинов.

Таблица 6

Список распределения военнопленных в Царевококшайском уезде по специальностям и национальностям на 1 марта 1916 г.

[3, л. 248]

Армия	Специальности	Национальности					
		немцы	австрийские немцы	мадьяры	евреи	чехи	словенцы
Австро-Венгерская	офицеры		24	67	10		
	врачи				1		
	нижние чины		8	28		7	2
Германская	офицеры	5					
	нижние чины	1					
	всего	6	32	95	11	7	2

5 марта 1916 г. в Царевококшайский уезд из Алатыря прибыл один врач германской армии Теодор Манн, младший врач 28-го конного егерского полка родом из Касселя. Он был вызван для оказания медицинской помощи военнопленным и решения проблем языкового барьера.

Кроме того, часть сведений о численности военнопленных находится в документах Госархива Республики Татарстан. Здесь сохранились регулярные телефонограммы из Царевококшайска в Казань о численности, размещении и занятости военнопленных на работах в пределах уезда. Из данных телеграмм складывается картина постепенного увеличения числа военнопленных нижних чинов. В отчете «Сведения о всех имеющихся в Казанской губернии военнопленных на 20 февраля 1917 года» следует, что в Царевококшайском уезде было размещено 100 офицеров и 369 нижних чинов [5, л. 22–25]. Но и в этом случае сведения имеют лишь обобщающий характер и акцентируют внимание на использовании труда военнопленных без их разделения по национальности и подданству. Последние сведения по принадлежности военнопленных к той или иной армии стран Четверного союза относится к 30 октября 1916 г. Приводятся сведения о низших чинах, задействованных в работах на территории уезда: 89 военнопленных австрийской армии и 1 военнопленного болгарской армии, военнопленных германской армии к работам не привлекали [6, л. 139].

После заключения Брестского мирного договора 3 марта 1918 г. начался процесс репатриации военнопленных. Из Царевококшайского уезда их направляли в Казань и далее в западные губернии. Для этого была учреждена Царевококшайская уездная комиссия о пленных и беженцах. Она сформировала единую базу данных, до этого разбросанных по различным ведомствам, таким как полицейский надзиратель Царевококшайского уезда, городская земская управа, военный начальник Царевококшайского уезда и т.д.

Царевококшайская уездная комиссия о пленных и беженцах докладывала, что к 18 ноября 1918 г. на территории уезда размещалось 222 военнопленных, 1119 гражданских пленных, 3597 беженцев. Но уже к 25 октября 1918 г. осталось: 1 военнопленный, 17 гражданских пленных, 1120 беженцев, которые согласно инструкции от 19 июня 1918 г. приравнивались к местным жителям [4, л. 2].

В итоге, согласно докладу Царевококшайской уездной комиссии о пленных и беженцах от 14 ноября 1918 г., «отправка бывших военнопленных на родину закончена».

Таблица 7

Итоговая таблица распределения по национальностям военнопленных германской и австро-венгерской армий в Царевококшайском уезде с октября 1915 г. по март 1916 г.

[сост. по: 2]

Месяц и год	Национальности									
	немцы	австрийские немцы	мадьяры	евреи	чехи	словенцы	хорваты	сербы	поляки	румыны
Октябрь 1915 г.	-	1	8	8	2	1	-	3	-	-
Ноябрь 1915 г.	-	4	24	8	3	1	-	3	-	-
Декабрь 1915 г.	-	4	25	8	4	2	-	3	2	-
Январь 1916 г.	-	5	28	10	11	3	-	3	3	4
Февраль 1916 г.	5	9	38	10	-	-	-	-	-	-
Март 1916 г.	7	32	94	11	7	2	1	-	-	-

Таким образом, вся история пребывания австро-венгерских и германских военнопленных на территории Царевококшайского уезда, начавшаяся с прибытия 20 февраля 1915 г. военнопленного австро-венгерской армии, нижнего чина Альберта Дара, закончилась к 14 ноября 1918 г. Царевококшайский уезд был одним из многих пунктов размещения военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Казанского военного округа. Численность военнопленных росла, изменялся их национальный состав. После событий 1917 г., заключения Брестского мира начался процесс репатриации. Документов данного периода, несмотря на утраты, осталось достаточно много, чтобы воссоздать картину происходившего.

Источники и литература

1. *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России: 1914–1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России). – Брянск, 2015.

2. ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. 79. Оп. 1. Д. 128.

3. ГА РМЭ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 137.

4. ГА РМЭ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 130.

5. ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. 1. Оп. 6. Д. 1191.

6. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1319.

7. *Рокина Г.В.* Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2017. – Т. 3. – № 1 (9) – С. 12–21.

8. *Смирнова Ю.И., Скрипникова М.И.* Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник МИЭП. – 2016. – № 1 (22). – С. 135–139.

9. Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. (Изд. Народным комиссариатом здравоохранения.) Вып. I. – М., 1923.

10. Treatment of Prisoners of War, Geo G. Phillimore and Hugh H. L. Bellot // Transactions of the Grotius Society, - Vol. 5, (1919). – Pp. 47-64.

A.I. Bezdenezhnykh

NUMBER OF WAR POWS IN TSAREVOKOKKSHAISKAYA UNION OF KAZAN GUBERNMENT IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR

Annotation. The article deals with the number and national composition of prisoners of war of the German and Austro-Hungarian armies stationed on the territory of Tsarevokokokshaisky district of Kazan province during the First World War. The period of cantonment on the territory of Tsarevokokokokshaisky uyezd of prisoners of war is revealed. The dynamics of changes in the number and national composition of prisoners of war is considered.

Keywords: Kazan province, Tsarevokokokshaisky district, refugees, prisoners of war, the First World War.

УДК 330.342.143

М.З. Гибадуллин,
А.Р. Нуриева

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Теме Первой мировой войны посвящено много научных публикаций, как российских, так и зарубежных исследователей. Однако большая их часть уделяет основное внимание тенденциям развития национальных экономик воевавших стран, боевым действиям на фронтах, дипломатии и международным отношениям и лишь фрагментарно затрагивает вопросы экономического положения административно-территориальных образований стран-участниц войны. В рамках статьи дается общий обзор развития экономики региона Казанского Поволжья в военные годы. Целью работы является выявление региональных особенностей развития экономики Казанской губернии в годы Первой мировой войны. Эмпирической основой исследования послужили официальные данные статистических служб, материалы, опубликованные органами государственного управления, документы Национального архива Республики Татарстан.

A.I. Bezdenezhnykh

NUMBER OF WAR POWS IN TSAREVOKOKKSHAISKAYA UNION OF KAZAN GUBERNMENT IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR

Annotation. The article deals with the number and national composition of prisoners of war of the German and Austro-Hungarian armies stationed on the territory of Tsarevokokokshaisky district of Kazan province during the First World War. The period of cantonment on the territory of Tsarevokokokokshaisky uyezd of prisoners of war is revealed. The dynamics of changes in the number and national composition of prisoners of war is considered.

Keywords: Kazan province, Tsarevokokokshaisky district, refugees, prisoners of war, the First World War.

УДК 330.342.143

М.З. Гибадуллин,
А.Р. Нуриева

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Теме Первой мировой войны посвящено много научных публикаций, как российских, так и зарубежных исследователей. Однако большая их часть уделяет основное внимание тенденциям развития национальных экономик воевавших стран, боевым действиям на фронтах, дипломатии и международным отношениям и лишь фрагментарно затрагивает вопросы экономического положения административно-территориальных образований стран-участниц войны. В рамках статьи дается общий обзор развития экономики региона Казанского Поволжья в военные годы. Целью работы является выявление региональных особенностей развития экономики Казанской губернии в годы Первой мировой войны. Эмпирической основой исследования послужили официальные данные статистических служб, материалы, опубликованные органами государственного управления, документы Национального архива Республики Татарстан.

Ключевые слова: Первая мировая война, Казанская губерния, промышленность, торговля, сельское хозяйство, рынок рабочей силы, мобилизация.

Накануне Первой мировой войны Российская империя находилась на подъеме. Французский журналист Э. Тери, посетивший Россию в 1913 г., по итогам своего знакомства с ситуацией в стране отметил: «…если тенденции, наметившиеся в период с 1900 по 1912 г. в крупнейших европейских государствах, сохранятся до 1950 г., к середине нынешнего века Россия будет доминировать в Европе как с политической, так и с экономической и финансовой точек зрения» [13, с.12]. Этим прогнозам, как известно, не суждено было сбыться. Начавшаяся 28 июля 1914 г. Первая мировая война в корне изменила политическую карту мира. Последствия войны оказались катастрофическими и привели к прекращению существования Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской империй, как геополитических образований, а Россия к тому же оказалась ввергнута в острую фазу гражданского противостояния.

Статистические данные и наблюдения современников свидетельствуют о том, что первые два года войны не вызвали в экономике России и ее регионов, за исключением тех, что оказались непосредственно в зоне боевых действий, глубоких потрясений. Исследования последних лет подтверждают этот факт. Например, А. Мацкевич и М. Харрисон на основе пересчета чистого национального дохода России делают следующее заключение: «Таким образом, положение России в период Первой мировой войны было, по нашим оценкам, не таким плохим, как принято считать. Национальный доход не снижался до конца 1915 г., который был отмечен хорошим урожаем зерновых. К 1916 г. начался экономический спад, однако он не превысил 10 % довоенного уровня 1913 г.» [5, с. 26].

Казанская губерния в силу своего пространственного расположения находилась вне зоны боевых действий. Поэтому население региона избежало тех тягостных последствий и испытаний, с которыми столкнулись жители западных губерний империи.

Региональная статистика подтверждает общеимперскую тенденцию. В Казанской губернии первые два года войны ситуация

оставалась стабильной. Тем не менее война нанесла определенный удар по экономике края, в особенности по сельскому хозяйству.

Слабая механизация сельскохозяйственного производства и высокий удельный вес физического труда делали эту отрасль народного хозяйства крайне чувствительной к изъятию трудовых ресурсов, а военная мобилизация в первую очередь коснулась сельских жителей. По опубликованным официальным данным из уездов губерний в войска было отправлено в общей сложности 277 580 чел. [10, с. 38]. Учитывая, что численность сельского населения трудоспособного возраста составляла на момент переписной кампании около 1243 тыс. чел., удельный вес изъятия трудовых ресурсов из аграрного сектора экономики составлял около 23 % рабочей силы. Следует отметить, что эта цифра близка к цифре изъятия трудовых ресурсов в целом по империи. Прежде всего убытие рабочих рук эффективного, трудоспособного возраста отразилось на площади посевов сельскохозяйственных культур.

В *таблице 1* приведены данные о площади посевов и валовом сборе продовольственных хлебов за период с 1914 по 1917 г. по региону.

Таблица 1

Динамика валового сбора продовольственных хлебов и посевные площади в Казанской губернии 1914–1917 гг. [сост. по: 11, с. 196, 212; 12, с. 12–13]

	1914	1915	1916	1917
Тыс. дес.	1308,6	1291,7	1,090,4	1138,7
Урожай, млн пуд.	40,1	74,1	58,7	60,8
Урожайность на 1 дес. пуд.	30,6	57,3	53,8	53,4

Из *таблицы 1* следует, что в 1915 г. по сравнению с 1914 г. в Казанской губернии имело место сокращение посевных площадей, отведенных под продовольственные хлеба, с 1309 тыс. десятин до 1291 тыс. десятин, а в 1916 г. уже более значительно – до 1090 тыс. десятин и почти не изменилось в 1917 г., составив лишь 1138 тыс. десятин. Но сокращение площади посевов мало повлияло на

урожайность зерновых культур. Первый год войны выдался в Поволжье неурожайным. По Казанской губернии удалось собрать около 40 млн пудов продовольственных хлебов, против 72 млн пудов в 1913 г. и 75 млн пудов в 1912 г. [11, с. 12–13].

Органы местного самоуправления при поддержке центральных властей предприняли экстренные меры по налаживанию продовольственного снабжения населения и стабилизации регионального сельскохозяйственного рынка. Был введен запрет на вывоз овса, ржи и муки за административные границы губернии. Кроме того, на средства государства было закуплено продовольственного и семенного хлеба на сумму 3820 тыс. руб. [9, с. 68]. Активность властей по продовольственному снабжению нуждающегося населения позволила избежать повторения тяжелой ситуации, случившейся в регионе в 1892 г., а уже следующий 1915 г. дал хороший урожай – более 74 млн пудов хлеба. Неплохие, хотя и несколько меньшие, урожаи были получены в последующие два года. При этом на протяжении всего периода войны урожайность на единицу засеянной площади оставалась в пределах среднего значения.

Одной из причин, позволивших сельскому хозяйству региона сравнительно безболезненно адаптироваться к условиям военного времени, является введение в России ограничений на продажу питейной продукции. Запрещение продажи спиртных напитков улучшило материальное благосостояние населения и направило его повседневные интересы и усилия на улучшение экономического состояния собственного хозяйства. Органы местного самоуправления констатировали многочисленные факты роста заинтересованности крестьян в улучшении технической оснащенности своих хозяйств. Сельское хозяйство края в связи с войной пережило лишь незначительные трудности.

Региональная промышленность и торговля в первые военные годы и вовсе не испытывала заметных осложнений. В Казани и других городах губернии действовало большое количество предприятий, производивших продукцию двойного назначения. Фабриканты легко перестроили производство под нужды военного спроса. Заказы на обмундирование, продовольственное снабжение и фураж для нужд действующей армии и тыловых частей, госпиталей

оживили местную промышленность. Заводы по производству одежды, обуви, химических веществ процветали.

В *таблице 2* представлены ключевые показатели состояния промышленности в Казанской губернии накануне и в годы войны.

Таблица 2

Показатели состояния промышленности в Казанской губернии накануне и в годы войны [сост. по: 2, с. 66, 30, 156, 383, 413; 3, с. 30–31; 11, с. 38]

	Валовая продукция промышленности в Каз. губ. (в ценах 1913 г.)	Динамика промышленного производства (Каз. губ.)	Динамика промышленного производства (Рос. империя)	Доля Каз. губ. в валовой продукции промышленности России	Численность рабочих, тыс. чел. Каз. губ.	Средний годовой заработок рабочего в довоенных рублях (кожевенная и меховая промышленность)	Коэффициент применения детского и подросткового труда на предприятиях Каз. губ.
1913	64452,7	100,0	100,0	1,83	15940	196	0,09
1914	71986,6	111,6	104,5	1,97	18376	187	0,1
1915	97008,5	150,6	119,7	2,31	23867	242	0,12
1916	104862,2	162,7	124,4	2,40	25978	203	0,13
1917	81068,4	125,8	86,4	2,67	27037	109	0,15
1918	16273,5	25,2	20,8	2,23	20755	27	0,08

Из *таблицы 2* видно, что ключевые показатели развития промышленности в национальном и региональном разрезе на протяжении 1914–1916 гг. характеризовались положительной динамикой. Наблюдался рост валового выпуска промышленной продукции (в ценах 1913 г.), причем в крае темпы роста промышленности были более высокими по сравнению с российскими показателями, благодаря чему к 1917 г. доля губернии в российском промышленном производстве увеличилась с 1,83 до 2,7 %.

По сведениям Департамента окладных сборов, общее число подотчетных ему предприятий и организаций по Казанской губернии возросло с 7499 единиц в 1913 г., до 8004 единиц в 1914 г. и до

8284 единиц в 1915 г., а совокупный объем их прибыли за те же годы возрастал следующим образом: 7293 тыс. руб. (1913), 8633 тыс. руб. (1914) и 10 140 тыс. руб. (1915) [9, с. 238].

Фискально-надзорные органы на местах сообщали о положительных трендах в развитии местной промышленности и торговли. В журнале заседания Общего присутствия от 12 апреля 1916 г. записано: «В истекшем 1915 году торговля и промышленность находились в исключительных условиях. Вызванный военным временем большой спрос на многие товары в этом году еще более усилился. Результатом этого явилось соответствующее повышение цен и громадный рост прибыли. Затем вследствие недостатка рабочих рук, сокращения производства, затруднения подвоза возник быстрый рост цен и на товары общего потребления. Каждый запас товара или случайный остаток являлся для держателя источником получения прибыли в несравненно большем размере, чем то было возможно в предыдущем году. В таких благоприятных условиях оказались очень многие предприниматели, преимущественно крупные, обладающие большими оборотными капиталами, а следовательно, и большей способностью иметь запасы» [7, л. 3].

В обзоре Министерства финансов отмечалось: «В Казанской губернии главнейшая отрасль промышленности – кожевенная находилась в самом цветущем состоянии. Производительность ее повысилась, по меньшей мере, на 70 % и именно в связи с войной, так как нужды военного ведомства в кожевенном товаре неисчерпаемы. Мукомольное дело достигло небывалых размеров (до 2 млн пуд. крупчатки), повысившись в сравнении с прежним временем в 1½ раза. Производство мыла и стеариновых свечей также повысилось, вследствие усиленного требования мыла для армии и для местных военных, городских, земских и частных госпиталей» [9, с. 241].

Рост производства во многих отраслях промышленности стимулировали государственные военные заказы. Так, казанский цеховой В.Г. Шабанов в течение только сентября – декабря 1914 г. получил от Казанского окружного интендантства четыре заказа на производство полушубков на сумму 331 485 руб. Казанский кожевенный заводчик А.М. Наумов в ноябре – декабре 1914 г. получил четыре заказа на изготовление полушубков на общую сумму 107 030 руб. «Торгово-промышленное общество

Алафузовских фабрик и заводов», имевшее в Казани кожевенный завод и льноткацкую фабрику, в течение февраля – июня 1915 г. получило от Петроградского окружного интендантства четыре крупных заказа на изготовление разнообразного снаряжения для армии, солдатских гимнастерок, вещмешков и шинельной парусины на сумму 1 490 350 руб. Еще один гигант отечественной промышленности – «Товарищество химических заводов Ушкова», имевший в Казани завод, – в октябре 1915 г. получил от Казанского порохового завода долгосрочный пятилетний заказ на производство серной кислоты на сумму 2 400 000 руб. [6, л. 2–120].

В 1916 г. В.Г. Шабанов и группа казанских кожевенных заводчиков – Н.А. Жулин, Н.М. Зобнин и П.И. Зобнин – учредили «Товарищество Казанской сапожной мануфактуры», которое в первый же год существования получило от государства заказ на изготовление кожаной обуви для армии на сумму 1 341 745 руб. За год фирма изготовила более 103 тыс. пар обуви, которая практически полностью была реализована военному ведомству [8, л. 551–552].

Не остались без внимания государства также «самозанятые» – мелкие кустари и артели сапожников. Все они были привлечены к шитью армейской обуви. В течение первого военного года ими было изготовлено более 209 тыс. пар обуви на 1 772 680 руб. [1, с. XXVI].

Хорошо заработали на военных поставках местные хлеботорговцы. По сообщению казанского губернатора, специальным уполномоченным для нужд армии было закуплено в губернии овса, муки, ржи, крупы и других зерновых продуктов более 4,3 млн пудов на сумму 4,6 млн руб.

Кроме того, Казанским губернским земством для тех же целей было приобретено у местных торговцев продовольственных товаров 220 пудов на 463 457 руб., предметов снаряжения и обмундирования на 879 637 руб. [1, с. XXIII–XXIV].

Однако временное расширение производства и торговли создавало лишь иллюзию экономического благополучия, маскируя неминуемо приближающейся крах экономики. В условиях войны расширенное воспроизводство приобрело двоякий характер. С одной стороны, имело место перераспределение элементов производства (основного и оборотного капитала) в пользу предприятий и отраслей, работавших на нужды армии и фронта. Но затраченные на эти цели

материальные ресурсы «уходили» из экономики, не создавая новых ценностей. С другой стороны, сокращалось производство на нужды внутреннего гражданского потребления. Возникшее противоречие – разрыв между мирным и военным производством – рано или поздно должно было привести к кризису национальной экономики.

В приведенном выше фрагменте из журнала Общего присутствия, несмотря на общий позитивный отчет, при внимательном прочтении, можно увидеть назревающие риски военно-мобилизационной экономики: разгон инфляции на потребительском рынке, усиление спекулятивных ожиданий и, следовательно, возрастание нестабильности на внутреннем рынке; рост прибыли, обеспеченный инфляцией, а не реальным ростом объема товарооборота, в особенности в сфере обращения; сокращение предложения рабочей силы на рынке труда, нарушение логистики поставок товаров широкого потребления.

К указанным кризисным тенденциям в развитии экономики региона необходимо добавить еще и то обстоятельство, что не все отрасли промышленности удачно вписались в условия военного времени. С существенными затруднениями столкнулась лесопромышленность вследствие убыли рабочих и вздорожания труда. Так, доставка леса на крупнейшую в Казанском Поволжье специализированную лесную ярмарку под Козьмодемьянском из года в год сокращалась: в 1914 г. сюда для реализации было доставлено 3100 однорядных плотов, в 1915 г. 1700 плотов, а в 1916 г. только 730 плотов [4, с. 8].

Введение сухого закона затруднило существование заводов, производивших питейную продукцию, терпели убытки продавцы винно-водочной продукции, содержатели кабаков, винных лавок и погребов.

Переход от восходящей к нисходящей динамике промышленного производства произошел только в 1917 г. Но в национальном масштабе обвал промышленности оказался резким и глубоким. Выпуск промышленной продукции ушел в минус и опустился ниже показателя 1913 г., что свидетельствует о начале кризиса. В Казанской губернии 1917 г. был еще относительно благополучным. Спад промышленного производства, по сравнению с 1916 г., также заметен, но валовый выпуск промышленной продукции оставался еще на четверть выше уровня 1913 г.

В 1918 г. ситуация в промышленности повсеместно приобрела угрожающий характер. Объем производства по губернии сократился на 75 % от довоенного уровня, а по России на 80 %.

В отличие от сельской местности, в городах военная мобилизация лиц трудоспособного возраста была не столь масштабной, поэтому численный состав промышленного пролетариата в первые военные годы существенно не пострадал, а по сравнению с 1913 г. даже вырос. И только в 1918 г. статистическая служба зафиксировала сокращение численности промышленных рабочих в крае до 20,7 тыс. чел., но это количество все же было больше, чем в 1913 г. (см. *табл. 2*).

Мобилизация и связанный с ней отрыв от производства кадровых, профессиональных рабочих оказал влияние на качественный состав рабочей силы. В промышленности увеличилась доля применения детского и подросткового труда. Для наглядной иллюстрации процесса замещения труда эффективной рабочей силы трудом малолетних и подростков воспользуемся коэффициентом замещения труда, который рассчитывается путем деления абсолютного показателя численности подростков и детей, занятых в производстве в определенный период, на абсолютный показатель численности взрослых рабочих, занятых в производстве в тот же период. Данный показатель колеблется в диапазоне от единицы до нуля. В первом случае он означает, что в производстве произошло полное замещение труда взрослых, кадровых рабочих, трудом детей и подростков, а во втором случае он означает, что замещение труда на производстве полностью отсутствует. Коэффициент замещения, рассчитанный для Казанской губернии за период войны, говорит о том, что по сравнению с довоенным уровнем он заметно вырос и снизился только в 1918 г. (см. *табл. 2*).

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. За годы Первой мировой войны экономика Казанской губернии, как и Российской империи, пережила два ярко выраженных этапа: первый, длившийся до 1916 г., характеризовался положительной динамикой промышленного развития, второй – нисходящей динамикой, быстро переросшей в кризис 1918 г. В экономике Казанской губернии, в отличие от общенациональной экономики, рост промышленности на первом этапе характеризовался более высокими темпами, а ее спад на втором этапе происходил не столь стремительно.

2. Отдельные отрасли промышленности неоднозначно отреагировали на переход страны к военно-мобилизационной экономике. Подъем наблюдался лишь в тех из них, которые обслуживали военные нужды государства. Стимулом для роста объемов производства на предприятиях этих отраслей служили государственные военные заказы.

3. В динамике сельскохозяйственного производства ключевую роль, как и прежде, играл природно-климатический фактор. Несмотря на значительные изъятия трудовых ресурсов из аграрного сектора экономики, валовые сборы и сборы на единицу посевных площадей существенных изменений не претерпевали.

4. На рынке рабочей силы в результате мобилизации произошло частичное замещение профессиональной, эффективной рабочей силы непрофессиональной.

Источники и литература

1. Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 г. Издание Казанского губернского статистического комитета. – Казань, 1916.

2. Всероссийская промышленная и профессиональная перепись. Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. Т. XXVI. Вып. 1 и 2. – М., 1926.

3. Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Предварительная сводка данных. Сводные таблицы по Советской республике. – М.,1920.

4. Годовые обзоры важнейших отраслей народного хозяйства. Год девятый. Издание Института экономических исследований. – Петроград, 1920.

5. *Маркевич А., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. – М., 2013.

6. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 3. Оп. 1. Д. 9492.

7. НА РТ. Ф. 3. Оп. 1 Д. 11335.

8. НА РТ. Ф. 756. Оп. 1. Д. 4.

9. О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России / Министерство финансов. Деп. оклад. сборов. – Петроград, 1916.

10. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. – М., 1923.

11. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. 1. – М., 1921.

12. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й: Год десятый. – Петроград, 1917.

13. *Тери Э.* Экономическое преобразование России. – М., 2008.

M.Z. Gibadullin,
A.R. Nurieva

ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE KAZAN VOLGA REGION DURING THE FIRST WORLD WAR

Annotation. A wide variety of scientific publications by both Russian and foreign researchers are devoted to the topic of the First World War. However, most of them focus on the trends in the economic development of the national economies of the warring countries, military operations at the fronts, diplomacy and international relations, and only partially touch upon the issues of the economic situation of the administrative-territorial entities of the countries participating in the war. The article provides a general overview of the economic development of the Kazan Volga region during the war. The purpose of the work is to identify regional features of the economic development of the Kazan province during the First World War. The empirical basis of the study was official data from statistical services, materials published by government agencies, and information collected in the National Archives of the Republic of Tatarstan.

Keywords: World War I, Kazan province, industry, trade, agriculture, labor market, mobilization.

УДК 94.47

М.В. Оськин

НА КОВЕЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИИ: РУССКАЯ ГВАРДИЯ В БРУСИЛОВСКОМ ПРОРЫВЕ 1916 г.

Аннотация. В кампании 1916 г. на Восточном фронте, характеристикой которой стали победы русского оружия в Брусиловском прорыве, активное участие начиная с июля месяца приняла Русская императорская гвардия. Действуя на наиболее тяжелом ковельском стратегическом направлении, гвардейцы проявили массовое мужество и героизм

12. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й: Год десятый. – Петроград, 1917.

13. *Тери Э.* Экономическое преобразование России. – М., 2008.

M.Z. Gibadullin,
A.R. Nurieva

ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE KAZAN VOLGA REGION DURING THE FIRST WORLD WAR

Annotation. A wide variety of scientific publications by both Russian and foreign researchers are devoted to the topic of the First World War. However, most of them focus on the trends in the economic development of the national economies of the warring countries, military operations at the fronts, diplomacy and international relations, and only partially touch upon the issues of the economic situation of the administrative-territorial entities of the countries participating in the war. The article provides a general overview of the economic development of the Kazan Volga region during the war. The purpose of the work is to identify regional features of the economic development of the Kazan province during the First World War. The empirical basis of the study was official data from statistical services, materials published by government agencies, and information collected in the National Archives of the Republic of Tatarstan.

Keywords: World War I, Kazan province, industry, trade, agriculture, labor market, mobilization.

УДК 94.47

М.В. Оськин

НА КОВЕЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИИ: РУССКАЯ ГВАРДИЯ В БРУСИЛОВСКОМ ПРОРЫВЕ 1916 г.

Аннотация. В кампании 1916 г. на Восточном фронте, характеристикой которой стали победы русского оружия в Брусиловском прорыве, активное участие начиная с июля месяца приняла Русская императорская гвардия. Действуя на наиболее тяжелом ковельском стратегическом направлении, гвардейцы проявили массовое мужество и героизм

в выполнении поставленной перед ними задачи – штурм ковельского укрепленного района. Однако добиться победы не удалось – большие потери при незначительных результатах – вот итог кампании, выпавший на долю русской гвардии. Тем не менее сражение за Ковель, невзирая на его неудачу, стало лучшей характеристикой гвардейской доблести и отваги, проявленной Гвардией в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Ключевые слова: Гвардейский отряд, генерал Безобразов, Брусиловский прорыв, штурм Ковеля, река Стоход, «Квадратный лес».

Брусиловский прорыв армий Юго-Западного фронта стал ярчайшей страницей побед русского оружия в кампании 1916 г. и Первой мировой войне вообще. Однако, оправившись после первого тяжелейшего поражения в конце мая – первой половине июня, неприятель сумел остановить русские атаки, постепенно переводя русское наступление в тупик позиционной войны. Главную роль в выстраивании рухнувшей австро-венгерской обороны сыграли германские соединения, занявшие ключевые точки оборонительного фронта и, благодаря превосходству в вооружении, особенно в тяжелой артиллерии и пулеметах, втянувшие русских в кровопролитные штурмы укрепленных районов. Одной из основных таких точек стало ковельское направление – железнодорожный узел Ковель, защищенный болотистой местностью русла реки Стоход.

Сознавая важность взятия Ковеля, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилов, при поддержке руководства Ставки Верховного командования во главе с М.В. Алексеевым, сосредоточил свои усилия на штурмах Ковеля, в конечном счете переросших в «мясорубку» по образцу Верденской во Франции. После того как германская группа А. фон Линзингена отбила атаки русской 8-й армии А.М. Каледина, было принято решение атаковать Ковель силами элитных войск – Гвардии, так как к началу июля армии Брусилова понесли потери в более чем 400 тыс. чел. [16, л. 346, 368, 371], что составляло не менее ½ численности войск фронта к началу Брусиловского прорыва.

Таблица 1

Потери Юго-Западного фронта в первый период Брусиловского прорыва

Дата	Убито		Ранено		Пропало без вести		Заболело	
	офицеров	солдат	офицеров	солдат	офицеров	солдат	офицеров	солдат
15 мая – 1 июня	336	18 426	1147	92 795	69	13 124	144	12 444
1–15 июня	378	22 318	1766	124 101	132	20 255	321	16 563
15 июня – 1 июля	309	19 964	1404	105 717	150	25 158	343	16 864

Главный удар был передан прибывшим из Белоруссии на место сражений гвардейским частям. Из них была создана группа В.М. Безобразова, возглавившего Гвардию по личному распоряжению императора Николая II. М.В. Алексеев, сознававший неподготовленность генерала Безобразова к столь ответственному командованию, ничего не смог поделать для его устранения. Брусилов в своих воспоминаниях также дал невыгодную характеристику командному составу Гвардии, отметив, что гвардейские командиры «не соответствовали своему назначению» [2, с. 209]. В Гвардейскую группу вошли 1-й (великий князь Павел Александрович, дядя императора) и 2-й (Г.О. Раух) гвардейские пехотные корпуса, Гвардейский кавалерийский корпус (Г. Хан Нахичеванский). Гвардия 6 июля была выдвинута между 3-й и 8-й армиями, сменив здесь 39-й армейский корпус С.Ф. Стельницкого.

3 июля генерал Брусилов прислал в армию телеграмму о предстоящих действиях: 8 июля фронт переходит в общее наступление. Гвардия при содействии 30-го армейского и 5-го кавалерийского корпусов атакует Ковель с юга. С севера и востока на Ковель наступают 3-я армия, 1-й Туркестанский корпус и 4-я финляндская стрелковая дивизия, дабы занять переправы на Стоходе. 8-я армия наступает на Владимир-Волынский с целью взять его. 11-я армия атакует на направлении Броды – Львов, 7-я и 9-я армии оттесняют противника перед собой [17, л. 79].

Невзирая на задачу главного удара, гвардейцы не получили ни дополнительных сил для развития успеха (Безобразов просил 1-й Сибирский корпус, переходивший в 3-ю армию), ни артиллерийского усиления (Безобразов просил оставить ему артиллерию 39-го армейского корпуса), ни авиации для проведения тщательной разведки (Гвардия имела в своем распоряжении всего один самолет). Примечательно, что 1-й Сибирский корпус все равно в конце июля усилил обескровленную Гвардию, 39-й корпус не принял участия в сражении, а русская авиагруппировка была постепенно увеличена. Почему нельзя было сделать это своевременно – перед штурмом Ковеля, – это вопрос к штабу фронта и лично Брусилову.

Активные действия немецкой авиации, превосходящей русские самолеты, как в качестве техники, так и в численности летательных аппаратов, не позволили русским вести разведку неприятельских оборонительных рубежей, на которые намечалась атака. Преимущество немцев в воздухе было четырехкратным в количестве, усугубляясь качеством боевых машин [1, с. 19]. В боях за Ковель немцы наносили непрестанные бомбовые удары по расположению русских войск у Рожище, Киверец, Луцка и других пунктов, а также по лесным массивам вблизи линии фронта, где могли находиться русские части. Слабость русской авиации не позволяла противодействовать этим налетам в должной степени. Войскам приходилось просто укрываться от авиаударов. Например, приказ В.М. Безобразова от 5 августа предписывал «постоянно обеспечивать войска и тылы от нападений неприятельских самолетов. Необходимо стремиться так оборудовать позицию и тыловую полосу до района армейской базы включительно, чтобы дать возможность укрыться во время налетов неприятельских самолетов от осколков бомб или хотя бы от взрывов неприятельских летчиков всем могущим находиться там людям, лошадям и повозкам» [15, л. 12].

Более того, накануне атаки гвардейцев на ковельском направлении 15 июля германская авиация бомбила Рожище – штаб Гвардейского отряда, до конца и без помех, так как зенитных пушек в Гвардии не было, а единственный самолет штабс-ротмистра Гринева был быстро сбит ввиду явного неравенства сил [11, л. 58]. Уже в конце лета в ходе очередной бомбардировки Рожище

28 августа осколком бомбы был убит инспектор артиллерии Особой армии генерал-лейтенант В.П. Мамонтов [14, л. 116].

Важным фактором неудачи стало отсутствие сведений о германской обороне. Сама атака была предпринята на восьмой день с момента прибытия Гвардии на позиции, что не дало времени для наземной разведки и взятия «языков». Иной же информации у Безобразова попросту не было.

Таким образом, судьба прорыва зависела от успеха Гвардии, на долю которой выпала ноша идти на острие удара и понести наиболее тяжелые потери. После ожесточенной артиллерийской подготовки гвардейские полки 15 июля 1915 г. силами 2-го гвардейского корпуса Г.О. Рауха атаковали противника. У местечек Трыстень и Ворончин был разгромлен усиленный германский 10-й корпус В. фон Лютвица. Однако ключ обороны – городок Витонеж – взять не удалось, а лишь переправиться напротив Витонежа на левый берег Стохода и создать там плацдарм. К сожалению, этот плацдарм впоследствии стал ловушкой для державшихся там подразделений. 1 ноября германская 121-я пехотная дивизия генерала Витфурта с незначительными потерями овладела предмостным укреплением, взяв русский гарнизон в плен [3, с. 92].

В боях 15 июля группа Безобразова взяла в плен более 20 тыс. чел. и 56 орудий. За день на многих участках были взяты все три линии неприятельских окопов. Результаты первого дня, по словам Г.О. Рауха, «были блестящи: укрепленная позиция противника была взята на фронте примерно 8 верст и расположение его прорвано в глубину на 12 верст». Но большие потери и отсутствие резервов для развития успеха [11, л. 66 об.] не позволили развить прорыв. 1-й гвардейский корпус вел локальные атаки на своем участке, а других резервов, как говорилось, Гвардии не дали.

Слабость русской артиллерии стала прямо-таки роковой. Надо отметить, что в ходе артиллерийской подготовки на большинстве участков не были уничтожены не только немецкие пулеметные гнезда, но даже и как следует не проделаны проходы в заграждениях из колючей проволоки – «хотя в некоторых местах проволока была разрушена, проходы были сделаны, но нигде не были разрушены ни пулеметные гнезда, нигде не были германцы артиллерийским огнем загнаны в свои окопы, что позволяло им распоряжаться свободно

всеми находящимися у них оборонительными средствами… всюду предлагалось русской пехоте атаковать позиции противника в том виде, в каком их германцы построили, идти на приступ против неприятельских позиций, бывших в совершенной целости» [7, л. 4 об.].

После провала атаки штаб Юго-Западного фронта не отчаялся, но так и не решился перенести главный удар на Владимир-Волынский. 25–28 июля Гвардия тщетно пыталась вторично пробиться к Ковелю. Понеся огромные и, что самое главное, бесполезные потери у Кухарского леса и под Витонежем, русские были вынуждены отойти и совершенно прекратить атаки. Главной причиной неудачи явилась ставка на живую силу как следствие нехватки артиллерии: 8-я армия за 23 мая – 5 июня потеряла 30 тыс. чел., но взяла трофеями 105 тыс. чел., 100 орудий и 500 пулеметов. Гвардия в июльских боях потеряла 32 тыс. почти без результата.

Зайончковский А.М., в этих боях помогавший Гвардии своим 30-м армейским корпусом, характеризует июльский штурм Ковеля как «кровавое бесцветное побоище на Стоходе» [20, с. 52]. М.В. Алексеев назвал ковельскую операцию – «состояние бессилия при общем превосходстве сил» [13, с. 6]. Императору же ничего не оставалось, как отметить доблесть войск: «благодарю дорогую моему сердцу Гвардию за те великие подвиги, которые она вновь проявила во время последних боев на славу Родине и мне. Желаю ей дальнейших успехов» [19, л. 15].

15 августа гвардейский отряд с приданными корпусами стал переформатироваться в новую, Особую армию, а через два дня В.М. Безобразов был заменен на В.И. Гурко. Особая армия вошла в состав Западного фронта, командующий которым А.Е. Эверт тоже одобрил смену гвардейского руководства, заметив в письме жене от 22 августа: «Безобразов ушел, на его место назначен Гурко, в него у меня больше веры» [9, л. 53].

В течение осени 1916 г. Гвардия продолжала вести позиционные бои в составе Особой армии, развернувшейся в районе так называемого «Квадратного леса» или, по немецкой терминологии – «Яйцевидного леса», отграниченного деревнями Свинюхи и Корытница. С 3 сентября, в течение недели, русские наступали в районе Свинюхи, и везде были отражены. Советский писатель

В.В. Вишневский вспоминал: «Истребление Гвардии! Атаки 3 и 7 сентября! Никакой артиллерийской подготовки не было. Перед нами густые ряды немецких проволочных заграждений, сквозь которые немыслимо пройти… Более жестокой, более бессмысленной битвы я не видел ни до, ни после боев у Свинюх» [5, с. 747].

Командир лейб-гвардии стрелкового Царскосельского полка Э.А. Верцинский говорит, что «атаки велись шаблонно, без достаточной продуманности, без тщательной подготовки и с недопустимой суетливостью и поспешностью». После неудачной атаки 7 сентября было решено «видоизменить способ действий и сначала овладеть Квадратным лесом по частям, ведя систематическую инженерную подготовку подходом летучими сапами и ведением подкопов под неприятельские окопы для производства пороховых взрывов». Русские атаковали 17 и 21 сентября, 1 октября, а 5 октября германцы контрударом отбили все, что взяли русские на окраинах леса. Верцинский считает, что «к причинам неудачи надо отнести помимо неправильного выбора пункта атаки на фронте гвардейской стрелковой дивизии в охват Квадратного леса еще недостаточную артиллерийскую подготовку, чему в значительной степени мешала крайняя близость неприятельских окопов от наших передовых линий. В результате пулеметные блиндажи противника не были разбиты, а в проволочном заграждении пробиты проходы узкие и в недостаточном числе, что, в свою очередь, давало неприятелю возможность сосредоточивать свои силы против проходов» [4, с. 158–159, 163, 166].

Тактика действий русских войск на ковельском направлении была скопирована с действий немцев под Верденом. То есть с той самой операции, которая, по признанию самих же германских военачальников, вызывала дрожь у столь дисциплинированных войск, как немецких. Генерал-квартирмейстер войск Гвардии Б.В. Геруа, отмечая чрезвычайную насыщенность ударных армий войсками, дает следующую характеристику действий Особой армии осенью 1916 г.: «...в сущности, армия в этот период занималась не боевой тактикой, а статистикой потерь. Идея Гурко была: долбить, но не разрушать боеспособности своих войск. Как только долбящая единица понесла “довольно потерь”, она сменялась другой. Для того и понадобилось 13 корпусов. В то время, как боевая линия

обозначала шаг на месте, тыл армии по ночам кипел жизнью – все куда-нибудь маршировали. Смена одних частей другими этого требовала» [6, с. 24]. Сам же В.И. Гурко в своих воспоминаниях отмечал, что главная цель атак Особой армии заключалась в поддержке Румынии. Он пишет, что осенью армия предприняла пять попыток наступления – «за это время в атаках, оказавшихся для обеих сторон весьма кровопролитными, успели поучаствовать почти все мои дивизии. Однако прежде, чем боеспособность частей успевала снизиться наполовину, их отводили в резерв для быстрого пополнения. Ближе к концу октября вся артиллерия и пехота пришли в такой беспорядок, что для правильной реорганизации армейских корпусов потребовалась новая перегруппировка войск» [12, с. 202].

В итоге 13 сентября командир 1-го гвардейского корпуса великий князь Павел Александрович был назначен инспектором войск гвардии, а сменил его ранее командовавший 2-й гвардейской пехотной дивизией потомственный гвардеец (35 лет службы в Гвардии) П.П. Потоцкий. В конце месяца командир 2-го гвардейского корпуса Г.О. Раух прислал великому князю несколько писем, в которых изложил свое видение этих боев. Раух пишет, что первая общая атака была назначена на 3 сентября, и несмотря на возражения гвардейцев о необходимости предварить атаку разрушением неприятельских укреплений, командарм-8 А.М. Каледин объявил, что «позиции неприятеля полевые и что достаточно 5-часовой артиллерийской подготовки». Разумеется, атака была отбита. На вопрос штаба армии о причинах неудачи, гвардейцы ответили – малая артподготовка. Новый приказ Каледина – день артподготовки и атаковать на следующее утро 7 сентября. Невзирая на то, что 8-й армейский корпус пошел в атаку преждевременно в 3.00 ночи вместо 4.30 и тем сорвал эффект неожиданности, а 40-й армейский корпус не двинулся с места, чтобы помочь гвардейцам, 1-й гвардейский корпус занял Квадратный лес. Но 14 сентября, воспользовавшись непонятной сменой гвардейцев на 10-ю сибирскую дивизию, немцы контратакой отбили лес, взяв свыше 2 тыс. пленных и 30 пулеметов. На 19 сентября была назначена третья общая атака и на артподготовку давали полтора дня – «каждый раз Каледин мотивировал это недостатком снарядов». И эта атака была отбита, равно как и попытка удара 21 сентября. Лишь передача

Гвардии в Особую армию (управление 8-й армии отправлялось в Карпаты) позволила остановить «этого невоспитанного, грубого армейского казака», как Раух выразился о Каледине. Раух считал, что в определенной степени бессмысленная гибель гвардейцев являлась намеренной, и называет недоброжелателей Гвардии – Начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев, дежурный генерал Ставки П.К. Кондзеровский, начальник штаба Юго-Западного фронта В.Н. Клембовский – «все люди бумажные» [8, л. 5, 9, 11].

Энергичные люди необходимы там, где победа летит на крыльях, а брать человеческим мясом технически превосходно оснащенную крепость, каковой теперь уже на деле стал Ковель, невозможно. Но раз резервы прибывают – почему бы и не атаковать? В сентябре 1916 г. в Особую армию на пополнение прибыло 126 маршевых рот – 28 889 солдат, в октябре – 67 (16 308), в ноябре – 163 (37 600), в декабре – 93 (21 313). Пехота Особой армии к 1 сентября – 199 926 чел., к 1 октября – 381 022, к 1 ноября – 383 188, к 1 декабря – 384 073 чел. [10, л. 48]. Как видно из этих цифр, за осень количество пехоты в Особой армии выросло почти вдвое. Разумеется, это не пополнения – это новые войска, передаваемые Гурко для атак на ковельском направлении.

Сознавая бессилие атак Особой армии, в Ставке Верховного командования потребовали перенести усилия на юг, перебросив в Буковину управление 8-й армии. В разговоре по прямому проводу 21 сентября Алексеев указал, что надо остановить атаки 8-й и Особой армий, а атаковать 7-й армией, дабы перебросить резервы в 9-ю армию. Но начальник штаба Юго-Западного фронта В.Н. Клембовский ответил, что Брусилов «рассчитывает на достижение положительных результатов при атаке 8-й и Особой армиями, так как у них имеется много в резерве и повторением атак можно добиться истощения резервов противника ранее наших». Клембовский привел и психологические мотивы А.А. Брусилова: «главнокомандующему очень жаль бросать раз начатую операцию, так как надежды на ее успех имеется еще много». Вечером того же дня Алексеев сообщил теперь уже самому Брусилову, что на всеподданнейшей записке по итогам разговора Алексеева с Клембовским царь написал: «Я решительно против дальнейшего

развития операции 8-й и Особой армии, обещающей нам минимальный успех при громадных потерях». Алексеев запросил Брусилова: «какие Вы приведете соображения?» [18, л. 149–150, 154].

В итоге 27 сентября император распорядился прекратить развитие сражения на ковельском направлении, тем самым остановив дальнейшее бесцельное истребление войск императорской Гвардии.

Источники и литература

1. *Аверченко С.В.* Брусиловский прорыв. Борьба в воздухе. Часть 2 – наступление // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 12. – С. 11–20.

2. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. – М., 1983.

3. *Брухмюллер Г.* Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне. – М., 1923.

4. *Верцинский Э.А.* Из мировой войны. Боевые записи и воспоминания командира полка и офицера Генерального Штаба за 1914–1917 годы. – Таллинн, 1931.

5. *Вишневский В.В.* Собр. соч. в 5 тт. Т. 2. – М., 1954.

6. Военно-исторический вестник. – 1962. – № 19.

7. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 601. Оп. 1. Д. 676.

8. ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 160.

9. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а.

10. ГА РФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 12.

11. ГА РФ. Ф. 6249. Оп. 1. Д. 22.

12. *Гурко В.И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917. – М., 2007.

13. *Нелипович С.Г.* Цена победы. Генеральное наступление российской армии летом – осенью 1916 года: поставленные задачи и достигнутые цели // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 10. – С. 3–10.

14. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2048. Оп. 1. Д. 115.

15. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 404.

16. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 551.

17. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3622.

18. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3626.

19. РГВИА. Ф. 2177. Оп. 1. Д. 2197.

20. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6. – М., 1923.

M.V. Os'kin

IN THE KOVEL DIRECTION: THE RUSSIAN GUARD IN THE BRUSILOV BREAKTHROUGH OF 1916

Annotation. The Russian Imperial Guards took an active part in the 1916 campaign on the Eastern Front, characterised by the victories of the Russian arms in the Brusilovsky breakthrough. Acting in the most difficult, Kovel strategic direction, the Guards showed massive courage and heroism in fulfilling the task set before them – the storming of the Kovel fortified area. However, it was not possible to achieve victory due to heavy losses with insignificant results. This was the outcome of the campaign, which fell to the Russian Guards. Nevertheless, the battle for Kovel, despite its failure, has become the best characteristic of the Guards valor and bravery shown by the Guards during the First World War 1914–1918.

Keywords: Guards detachment, General Bezobrazov, Brusilovsky breakthrough, assault on Kovel, Stokhod River, Kvadratny Forest.

УДК 070:947.8(470.343)

О. М. Петров

МАРИЙСКАЯ ПЕЧАТЬ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье кратко рассмотрена проблема развития марийской печати в период 1917–1921 гг. После Февральской революции были сняты большинство цензурных и административных ограничений с прессы. Благодаря этому в августе 1917 г. марийская интеллигенция в Казани открыла газету «Ӱжара» («Заря»), просуществовавшую до декабря 1918 г. С началом Гражданской войны советская власть организовала целую сеть большевистских периодических изданий в Казани и других городах с компактным проживанием мари. Однако из-за ограниченности ресурсов и введения НЭПа в 1921 г. большая часть этих изданий была закрыта.

Ключевые слова: печать, газеты, большевики, периодика, литература, Марийский край, Казань.

Трагические события Гражданской войны оставили глубокий след в судьбах большинства народов России. Расколотое на два лагеря государство столкнулось с тяжелейшими последствиями: сдача

M.V. Os'kin

IN THE KOVEL DIRECTION: THE RUSSIAN GUARD IN THE BRUSILOV BREAKTHROUGH OF 1916

Annotation. The Russian Imperial Guards took an active part in the 1916 campaign on the Eastern Front, characterised by the victories of the Russian arms in the Brusilovsky breakthrough. Acting in the most difficult, Kovel strategic direction, the Guards showed massive courage and heroism in fulfilling the task set before them – the storming of the Kovel fortified area. However, it was not possible to achieve victory due to heavy losses with insignificant results. This was the outcome of the campaign, which fell to the Russian Guards. Nevertheless, the battle for Kovel, despite its failure, has become the best characteristic of the Guards valor and bravery shown by the Guards during the First World War 1914–1918.

Keywords: Guards detachment, General Bezobrazov, Brusilovsky breakthrough, assault on Kovel, Stokhod River, Kvadratny Forest.

УДК 070:947.8(470.343)

О. М. Петров

МАРИЙСКАЯ ПЕЧАТЬ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье кратко рассмотрена проблема развития марийской печати в период 1917–1921 гг. После Февральской революции были сняты большинство цензурных и административных ограничений с прессы. Благодаря этому в августе 1917 г. марийская интеллигенция в Казани открыла газету «Ӱжара» («Заря»), просуществовавшую до декабря 1918 г. С началом Гражданской войны советская власть организовала целую сеть большевистских периодических изданий в Казани и других городах с компактным проживанием мари. Однако из-за ограниченности ресурсов и введения НЭПа в 1921 г. большая часть этих изданий была закрыта.

Ключевые слова: печать, газеты, большевики, периодика, литература, Марийский край, Казань.

Трагические события Гражданской войны оставили глубокий след в судьбах большинства народов России. Расколотое на два лагеря государство столкнулось с тяжелейшими последствиями: сдача

территорий, интервенция, экономическая разруха, голод и большие демографические потери. Вместе с тем в эти годы происходили события, заложившие фундамент для многих политических и культурных преобразований. Это появление новых национальных образований, разрушение старого образа жизни и внедрение коммунистической идеи. В условиях Гражданской войны одним из важнейших направлений стало информационное противоборство сторон. Желая привлечь на свою сторону как можно больше населения, большевики развернули на подконтрольной территории широкую сеть периодических изданий. Особое внимание уделялось печатной пропаганде среди нерусского населения. В этом отношении большую роль сыграл возглавляемый И.В. Сталиным Народный комиссариат национальностей, выпускавший массу литературы и периодики на разных языках народов России. Так, с 1918 по 1921 г. на марийском языке выпускались до 10 газет. Некоторые из них просуществовали совсем небольшое время, оставив тем не менее заметный след в истории народа.

Февральская революция и свержение самодержавия привели к упразднению большинства политических ограничений. Это же касалось и печати, которая почти полностью освободилась от цензуры. Многие буржуазно-демократические и социалистические партии спешили воспользоваться ситуацией и открывали свои издания. Так, 17 марта 1917 г. возобновился выпуск центрального органа большевистской партии газеты «Правда». В это время оживились и национальные движения, которые искали пути к своей институционализации и нуждались в своей печати.

По инициативе известного ученого Н.В. Никольского 22 марта 1917 г. в Казани было создано Общество мелких народностей Поволжья, в которое вошли представители чувашей, мари, татар, удмуртов и мордвы. На первом съезде, прошедшем 15–22 мая, было принято решение о поддержке издания литературы и газет на национальных языках [10, с. 14]. Закономерным итогом стало открытие газет. Так, с 1 мая возобновили издание на чувашском «Хыпар» («Весть»). С 25 августа мари стали выпускать газету с символическим названием «Ӱжара» («Заря»).

Примечательно, что обе газеты издавались в Казани. В начале XX в. этот город был местом сосредоточения интеллигенции многих

народов Поволжья. Являясь в основном выходцами из аграрных районов, они в большинстве своем поддерживали партию эсеров. Так, сторонниками социалистов-революционеров были редакторы марийской газеты С.Г. Гаврилов-Эпин, Д.И. Адаев и В.М. Васильев [4, с. 39]. Октябрьская революция была холодно воспринята ими. В «Ӱжаре» долгое время не появлялась информация о событиях в Петрограде, а напечатанная 7 декабря статья И.Н. Коведяева носила лишь описательный характер, не отдававшей предпочтение ни одной стороне [7, с. 26]. Вместе с тем нельзя сказать, что политическая повестка была основной, газета поднимала вопросы развития культуры, образования, борьбы с неграмотностью [6, с. 25].

Несмотря на это, являясь порождением «февраля», судьба марийской газеты была предрешена. 12–24 февраля 1918 г. в Казани прошел съезд народа мари, на котором большинство делегатов поддержало советскую власть. По резолюции съезда в городе был организован Комиссариат мари при Совете рабочих и крестьянских депутатов, расположившийся в доме купца З.В. Журавлева. Возглавил комиссариат в будущем известный марийский писатель и общественный деятель В.А. Мухин. Он же с апреля 1918 г. стал единственным редактором «Ӱжары». После смены редактора газета сильно изменила свое направление, полностью встав на позицию большевиков. Несогласные с новым политическим курсом, Ф.Е. Егоров, И.Н. Коведяев, С.Г. Гаврилов и А.И. Адаев покинули редакцию [1, с. 60].

Таким образом «Ӱжара» перешла под контроль вновь образованного комиссариата мари. Его сотрудники принимали участие в организации национальных войсковых частей для Красной армии. Выезжали в марийские селения и армейские части для проведения агитации. Помимо выпуска газеты, комиссариатом издавалось множество агитационных воззваний и листовок. В июне 1918 г. вышло несколько номеров сельскохозяйственного журнала «Куралшэ» («Пахарь»). Однако из-за приближения Чехословацкого корпуса к Казани в июле его издательская деятельность прекратилась. 7 августа 1918 г. после тяжелых боев Красная армия оставила Казань. В городе были ликвидированы все советские органы и арестованы их работники. В их числе оказался редактор «Ӱжары» В.А. Мухин. Впоследствии сидевший вместе с ним в тюрьме

сотрудник комиссариата мари В. Соколов вспоминал, как дни и ночи проходили в тревожном ожидании худшего исхода: ««Подходит вечер, начинаешь думать: не моя ли очередь подошла?» [8, с. 32].

Однако уже 10 сентября 1918 г. Казань была освобождена от «белочехов», В.А. Мухин выпущен на волю, а комиссариат преобразован в отдел мари при Казанском губернском Совете депутатов. 24 сентября 1918 г. при отделе открылся подотдел печати (периодическо-издательский), который с 1 октября приступил к изданию новой газеты «Йошкар кече» («Красный день»), ответственным редактором стал В.А. Мухин. В первом номере был опубликован приказ № 1 с призывом не оказывать помощь контрреволюционерам и выдавать их местоположение советской власти. Также в газете были помещены материалы о жизни губернии после освобождения от белогвардейцев, письма из деревни [5, с. 1].

В 1919 г. подотдел печати был преобразован в Центральное издательство мари, объединившее в себе всю работу по выпуску периодической и непериодической литературы на марийском языке. Именно под его руководством газеты на марийском языке в 1919–1921 гг. станут выходить в Уфе, Вятке, Елабуге. С 1918 г. по 1923 г. в Отделе мари в Казани работали такие известные личности, как В.М. Васильев, В.А. Мухин, С.Г. Чавайн, Л.В. Васильев, С.А. Черняков, Н.В. Игнатьев, П.С. Шорин, Г.И. Голубкин, Д.П. Федоров, З.А. Кольцова, М.М. Товашев, А.К. Эшкинин, А.Д. Кедрова, Н.М. Орлов, Н.А. Алексеев и др.

После того как Центральное издательство мари наладило выпуск «Йошкар кече» на луговом наречии, сразу же встал вопрос об организации похожей газеты на горном наречии. Средства на издание были выделены из Москвы Центральным отделом мари при Наркомнаце. Зав. отделом Н.А. Алексеев 10 января 1919 г. писал, что из-за отсутствия какой-либо литературы на родном языке, горные мари остаются инертными и безразличными к социальной жизни, а потому просил марийское издательство в Казани как можно скорее приступить к выпуску газеты [2, л. 66]. 17 января 1919 г. вышел первый номер «Незерын шамакшы» («Голос бедняка»). Первые выпуски редактировал В.А. Мухин. Позднее газету переименовали в «Тӧр» («Правда»), а ее редактором с августа 1919 г. стал известный в будущем горномарийский писатель Н.В. Игнатьев.

Марийские газеты в период Гражданской войны учреждались и в других городах с компактным проживанием мари. Так, после открытия в Вятке Губернской секции мари с 14 февраля 1919 г. в городе стала выходить газета «Мари коммунист». Издание просуществовало всего полгода и было закрыто из-за отсутствия бумаги. Вместо нее в апреле 1920 г. стали издавать другую газету «Мари илыш» («Марийская жизнь»). Газета также испытывала большие трудности с материальным обеспечением и была закрыта через семь месяцев [9, с. 70].

Секцией мари в г. Бирске Уфимской губернии с 17 сентября издавалась газета на восточном наречии «Совет умландарымаш» («Известия Советов»). Одной из главных проблем всех марийских газет того времени был дефицит кадров. Так, редактор «Совет умландарымаш» В.Е. Бельский в отчете писал, что из-за отсутствия журналистов язык газеты сухой и порой, для того чтобы наполнить полосы, приходилось помещать материалы, не считаясь с их качеством [3, л. 5]. В дальнейшем для улучшения материального положения редакция переехала в Уфу, где выходила до 15 января 1921 г., издавалась уже под новым названием «Маяк».

Помимо газет, Центральным издательством мари в период Гражданской войны издавалась политическая, культурно-просветительская и научно-популярная литература. Всего за период с октября 1918 по 1920 г. было выпущено более 150 наименований различной литературы. Сотрудники отдела занимались научной и культурно-просветительской деятельностью, участвовали в разработке школьных и внешкольных программ по истории и этнографии народа мари.

Издательство мари продолжило свою работу и после образования Марийской автономной области до марта 1923 г. Оно издавало учебники и учебные пособия, ежемесячный журнал марийской секции ЦК РКП(б) «У илыш» («Новая жизнь»). В связи с началом издания этого журнала в Москве марийское издательство было переведено в Москву. Оно влилось в Восточное издательство Народного комиссариата по делам национальностей.

Период Гражданской войны – один из самых трагических в истории нашей страны. Но именно тогда в Марийском крае началось активное развитие печати. Желая активно влиять на

народные массы, большевики организовали широкую печатную агитацию. Так, до Октябрьской революции на марийском языке выходило всего одно периодическое издание. В течение следующих нескольких лет марийские газеты начали издаваться в Вятке, Козьмодемьянске, Бирске, Уфе и Елабуге. Качество этих газет оставляло желать лучшего, но они дали мощный импульс для развития марийской печати в будущем. Благодаря этим изданиям был накоплен опыт, появились новые журналисты, а также внесен значительный вклад в развитие марийского языка.

Источники и литература

1. *Востриков В.Г.* В.М. Васильев – ученый и просветитель. – Йошкар-Ола, 2007.

2. ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 29.

3. ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 37.

4. *Ефимова Н.А.* К вопросу о плюрализме периодической печати в Марийском крае 1907–1921 гг. // Марийский археографический вестник. – 2001. – № 11. – С. 48–56.

5. Йошкар кече. – 1918. – 1 октября. – № 1.

6. Путь национального самоопределения мари: 100-летию образования Республики Марий Эл посвящается. – М., 2019.

7. *Сануков К.Н.* «Ӱжара» // «Марий Эл»: колыбель души мари. – Йошкар-Ола, 2015. – С. 21–33.

8. *Сануков К.Н.* Владимир Мухин-Сави: очерк жизни и деятельности. – Йошкар-Ола, 2013.

9. *Сергеев М.Т.* Возникновение и развитие печати в Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1971.

10. Съезды народа Мари: документы и материалы. 1917–2004 гг. – Йошкар-Ола, 2008.

O.M. Petrov

MARI PRINTING DURING THE CIVIL WAR

Annotation. The article briefly examines the development of the Mari press in the period 1917–1921. After the February Revolution, most censorship and administrative restrictions on the press were lifted. As a result, in August 1917, the Mari intelligentsia in Kazan opened the newspaper “Uzhara” (“Dawn”),

which existed until December 1918. With the outbreak of the Civil War, the Soviet government organized a network of Bolshevik periodicals in Kazan and other cities with a compact Mari population. However, due to limited resources and the introduction of the NEP in 1921, most of these publications were closed.

Keywords: Printing, newspapers, Bolsheviks, periodicals, literature, Mari region, Kazan.

УДК 355.721

А.Ю. Пчелкин

НАКАЗАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К НИЖНИМ ЧИНАМ В СМОЛЕНСКОМ ВОЕННОМ ГОСПИТАЛЕ (ЛАЗАРЕТЕ)

Аннотация. Смоленский военный госпиталь является одним из старейших военно-медицинских учреждений России и Смоленщины. История его создания относится к началу XIX в. В настоящее время учреждение является базовым военно-медицинским учреждением Московского военного округа, широко применяющим современные методы диагностики и лечения. Целью работы выступает рассмотрение деятельности военного госпиталя конца XIX – начала XX в., включая применение к нижним чинам наказаний за определенные нарушения, провинности.

Ключевые слова: госпиталь, лазарет, наказания, нижние чины.

Более 200 лет насчитывает история Смоленского военного госпиталя (лазарета). Из доклада министра военных сухопутных сил от 28 декабря 1804 г. его Императорскому Величеству следует: «Обозревая по Вашей высочайшей воле военные и гражданские лазареты в Смоленской и Киевской губерниях, гофф-хирург надворный советник Гертелер представил свои замечания, что соединение войск в Смоленске во время их лагерного расположения, частые переходы военных команд, рекрутский набор, необходимость, в которой находятся полки, в случае похода оставлять больных своих, и стечение всех дезертиров непременно требуют основания там военного госпиталя». 29 декабря император Александр I наложил на документ резолюцию: «Быть по сему». Эта дата и послужила точкой отсчета в создании Смоленского военного лазарета, который в декабре 1808 г. был преобразован в военный госпиталь [5].

which existed until December 1918. With the outbreak of the Civil War, the Soviet government organized a network of Bolshevik periodicals in Kazan and other cities with a compact Mari population. However, due to limited resources and the introduction of the NEP in 1921, most of these publications were closed.

Keywords: Printing, newspapers, Bolsheviks, periodicals, literature, Mari region, Kazan.

УДК 355.721

А.Ю. Пчелкин

НАКАЗАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К НИЖНИМ ЧИНАМ В СМОЛЕНСКОМ ВОЕННОМ ГОСПИТАЛЕ (ЛАЗАРЕТЕ)

Аннотация. Смоленский военный госпиталь является одним из старейших военно-медицинских учреждений России и Смоленщины. История его создания относится к началу XIX в. В настоящее время учреждение является базовым военно-медицинским учреждением Московского военного округа, широко применяющим современные методы диагностики и лечения. Целью работы выступает рассмотрение деятельности военного госпиталя конца XIX – начала XX в., включая применение к нижним чинам наказаний за определенные нарушения, провинности.

Ключевые слова: госпиталь, лазарет, наказания, нижние чины.

Более 200 лет насчитывает история Смоленского военного госпиталя (лазарета). Из доклада министра военных сухопутных сил от 28 декабря 1804 г. его Императорскому Величеству следует: «Обозревая по Вашей высочайшей воле военные и гражданские лазареты в Смоленской и Киевской губерниях, гофф-хирург надворный советник Гертелер представил свои замечания, что соединение войск в Смоленске во время их лагерного расположения, частые переходы военных команд, рекрутский набор, необходимость, в которой находятся полки, в случае похода оставлять больных своих, и стечение всех дезертиров непременно требуют основания там военного госпиталя». 29 декабря император Александр I наложил на документ резолюцию: «Быть по сему». Эта дата и послужила точкой отсчета в создании Смоленского военного лазарета, который в декабре 1808 г. был преобразован в военный госпиталь [5].

Основная задача госпиталя (лазарета) – лечение больных и раненых, своевременное возвращение их в строй. В конце XIX – начале XX в. за ранеными и больными ухаживали нижние нестроевые чины. Отметим, что нижние чины в России с XVIII в. – это первая, или низшая степень (разряд) военных (воинских) чинов в вооруженных силах Российской империи [6]. Штат нижних чинов состоял из 100 чел. Казармы, в которых располагалась обслуживающая команда, находились на территории госпиталя (лазарета).

Для нижних чинов существовал свой отдельный график работы и отдыха, которому они обязаны были строго следовать. Естественно, что среди них находились люди с разной социальной ответственностью. Для одних закон – это закон, для других он таков, что его можно нарушить.

В разных архивах хранятся документы, рапорты, докладные, описывающие факты нарушения нижними чинами буквы закона. Рассмотрим случаи нарушения закона, как ранеными и больными, находящимися на лечении, так и нижними чинами, занимающимися уходом за ранеными и наведением порядка в госпитале (лазарете).

В Государственном военно-историческом архиве хранятся руководящие документы Смоленского военного госпиталя (лазарета). Заслуживает внимания выписка из алфавитной книги на Малофея Рыбакова из мещан, служителя госпиталя, датируемая апрелем 1904 г. Малофей Рыбаков был призван на службу и зачислен в Смоленский военный госпиталь (лазарет) служителем 23 ноября 1902 г. По рапорту начальника госпиталя полковника фон Весперника Константина Ивановича [3, с. 56], военным следователем VII участка Московского военного округа по Смоленской губернии полковником Лозинским Яковом Алексеевичем [3, с. 87] было проведено расследование.

Приговором полкового суда 4-го Копорского полка, состоявшегося 4 марта 1904 г. постановлено: госпитального (лазаретного) служителя Малофея Рыбакова за неисправимое свое дурное поведение и самовольную отлучку, продолжавшуюся 10 часов, предусмотрено книгой XXII Свода Военных Постановлений (С.В.П.), 1869 г., издание 3-е и по части 1, 191-й статьи книги и Свода одиночное заключение в военной тюрьме [2, л. 1–4.].

Статья 191, часть 1 констатирует: «Нижние чины, неоднократно замеченные в проступках означенных в предыдущей (190 статье) и неисправившиеся по наложенным на них начальством дисциплинарным взысканиям, подвергаются: одиночному заключению в военной тюрьме от одного месяца до двух месяцев и двух недель» [4, с. 141]. Те из них, которые, не удостоясь прощения штрафа, не исправятся в поведении и после наложенного на них однажды судом наказания, приговариваются – к одиночному заключению в военной тюрьме от двух месяцев и двух недель до четырех месяцев.

И далее, видимо, в зависимости от того, что Малофей Рыбаков не имел желания исправиться, на основании статьи 54 книги XXII С.В.П., 1869 г., изд. 3, он переводится как подсудимый в разряд штрафованных [4, с. 146].

Статья 54 регламентирует: «Перевод в разряд штрафованных определяется по приговору суда только как последствие, сопровождающее одиночное заключение в военной тюрьме и отдачу в дисциплинарные батальоны или роты, и распространяется на всех нижних чинов, пользующихся или не пользующихся особенными правами состояния» [4, с. 147].

Приказом № 99 по госпиталю (лазарету) от 31 марта 1904 г. служащий Малофей Рыбаков переведен на службу в 4-й Копорский полк. Письменные сведения отправлены командиру 4-го Копорского полка полковнику Кричинскому Константину Ильичу от 6 апреля 1904 г. за № 515 [2, л. 3–4.].

В 1913 г. при Смоленском военном местном лазарете (госпитале) была открыта военно-фельдшерская двухгодичная школа подготовки ротных фельдшеров. Обучались в школе солдаты, прикомандированные из частей. После обучения солдаты возвращались в свои части ротными фельдшерами. Ученики школы несли службу во всех больничных учреждениях, по содержанию помещений, по уходу за больными, дежурства в отделениях и выполняли все вспомогательные работы при обслуживании больных и служб. И также подчинялись распорядку, установленному в госпитале (лазарете).

В книге приказов по Смоленскому военному местному лазарету (госпиталю) мы находим: «…фельдшерского ученика Игнатия

Каткова, прикомандированного от 3-го пехотного Нарвского полка, прибывшего с военной гауптвахты, отбывавшего усиленный арест на 5 суток…» (приказ по лазарету (госпиталю) № 365 п. 3) [2, д. 4].

Арест – временное лишение военнослужащих свободы, назначаются как: 1) дисциплинарное взыскание; 2) наказание по приговору суда; 3) мера пресечения обвиняемому в преступном деянии или подсудимому способов уклониться от следствия и суда; 4) мера прекращения нарушений со стороны военнослужащих общего порядка службы и благочиния.

Первые три формы ареста впервые установлены в кодексе, более известном под названием «Артикул Краткий» 1706 г. Как общее понятие ареста, он был не доработан, в нем не были определены сроки ареста. Однако подсудимые нижние чины всегда содержались под арестом.

А вот уже в действующем Уставе Дисциплинарном (С.В.П. 1869 г., книга XXIII, изд. 3) устанавливается дисциплинарный арест для нижних чинов – трех видов: простой арест – не свыше 1 месяца; строгий арест – не свыше 20 суток; усиленный арест – не свыше 8 суток [4, с. 132].

Арест нижние чины отбывали на военной гауптвахте, в одиночных камерах, при простом и строгом аресте – в светлых, а при усиленном аресте – в темных; причем при строгом и усиленном аресте арестованные получали горячую пищу через два дня в третий, при строгом – ежедневно чайное довольствие, не отпускаемое при усиленном.

Военная гауптвахта, в которой отбывали наказание арестованные нижние чины, ученики фельдшерской школы, больные и раненые, находилась в Смоленске на ул. Большая Благовещенская (ныне ул. Большая Советская). Белое здание слева, «утопленное» вглубь, обнесенное забором. В народе это красивое здание называлось «невеселое заведение».

Командовал конвоирами, сопровождающими осужденных до военной гауптвахты, начальник Смоленской конвойной команды подполковник Жуков.

8 января 1915 г. с военной гауптвахты возвращаются нижние чины Афанасий Ковалев и фельдшерский ученик Адам Филиппович [2, д. 4].

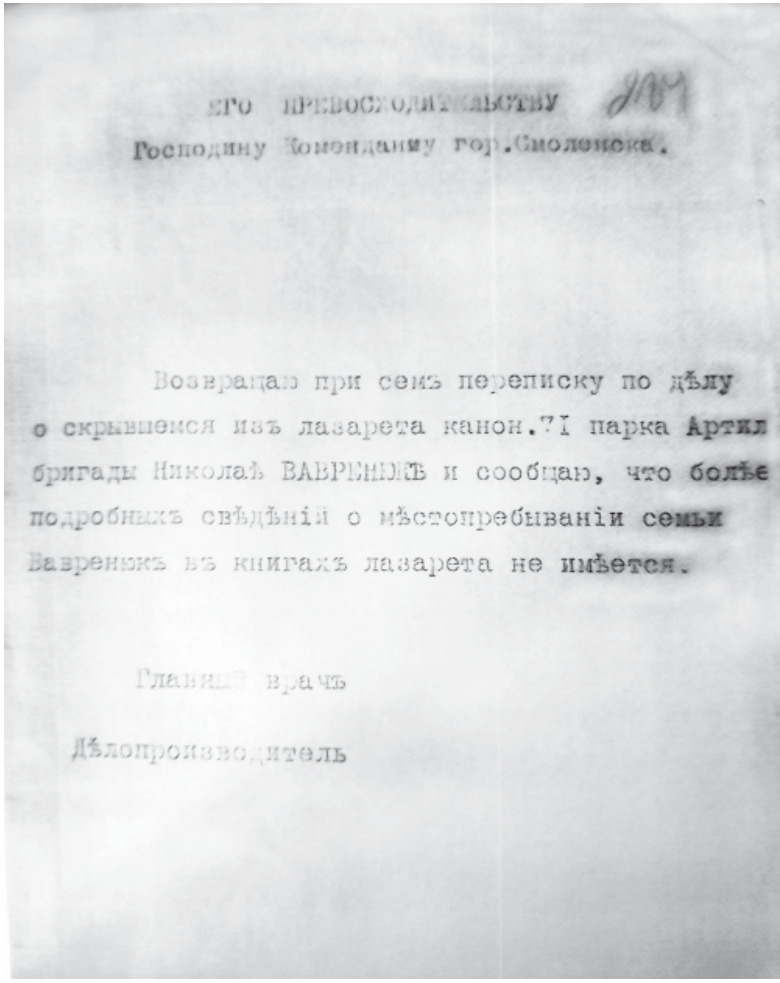

Здание военной гауптвахты на ул. Б. Благовещенская

15 января 1915 г. за самовольную отлучку в ночное время главный врач лазарета (госпиталя) статский советник П.В. Вербицкий арестовывает простым арестом фельдшерских учеников Константина Шамсиева, Спиридона Боровикова, Василия Лукьянова и Дмитрия Кодакова, но без гауптвахты, а с исполнением служебных обязанностей (приказ № 54 от 15 января 1915 г.) [2, д. 4].

На служителя лазарета (госпиталя) Федора Гавриленкова за неоднократные самовольные отлучки налагался строгий арест на 20 суток с отбыванием на военной гауптвахте [2, д. 4].

В Государственном архиве Смоленской области находим документы – рапорты главного врача Смоленского военного лазарета (госпиталя) коменданту города Смоленска о не вернувшемся солдате, отпущенном в Смоленск. Переписка полностью не сохранилась, отдельный документ о разбирательстве свидетельствует следующее. Расследования по факту скрывшегося из лазарета канонира 71-го парка артиллерийской бригады Николая Вавренюка проводились тщательно, так как запрашивалось даже место жительства родственников [1, д. 354].

Его Превосходительству
Господину Коменданту гор.Смоленска.

Возвращаю при семъ переписку по дѣлу о скрывшемся изъ лазарета канон.7I парка Артил бригады Николаѣ ВАВРЕНЮКЪ и сообщаю, что болѣе подробныхъ свѣдѣній о мѣстопребываніи семьи Вавренюкъ въ книгахъ лазарета не имѣется.

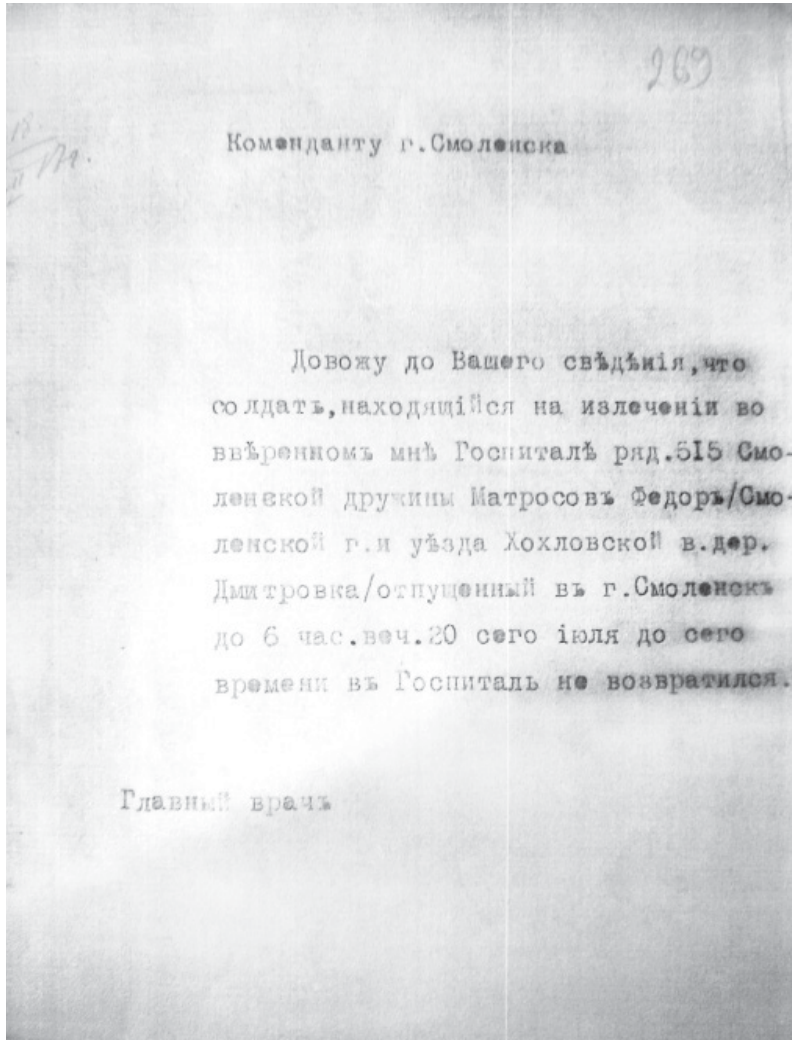
Главный врачъ

Дѣлопроизводитель

Запрос главного врача коменданту г. Смоленска по факту скрытия Н. Вавренюка из лазарета

Следующий документ – рапорт коменданту Смоленска о солдате, находящемся на лечении и отпущенном до 6 часов вечера, однако же до назначенного и более времени в госпиталь не вернувшегося [1, д. 354].

Учитывая, что к имеющемуся в Смоленске 13-му армейскому корпусу, трем полкам, саперному батальону, армейской бригаде

Комендантуг.Смоленска

Довожу до Вашего свѣдѣнія,что солдатъ,находящійся на излеченіи во ввѣренномъ мнѣ Госпиталѣ ряд.515 Смоленской дружины Матросовъ Федоръ/Смоленской г.и уѣзда Хохловской в.дер. Дмитровка/отпущенный въ г.Смоленскъ до 6 час.веч.20 сего іюля до сего времени въ Госпиталь не возвратился.

Главный врачъ

Сообщение главного врача коменданту г. Смоленска по факту невозвращения в госпиталь Ф. Матросова

добавился штаб Минского военного округа (командующий округом генерал-лейтенант Рауш фон Траубенберг), количество военнослужащих увеличилось до 20 тыс. чел., и сбегавших из госпиталя был не один десяток.

Подводя итог, следует отметить, что во все времена военнослужащие армии Российской империи, как ревностно несли службу Государю, так и нарушали военные законы. Основным наказанием со стороны главного врача лазарета (госпиталя), которое регулярно применялось, был арест трех видов: простой, строгий, усиленный.

Источники и литература

1. ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф. 168. Оп. 12. Д. 354.

2. ГВИА (Государственный военно-исторический архив). Ф. 720. Оп. 1. Д. 3.

3. Памятная книжка Смоленской губернии на 1904 год. Смоленский губернский статистический комитет. – Смоленск, 1903.

4. Свод военных постановлений 1869 г. Кн. XXII, изд. 3-е 1900 г., Кн. XXIII, изд. 3-е 1900 г. – СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба). – XVI.

5. Смоленский военный госпиталь // Туристический Смоленск [Электронный ресурс]. URL: https://m.ok.ru/group/57096162705457/topic/65728204417841 (дата обращения: 28.08.2024).

6. Чины и звания в Российской Империи // ФАИ. [Электронный ресурс]. URL: https://fai.org.ru/forum/topic/31959-xv-chinyi-i-zvaniya-v-rossiyskoy-imperii/ (дата обращения: 21.08.2024).

A.Y. Pchelkin

PUNISHMENTS APPLIED TO LOWER RANKS IN THE SMOLENSK MILITARY HOSPITAL (INFIRMARY)

Annotation. Smolensk Military Hospital is one of the oldest military medical institutions in Russia and the Smolensk region. The history of its creation dates back to the beginning of the XIX century. Currently, the institution is a basic military medical institution of the Moscow Military District, which widely uses modern methods of diagnosis and treatment. The purpose of our work is to review the activities of the military hospital of the late XIX – early XX century, including the application of punishments to the lower ranks for certain violations and offenses.

Keywords: hospital, infirmary, punishments, lower ranks.

УДК 94:351.84:(-057.835+-058.862)”1914-1918”

Н.Н. Разумная

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВДОВ И СИРОТ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. С началом Первой мировой войны обостряются проблемы социального обеспечения вдов и сирот. Закон 25 июня 1912 г. являлся основным нормативным документом, определяющим условия получения пенсий и их размер. Однако со второй половины 1914 г. появляются новые нормативные документы, фиксирующие дополнения и изменения по данному вопросу. Отдельные публикации на страницах «Народной газеты» Бахмутского земства свидетельствуют о необходимости уточнения некоторых вопросов и повышенном интересе населения к данным проблемам.

Ключевые слова: Первая мировая война, сироты, вдовы, закон 25 июня 1912 г., «Народная газета» Бахмутского земства.

Проблемы повседневности не только отдельного человека, но и общества в целом в годы Первой мировой войны долгое время находились вне поля исследования историков. Не зря эту войну называли «несправедливо забытой». В связи с 110-летием начала войны некоторые аспекты влияния этих событий на судьбы отдельных людей не утратили своей актуальности.

Целью данной статьи является применение законодательства о социальном обеспечении вдов и сирот в годы Первой мировой войны на практике.

В условиях начавшейся в 1914 г. войны в числе основных проблем повседневности общества актуальными становятся вопросы социального обеспечения вдов и сирот. Здесь, конечно же, необходимо сказать о нормативных документах, служивших основой для назначения пособий. Еще 25 июня 1912 г. был принят, а с 1 января 1913 г. вступил в силу закон о призрении нижних воинских чинов и их семей.

Отдельно в третьей главе пенсионного Устава было определено право на пенсию от казны на основании ст. 808 вдовам и круглым сиротам [1, с. 50].

В случае назначения пенсий вдове нижнего чина и оставшимся от предыдущих браков детям общая сумма назначенных пособий не должна была превышать размера выплат, которые получал сам нижний чин. Дела о пенсиях вдовам или сиротам рассматривались Казенной палатой в течение двух недель. Об отклонении ходатайства просителю сообщали в течение трех дней, с указанием причин отказа [1, с. 53].

Был определен порядок оформления жалоб по вопросам, связанным с получением пенсий вдовами или сиротам нижних чинов. Оформлялись они на адрес министра финансов через соответствующие казенные палаты, которые подкрепляли эти жалобы необходимыми сведениями и объяснениями в течение семи дней. Жалобы по тем же делам на неправильные действия других местных учреждений и должностных лиц подавались губернскому начальнику или войсковому наказному, наказному атаману [1, с. 54].

Пенсии назначались со дня оформления ходатайства, а в случае получения пенсии мужем или отцом – с того срока, по который ему была назначена пенсия, или со дня его гибели, если таковая последовала после названного срока [10, с. 276].

В ноябре 1915 г. на страницах «Народной газеты» Бахмутского земства была напечатана специальная статья «О пенсиях» с разъяснениями по поводу назначения выплат нижним чинам. Уточнялось, что выплаты вдовам и сиротам прекращались со времени поступления пенсионера на государственную службу или в случае неявки на переосвидетельствование. Все жалобы по данным вопросам предоставлялись в губернское воинское присутствие в течение четырех недель и двух месяцев в Сенат. Эта информация была продублирована из «Сельского вестника» [8, с. 7]. На следующей странице этой статьи была напечатана информация от Главного штаба с подробным разъяснением о том, кто имел право претендовать на данные пенсии. В соответствии с законом 25 июня 1912 г. пенсии полагались вдовам и сиротам нижних воинских чинов:

1) убитых или погибших на войне, пропавших без вести, умерших от ран или болезней и после возвращения с войны, но не позже 1 года со времени переведения на мирное положение или расформирования части, в которой состоял нижний чин;

2) умерших и после одного года, но не более пяти лет, если было доказано, что умер от ран и повреждений, полученных на войне;

3) умерших в мирное время на военной службе или после увольнения с военной службы, если было доказано, что умер вследствие полученных повреждений, но не позже трех лет;

4) получавших при жизни пенсии по закону 25 июня 1912 года, но если чины эти вступили в брак не позднее, как за один год до гибели.

Годовые оклады пенсий были определены следующие: по 84 руб. вдовам нижних воинских чинов высших званий, прослуживших на сверхсрочной службе не менее пяти лет. По 60 руб. вдовам нижних воинских чинов унтер-офицерского и других высших званий, прослуживших в этих званиях не менее одного года, а также вдовам нижних воинских чинов рядового звания, прослуживших на сверхсрочной службе не менее пяти лет. По 48 руб. вдовам прочих нижних воинских чинов как высших, так и рядовых званий. Вдовам нижних воинских чинов, получивших право на пенсию по каким-либо другим законам, назначалась только та пенсия, которая была для них более выгодна. Сверх того, вдовы сверхсрочно служивших не лишались права на получение в соответствующих случаях выслуженных их мужьями и им невыданные единовременные пособия.

Вдовам, лишенных прав на пенсию нижних воинских чинов, пенсии не назначались. Круглым сиротам нижних воинских чинов, не достигшим 17 лет, пенсии назначались: одному – половина оклада, положенного матери; двум – три четверти оклада, положенного матери; трем и более – полный оклад, положенный матери. Инвалидам, не способным к труду и требующим постороннего ухода, круглым сиротам при неимении у них собственных средств к существованию, предоставлялись права на получение соответствующей пенсии и после достижения ими 17-летнего возраста. Круглым сиротам нижних воинских чинов, имеющих право на пособие от Алексеевского главного комитета, выдавалась либо пенсия, либо пособие, в зависимости от того, что для каждого из них было выгоднее. Была опубликована информация об учреждениях, в которые следовало подавать прошение о пенсии [8, с. 8].

Пенсии выдавались вдовам и сиротам из местного казначейства, а по просьбе пенсионеров и из волостных правлений по расчетным листам за четыре месяца вперед (в январе, мае и сентябре).

Если назначенная вдове или круглым сиротам нижнего воинского чина пенсия была меньше получаемого ими продовольственного пайка, то выдача такой пенсии приостанавливалась, и вместо нее им выдавалось названное продовольственное пособие. Срок устанавливался не более одного года со дня приведения на мирное положение или расформирования части, в которой состоял нижний чин, а затем с указанного срока им вновь полагалась пенсия. Данные пенсии не могли идти на выплаты долгов и различных налогов.

Выдача пенсии приостанавливалась в случаях: поступления на полное содержание в благотворительное учреждение на все время пребывания в нем, привлечения к суду или следствию. Прекращалась в случае поступления в монашество; лишение свободы; пребывания за границей больше положенного срока; принятия иностранного подданства; вступления в брак [8, с. 9].

Назначение пенсий сиротам осуществлялось вне зависимости от получения ими пособий из других источников. Если сироты имели право на пособие, выдаваемое благотворительным Алексеевским главным комитетом, то им либо назначалась пенсия на основании ст. 807–888, либо выдавалось пособие названного комитета. В зависимости от того, какая из этих сумм была более приемлема для каждого из сирот, с той и соглашались [1, с. 53].

19 августа 1914 г. Совет министров внес уточнение по вопросу социального обеспечения детей погибших солдат и офицеров в ходе данной войны. Практика благотворительного обеспечения детей солдат, погибших во время войны с Японией, была введена еще 16 июля 1905 г. Император поддержал инициативу Государственного Совета о создании Алексеевского главного комитета [10, с. 275]. Общество помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям начало свою деятельность в январе 1906 г. [7, с. 3].

Постепенно круг деятельности комитета расширялся. Он оказывал благотворительную помощь детям воинских чинов, погибших при исполнении. В случаях участия солдат в охране порядка и внутренней безопасности, чинов полиции и корпуса жандармов, погибших или пострадавших во время беспорядков

и покушений, погибших классных и нижних чинов тюремного ведомства, и детей некоторых других категорий лиц, погибших или пострадавших при исполнении служебных обязанностей [10, с. 275]. Было предложено переименование Алексеевского главного комитета по призрению детей, погибших на войне с Японией, в Алексеевский главный комитет [10, с. 276].

От имени председателя Алексеевского главного комитета А. Стишинского на страницах «Народной газеты» Бахмутского земства была опубликована информация о тех, кто имел право на получение помощи. Каждому из детей нижних чинов, погибших на войне или же лишившихся вследствие войны способности работать (инвалидов) и не имеющих средств к существованию, живущим в селах, деревнях и небольших городах, полагалось пособие в 24 руб. в год. Назначалась данная выплата после прекращения выдачи продовольственного пайка вплоть до достижения ребенком возраста 16 лет. Проживающим в больших городах полагалось пособие в сумме от 30 до 42 руб. в год. Круглым сиротам выдавалось усиленное пособие. Кроме того, всем детям, посещающим школы, назначались деньги на теплую одежду, обувь и учебные пособия [9, с. 3].

В связи с 300-летием царствования дома Романовых 21 февраля 1913 г. был принят указ о создании Особого Романовского Комитета. Его главной целью являлось оказание помощи сельским детям сиротам без различия сословий и вероисповедания. 29 июня 1914 г. было утверждено Положение о данном Комитете. По данному положению предусматривалась планомерная совместная деятельность Комитета и местных общественных учреждений в вопросе организации заботы об осиротевших детях сельского населения. Сиротам в возрасте от 2-х до 12 лет помощь оказывалась путем выделения средств на содержание их в детских домах и общежитиях при начальных школах всех ведомств. Забота о детях старше 12 лет, но не старше 17 лет осуществлялась путем выдачи пособий и содержания их в общежитиях при ремесленных отделениях и школах, учебных мастерских, низших сельскохозяйственных училищах и других подсобных правительственных, общественных и частных учебных заведениях. Как указывалось в документе, «переживаемые Россией военные обстоятельства» вынуждают организовывать обеспечение детей инвалидов и погибших воинов.

В условиях преобладания в войсках именно сельских жителей наибольшее число нуждающихся в поддержке были деревенские дети. Эта задача касалась прежде всего бытовой сферы. Сам уклад быта предугадывал круг первоочередных задач. Было понятно, что данные учреждения не должны были ограничиваться только обеспечением детей питанием и жильем. Подобные заведения должны были стать очагами как духовного, так и практического воспитания. На представленном Романовским комитетом издании – «К вопросу об организации земледельческих приютов для сельских сирот» было написано: «Создание целой сети подобных приютов вполне соответствовало бы пользам России, как страны преимущественно земледельческой». Главным управлением землеустройства и земледелия был разработан проект Положения о земледельческих приютах для детей увечных и павших воинов, который был выслан на рассмотрение Совета министров [3, с. 277].

Максимальная степень участия в этом вопросе ожидалась от уездных земств. От губернских требовался общий план создания таких приютов и непосредственное их открытие, также рассматривалась возможная финансовая помощь. Наряду с земствами, определенные задачи в организации и поддержке деятельности приютов отводились городам, сословным, частным благотворительным и сельскохозяйственным обществам, кооперативным учреждениям, монастырям и церковно-приходским попечительствам, а также частным лицам. Учитывая истощенное состояние местных бюджетов, определенная надежда в вопросе финансирования данных приютов возлагалась на государство. Краткосрочные кредиты предполагались из средств Романовского комитета или Главного управления землеустройства и земледелия. Расширение деятельности Романовского комитета предполагалось в рамках приема в данные приюты не только сирот, но и детей увечных воинов (инвалидов), что требовало дополнительного финансирования. Также средства, выдаваемые Главным управлением землеустройства и земледелия, предполагалось расходовать на обучение детей сельскому хозяйству и ремеслу, льготный отпуск леса для построек, животных, сельскохозяйственного инвентаря, содействие в выделении земельных участков и т.д. Высшим руководством данных приютов считался Романовский комитет, а общий процесс организации

специального обучения в них был в ведении Главного управления землеустройства и земледелия, при котором создавался совет по делам земледельческих приютов. Непосредственное ведение всех дел в приютах должны были осуществлять земские учреждения и местные отделения Романовского комитета и учреждений землеустройства и земледелия. Необходимость создания таких приютов была доказана временем, а основным нормативным документом являлась ст. 87 Основных Государственных Законов том. 1, ч. 1, изданных в 1906 г. Обсудив данный вопрос, Совет министров рекомендовал формировать штаты приютов после согласования с главноуправляющим землеустройством и земледелием, министром финансов и государственным контролером [3, с. 278] на основании данных тезисов, Совет министров утвердил положение о земледельческих приютах для детей увечных и павших воинов на пять лет [3, с. 279].

Данные тенденции нашли отражение на страницах местной периодики. Так, в «Народной газете» Бахмутского земства в ноябре 1914 г. говорилось о том, что 12 сентября 1914 г. в с. Зайцево-Никитовка обсуждался вопрос по предложению земского начальника 2-го участка Бахмутского уезда В.М. Кошарского о благотворительности. Данное сельское общество выделило 6000 руб. на содержание в течение года 10 кроватей в лазарете имени наследника Алексея Николаевича; 10 000 руб. в помощь семьям нижних чинов, оставшихся без крова и куска хлеба; 12 000 руб. на оплату податных повинностей нижних чинов. В статье говорилось, что жители охотно приходили на помощь, один из крестьян Ищенко подарил бедным семьям запасных на отопление изб два вагона каменного (куренного) угля. А жители с. Зайцево и в русско-японскую войну не оставались равнодушными и пожертвовали 10 000 руб. на улучшение флота [5, с. 10].

Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин предложил Совету министров создание земских приютов для детей увечных воинов. Проект предполагал воспитание и обучение детей в возрасте до 17 лет включительно. Вопросы организации находились в ведении губернских и земских учреждений, знакомых с местными условиями. В не земских губерниях, на приказы общественного призрения, войсковые хозяйственные управления, а в Сибири – на чинов переселенческого управления [14, с. 4–5].

В «Петроградских ведомостях» была размещена статья о том, что при женских монастырях появлялись земледельческие колонии для детей сирот, оставшихся после павших на войне солдат [4, с. 12].

Для увековечения памяти кавалеров ордена Святого Георгия император разрешил оставить вдовам право на получение орденской пенсии из сумм капитала в течение одного года после кончины их мужей [11, с. 10].

В «Народной газете» Бахмутского земства была напечатана заметка по информации от лесного ведомства. С осени 1914 г. было бесплатно предоставлено более чем 400 тыс. семей призванных на войну нижних чинов запаса и ополчения около полумиллиона кубических сажен дров из валежника на сумму около 1 300 000 руб. Значительную часть составлял валежник, бесплатно отпускавшийся не только местным жителям, но и беднейшим из семей призванных в войска горожан и обывателей местечек в привисленских губерниях. Кроме того, в тех же губерниях было разрешено приобретать по сниженной стоимости государственный лес для тех, кто пострадал от военных действий (для беженцев). В связи с тем, что в некоторых местностях валеного леса оказалось недостаточно для обеспечения семей запасных, лесным ведомством было отпущено значительное количество сухостойного и растущего леса из государственных дач по сниженной расценке [12, с. 12].

Иногда у населения возникали вопросы, требующие уточнения юриста. Так, в № 37 «Народной газеты» Бахмутского земства возник вопрос: «Нас четыре брата с матерью жили вместе не разделенные, из которых один убит в настоящую войну, у которого осталась жена с тремя детьми. Прошу редакцию разъяснить, какую часть имеет получить с движимого и недвижимого имущества вдова с сиротами?». На что последовал ответ: «Дети убитого на войне и их мать имеют право получить полностью ту часть имущества, которая причиталась их отцу, выдел должен производиться по решению суда» [2, с. 12].

Екатеринославский губернский врачебный инспектор обратился в Бахмутскую уездную земскую управу с ходатайством. В Петрограде существовало общество попечения о сиротах детях врачей. Он просил содействовать его деятельности путем вступления земства пожизненным членом с внесением разового взноса 100 руб.

Бахмутская уездная земская управа на коллегиальном заседании постановила выделить данную сумму [13, с. 7].

Таким образом, на основании принятого 25 июня 1912 г. закона об обеспечении нижних воинских чинов и их семей в годы Первой мировой войны было организовано социальное обеспечение вдов и сирот. С учетом необходимых изменений и дополнений к данному нормативному документу уже в годы войны Совет министров принимал соответствующие коррективы. Важную роль в оказании помощи вдовам и сиротам играли благотворительные организации. В местной прессе достаточно часто публикуются разъяснения по тому или иному актуальному вопросу относительно трактовки существующего законодательства.

Источники и литература

1. *Блинов И.А.* Пенсии солдатам, их вдовам и сиротам: закон 25 июня 1912 года с изданными в дополнение его инструкциями и разъяснениями Правительствующего сената: (уст. пенс. Св. зак. т. III по прод. 1912 г. ст. 807–865). – Пг. 1915 [Электронный ресурс] URL:http://elib.shpl.ru/ru/nodes/ 65661#mode/inspect/page/7/zoom/7 (дата обращения: 17.07.2024).

2. Вопросы и ответы // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1915. – № 37.– С. 12.

3. Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. / под ред. А.П. Корелина, А.С. Грузинова. – М., 2013. – Т. 1. – 1915 [Электронный ресурс] URL:http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/24564 (дата обращения: 16.07.2024).

4. Земледельческая колония для сирот // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1915 – № 22. – С. 12.

5. Земские дела // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1914. – № 38 . – С. 10.

6. Земские дела // «Народная газета» Бахмутского земства.– 1916. – № 26. – С. 3.

7. Общество помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1915.– № 11.– С. 3.

8. О пенсиях. Пенсии нижним чинам // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1915. – № 40. – С. 7–9.

9. От Алексеевского Главного Комитета // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1914. – № 42. – С. 3.

10. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год. – М., 2006 [Электронный ресурс] URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/24570-osobye-zhurnaly-soveta-ministrov-rossiyskoy-imperii-1909-1917-gg-1914-god (дата обращения: 17.07.2024).

11. Орденские пенсии вдовам георгиевских кавалеров // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1915. – № 25 – С. 10.

12. Отпуск леса семьям запасных и пострадавших от войны // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1915. – № 25. – С. 11.

13. О пенсиях. Пенсии нижним чинам // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1915. – № 40. – С. 7.

14. Приюты для детей увечных и павших воинов // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1915. – № 22. – С. 4–5.

N.N. Razumnaya

SOCIAL SECURITY FOR WIDOWS AND ORPHANS DURING THE FIRST WORLD WAR

Annotation. Since the beginning of the First World War, the problems of social security for widows and orphans have become more acute. The Law of June 25, 1912 was the main normative document defining the conditions for receiving pensions and their size. However, since the second half of 1914, new regulatory documents have been appearing, fixing additions and changes on this issue. Separate publications on the pages of the "People's Newspaper" of the Bakhmut Zemstvo indicate the need to clarify some issues and the increased interest of the population in these problems.

Keywords: The First World War, orphans, widows, the Law of June 25, 1912, "Narodnaya Gazeta" Bakhmutskogo Zemstva.

УДК 9.93/94

М.А. Сергеев

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ВОЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В КАЗАНСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности организации и проведения военной мобилизации в Казанском военном округе в 1914 г. на первом этапе Первой мировой войны (на примере личного

10. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год. – М., 2006 [Электронный ресурс] URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/24570-osobye-zhurnaly-soveta-ministrov-rossiyskoy-imperii-1909-1917-gg-1914-god (дата обращения: 17.07.2024).

11. Орденские пенсии вдовам георгиевских кавалеров // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1915. – № 25 – С. 10.

12. Отпуск леса семьям запасных и пострадавших от войны // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1915. – № 25. – С. 11.

13. О пенсиях. Пенсии нижним чинам // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1915. – № 40. – С. 7.

14. Приюты для детей увечных и павших воинов // «Народная газета» Бахмутского земства. – 1915. – № 22. – С. 4–5.

N.N. Razumnaya

SOCIAL SECURITY FOR WIDOWS AND ORPHANS DURING THE FIRST WORLD WAR

Annotation. Since the beginning of the First World War, the problems of social security for widows and orphans have become more acute. The Law of June 25, 1912 was the main normative document defining the conditions for receiving pensions and their size. However, since the second half of 1914, new regulatory documents have been appearing, fixing additions and changes on this issue. Separate publications on the pages of the "People's Newspaper" of the Bakhmut Zemstvo indicate the need to clarify some issues and the increased interest of the population in these problems.

Keywords: The First World War, orphans, widows, the Law of June 25, 1912, "Narodnaya Gazeta" Bakhmutskogo Zemstva.

УДК 9.93/94

М.А. Сергеев

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ВОЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В КАЗАНСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности организации и проведения военной мобилизации в Казанском военном округе в 1914 г. на первом этапе Первой мировой войны (на примере личного

состава). Приводится анализ организации и хода поставок автомобилей для армии по военно-автомобильной повинности за 1914–1916 гг. Отмечается неоднозначное и противоречивое отношение населения к войне и мобилизации.

Ключевые слова: Первая мировая война, Казанский военный округ, мобилизация, военно-автомобильная повинность, солдаты-мусульмане, баиты.

Военные реформы 1860–1870-х гг., основным толчком к проведению которых послужило поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., наглядно продемонстрировавшей неэффективность существующей военной системы, основанной на рекрутском наборе и длительном сроке службы, а также качества тылового обеспечения войск и самих боевых частей, завершились созданием в Российской империи новой особой системы военного управления, которая просуществовала вплоть до 1918 г. [3]. Ее характерными особенностями стало, во-первых, разделение полномочий между Министерством внутренних дел и Военным министерством, что значительно упростило управление войсками, военным хозяйством и учреждениями, во-вторых, наличие военно-окружной системы, при которой территория империи разделялась на военные округа (приграничные и внутренние (тыловые), где исполнительные полномочия переходили от военного министерства к местной военной администрации, сосредотачивающей в своих руках значительные полномочия на всей территории округа (снабжение, обучение войск, управление запасами), оставив за центральными органами общее направление и контролирующие функции [2, с. 82].

Новообразованный в 1864 г. Казанский военный округ к началу XX в. включал в себя 10 губерний (Казанскую, Самарскую, Саратовскую, Пермскую, Пензенскую, Вятскую, Уфимскую, Астраханскую, Оренбургскую, Симбирскую) и 2 области (Тургайскую и Уральскую) [3], где Казань, как центр, играла ключевую роль в жизни округа, сосредоточив в своих руках административный аппарат управления, куда входили: Военно-окружной Совет, Окружной штаб, управление начальника артиллерии и окружного военного медицинского инспектора [2, с. 83]. На территории округа были расположены важнейшие военные предприятия (казанский пороховой завод, ижевский оружейный завод, сталелитейная

фабрика в Пермской губернии и т.д.), а также хорошо развиты отдельные виды промышленности, вкупе способные обеспечить все запросы действующей армии в случае срочной необходимости.

В силу своего национального состава население военного округа отличалось от других внутренних (тыловых) округов колоритом национальностей. В данной ситуации примечательно то, что несение воинской службы в округе могло иметь своеобразные специфические черты из-за неоднородного состава военнослужащих, где «в дни больших православных, мусульманских, еврейских и лютеранских праздников нижние чины определенной конфессии вовсе могли от нее освобождаться» [2, с. 91]. Так, к примеру, «к началу 1914 года в составе нижних чинов проходили службу 38 697 татар-мусульман, что составило 3,1 % от общего числа нижних чинов, проходивших службу в данный период» [1, с. 14].

Мобилизация в 1914 г., совпавшая с плановым проведением и обусловленная началом Первой мировой войны, включала в себя два аспекта, а именно, во-первых, призыв поданных империи, во-вторых, поставки от населения лошадей, автомобилей и судов, где наиболее важную составляющую играл первый, так как необходимо было в сжатые сроки призвать новобранцев, лиц достигших двадцатилетнего возраста, так и отслуживших запасных чинов. Стоит отметить, что организация и проведение военной мобилизации относились к компетенции Министерства внутренних дел, Военного и морского министерства, а решения по отдельным вопросам, связанным с этой областью, исходило от Министерства государственного имущества, земледелия и просвещения. На уровне штаба Казанского военного округа значительную роль играли начальник штаба, командующий войсками округа и мобилизационный отдел [3].

Уведомление о начале мобилизации ряд губерний Российской империи получили 17 июля 1914 г. [6, л. 49], но официальное начало было перенесено на 18 июля, что следует из текста уведомления: «Высочайше повелено привести армию и флот на военное положение и для сего призвать чинов запаса и поставить лошадей согласно мобилизационному расписанию 1910 года точка первым днем мобилизации следует считать 18 сего июля 1914 года» [6, л. 907]. В дальнейшем в Казанском военном округе в течение

1914 г. было проведено еще три внеплановых призыва, а именно: 20 сентября, 20 ноября и 30 декабря [1, с. 23].

После вступления в войну в первую очередь призывались запасные чины, которых было в пять раз больше, чем количество новоиспеченных новобранцев, достигших 20-летнего возраста. Мужское население страны, помимо отслуживших в армии солдат и новобранцев, подразделялось на ратников 1-го и 2-го разрядов. В случае войны первый разряд предназначался для формирования особых ополченских частей, но мог быть использован и для укомплектования действующей армии. Второй разряд также состоял в ополчении, но должен был применяться в качестве рабочей силы или охраны в тылу. Число призванных новобранцев в 1914 г. только по Казанской губернии составило 12 123 чел. [1, с. 24]. При этом это была еще относительно незначительная цифра. Для сравнения в той же Вятской губернии за это время было призвано 19 019 новобранцев, а в Самарской и того выше – 19 572 [3]. Общее количество призванных новобранцев по всем десяти губерниям, входившим в состав Казанского военного округа, составило 131 689 чел. [3], из которых 18 312 татар-мусульман [9]. Распределение призванных новобранцев в количестве 131 689 чел. выразилось в следующих направлениях: 107 132 чел. в действующую и местную пехоту, 11 835 в легкую, местную и крепостную артиллерию, 3228 в действующую, запасную и гвардейскую кавалерию, 2910 в инженерные войска, 1448 в пограничную стражу, 909 в конвойные командиры и 3923 на флот [6, л. 1–326].

По отчету штаба округа в 1914 г. подлежало призыву 616 250 запасных чинов, из которых в итоге явилось на сборный пункт 585 445 чел., что составило 95 % явки от запланированного числа [3]. «Военнообязанными нижними чинами в годы Первой мировой войны считались мужчины до 43 лет. Генералы и штаб-офицеры запаса призывались до 55 лет, а обер-офицеры до 50 лет. Впрочем, для добровольцев, годных по состоянию здоровья к военной службе, не было никаких возрастных ограничений» [1, с. 24]. Также стоит учитывать еще и то, что «имел место факт двукратного превосходства добровольцев, не состоявших на учете над неявившимися» [3]. Из этого можно сделать вывод о том, что мобилизация в 1914 г. в целом проходила довольно успешно в плане набора необходимого числа людей для нужд армии.

Ежедневно во время мобилизации на пристань и железнодорожный вокзал Казани приезжали тысячи солдат из Вятской, Уфимской, Пермской губерний, а также из многих других уездов самой Казанской губернии, где, помимо пароходов и поездов, до промежуточных пунктов назначения мобилизованных отправляли на лошадях и подводах. Оттуда они отправлялись дальше, на запад страны. Так, например, «21 сентября 1914 года из одного Елабужского уезда Вятской губернии в Казань привезли 2836 запасных нижних чинов. В тот же день из Мензелинского уезда Уфимской губернии прибыло 1900 призывников, а из Сарапульского уезда Вятской губернии – еще 1000 запасных солдат» [1, с. 25]. Примечательно то, что в баитах, являющихся своеобразным видом фольклорного источника татарского народа, можно увидеть различные сцены из социальной жизни, происходивших в определенный период времени. Так, например, в одном баите говорится следующее: «Несчастные солдаты – запасные, / все до единого сорока лет» [1, с. 24], иными словами, означающий: «хуже смерти призываться во второй раз».

Однако стоит учитывать и то, что во время проведения мобилизации имели место быть и различного рода выступления: как патриотического характера, так и настроения полностью ему противоположные. В августе 1914 г. наблюдался подъем патриотизма во всех слоях общества, однако он носил кратковременный характер. Православное духовенство и имамы проводили молебны, отправлялись патриотические телеграммы. Татарское общество лояльно относилось к своему общегражданскому долгу. Начало войны татары Казани отметили патриотической манифестацией, в которой участвовало более 500 чел. [9]. Были посланы телеграммы императору Николаю II и верховному главнокомандующему Великому князю Николаю Николаевичу.

Нежелание призываться со стороны некоторых запасных чинов во второй раз и отрицательное отношение к разразившейся войне среди определенного круга населения вылились в различные преступления, характеризующиеся в виде «погромов винных лавок, нанесения оскорблений, увечий и убийства должностных лиц, нападение на местное население» [3]. Подобные вышеупомянутые инциденты имели место быть в Казанской, Самарской, Симбирской и других губерниях, сведения о которых можно проследить

по документам Департамента полиции и Главного жандармского управления. Из этого следует, что спектр общественных настроений в обществе был далеко не однороден.

За первые месяцы войны в Российской империи было призвано 3 115 000 запасных чинов, из которых Казанский военный округ предоставил Отечеству более 640 000 чел. [5, л. 108–110].

Положение о военно-автомобильной повинности было утверждено императором Николаем II 17 июля 1914 г. [4], в тот же день, когда ряд военных округов получили телеграмму о начале мобилизации. Оно предусматривало проведение военно-автомобильной повинности на всей территории Российской империи, за исключением княжества Финляндского, для всех владельцев автомобильных экипажей и мотоциклетов, чья техника подпадала под одну из трех категорий: легковые, грузовые и специального назначения [4].

Особенность организации и проведения военно-автомобильной повинности в Российской империи в годы Первой мировой войны основывалась, во-первых, на затрагиваемых интересах относительно небольшой группы чиновников, купцов, мещан и прочих, в чей собственности могли находиться различные самодвижущиеся модели экипажей, за которые системой государственного и военного учреждений могли получить вознаграждение из средств государственного казначейства, а во-вторых, она являлась основным механизмом пополнения действующей армии самодвижущими экипажами, так как реквизиционная и конфискационная политика в этой области рассматривалась в качестве второстепенной составляющей ее организации, не способной в полной мере обеспечить нужного количества необходимой техники.

21 июля 1914 г. штаб Казанского военного округа получил телеграмму мобилизационного отдела главного управления Генштаба, где указывался порядок организации поставок автомобилей. Сдаточные пункты предписывалось организовывать в губернских или других крупных центрах. День поставки должен был определяться штабом в зависимости от местных условий. В случае недопоставки или намеренной порчи автомобилей настоятельно рекомендовалось привлекать виновных к судебной ответственности [7, л. 1–4].

Эффективность военно-автомобильной повинности по Казанскому военному округу за период с июля 1914 по март 1916 г. можно

проследить из архивных данных. Согласно штабной ведомости общее количество автомобилей и мотоциклетов, взятых у населения за указанный период, составило 732 машины, из которых 622 было поставлено на передовую добровольно [8, л. 32–65]. Из этого можно сделать вывод, что механизм поставок автомобильных экипажей и мотоциклетов с июля 1914 по март 1916 г. оказался действенным и вполне оправданным.

Коренным образом ситуация начала меняться лишь к середине 1916 г., когда для военных учреждений стало очевидно, что потребности армии нельзя обеспечить только путем поставок и покупок машин от населения. Вследствие чего из-за повышения требований к мощности автомобильных экипажей, несоответствия марке производителя (под запрет подпадали автомобили американского производства из-за непригодности ремонта в условиях передовой), нехватки инструментов, запасных частей и складов под хранение, последние из которых необходимо было реквизировать, выяснилось, что удовлетворить потребности армии было уже практически невозможно, так как ни одна губерния не могла располагать столь разнообразным количеством всего необходимого для выполнения военно-автомобильной повинности. Так, во второй половине 1916 г., согласно новым требованиям в Симбирской, Уфимской, Вятской и Пензенской губерниях не оказалось складов для реквизиции, а в Казанской, Саратовской и Самарской губерниях приняты были только запасные автозапчасти для нужд армии [4].

Таким образом, организация и проведение военной мобилизации в 1914 г. в Казанском военном округе, возложенная на штаб округа, начальников местных бригад, губернаторов и на уездные учреждения, в целом прошла довольно успешно. В ходе призывов запасных нижних чинов явка добровольцев на сборные пункты двоекратно превышала неявку, кроме этого широкое распространение получили выступления против мобилизации и различные протесты. Военно-автомобильная повинность, являвшаяся главным механизмом обеспечения армии самодвижущимися экипажами и мотоциклетами, в полной мере смогла обеспечить армию всем необходимым только на первых этапах войны.

Источники и литература

1. *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Казань, 2015.

2. *Емельянов А.В.* Проведение военных реформ в 60–70-е годы XIX века в России: По материалам Казанского военного округа: дис. … канд. ист. наук. – Саратов, 2003.

3. *Казаков А.Е.* Организация и проведение военной мобилизации в Российской империи в 1914 году (на примере Казанского военного округа) // Вестник СамГУ. – 2007. – № 5–3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-i-provedenie-voennoy-mobilizatsii-v-rossiyskoy-imperii-v-1914-godu-na-primere-kazanskogo-voennogo-okruga (дата обращения: 21.08.2024).

4. *Казаков А.Е.* Особенности реализации военно-автомобильной повинности в России в годы Первой мировой войны (на примере Казанского военного округа) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 76-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-voenno-avtomobilnoy-povinnosti-v-rossii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny-na-primere-kazanskogo-voennogo-okruga (дата обращения: 22.08.2024).

5. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 199. Оп. 2. Д. 1493.

6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1156.

7. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 220.

8. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 354.

9. *Хамитов Д.Е.* Деятельность Казанской губернии по подготовке резервов для армии в период Первой мировой войны и участие их в боевых действиях // URL:https://cyberleninka.ru/article/n/deiatelnost-kazanskoi-gubernii-po-podgotovke-rezervov-dla-armii-v-period-pervoi-mirivoi-voini-i-ychastie-ic-v-boevich-deistviich (дата обращения: 20.08.2024).

M.A. Sergeev

ORGANIZATION AND IMPLEMENTATION OF MILITARY MOBILIZATION IN THE KAZAN MILITARY DISTRICT DURING THE FIRST WORLD WAR

Annotation: This article examines the specifics of the organization and conduct of military mobilization in the Kazan Military District in 1914 during the first stage of the First World War (using personnel as an example). An analysis of the organization and progress of deliveries of vehicles for the army under military automobile service for 1914-1916 is provided. The ambiguous and contradictory attitude of the population to the war and mobilization is noted.

Keywords: World War I, Kazan Military District, mobilization, military-automobile service, Muslim soldiers, baits.

УДК 94(470)«1914–1915»

В.А. Шулдяков

4-Й СИБИРСКИЙ КАЗАЧИЙ ПОЛК В 1914 – НАЧАЛЕ 1915 г. К 110-ЛЕТИЮ НАЧАЛА «ВТОРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

Аннотация. Статья посвящена одному из казачьих полков второй очереди, сформированному после объявления всеобщей мобилизации и укомплектованному казаками из станиц Кокчетавского, Петропавловского, Атбасарского и Акмолинского уездов Акмолинской области Степного генерал-губернаторства. На основе документов из Российского государственного военно-исторического архива описываются боевые действия 4-го Сибирского казачьего полка с 10 сентября 1914 г. по 28 января 1915 г. на территории Сувалкской губернии и Восточной Пруссии. Сделаны выводы о боевых качествах части, об эволюции боевого применения конного полка.

Ключевые слова: Сибирское казачье войско, Первая мировая война, 10-я армия, 2-й Кавказский армейский корпус, 20-й армейский корпус, корпусная конница, дивизионная конница.

4-й Сибирский казачий полк был сформирован в самом начале Первой мировой войны в 1-м военном отделе Сибирского казачьего войска (центр отдела – г. Кокчетав) и укомплектован мобилизованными льготными казаками 2-й очереди, то есть теми, кому к 1 января 1914 г. исполнилось 25–28 лет и которые, отслужив четыре года на действительной службе, находились на льготе по домам.

Сборный пункт для основной части полка был под г. Кокчетавом. Здесь были собраны 3, 4, 5 и 6-я сотни и сформированы штаб и обоз полка. 1-я и 2-я сотни полка формировались на сборном пункте в станице Пресновской [3, с. 10]; эти две сотни были укомплектованы мобилизованными из станиц западной половины Петропавловского уезда. Остальные четыре сотни в основном были из станичников Кокчетавского уезда; совсем немного служило в них казаков Акмолинского и Атбасарского уездов, т.к. в каждом из этих уездов было всего по одной станице.

Мобилизация в 1-м отделе обернулась стихийным бунтом казаков 4-го и 7-го Сибирских казачьих полков в сборном лагере под Кокчетавом 31 июля 1914 г., вследствие которого погиб один

офицер (подъесаул Л.И. Бородихин) и по приговору военно-полевого суда было расстреляно восемь казаков-зачинщиков (еще 20 чел. получили различные сроки каторги) [см.: 1, л. 4–5 об.; 4, с. 55–59].

Командующим 4-м Сибирским казачьим полком 17 или 18 августа 1914 г. был назначен войсковой старшина Георгий Григорьевич Власов (1859–1915), бывший до того атаманом 1-го отдела Сибирского войска [11, л. 98; 10, л. 11 об.]. Он был донским казаком. Общее образование у него было домашнее, а военное получил в Новочеркасском казачьем училище, из которого был выпущен в 11-й Донской казачий полк. Прошел последовательно офицерские чины от хорунжего (1883) до войскового старшины (1906), вышел в отставку (03.12.1906) [10, л. 11 об.]. В Сибирское войско Власов попал после обнаружения в нем непорядков по управлению, в рамках кампании по укреплению войсковой власти кадрами донцов. Высочайшим приказом от 21 марта 1911 г. он был определен из отставки на службу исправляющим должность помощника председателя Войскового хозяйственного правления Сибирского войска, с зачислением по данному войску [5, пр. № 50, § 1, 21.04.1911]. А Высочайшим приказом от 5 декабря 1912 г. Г.Г. Власов был назначен исправляющим должность атамана 1-го военного отдела Сибирского войска [6, пр. № 197, 13.12.1912].

Помощником командира 4-го Сибирского казачьего полка был назначен войсковой старшина Волосников Павел Петрович, полковым адъютантом – хорунжий Поротиков Федор Григорьевич, делопроизводителем полка – губернский секретарь Дорогов Василий Федорович.

Сотнями полка на фронте в 1914 – начале 1915 г. командовали:

1-й – есаул Колмаков Анатолий Семенович (с 18.07.1914, в ноябре эвакуирован по болезни), с 06.11.1914 по 08.02.1915 г. есаул Золотницкий Василий Николаевич, с 11.02.1915 г. подъесаул Волков Леонид Иванович;

2-й – есаул Ребров Сергей Федорович (с 03.08.1914, ранен), с 23.10.1914 по 08.02.1915 г. сотник Гусев Сергей Григорьевич;

3-й – есаул Шафров Дмитрий Николаевич (с 22.08.1914), с 03.09.1914 по 22.09.1914 г. командующий сотней подъесаул Шаркунов Николай Васильевич (ранен);

4-й – сотник Гусев Сергей Григорьевич (с 20.08.1914), с 13.10.1914 по 08.02.1915 г. подъесаул Безобразов Владимир Владимирович;

5-й – сотник Дорогов-Иванов Семен Федорович (с 18.07.1914 по 28.10.1914), с 30.10.1914 г. сотник Анненков Борис Владимирович;

6-й – есаул Петров Николай Артамонович (с 07.08.1914 по 06.04.1915) [10, л. 1 об.–7 об., 10 об.; 9, л. 1 об.–7 об.].

В начале августа 1914 г. полк был сосредоточен в г. Петропавловске, откуда 21 августа по железной дороге был отправлен на фронт, имея в своем составе 12 офицеров, 2 чиновников, 875 шашек (строевых конных казаков) и 121 нестроевого казака [11, л. 98, 105].

В первых числах сентября 1914 г. вся 1-я бригада Сибирской казачьей дивизии, в составе 4-го и 5-го полков и под началом командира бригады генерал-майора А.Я. Усачева, высадилась на разъезде Кнышин Привислинской железной дороги. Здесь полки бригады сразу же были разобщены: 5-й придан 1-му Туркестанскому армейскому корпусу, а 4-й – 2-му Кавказскому армейскому корпусу (включен в его состав 10.09.1914 г.) [11, л. 98; 13, с. 21].

2-й Кавказский корпус генерала от артиллерии П.И. Мищенко входил в 10-ю армию Северо-Западного фронта, которая осенью 1914 г. с переменным успехом вела бои в приграничной полосе между русской Польшей и германской Восточной Пруссией.

Сначала 4-й Сибирский казачий полк вызвал у командира 2-го Кавказского корпуса нарекания. Мищенко экстренно телеграммой вызвал комбрига сибирцев из 1-го Туркестанского корпуса, из Осовца к себе в Сувалки. При личной встрече он указал Усачеву, что 4-й полк вместо того, чтобы прикрывать правый фланг боевого расположения пехоты корпуса и вести разведку противника, «остается позади уступом, бездействуя». Комкор приказал Усачеву немедленно выехать к полку и упорядочить его службу. А.Я. Усачев вспоминал, что нашел полк в лесу в 6–7 верстах к западу от Сувалок: «…я увидел на громадной поляне спешенный 4-й полк; группа офицеров с командиром полка стояла в стороне. Над спешенным полком летал немецкий аэроплан. При виде этого я разразился гневом и приказал полку немедленно скрыться в лес, и т.к. командир полка не знал, где фланг пехотной боевой линии, я приказал немедленно выслать разъезд, отыскать правый фланг, стать впереди фланга и выслать вперед и вправо разъезды, с целью узнать расположение

немцев, а затем, через каждый час, доносить командиру корпуса о всем происходящем на фронте. Быстро закипела работа, полетели донесения, и командиру корпуса стала ясна картина боевой линии немцев» [13, с. 22–23].

Сначала 4-й Сибирский казачий полк действовал как корпусная конница на правом фланге корпуса Мищенко. 19 сентября 1914 г., «производя разведку полком», разъезды сибирцев западнее селения Еглинец Сувалкской губернии обнаружили пехоту и артиллерию противника. Восковой старшина Г.Г. Власов спешил и двинул вперед две сотни полка (4-ю и 5-ю), которые, подойдя на 800–1000 шагов к германским окопам, открыли частый ружейный огонь. Немцы стали отвечать, чем вскоре обнаружили присутствие в районе Еглинца трех своих окопавшихся батальонов. Нашли сибирцы и артиллерийские позиции неприятеля. Разведывательная задача была выполнена. Причем с минимальными потерями: один казак ранен [12, л. 55–59].

20 сентября 4-й полк двинулся от д. Липина на юго-запад по маршруту Шуры – Раштоболь – Лещево. Впереди походной колонны полка шли три разъезда, каждый по 12 казаков. Средним, двигавшимся непосредственно перед полком по дороге, командовал хорунжий Катанаев. Войдя в с. Раштоболь, казаки Катанаева натолкнулись на разъезд германских драгун. Его начальник – унтер-офицер – сразу же был заколот казачьей пикой. Почти все драгуны, ошеломленные неожиданностью столкновения, открыв беспорядочную стрельбу, бросились врассыпную. Однако некоторые самообладания не потеряли и попытались отстреливаться прицельно. В итоге казаки двух немцев застрелили из винтовок, двоих ранили и взяли в плен. Также были убиты две драгунские лошади, а три с полными вьюками стали казачьим трофеем. Во вьюках нашли германские карты, полевые книжки с донесениями и письма, все эти документы сразу же были отправлены в штаб корпуса. Однако и нашему разъезду стычка обошлась дорого: четыре казака убито, один ранен [12, л. 67, 68].

21 сентября 4-й Сибирский казачий полк наступал в авангарде 2-й Кавказской гренадерской дивизии (от селения Лещево на юго-запад к селению Чарнаковизна), имея впереди конные разъезды. Один из разъездов обнаружил в лежащем по пути селении Окронгле пехоту

и конницу германцев. Для выяснения сил противника войсковой старшина Г.Г. Власов выделил «в боевую часть» 2-ю и 4-ю сотни. Они спешились и, развернувшись в стрелковые цепи, повели энергичное наступление на Окронгле. После непродолжительной перестрелки немцы («не менее роты пехоты и полувзвода конницы») отступили от селения за ручей и обратились в бегство. Казаки провожали их огнем и видели, как ранили офицера и нескольких солдат, но взять в плен удалось лишь одного нижнего чина.

Продолжив движение, на подступах к Чарнаковизне казаки обнаружили большие силы пехоты и артиллерии противника. Власов двинул вперед спешенные 3-ю и 5-ю сотни, а затем подкрепил их 1-й и 6-й сотнями. 2-я и 4-я сотни на этот раз остались в резерве полка. Четыре сотни сибирцев, наступая цепями на Чарнаковизну, под ружейным и артиллерийским огнем немцев заставили противника развернуться и «обнаружить весь свой боевой порядок», что облегчило задачу основным русским силам на этом направлении – кавказским гренадерам. Казаки в этот день никаких потерь не понесли [12, л. 69, 70].

Горячее дело случилось у сибирцев на следующий день – 22 сентября. Полк получил задачу охватить левый фланг немецкого расположения у оз. Ганьча. Впереди в качестве разведывательной пошла 5-я сотня. Достигнув д. Лопухово, она получила сведения о присутствии вражеской пехоты и кавалерии в селении Бласковизна, стоявшем на берегу оз. Ганьча. Войсковой старшина Г.Г. Власов выделил в «боевую часть» 3-ю и 6-ю сотни, которые, спешившись, по глубокой балке скрытно вышли к южной окраине Бласковизны. Оставив здесь 6-ю сотню, Власов отправил 3-ю сотню цепью по селению с задачей выйти к северной окраине, за которой, по словам местных жителей, находились немецкие окопы. Пройдя селение и подойдя к вражеским окопам на 500 шагов, 3-я сотня подъесаула Шаркунова открыла частый ружейный огонь. Немцы, видя незначительность русских сил, ответили огнем только двух своих рот, ближайших к озеру, не обнаружив окопов других. Когда же Власов двинул в обход левого фланга немцев спешенную 6-ю сотню, остальные шесть рот германцев также открыли огонь, полностью раскрыв всю свою позицию. Выяснилось, что у противника численное превосходство: около двух батальонов пехоты

и двух эскадронов кавалерии. Но главное, артбатареи противника, расположенные в с. Кружки, открыли огонь: как по наступавшим 3-й и 6-й сотням, так и по резерву полка, скрывавшемуся в балке южнее Бласковизны. Сибирцы оказались под перекрестным огнем: ружейным из окопов с севера и батарей тяжелой и полевой артиллерии – с юго-запада. Были ранены подъесаул Шаркунов и пять казаков. Тогда Власов приказал приостановить наступление, 3-й и 6-й сотням присоединиться к полку [12, л. 71–72].

27 ноября 1914 г. в приложении к приказу по Сибирскому казачьему войску № 292 был приведен список награжденных чинов 4-го Сибирского казачьего полка. 32 казака получили Георгиевские кресты 4-й степени и 33 – Георгиевские медали 4-й степени [7, пр. № 292, 27.11.1914].

В октябре сотни 4-го полка начинают придавать пехоте. Так, штаб 2-го Кавказского корпуса вызвал две сотни к утру 21 октября 1914 г. для содействия наступлению наших Кавказской гренадерской и 51-й пехотных дивизий на запад, к русско-германской границе: к посаду Филиппово и с. Бакаларжево. Комполка Г.Г. Власов назначил на это дело 5-ю сотню сотника С.Ф. Дорогова-Иванова и 2-ю, которой тогда временно командовал сотник Б.В. Анненков. Сотни получили боевую задачу: «Двигаясь возможно быстрее перед фронтом наступающих дивизий, держать непрерывное соприкосновение с противником, стараясь оттеснить его возможно дальше за пределы нашей государственной границы, захватив Филиппово и Бакаларжево и удерживая их до подхода наших пехотных частей».

Сотник Анненков действовал очень энергично, стремительно. Обнаружив на подходе к Бакаларжево противника и спешив 2-ю сотню, он неожиданно напал на немцев и развил такой «жестокий ружейный огонь», что три роты германской пехоты были вынуждены оставить селение и укрыться в заранее приготовленных окопах западнее Бакаларжево. Ворвавшись в населенный пункт, казаки сразу же с крыш домов открыли частый ружейный огонь по окопам врага. Несколько раз немецкая пехота предпринимала атаки, чтобы вернуть селение, но сибирцы всякий раз отбивали ее огнем. «Изнемогая в неравной борьбе», 2-я сотня Анненкова оборонялась в Бакаларжево 18 часов: с 10 часов утра 21 октября до 4 часов утра 22-го, – и удерживала населенный пункт до подхода

передовых пехотных частей Кавказской гренадерской дивизии. Казаки выполнили боевую задачу.

В этом бою 2-я сотня взяла в плен 4 немецких солдат, захватила 28 пехотных винтовок и много патронов. У казаков была убита одна лошадь и ранены три человека, в том числе младший офицер сотни хорунжий Катанаев Георгий Всеволодович [12, л. 73–74].

Через несколько дней после боя в Бакаларжево 5-я сотня сотника Дорогова-Иванова, находившаяся в распоряжении начальника Кавказской гренадерской дивизии, получила от начдива задачу выдвинуться к д. Сапеллен и разведать позиции и силы противника в том районе. 28 октября 1914 г. головной разъезд, высланный от сотни, обнаружил в указанной деревне и к северо-востоку от нее германскую пехоту. Подойдя к Сапеллену на две тысячи шагов и спешив сотню, Дорогов-Иванов повел наступление. Казаки цепью «продвинулись к немецким окопам до пределов возможного» и в ходе стрелкового боя точно выяснили силы врага (2 роты пехоты) и «направление и протяжение немецких окопов». Однако эти данные стоили 5-й сотне дорого: во время стрелкового боя 28 октября у Сапеллена ружейной пулей был тяжело ранен в голову командующий сотней сотник С.Ф. Дорогов-Иванов, который через час от указанной раны умер [12, л. 75–76].

Когда 2-й Кавказский корпус получил приказ о переброске под Варшаву, комкор Мищенко хотел забрать 4-й Сибирский казачий полк с собой. Однако штаб 10-й армии категорически отказал [13, с. 23]. «Кавказцы» Мищенко ушли, а сибирцы войскового старшины Власова достались по наследству 20-му армейскому корпусу генерала от артиллерии П.И. Булгакова, сменившему на позициях корпус Мищенко. 7 ноября 1914 г. 4-й Сибирский казачий полк был передан в состав 20-го корпуса [11, л. 98].

В 20-м корпусе сотни 4-го Сибирского казачьего полка были разобраны: одна была взята в штаб 10-й армии, другая – в корпусной штаб, а четыре были приданы четырем пехотным дивизиям данного корпуса и несли в них службу разведки и связи. Комбриг генерал Усачев, комполка Власов, штаб 4-го полка и полковое знамя были при штабе 20-го корпуса [13, с. 23].

Когда фронт на какое-то время стабилизировался, казаков стали сажать в окопы на флангах пехотных частей, где они продолжили

вести разведку, но теперь пешую. Сибирцы 4-й сотни подъесаула В.В. Безобразова первыми обнаружили скрытный отход основных сил противника [13, с. 23–24].

Германцы в ноябре 1914 г. снимали все, что можно, и перебрасывали под Варшаву. «Сидение под Сувалками окончилось». 10-я армия пошла в наступление на Восточную Пруссию. У посада Филиппово 20-й корпус перешел госграницу [13, с. 24]. В этом наступлении сотни работали «при дивизиях корпуса, производя разведку, ведя стрелковые бои при преследовании противника во время наступления наших войск в Восточную Пруссию, т.к. сотни в это время отрывались от своей пехоты, уходя до 30 и даже 50 верст вперед» [11, л. 98 об.]. Сибирцы в течение ноября 1914 г. [8, с. 261] дошли до германского города Даркемен [11, л. 98], где на р. Ангерап натолкнулись на сильные, заранее подготовленные позиции противника. На этом рубеже 20-й корпус остановился и принялся укрепляться [14, с. 32; 13, с. 24].

Наша конница обеспечивала фланги сильно растянутых по фронту пехотных частей. Так, с 12 по 28 января 1915 г. 5-я сотня 4-го Сибирского казачьего полка под командованием сотника Б.В. Анненкова севернее Мазурских болот охраняла фланг 110-го пехотного Камского полка. Анненков в свойственной ему манере действовал очень активно. Неизменно каждую ночь он лично отправлялся на разведку и производил тревоги в неприятельском расположении. То сожжет у немцев несколько домов, то нападет на пост. Самым большим успехом сибирцев стало уничтожение несколькими нашими разведчиками во главе с Анненковым германского поста из девяти человек на острове Кирзайтен (озеро Даргейнен). В результате смелых действий наших казаков немецкие разведчики, ранее активные, совершенно отказались от ночных нападений на сторожевые посты Камского полка [11, л. 100 об.].

На Ангерапской позиции 20-й корпус простоял до конца января 1915 г., когда обстановка кардинально поменялась. Германское наступление обернулось окружением и гибелью основных сил корпуса в Августовских лесах в феврале 1915 г. Там был разгромлен и 4-й Сибирский казачий полк, потерявший в котле до 400 нижних чинов и 12 чел. комсостава, включая и командующего полком войскового старшину Г.Г. Власова, смертельно раненного

в героической, но неудачной конной атаке при попытке прорыва из окружения 8 февраля 1915 г. Но этот сюжет – тема отдельной статьи.

Действия казачьих полков 2-й и 3-й очередей в первый – маневренный – период Великой войны подвергались критике еще современниками. Дескать, «эти полки не были втянуты в работу и пришли на фронт отставшими от современных требований войны». В свое оправдание казачьи офицеры указывали на объективные причины такого положения дел: времени на спайку личного состава, на тренировки людей и лошадей дали мало; наспех собранные казаки не успели еще «психологически оторваться от забот о своей семье и своем хозяйстве», тем более среди них был заметный процент тех, кто не служил «действительную» в первоочередных полках; офицеров в частях было мало, к тому же прибывшие из разных полков они не имели времени лучше узнать друг друга и своих подчиненных; наконец, технически полки 2-й и 3-й очередей были слабы: у них не было своих пулеметов и артиллерии [2, с. 238].

Все указанные недостатки были присущи и 4-му Сибирскому казачьему полку. Пулеметы полкам 2-й и 3-й очередей не полагались по штатам. И только в конце 1915 г. некоторые из них, «средствами полков», стали обзаводиться собственными пулеметными командами [2, с. 238–239]. Но в 4-м Сибирском казачьем полку таковой даже на 16 декабря 1915 г. не существовало, и только ставился вопрос о ее создании (из 6 пулеметов) [11, л. 97].

Офицеров действительно было мало, особенно младших. 4-му Сибирскому казачьему полку по штату полагалось иметь 23 офицера. Но к 1 октября 1914 г. в списочном составе полка числилось только 16 офицеров, а на лицо было и того меньше – 13 [10, л. 1 об.–12 об.]. К 23 октября 1914 г. в полку оставалось лишь 11 наличных офицеров [10, л. 124]. Вместо положенных двух младших офицеров на каждую сотню в октябре 1914 г. в 4-м Сибирском казачьем полку на весь полк приходилось лишь два-три наличных младших офицера, а в трех-четырех сотнях младших офицеров вообще не было, в них единственным офицером был сотенный командир. Ситуация с офицерами улучшалась, но медленно. К 1 января 1915 г. в полку на лицо было 17 офицеров, в том числе младших офицеров по одному

человеку было в трех сотнях (в 1-й, 4-й и 5-й), два человека – в одной 3-й сотни, три – в одной 6-й сотне, и еще оставалась сотня вообще без младших офицеров (2-я – сотника С.Г. Гусева) [9, л. 1 об.–12].

При таком положении приходилось доверять командование разъездами, взводами и даже полусотнями урядникам, которые могли попадать под влияние подчиненных, в том числе и в стремлении лишний раз не рисковать. К тому же у казаков 2-й очереди не было опыта русско-японской войны.

Из указанных выше 11 офицеров, командовавших в течение 1914 – начала 1915 г. сотнями 4-го Сибирского казачьего полка, боевой опыт русско-японской войны имели шесть человек. Средний возраст этих 11 командиров и командующих сотнями составлял 36 лет. Самыми младшими из них были Анненков (на 1914 год 25 лет), Дорогов-Иванов и Гусев (по 28 лет). Остальным было за тридцать. Самыми возрастными являлись Петров (43), Золотницкий (46) и Шафров (58 лет!). Боевой опыт был, как правило, у возрастных офицеров. Если 47-летний помощник командира полка Волосников прошел войну с Японией и был ранен в бою, то 55-летний компполка Власов не только никогда не воевал, но и почти десятилетие не служил в строю: сначала отставка (1906–1911), затем чисто административные должности в Сибирском войске (1911–1914) [10, л. 11 об.]. Власову, как и большинству его подчиненных, пришлось учиться воевать уже в ходе самой войны.

Сначала 4-й Сибирский казачий полк использовался в качестве корпусной конницы, действуя на фланге армейского корпуса. При наступательном движении полк двигался в конном строю походной колонной, имея впереди конные разъезды, которые «освещали местность». При обнаружении разъездами противника из полка выделялась «боевая часть» (обычно две сотни), которая максимально продвигалась вперед, спешивалась и, действуя стрелковой цепью, завязывала бой с целью выяснения сил неприятеля и их расположения. Остальные сотни оставались в резерве командира полка. Если противник оказывался серьезный, то «боевая часть» усиливалась еще одной-двумя сотнями. Случаев, чтобы полк втянулся в стрелковый бой целиком, не зафиксировано. Обычно подходила наша пехота, и казаки, передав ей позиции, пытались в конном строю обойти обозначившийся в ходе боя фланг немцев.

Кавалерийских боев с германцами у полка даже в маневренный период не было, только перестрелки и единичные стычки конных разъездов.

Не имея пулеметов и артиллерии, собственными силами казачий полк не мог сбить окопавшуюся пехоту противника, особенно если она успевала защититься колючей проволокой, имела пулеметы и артподдержку. В целях более рационального использования казаков полк в ноябре 1914 г. был «раскассирован», и четыре его сотни, приданные пехотным дивизиям, стали использоваться в качестве дивизионной конницы, неся в дивизиях службу разведки и связи. В этом качестве в маневренный период Великой войны казаки оказались незаменимы.

Источники и литература

1. Акмолинский областной архив в г. Кокчетаве. Ф. 1527/1352. Оп. 1. Д. 1.

2. *Белов А.И.* К вопросу о мобилизации льготных казачьих полков. Некоторые мысли из опыта мобилизации Сибирского войска во время Мировой Великой войны в 1914 г. // Сибирский казак: Войсковой сб. Вып. 2. – Харбин, 1941. – С. 237–240.

3. *Березовский Е.П.* Сибирское войско и Великая война // Сибирский казак: Войсковой сб. Вып. 2. – Харбин, 1941. – С. 9–15.

4. *Горбань Н.В.* Восстание казаков 4-го и 7-го Сибирских казачьих полков 31 июля 1914 года // Омская область. – 1939. – № 8. – С. 55–59.

5. Омская областная научная библиотека имени А.С. Пушкина (ООНБ им. А.С. Пушкина). Приказ[ы] Сибирскому казачьему войску [за 1911 год]. Омск, 1911.

6. ООНБ им. А.С. Пушкина. Приказ[ы] Сибирскому казачьему войску [за 1912 год]. Омск, 1912.

7. ООНБ им. А.С. Пушкина. Приказ[ы] Сибирскому казачьему войску [за 1914 год]. Омск, 1914.

8. *Розеншильд-Паулин А.Н.* Гибель XX армейского корпуса в Августовских лесах (Из дневника начальника дивизии) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. 5. – Белград, 1924. – С. 261–283.

9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 408. Оп. 1. Д. 1345 [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru/documents/view/88001535/?parent=88001765&obraz=88021074 (дата обращение: 01.09.2024).

10. РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 15272 [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru/documents/view/88009596/?parent=88017415&obraz=88196726 (дата обращение: 01.09.2024).

11. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 63 [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru/documents/view/58026940/?parent=58557810&obraz=59096107 (дата обращения: 01.09.2024).

12. РГВИА. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 147 [Электронный ресурс]. URL: https://gwar.mil.ru/documents/view/51537556/?parent=51538466&obraz=51979604 (дата обращения: 01.09.2024).

13. *Усачев А.Я.* Из воспоминаний о Великой войне // Сибирский казак: Войсковой сб. Вып. 2. – Харбин, 1941. – С. 20–29.

14. *Хольмсен И.А.* Мировая война: наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г.: Воспоминания и мысли. – Париж, 1935.

V.A. Shuldyakov

4TH SIBERIAN COSSACK REGIMENT IN 1914 – EARLY 1915. ON THE 110TH ANNIVERSARY OF THE BEGINNING OF THE «SECOND PATRIOTIC WAR»

Annotation. The article is devoted to one of the second-priority Cossack regiments formed after the announcement of general mobilization and staffed by Cossacks from the villages of Kokchetav, Petropavlovsk, Atbasar and Akmola districts of the Akmola region of the Steppe General Governorate. Based on documents from the Russian State Military Historical Archive, the article describes the combat operations of the 4th Siberian Cossack Regiment from September 10, 1914 to January 28, 1915 in the Suwalki Governorate and East Prussia. Conclusions are made about the combat qualities of the unit and the evolution of the combat use of the cavalry regiment.

Keywords: Siberian Cossack Army, World War I, 10th Army, 2nd Caucasian Army Corps, 20th Army Corps, corps cavalry, divisional cavalry.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙН

УДК 908

А.Р. Бимеева

ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ КОЛХОЗА В 1940–1953 гг. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ КОЛХОЗА (НА ПРИМЕРЕ КОЛХОЗА «НОВАЯ ЖИЗНЬ» УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье на примере парторганизации колхоза «Новая жизнь» Барановского сельсовета Барановского района (ныне Николаевского района) Ульяновской области рассмотрена роль парторганизации в выполнении государственных задач и организации повседневной жизни колхоза, его членов в военные и послевоенные годы. Парторганизация решала задачи производственного характера, являлась инструментом формирования определенных политических качеств посредством идейно-политического и культурного воспитания, тем самым определяя и повседневность колхозников в указанный период. Протоколы партсобраний позволяют проанализировать деятельность парторганизации колхоза «Новая жизнь» Барановского сельсовета в условиях указанного времени. Источниковую базу статьи составили неопубликованные документы из фонда № 950 архива Ульяновской области – ГАНИ. Дела этого фонда впервые вводятся в научный оборот, что определяет новизну работы.

Ключевые слова: парторганизация, партсобрание, повседневность, колхоз, колхозник, политическое воспитание, урожайность.

В советском государстве партия являлась основным руководящим органом. Низовым звеном партии были первичные партийные организации, которые отвечали за выполнение государственных задач на местах. Решение производственных, общественных и воспитательных задач определяли повседневную жизнь как членов парторганизации, так и тех, на кого они воздействовали. На примере

собраний первичной парторганизации колхоза «Новая жизнь» Барановского сельсовета Барановского района (ныне Николаевского района) Ульяновской области мы рассмотрим основные направления деятельности колхоза в 1940–1953 гг., проблемы, способы их решения со стороны партийной организации.

К началу войны деятельность сельхозартели «Новая жизнь» контролировала только кандидатская группа ввиду отсутствия необходимого числа членов ВКП(б). Самой главной ее задачей являлось обеспечение успешного выполнения государственных планов, поэтому вопросы трудовой дисциплины, воспитательной работы являлись самыми актуальными. Первоначально кандидатская группа колхоза «Новая жизнь» работала слабо, о чем свидетельствуют в том числе замечания инструктора отдела РК ВКП(б) Кобловой: «не заведены дела на 1940 г., не составлялись планы работ, не велись протоколы общих собраний» [1; 2; 3, л. 3].

Главной задачей сельхозартели, особенно в условиях военного времени, являлось выполнение производственных планов. Согласно протоколам собраний, к началу войны колхоз «Новая жизнь» испытывал материально-технические трудности, что влияло на низкую производительность [3, л. 8, 9, 10]. В предвоенное время и к началу войны колхозом «Новая жизнь» руководил Солодушкин, в последние месяцы 1941 г. – А.А. Крючков [5, л. 1, 17], в 1942–1943 гг. – Плесский [6, л. 28; 7, л. 4, 12]. Регулярная смена руководства свидетельствует о том, что колхоз не справлялся с государственными задачами. Это связано в первую очередь с отсутствием исправного технического оборудования и нехваткой тягловой силы, рабочих рук. Но, несмотря на объективные причины, вся вина возлагалась на руководителей, которые к тому времени были бессильны устранить эти проблемы. В то же время сильно сказывалась расшатанность трудовой дисциплины, которую пытались наладить самыми различными методами – от словесного психологического воздействия, обсуждения на партсобраниях поведения того или иного индивида вплоть до привлечения к уголовной ответственности. В частности, согласно протоколам собраний, план весеннего сева 1941 г., подготовка к уборочным работам [5, л. 5], уборка урожая выполнялись несвоевременно, с потерями из-за нехватки тягловой и рабочей силы (в том числе многие колхозники и служащие не выходили на

полевые работы), попустительского отношения бригадиров к своим обязанностям. Бригадиры не вели учет выполнения трудодней колхозниками, не контролировали конюхов, которые без разрешения выдавали лошадей. На партсобрании колхоза «Новая жизнь» от 3 октября 1941 г. постановили привлечь бригадиров к судебной ответственности за ослабление трудовой дисциплины [5, л. 14 об., 15].

В условиях военного времени парторганизация ставила перед собой и общественную задачу – сбор теплых вещей для Красной армии. Комиссия в составе семи человек (Г.М. Ганин (председатель комиссии), М.С. Володин (заместитель), А.А. Крючков, И.С. Потемкин, Е.М. Косимов, А.Е. Юдин, Е.М. Иванкин) вела точный учет поступающих теплых вещей. Преимущественно сдавали шерсть, варежки, носки [5, л. 9, 9 об., 14, 14 об.].

Партийная организация при колхозе «Новая жизнь» организована 16 августа 1942 г. В ее состав входило шесть человек: пять членов партии, состоящих на постоянном учете, и один член партии – на временном учете. К октябрю 1942 г. два члена партии выбыли в другие парторганизации (Е.И. Рафаевич и Ильин) и приняли в кандидаты одного человека. В октябре 1942 г. парторганизация насчитывала пять человек: три члена партии на постоянном учете, один – на временном учете, один – кандидат в партию. Парторганизация решала вопросы производственного (о ходе уборки урожая, выполнении хлебопоставок государству, завершении уборочной и хлебопоставок), общественного (о сборе теплых вещей для Красной армии) и воспитательного (об агитационно-массовой работе в колхозе) характера. В частности, для улучшения производственных задач она участвовала в организации предоктябрьского социалистического соревнования. В колхозе между собой соревновались как отдельные колхозники, так и бригада с бригадой. Коммунисты пытались хорошо справляться со своими производственными задачами. Например, коммунист Володин, бригадир огородной бригады, несмотря на свое болезненное состояние, грамотно организовал работу и спас огородные культуры от града [6, л. 6, 7]. Но в то же время в протоколах мы видим, как из-за нехватки инвентаря (лобогреек), людских ресурсов тяжело шли процессы подготовки и проведения уборки урожая в 1943 г. [7, л. 10, 10 об.].

В выполнении общественной задачи парторганизация стала инициатором проведения такого мероприятия, как распространение билетов второй денежно-вещевой лотереи (планировалось на 1400 руб., выполнили на 15 800 руб.). Парторганизация отвечала за организацию колхозом кассы взаимопомощи, проведение месячников по оказанию помощи семьям погибших и инвалидам войны [8, л. 2 об.].

О воспитательной работе парторганизации могут сказать следующие данные. Из протокола собрания парторганизации узнаем, как отчитывают бригадира полеводческой бригады, кандидата ВКП(б) А. Юдина за недобросовестное исполнение обязанностей. Бригадир обещает исправить свои ошибки. На собрании вынесли замечание в адрес председателя колхоза Плесского и коммунистов, которые работали разрозненно. Например, решение парторганизации о снятии с должности зав. кладовой Денискина за недобросовестное исполнение обязанностей (обвешивание, поздний выход на работу) было проигнорировано председателем колхоза. Также порицали руководителя колхоза и сельсовета, которые своим поведением подрывали авторитет секретаря парторганизации [6, л. 6, 7]. Проблемным вопросом в реализации соответствующих воспитательных задач являлось нежелание коммунистов повышать свой идейно-политический уровень. Особые претензии предъявлялись председателю агитмассовой бригады Сапупову за недобросовестную организацию агитмассовой работы, которую он сводил только к читке газет. К июню 1943 г. были выпущены только одна стенная газета Кондратенковой и боевой листок в тракторной бригаде. «Совещания не проводились, задания агитаторам не давались» [7, л. 9]. Указанные факты являются ярким примером работы парторганизации в выполнении производственных, общественных и воспитательных задач. Недочеты в области агитмассовой работы, идейно-политического воспитания, очевидно, связаны с условиями военного времени, когда основные усилия направлялись на выполнение производственных вопросов, что необходимо было для продвижения советских сил на Запад, а на идейно-политическое воспитание просто не оставалось сил и оно больше носило прикладной характер.

Первые послевоенные годы были тяжелыми для колхозников и жителей села, но в то же время, несмотря на трудности, развитие шло по восходящей линии. К 1947 г. парторганизация насчитывала девять членов и двух кандидатов в члены ВКП(б). В послевоенные годы, как и в военное время, наблюдалась постоянная смена руководства колхоза: с 6 февраля 1947 г. – А.В. Попов [8, л. 5, 1], в 1948 г. – В.И. Семкин [9, л. 4], в 1949 г. – А.В. Попов [10, л. 12, 13, 14], со второй половины 1949 г. – П.Ф. Ильин [10, л. 23]. Последний оставался руководителем в течение многих лет, что свидетельствует об улучшении показателей сельхозартели к 1950-м гг. в решении производственных, общественных и воспитательных задач.

В деле организации производства в 1946 г. колхоз своевременно и удовлетворительно осуществил уборку урожая, натуральные поставки государству, за исключением хлебопоставок (из-за засушливого лета) [8, л. 3]. В 1947 г. уборка урожая, поставка хлеба государству затягивались по причине дефицита рабочих рук [8, л. 16, 16 об.]. К началу 1948 г. колхоз рассчитался по всем видам обязательных поставок государству, за исключением подсолнуха [9, л. 16 об.]. В 1948 г. план поставки хлеба государству был выполнен всего на 76,4 % из-за засушливого лета [10, л. 1]. В 1949 г. снова не были выполнены планы по поставке хлеба государству [11, л. 7 об.].

Согласно протоколам партсобраний, одной из серьезных проблем являлось состояние животноводства, в том числе по причине расшатанности трудовой дисциплины, налаживание которой стало одним из сложнейших и главнейших задач парторганизации. В частности, на начало 1948 г. скот был слабо упитан, не получал установленной нормы кормов, которые растаскивали сами же животноводы, не проводились чистки лошадей, не соблюдалось дежурство в животноводческих помещениях [9, л. 4, 4 об.]. Не хватало упряжи, волов, сбруи [9, л. 9]. В целом под руководством парторганизации колхоз неплохо справился с выполнением плана 1948 г. по животноводству, с поставкой государству продуктов животноводства [10, л. 1]. В 1949 г. впервые был перевыполнен план развития скота по всем видам, кроме птицы, что является демонстрацией усиленной работы парторганизации [11, л. 7 об.]. В 1950 г. артель выполнила почти все обязательства перед

государством: поставку хлеба – 400 ц, картофеля – 207 ц, сена – 52 ц, мяса – 83 ц, молока – 22 478 л. Не были выполнены планы по поставке шерсти (планировалось 423 кг, выполнено 270 кг) и яиц (планировалось 17 000 шт., выполнено 5093 шт.) [12, л. 9 об.]. В целом к 1950 г. колхоз «Новая жизнь» относительно предыдущих лет значительно улучшил свои показатели [12, л. 10 об.]. В 1951 г. он справился с выполнением плана в животноводстве по лошадям и крупному рогатому скоту, по поставке мяса крупного рогатого и мелкого скота, не выполнены только поставки свинины, молока, брынзы, яиц. Общественный скот, в отличие от скота колхозников, был полностью обеспечен грубыми кормами. На партсобрании была поставлена задача устранения этой проблемы, что свидетельствовало о стремлении парторганизации укрепить материальное благополучие своих колхозников [13, л. 6 об., 7]. К сентябрю 1952 г. планировалось закончить строительство коровника, к концу года – птичника [13, л. 17]. В то же время парторганизация беспокоилась о состоянии животноводства колхоза. В частности, в декабре 1952 г. на собраниях рассматривался вопрос о неудовлетворительной подготовке скота к зимовке: скот размещался в тесных помещениях, не было помещения для птицы. К тому же животноводческая бригада остро нуждалась в кадрах: на 25 дойных коров приходилось три доярки, не хватало свинарей, овцеводов и других работников [13, л. 42, 42 об., 43, 43 об.].

В итоге благодаря работе парторганизации колхоз в 1952 г. в производственной деятельности достиг определенных успехов. Увеличился валовый сбор зерна и повысилась урожайность основных сельскохозяйственных культур. Были выполнены планы животноводства по всем видам скота, кроме птицы, и поставок государству сельскохозяйственной продукции, денежные доходы хозяйства по сравнению с 1951 г. увеличились до 65 тыс. руб. Возросла выдача хлеба на трудодень колхозникам. Однако оставалась низкой урожайность подсолнечника и картофеля, медленно осваивалась травопольная система (посев трав в полевом севообороте составил лишь 7 %), при уборке допускались потери урожая, не был освоен кормовой севооборот. Продуктивность скота оставалась низкой: надой молока на одну фуражную корову составил лишь 868 л (50 %), скот размещался в тесных помещениях, без должного ухода, не

было прочной кормовой базы [14, л. 3, 3 об., 35]. Все эти проблемы рассматривались на собраниях парторганизации, и ставилась задача их скорейшего устранения.

В решении производственных задач важнейшую роль играла воспитательная работа парторганизации. В трудовом воспитании она использовала методы поощрения, восхваления лучших работников, убеждения, агитации для улучшения трудовых показателей. В частности, оборудовались доски показателей социалистического соревнования, на которых ежедневно вывешивали лучшие результаты бригад, звеньев и отдельных колхозников. За эти доски отвечали специально прикрепленные коммунисты, например, в тракторной бригаде – М. Инжуватов, по колхозным бригадам – Д.П. Блинков [8, л. 2 об., 5, 15]. Коммунисты участвовали в полевых работах, являясь для рядовых колхозников примером, как следует лучше работать. Члены парторганизации проводили в бригадах агитации, прикрепляя к бригадам коммунистов. Например, в молотильной бригаде работал В.Г. Ганин, тракторной – А. Графкина, транспортной – В.А. Саулькин (он же редактировал боевые листки), первой полеводческой – П.Ф. Ильин, второй полеводческой – А. Горшенин, третьей полеводческой – А.М. Черкасов, огородной – В.И. Семкин [8, л. 5, 15]. В последующие годы агитаторами были Т.Ф. Архипов, М.К. Анисимов, Е.С. Бурова, Е.П. Князевский, Р.С. Конкина, Ф.С. Леванов, М.М. Юртаева [12, л. 34].

Отличительной чертой послевоенного времени являлось усиление роли идейно-политического воспитания граждан. Политико-массовая работа партийной организации положительно влияла на производственные показатели, так как укрепляла веру в правильность действий руководства страны и необходимость выполнения поставленных задач. Выполнение производственных и идейно-политических задач стало равноценным. Данный вывод строится на основе анализа протоколов партсобраний: значительно увеличилась частота рассмотрения вопросов идеологического воспитания на партсобраниях. Очевидно, это связано и с началом «холодной войны», поэтому парторганизация выполняла общегосударственную задачу – воспитывала сознательных рядовых колхозников и сельчан в духе коммуниста-патриота. В области идейно-политического воспитания действовали методы

убеждения, агитации, организации кружков, лекций и наказания, вплоть до исключения из членов партии. Парторганизация колхоза «Новая жизнь» организовала кружок по изучению биографии И.В. Сталина. К середине 1951 г. два члена партии самостоятельно изучали биографию И.В. Сталина, один самостоятельно – внешнюю политику СССР, два занимались в кружке по изучению биографии И.В. Сталина [13, л. 7]. Коммунисты проводили просветительскую работу среди колхозников и сельчан: читали доклады, посвященные жизни и деятельности В.И. Ленина (А.М. Черкасов), международному положению СССР (В.И. Семкин) [11, л. 19], передовые статьи газеты «Искра», тем самым пытаясь укрепить коммунистические, патриотические идеалы в сознании слушателей. Коммунистов обязывали выписывать газеты, к этому агитировали колхозников, сельчан [12, л. 30, 30 об.]. Тракторную и полеводческую бригады ежедневно обеспечивали газетами. На собраниях колхозников агитаторы зачитывали и разъясняли значение беседы И.В. Сталина с корреспондентом газеты «Правда» [12, л. 13 об., 14]. В правлении колхоза организовывались газетные викторины [11, л. 19]. В целях культурно-политического воспитания в тракторном вагончике развесили портреты руководителей партии и правительства, лозунги, подбирали для тракторной бригады библиотеку с художественной, политической, технической литературой [12, л. 30, 30 об.]. О серьезном отношении парторганизации к вопросам воспитания свидетельствует факт исключения из членов партии А.Д. Юдина за непосещение собраний парторганизации, неповышение политического уровня, неуплату членских взносов. К тому же за самовольный уход с полевых работ он был исключен из колхоза [12, л. 17, 17 об.]. Так парторганизация колхоза «Новая жизнь» пыталась повысить идейно-политический уровень рядовых колхозников и сельчан, который на протяжении долгого времени оставался низким [11, л. 3 об.].

Таким образом, мы изучили деятельность парторганизации колхоза «Новая жизнь» Ульяновской области в условиях военного времени и восстановления народного хозяйства. Мы установили, что парторганизация, как низовое звено советской политической системы, являлась ключевым инструментом при решении государственных вопросов производственного, общественного, вос-

питательного характера, тем самым определяла и характер повседневной жизни членов парторганизации, сельхозартели, колхозников и жителей села.

Источники и литература

1. ГАНИ УО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф. 950. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 8.
8. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 10.
9. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 11.
10. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 12.
11. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 13.
12. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 14.
13. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 15.
14. ГАНИ УО. Ф. 950. Оп. 1. Д. 16.

A.R. Bimeeva

THE PARTY ORGANIZATION OF THE COLLECTIVE FARM IN 1940–1953 AND ITS IMPACT ON THE DAILY LIFE OF THE COLLECTIVE FARM (ON THE EXAMPLE OF THE COLLECTIVE FARM "NEW LIFE" OF THE ULYANOVSK REGION)

Annotation. Using the example of the party organization of the collective farm "New Life" of the Baranovsky village Council of the Baranovsky district (now Nikolaevsky district) of the Ulyanovsk region, the article examines the role of the party organization as a state institution in fulfilling state tasks and organizing the daily life of the collective farm and its members in the war and post-war years. The party organization solved problems of a production nature, was an instrument for the formation of certain political qualities through ideological, political and cultural education, there by determining the daily life of collective farmers during this period. The protocols of the party meetings allow us to analyze the activities of the party organization of the collective farm "New

Life" of the Baranovsky Village Council in the conditions of the specified time. The source base of the article was made up of unpublished documents from the fund No. 950 of the archive of the Ulyanovsk region – GANI. The affairs of this foundation are being introduced into scientific circulation for the first time, which determines the novelty of the work.

Keywords: party organization, party assembly, everyday life, collective farm, collective farmer, political education, productivity.

УДК 94(470.343)

Л.А. Делова

АДЫГЕЯ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Аннотация. В представленной статье описан период с 9 августа 1942 г. по 18 февраля 1943 г., когда Адыгейская автономная область находилась в немецко-фашистской оккупации. Приведены факты приветствия фашистами коллаборационистов, а также убийства жителей Адыгеи, подозреваемых немцами в сочувствии партизанам.

Ключевые слова: Адыгея, оккупация, фашисты, партизаны, предатели.

В ходе летнего наступления 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта немецкое командование имело две цели: перерезать водную артерию снабжения Красной армии – Волгу и захватить нефтяное богатство Майкопского и Бакинского месторождений. Для их реализации гитлеровцы сосредоточили на юге огромные силы и двинулись двумя колоннами: одна – на Сталинград, другая – на Краснодар, Армавир, с последующим выходом через перевалы в Закавказье.

На южном участке фронта натиск немцев на несколько дней задержал под Кущевской и Шкуринской 17-й добровольческий кавалерийский корпус (впоследствии 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус). Но силы были неравными, и наши войска от Армавира начали планомерный отход: одна колонна – на

Life" of the Baranovsky Village Council in the conditions of the specified time. The source base of the article was made up of unpublished documents from the fund No. 950 of the archive of the Ulyanovsk region – GANI. The affairs of this foundation are being introduced into scientific circulation for the first time, which determines the novelty of the work.

Keywords: party organization, party assembly, everyday life, collective farm, collective farmer, political education, productivity.

УДК 94(470.343)

Л.А. Делова

АДЫГЕЯ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Аннотация. В представленной статье описан период с 9 августа 1942 г. по 18 февраля 1943 г., когда Адыгейская автономная область находилась в немецко-фашистской оккупации. Приведены факты приветствия фашистами коллаборационистов, а также убийства жителей Адыгеи, подозреваемых немцами в сочувствии партизанам.

Ключевые слова: Адыгея, оккупация, фашисты, партизаны, предатели.

В ходе летнего наступления 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта немецкое командование имело две цели: перерезать водную артерию снабжения Красной армии – Волгу и захватить нефтяное богатство Майкопского и Бакинского месторождений. Для их реализации гитлеровцы сосредоточили на юге огромные силы и двинулись двумя колоннами: одна – на Сталинград, другая – на Краснодар, Армавир, с последующим выходом через перевалы в Закавказье.

На южном участке фронта натиск немцев на несколько дней задержал под Кущевской и Шкуринской 17-й добровольческий кавалерийский корпус (впоследствии 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус). Но силы были неравными, и наши войска от Армавира начали планомерный отход: одна колонна – на

Пятигорск, Нальчик, Орджоникидзе, другая – на Майкоп, чтобы занять оборону под Туапсе и не пропустить врага по побережью дальше.

Отходя на новые позиции, наши войска оказывали гитлеровцам сопротивление. Вошли немцы в Майкоп 9 августа 1942 г. со стороны станицы Ханской. Лишь в феврале 1943 г. они покинули территорию Адыгеи.

К началу августа 1942 г. были сформированы партизанские отряды. Из 86 отрядов на Кубани восемь действовали в Адыгее: 1-й и 2-й Майкопские, Гиагинский, Кошехабльский, Шовгеновский, Красногвардейский, Тахтамукайский и Теучежский. В Майкопском (бывшем Тульском) районе действовало три партизанских отряда: «За Родину», «За Сталина», Тульский № 3. Большинство партизанских отрядов находилось в лесах, расположенных в горах Адыгеи. Около Майкопа базировались Майкопский партизанский отряд № 1 «Народные мстители» (численность 176 чел., командир Ф.М. Стрельников, затем С.Я. Козлов), Майкопский партизанский отряд № 2 (численность 111 чел., командир И.М. Жеребкин, затем В.М. Злобин). С 21 сентября 1942 г. в с. Хамышки, находящемся в горной местности, действовал Майкопский штаб партизанских отрядов, объединявший 18 партизанских отрядов, частично из других районов края, под командованием секретарей Краснодарского крайкома ВКП(б) М.С. Попова и В.Е. Зинченко. За время оккупации народными мстителями – бойцами партизанских отрядов – было совершено множество боевых операций. Так, отряды майкопского куста (партизанского соединения) провели более 200 боевых операций, в результате чего было ранено и взято в плен 190 гитлеровцев, убито свыше 2000, уничтожено 26 автомашин с военными грузами, 10 мотоциклов, самолет, бронемашина, 22 повозки, захвачено более 20 пулеметов [2, с. 14].

Немецкие оккупанты призывали партизан сдаваться. В газете «Майкопская жизнь», издаваемой в период оккупации, фашисты писали: «Партизаны! Обещаниями и угрозами Вас заманили в ряды партизан, Вам поручено теперь добиться того, что не удалось Красной Армии, а именно – приостановить продвижение немцев. Мы не относимся враждебно к мирному населению, партизан же мы, как диверсантов, уничтожаем вместе с их семьями и со всем

их имуществом. Обращаемся к Вам как к людям, введенным в заблуждение, с последним предложением. Являйтесь в течение трех дней в местную комендатуру или же к местному бургомистру, и Вам не надо тогда опасаться наказания. Германский комендант» [5, л. 14].

Фашисты очень жестоко расправлялись не только с партизанами, но и с теми жителями, которые предположительно были замечены в связях с народными мстителями. Так, в станице Новосвободной Майкопского района была расстреляна 15-летняя связная партизанского отряда «За Родину» Нина Каменева. Ее пытали, но ничего не добились – она никого не выдала. Нина погибла со словами «Да здравствует Советская Родина! Смерть фашистским оккупантам!» [1, с. 92]. Недалеко от станицы Новосвободной в поселке лесорубов на Михизиевой поляне 13 ноября 1942 г. фашистами были расстреляны 207 чел., почти все жители поселка, из них 72 женщины и 105 детей. Их расстреляли за то, что никто из жителей поселка не выдал тех, кто помогал партизанам, не выдал коммунистов [1, с. 93]. О страшных зверствах гитлеровцев свидетельствуют документы – акты, составленные после освобождения Адыгеи в феврале 1943 г., освидетельствования трупов зверски замученных и убитых жителей [4, л. 18; 2, л. 23]. Так, вскоре после освобождения Красногвардейского района 31 января 1943 г. 3 февраля были обнаружены трупы замученных земляков. Причинами убийства служили не только подозрения в связи с партизанами, но и обнаруженная в доме милицейская фуражка. Трупы обнаружены в изуродованном виде [2, л. 23]. Всего расстреляно 182 чел. мирных граждан, закопанных в ямах около плотины, перегораживающей р. Белую на территории Курго-Терновского сельсовета и за р. Белой Верхне-Назаровского сельсовета.

Причиной убийства мирных жителей в период оккупации Адыгеи служили и доносы предателей. Так, из переписки лейтенанта Н.И. Борисова, жителя Майкопа, находящегося на службе в Красной армии, с Майкопским горисполкомом известно о том, что вся его семья: жена – Мария Григорьевна Борисова, дочь Алла, сын Валентин и теща Фандеева Прасковья Владимировна – расстреляны фашистами 16 января 1943 г. Н.И. Борисов просит сообщить ему, что стало причиной гибели всей его семьи. Как выяснилось, семью

Борисова при оккупации города в декабре 1942 г. забрали в гестапо и расстреляли. Из слов его родственницы – Вишневецкой – выяснено, что их как семью партизана и коммуниста выдали соседи, Калашниковы, которых после оккупации города осудил ревтрибунал, и они были высланы за пределы города [3, л. 8].

Фашисты приветствовали коллаборационистов. Так, в газете «Майкопская жизнь» появилась статья «Возвращение борца», где приветствовалось появление в Адыгее генерала С.К. Гирея, который в 1918 и 1919 гг. со своей дивизией боролся севернее Майкопа с красными, а после бежал за границу. Немцы его встречали как героя: «После 23-летнего вынужденного пребывания за границей, при поддержке немецких властей, возвратился на свою родину генерал Султан Килич-Гирей… Здесь, на земле своей родины, совместно со всем населением области, он нашел силы для борьбы против Сталина и его приспешников. Он счастлив помочь своему народу, счастлив, что после многих лет угнетения кавказцев, благодаря руководимой Германской армией работе, наконец опять будет создан порядок и хорошие жизненные условия для всего населения» [6, л. 42].

Освобождение территории Адыгеи от фашистов началось в январе 1943 г. в рамках наступательной операции «Горы». В ней приняла участие 9-я горнострелковая дивизия под командованием полковника М.В. Евстигнеева, входившая в состав 46-й армии Черноморской группы войск Закавказского фронта.

В результате широкомасштабного наступления 27 января 1943 г. была освобождена станица Даховская – первый населенный пункт на территории Адыгеи. 29 января части 9-й горнострелковой дивизии вошли на территорию Майкопа, Майкопского, Гиагинского, Кошехабльского и Шовгеновского районов.

Боясь окружения, столицу Адыгеи фашисты оставили без боя, спешно отступив в сторону Армавира. Перед отступлением оккупанты заминировали город – школы, детские сады, здания заводов им. Фрунзе, Лесомебели и Дубзавода, где фашисты расстреливали партизан и мирных жителей.

До конца января части Красной армии изгнали оккупантов из Майкопа, Майкопского, Гиагинского, Кошехабльского и Шовгеновского районов. Красногвардейский район был освобожден

2 февраля, Теучежский – 4 февраля. 18 февраля 1943 г. войска Красной армии освободили Тахтамукайский район, аулы Афипсип и Псейтук. Благодаря мужеству и героизму советских солдат, враг был изгнан с территории Адыгеи. И день 18 февраля считается Днем окончательного освобождения Адыгеи.

Источники и литература

1. *Жерноклев И.В., Жерноклева Е.И.* Памятники и памятные места в предгорьях Адыгеи. – Майкоп, 1973.

2. *Коссович П.Ф., Схакумидов А.С.* В боевом строю народов-братьев. Они ковали Победу. Воспоминания. Очерки. Статьи. – Майкоп, 1985.

3. НАРА (Национальный архив Республики Адыгея). Ф. Р. 79. Оп. 3. Д. 61.

4. НАРА. Ф. Р. 775. Оп. 1. Д. 3.

5. НАРА. Ф. Р. 1135. Оп. 1. Д. 1.

6. НАРА. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 10.

L.A. Delova

ADYGEYA DURING THE THE NAZI OCCUPATION

Annotation. The article describes the period from August 9, 1942 to February 18, 1943, when the Adyghe Autonomous Region was under nazi occupation. It cites facts of the Nazis greeting collaborators, as well as the murder of Adygea residents suspected by the Germans of sympathizing with the partisans.

Keywords: Adygea, occupation, fascists, partisans, traitors.

УДК 94(470.343)+(476)“1941/1945”

О.А. Кошкина,
В.М. Новик

ЭВАКУАЦИЯ С ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В МАРИЙСКУЮ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Аннотация. Статья посвящена вопросам эвакуации жителей, промышленного оборудования, фондов Государственного архива Витебской области Белорусской ССР в Марийскую республику в начале Великой

2 февраля, Теучежский – 4 февраля. 18 февраля 1943 г. войска Красной армии освободили Тахтамукайский район, аулы Афипсип и Псейтук. Благодаря мужеству и героизму советских солдат, враг был изгнан с территории Адыгеи. И день 18 февраля считается Днем окончательного освобождения Адыгеи.

Источники и литература

1. *Жерноклев И.В., Жерноклева Е.И.* Памятники и памятные места в предгорьях Адыгеи. – Майкоп, 1973.

2. *Коссович П.Ф., Схакумидов А.С.* В боевом строю народов-братьев. Они ковали Победу. Воспоминания. Очерки. Статьи. – Майкоп, 1985.

3. НАРА (Национальный архив Республики Адыгея). Ф. Р. 79. Оп. 3. Д. 61.

4. НАРА. Ф. Р. 775. Оп. 1. Д. 3.

5. НАРА. Ф. Р. 1135. Оп. 1. Д. 1.

6. НАРА. Ф. Р-1135. Оп. 1. Д. 10.

L.A. Delova

ADYGEYA DURING THE THE NAZI OCCUPATION

Annotation. The article describes the period from August 9, 1942 to February 18, 1943, when the Adyghe Autonomous Region was under nazi occupation. It cites facts of the Nazis greeting collaborators, as well as the murder of Adygea residents suspected by the Germans of sympathizing with the partisans.

Keywords: Adygea, occupation, fascists, partisans, traitors.

УДК 94(470.343)+(476)“1941/1945”

О.А. Кошкина,
В.М. Новик

ЭВАКУАЦИЯ С ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В МАРИЙСКУЮ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Аннотация. Статья посвящена вопросам эвакуации жителей, промышленного оборудования, фондов Государственного архива Витебской области Белорусской ССР в Марийскую республику в начале Великой

Отечественной войны. Рассмотрены проблемы реэвакуации и помощь республики освобожденным районам БССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Белорусская ССР, Марийская АССР, эвакуация, помощь освобожденным районам.

Знаковым событием для Республики Беларусь в 2024 г. является 80-летие освобождения страны от немецко-фашистских захватчиков. Трагические события Второй мировой войны уходят вглубь истории. К сожалению, осталось не мало «белых пятен», нераскрытых страниц, связанных с вероломным вторжением гитлеровской Германии на приграничные территории Белорусской ССР, ставшие ареной ожесточенных военных действий.

В сложившихся исключительно тяжелых условиях одним из важнейших звеньев в системе мероприятий советского государства по перестройке жизни страны явилась эвакуация людских ресурсов и материальных ценностей. Эти проблемы в трудах белорусских ученых заняли достойное место. В их исследованиях нашли отражение мало разработанные и перспективные темы разных аспектов эвакуационных мероприятий, проходивших в Белорусской ССР с начала Великой Отечественной войны – эвакуация населения, предприятий, материальных ценностей, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия и сырья, других ресурсов [3; 19; 20; 21; 27; 28].

Вместе с тем исследовательский потенциал могут обогатить и материалы, сохранившиеся в архивах тех регионов, которые приняли эвакуированных. Жители различных населенных пунктов БССР были эвакуированы в 17 областей, 7 автономных республик, 4 края РСФСР, а также в Армянскую, Казахскую, Узбекскую, Киргизскую, Туркменскую и Таджикскую ССР [20, с. 86–87; 21, с. 104–105]. В исследовании на основе архивных документов, опубликованных источников и воспоминаний рассматривается эвакуация из Белоруссии в Марийскую АССР.

Внезапное и быстрое продвижение немецко-фашистских войск вглубь территории Белорусской ССР исключало возможность организации своевременного и планового комплекса эвакуационных мероприятий. В первые дни войны эвакуация носила стихийный характер. Более или менее организованный процесс охватил только

восточные области: Витебскую, Могилевскую, Гомельскую [3, с. 245]. Сложившаяся неблагоприятная ситуация на белорусском театре военных действий и ее стремительное развитие сорвали многие организационные мероприятия. Наплыв беженцев с запада в восточные районы БССР остро поставил вопрос о необходимости срочной отправки населения в тыл и организации эвакуационных пунктов. 24 июня 1941 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР был создан Совет по эвакуации во главе с Л.М. Кагановичем. На следующий день, 25 июня, была организована Центральная эвакуационная комиссия при Совнаркоме БССР во главе с председателем СНК И.С. Былинским, которая возглавила работу в Могилевской, Витебской, Гомельской и Полесской областях. Эвакопункты были созданы в конце июня – начале июля в Витебске, Полоцке, Осиповичах, Могилеве, Гомеле и других городах республики. «С огромным напряжением, в условиях вражеских бомбежек и встречных перевозок к районам боевых действий осуществлялся вывоз населения и материальных ценностей» [20, с. 83–84].

По данным Л.А. Сугако «оценка общего количества эвакуировавшегося населения республики колеблется в диапазоне от 1 млн до 1,5 млн человек. Такой разброс не удивителен, так как установление точного числа покинувших летом 1941 г. родные места жителей Беларуси представляется весьма сложной задачей. Прежде всего потому, что... исход населения на восток носил в значительной степени стихийный характер и потоки людей двигались в тыл, находясь вне контроля и учета со стороны структур, отвечавших за эвакуацию» [27, с. 128]. При этом сам автор считает более реальной цифру 700–800 тыс. чел. [27, с. 128]. Э. Иоффе в своем исследовании отмечает, что «общее количество эвакуированных из БССР в 1941–1943 годах составило примерно 750–780 тысяч человек» [21, с. 105].

Одним из направлений эвакуации населения из Белоруссии стали регионы Поволжья, в том числе и Марийская АССР. Материалы, хранящиеся в Государственном архиве Республики Марий Эл (ГА РМЭ), дают представление о том, что основная часть эвакуированных прибывала на железнодорожную станцию Йошкар-Ола. Начальник эшелона, у которого находился появочный список эвакуировавшихся, составленный органами местной власти

перед отправлением, по прибытии в район эвакуации передавал его в эвакопункт, где проводили поименный учет эвакуированного населения. Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК Марийской АССР распределял прибывших по районам республики, часть которых размещалась в городах, остальные – в сельской местности. В центре внимания местных органов, куда были распределены эвакуированные, – исполкомов районных Советов и инспекторов по хозяйственному устройству эвакуированного населения в составе исполкомов – находились вопросы расселения, бытового обслуживания, трудоустройства.

В итоге заполнялись объемные журналы, в которых сначала фиксировали личные данные прибывшего, год рождения, национальность, профессию (если такая имелась), место жительства и работы до эвакуации. Напротив – данные о месте работы и адрес проживания в эвакуации. Однако работа с этими ценнейшими и уникальными источниками имеет свои сложности, чтобы воссоздать объективную картину эвакуационного процесса.

В фондах ГА РМЭ хранится 28 дел со списками эвакуированных, размещенных по районам Марийской АССР (ф. Р-1106) и 7 дел – по г. Йошкар-Оле (ф. Р-852). Журналы имеют листы зачастую из папиросной и плохо читаемой бумаги, что не позволяет рассмотреть все данные об эвакуированном. Сложно определить их количество, так как многие фамилии и их данные фиксируются в списках несколько раз. Еще больше прочерков в графах о местожительстве, профессии, месте работы до эвакуации и по месту прибытия. Очевидно, заполнялись они в спешке, и ответственные за возложенные на них обязанности при большом объеме работы не всегда успевали зафиксировать подробную и достоверную информацию.

Тем не менее по данным на 1 декабря 1942 г. эвакуированные из Белорусской ССР составляли 1990 чел. из 29 208 прибывших в Марийскую АССР [5, л. 47–48 об.]. Определить точное число проживающих в отдельных городах и районах Марийской АССР эвакуированных жителей Белоруссии сложно, так как, например, через столицу республики г. Йошкар-Олу, где находилась основная железнодорожная станция, проходил практически весь поток эвакуированных, которые затем распределялись по районам Марийской АССР, а часть направлялась в другие регионы [см. напр.: 16, л. 4–231 об.].

Частично по спискам эвакуированных можно определить, что, например, в столице республики были размещены жители современных Витебской (гг. Витебск, Орша, Полоцк), Гомельской, Могилевской (гг. Бобруйск, Могилев, Осиповичи, Шклов), Гродненской (гг. Гродно и Лида), Брестской (гг. Кобрин и Пинск) областей, г. Минска [13, л. 1–34 об.]. По разным спискам можно определить их профессиональную принадлежность. Среди эвакуированных из Белорусской ССР были инженеры, врачи, педагоги, портные, машинистки, бухгалтеры, слесари, работники связи, бракеры, артисты, парикмахеры, работники обкома и НКВД и т.д.

О тяжелом положении эвакуированных красноречиво говорят справки обследования, составленные инспекторами отдела гособеспечения, и заявления, направленные в горисполком. В заявлении М. Сандрова (г. Витебск) от 11 января 1943 г. писала: «Нахожусь с сестрой и двумя детьми. Мужья на фронте. Остались голые, босые. Нуждаемся в теплой одежде. Мальчику – пальто, а девочке – чулки, рейтузы, валенки. Себе – валенки, так как ноги у меня больные, пострадавшие от бомбежки, хожу совершенно босая» [11, л. 171]. Жительница г. Витебска Л.Е. Потоцкая 30 января 1943 г. обращалась с просьбой: «Живу одна. Нуждаюсь в одежде, обуви. Отец и три брата на фронте. Мать осталась в Витебске» [11, л. 71]. Учитывая условия эвакуации из Белорусской ССР, заявления в большинстве случаев содержат просьбы о выдаче одежды и обуви, чаще всего пальто, валенок и других теплых вещей. При этом стоит отметить, что резолюции на документах позволяют говорить о том, что большинство просьб, как правило, удовлетворялось.

Подобные заявления эвакуированных представляют собой очень информативный исторический источник, в котором зафиксированы и фрагменты их трагической биографии. Например, Р.Н. Каплан 17 июня 1942 г. писала: «Эвакуирована с семьей из 5 душ из г. Слуцка БССР. Враг неожиданно потревожил нас ночью 22 июня 1941 г. Удрали мы, не захватив ничего из вещей, даже то, что взяли, пришлось оставить по дороге, потому что 400 км пришлось преодолевать пешком. Муж в рядах РККА. Я имею на иждивении трех мальчиков от 7 до 15 лет и старуху-мать. Прошу выдать кое-что из одежды. Особенно прошу обуви для ребят и себя» [14, л. 48]. Д. Вайнберг в заявлении от 8 августа 1942 г. писала: «Эвакуирована

28 июня из БССР. Убежала из дома, вернее бежала 150 км под проливным дождем. Не имела никакой возможности взять с собой кое-что из вещей. Осталась совершенно без обуви. Зимой ходила в лаптях. Прошу не отказать в моей просьбе и посодействовать в приобретении пары ботинок. На фронте вся моя семья: 3 сына и 2 брата» [15, л. 14]. Минчанка Т.М. Пятова 29 января 1943 г. сообщала: «Во время бомбежки пошла в детсад за городом, на даче. В Минск вернуться не удалось. Город горел. Осталась ни с чем. Второго ребенка родила в дороге. Мальчику 6 лет, девочке 1 год 6 мес. Нет зимнего пальто, обуви, платья, белья на смену. В таком состоянии дети» [11, л. 60]. Эти мольбы о помощи, как и многих других, оказавшихся в эвакуации, решали отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК Марийской АССР, исполкомы районных Советов, оказывавшие помощь в трудоустройстве, выдаче денег, ордеров на одежду и продукты питания, топливо, жилье и т.д. Не могло оставаться безучастным и местное население республики. По возможности многие из них выделяли часть своего жилья, принимали в свои семьи эвакуированных с детьми, приносили в эвакопункты медикаменты, одежду, постельное белье, обувь и т.д.

Среди эвакуированных из г. Витебска Белорусской ССР были будущие известные ученые – археолог Лев Клейн и его брат, историк Борис Клейн. В списках эвакуированных граждан в 1942 г. и проживающих в г. Йошкар-Оле указаны Клейн Ася Моисеевна, мать, 1899 г.р., Клейн Лев Станиславович, сын, 1927 г.р., Клейн Борис Станиславович, сын, 1928 г.р., и Мудракова Евгения Демидовна, домработница [12, л. 25]. По воспоминаниям Льва и Бориса их родители – отец Самуил (в быту – Станислав) Симхович Клейн, врач, в звании майора медицинской службы, и мать Ася Моисеевна Клейн, врач-хирург – были призваны в армию. Оба брата в эвакуации находились с дедушкой Клейном Симхой Шмулевичем (1871 г.р.) и бабушкой Клейн Эстер Гершовной (1874 г.р.), которые указаны в списке отдельно [12, л. 52 об.].

В своих воспоминаниях братья описали суровые условия эвакуации и жизни на новом месте. Борис Клейн писал: «Жилось нам нелегко: отец и мать были на фронте, мы с братом как-то перемогались вместе со стариками – родителями отца» [22,

с. 14]. Лев Клейн вспоминал: «Немцы продвигались неимоверно быстро. Витебск ведь на восточном конце Белоруссии, у самого стыка с РСФСР, но уже через неделю стало ясно, что немцы вот-вот ворвутся в город. Упакованные чемоданы и тюки почти не пригодились. Брать с собой пришлось совсем не те вещи и лишь самое необходимое. Мы уезжали в эшелонах, товарными вагонами, и наши эшелоны продвигались вглубь страны перед самым отступавшим фронтом, медики были недалеко от нас, так что связь с родителями сохранялась. Под Волоколамском мы задержались, там были суровые бои, потом нас отправили в Егорьевск и выгрузили, там мы застряли надолго, а отец получил приказ в случае окружения оставаться в Москве и отбыл в Москву. Это были дни знаменитой московской паники, когда все, кто мог, бежали из Москвы. Наконец, нас, семьи военнослужащих, снова погрузили в эшелоны и повезли на восток, не сказав куда. Ехали недели две. Привезли нас в Йошкар-Олу, тогда деревянную, за Волгой. Срубные дома, деревянные мостовые по бокам земляных улочек» [23, с. 28–29].

Братья учились в школе с детьми эвакуированных. Как и большинство школьников в это время, Лев работал в колхозе. Позже в своих воспоминаниях он писал: «Летом я поступил в пригородный колхоз, чтобы прокормить стариков и младшего брата. Учился обихаживать лошадей, запрягать их в плуг или борону, пахать и бороновать. Помню, первая запряжка мне не удалась. Вроде, сделал все, как мне показывали. Но лошадь как-то дернула кожей – и вся сбруя с нее свалилась (отец, старый кавалерист, при рассказе об этом очень смеялся). Пока приспособился пахать, прошло немало времени. Это оказалось чрезвычайно трудно, нажимать на рукояти нужно с большой силой и сноровкой. А зимою снова в класс» [23, с. 30]. После окончания 9-го класса в 16 лет он ушел на фронт вольнонаемным, служил в военно-строительной части 3-го Белорусского фронта. Его младший брат Борис в 1945 г. вернулся в Белоруссию: «Когда родители вернулись с фронта, встал вопрос, где жить. Витебск был разрушен на 85 процентов. Опытным врачам можно было устроиться в Гродно, центре западного региона Беларуси…» [22, с. 22].

Оба брата стали известными учеными. Лев Самуилович Клейн (1927–2019) – археолог, антрополог, доктор исторических наук,

профессор, один из основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге, разработавший основы теоретической археологии. Борис Самуилович Клейн (1928–2020) – советский и белорусский историк, доктор исторических наук, профессор, автор работ по истории общественных движений и культуры России, Белоруссии и Литвы конца XIX – начала XX в.

Летом 1944 г. после освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков началось возвращение эвакуированных из Марийской АССР на родину. Въезд во все районы Гомельской области был разрешен решением исполкома Гомельского областного Совета депутатов трудящихся от 7 августа 1944 г. за исключением городов Гомеля и Речицы, где требовалось разрешение горисполкомов. Аналогичным образом решением исполкома Вилейского областного Совета от 19 августа 1944 г. также был разрешен въезд во все районы Вилейской области за исключением городов Вилейка и Молодечно [10, л. 77].

22 сентября 1944 г. было принято постановление СНК БССР о реэвакуации, разрешающее беспрепятственный въезд граждан Белорусской ССР на прежние места жительства во все города и районы. Отменялось решение исполкомов Минского, Гомельского, Могилевского и Полесского областных Советов, предусматривающее въезд эвакуированного населения в областные центры и отдельные города этих областей только с разрешения городских Советов [26, с. 189].

С началом войны с территории Белоруссии в республику были эвакуированы и некоторые предприятия. В пос. Суслонгер был отправлен Гомельский деревообделочный комбинат, разместивший на площадях местного лесокомбината 30 станков и 35 рабочих [17, л. 98; 2, с. 98–99].

В конце августа 1941 г. со станции Добруш Белорусской железной дороги были отправлено в эвакуацию 933 вагона фабрики «Герой труда», в составе которых были 452 вагона с оборудованием, 345 с материалом, 136 с готовой продукцией. Их разместили на предприятиях – на Кордяжской фабрике (Кировская область), Марбумкомбинате (г. Волжск Марийской АССР) и Соликамском комбинате [2, с. 97].

Аналогичная ситуация сложилась с заводом «Химстрой» Гомельского коопинсоюза, производившим широкий ассортимент

строительных химикатов. Сохранившаяся в архиве характеристика предприятия свидетельствует о том, что в Марийскую АССР были отправлены 12 котлов емкостью по 5 т каждый, оборудование бондарного цеха (ленточный станок, циркулярка, фуговочный станок, цистерна емкостью 30 т). Эвакуированы были председатель артели и 20 рабочих и служащих с семьями [4, л. 195].

К эвакуации на Марбумкомбинат готовили оборудование и других предприятий. Известно, что не все, в том числе картонная фабрика «Плятеров» со станции Кочаны Вилейской области Белорусской ССР, успели вывезти свое оборудование [2, с. 98].

В г. Йошкар-Олу были эвакуированы документы Витебского областного государственного архива Белорусской ССР (с 1939 г. – Государственный архив Витебской области [1]). Всего было доставлено 33 фонда с 1896 по 1941 г., количество единиц хранения – 14 661 [7, л. 70–71], которые разместились в Центральном государственном архиве Марийской АССР [9, л. 26–28] (см. *табл. 1*). Кроме того, в город были доставлены и засекреченные фонды Витебского УНКВД БССР (около 16 000 дел), которые упоминаются в более поздних документах [8, л. 3, 87–88]. В справке, направленной в Совнарком Марийской АССР, отмечено количество единиц хранения на 1 января 1944 г.: «…при отправке эвакуированных документальных материалов Витебского областного государственного архива и Витебского УНКВД БССР, [в] которых хранится свыше 30 тыс[яч] единиц хранения…» [8, л. 87–88].

Фонды были доставлены начальником Архивного отдела Управления НКВД Белостокской области Белорусской ССР Ф.А. Александровым [9, л. 28]. В докладной записке начальника архивного отдела НКВД Марийской АССР С.Н. Кустова в Главное архивное управление НКВД СССР от 10 марта 1942 г. отмечено, что документы «находились разбитыми и в полном хаотичном состоянии, и без инвентарной описи. Эти материалы нами разработаны и размещены в хорошем помещении. При разработке оказалось, что большинство архивных документальных материалов относятся к периоду Гражданской войны с количеством 34 фонда, 14 485 единиц хранения. Из них 12 фондов засекречено» [7, л. 5; 18, с. 15]. Сотрудники Центрального государственного архива

Марийской АССР провели архивно-техническую обработку и упорядочение документальных материалов. В 1944 г. фонды были отправлены в Белоруссию.

Таблица 1

Список эвакуированных документальных материалов Витебского областного государственного архива Белорусской ССР (1942 г.) [7, л. 70–71]

№№	Наименование фондов	Количество единиц хранения	Крайние даты документальных материалов
1	2	3	4
1.	Управление уголовного розыска г. Витебска	678	1919–1930
2.	Полоцкий уездный эвакуационный пункт	60	1921–1922
3.	Витебское губернское управление советской милиции	2419	1918–1929
4.	Витебский губернский исполнительный комитет	1694	1917–1930
5.	Президиум Витебского окружного исполнительного комитета	934	1924–1930
6.	Витебский губернский революционный трибунал	2171	1917–1924
7.	Витебская губернская советская партийная школа	135	1932–1935
8.	Витебский территориальный пехотный полк	89	1918–1921
9.	Витебская городская советская партизанская комиссия	22	1930–1936
10.	Витебская окружная комиссия по делам о выборах в Учредительное собрание	84	1917
11.	Витебская губернская тюремная инспекция	422	1911–1917
12.	Витебский губернский волостной комиссариат	541	1917–1925
13.	Начальник Витебского губернского жандармского управления	313	1899–1917

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
14.	80-й Ленинградский стрелковый полк 27-й Омской стрелковой дивизии	235	1921–1924
15.	Витебское губернское архивное управление	335	1919–1941
16.	Витебский военный госпиталь	243	1921–1930
17.	Витебский губернский земельный отдел	1429	1909–1924
18.	Витебское губернское правление	866	1873–1918
19.	Витебская губернская военно-инженерная дистанция	645	1916–1923
20.	Комиссар Временного правительства Витебской губернии	175	1916–1917
21.	1-й саперный батальон 4-го стрелкового корпуса	42	1921–1929
22.	Витебское комендантское управление	25	1918–1921
23.	Государственный объединенный лесной промышленный район бассейна р. Западной Двины (Двинолес)	13	1924–1928
24.	Витебский городской комитет ВЛКСМ	104	1924–1929
25.	Витебский 776-й ОН отдельный батальон	46	1920–1924
26.	Витебская окружная прокуратура	15	1926–1929
27.	Смоленское отделение военного контроля штаба Западной армии	7	1918–1919
28.	Витебский губернский отдел социального обеспечения	82	1918–1924
29.	Витебская губернская чрезвычайная комиссия	17	1919–1920
30.	Витебская губернская коллегия по делам пленных и беженцев	1	1919
31.	Первичная партийная организация исторического музея	31	1936–1941
32.	Витебское городское полицейское управление	4	1896–1916
33.	Витебский губернский Совет народного хозяйства	784	1918–1922
	Всего	**14661**	

После освобождения территории Белоруссии в 1944 г. от немецко-фашистских захватчиков помощь в восстановлении народного хозяйства оказывали тыловые регионы, в том числе и Марийской АССР. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 27 декабря 1943 г., приказов по Наркомзему СССР от 31 декабря 1943 г. и Марийской АССР от 12 января 1944 г. «Об оказании помощи освобожденным районам Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей Белорусской ССР по восстановлению МТС и колхозов» к 15 февраля 1944 г. из Марийской АССР нужно было отгрузить 50 тракторов и 50 тракторных плугов и обеспечить их опытными кадрами из расчета на каждый трактор одного тракториста, на 10 тракторов – бригадира, на 25 тракторов – механика [6, л. 1–1об.]. Отгрузка была закончена к 11 марта 1944 г. [25, с. 323] (см. табл. 2). Технику отправляли с железнодорожных станций Йошкар-Ола, Помары, Шелангер и Чебоксары. Также были откомандированы 57 работников МТС – бригадиров, трактористов и механиков, среди них 41 женщина [6, л. 107; 24, с. 431–432].

Таблица 2

Из отчета наркома земледелия Марийской АССР об отправке тракторов в освобожденные районы Белоруссии [сост. по: 6, л. 107; 24, с. 431–432; 25, с. 321–322]

Наименование МТС	План отправки			Отправлено			Количество отправляемых трактористов, бригадиров и механиков, чел.
	ХТЗ	У-2	Всего	ХТЗ	У-2	Всего	
Медведевская	3	1	4	3	1	4	4
Йошкар-Олинская	6	1	7	6	1	7	7
Оршанская	5	-	5	5	-	5	7
Ронгинская	4	-	4	4	-	4	5
Помарская	4	-	4	4	-	4	5
Сотнурская	6	-	6	6	-	6	6
Звениговская	6	-	6	9	-	9	6
Моркинская	7	-	7	4	-	4	8
Горномарийская	7	-	7	7	-	7	9
Итого	**48**	**2**	**50**	**48**	**2**	**50**	**57**

Кроме того, по постановлению СНК Марийской АССР от 12 апреля 1945 г. Молодечненской области БССР были переданы три печатные машины: «из республиканской типографии гор. Йошкар-Ола – одну машину марки «Кенигс-Бауер», Козьмодемьянской типографии – одну машину № 3 и одну «американку», находящуюся на ст. Алабино Московской области во временном пользовании воинской части…» [25, с. 325].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Марийская АССР приняла около 2000 жителей Белоруссии. Учитывая стихийность процесса эвакуации и не всегда должные обстоятельства регистрации, проблематично установить точную численность эвакуированных из БССР. Вывезенные в Марийскую республику жители Беларуси были спасены от фашистского геноцида. Спасенные от фашистской неволи, эвакуированные активно включались в работу для фронта. От угрозы уничтожения были спасены и материальные ценности, вывезенные из Беларуси.

Выдержку, мужество, самопожертвование, преданность делу взаимопомощи проявило население Марийской АССР, оказав материальную поддержку белорусскому народу в восстановлении экономики после освобождения от немецко-фашистских захватчиков.

Источники и литература

1. Архивы Беларуси. Учреждение «Государственный архив Витебской области» // https://archives.gov.by/home/organy-arhivnogo-dela-i-deloproizvodstva-i-sistema-gosudarstvennyh-arhivnyh-uchrezhdenij/oblastnye-i-zonalnye-gosudarstvennye-arhivy-v-vitebskoj-oblasti/uchrezhdenie-gosudarstvennyj-arhiv-vitebskoj-oblasti/ga-vitebskoj-oblasti-istoricheskaya-spravka (дата обращения: 31.07.2024).

2. *Васенин Д.В.* Промышленность и рабочие Марийской АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Йошкар-Ола, 2014.

3. *Воронкова И.Ю.* Эвакуированные белорусы в Поволжье в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в судьбах народов и регионов: сб. ст. – Казань, 2015. – С. 244–255.

4. ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. П-1. Оп. 5. Д. 195.

5. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 3а. Д. 179.

6. ГА РМЭ. Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 835.
7. ГА РМЭ. Ф. Р-666. Оп. 1. Д. 105.
8. ГА РМЭ. Ф. Р-666. Оп. 1. Д. 132.
9. ГА РМЭ. Ф. Р-666. Оп. 5. Д. 15.
10. ГА РМЭ. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 1.
11. ГА РМЭ. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 3.
12. ГА РМЭ. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 4.
13. ГА РМЭ. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 4а.
14. ГА РМЭ. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 5.
15. ГА РМЭ. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 7.
16. ГА РМЭ. Ф. Р-1106. Оп. 1. Д. 5.
17. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 493.
18. Государственному архиву Республики Марий Эл – 80 лет. Йошкар-Ола, 2021 // https://gosarhivrme.ru/sites/default/files/exhibition/GA80let.pdf (дата обращения: 13.05.2024).
19. *Гужаловский А.А.* Белорусские музеи в период Великой Отечественной войны // Вопросы музеологии. – 2018. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 27–38.
20. *Иоффе Э.* К вопросу об эвакуации населения БССР в 1941 году // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 28. – Мінск, 2013. – С. 83–89.
21. *Иоффе Э.* Эвакуация населения Белоруссии (1941–1943). Неизвестные и малоизвестные страницы // Родина. – 2014. – № 9. – С. 103–105.
22. *Клейн Б.* Недосказанное. – Минск, 2019.
23. *Клейн Л.С.* Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. – СПб., 2010.
24. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. – Йошкар-Ола, 2005.
25. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов. – Йошкар-Ола, 1967.
26. Освобожденная Беларусь: Документы и материалы. Кн. 1. Сентябрь 1943 – декабрь 1944. – Минск, 2004.
27. *Сугако Л.А.* Ход и итоги эвакуации населения БССР летом 1941 года: проблемные аспекты // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2011. – № 5 (68). – С. 122–131.
28. *Сугако Л.А.* Эвакуация промышленного потенциала БССР летом 1941 года // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2012. – № 1 (39). – С. 13–21.

O.A. Koshkina,
V.M. Novik

EVACUATION FROM THE TERRITORY OF BELARUS TO THE MARI ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Annotation. The article is devoted to the evacuation of residents, industrial equipment, and funds of the State Archive of the Vitebsk Region of the Belarusian SSR to the Mari Republic at the beginning of the Great Patriotic War. The problems of re-evacuation and the republic's assistance to the liberated regions of the BSSR are considered.

Keywords: Great Patriotic War, Belarusian SSR, Mari ASSR, evacuation, assistance to liberated areas.

УДК 94(47). 084.8

С.В. Маркова

21-я АРМИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЯХ НА ВОРОНЕЖСКОЙ ЗЕМЛЕ ЛЕТОМ 1942 г.

Аннотация. Статья посвящена оборонительным сражениям 21-й армии Юго-Западного фронта летом 1942 г. Особое внимание уделено хронологии и особенностям боев 21-й армии на воронежской земле, сравнительно малоизученным страницам истории Великой Отечественной войны, связанным с отходом наших войск к Дону, с оккупацией районов и городов Воронежской области.

Ключевые слова: 21-я армия, Воронежско-Ворошиловградская стратегическая оборонительная операция 1942 г., операция «Блау», оборонительные бои.

Лето 1942 г. в истории Великой Отечественной войны связано со стратегическими просчетами советского командования, тяжелыми и кровопролитными боями, а также вынужденным отводом наших войск на рубежи рек Дона и Волги. В современной историографии события отхода наших войск к Дону находят все большее отражение. Однако они продолжают оставаться малоизученными по многим причинам: отсутствие документов, тяжелая для отечественных историков тема поражений Красной армии [4].

O.A. Koshkina,
V.M. Novik

EVACUATION FROM THE TERRITORY OF BELARUS TO THE MARI ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Annotation. The article is devoted to the evacuation of residents, industrial equipment, and funds of the State Archive of the Vitebsk Region of the Belarusian SSR to the Mari Republic at the beginning of the Great Patriotic War. The problems of re-evacuation and the republic's assistance to the liberated regions of the BSSR are considered.

Keywords: Great Patriotic War, Belarusian SSR, Mari ASSR, evacuation, assistance to liberated areas.

УДК 94(47). 084.8

С.В. Маркова

21-я АРМИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ БОЯХ НА ВОРОНЕЖСКОЙ ЗЕМЛЕ ЛЕТОМ 1942 г.

Аннотация. Статья посвящена оборонительным сражениям 21-й армии Юго-Западного фронта летом 1942 г. Особое внимание уделено хронологии и особенностям боев 21-й армии на воронежской земле, сравнительно малоизученным страницам истории Великой Отечественной войны, связанным с отходом наших войск к Дону, с оккупацией районов и городов Воронежской области.

Ключевые слова: 21-я армия, Воронежско-Ворошиловградская стратегическая оборонительная операция 1942 г., операция «Блау», оборонительные бои.

Лето 1942 г. в истории Великой Отечественной войны связано со стратегическими просчетами советского командования, тяжелыми и кровопролитными боями, а также вынужденным отводом наших войск на рубежи рек Дона и Волги. В современной историографии события отхода наших войск к Дону находят все большее отражение. Однако они продолжают оставаться малоизученными по многим причинам: отсутствие документов, тяжелая для отечественных историков тема поражений Красной армии [4].

Лето 1942 г. началось с роковой Барвенково-Харьковской операции. Наступление в начале развивалось успешно, но уже через несколько дней противник нанес мощные контрудары и окружил наступавшие войска. Операция закончилась катастрофой. Стратегическая обстановка на южном крыле советско-германского фронта резко ухудшилась. 28 июня 1942 г. немецкая группа армий «Юг» приступила к главной операции летней кампании 1942 г. – «Blau». По плану «Blau» войска противника должны были совершить прорыв на воронежском направлении путем нанесения двух ударов по сходящимся направлениям: из района северо-восточнее Курска на Воронеж и из района Волчанска на Острогожск. В ходе этой операции предстояло уничтожить советские войска, выйти к Дону от Воронежа до Новой Калитвы и захватить плацдарм на левом берегу Дона (плацдарм – г. Воронеж). После выхода в район Воронежа подвижные соединения противника должны были повернуть на юг вдоль Дона, нанося удар на Кантемировку в тыл войскам Юго-Западного фронта. В то же время группировка вражеских войск, сосредоточенная в районе Славянск, Артемовск, Краматорск, должна была совершить прорыв в стык Юго-Западного и Южного фронтов и, развивая удар на Кантемировку, завершить окружение основных сил Юго-Западного фронта, развить успех на Сталинград и Северный Кавказ. Но если первый этап немецкого наступления был успешен, то уже на втором этапе вражеские армии вынуждены были втянуться в ожесточенные бои, которые завершились полным разгромом гитлеровцев под Сталинградом и на Кавказе.

В июле 1942 г. под ударами противника, осуществлявшего первый этап «Blau», армии Юго-Западного фронта отходили по территории Черноземья, по современной Курской, Белгородской, Воронежской областям. В статье мы рассмотрим оборонительные бои 21-й армии, эта армия с тяжелыми боями отходила по центральным районам Воронежской области. С севера оборону Воронежской области осуществляла 40-я армия Брянского фронта. 40-й армии удалось частично вырваться из окружения гитлеровцев и выйти на реки Дон и Воронеж, а 21-я армия была переформирована. На основе опубликованных документов Центрального архива Министерства обороны РФ [3, с. 141–187], документов Оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта (первое формирование) в статье

будут рассмотрены исторические события оборонительного периода для 21-й армии Юго-Западного фронта в первые дни июля 1942 г., действия 21-й армии на территории Воронежской области. Оперативный отдел 21-й армии был сформирован 22 июня 1941 г. на базе Оперативного отдела Киевского военного округа, существовал до 12 июля 1942 г., до преобразования в Оперативный отдел Сталинградского фронта [5]. Значительное число сводок, лент переговоров по прямому проводу, служебных записок за июль 1942 г. были уничтожены.

Перед началом немецкого наступления летом 1942 г. 21-я армия имела в своем составе – 76, 124, 226, 227, 293, 301, 343-ю стрелковые дивизии, 8-ю стрелковую дивизию НКВД. Армия обороняла 120-километровый участок от ст. Ржава до Николаевки (Курская обл.).

30 июня 1942 г. 6-я немецкая полевая армия под командованием Паулюса прорвала оборону войск 21-й армии генерал-майора В.Н. Гордова, разворачивалась операция «Blau». 6-я армия Паулюса начала стремительное продвижение на восток через Курскую и Белгородскую области, к 5 июля немецкие части вышли к Воронежской области.

21-я армия и другие армии фронта с тяжелыми оборонительными боями вынуждены были отходить, территориальные цели немецкой наступательной операции «Blau-I» были достигнуты немцами «неожиданно быстро» [1, с. 24]. В оборонительных боях с 30 июня 1942 г. армии Юго-Западного фронта понесли такие потери, что 12 июля 1942 г. фронт был расформирован. Его потери с 28 июня по 12 июля 1942 г. составили: безвозвратные – 161 465 чел., санитарные – 71 276 чел., всего 232 741 чел., среднесуточные потери 15 516 чел. [2, с. 177–178].

В первые дни июля 1942 г. 21-я армия вела бои на территории современной Белгородской области. На 3 июля основной задачей для войск Юго-Западного фронта являлось уничтожение противника, прорвавшегося на восточный берег р. Оскол и удержание фронта по восточному берегу реки, обеспечив отвод главных сил 21-й армии за р. Оскол. Однако полностью выполнить эту задачу так и не удалось. Противник к вечеру 4 июля приостановил натиск, задержанный перед линией 117-го укрепленного района (УР). Укрепленный район, усиленный рубеж обороны – 117-й УР на 20 июня 1942 г.

располагал следующим вооружением: винтовок – 2836, ППШ-13, 45-мм орудия – 48 [6. л. 63].

В течение ночи активных действий противник не проявлял, но сильно бомбил переправы Коротояк, г. Острогожск Воронежской области [7, л. 157]. Далее боевые действия 21-й армии продолжились полностью на территории Воронежской области.

4 июля 1942 г. в целях усиления правого фланга 21-й армии командующий фронтом маршал Тимошенко С.К. приказал: «В ночь на 5 июля 1942 года к 12 часам 5 июля 3-му гв. кавалерийскому корпусу сосредоточиться в районе Березово – Торостянка – Шубное с задачей во взаимодействии с 117-м Укрепрайоном не допустить противника через р. Потудань с севера». 53-й Укрепрайон к утру 5 июля получил задачу занять рубеж обороны по южному берегу р. Потудань на участке Короток – Крестьянский. В распоряжение командарма 21-й армии была передана 1-я истребительно-противотанковая дивизия, которая должна была сосредоточиться в районе Березово – Тростянка – Шубное.

21-я армия к утру 5 июля отошла на линию Круглое – Урачево – Подсереднее – Злевище. 8-я мотострелковая дивизия, 1-я мотострелковая бригада к утру 5 июля сосредоточились в районе Шаталовка – Владимирское – Россошь – Преображенское. 226-я стрелковая дивизия вела бой на рубеже Дракино, (иск.) Круглое. 293-я стрелковая дивизия вела бой в районе Круглое – Камышинка. Противник, перейдя в наступление с утра 5 июля, прорвал оборону дивизии и 233-го пулеметного батальона на участке Круглое – Камышинка и овладел районом Сетище – Красное (26 км северо-западнее г. Острогожск). 76-я стрелковая дивизия отошла на рубеж Ураково – (иск.) Подсереднее – Хлевище. 124-я стрелковая дивизия занимала рубеж Подсереднее – Хлевище. 3-й гвардейский кавалерийский корпус был сосредоточен в районе Хлевище – Шелушин – Тепляково. 13-й танковый корпус находился на марше в район Никитовка. Штаб 21-й армии находился в с. Петропавловское. Противник в середине дня 5 июля 1942 г. овладел крупными городами Воронежской области Острогожск, Алексеевка и стал продвигаться на юг на г. Россошь.

6 июля 1942 г. на основании Директивы Ставки командующий фронтом маршал Тимошенко С.К. отдал распоряжение на отход

всех войск на новый рубеж. Командующий фронтом указал на необходимость вывода всей материальной части. Отход войск производить под прикрытием арьергардов. 21-я армия получила приказ на отход за р. Дон в районе Чибисовка – Лосево – Берцовка, с задачей не допустить переправы противника через р. Дон на фронте Колодезная – Свобода (Лиски) – Павловск – Новая Калитва. 21-я армия, прикрываясь частями 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, 1-й истребительно-противотанковой дивизии на рубеже х. Дивногорье – Гнилое – Засимовка по р. Тихая Сосна отводила остатки дивизий на восточный берег р. Дон. Войска на марше и на переправах были под постоянным воздействием авиации противника. На следующий день 21-я армия отдельными группами продолжила переправу частей на восточный берег р. Дон на участке населенных пунктов Нижний Икорец – Бабка – Белогорье – Павловск. Авиация противника непрерывно бомбила переправы в районах Коротояк – Лиски (Свобода) – Белогорье [3, с. 163].

8 июля 1942 г. штаб фронта о положении частей точных сведений не получил. Некоторые обрывочные сведения были получены от офицеров связи. Проводная связь отсутствовала, радиосвязь работала с перебоями. 21-я армия частью сил 3-го гвардейского кавкорпуса, 1-й истребительной дивизии и 124-й стрелковой дивизии приступила к организации обороны на восточном берегу Дона на участке Бабка, Желотков, (иск.) Новая Калитва. Остальными остатками частей продолжала сосредотачиваться в районах Чибисовка – Бутурлиновка – Воронцово – Лосево.

Командующий 21-й армией генерал-майор Гордов в переговорах с начальником штаба фронта генерал-лейтенантом Бодиным доложил, что для организации 2–3 дивизий из остатков потребуется 2–3 дня. Однако по заявлению члена Военного совета Юго-Западного фронта дивизионного комиссара, 21-й армии как организационной единицы нет, а есть отдельные группы разных частей, а поэтому участок Бабка – Новая Калитва никем не прикрывается. На 9 июля армия насчитывает людей 16 104, винтовок – 6188, пулеметов – 155, ППД – 185, минометов – 143, орудий – 100, зенитных орудий – 27, ПТР – 122, ПТО – 123. Штаб 21-й армии – лес западнее Зеленый Гай [8, л. 15].

К 15 часам 9 июля противник вышел на рубеж Кантемировка – Богучар и к утру 10 июля овладел Барсуки – Титаревка – северная окраина Кантемировки. 21-я армия частями 124-й стрелковой дивизии и 3-го кавкорпуса сосредотачивалась на участке Бабка – Новая Калитва, продолжая собирать отдельные группы бойцов. Противник 10 июля в первой половине дня дважды пытался форсировать р. Дон в районе Павловска, Старая Калитва. По данным на 11 июля 1942 г. потери 21-й армии с момента начала немецкого наступления составили 76 266 чел. [8, л. 17].

12 июля 1942 г. на основании Директивы Ставки ВГК № 170495 Юго-Западный фронт был расформирован. 21-я армия передана в состав Сталинградского фронта. Штабу Юго-Западного фронта приказано передислоцироваться из Калача в Сталинград, где возглавить руководство Сталинградским фронтом [8, л. 18].

21-я армия сосредотачивалась в районе Бутурлиновки, где продолжала собирать свои соединения. Части армии на восточном берегу Дона сменила 63-я армия Сталинградского фронта, занявшая оборону от Бабка – Новая Калитва до Серафимовича.

12 июля 1943 г. на базе 3-й резервной армии была создана 21-я армия второго формирования, которая отличилась в Сталинградской битве.

Источники и литература

1. *Вагнер Б.* «От жизненного пространства» к пространству смерти. Военные действия Германии между сражением под Москвой и Сталинградской битвой // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. – М., 1995.

2. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. – М., 1993.

3. Извлечение из Оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии // Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 1. – М., 2002. – С. 141–187.

4. *Пермяков И.А.* Бои за Воронеж в ходе Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции 1942 г. – Воронеж, 2012.

5. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 229.

6. ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 900.

7. ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 922.

8. ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 938.

S.V. Markova

THE 21ST ARMY OF THE SOUTHWESTERN FRONT IN DEFENSIVE BATTLES ON VORONEZH LAND IN THE SUMMER OF 1942

Annotation. The article is devoted to the defensive battles of the 21st Army of the Southwestern Front in the summer of 1942. Special attention is paid to the chronology and features of the battles of the 21st Army on Voronezh land, relatively little-studied pages of the history of the Great Patriotic War related to the withdrawal of our troops to the Don, with the occupation of districts and cities of the Voronezh region.

Keywords: 21st Army in the battles on the Don, Voronezh-Voroshilovgrad strategic defensive operation 1942, Operation Blau, defensive battles.

УДК 94(470) «1941/1943»

А.Д. Полугодин

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ТУЛЬСКОМ КРАЕ ПЕРИОДА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1943 гг.: СПЕЦИФИКА, ПРОЯВЛЕНИЕ

Аннотация. В статье автор рассматривает недостаточно изученную в наше время проблему развития коллаборационизма на временно оккупированной немецкими войсками территории Тульского края в период 1941–1943 гг. Выявляются особенности региональной коллаборации, исследуется мотивация пособников, их персональная деятельность. Исследователем привлекается значительный пласт источников документального и публицистического содержания, позволяющих сформировать объективную картину мира, что в дальнейшем поспособствует развитию знания в широком научном поле.

Ключевые слова: Тульский край, коллаборационизм, староста, полицейский, волостной старшина, бургомистр, оккупация, «новый порядок».

Обстоятельное рассмотрение проблемы коллаборации, сотрудничества части населения с врагом – оккупантом в годы Великой Отечественной войны на примере конкретных регионов, несет особую актуальность для исторической науки. В пределах одних субъектов РФ это явление изучено неплохо, на примере других –

S.V. Markova

THE 21ST ARMY OF THE SOUTHWESTERN FRONT IN DEFENSIVE BATTLES ON VORONEZH LAND IN THE SUMMER OF 1942

Annotation. The article is devoted to the defensive battles of the 21st Army of the Southwestern Front in the summer of 1942. Special attention is paid to the chronology and features of the battles of the 21st Army on Voronezh land, relatively little-studied pages of the history of the Great Patriotic War related to the withdrawal of our troops to the Don, with the occupation of districts and cities of the Voronezh region.

Keywords: 21st Army in the battles on the Don, Voronezh-Voroshilovgrad strategic defensive operation 1942, Operation Blau, defensive battles.

УДК 94(470) «1941/1943»

А.Д. Полугодин

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ТУЛЬСКОМ КРАЕ ПЕРИОДА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1943 гг.: СПЕЦИФИКА, ПРОЯВЛЕНИЕ

Аннотация. В статье автор рассматривает недостаточно изученную в наше время проблему развития коллаборационизма на временно оккупированной немецкими войсками территории Тульского края в период 1941–1943 гг. Выявляются особенности региональной коллаборации, исследуется мотивация пособников, их персональная деятельность. Исследователем привлекается значительный пласт источников документального и публицистического содержания, позволяющих сформировать объективную картину мира, что в дальнейшем поспособствует развитию знания в широком научном поле.

Ключевые слова: Тульский край, коллаборационизм, староста, полицейский, волостной старшина, бургомистр, оккупация, «новый порядок».

Обстоятельное рассмотрение проблемы коллаборации, сотрудничества части населения с врагом – оккупантом в годы Великой Отечественной войны на примере конкретных регионов, несет особую актуальность для исторической науки. В пределах одних субъектов РФ это явление изучено неплохо, на примере других –

в недостаточной степени. В частности, к одной из последних относится территория Тульского края[1], документы по оккупации которого активно вводятся в оборот лишь в последнее десятилетие.

Источниковый фонд нашего исследования базируется на привлечении данных из материалов Государственного архива Тульской области, содержащего в своих хранилищах документы советских партийных структур, донесения представителей партизанских отрядов, заключения государственной чрезвычайной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории временно оккупированной Тульской области. С 2018 г. в Государственном архиве Тульской области (ГАТО) исследователи получили возможность ознакомиться с рассекреченными надзорными производствами областной прокуратуры по делам о государственных преступлениях за 1942 г. В материалах следственных дел[2] содержатся важные сведения, анализ которых формирует картину, отражающую специфику оккупации региона.

К большому сожалению, для представления полной обстановки в оккупированном крае Государственный архив Тульской области по объективным причинам пока еще не может предоставить к работе делопроизводственные материалы оккупационных структур гитлеровцев и их пособников, что существенно усложняет работу. В таком случае дополнить источниковедческий фонд помогут интернет-ресурсы. Благодаря деятельности тульских журналистов и поисковиков в интернет-сети функционируют несколько информационных площадок историко-краеведческой направленности [1; 12; 32]. Немаловажную, но отрывочную информацию о пособниках содержат воспоминания очевидцев, современников оккупации, изложенные в средствах региональной периодической печати и в различных сборниках воспоминаний.

В 2020 г. для широкого пользования вышел в свет сборник документов из цикла «Без срока давности», акцентировавший

---

[1] В данной публикации административные границы территорий, наименования населенных пунктов определяются временными рамками на момент рассматриваемых в статье событий.

[2] Многие фигуранты рассматриваемых дел впоследствии будут реабилитированы.

свое внимание на преступлениях нацистов и их пособников в оккупированных районах Тульской области, пятая глава которого содержит отрывки из материалов следственных дел на попавших под следствие, потенциальных пособников гитлеровцев [2]. Немного ранее акцент по рассмотрению вопросов военного времени, в том числе и периода оккупации на Тульской земле, делался в четырехтомном издании по истории Великой Отечественной войны [40; 41].

Нельзя забывать и про исследования специалистов по смежным, интересующим нас вопросом темам: изучение развития партизанского движения и диверсионных групп, деятельности органов безопасности по выявлению потенциальных коллаборантов в проверочно-фильтрационных лагерях на Тульской земле [13; 14; 15; 37; 38]. В этом случае огромную работу по освещению отдельных аспектов оккупации проделал журналист и краевед С. Митрофанов. Его творчеству принадлежит множество актуальных публикаций по исследованию проблем оккупации края. В частности, очерки о судьбе бывшего бургомистра г. Щекино, германского ставленника Кувшинова, его роли в становлении оккупационного порядка, изложенные в газете «Тульские известия». Используя документы, представленные автору очерков пресс-службой УФСБ по Тульской области, публицист-краевед раскрывает малоизученные для исторической науки стороны жизни этого человека, его действия в период оккупации. В 2023 г. вышел сборник исследований «Пособники», в котором С. Митрофанов на основе анализа некоторых документов фонда советской прокуратуры (ГАТО. Ф. Р-3484) проследил развитие судеб некоторых лиц, подозреваемых правоохранительными органами СССР в коллаборационизме [1; 11; 17–30].

Попытку раскрыть общий характер деятельности органов оккупационной власти во временно захваченных немцами районах края предпринял магистрант Тульского государственного педагогического университета (ТГПУ) им. Л.Н. Толстого П.И. Матвеев [16]. Несмотря на некоторые спорные выводы автора, отраженные в статье, данное исследование вносит определенный вклад в освещение интересующей нас проблемы.

Таким образом, на сегодняшний день для специалистов является все более актуальной выполнение поставленной научной

задачи по составлению объективной картины развития оккупации и распространения коллаборации в пределах слабо изученной территории Тульского края, поэтому любая научно-исследовательская работа по этому направлению лишь благотворно повлияет на развитие общего дела.

Большая часть территории нынешней Тульской области находилась под оккупацией немецкими войсками в период с 9 октября по 29 декабря 1941 г. (34 района были оккупированы полностью и 5 частично) и являлась прифронтовой [37]. На юго-западе края Белевский район оставался под немцами до 1943 г. Последние 17 населенных пунктов этого района в Алтуховском, Башкинском, Кочеровском, Нижне-Долецком сельсоветах были освобождены Красной армией только в июле 1943 г. [2, с. 35], в связи с чем коллаборационизм в Тульской области имел некоторые специфические особенности, которые будут рассмотрены далее.

Как и во многих других оккупированных врагом территориях, первые проявления неустойчивости советского социума стали отмечаться еще в самом начале войны, еще до прихода в эти места немцев. В документах советских органов безопасности зафиксированы случаи неодобрительных высказываний отдельных граждан в связи с начавшейся войной и неудачным ходом ее ведения в начальный период. Уже 6 июля 1941 г. советским государством было принято решение об ужесточении ответственности за панические и провокационные слухи в виде назначения тюремного заключения на срок от 2 до 5 лет (при отсутствии отягчающих обстоятельств) [34, с. 204]. В спешном порядке создавались институты скоростных судов для привлечения к ответственности лиц, заподозренных в контрреволюционных преступлениях для дальнейшего преодоления вероятных признаков потенциальной коллаборации. Так, уже в августе 1941 г. счетовода Б. приговорили к 10 годам и 5 годам поражения в правах по ст. 58. п. 10. ч. 1. за антисоветскую агитацию [8, л. 113]. Еще раньше, в конце июня 1941 г., за подобный состав преступления приговорили к шести годам заключения и трем годам поражения в правах гражданина Аг. [8, л. 31]. В донесении УНКВД по г. Сталиногорску от 17 июля 1941 г. отмечалось проявление случаев словесного выражения гражданами

антисоветских настроений на заводах города[3]. Некоторые служащие предприятия были взяты оперативными работниками на учет [4, л. 195]. 21 сентября 1941 г. вышло секретное постановление Государственного комитета обороны за № 698сс «О переселении этнических меньшинств – немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР». Оно непосредственно коснулось и судьбы почти 3000 тульских немцев. 22 сентября 1941 г. был издан приказ за № 001347 НКВД СССР об операции по выселению немцев из Тульской области и Северного Кавказа. К депортации в Тульской области приступили в конце сентября 1941 г., в связи с приближением врага к краю. В местах компактного проживания этнических немцев – в Туле, Алексинском, Куркинском, Серебряно-Прудском и Тульском районах – были организованы переселенческие тройки, возглавляемые оперативным работником НКВД. В остальных районах с небольшим немецким населением работу возложили на районные управления НКВД и советско-партийный актив. Предписывалось переселить немцев из Тульской области 3208 чел. 2 октября переселенцев стали доставлять на станции, грузить в вагоны. К ним присоединились 356 немцев из Московской области, прибывших в Тулу еще 22 сентября. Тульский эшелон убыл 3 октября 1941 г. В его вагонах перевозили более 3000 чел. (включая 356 московских немцев). Пассажиры эшелона были выгружены и расселены в Карагандинской области Казахской ССР [14].

В октябре 1941 г. враг вступил на Тульскую землю. Для управления захваченной территорией оккупанты в разных местах приступили к организации местной власти. В скорейшем порядке ими были организованы бургомистерства в городах, утверждены старосты в деревнях. Источники содержат сведения о функционировании гражданских управ «русской администрации» в городах Плавск, Чернь, Щекино, Дубна, Одоев, Белев, Лихвин[4], Перемышль[5], Алексин, Узловая. В шахтерском городе Сталиногорск для удобства управления оккупанты создали две управы:

[3] Ныне Новомосковск в Тульской области.

[4] Ныне городок Чекалин в Тульской области.

[5] Ныне село Перемышль в Калужской области.

в Северной части насчитывалось 9 управляющих руководителей и 40 полицейских, в Южной – 13 служащих и 50 полицейских. Носили местные полицейские гражданскую одежду и выданное немецкой комендатурой удостоверение. Для визуального отличия от обычного жителя полицейский Сталиногорской управы получал белую повязку с надписью хильфс полицай S или N, что означало его принадлежность к северному или южному отделению [5, л. 40; 12]. Стражу порядка был доступен продуктовый паек и денежная выплата в пределах 250–450 руб.

Для усиления надзора бургомистр мог создавать и особые институты режимного контроля. Так, в оккупированном городе Щекино при полицейском отделе существовал особый подотдел специальных назначений, выполнявший особые указания, как от бургомистра, так и комендатуры по ликвидации врагов оккупационного режима. У бургомистра Щекино была налажена сеть таких осведомителей [21; 30].

Практически во всех ранее перечисленных населенных пунктах управы делились на стандартные, ориентированные по отраслям, отделы: бухгалтерско-финансовый, полиции, здравоохранения, образования, промышленности, пропаганды, торговли, квартирный, топливный, отдел социального обеспечения [2, с. 462]. Сельскохозяйственные отделы (и отделы экономической ориентации), как правило, поначалу подчинялись городским управам, однако впоследствии, с прибытием в город германского экономического инспектора, были переподчинены ему. Именно на экономических отделах лежала основная работа по управлению имуществом города и района, именно через эти ведомства проходило удовлетворение запросов воюющей Германии. Однако данная тенденция отмечалась не ранее ноября 1941 г. Например, в г. Щекино сельскохозяйственный комендант прибыл лишь в ноябре 1941 г. и сразу же приступил к управлению отраслью [24]. Похожая ситуация наблюдалась и в Чернском районе. Когда фашисты оккупировали Чернский район, некто К. стал старостой Жерловского сельсовета и д. Жерлово. Примерно в начале декабря 1941 г. к нему в Жерлово приехал гражданин Ку. – и привез приказ из Черни немецкого коменданта сельскохозяйственной комендатуры. В этом приказе говорилось: «…всем председателям

сельсовета и колхозов немедленно явиться в г. Чернь в распоряжение сельскохозяйственной комендатуры для прохождения регистрации и получения первичных инструкций. Позднее К. на допросе сообщил чекистам, что к нему, как к старшине, постоянно приезжали два представителя сельхозкомендатуры с приказами и вмешивались в его работу. «Один в отношении конфискации всего скота у населения, а второй – в части мясозаготовок»; фамилии этих представителей старшина не назвал – забыл или же не знал вовсе? [27].

Не начинать работу предприятий, пока не будут получены указания германской экономической инспекции после оценки ею экономического потенциала территории, было приказано и начальнику управы г. Узловая [6, л. 38–40].

В городе Щекино при участии бургомистра была открыта амбулатория и больница, подобраны для нее около 20 чел. персонала. Лечебные учреждения предназначались только для русского гражданского населения. В щекинских медучреждениях в период оккупации размещалось 103 советских военнопленных, получивших тяжелые и легкие ранения. В большинстве случаев их привозили немцы из деревень вокруг Щекино, но несколько раз доставляли два десятка бойцов на подводе из населенных пунктов Ясенки, Воробьевка, Кресты и представители городской управы. Очевидно, раненые солдаты РККА укрывались в избах и сараях, но гитлеровцы вылавливали их и затем препровождали в райцентр. На вопрос: «Какой был уход за больными?», – арестованный в 1945 г. бывший бургомистр на допросе ответил: «Плохой. Не было перевязочных материалов для раненых, постельных принадлежностей. Питание – недостаточное. Этому внимание уделялось мало. За все время выздоровело и выписалось из больницы около двадцати человек, которые по день изгнания немцев из Щекинского района находились еще при больнице». Теперь нам становится ясно, что, давая разрешение на открытие учреждения, гитлеровцы ставили перед собой собственную задачу: собрать раненых пленных в одном месте, чтобы те не скрылись и не влились в ряды Красной армии, а управа, за отсутствием средств и возможностей, не могла в должной степени обеспечить организацию медицинских услуг для собственного населения [26].

В среднем состав управы небольших тульских городков был небольшим и насчитывал порядка 30–40 чел. Исключения составляли относительно крупные промышленные города, такие как Щекино и Сталиногорск, где штат управы был увеличен.

Получая от немцев властные прерогативы, с первых дней работы управа акцентировала свое внимание на обеспечении порядка и безопасности в подвластной ей территории, что шло в разрез с утверждением советской стороны об осуществлении управами исключительно грабительских функций [2, с. 472]. В г. Щекино в первые же дни действительно были открыты хлебопекарня, электростанция, ремонтные мастерские; в г. Дубна действовал отдел помощи эвакуированным гражданам [2, с. 437]; в оккупированном Белеве функционировала хлебопекарня для населения и кондитерская, обеспечивавшая нужды германских солдат [11, с. 289–290]; угольные предприятия, как было ранее упомянуто, приступили к функционированию в г. Богородицке, Сталиногорске и Узловой. Естественно, в первую очередь, это было вызвано удовлетворением запросов германской армии. С другой стороны, работавшие на предприятиях люди получали необходимый к проживанию паек, помогавший выжить в условиях тяжелого периода оккупации. Ряд очевидцев в своих последующих воспоминаниях отметили, что в период безвластия до прихода немцев в некоторых городах оккупированного края царила настоящая анархия: «своим же населением грабилось имущество, а на улицу было страшно выйти», поэтому работа управ в некоторой степени могла играть и на руку обычным людям. Информация о наличии мародеров подтверждается и советской стороной [35, с. 17; 10, с. 2 об.; 2, с. 438, 462, 472; 50, с. 132; 41, с. 216]. К тому же именно через управы проходило и взаимодействие новоиспеченных органов власти с местным населением, могли решаться ряд вопросов социального значения. Источники фиксируют и положения о запросах граждан в управы для удовлетворения их бытовых нужд [40, с. 295].

В таком случае интересен к рассмотрению отчет бургомистра г. Узловая немецкому коменданту от 7 декабря 1941 г. В нем указано: «2. Убраны трупы в районе города Узловая. 4. Отремонтирована хлебопекарня, которая с 7 декабря 1941 года будет пущена в эксплуатацию. 5. Отремонтирована баня, за исключением

насоса, без которого временно можно работать; баня будет пущена в эксплуатацию 8 декабря 1941 года. 6. Восстановлен водопровод, переключен с электроэнергии на двигатель внутреннего сгорания, который в настоящее время пущен. 7. Заканчивается ремонт столовой, которая начнет работать с 10 декабря 1941 года. 8. Отремонтирована и пущена в эксплуатацию швейная мастерская. 9. Отремонтированы и пущены в эксплуатацию две кузницы. 10. Организованы: парикмахерская и фотография, которые будут открыты для клиентуры 10 декабря 1941 года. 11. Подготавливается здание под валяльную мастерскую. 12. Производится ремонт парового отопления и общий ремонт домов и школ. 13. Закончен ремонт двух магазинов, которые могут быть пущены в эксплуатацию. 14. Производится перепись населения города, а также и сельских местностей – людей, скота, фуража и посевной площади. 15. Назначены домоуправляющие по улицам и кварталам г. Узловая для уборки территории» [33].

Таким образом, первая важная особенность тульского коллаборационизма проявляется в его связи с экономико-промышленной стороной края, ввиду значительного количества предприятий в регионе. Обнаружив этот экономический потенциал, гитлеровцы при помощи местных помощников стремились его в скорейшей степени использовать в собственных целях.

В населенных пунктах сельской местности при участии оккупантов организовывались низовые институты гражданской администрации – старостаты. По материалам документов следует, что старосты могли назначаться как напрямую немцами, так и самими бургомистрами [2, с. 301]. В последнем случае такое имело место в сельсоветах, подчиненных крупным городам: Щекино, Сталиногорске, Плавске. Поскольку строгое административное разграничение полномочий на городское и районное управление пока еще в регионе сформировано не было [2, с. 462], любой староста или старшина подчинялся напрямую бургомистру крупного населенного пункта [25].

На старосту возлагалось исполнение следующих задач: поддержание порядка на подконтрольной территории, учет населения, участие в сборе налогов, содействие германскому командованию в поиске партизан и остаточных групп красноармейцев.

В помощь старосте и управе формировался аппарат полиции – как правило, несколько человек. Так, 12 ноября 1941 г. в Плавске комендант созвал всех председателей колхозов и сельсоветов [2, с. 301], подразумевалось в помощь старосте создать полицию – приблизительно один сотрудник на 10 дворов, в основном из числа молодых селян, не призванных в армию, а также добровольцев. По воспоминаниям очевидцев, у ряда жителей в начале оккупации действительно были симпатии к немцам, и ряд сограждан охотно пошли служить оккупантам, но потом наступило их развенчание, и желающих становилось все меньше и меньше [2, с. 303].

Источники о деятельности самих старост содержат противоречивую информацию. В одних указаны их явно предательские действия по добросовестному обеспечению ими запросов гитлеровцев, но имеются данные и о некоторых старостах, помогавших своим согражданам. Так, в Киреевском районе староста д. Болотовка Зубов предупредил селян о грядущем выселении. Деревня ушла в лес [39, с. 4]. В д. Суханово Кимовского района староста искренне старался принять меры по социальному обеспечению семьи, пострадавшей от бомбежки, кровом и пайком. К большому сожалению, источники в данном вопросе весьма немногословны и предоставляют нам лишь эпизодические случаи.

В отличие от старостатов, волостное управление[6] во многих районах региона немцы организовать так и не успели. Некоторая отрывочная информация о волостном устройстве в документах встречается лишь на примерах их функционирования в Чернском и Щекинском районах, отличавшихся значительными территориальными размерами и экономическим потенциалом [11; 2, с. 473].

Исходя из изученных данных доступных источников, можно сделать вывод, что институт волостных старшин, где он имел место функционировать, формировался, прежде всего, при активном участии управы и лишь в косвенном – немцев, недостаточно хорошо знавших местные кадры. Так, в донесении советской стороны присутствует скупая информация, что в г. Щекино местный бургомистр «созвал к себе на совещание старост и ряд старшин для

[6] Волость подчиняла себе территорию в несколько деревень (около 10–15), приравнивалась к сельсовету. Возглавлялась волостным старшиной.

оглашения им инструкций» [2, с. 474]. А в доступном к использованию приказе немецкого коменданта г. Щекино в пункте 14 оглашалось: «назначенный германскими войсками городской голова и сельский старшина отвечают за проведение распоряжений командования. Все жители обязаны им подчиняться» [19, с. 48]. Однако гораздо подробнее этот момент описан в материалах следствия бывшим бургомистром г. Щекино гражданином Д.К.: «…Старшина Н. под наблюдением меня произвел разбивку Щекинского района на 21 волость. Эта инициатива исходила от немцев. Н. представил мне на утверждение список лиц для назначения по волостям старшин. Я этот список утвердил. После этого Н. назначил в каждой волости по ставленнику новых властей, то есть по старшине. Старшин в большинстве своем назначал сам лично, для чего выезжал на места или же для этой цели посылал подчиненных ему агрономов. После выполнения этой работы старшина Н. приступил к назначению старост по деревням. Он через утвержденный мной штат агрономов и старшин составил список на предполагаемых к назначению старост и представил его мне на утверждение. Таковой я утвердил, и он в течение 2–3 дней сам лично и через агрономов и старшин путем выезда в деревни назначил старост и дал им соответствующие указания. В общей сложности старшиной Н. было назначено 81 или 83 старосты, то есть охватив этим полностью весь Щекинский район». А сразу после назначения в Щекинском районе старшин и старост старшина Н. по указанию бургомистра произвел в районе учет хлеба и скота (крупный и мелкий рогатый скот, тягловую силу, поголовье свиней, различную птицу); скот при этом разбивался на такие категории: колхозный, обобществленный и индивидуальный. Старшиной было учтено по району необмолоченного хлеба 2225 т [17]. Трудно утверждать, насколько данный старшина имел действительные функции волостного бургомистра. Скорее всего, он лишь являлся главой крупного поселения [2, с. 473], которому для удобства контроля и организации власти в подчинение передали ряд близлежащих сел.

Подобие волостных институтов имелось и в оккупированном Чернском районе, где с ноября 1941 г. функционировал сельскохозяйственный отдел комендатуры, дававший экономические указания председателям сельсоветов – волостным старшинам. В этом

районе немцы даже успели ввести особый гарнцевый сбор, за исполнение которого должны были следить старосты и старшины [11].

В некоторых районах оккупированной немцами Тульской области гражданские органы образованы так и не были. В частности это касается ряда сельсоветов районов, наиболее приближенных к линии фронта, а именно Ленинского и Веневского, ситуация в которых не позволяла провести такую процедуру [19, с.152; 2, с. 301; 40, с. 318].

«Новый порядок» обретал свои свойства постепенно. Первоначально оккупированное население проходило процедуру переписи. Таким вот образом оккупанты и их пособники пытались решить перед собой ряд поставленных задач. Во-первых, необходимо было знать, кто конкретно находится в районе, чтобы контролировать ситуацию на местах: не появились ли на захваченной территории партизаны или красноармейцы? Во-вторых, необходимо было определить, какими профессиями владели люди – и в случае необходимости использовать знания и умения людей для нужд вермахта. В-третьих, враг пытался установить наличие в районе евреев, которые согласно безжалостным планам нацистов подлежали тотальному уничтожению. На примере города Щекино краевед С. Митрофанов отметил важное обстоятельство, что графа «принадлежность к ВКП(б)» в переписном листе отсутствовала [26]. Как оказалось, коммунистов брали на учет другим способом. По городу Щекино было сделано письменное объявление об обязательной регистрации оставшихся членов и кандидатов ВКП(б). В сельской же местности бургомистр города лично дал письменные указания всем без исключения старостам немедленно взять на учет всех коммунистов и произвести их регистрацию. Одновременно в этом указании говорилось, чтобы тот или другой староста при регистрации коммуниста предупреждал бы его о невыезде с постоянного места жительства. Со своей стороны заметим, что подобная практика наблюдалась и во многих других оккупированных областях СССР, когда при согласии немцев формировалась особая категория лиц «временно неблагонадежных», но, несмотря на это, продолжавших работать в оккупационный период [2, с. 300]. Под особый контроль брали представителей ряда профессий, таких как врач или учитель.

В городах вводилась карточная система, жителям, кто официально работал на управу или же имел согласованное освобождение, выдавался паек. Нельзя не упомянуть и про особые налоги, введенные оккупационными властями. Выпущенные немцами постановления, разосланные по районам, обязывали каждого гражданина, достигшего возраста 16 или 17 лет, платить определенную сумму немецким властям. В документе, в частности, приводилось такое обоснование этой мере: «Деньги вносятся в общий бюджет германского государства, ведущего борьбу с большевизмом». С селян, например, требовали платить 120 руб. в год, а с горожан поменьше – 60 руб. Подобный налог вводился и на содержание гражданских управ [26].

Работая с документами советской прокуратуры, автору публикации попадались сведения в некоторой степени способствующие раскрытию различных особенностей мотивации ряда тульских коллаборационистов, влиявших на их дальнейший выбор, несмотря на то что советские власти в целях пропагандистского приема именовали органы местного самоуправления на оккупированной территории «институтами, беспрекословно проводившими гитлеровскую политику», а их служащих – исключительно «классовыми врагами и бандитами» [2, с. 447, 462]. Версии о засилье «коллаборационистов – антисоветчиков» в управах и старостатах придерживается и исследователь П. Матвеев [16, с. 4795]. Однако при более детальном изучении биографий пособников это положение, на наш взгляд, требует особого анализа.

Мотивационный аспект коллаборационистов региона ввиду объективного отсутствия у нас полной персональной информации по каждому коллаборанту возможно установить лишь частично, поэтому мог он определяться различными причинами. По доступным исследователю материалам следственных дел прокуратуры следует, что значительная часть из коллаборационистов, занимавших посты в управах и на других административных должностях, действительно состояла в некоторой конфронтации с советской властью еще до войны, таила обиду за свое социальное положение; другая же часть, наоборот, шла служить немцам по причине скорейшего удовлетворения личных запросов, нормализации бытовых условий, как для себя, так и для своих родных и близких [23]. Так,

например, при изучении заявлений кандидатов на должность полицейского в комендатуру по г. Узловая, действительно рисуется такая картина. Практически у всех кандидатов в заявлениях указаны некоторые обстоятельства, позволяющие немцам удостовериться в «искренности» этих лиц по отношению к новой власти. Так, гражданин В. писал: «Прошу принять меня на работу в полицию. Со дня Советской власти меня, как чуждого элемента, лишили избирательных прав, отобрали все имущество и осудили на пять лет тюрьмы. Из Челябинска я бежал, но через год вновь был задержан и осужден на 5 лет. Имел пять приводов за различные преступления. Прошу дать ответственную работу». Гражданин Р. в своем резюме отмечал, что боролся против Советской власти в 1917–1920 гг. в качестве начальника белогвардейского карательного отряда генерала Покровского. Гражданин М. жаловался, что он, ранее служивший добровольцем в деникинской армии, был не в силах драться против Красной армии, что кубанские казаки изменили Деникину и перешли на сторону красных. «И вот с тех пор я, затаивший злобу к Советской власти, искал удобного случая отомстить за свои неудачи» [7, л. 2–5].

С другой стороны, исходя из воспоминаний некоторых очевидцев, должность, к примеру, рядового старосты в деревне, в отличие от того же полицейского служащего образца 1941 г., была сформирована ближе к «добровольно-принудительному» порядку, нежели к строго добровольному. Как правило, в деревне обнаруживался подходящий кандидат с определенными качествами, попадавший в категорию фигур «ближайшего назначения» или же «избрания» на должность, и через определенное время он получал назначение из рук бургомистра или немцев. Боясь отказаться, человек соглашался. По причине того, что оккупация на большей части Тульского края продлилась недолго, гитлеровцы подыскивали кадры в непродолжительный промежуток времени, назначая кандидатов на многие должности в спешном порядке, не проводя детального анализа биографий по сравнению с соседствующими Орловской, Смоленской или Курской областями, находящимися под оккупацией продолжительный срок. Таким образом, на Тульской земле немцами даже не были проведены массовые мероприятия по принудительному набору в полицию.

Данное обстоятельство подтверждается и тем, что по материалам сведений оперативных отделов НКВД имелись неоднократные эпизоды, когда в ходе освобождения Красной армией населенных пунктов края в конце 1941 – начале 1942 г. многие сотрудники городских управ или старосты почему-то не всегда пытались уходить с немцами, задерживались, из-за чего впоследствии за свое сотрудничество с оккупантами осуждались советским судом.

В рамках анализа предмета нашего изучения стоит привести некоторые интересные примеры. В региональной публицистике присутствует информация о коллаборантах, попавших в поле зрения советских органов безопасности за свою короткую деятельность, службу в структурах врага [29; 31, с. 134; 42, с. 53]. Свой выбор они называли «случайным», а поступок – глупым.

Однако архивные документы действительно содержат данные о ряде похожих эпизодов с подобным поворотом судьбы. Так, некто гражданин Б. в оккупированном немцами г. Белеве не стал уезжать и работал по своей специальности мастером цеха на кондитерской фабрике, выпекал немцам хлеб, тесно общался с немцами, за что впоследствии был осужден на 10 лет. Трудно определить точно мотивацию этого пекаря, однако стало понятно, что еще до войны он уже работал в пекарне и был осужден за злоупотребление должностными полномочиями, что в дальнейшем могло послужить для него отягчением. Следствие посчитало, что данное лицо было не просто мастером цеха, но и заведующим предприятием, хотя подследственный это отрицал [11, с. 289–290]. Некто гражданин А., обладая знаниями немецкого языка, пошел в комендатуру решить интересующий его вопрос, указал в графе анкеты – владение немецким языком, в итоге был назначен работать в управу по требованию немца и проработал в управе г. Плавска двое суток, за что впоследствии схлопотал срок в 5 лет [11, с. 298–299]. В одном разговоре немцы спросили бургомистра Щекино К., остались ли в Щекино и в щекинских деревнях ответственные советские работники и сотрудники НКВД. Тот ответил, что пока в городе о них не слышно (разве что по райцентру свободно ходил участковый милиционер по фамилии Кут.), а проживают ли ответственные советские работники на периферии – ему неизвестно. Помощник немецкого коменданта, узнав от бургомистра про гражданина

Кут., предложил бургомистру прислать милиционера к нему. На следующий день бургомистр лично отвел гражданина Кут. в комендатуру, где комендант не стал применять к тому санкции, а наоборот, после длительной беседы назначил того начальником полиции при Щекинской городской управе [20].

Другой гражданин, бывший сотрудник сельхозотдела Чернской городской управы при сельхозкомендатуре, на допросе оправдывался: «Я, г-н А. С. З., родился в 1897 году. Образование имел низшее. До революции 1917 года и после трудился по найму. До оккупации Чернского района работал на Чернском сушильном заводе заготовителем плодоовощей. Беспартийный. Трудиться в немецкой сельхозкомендатуре меня заставили под силой оружия. В одну из ночей пришли пять немецких офицеров с переводчиком. В ноябре 1941 года, несмотря на приказы немецких оккупационных властей о том, что кто не будет работать, тот будет наказан по законам военного времени вплоть до расстрела, я на работу не шел. Тогда ко мне в одну из ночей пришли пять немецких офицеров с переводчиком, произвели у меня тщательный обыск и увели меня с собой к дому Иванова, где переводчик стал мне говорить, что тебя нужно расстрелять, после чего спросил меня, работаю я где-либо или нет. На мой отрицательный ответ переводчик сказал, чтобы я завтра же выходил на работу, и за невыход пригрозил расстрелом, после чего отпустили домой. Причем во время обыска меня спрашивали, партизан я или нет, на это я давал отрицательные ответы. После этого я вынужден был явиться в сельхозкомендатуру, где и был назначен на работу контролера по мельницам». На наш взгляд, данное посещение квартиры гражданина самими немцами, а не простым начальником русской полиции было вызвано не просто так. Видимо, поступил сигнал, что в городе есть человек с определенными важными навыками, могущий быть полезным новой оккупационной власти, за который немцы впоследствии и ухватились [3].

Из представленной ниже автором статьи таблицы (*табл. 1*), раскрывающей некоторые важные аспекты биографий бывших бургомистров оккупированных городов края, становится ясно, что многие главы управ были людьми зрелого возраста, как правило, из числа интеллигенции, образованные, имевшие организаторский

опыт. Большинство из чиновников «новой» власти до оккупации работали при советской системе и хорошо знали ее особенности. К примеру, начальники отделов Плавской управы Хотюшин и Зеленов имели высшее образование, в итоге были быстро утверждены немцами на должности [2, с. 437]; в п. Товарковский восемь инженеров треста «Товарковуголь» при организации управы, владея профессиональной информацией, практически сразу же смогли наладить местное производство угольной шахты [2, с. 462]. Промышленные предприятия оперативно приступили к работе и в оккупированном немцами Сталиногорске. Не без участия антисоветски настроенных местных кадров в довольно скором порядке начали функционировать шахты в Узловском районе [40, с. 226].

Таблица 1

Установленные автором публикации фамилий бургомистров и работников городских управ, оккупированных немцами населенных пунктов Тульской области [2, с. 263, 279, 435, 437, 462, 473; 10; 12; 24]

Фамилия	Населенный пункт	Должность до оккупации края
1	2	3
Кувшинов	бургомистр г. Щекино	старший мастер школы фабрично-заводского оборудования, работник угольной шахты
Гр. Н.	начальник сельхозотдела Щекинской управы, заместитель бургомистра г. Щекино	агроном РАЙЗО в Щекинском районе
Блинов	бургомистр г. Одоев	работник Народного суда, адвокат
Успенский	руководитель отдела РОНО при городской управе г. Одоев	руководитель отдела РОНО г. Одоев
Тимофеев	бургомистр г. Дубна	51 год, летом 1941-го попал в окружение, пришел на малую Родину. Согласился служить немцам. Из числа местных

1	2	3
Орлов	начальник бухгалтерского и статистического отдела г. Дубна	делопроизводитель, 52 года
Бабкин	бургомистр г. Богородицка	бухгалтер
Щербаков	старшина Щекинского района	бывший счетовод колхоза «Знамя труда»
Багрянцев	заместитель бургомистра г. Сталиногорск-Северный	кладовщик
Кузьмин	сотрудник финансового отдела городской управы г. Сталиногорска	бухгалтер в Сталиногорске
Глинкин	бургомистр Южной части г. Сталиногорска	работник горторготдела
Левашев	начальник полиции г. Сталиногорска-Юг	работник планового отдела треста «Новошахстроя»
Фатеев	руководитель отдела управы Сталиногорск-Северный	работник Сталиногорской артели инвалидов
Слизовский	бургомистр пос. Урванка	имел образование инженера
Зуев	бургомистр г. Венева	60 лет, служащий отдела торговли
Салтыков	заместитель бургомистра г. Венева	учитель немецкого языка

Что же касается обычных крестьян, то, находясь на должностях старост и агрономов, в материалах следственных дел в графе «социальное происхождение» у многих было указано – из «крестьян-середняков», что может подталкивать на мысль о возможно существовавшей в довоенный период конфронтации с советской властью [2, с. 449, 455–456].

Стоит упомянуть, что, помимо официальных пособников, занимавших формальные должности, как и в других местах

оккупированной территории РСФСР, нашлись и лица, готовые спонтанно помогать немцам, не занимая важных постов в оккупационных структурах врага. С приходом оккупантов они активизировали свои антисоветские настроения и приступили к оказанию неформальной помощи врагу, выдавая коммунистов, или выполняя иные различные поручения захватчиков [2, с. 252]. В чекистских донесениях отмечалось, что ряд местных жителей окрестностей г. Сталиногорска подсказало немцам, куда делось советское правительство города, и даже указало на то, что оно эвакуировалось в сторону г. Михайлова (Рязанской области), где могло скрываться [12]. Источники фиксируют и случаи сожительств некоторых советских женщин с оккупантами. Фонд документов прокуратуры (Р-3484) Тульского государственного областного архива содержит следственные дела на некоторых таких «пособниц» [11, с. 294].

Само население по-разному относилось к коллаборационистам. Одни очевидцы оккупации в своих последующих воспоминаниях поясняли, что коллаборационисты могли быть разные и их действия носили неоднозначный характер [39, с. 4; 36]. Другие в ходе проведения следственных мероприятий охотно шли в свидетели, помогали органам безопасности, изобличая тех или иных пособников, рассказывая следователям много интересного [2, с. 252].

В этом обстоятельстве кроится вторая важная особенность коллаборации Тульского региона – ярко выраженное его проявление на бытовом и в неполной степени на административном и полицейско-силовом уровнях. Оккупированный, как в дальнейшем покажет время, на непродолжительный период времени край[7] не мог похвастаться полной организацией и функционированием всего спектра оккупационных административных структур – от старостатов до окружных управ, наличием разветвленной сети полиции и силовых соединений из местных граждан, вследствие чего в границах региона не представлена вся палитра административной и силовой коллаборации. С другой стороны, послужить немцам

[7] Сроки оккупации важнейших городов края [2, с. 35]: Венев – 15 дней, Сталиногорск – 17 дней, Узловая – 21 день, Ефремов – 22 дня, Богородицк – 1 месяц, Чернь – 2 месяца, Плавск – 54 дня.

на фоне старых обид, бытовой почвы – в условиях суровой неопределенности 1941 г. и тяжелых условий оккупации, желающие все же находились.

Сосредоточившись на рассмотрении вопроса организации органов местной администрации, немаловажным является изучение вопроса характера взаимоотношений представителей коллаборационных ведомств с оккупантами. По данной проблеме информация в источниках отражена слабо. Но, исходя из полученных данных, специфика взаимоотношений определялась связью с характером оккупации региона под конец 1941 г. С военно-административной точки зрения Тульская область являлась прифронтовой, враг постоянно перемещался на север в сторону героически оборонявшейся Тулы, оставляя в тылу лишь незначительные по своей численности воинские гарнизоны, что в тот момент не могло способствовать налаживанию развитой административной сети управления в тылу у немцев. В таком случае контакт оккупантов и коллаборационистов либо сводился к строго вертикальному подчинению, что было наиболее характерно в крупных населенных пунктах, или же в некоторой степени и вовсе отсутствовал, ввиду близости линии фронта и неорганизации самих гражданских управ. Это позволяло советским диверсионным группам и партизанам гораздо удобнее переходить линию фронта и решать поставленные перед ними задачи. Наиболее активно они действовали в Дубенском, Щекинском, Ленинском, Чернском, Черепетском районах края [38, с. 258]. Например, уже в ноябре 1941 г. начальник управы г. Дубна напрямую обращался к германскому коменданту с просьбой посодействовать ему в помощи против партизан или хотя бы вооружить охрану управы, так как небольшие группы подпольщиков по ночам беспрепятственно проникают в город и «терроризируют» округу, ликвидируют старост и полицейских [2, с. 438–439]. Подобные просьбы немцам о предоставлении помощи местной администрации документами отмечены и в Одоевском районе, где также успешно действовали советские диверсионные группы.

Не имея собственных свободных сил и хорошо организованной системы местной полиции, гитлеровцы мало чем могли помочь своим прислужникам, в итоге ряд управ были разбиты партизанами.

Уже в ходе декабрьского отступления немцев партизанами т. Макеева практически беспрепятственно и в полном составе была захвачена гражданская управа г. Лихвина. В донесении говорилось, что при сопротивлении был убит немецкий офицер, а русское начальство сразу же было арестовано [9, л. 24]. Также оперативные советские группы смогли захватить в плен штат отделов управ г. Крапивна, Богородицк, состоящий из коллаборационистов [2, с. 436–437, 448, 462].

В случае же обнаружения фактов поддержки «пособниками» сил советского сопротивления, немцы не церемонились и с ними. Так, например, был расстрелян староста д. Боняково Плавского района за то, что оккупанты заподозрили его в нелояльности оккупационным властям и помощи партизанам [36].

Таким образом, с точки зрения оккупационной юрисдикции, Тульский край относился к прифронтовой территории, что существенно влияло на характер оккупации и развитие коллаборационизма в регионе. Ввиду неустойчивого статуса местности за весь период оккупации гитлеровцам так и не удалось создать здесь цельный оккупационный аппарат «нового порядка», поэтому с формальной стороны коллаборационизм в регионе не получил своего массового развития по конкретной его типологии. Исследование показало, что на территории края коллаборационизм не носил устойчивого характера и был развит на бытовом, а в крупных населенных пунктах на оккупационно-экономическом, трудовом, полицейском и административном уровнях. В орбиту рассматриваемого явления были вовлечены лица различной мотивации от идейных противников советской власти до лиц, попавших в коллаборанты по бытовым или иным причинам.

Однако развивающаяся в наше время тенденция дальнейшего рассекречивания архивных источников по оккупации края впоследствии позволит нам более детально уделить внимание актуальным вопросам оккупационного периода Тульского региона, последующему изучению судеб коллаборантов, что внесет значительный вклад в изучение проблемы проявления региональной коллаборации в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. 17 дней оккупации / «Сталиногорск 1941» [Электронный ресурс]. URL: https://stalinogorsk.ru/17_dnej_v_okkupacii. (дата обращения: 04.04.2024).

2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Тульская область: Сборник документов / отв. ред. и сост. Д.Н. Антонов. – М., 2020.

3. Владимир Кельвес и другие: неизвестные подробности оккупации Чернского района // Тульские известия. – 2021. – 27 октября.

4. ГАТО (Государственный архив Тульской области). Ф. П-177. Оп. 6. Д. 73.

5. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 8. Д. 54.

6. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 8. Д. 134.

7. ГАТО. Ф. Р-3484. Оп. 2. Д. 6.

8. ГАТО. Ф. Р-3484. Оп. 3. Д. 2.

9. ГАТО. Ф. П-5702. Оп. 1. Д. 134.

10. Дни оккупации // Новая жизнь (Одоев). – 1996. – 19 декабря.

11. *Жуков Д.А., Ковтун И.И., Синицын Ф.Л.* Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма. Сборник. – М., 2023.

12. Каждый удар в спину имеет свое лицо… / «Сталиногорск 1941» [Электронный ресурс]. URL: https://stalinogorsk.ru/kazhdyj_udar/ (дата обращения: 15.01.2023).

13. *Клочков А.Н.* Деятельность специальных лагерей НКВД СССР на территории Тульской области в 1941–1946 годах // Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сб. материалов Междунар. науч.-обществ. форума, посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, в 2 томах. Т. 1. – Тула, 2015. – С. 165–174.

14. *Клочков А.Н.* О депортации тульских немцев осенью 1941 г. // Тульское областное отделение общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал»[8] [Электронный ресурс]. URL: http://memorialtula.ru/articles/special_settlement/1941-10-02.html (дата обращения 13.03.2024).

[8] 4 октября 2016 г. Министерством юстиции РФ международное историко-просветительское общество «Мемориал» внесено в реестр иностранных агентов. 28 декабря 2021 г. решением Верховного суда РФ организация ликвидирована.

15. *Латышев А.В.* Отношение сотрудников НКВД и работников промышленности к узникам фильтрационных лагерей (1942–1945 гг.) // Новейшая история России. – 2019. – № 3. – С. 600–602.

16. *Матвеев П.И.* Формирование и деятельность органов оккупационной власти на территории Тульской области в годы Великой Отечественной войны // Столыпинский вестник. – 2023. – Вып. 5. – №. 10. – С. 4792–4799. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-deyatelnost-organov-okkupatsionnoy-vlasti-na-territorii-tulskoy-oblasti-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 26.08.2024).

17. *Митрофанов С.* 21 волость, более 80 старост: как при Щекинской горуправе создавали сельхозотдел? // Тульские известия. – 2022. – 31 января.

18. *Митрофанов С.* Водитель для щекинского бургомистра и его команды, или пора ехать, а, точнее, бежать // Тульские известия. – 2024. – 16 июля.

19. *Митрофанов С.* Война, какой мы ее не знали. – Тула, 2016.

20. *Митрофанов С.* Дело Кувшинова: анатомия предательства, или информаторы бургомистра // Тульские известия. – 2024. – 22 января.

21. *Митрофанов С.* Дело щекинского бургомистра: почему гитлеровцы арестовали и убили Дмитрия Чадаева? // Тульские известия. – 2023. – 19 декабря.

22. *Митрофанов С.* Дело щекинского бургомистра: неблагонадежные, растаскивание сена и сбор оружия // Тульские известия. – 2023. – 21 декабря.

23. *Митрофанов С.* Как во время оккупации Щекинского района становились старшинами, или Приговор – расстрелять. // Тульские известия. – 2024. – 11 апреля.

24. *Митрофанов С.* Комендант сельскохозяйственной комендатуры Бушлау и другие. Как оккупанты выстраивали аграрную политику в Щекинском районе // Тульские известия. – 2022. – 1 февраля.

25. *Митрофанов С.* «Кувшинов стал бургомистром городской управы добровольно». Что еще рассказал сотрудникам госбезопасности щекинец Ростовцев? // Тульские известия. – 2022. – 13 января.

26. *Митрофанов С.* Перепись по-щекински // Тульские известия. – 2018. – 18 декабря.

27. *Митрофанов С.* Расстрельный приговор: не просто кузнец, или Кто работал на немцев в Черни в 1941-м? // Заря (Чернский район). – 2024. – 20 марта [Электронный ресурс]. URL:https://zarya-chern.ru/n627993.html (дата обращения: 20.08.2024).

28. *Митрофанов С.* Страшное дело / «Сталиногорск 1941» [Электронный ресурс]. URL: https://stalinogorsk.ru/mitrofanov_strashnoe_delo (дата обращения: 19.08.2024).

29. *Митрофанов С.* Тайная жизнь бургомистра // Тульские известия. – 2018. – 13 ноября.

30. *Митрофанов С.* Щекинец, которому доверял враг: откровения сотрудника тайной полиции при немецкой комендатуре // Тульские известия. – 2023. – 13 декабря.

31. «Наша правда живая»… (воспоминания туляков – участников Великой Отечественной войны) / ред. Т.А. Шакмакова. – Тула, 2005.

32. Неугасима память поколений (Плавский район) [Электронный ресурс]. Информационный сайт историко-краеведческой направленности. https://mamson80.wixsite.com/memoryofgeneration/---c178q (дата обращения: 19.07.2024).

33. Однажды в Узловой… / «Сталиногорск 1941» [Электронный ресурс]. URL: https://stalinogorsk.ru/odnazhdy_v_uzlovoj (дата обращения: 19.07.2024).

34. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. – М., 2000.

35. *Острецов В.А.* Оккупация Сталиногорска // Новомосковская правда. – 2014. – 11 декабря.

36. *Пантелеев Ф.* Что я знаю о плавских партизанах? // Плавская новь. 2001. – 28 ноября.

37. *Рябцев А.С.* Партизанское движение в Тульской области в период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: история и историческая память в России и мире: сб. материалов Междунар. науч.-обществ. форума, посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, в 2 томах. Т. 1. – Тула, 2015. – С. 420–434.

38. *Семушкин С.Н.* Тульские партизаны в период сражения под Тулой (окт. 1941 – янв. 1942) // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Вып. 9. – М., 2004. – С. 257–261.

39. *Сучкова В.* «Врагов могила помирила» // Тульские известия. – 1995. – 8 мая.

40. Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сб. документов и материалов. – Тула, 2016.

41. Тульский край в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: сб. документов и материалов. – Тула, 2012.

42. *Фрид В.* 58 1/2. Записки лагерного придурка. – М., 1996.

A.D. Polugodin

COLLABORATION IN THE TULA REGION DURING THE NAZI OCCUPATION OF 1941–1943: SPECIFICS, MANIFESTATION

Annotation. In the article, the author examines the insufficiently studied problem of the development of collaboration in the temporarily occupied territory of the Tula Region by German troops in the period 1941-43. The peculiarities of regional collaboration are revealed, the motivation of accomplices and their personal activities are investigated. The researcher draws on a significant layer of sources of documentary and journalistic content that allow to form an objective picture of the world, which will further contribute to the development of knowledge in a wide scientific field.

Keywords: Tula Region, collaboration, headman, policeman, parish foreman, mayor, occupation, "New Order".

УДК 94 (470.343)

А.Н. Сергеева

«ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ПОБЕДЫ» (О МОБИЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН МАРИЙСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.)

Аннотация. В статье показана деятельность партийно-государственных органов власти и комсомольских организаций Марийской АССР по мобилизации женщин и девушек в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам Государственного архива Республики Марий Эл и Российского государственного архива социально-политической истории.

Ключевые слова: архивный фонд, Великая Отечественная война, Государственный архив Республики Марий Эл, Марийская АССР, женщины, мобилизация.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. потребовала мобилизации материальных и людских ресурсов страны. На защиту своей Родины, независимо от возраста и национальности, вставали не только мужчины, но и женщины.

A.D. Polugodin

COLLABORATION IN THE TULA REGION DURING THE NAZI OCCUPATION OF 1941–1943: SPECIFICS, MANIFESTATION

Annotation. In the article, the author examines the insufficiently studied problem of the development of collaboration in the temporarily occupied territory of the Tula Region by German troops in the period 1941-43. The peculiarities of regional collaboration are revealed, the motivation of accomplices and their personal activities are investigated. The researcher draws on a significant layer of sources of documentary and journalistic content that allow to form an objective picture of the world, which will further contribute to the development of knowledge in a wide scientific field.

Keywords: Tula Region, collaboration, headman, policeman, parish foreman, mayor, occupation, "New Order".

УДК 94 (470.343)

А.Н. Сергеева

«ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ПОБЕДЫ» (О МОБИЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН МАРИЙСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.)

Аннотация. В статье показана деятельность партийно-государственных органов власти и комсомольских организаций Марийской АССР по мобилизации женщин и девушек в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам Государственного архива Республики Марий Эл и Российского государственного архива социально-политической истории.

Ключевые слова: архивный фонд, Великая Отечественная война, Государственный архив Республики Марий Эл, Марийская АССР, женщины, мобилизация.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. потребовала мобилизации материальных и людских ресурсов страны. На защиту своей Родины, независимо от возраста и национальности, вставали не только мужчины, но и женщины.

В годы Второй мировой войны Советский Союз был единственной страной, где женщины принимали непосредственное участие в боевых действиях. Безусловно, с одной стороны, это связано с колоссальными людскими потерями, а с другой – с невероятным патриотическим порывом женщин СССР, которые добровольно шли в действующую армию, настойчиво добивались отправки на фронт. На фронте в разные годы сражались от 600 тыс. до 1 млн женщин [13, с. 4].

Женщины пополняли народное ополчение и партизанские отряды, заменяли мужчин для несения службы в войсках ПВО, НКВД, ВМФ, ВВС и в войсках связи.

На начальном этапе войны потери советских войск привели к тому, что весной 1942 г. в масштабах всей страны была проведена массовая мобилизация женщин и девушек на службу в действующую армию и тыловые соединения. Как обстояло дело с проведением мобилизации женщин и девушек в Марийской АССР, можно узнать по документальным источникам из фондов Государственного архива Республики Марий Эл и Российского государственного архива социально-политической истории.

На основании постановлений Государственного комитета обороны СССР (ГКО СССР), образованного 30 июня 1941 г., в одном только 1942 г. было проведено несколько массовых мобилизаций женщин и девушек. Первая мобилизация, согласно постановлению ГКО СССР № 1488 сс «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО» от 25 марта 1942 г., направляла для замены красноармейцев-мужчин 100 тыс. девушек-комсомолок с необходимостью «замещения должностей: телефонистов, радистов, прибористов зенитной артиллерии, разведчиков-наблюдателей за воздухом зенитной артиллерии и постов службы ВНОС, некоторых номеров прожекторных станций, зенитных пулеметов и аэростатов заграждения, а также разных специалистов подразделений обслуживания» [1, л. 15].

Мобилизация девушек-комсомолок была возложена на ЦК ВЛКСМ, а в автономных республиках ответственность за реализацию постановления ГКО СССР от 25 марта 1942 г. № 1488 сс возлагалась на обкомы ВЛКСМ совместно с областными военкоматами. Согласно постановлению от 28 марта 1942 г. ЦК ВЛКСМ

«О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО» Марийский обком ВЛКСМ должен был до 10 апреля 1942 г. провести призыв в войска противоздушной обороны страны 500 чел. комсомолок в возрасте от 19 до 25 лет, физически здоровых, при чем «в числе мобилизованных 40 % девушек должны иметь полное среднее образование, остальные – не менее 5–7 классов» [7, л. 69–73]. По прибытии в места назначения женщины обеспечивались денежным, вещевым и продуктовым довольствием по установленным в Красной армии нормам.

18 апреля 1942 г. было подписано постановление № 1618 сс ГКО СССР «О замене в тыловых частях и учреждениях ВВС КА военнослужащих мужчин женщинами», в соответствии с которым была объявлена очередная мобилизация 40 тыс. женщин «для усиления ими боевых частей действующей армии» в тыловых частях и учреждениях Военно-воздушных сил Красной армии [2, л. 106–108]. Количество мобилизованных женщин в регионах страны определялось Комитетом по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР на основании заявок командующего ВВС Красной армии А.А. Новикова. Во исполнение постановления ГКО СССР от 18 апреля 1942 г. № 1618 сс Марийская АССР провела мобилизацию 200 чел. женщин из числа сельского и городского населения 17 районов и 2 городов (Йошкар-Олы и Волжска) республики в период с 20 апреля по 5 мая 1942 г. При проведении мобилизации для женщин и девушек устанавливались некоторые ограничения в возрасте (от 19 до 25 лет), образовании (не ниже 7 классов средней школы), состоянии здоровья, причем учитывалось обязательное членство в комсомоле и отсутствие детей. Вместе с тем мобилизации подлежали работающие женщины в государственных, кооперативных, хозяйственных учреждениях и предприятиях, возможны были случаи привлечения к мобилизации и неработающих женщин.

В конце апреля 1942 г. встал вопрос об изъятии из тыловых частей ВМФ краснофлотцев молодых возрастов и об использовании их в действующих частях флотов с замещением освобождаемых должностей рядового и младшего начсостава женщинами. 5 мая 1942 г. ГКО СССР вынес постановление № 1703 сс «О мобилизации девушек-комсомолок и не комсомолок добровольцев в Военно-

Морской флот», согласно которому устанавливался перечень должностей и специальностей, которые могут замещаться девушками: «электриков, радистов, телеграфистов, телефонистов, типографов, топографов, шоферов, писарей, кинорадиомехаников, лаборантов, коков, голубеводов, библиотекарей, санитаров и других специалистов подразделений обслуживания по указанию Наркомата Военно-морского флота СССР» [3, л. 134]. Тем же постановлением ГКО СССР мобилизация девушек была возложена вновь на ЦК ВЛКСМ. Общее количество девушек-призывников, подлежащих мобилизации для службы в ВМФ, определялось в 25 тыс. чел. в возрасте от 19 до 25 лет с образованием 5–9 классов. В первую очередь к 15 июня 1942 г. – 15 тыс. чел. и во вторую очередь – 10 тыс. чел. Разверстка первой очереди мобилизуемых девушек, исходя из потребности флотов (флотилий), была установлена следующая: «Краснознаменному Балтийскому флоту – 3 тысячи человек, Черноморскому флоту – 2 тысячи 700 человек, Северному флоту – 1 тысяча 100 человек, Беломорской военной флотилии – 1 тысяча человек, Тихоокеанскому флоту – 4 тысячи 200 человек, Амурской Краснознаменной флотилии – 800 человек, Каспийской военной флотилии – 600 человек, Волжской военной флотилии – 600 человек, центральным и подсобным учреждения ВМФ – 1 тысяча человек» [3, л. 135].

В мае 1942 г. проходила мобилизация девушек на Северный флот из Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, Татарской АССР и Марийской АССР. К 25 июня 1942 г. на Северный флот Марийская АССР вместо 100 чел. направила 101, из них 4 чел. по месту прибытия было отсеяно (2 по возрасту, 2 не желающие служить). В результате 97 чел. были зачислены, из них 87 распределены на действительную военную морскую службу и 10 направлены «на боевое хранение» [6, л. 2–62].

С 25 июля 1942 г. ЦК ВЛКСМ объявил очередную мобилизацию девушек-комсомолок и несоюзной молодежи в возрасте от 19 до 25 лет с образованием не ниже 7 классов для частей связи Красной армии. При отборе девушек в Красную армию категорически запрещалось призывать с предприятий оборонной промышленности, органов НКВД, железнодорожного транспорта, а также студентов вузов. Кроме того, не допускались мобилизации лиц, имевших на

своем иждивении малолетних детей, нетрудоспособных родителей, а также родственников репрессированных за контрреволюционную и шпионско-вредительскую работу. В свою очередь ЦК ВЛКСМ обязывал, чтобы с места призыва каждая мобилизованная девушка была обеспечена «верхней одеждой, постельной принадлежностью, двумя сменами белья, крепкой обувью, предметами личной гигиены, вещевым мешком, кружкой, ложкой и полотенцем» [5, л. 22]. Для подготовки специалистов связи из Марийской АССР было мобилизовано 225 чел. и направлено в распоряжение 8-го телеграфного полка г. Чебоксары Московского военного округа, из них 125 чел. прибыли к 7 августа 1942 г. и 100 чел.– к 10 августа 1942 г. [5, л. 8].

Ответственность за выполнение разнарядок по мобилизации людских ресурсов возлагалась на секретарей обкомов по военной работе, которые подавали сведения в ЦК ВЛКСМ. К примеру, 20 октября 1942 г. ЦК ВЛКСМ разослал горкомам и обкомам ВЛКСМ разверстки о мобилизации 2 тыс. чел. для частей Волховского фронта. Мобилизации подлежали «комсомолки и не комсомолки в возрасте от 18 до 27 лет, физически здоровые, годные к службе в Красной армии, не бывшие ранее на оккупированной немецкой территории» [8, л. 69].

Отбор и отправку мобилизованных девушек необходимо было завершить в оперативном порядке в кратчайшие сроки к 25 октября 1942 г. 27 октября 1942 г. секретарь Марийского обкома ВЛКСМ по военной работе В.А. Савельев направил заведующему военным отделом Марийского обкома ВКП(б) Е.А. Шабарину расчет по мобилизации 88 чел. для службы в войсках Волховского фронта в следующем количестве: писарей – 15 чел., делопроизводителей – 10 чел., зав. складом – 22 чел., портных – 11 чел., санитарок – 20 чел., телефонисток – 10 чел. [12, л. 32–33].

1943 и 1944 военные годы не отмечены таким значительным количеством мобилизованных женщин, как это было в 1942 г., поскольку Советский Союз одержал Победу под Москвой и Сталинградом. Летом 1943 г. в Марийской АССР состоялась мобилизация девушек и женщин в возрасте от 18 до 25 лет. Процесс мобилизации проходил под руководством наркома внутренних дел Марийской АССР М.Н. Иванова и военного комиссара Марийской АССР

П.П. Рубанова в соответствии с постановлением от 6 июля 1943 г. СНК Марийской АССР и Марийского обкома ВКП(б) «О мобилизации девушек для службы в частях войск НКВД» [10, л. 90]. Обязанность по составлению мобилизационных списков была возложена на председателей исполкомов райсоветов и секретарей райкомов ВКП(б). Мобилизация проходила в пяти районах (Йошкар-Олинском, Горномарийском, Волжском, Звениговском, Юринском) и трех городах (Йошкар-Оле, Волжске, Козьмодемьянске) республики, при этом мобилизуемые до отправления в войска НКВД должны были пройти медкомиссию для установления пригодности к военной службе. Медицинские комиссии создавались из женщин-врачей. Информация о ходе проведения мобилизации и количестве девушек и женщин отправлялась телеграфом в Комитет по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР «каждые три дня с нарастающим итогом» [9, л. 20]. К 15 июля 1943 г. из Марийской АССР было призвано 175 чел. для службы в частях НКВД по охране особо важных предприятий промышленности. Для проезда к местам назначения выдавались продукты питания и проездные документы.

В мае 1944 г. состоялся последний призыв женского населения страны в Красную армию, вызванный необходимостью укомплектования должностей поваров, прачек, связистов и санитарок для войск ПВО и главных управлений Народного комиссариата обороны СССР. Это решение отражено в докладной записке Наркомата обороны СССР на имя председателя ГКО СССР И.В. Сталину [4, л. 14]. 16 мая 1944 г. было принято постановление ГКО СССР № 5907 с «О призыве в армию 25 000 женщин добровольцев», согласно которому в добровольном порядке в возрасте от 20 до 35 лет призывались женщины, не имеющие детей и не обремененные семьей. Исходя из указанного постановления ГКО СССР за № 5907 с, Марийская АССР должна была отобрать контингент в количестве 200 чел. [4, л. 11–12].

26 мая 1944 г. СНК Марийской АССР и бюро Марийского обкома ВКП(б) приняли совместное постановление «О призыве женщин в Красную армию». В связи с этим в республике была объявлена мобилизация женщин, проходившая с 26 мая по 15 июня 1944 г. К 16 июня 1944 г. было мобилизовано 217 чел. из 21 района

республики и Йошкар-Олы для отправки в части Красной армии [11, л. 295–296].

Подводя итоги, можно отметить, что точных цифр о численности призванных женщин и девушек с территории Марийской АССР за весь период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. не имеется. Хотя есть некоторые статистические данные Военного комиссариата Марийской АССР, направленные в военный отдел Марийского обкома ВКП(б) от 15 сентября 1942 г., согласно которым на пополнение рядов Красной армии было отправлено 98 856 чел., из них 724 женщины за период с 22 июня 1941 г. по 15 сентября 1942 г. [12, л. 88].

Тем не менее значительное число женщин и девушек принимало непосредственное участие в боевых действиях, многие из них проходили службу в различных тыловых службах в войсках ПВО, НКВД, ВМФ, ВВС и связи. Как свидетельствуют архивные документы, мобилизационные процессы подготовки и отправки марийских женщин и девушек проводились в кратчайшие сроки и возлагались на партийно-государственные органы власти в лице СНК Марийской АССР и Марийского обкома ВКП(б) совместно с Марийским обкомом ВЛКСМ и Военным комиссариатом Марийской АССР.

Источники и литература

1. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. Р-644. Оп. 2. Д. 43.
2. РГАСПИ. Ф. Р-644. Оп. 2. Д. 53.
3. РГАСПИ. Ф. Р-644. Оп. 2. Д. 57.
4. РГАСПИ. Ф. Р-644. Оп. 2. Д. 335.
5. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 51.
6. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 47. Д. 54.
7. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 291а.
8. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 291б.
9. ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. Р-542. Оп. 3. Д. 192.
10. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 3. Д. 250.
11. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 3а. Д. 256.
12. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 326.
13. Женщины Великой Отечественной войны: [сб. док.] / авт. сост. Н.К. Петрова. – М., 2024.

A.N. Sergeeva

“THE FEMALE FACE OF VICTORY” (ON THE MOBILIZATION OF WOMEN OF THE MARI ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945)

Annotation. The article shows the activities of the party and state authorities and Komsomol organizations of the Mari ASSR to mobilize women and girls during the Great Patriotic War of 1941-1945. According to the documents of the State Archive of the Republic of Mari El and the Russian State Archive of Socio-Political History.

Keywords: archival fund, the Great Patriotic War, the State Archive of the Republic of Mari El, Mari ASSR, women, mobilization.

УДК 908

Д.А. Устинов

УЛЬЯНОВСК – ОПЛОТ ФЛОТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. глубоко тыловой и небольшой, по меркам страны, город Ульяновск стал поистине столицей флота СССР. Помимо существовавшего до войны речного порта, судоремонтного завода в Криушах и военно-морского Арсенала, основанного в 1939 г., в годы войны в Ульяновск были эвакуированы Наркоматы речного и военно-морского флота СССР, Главное политическое управление ВМФ СССР, Центральный военно-морской музей, Центральная военно-морская библиотека, военно-морские госпитали, школа шифровальщиков (разведчиков), которая в том числе готовила кадры для флота. В Ульяновске находился штаб Волжской военной флотилии и многое другое. Все эти организации не просто пережидали время в Ульяновске, они плодотворно работали, осуществляли насущные задачи.

Ключевые слова: флот, эвакуация, Великая Отечественная война, Ульяновск.

С началом Великой Отечественной войны Ульяновск был районным центром обширной Куйбышевской области. В городе работало несколько небольших предприятий, речной порт, южнее

A.N. Sergeeva

“THE FEMALE FACE OF VICTORY” (ON THE MOBILIZATION OF WOMEN OF THE MARI ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945)

Annotation. The article shows the activities of the party and state authorities and Komsomol organizations of the Mari ASSR to mobilize women and girls during the Great Patriotic War of 1941-1945. According to the documents of the State Archive of the Republic of Mari El and the Russian State Archive of Socio-Political History.

Keywords: archival fund, the Great Patriotic War, the State Archive of the Republic of Mari El, Mari ASSR, women, mobilization.

УДК 908

Д.А. Устинов

УЛЬЯНОВСК – ОПЛОТ ФЛОТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. глубоко тыловой и небольшой, по меркам страны, город Ульяновск стал поистине столицей флота СССР. Помимо существовавшего до войны речного порта, судоремонтного завода в Криушах и военно-морского Арсенала, основанного в 1939 г., в годы войны в Ульяновск были эвакуированы Наркоматы речного и военно-морского флота СССР, Главное политическое управление ВМФ СССР, Центральный военно-морской музей, Центральная военно-морская библиотека, военно-морские госпитали, школа шифровальщиков (разведчиков), которая в том числе готовила кадры для флота. В Ульяновске находился штаб Волжской военной флотилии и многое другое. Все эти организации не просто пережидали время в Ульяновске, они плодотворно работали, осуществляли насущные задачи.

Ключевые слова: флот, эвакуация, Великая Отечественная война, Ульяновск.

С началом Великой Отечественной войны Ульяновск был районным центром обширной Куйбышевской области. В городе работало несколько небольших предприятий, речной порт, южнее

города в селе Криуши еще с царских времен существовал в затоне судоремонтный завод, и перед войной в 1939 г. в заволжской части города был основан военно-морской Арсенал, снабжавший по Волге и железнодорожным путям снарядами, минами и торпедами Черноморский, Балтийский и Северный флоты СССР, «…определяющим фактором для его развертывания стала возможность транспортирования грузов водным и железнодорожным путем» [2, с. 36]. Ежесуточно из Ульяновского Арсенала отправлялось в годы Великой Отечественной войны «200–250 вагонов боеприпасов» [2, с. 13]. Снабжение шло не только трех основных флотов европейского театра военных действий, но и Ленинградского и Сталинградских фронтов, Волжской, Ладожской и Азовской военных флотилий. Гордостью города и всего военного периода является работа Ульяновского патронного завода, выпустившего в годы войны около 30 % патронов ко всем видам советского стрелкового оружия.

Линия фронта стремительно продвигалась на восток страны и в город потянулись эшелоны с ранеными. За короткий период были размещены 26 эвакогоспиталей на территории края, в том числе госпиталь моряков Балтийского флота. В Ульяновск стали прибывать предприятия с территорий, захваченных врагом – трикотажные фабрики, в том числе фабрика «КИМ» из Витебска, завод «Контактор» – Харьковский электромеханический завод, из прифронтовой полосы – из Ярославля – Моторный завод, из Москвы – автомобильный завод им. Сталина. Вместе с предприятиями эвакуировались и необходимые для них специалисты и рабочие. Фронт нуждался и в военных кадрах. Помимо существовавших в Ульяновске с довоенных времен военных училищ – связи, танкового, пехотного, школы летчиков, в город прибыло Минское танковое училище, ставшее вторым Ульяновским танковым училищем, и Тамбовская школа шифровальщиков, готовившая разведчиков для армии и флота, ныне это знаменитое Краснодарское высшее военное училище им. генерала армии С.М. Штеменко.

В конце 1941 г. Ленинград оказался в кольце блокады. Было принято решение: центральные военно-морские учреждения страны – музей, архив и библиотеку – эвакуировать в тыловой Ульяновск. Погрузив на баржи самые ценные экспонаты, книги и документы, по каналам и рекам в 1941 г. все это стало поступать в Ульяновск,

из речного порта распределяться по помещениям вместе с сопровождавшими сотрудниками.

Ульяновск был районным центром Куйбышевской области. А Куйбышев стал запасной столицей СССР, именно в Куйбышеве, как в Москве и в Воронеже, 7 ноября 1941 г. прошли парады, посвященные 24-й годовщине Октябрьской революции. В Ульяновск, стоявший в 200 км от Куйбышева, было принято решение эвакуировать 28 правительственных учреждений, в том числе наркоматы речного и военно-морского флота СССР. Главное политическое управление ВМФ СССР также разместилось в Ульяновске на улице Энгельса, д. 19 [3, с. 114].

Во второй половине 1942 г. разворачивается битва на Волге, под Сталинградом, явившаяся началом коренного перелома в ходе Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. С весны 1942 г. началось строительство железной дороги вдоль Волги для оперативного решения вопросов снабжения и эвакуации войск под Сталинградом. Эта дорога, получившая название «Волжская Рокада», прошла от Казани через Ульяновск и Саратов к Сталинграду. За полгода была построена (в том числе и ульяновцами) почти 1000-километровая железнодорожная ветка, сыгравшая свою важную роль в обороне Сталинграда. Именно в этот период Штаб Волжской военной флотилии перемещается в Ульяновск и занимает часть здания ульяновской школы № 1. «Штаб флотилии… функционировал четко, его работа отличалась высокой культурой и эффективностью» [1, с. 171]. В Ульяновске размещается и госпиталь моряков Волжской военной флотилии. Корабли Волжской военной флотилии в том числе проходили обслуживание и ремонт на судоремонтном заводе в ульяновских Криушах.

Центральный военно-морской музей, как и архив, и библиотека, находились в Ульяновске в эвакуации с 1941 по 1944 г. и затем стали тем же водным путем возвращаться в Ленинград. Так, к примеру, знаменитый Ботик Петра I – «Дедушка русского военного флота» хранился в Ульяновске в бывшей лютеранской церкви. За период войны в фонды Музея ВМФ СССР в Ульяновске было передано «более чем 20 000 новых экспонатов» [2, с. 337], которые нужно было описать и каталогизировать.

Из выздоравливающих моряков госпиталя Балтийского флота и госпиталя моряков Волжской военной флотилии в Ульяновске 23 декабря 1941 г. был создан оркестр флота, который существует до наших дней под названием Центральный концертный образцовый оркестр ВМФ им. Н.А. Римского-Корсакова [22, с. 337] и успешно продолжает свою концертную деятельность.

Школу шифровальщиков в Ульяновске закончили десятки специалистов со всех флотов. Среди учившихся в Ульяновске особую гордость вызывает капитан 3-го ранга И.И. Фонарь с Тихоокеанского флота, который был личным связным Рихарда Зорге и которому удалось ускользнуть от японской контрразведки и остаться живым после окончания Второй мировой войны.

С января 1943 г. вновь была образована Ульяновская область из части Куйбышевской области, с центром в Ульяновске, и город в полной мере стал обеспечивать и отвечать за жизнь эвакуированных сюда предприятий и организаций. Городские власти обеспечивали, насколько это было возможно в условиях войны, всем необходимым эвакуированные предприятия и организации, размещали людей – специалистов и рабочих, обеспечивали их бесперебойную работу. В свою очередь и эвакуированные предприятия и организации помогали городу своими людьми в решении городских и областных задач.

Волею судьбы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ульяновск оказался в центре работы центральных флотских организаций СССР, которые успешно справились со всеми поставленными задачами, внеся свою долю в общую Победу над врагом. Ульяновск поделился своим кровом и теплом с флотскими организациями страны и по праву стал оплотом флота в военный годы.

Источники и литература

1. *Локтионов И.И.* Волжская флотилия в Великой Отечественной войне. – М., 1974.

2. Симбирская-Ульяновская флотская энциклопедия. – Ульяновск, 2021.

3. *Устинов Д.А.* Флотская история Симбирского – Ульяновского края в филателии. – Ульяновск, 2021.

D.A. Ustinov

ULYANOVSK – THE STRONGTHOUGH OF THE FLEET DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. During the Great Patriotic War of 1941-1945, the deeply rear-facing and small, by the standards of the country, the city of Ulyanovsk became truly the capital of the USSR fleet. In addition to the pre-war river port, the ship repair plant in Kriushi and the naval Arsenal, founded in 1939, during the war, the Commissariats of the River and Navy of the USSR, the main political directorate of the USSR Navy, the Central Naval Museum, the Central Naval Library, and naval hospitals were evacuated to Ulyanovsk, The school of cryptographers (scouts), which, among other things, trained personnel for the fleet, the headquarters of the Volga Military flotilla was located in Ulyanovsk, and much more. All these organizations were not just biding their time in Ulyanovsk, they worked productively and carried out urgent tasks.

Keywords: Fleet, evacuation, Great Patriotic War, Ulyanovsk.

УДК 94(470.344)+32.019.5

В.Г. Харитонова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОРЫ АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЧУВАШСКОЙ АССР

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты агитационно-массовой работы среди населения Чувашской АССР в предвоенные и годы Великой Отечественной войны. Основное внимание уделено изучению форм и методов политико-массовой агитации с учетом национального и языкового факторов. Анализ материала позволил проследить механизм реализации идеологической работы в зависимости от национальных традиций, межнационального окружения, языковой ситуации. В результате выявлена значимость и важность принятых решений с учетом как национального, так и языкового аспектов. Особое значение для национальной республики с преобладанием чувашского населения имели вопросы обучения русскому и родным языкам и в целом повышения грамотности населения, особенно призывного возраста. Исследование

D.A. Ustinov

ULYANOVSK – THE STRONGTHOUGH OF THE FLEET DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. During the Great Patriotic War of 1941-1945, the deeply rear-facing and small, by the standards of the country, the city of Ulyanovsk became truly the capital of the USSR fleet. In addition to the pre-war river port, the ship repair plant in Kriushi and the naval Arsenal, founded in 1939, during the war, the Commissariats of the River and Navy of the USSR, the main political directorate of the USSR Navy, the Central Naval Museum, the Central Naval Library, and naval hospitals were evacuated to Ulyanovsk, The school of cryptographers (scouts), which, among other things, trained personnel for the fleet, the headquarters of the Volga Military flotilla was located in Ulyanovsk, and much more. All these organizations were not just biding their time in Ulyanovsk, they worked productively and carried out urgent tasks.

Keywords: Fleet, evacuation, Great Patriotic War, Ulyanovsk.

УДК 94(470.344)+32.019.5

В.Г. Харитонова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОРЫ АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЧУВАШСКОЙ АССР

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты агитационно-массовой работы среди населения Чувашской АССР в предвоенные и годы Великой Отечественной войны. Основное внимание уделено изучению форм и методов политико-массовой агитации с учетом национального и языкового факторов. Анализ материала позволил проследить механизм реализации идеологической работы в зависимости от национальных традиций, межнационального окружения, языковой ситуации. В результате выявлена значимость и важность принятых решений с учетом как национального, так и языкового аспектов. Особое значение для национальной республики с преобладанием чувашского населения имели вопросы обучения русскому и родным языкам и в целом повышения грамотности населения, особенно призывного возраста. Исследование

базируется на архивных источниках, использованы также воспоминания и публикации в средствах массовой информации, опубликованные документы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чувашская АССР, национальный и языковой факторы, идеологическая работа.

В преддверии празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. изучение ее истории, вклада в Победу советского народа многие аспекты общественной и повседневной жизни населения приобретают актуальность и необходимость широкого освещения этих событий во имя сохранения мира и исторической памяти. В годы Великой Отечественной войны патриотизм, интернационализм, боевой и трудовой героизм стали безусловными факторами победы. Одновременно Великая Отечественная война стала особым этапом, объединившим общество в образе советской Родины, включавшем этническое разнообразие и межэтническую интеграцию. Эти факторы отмечают и авторы коллективной монографии «Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование». По их мнению, «несущим элементом новой идеологической конструкции становится русская национальная патриотика» [16, с. 204]. Вопросам межнационального общения уделяется внимание в монографии А.Э. Ларионова «Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны» [14]. В ряде работ Ф.Л. Синицына раскрываются особенности конфессиональной и национальной политики государства, их отражение в идеологической и пропагандисткой работе в годы войны [25, 26, 27]. Аспекты трансформации языковой политики в годы Великой Отечественной в РККА рассмотрены Р.Ф. Ханановым [32]. В монографии В.М. Алпатова нашли отражение этапы развития языковой политики в СССР, в том числе в годы войны [1]. В региональной литературе эти сюжеты наименее изучены, наиболее полно раскрыты процессы и факты о нерушимой дружбе народов, особенно в исследованиях советского периода [2, 3]. Некоторые вопросы организации и реализации политической и агитационной работы среди населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны освещены в работах В.Г. Харитоновой [33, 34]. Языковая ситуация изложена в работе М.М. Михайлова, посвященной проблемам двуязычия в регионе [15].

На самом деле процессы трансформации национальной политики, в том числе языковой политики в СССР, начались еще накануне войны, что не могло не отразиться на ситуации в республике. Характеризуя итоги развития Чувашской АССР накануне Великой Отечественной войны, исследователь этого периода В.Н. Клементьев, отмечает: «В сфере национальных отношений многое изменилось: демократический механизм их регулирования, заложенный в Конституции СССР 1924 г., уже к началу 30-х годов перестал действовать. Правовое равенство всех народов, провозглашенное в октябре 1917 г., было заменено принципом фактического равенства, что предусматривало «выравнивание отсталых наций», к числу которых был отнесен и чувашский народ. … В результате возрастающей тенденции унификации отказались от коренизации и политики реализации чувашского языка; экономическое, политическое и культурное развитие чувашского народа оказалось в полной зависимости от высших органов союзного управления» [12, с. 212–213].

В статье основное внимание уделено ранее малоизученным методам и формам агитационно-пропагандистской работы с учетом национального фактора, межнациональных отношений, дружбы народов, использования русского и родного языков, обучения призывников, ставшими злободневными в годы Великой Отечественной войны, в том числе для ведения работы среди военнослужащих.

Исследование выполнено с использованием метода исторического анализа, позволяет рассмотреть ситуацию и показать особенности и сложности проведения идеологической работы в годы войны среди населения Чувашии, допризывников, среди чувашей-военнослужащих Красной армии на фронте. Оно базируется на архивных источниках, использованы также воспоминания и публикации в средствах массовой информации. Пополнили источниковую базу опубликованные документы [17, 31].

В предвоенные и военные годы в основу агитационно-массовой работы среди населения и на фронтах были положены концепция братских народов и их героического прошлого, базирующаяся на обращении к истории, этноисторическим компонентам [16, с. 204–207]. Одним из таких документов, ярко и конкретно отражающих

ведущую линию идеологической работы стало «Письмо чувашского народа Великому Сталину», изданное в 1937 г. на русском и чувашском языках. Письмо составлено коллективом чувашских поэтов и писателей. На русский язык текст был переведен поэтами А. Жаровым и Дж. Алтаузеном. Тираж издания на русском языке составил 2000 экз. [20]. На чувашском и русском языках издано также в 1937 г. тиражом 550 экз. Данное издание было оформлено орнаментами чувашской вышивки, правда, без указания оформителя [6]. В июле 1937 г. текст письма был опубликован в газете «Красная Чувашия» [13]. Подходы составителей этого письма по оценке путей исторического развития чувашского этноса представляют несомненный интерес для исследователей в историографическом плане. Одновременно в произведении четко проявляется идея донесения до читателей важности и значимости вхождения чувашского народа в братскую семью народов СССР и связанных с данным процессом успехов, достигнутых республикой. Уже в годы Великой Отечественной войны общественный резонанс получило известное «Письмо чувашского народа своим сынам-фронтовикам», которое подписали около 380 тыс. чел. [21]. Письмо было напечатано 7 июля 1943 г. в газете «Красная Чувашия», на чувашском языке в газете «Чăваш коммуни». В составлении письма, по мнению В.П. Станьяла, приняли участие Н.И. Шелеби, С.В. Эльгер, К.А. Чулгась, С.А. Шавлы, А.А. Эсхель [29, с. 85]. По другим данным, участвовали С. Эльгер, И. Тукташ, А. Эсхель и другие чувашские писатели [22, с. 364]. Первоначальный вариант текста письма был направлен И.М. Чарыкову, первому секретарю Чувашского обкома ВКП(б) в 1940–1948 гг., который внес правки редакторского плана [5, л. 2–5]. Это коллективное письмо-наказ чувашского народа, но основная сюжетная линия, изложенная в письме И. Сталину, сохраняется. Приведем некоторые отрывки из текста письма: «Вам отважные воины Красной Армии, достойные потомки Улып-батыра, внуки и правнуки волжских борцов за народную волю… Родные сыны и дочери наши, доблестные фронтовики! В суровые для Родины дни наш народ, следуя вековой традиции, всегда поднимался против врага вместе с русским народом. Дружба чувашского и русского народов скреплена кровью. Никогда, никакому врагу не разрушить ее! …Посылая сынов своих

на поле брани, на защиту священных границ земли нашей, мы благословляем их: будьте крепкими, как могучие кряжи чувашских дубрав!» [21, с. 2, 8]. Письмо получило широкое распространение среди фронтовиков – чувашей и уроженцев Чувашии. На это послание, подготовленное от имени чувашского народа, появились коллективные и частные ответные письма с фронта, в которых брались обязательства бить врага всеми силами.

Ведущая роль в проведении агитационной и пропагандистской работы в воинских частях и на фронте возлагалась на армейские политические органы, одновременно возникла необходимость усиления работы с военнослужащими нерусской национальности. Основными проблемами стали обучение русскому языку и ведение партийно-политической и агитационной работы на родных языках. Национальный вопрос стал одним из актуальных направлений. В частях и соединениях Красной Армии фиксировалась достаточно часто межнациональная напряженность, несмотря на пропаганду интернационализма.

Согласно директиве начальника Главного политического управления (ГлавПУ РККА) от 17 сентября 1942 г. в частях должны были появиться внештатные агитаторы, владеющие национальными языками; публикации в средствах массовой информации на темы дружбы народов СССР с конкретными примерами героизма на фронтах бойцами разных национальностей с последующим использованием их в республиках и областях для массовой агитации. С 1942 г. началось издание фронтовых и армейских газет на языках народов СССР [16, с. 215–217]. В 1943 г. основными формами агитационно-политической работы с воинами нерусской национальности стали беседы, политзанятия, митинги, проведение разных собраний, читки газет, брошюр, издание наглядной агитации, прессы, программ политбесед и других материалов на национальных языках [32, с. 274]. Запросы в органы власти Чувашии из воинских подразделений действующей армии о высылке любой литературы на чувашском языке были массовыми. В июне 1943 г. в обком партии республики поступило письмо, подписанное заместителем командира по политчасти одной из воинских частей: «Воинская часть находится в составе действующей армии. Среди бойцов у нас 34 чуваша, главным образом из Ибресинского района.

Для проведения воспитательной работы среди бойцов-чуваш нам необходима литература на чувашском языке. Прошу выслать в наш адрес вашу республиканскую газету в количестве пяти экземпляров (по числу наших подразделений). Прошу также выслать литературный материал о героях и орденоносцах из чувашского народа, отличившихся на фронтах Великой Отечественной войны» [5, л. 52]. Однако в 1942 г. в связи недостаточным снабжением бумагой и ростом издательских расходов тираж республиканских газет «Красная Чувашия» и «Чăваш коммуни» сократился на 15 %. Но в целом заявки с фронта на литературу, особенно на чувашском языке, старались выполнить [4, л. 73].

Для проведения агитационной и воспитательной работы понадобились политработники со знанием родных языков народов многонациональной страны. В первую очередь стали привлекать писателей, журналистов, учителей, которые вели работу не только в воинских соединениях, но и на малой родине. Так в подготовке книг, статей, листовок военной тематики непосредственное участие приняли чувашские писатели. Я.Г. Ухсай, участник Великой Отечественной войны с 1942 г., служивший в 141-й стрелковой дивизии, сформированной в Чувашии, политработник и военный журналист, стал автором известного «Письма чувашских бойцов и командиров Н-ской дивизии родному народу», получившего широкий отклик среди жителей республики [18, с. 23]. М.Н. Якимов после окончания военно-политического училища был назначен редактором газеты воздушно-десантной бригады, сотрудником газеты «Боевой призыв» 61-й армии. В.А. Долгов, находившийся на фронте с октября 1941 г., с сентября 1942 г. стал заместителем редактора газеты «Путь к победе» 255-й стрелковой дивизии, газеты «Гвардейское знамя» 13-й гвардейской Полтавской мотомеханизированной колонны. П.С. Слесарев, агитатор политотдела 333-й стрелковой дивизии пишет в воспоминаниях: «В начале 1943 г. дивизия получила пополнение с Южного Урала, из Казахстана, Поволжья, других мест. Она стала поистине интернациональной. Здесь были и русские, и украинцы, и узбеки, и татары, и чуваши, и марийцы… Многонациональный состав дивизии осложнил боевую подготовку и партийно-политическую работу. Многие воины плохо знали русского языка. … Стали проводиться семинары парторгов, комсоргов, агитаторов

нерусской национальности, а среди солдат – политзанятия и политмассовая работа на их родном языке» [19, с. 105, 108–109, 144–145]. Многие политработники поддерживали связь друг с другом и Союзом писателей Чувашии. Секретарь дивизионной газеты Ф.А. Ситов в письме в Союз писателей Чувашии пишет: «Дорогие собратья по перу и оружию! Народному поэту Чувашии Эльгеру, писателям: Эсхелю, Алагеру, Агакову, Бараеву, Ильбеку, Васянке, Уяру, Степанову, Чулгасю, Митрофанову. Ваше коллективное письмо получил. С группой бойцов и командиров с большим воодушевлением прочитали его. Все тронуты вашим вниманием и заботой. Будьте уверены в нашей силе и несокрушимой мощи… Вы пишете, что мой сборник «Фронтовые рассказы» уже вышел в свет. … Очень прошу прислать мне хотя бы один экземпляр. Ведь герои этих произведений, т.е. моих рассказов, опять сражаются со мной на одном фронте». В декабре 1942 г. Л.Я. Агаков, младший лейтенант, пишет А. Эсхелю, председателю правления Союза писателей ЧАССР: «Дорогой Аркадий! Сегодня высылаю фельетон «Ҫĕлĕк вырăнне – çĕтĕк йĕм» [Вместо шапки – рваные штаны] – о фрицах образца 1942 г. Затем напишу о наших земляках – двух награжденных военфельдшерах родом из Большого Сундыря, об одном связном – чуваше из Шуматова и санитаре из Ильинки. Геройский народ! Еще о старшем лейтенанте Павлове, пом. начальника штаба одного из полков, который отразил психическую атаку немцев и с небольшой горсткой бойцов уничтожил до 150 гитлеровцев. Он из Батырева. Думаю, что эти материалы вас устроят. Веду учет чувашей по всей нашей части. Провожу с ними политработу (спасибо за присланный доклад т. Сталина на чувашском языке)…». В.Т. Ржанов в письме первому секретарю Чувашского обкома ВКП(б) И.М. Чарыкову рассказывает о реакции чувашских бойцов на наказы с малой Родины. По решению самих бойцов письмо И.М. Чарыкова было отпечатано и выпущено отдельным листком, при этом каждый боец обязался вести на обратной стороне листовки личный счет истребленных врагов. В письме Я. Краснера, опубликованного в газете «Красная Чувашия» в декабре 1942 г. отмечается: «В великой битве против фашистских орд рука об руку дерутся русские и чуваши, украинцы и казахи, белорусы и якуты – все народы нашей великой Родины» [31, с. 26–27, 48–48, 103, 107]. Большая работа

проводилась для того, чтобы жители Чувашии знали и гордились фронтовыми победами уроженцев республики. На это были направлены следующие формы работы с населением: переписка бойцов с колхозами, заводами, руководящими работниками республики, посылка писем об отличившихся бойцах родным, по месту работы и т.д. Так, в январе 1943 г. на имя секретаря Чувашского обкома ВКП(б) И.М. Чарыкова поступило письмо с воинской части следующего содержания: «Ваш земляк, член партии, депутат Верховного Совета СССР – подполковник Спасов Лука Семенович, который сейчас находится в действующей армии, – в исторических боях за Сталинград показал себя волевым командиром и хорошим организатором масс. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками награжден орденом Красная Звезда». В письме также содержалась просьба передать поздравления его жене Ф.Л. Спасовой. В ответ была послана телеграмма с поздравлением Л.С. Спасова с боевой наградой от имени Совнаркома Чувашской АССР и обкома ВКП(б) [5, л. 30–31]. Одновременно широко развернулось информирование фронтовиков о трудовых успехах тружеников тыла. В связи с победой Чувашской АССР в социалистическом соревновании областей, краев и республик СССР в сельском хозяйстве за 1942 г. и вручением республике переходящего Красного знамени Государственного комитета обороны, в 1943 г. были получены письма с фронтовых подразделений с поздравлениями и пожеланиями дальнейших успехов [5, л. 38].

Таким образом, методы политической и агитационной работы по интернациональному и патриотическому воспитанию как на фронте, так и среди населения республики получили самое широкое распространение. Часть материалов, особенно опубликованные в средствах массовой информации, носили явно агитационный характер. Концепты «Отчизна», «Родина», «Народы-братья», «Фронтовое братство» и другие сглаживали этнокультурные противоречия и особенности, сближали представителей разной национальности. В большинстве опубликованных источников (письма, воспоминания, дневники, публикации в средствах массовой информации, очерки о фронтовых буднях и т.д.) фронтовой коллектив представлен как одна большая боевая семья. В основу публикаций закладывалось

освещение боевой дружбы народов СССР, популяризация подвигов бойцов уроженцев Чувашии, представителей разных национальностей.

Непосредственно перед началом Великой Отечественной войны и в годы войны стали актуальными языковые вопросы, в основном связанные с обучением русскому и родным языкам. Ранее эти проблемы возникли в связи с формированием национальных частей, где знание русского языка было очень слабым. После их расформирования в 1938 г. с 1939 г. массовым стал призыв из национальных областей и республик, знание русского языка влияло на обучение воинскому делу. Об обязательном освоении русского языка призывниками говорилось в приказе Наркома обороны от 6 апреля 1938 г. [28, с. 489]. В 1938 г. принимается постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [23]. В июле 1940 г. вышло постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка». Документ обязывал наркомпросы союзных и автономных республик организовать без отрыва от производства обучение русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка. Предусматривалось оказание помощи наркомпросам союзных и автономных республик структурами ВЦСПС [22; 25, с. 26]. Предполагалось, что реализация этих постановлений будет способствовать повышению уровня грамотности и успешному обучению основам воинской службы, налаживанию общения между людьми разных национальностей.

Вопросы изучения родного и русского языков в школе всегда были предметом внимания руководящих органов Чувашской республики. В 1934–1935 гг. Народный комиссариат просвещения Чувашской АССР проводил районные конференции учителей русского языка с целью смотра ученических работ и обмена опытом. Областной комитет партии в апреле 1935 г. вновь возвращается к мероприятиям по улучшению постановки преподавания русского языка в чувашских школах, напоминая о необходимости повышения квалификации всех преподавателей русского языка, не имеющих высшего образования. Улучшение изучения русского языка

в чувашских школах должно было произойти в ходе реализации постановления «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г. Вместо ранее существовавших различных учебных планов устанавливался единый учебный план изучения русского языка в нерусских школах (по классам). Были поставлены конкретные задачи для начальной, семилетней, средней школы в отношении овладения русским языком. Учащиеся, оканчивающие начальную школу, должны получить запас русских слов, позволяющих понимать простую разговорную речь, излагать на русском языке знакомые им явления из окружающей жизни, владеть элементарными навыками чтения и письма по-русски. После неполной средней школы (7 классов) должны уметь свободно и правильно выражать на русском языке свои мысли как устно, так и письменно, иметь навыки самостоятельного пользования книгой, соответствующей их возрасту, получить знание основ русской грамматики. После средней школы учащиеся должны знать основные законы и правила русского языка, уметь свободно читать, понимать художественную и научную литературу, передавать устно и излагать письменно содержание прочитанного, а также свои мысли правильным литературным языком [9, л. 45–47; 29, с. 143–144]. Одновременно в республике начиная с середины 1930-х гг. уделялось достаточно большое внимание налаживанию работы по ликвидации неграмотности и обучения малограмотных допризывников, освоению ими русского языка. Работа по обучению возлагалась на образовательные учреждения республики, курировалась наряду с партийными органами представителями военкоматов и райисполкомами. Так, согласно постановлению СНК ЧАССР от 19 августа 1934 г., обучение допризывников 1913 и 1914 г.р. должно было начаться с 1 сентября 1934 г. В мае 1935 г. выяснилось, что обучение ведется неудовлетворительно, особенно в районах, где процент неграмотных по сравнению с городом Чебоксары был высоким, были приняты меры по налаживанию дела обучения призывников [7, л. 3, 11, 25]. Повышенное внимание партийных и государственных органов республики, так и Наркомата обороны СССР к вопросам обучения неграмотных и малограмотных призывников по итогам призывной кампании 1935 г. дали результаты. Для поощрения организаций и военных комиссариатов на местах

Наркомат обороны СССР учредил вручение Переходящего знамени Наркомата обороны за лучшее проведение призыва. По итогам 1935 г. военкомат Чувашской АССР занял первое место в Московском военном округе. В приказе от 5 августа 1936 г. отмечены следующие успехи: «…сумевшего всесторонне изучить каждого призывника, обеспечить комплектование частей проверенным составом, провести 100 % сбор высококачественных характеристик, на 100 % завершить ликвидацию неграмотности и малограмотности среди призывников, несмотря на особые трудности, вытекающие из необходимости обучать их на чувашском и на русском языках, хорошо организовать и проверить работу по оздоровительным мероприятиям, особенно по лечению трахомы среди призывников, на 100 % выполнить план военно-политического обучения, дав при этом хорошее усвоение программы подготовки Ворошиловских стрелков и значкистов ГТО, хорошо организовать и планомерно провести массово-политическую работу и отлично организовать работу призывных пунктов». По итогам призывной кампании личный состав Чувашского военкомата был награжден ценными подарками [8, л. 5]. Для налаживания эффективной работы СНК ЧАССР решением от 26 июня 1936 г. предлагал следующие меры: организовать обучение с отрывом от производства со сбором в районных центрах продолжительностью не менее 45 дней, предусмотрев горячее питание. Расходы на организацию питания были отнесены за счет колхозов, единоличников и за счет самих призывников, за которыми сохранялась заработная плата по месту работы. Для обучения призывников привлекались лучшие педагогические силы, их снабжали письменными принадлежностями и учебниками. Работа преподавателей оплачивалась [8, л. 1]. Приходилось заниматься и лечением призывников, болеющих трахомой, подготовкой Ворошиловских стрелков. В апреле 1939 г. в г. Чебоксары при разных учреждениях работали 40 школ для взрослых, в которых велось обучение малограмотных и неграмотных граждан [11, л. 10–11об.; 34, с. 150–153]. После получения приказа Народного комиссариата просвещения РСФСР от 23 октября 1940 г. «О мероприятиях по ликвидации неграмотности» внимание к этим проблемам уделялось больше. Но, несмотря на это, к 10 апреля 1941 г. из намеченных по плану 1941 г. к обучению 15 тыс. чел. неграмотных обучением было

охвачено 9039 чел., из 20 тыс. малограмотных обучалось 13 221 чел. Численность охваченных обучением сокращалась значительно с началом весенне-полевых работ, более высоким был процент отсеявшихся среди взрослого населения. Возникали трудности с обучением призывников, не знающих русского языка [10, л. 8].

Проблема обучения призывников русскому языку, ликвидации неграмотности и малограмотности к началу Великой Отечественной войны в республике не была решена и была продолжена в последующий период. В то же время среди форм и методов агитационной и массовой политической работы накануне и в первые годы Великой Отечественной войны актуальность и востребованность приобрели поиск особых методов, связанных с национальным и языковыми факторами. В основу государственной идеологической политики было положено формирование концепции «советского патриотизма», опирающейся на русский национальный фактор. В ходе реализации национальной политики в республике основной упор был сделан на пропаганду тезиса «дружба народов», значимости и важности развития в содружестве братских народов Советского Союза, при сохранении роли русского народа. В предвоенные и в годы войны возросла необходимость знания и владения, наряду с родным, русским языком. Все эти факторы способствовали мобилизации общества и населения республики в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Алпатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М., 2000.

2. В братской семье народов СССР. – Чебоксары, 1950.

3. В великом содружестве советских народов. – Чебоксары, 1974.

4. ГАСИ ЧР (Государственный архив современной истории Чувашской Республики). Ф. П-1. Оп. 23. Д. 385.

5. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 23. Д. 913.

6. ГАСИ ЧР. Ф. 2896. Оп. 1. Д. 49.

7. ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. Р-221. Оп. 20. Д. 22.

8. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 20. Д. 28.

9. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 29. Д. 7.

10. ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 30. Д. 2.

11. ГИА ЧР. Ф. Р-2360. Оп.1. Д. 151.

12. История Чувашии новейшего времени. Книга 1. 1917–1945. – Чебоксары, 2001.

13. Красная Чувашия. – 1937. – 24 июля.

14. *Ларионов А.Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь в РККА 1941–1945 гг. – М., 2015.

15. *Михайлов М.М.* Двуязычие: проблемы, поиски… – Чебоксары, 1989.

16. Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование. – Ростов-на-Дону, 2022.

17. Память солдатского сердца: фронтовые письма, дневники, листовки, воспоминания, боевые документы / сост. А.Н. Николаев. Вып. 1–8. – Чебоксары, 1979–1991.

18. Память солдатского сердца: фронтовые письма, дневники, листовки, воспоминания, боевые документы / сост. А.Н. Николаев. Вып. 1. – Чебоксары, 1979.

19. Память солдатского сердца: фронтовые письма, дневники, листовки, воспоминания, боевые документы / сост. А.Н. Николаев. Вып. 6. – Чебоксары, 1988.

20. Письмо чувашского народа Великому Сталину. – Чебоксары, 1937.

21. Письмо чувашского народа своим сынам-фронтовикам. – Чебоксары, 1943.

22. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную Армию и не знающих русского языка». 6 июля 1940 г. // Электронная библиотека исторических документов:https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123958#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения 28.05.2024).

23. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». 13 марта 1938 г. // Электронная библиотека исторических документов: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123876-postanovlenie-tsk-vkp-b-i-snk-sssr-ob-obyazatelnom-izuchenii-russkogo-yazyka-v-shkolah-natsionalnyh-respublik-i-oblastey-13-marta-1938-g (дата обращения 28.05.2024).

24. *Сергеева Л.П., Налимова С.В., Ильина О.А.* Минувших лет живая память (Книги, изданные в Чувашии в 1941–1945 гг.) // Великая Отечественная война в истории народов Поволжья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары 16 мая 2024 г.). – Чебоксары, 2024. – С. 363–365.

25. *Синицын Ф.Л.* Национальная политика СССР в предвоенные годы (1938–1941 гг.) // Вестник РУДН, серия История России.– 2014. – № 1. – С. 25–34.

26. *Синицын Ф.Л.* Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944 – первой половине 1945 гг. // Российская история. – 2009. – № 6. – С. 40–53.

27. *Синицын Ф.Л.* Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. – М., 2018.

28. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. – М., 2021.

29. *Станьял В.* 1941–1945 çулсенчи чăваш литературри. – Шупашкар, 2010.

30. *Степанов Н.С.* Очерки истории чувашской советской школы. – Чебоксары, 1959.

31. Страницы немеркнущей славы: Уроженцы Чувашии на фронтах Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: письма, дневники и воспоминания, статьи и выступления по радио, фотографии. – Чебоксары, 1995.

32. *Хананов Р.Ф.* Трансформация языковой политики в РККА в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в истории народов Поволжья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары 16 мая 2024 г.). – Чебоксары, 2024. – С. 271–275.

33. *Харитонова В.Г.* Некоторые аспекты агитационно-массовой работы на строительстве оборонных рубежей в Чувашии // Трудовой подвиг народа: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. в рамках межрегион. марафона «Рубежи Победы». – Чебоксары, 2022. – С. 55–66.

34. *Харитонова В.Г.* Пропагандистская и агитационная работа в Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. –2023. – № 1. – С. 83–92.

35. Чебоксары во второй половине XVI–XX вв.: документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики: в 4 т. Т. 3: ноябрь 1917–1964. – Чебоксары, 2019.

V.G. Kharitonova

NATIONAL AND LINGUISTIC FACTORS OF AGITATION AND PROPAGANDA WORK ON THE EVEAND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE CHUVASH ASSR

Annotation. The article examines some aspects of mass agitation work among the population of the Chuvash ASSR in the pre-war and Great Patriotic War years 1941-1945. The main attention is paid to the study of forms and methods of political and mass agitation, taking into account national and linguistic factors. The analysis of the material made it possible to trace the mechanism of

implementation of ideological work depending on national traditions, interethnic environment, and linguistic situation. As a result, the significance and importance of the decisions taken, taking into account both national and linguistic aspects, is revealed. Of particular importance for the national republic with a predominance of the Chuvash population were the issues of teaching Russian and native languages and, in general, improving the literacy of the population, especially of military age. The research is based on archival sources, as well as memoirs and publications in the media, published documents.

Keywords: The Great Patriotic War, the Chuvash ASSR, national and linguistic factors, ideological work.

УДК 791. 83

И.П. Бойкова

ВОЕННАЯ САТИРА А.Л. ДУРОВА В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙН

Аннотация: Статья содержит сведения о выступлениях клоуна А.Л. Дурова в городах Российской империи в годы русско-японской и Первой мировой войн.

Ключевые слова: массовое сознание, сатира, пропаганда, образ врага.

Актуальность темы исследования определяется той значимостью, которую имели войны для всей истории России в XX столетии, в том числе для формирования массового сознания, идеологических категорий и стереотипов. Войны не только занимали «хронологически» важную часть российской истории XX в., но и в значительной мере влияли на периоды мирного развития. Малоизученный гуманитарный аспект военно-исторического опыта русско-японской и Первой мировой войн приобретает особую остроту в текущей международной ситуации. Без учета социокультурных факторов взаимодействия с чужими социумами невозможно адекватное научное осмысление новейшей отечественной истории. Проблема восприятия представителей иных народов, социумов и культур в разные исторические эпохи затрагивалась в философской, культурологической, политологической литературе, а также в исторической науке [5, с. 11].

Сатирический образ врага наполнялся конкретным содержанием в зависимости от социальных и культурно-исторических условий, впитывал в себя традиционные предрассудки в отношении представителей определенных национальностей и государств. В любом этносе всегда есть воспринимающие и продуцирующие

инокультурные стереотипы группы. Элита общества, государственные общественные институты являлись основными субъектами, продуцирующими представления и ценности общества в конкретно-историческую эпоху.

Российская империя и ее институты начала XX в. создавали, или актуализировали негативный образ другой страны – реального или потенциального противника. Механизмы, используемые для распространения вражды между странами и народами, включали политическую пропаганду, газеты, кинематограф, сатиру. При этом субъект восприятия – народ – превращался в объект воздействия, нередко – прямой манипуляции.

В условиях войны 1904–1905 гг. между Японией и Россией проблема «свой» – «чужой» обострилась до предела, выступая в гипертрофированных формах. Расплывчатый образ обернулся вполне конкретными проявлениями несчастий, исходящих от «чужого», отсюда и преобладание эмоционально-субъективного начала в оценках противника: те его качества, которые у своих оценивались, как исключительно позитивные, применительно к врагу рассматривались в негативном ключе. Враг должен быть «плохим», потому что иначе война в нравственном отношении вообще оказывалась невозможной: убийство человека находилось за пределами общепринятых норм человеческой морали и религиозной этики. В общественном сознании враг наделялся свойствами «противными человеческой натуре», отрицательные его качества гипертрофировались. Это достигалось путем противостояния своим собственным качествам, которые рассматривались как позитивные ценности. «Интересно отметить тот факт, что в русском национальном сознании, нашедшем отражение в фольклоре и литературном творчестве разных эпох (начиная с былинных времен и кончая Первой мировой войной), враг всегда силен, многочислен, жесток, коварен, но зачастую глуп и обязательно некрасив. Причем победу русских объясняют их естественным превосходством в смекалке, силе духа и воинском умении, тогда как поражения – невезением, или Божиим наказанием за грехи» [3, с. 404].

Массовое сознание – явление чрезвычайно сложное и противоречивое, в нем переплелись мировоззренческие установки и элементы социальной психологии. Война как экстремальное состояние

общества в его противостоянии внешним силам предъявляла к массовому сознанию особые требования. В условиях войны немаловажное значение имел моральный дух армии и народа, в формировании которого важную роль играла совокупность факторов: убежденность в справедливом характере войны, вера в способность государства отразить нападение врага, наличие нравственных и духовных ценностей, ради которых граждане страны готовы стать солдатами и отдать свою жизнь. Поэтому морально-психологическая подготовка к войне с Японией, обеспечение определенного морального духа в ее ходе, осуществлялась, прежде всего, идеологическими средствами и инструментами.

25 января 1904 г. генерал Алексеев Е.И. узнал о разрыве дипломатических отношений между Россией и Японией. Началась трагическая по своим последствиям война. Когда 26 января японская эскадра обстреляла стоявшие на рейде в Сеуле для охраны русской дипломатической миссии крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец», русские моряки отказались сдаться и приняли неравный бой. Прорваться и уйти к своим стало невозможно, офицеры приняли решение отправить личный состав на берег, а корабли затопить. На внешнем рейде у Порт-Артура в этот же день японские миноносцы напали на русскую эскадру.

Практически каждая музейная коллекция в больших городах нашей страны обладает экспонатами о русско-японской войне 1904–1905 гг. Патриотические настроения населения или призывы к ним отражены в разных экспонатах. В коллекции Воронежского областного краеведческого музея сохранилась почтовая открытка, изображающая добровольцев Павловского уезда Воронежской губернии, отправившихся на театр военных действий 27 марта 1904 г.: Я. Медведев, П. Мантров, Ф. Болгов, Н. Чевычелов (Георгиевский кавалер), С. Сахаров, Н. Татарников [6, л. 1].

Еще до начала военных действий сложился стереотип восприятия Японии как противника, этнически, культурно и религиозно чуждого русским. Все эти негативные штампы нашли свое отражение в пренебрежительном и даже оскорбительном тоне людей различного общественного положения и культурного уровня в письмах и дневниках тех лет. Негативное отношение к японцам императора Николая II было вызвано и тем, что, еще

будучи наследником престола, он посетил Японию, где подвергся нападению фанатика и был ранен мечом в голову. Также относилось к ним и следовавшее за императором высшее общество и генералитет. Однако по мере непосредственного приобретения знаний о противнике довоенные стереотипы все больше сменялись трезвой и объективной оценкой.

Двойственность отношения к японцам в русском обществе во время войны нашла отражение не только в источниках личного происхождения (письмах, дневниках, воспоминаниях), но и в фольклоре. Лубочные картины изображали то гибель японского крейсера, то лихого казака, только что отрубившего нос высунувшемуся из-за сопки японцу, того же казака и ту же сопку, теперь из-за нее виднелись гетры удирающего японца. Внизу было написано:

«Генерал японский Ноги
Чуть унес от русских ноги».

Вскоре после начала военных действий в действующей армии настолько распространилось недовольство командованием, что пришлось принимать специальные, порой даже комические меры. Например, «развешивать плакаты, строго воспрещающие публичную критику действий начальствующих лиц под угрозой больших наказаний» [1, с. 260].

Дуров А.Л., в 1904–1905 гг. гастролировавший в Пятигорске, Брест-Литовске, Воронеже, Туле, Серпухове, Калуге, в своих выступлениях произносил такой монолог, обращаясь к дрессированным крысам, и характеризуя каждую:

«Вот вам страшно прожорливая, на хищенья не ленивая,
Разжиревшая, гигантская…
Это крыса…интендантская» [2, с. 4].
«Порошок от крыс купите» – объявление гласит, –
Он мышей и крыс в минуту радикально истребит.
Но скажите, отчего же нет отравы никакой
Против тех мышей двуногих, что размножены войной?
Против тех зловредных крыс,
Легион которых алчно провиант солдатский грыз?
Эти вредные нам крысы причинили больше бед.
Но от них-то, к сожаленью, никакой отравы нет!» [2, с. 5].

Ярко оппозиционные отклики на общественно-политическую злобу дня подняли А. Дурова на высоту клоуна-публициста и стали идеальной формой связи цирковой клоунады с актуальной тематикой. В годы русско-японской войны, когда в обществе преобладало сочувствие неудачам русских войск и сострадание к героическим русским воинам, погибающим по вине неумелых начальников, гнев его сатиры был направлен в основном на коррупцию в русской армии, образ врага не выпячивался столь рельефно, как в последующие годы Первой мировой войны. В 1912 г. А.Л. Дуров посетил с гастролями, прошедшими с большим успехом, Японию и получил в знак благодарности за свои выступления серебряную с золотыми украшениями коробку от посла Российского Императорского посольства в Токио Н.А. Маленского-Малевича.

Сатирический образ врага в Первую мировую войну заметно отличался от образа врага в русско-японскую. Шутки и сатирические выпады были направлены в основном в сторону неприятеля. Критика своих промахов не допускалась. Примером тому служит попытка сына А.Л. Дурова А.А. Дурова высмеять неумелые действия русской авиации в 1914 г., за которые он угодил в тюрьму г. Котельнича. Газета «Ранее утро» писала: «24 июля в цирке бр. Никитиных, на нижегородской ярмарке произошел следующий случай: выступавший на арене клоун А.А. Дуров коснулся в своих остротах и каламбурах русского воздушного флота и пр. Присутствовавший в цирке помощник полицмейстера потребовал прекращения выступлений Дурова и пригласил его для объяснений за кулисы…» [7, с. 4].

В годы Первой мировой войны пресса, путем информации о военных событиях и освещения фактов, формировала определенные взгляды и мнения общества, воздействовала на духовное состояние армии и населения страны, призывала к действиям. Патриотическая пропаганда того времени, по признанию многих современников, была малоэффективна и почти не действовала собственно на солдат. Однако попытки такого воздействия имели место, о чем свидетельствуют названия выпускаемых в то время пропагандистских брошюр: «Священный порыв России на великий подвиг в защиту угнетенных братьев славян» (1914); «Как воюем мы, и как воюют немцы» (1914); «Война за правду» (1915);

«Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью» (1916). Низкий образовательный уровень, культурная ограниченность, зачастую даже мировоззренческая примитивность солдат требовали адекватных форм обращения к личному составу армии: простой идеи, близких народному сознанию понятий и категорий, упрощенной лексики, разговорного языка. К образцам такового воздействия относятся шутки и репризы А.Л. Дурова, опубликованные в журнале «Забияка», приложении к журналу «Путеводный огонек» за 1914 г. [4, с. 3].

В книге А.Л. Дурова «В жизни и на арене», изданной в Воронеже в 1914 г., можно найти такие строки: «Немцы и в России, и у себя дома таковы: мелочны, жадны, завистливы. Мне приходилось быть в Германии несколько раз, и всегда я больше и больше привыкал ненавидеть немцев, относящихся к русским с какой-то затаенной злобой, и однажды предпринял такой трюк, за который был посажен в Маобитскую тюрьму… Когда был мой номер, я выпустил пару свиней, взявши в одну руку кусок хлеба, а в другую каску. Показывая им хлеб и каску, я спросил у каждой, чего она желает. Одна из них потянулась к хлебу, другая к каске. – Sehen Sie, – обратился я к публике, er will Brod (Villbrod) – министр, er will Helm (Willhelm) – кайзер» [2, с. 15].

Политическая сатира в цирке отражала социальные изменения в обществе. Если для русско-японской войны демократичный цирк выбирал темой для сатиры неумение вести военные действия на уровне руководства российской армии, обличал казнокрадство и коррупцию в среде интендантов, то столь популярный политический дискурс резко поменялся в Первую мировую войну. Враг представлен национально, персонально и негативно, юмор или сатира по отношению к своей армии уже не встречали аплодисментов у широкой публики. В сознании участников Первой мировой войны существовало два основных образа врага. Первый, сформировавшийся под воздействием пропаганды, включал в себя представления о враждебном государстве; второй возникал в результате непосредственных контактов с лицами противоположного лагеря – военнопленными и интернированными, мирным населением оккупированных территорий. На изменение отношения к врагу влияли такие факторы, как продолжительность

войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, он закрепился в сознании современников, приобретая характер «послевоенного синдрома».

Источники и литература

1. Дневник участника Русско-японской войны (1904–1905) дивизионного врача В.П. Кравкова // Время и судьбы. Военно-мемуарный сборник. Вып. 1. – М., 1991. – С. 259–275.

2. *Дуров А.Л.* В жизни и на арене. – Воронеж, 1914.

3. *Жбанкова Е.В.* Образ иноземного захватчика в русском литературном творчестве // Россия и Запад: диалог культур. 3-я Междунар. конф. 28–30 нояб. 1996. – М., 1997.

4. Забияка. 1914. – 1 декабря. – № 14.

5. «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Материалы Междунар. науч. конф. / под ред. С.Н. Полторака. – СПб., 2001.

6. Открытка почтовая. Коллекция ВОКМ (Воронежский областной краеведческий музей) № по ГИК – ВОМ 4950/10. Л. 1, 1 об.

7. Ранее утро. – 1914. – 26 июля. – № 171.

I.P. Boykova

MILITARY SATIRE OF A. L. DUROV IN THE YEARS RUSSIAN-JAPANESE AND THE FIRST WORLD WAR

Annotation. The article contains information about the performances of the clown A.L. Durov in the cities of the Russian Empire during the Russo-Japanese and First World Wars.

Keywords: mass consciousness, satire, propaganda, image of the enemy.

УДК 94(47)

Е.В. Дроботушенко

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В КИТАЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.: СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ

Аннотация. В статье на основе архивных источников и имеющихся публикаций дается характеристика особенностей адаптации российского казачества к новым условиям жизни в эмиграции в Китае во второй четверти

войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, он закрепился в сознании современников, приобретая характер «послевоенного синдрома».

Источники и литература

1. Дневник участника Русско-японской войны (1904–1905) дивизионного врача В.П. Кравкова // Время и судьбы. Военно-мемуарный сборник. Вып. 1. – М., 1991. – С. 259–275.

2. *Дуров А.Л.* В жизни и на арене. – Воронеж, 1914.

3. *Жбанкова Е.В.* Образ иноземного захватчика в русском литературном творчестве // Россия и Запад: диалог культур. 3-я Междунар. конф. 28–30 нояб. 1996. – М., 1997.

4. Забияка. 1914. – 1 декабря. – № 14.

5. «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Материалы Междунар. науч. конф. / под ред. С.Н. Полторака. – СПб., 2001.

6. Открытка почтовая. Коллекция ВОКМ (Воронежский областной краеведческий музей) № по ГИК – ВОМ 4950/10. Л. 1, 1 об.

7. Ранее утро. – 1914. – 26 июля. – № 171.

I.P. Boykova

MILITARY SATIRE OF A. L. DUROV IN THE YEARS RUSSIAN-JAPANESE AND THE FIRST WORLD WAR

Annotation. The article contains information about the performances of the clown A.L. Durov in the cities of the Russian Empire during the Russo-Japanese and First World Wars.

Keywords: mass consciousness, satire, propaganda, image of the enemy.

УДК 94(47)

Е.В. Дроботушенко

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В КИТАЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.: СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЭМИГРАЦИИ

Аннотация. В статье на основе архивных источников и имеющихся публикаций дается характеристика особенностей адаптации российского казачества к новым условиям жизни в эмиграции в Китае во второй четверти

XX в. Отмечается, что, несмотря на смену среды, российскому казачеству удалось сохранить определенное единство. Более того, они объединялись в организации для осуществления совместной деятельности по помощи семьям казаков, оставшихся без кормильца, помощи инвалидам и сиротам войн. Казачество в китайской эмиграции активно контактировало с самыми разными общественными организациями военной направленности, сохраняя свои традиции и укрепляя российское эмиграционное сообщество в Китае.

Ключевые слова: казачество, русская эмиграция, Китай, Харбин, Шанхай, Союз казаков, станица.

История военных подвигов российского казачества отражена во множестве научных и научно-популярных публикаций. В то же время в этой истории есть страницы, которые сегодня освещены не полностью. Такой, по нашему мнению, является история российского казачества в эмиграции в Китае во второй четверти XX в.

Справедливости ради следует сказать, что определенные публикации по проблематике имеются – это статьи, диссертационные исследования, монографии как в целом по русской эмиграции в Китае, так и специальных по казачеству. Речь идет о трудах таких известных специалистов по этой теме, как Н.Н. Аблажей, Н.Е. Аргудяевой, Е.Е. Аурилене, И.В. Чапыгин, К.В. Фомин, Ян Сумэй и др. [1; 2; 3; 4; 5; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 26].

В то же время, несмотря на наличие научных и научно-популярных публикаций по истории российского казачества в Китае в эмиграции, сказать, что названные вопросы изучены и освящены в полной мере, вероятно, нельзя.

Предметом настоящего исследования являются особенности адаптации российского казачества к новым условиям в эмиграции в Китае во второй четверти XX в., черты сохранившихся традиционных устоев жизнедеятельности сословия.

На территории Китая, как известно, первые казаки появились еще во второй половине XVII в. Они были взяты в плен в Албазине и уведены в Пекин. Однако их было немного и говорить о серьезном казачьем присутствии в стране не приходится, тем более что со временем они ассимилировались [14, с. 415; 15, с. 16; 16 и др.]. На севере Китая казаки появлялись со второй четверти XIX в., осваивая новые земли [27, с. 8]. В начале 1920-х гг. в разных регионах Китая появились значительные казачьи сообщества.

В Китае было несколько центров русской эмиграции. Так или иначе (в том или ином объеме) с ними связано российское казачество. Наиболее «яркие» или крупные по количеству русских эмигрантов: Северный и Северо-Восточный Китай (Трехречье, Хайлар, г. Харбин, Мукден и Далянь), г. Шанхай, Синьцзян на западе страны.

На первый взгляд мы бы выделили две основных составляющих жизнедеятельности российского казачества в эмиграции в Китае во второй четверти XX в.: экономическая деятельность; участие в общественной и общественно-политической деятельности (это важно, поскольку жизнь казачества всегда протекала в сообществе, будь то казачье войско или казачья станица).

Знающий читатель спросит: «А как же участие в военной сфере? К примеру, в Синьцзяне на начальном этапе казаки активно участвовали в военных действиях. А Русский полк в Шанхае?». На наш взгляд, военная составляющая в жизни российского казачества в Китае в рассматриваемое время все же была незначительной. Участие в военно-общественных организациях отнесем к первому аспекту.

Оказавшись на чужбине в значительном количестве, представители российского казачества занялись самыми разными видами деятельности, однако, как и представителям иных сословий и социальных групп, им быстро стало понятно, что далеко не все находились и находятся в одинаковых, благополучных стартовых условиях. Требовалось объединение усилий для совместного решения возникавших задач (проблем).

На севере Китая в 1920-х гг. сформировались три большие группы казачьих поселений. Одна в так называемом Трехречье (реки Ган (Гана, Гану), Дербул (Дербулук) и Хаул (Хауле). В этом большом районе было 23 населенных пункта. Остальные два значительных района расселения забайкальских казаков по плотности значительно уступали первому. Это поселения вдоль тракта Якеши – Трехречье и поселения вдоль железной дороги [13, л. 16].

Архивные источники говорят о том, что казачество достаточно серьезно осело в названных районах, активно занималось сельским хозяйством, охотой. Росли деревни, строились церкви. Всему этому способствовал хороший климат региона.

Достаточно уверенно можно говорить о том, что казачество адаптировалось к новым для себя условиям, не потеряв своей идентичности. По сути, они сохранили традиции, как бытовые, так и сельскохозяйственные. Активной ассимиляции с местным китайским населением в рассматриваемое время не было. О какой-либо активной общественно-политической деятельности казачества на севере Китая в изучаемое время данных не выявлено.

Однако своеобразная идиллия продлилась не долго. На рубеже 1920–1930-х гг. на территорию были совершены карательные экспедиции красноармейских отрядов с территории Забайкалья. В результате были сожжены ряд деревень: Усть-Урга, Чанкир, Дамасово, Тынынхэ, Аргунский и Камара. Китайская сторона отправила для борьбы с карателями два полка. Произошло несколько боевых столкновений. Казачье население севера Китая стало уходить с насиженных территорий [7, л. 3; 10, л. 4].

Значительное казачье сообщество сформировалось в г. Харбине. О хозяйственной или экономической деятельности казачества в китайских городах говорить сложно по двум причинам. Говоря о предприятиях, принадлежащих на рассматриваемых территориях в то время русским эмигрантам, ни источники, ни исследователи серьезно не рассматривают к какому из сословий или какой из социальных групп относились владельцы. По отдельным персоналиям имеются биографические данные, но далеко не по всем. Вторая же причина очевидна. Основной функциональной обязанностью казачества было несение воинской службы. Наряду с этим – занятие сельским хозяйством. Ни первое, ни второе в городах, очевидно, было не применимо.

К 1923 г. перед казачьим сообществом г. Харбина встал вопрос об объединении. Одним из инициаторов процесса стал полковник Г.В. Енборисов, который подробно описал его в своих воспоминаниях. На первое собрание были приглашены представители всех казачьих войск, что находились на тот момент в г. Харбине: по три представителя было от Оренбургского, Сибирского и Амурского казачьих войск, два от Енисейского. Иные своих представителей не прислали, поскольку о происходившем не знали, их приняли в Союз позже [11, л. 112].

Одной из серьезных «болезней» русской эмиграции в Китае, как, впрочем, и в Европе, было отсутствие единства. Эмигрантские сообщества постоянно «разрывали» противоречия. Не обошли они стороной и казачество г. Харбина. Так, против атамана Е.Г. Сычева выступили амурские казаки. В Сибирском казачьем войске своих полномочий был лишен полковник Е.П. Березовский. Со временем возникли противоречия между полковником Г.В. Енборисовым и выступившими вместе против него генералом Е.Г. Сычевым и полковником Е.П. Березовским [10, л. 116]. Надеяться на то, что в подобной атмосфере можно было прийти к единству в решении насущных проблем, очевидно, не стоило.

Российское казачество г. Харбина, на наш взгляд, не красит попытка отдельных его лидеров сблизиться с японским командованием Маньчжоу-Го (Даманьчжоу-диго) [25, с. 100].

Таким образом, значительное казачье сообщество г. Харбина нашло в себе силы создать серьезную общественно-политическую организацию, но оно не смогло избежать противоречий.

Значительное количество казаков осело в г. Шанхае. Там находились казаки Дальневосточной казачьей группы генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова, которые «были разбросаны» по всему городу. Часть нашла себе службу, часть же была без каких-либо заработков. Достаточно много в г. Шанхае было забайкальских казаков. Часть из них, переданная атаманом Г.М. Семеновым в подчинение генерал-майору Оренбургского казачьего войска Н.С. Анисимову, были последними с парохода «Монгутай» высажены на берег [9, л. 10]

Казаки в г. Шанхае в 1925 г. объединились в «Западный казачий Союз» (по аналогии с «Восточным» харбинским). В его состав вошли казаки Забайкальского, Иркутского, Сибирского, Донского, Оренбургского, Смеречинского, Енисейского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. Были в городе и иные казачьи объединения, самостоятельные станицы Оренбургского, Сибирского и Амурского казачьих войск [9, л. 5].

Объединение казаков в г. Шанхае представляется более «крепким» по отсутствию серьезных противоречий, чем, к примеру, в казачьем сообществе г. Харбина. Казачьи организации активно участвовали в благотворительности, организовывали и проводили различные мероприятия. Об этом подробно пишется

в письмах Председателя Правления Казачьего Союза в Шанхае И.Н. Шендрикова. С ними можно ознакомиться в фонде Р-5963 «Казачий Союз в Шанхае. 1925–[1939]» Государственного архива Российской Федерации [8].

Можно констатировать, что казачество в г. Шанхае адаптировалось к новым условиях относительно не плохо, однако, как и везде, значительной была бедность представителей сословия.

В 1920 г. на западе Китая, в Синьцзян отступили вытесняемые Красной армией с территории советской России отряды атаманов А.И. Дутова и В.А. Анненкова. До прихода названных отрядов русские проживали в основном в Кульдже, Урумчи и Чугучаке. К ним добавился Суйдун, где находился штаб атамана А.И. Дутова [12, л. 81].

Четких данных о количестве среди прибывших представителей казачества нет. Да и сказать что-то особо вразумительное об их деятельности в регионе сложно. Это предопределено тем, что жили они, по сути, в военной обстановке.

Нет общей четкой картины и о представителях казачества в русских эмигрантских сообществах Мукдена, Дайрена и некоторых иных населенных пунктах Китая (Циндао, Чанчунь, Ханькоу и др.). Данные о них в источниках и публикациях отрывочны. Как пишет С. Смирнов, в 1927 г. в Мукдене создан «Совет представителей казачьих войск». В него входили казаки-уссурийцы, амурцы, забайкальцы, сибирцы, енисейцы и кубанцы. Современники о данной организации отзывались не самым лучшим образом [17, с. 57].

В Дайрене в начале третьего десятилетия XX в. находился атаман Г.М. Семенов. Там он возглавлял Дальневосточный Союз казаков [6].

Несмотря на отрывочные данные по российскому казачеству в ряде населенных пунктов Китая, очевидным является то, что оно пыталось встроиться в происходившие процессы, адаптироваться к новым условиям. Где-то это удавалось лучше, где-то хуже.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что ратная история российского казачества на полях сражений продолжилась во второй четверти XX в. в эмиграции в Китае. Продолжилась в новых условиях мира, но в чужой стране. Казачеству во многом удалось сохранить свою идентичность, несмотря на все перипетии. В новых

условиях ими была сделана попытка объединиться. Она удалась формально, поскольку далеко не все представители казачества влились в созданные организации. Между различными структурами были разногласия. Постоянно ощущалась нехватка в средствах.

Итогом жизненного пути российских казаков в Китае стал «Великий исход» в 1949 г. через филлипинский остров Тубабао в Южную, Латинскую и Северную Америку, Канаду и Австралию. Часть вернулась в СССР. Малая часть осталась в Китае. Их потомки постепенно ассимилировались, однако вплоть до сегодняшнего дня XXI в. сохранили свои традиции и обычаи, язык. Автор общался с такими на территории русской национальной волости Шивэй уездного горда Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия на севере Китая. Это территория того самого Трехречья, «Русского Трехречья» в Китае.

История оторванных от Родины казаков на китайской чужбине, несомненно, печальна. Как бы они не устроились на новом месте, это было далеко от родных земель.

Несмотря на наличие определенного количества научных и научно-популярных публикаций по истории российского казачества в эмиграции в Китае в XX в., представляется, что еще рано говорить о заполнении всех ее страниц. Очевидной является потребность в дальнейшем изучении названной истории, поиске новых, неизвестных ранее документов.

Источники и литература

1. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск, 2007.

2. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. – М., 2004.

3. *Адрианов И.К.* Дальневосточная казачья эмиграция в Маньчжурии в условиях японской оккупации [Электронный ресурс]. http://ist-konkurs.ru/raboty/2012/655-30-xx (дата обращения: 04.08.2024).

4. *Аргудяева Ю.В.* Русское население Трехречья [Электронный ресурс]. http://ostrog.ucoz.ru/publ/a/argudjaeva_ju_v/russkoe_naselenie_v_trekhreche/143-1-0-213 (дата обращения: 04.08.2024).

5. *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920–50-е гг.). – Хабаровск, 2003.

6. *Бурда Э.* Походный атаман Дальневосточных казачьих войск Григорий Михайлович Семенов. Часть 2 // Казачество Северного Кавказа.

[Электронный ресурс]. http://kazachestvokavkaza.com/publ/pokhodnyj_ataman_dalnevostochnykh_kazachikh_vojsk_grigorij_mikhajlovich_semenov_chast_2/1-1-0-176 (дата обращения: 04.08.2024).

7. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148.

8. ГАРФ. Ф. Р-5963. Оп. 1.

9. ГАРФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 15.

10. ГАРФ. Ф. Р-5871. Оп. 1. Д. 128.

11. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 334.

12. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 300.

13. ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 254.

14. *Павлов Г.* Казаки-албазинцы в Китае // Разведчик. – 1 мая 1901. – № 550. – С. 415–416.

15. *Петров В.П.* Албазинцы в Китае. – NewYork, 1956.

16. *Серебренников И.И.* Албазинцы. – Пекин, 1922.

17. *Смирнов С.В.* Русская военная эмиграция в Мукдене (1920–1945 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2019. – Т. 19. – № 2. – С. 55–60.

18. *Фомин К.В.* Адаптация казачества в Китае в 20-е годы // Китайской Народной Республике 50 лет: история и современность: тез. докл. и сооб. Междунар. науч. конф. 18–19 мая 1999 г. – Владивосток, 1999. – С. 33–37.

19. *Фомин К.В.* Казачьи поселения в Маньчжурии // Научные труды международной научно-практической конференции ученых РЭА, МАДИ (ТУ), МСХА, ЛГАУ 24–25 января 2001 г. – М. – Луганск, 2001. – С. 56–58.

20. *Фомин К.В.* Казачья эмиграция в Китае (1922–1931 гг.): дис. … канд. ист. наук. – М., 2004.

21. *Чапыгин И.В.* Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-е гг. // Наука и школа. – 2013. – № 4. – С. 173–176.

22. *Чапыгин И.В.* Казачий Союз в Шанхае: сохранение духовности и культуры в эмиграции // Известия лаборатории древних технологий. – 2016. – № 1(18). – С. 128–134.

23. *Чапыгин И.В.* Казачья эмиграция в Китае. – Иркутск, 2015.

24. *Чапыгин И.В.* Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920–1945 гг.) // История Белой Сибири. – Кемерово, 2009. – С. 275–281.

25. *Яковкин Е.В.* Русские солдаты Квантунской армии. – М., 2004.

26. *Ян Сумэй.* Казаки в истории российско-китайских отношений (XVII век – 1920 год) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 354–364.

27. *Янков А.Г., Тарасов А.П.* Русские Трехречья: история и идентичность. – Чита, 2012.

E.V. Drobotushenko

RUSSIAN COSSACKS IN CHINA IN THE SECOND QUARTER OF THE XX CENTURY: PRESERVATION OF TRADITIONS IN CONDITIONS OF EMIGRATION

Annotation. The article, based on archival sources and available publications, describes the peculiarities of adaptation of the Russian Cossacks to new living conditions in emigration in China in the second quarter of the XX century. It is noted that, despite the change of environment, the Russian Cossacks managed to maintain a certain unity. Moreover, they united in organizations to carry out joint activities to help families of Cossacks left without a breadwinner, to help the disabled and orphans of wars. The Cossacks in Chinese emigration actively contacted a variety of public organizations of a military orientation, preserving their traditions and strengthening the Russian emigration community in China.

Keywords: Cossacks, Russian emigration, China, Harbin, Shanghai, Union of Cossacks, stanitsa.

УДК 94(47).084.8:7.011(084.1)

Р.Л. Исхаков

ОРУЖИЕ, КОТОРОЕ БЬЕТ БЕЗ ПРОМАХА: САТИРА И ЮМОР НА ВОЙНЕ

Аннотация. В 1941 г. политуправлением Западного фронта был создан и до 1945 г. издавался журнал «Фронтовой юмор». Автор рассматривает смеховые практики в годы Великой Отечественной войны, участие гражданской и военной печати в их развитии. Впервые в научный оборот вводятся названия юмористических изданий, имена журналистов-сатириков.

Ключевые слова: феномен комического, чувство юмора, журнал «Фронтовой юмор», сатира и юмор, карикатура, Василий Теркин.

В годы Великой Отечественной войны советская карикатура, сатира и юмор сделали все, что могли, чтобы с честью оправдать высокое звание боевого оружия. Они вели сатирический огонь по врагу со страниц центральной и фронтовой печати, разили

E.V. Drobotushenko

RUSSIAN COSSACKS IN CHINA IN THE SECOND QUARTER OF THE XX CENTURY: PRESERVATION OF TRADITIONS IN CONDITIONS OF EMIGRATION

Annotation. The article, based on archival sources and available publications, describes the peculiarities of adaptation of the Russian Cossacks to new living conditions in emigration in China in the second quarter of the XX century. It is noted that, despite the change of environment, the Russian Cossacks managed to maintain a certain unity. Moreover, they united in organizations to carry out joint activities to help families of Cossacks left without a breadwinner, to help the disabled and orphans of wars. The Cossacks in Chinese emigration actively contacted a variety of public organizations of a military orientation, preserving their traditions and strengthening the Russian emigration community in China.

Keywords: Cossacks, Russian emigration, China, Harbin, Shanghai, Union of Cossacks, stanitsa.

УДК 94(47).084.8:7.011(084.1)

Р.Л. Исхаков

ОРУЖИЕ, КОТОРОЕ БЬЕТ БЕЗ ПРОМАХА: САТИРА И ЮМОР НА ВОЙНЕ

Аннотация. В 1941 г. политуправлением Западного фронта был создан и до 1945 г. издавался журнал «Фронтовой юмор». Автор рассматривает смеховые практики в годы Великой Отечественной войны, участие гражданской и военной печати в их развитии. Впервые в научный оборот вводятся названия юмористических изданий, имена журналистов-сатириков.

Ключевые слова: феномен комического, чувство юмора, журнал «Фронтовой юмор», сатира и юмор, карикатура, Василий Теркин.

В годы Великой Отечественной войны советская карикатура, сатира и юмор сделали все, что могли, чтобы с честью оправдать высокое звание боевого оружия. Они вели сатирический огонь по врагу со страниц центральной и фронтовой печати, разили

агитационными плакатами, «окнами ТАСС», поднимались красочными плакатами на перекрестках военных дорог, рассыпались дождем листовок.

Ни одна эстетическая категория не привлекала к себе большего внимания философов и теоретиков искусства, чем комическое, – от Аристотеля до Канта, Фрейда и Юнга. О смехе писали и крупнейшие отечественные гуманитарии и литературоведы. Постоянный интерес к проблеме комического проявляли формалисты Б.М. Эйхенбаум [56], Ю.Н. Тынянов [44], А.Л. Слонимский [42], Н. Крынецкий [25], В.В. Гиппиус [10]. Второй поток литературы о комическом был вызван политической кампанией 1952 г., когда прозвучал призыв к оживлению сатиры [16; 57; 45; 4; 8; 9; 18; 36, с. 161–168; 17, с. 23–38; 40, с. 72–80; 15; 21; 23; 35]. И наконец, третий поток работ последовал после публикации книги М.М. Бахтина [2; 4; 22; 39; 27; 28; 33; 34; 6].

Первая, самая общая публикация по выбранной нами теме была представлена в справочнике С.И. Стыкалина и И.К. Кременской по юмористическим, сатирическим журналам и газетам, издававшимся в СССР в период с 1917 по 1963 г. [43]. Собранный ими богатый и разнообразный материал о сатирико-юмористических изданиях, выходивших в нашей стране в этот период, далеко выходит за рамки поставленной авторами задачи и, по сути дела, представляет собой своеобразную и интереснейшую антологию советской сатирической периодики.

Давно замечено, что люди любят посмеяться. Даже когда им, казалось бы, не до смеха, они способны улыбнуться, поговорить, поднять свое и чужое настроение веселой меткой шуткой. Выбранная нами тема понятна россиянам. Абсолютное большинство считает, что у них есть чувство юмора. Об этом свидетельствуют данные социологического исследования, которое провело агентство «Вебер»[1]. Согласно результатам опроса, 98 % россиян утверждают, что обладают чувством юмора. Так, 94 % шутят, общаясь с другими людьми, причем 48 % делают это часто. Респонденты отмечают, что

[1] Почти 100 % опрошенных россиян считают, что обладают чувством юмора. [URL] https://tass.ru/obschestvo/20405469 (дата обращения: 01.04.2024).

у большинства (76 %) людей, с которыми им приходится общаться, тоже есть чувство юмора. При этом 58 % считают, что их чувство юмора находится на таком же уровне, 27 % полагают, что их чувство юмора развито лучше, а 7 % – хуже. Опрошенные также подчеркнули, что им важно, чтобы их муж или жена (83 %), друзья (82 %) и партнер в отношениях (73 %) обладали чувством юмора. Немного реже опрошенным важно, чтобы чувством юмора были наделены их родственники (63 %), коллеги (57 %) и соседи (35 %).

Центральный музей Великой Отечественной войны в 2021 г. провел целую серию передвижных художественных выставок военной сатиры [41]. Сатира в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. играла большую роль не только в искусстве, но и в жизни страны. Она воодушевляла наших людей на фронте и в тылу, укрепляла веру в Победу. Гитлеровцы оценили силу советской сатиры. Они внесли карикатуристов в черный список деятелей советской культуры, чтобы потом уничтожить их.

Во время войны сотнями выпускались юмористические плакаты, художники рисовали сатирические карикатуры, открытки и листовки. Солдаты и гражданские постоянно придумывали анекдоты, дразнилки, юморески, басни и стихи. Большинство из них дошли и до нас. «Смеясь, мы забывали об угрозе смерти, которая ежечасно нас подстерегала, становилось легче жить, появлялись оптимизм и вера», – говорил артист и фронтовик Юрий Никулин [7].

Этот аспект анализа Великой Отечественной войны находит отражение не только в литературе, но и у ученых и публицистов. Первое рассмотрение темы состоялось еще в 1942 г. [47]. Г.А. Янковская в статье «Улыбка в стиле милитари» подготовила ретроспективный взгляд [58]. Исследователи Н.В. Чернова и Н.Н. Макарова рассмотрели в статье «Смеховые практики в годы Великой Отечественной войны на страницах газеты «Магнитогорский рабочий» [55, с. 172–184], а также Д.К. Вейн [5, с. 63–67], кандидат искусствоведения (МГУ) В.Н. Вирен [47], писатель-историк, социолог и публицист, постоянный автор и редактор Федерального портала История.РФ Владимир Иванов [43], историк-исследователь, автор сайта «Интернет-музей фалеристики и униформологии» Н. Москалев [31; 32], Г.Л. Демосфенова [14], Б.Е. Ефимов [19], А. Каменский [26].

Фронтовики исследовали сатирические иллюстрации. Так, редактор красноармейских газет «Вперед на врага» и «Армейская правда» 60-й армии, зав. кафедрой в театральном училище им. Щукина, майор запаса А.П. Панфилов собрал внушительную коллекцию сатирических рисунков [30, с. 426]. Сотрудник газеты «За счастье Родины» 2-й армии Дальневосточного военного округа, старший преподаватель факультета журналистики УрГУ, старший лейтенант запаса В.А. Чичиланов подготовил диссертацию «Сатирическая графика в фронтовых газетах периода Великой Отечественной войны» [20, с. 76, 94].

Юмор на Великой Отечественной войне стал предметом рассмотрения в публикациях Д. Беликова [3], Н. Москалева [31; 32], И. Плугатарева [37], Н. Головкина [11]. С 2018 г. ведется сайт «Фронтовые байки… Смех сквозь пули» [48].

Война и юмор, казалось бы, – вещи крайне несовместимые. Тем удивительнее знать, что в самое суровое для Советского Союза время, в ходе невероятно тяжелой, критической битвы за Москву, в ноябре 1941 г. вышел первый номер военно-сатирического журнала политуправления Западного фронта «Фронтовой юмор».

Он продолжил традицию сатирического журнала «БОВ (Боевой отряд весельчаков)». Единственный номер журнала «БОВ» вышел в апреле 1921 г. в Москве. Отпечатан на 24 страницах, с одноцветными и многоцветными иллюстрациями. Тираж – 15 тыс. экз. Организация и выпуск в свет были связаны с именем В.В. Маяковского, который был не только инициатором этого издания, но и одним из наиболее активных его авторов и художников. Вокруг журнала объединились литераторы и художники, активно работавшие в эту пору вместе с Маяковским над выпуском «окон» сатиры РОСТА. «БОВ» явился преемником лучших традиций, выработанных советскими сатириками – агитаторами РОСТА в годы Гражданской войны. В литературном отделе «БОВ» приняли участие П. Ашевский, В. Каменский, Н. Фольбаум (Жакасс) и др. Рисунки выполнены художниками В. Дени, Н. Когоутом, И. Малютиным, Д. Моором, М. Черемных и др. Обложка журнала оформлена В. Маяковским.

В последующем журнал «Фронтовой юмор» выпускался строго периодически, и в 1944 г. издание унаследовал 3-й Белорусский

фронт, который переименовали в Западный. В 1941 г. фронтом командовал генерал армии – будущий Маршал Победы Г.К. Жуков.

Журнал «Фронтовой юмор» остался энциклопедически лаконично рассмотренным в этом справочнике [43]. Издание было представлено так: «Сатирико-юмористический журнал. Издавался политуправлением Западного фронта в 1941–1945 гг. Печатался на 8–16 стр. Хорошо иллюстрировался. Первый, ненумерованный, выпуск появился в июле 1941 г. За годы войны всего вышло 48 выпусков сатирического издания. Регулярно начал выходить с ноября 1941 г. В 1941 г. вышло 4 номера, в 1942 – 17, в 1943 – 12, в 1944 – 12, в 1945 – 6 номеров».

Программа изложена в обращении редакции к читателям журнала – бойцам, командирам и политработникам: «Наш журнал, рожденный в суровые дни борьбы с фашистскими захватчиками, призван острым словом и разящим рисунком разоблачать зверское лицо гитлеровских убийц, помогать воинам нашего фронта истреблять всех до единого немецких оккупантов». В редакционной статье говорилось: «“Фронтовой юмор” призван бодрить наших славных воинов, повышать их боевой дух, вселять в них жизнерадостность, смелость и уверенность в победе над фашистскими варварами. Журнал будет печатать творчество бойцов, командиров и политработников нашего фронта. Шлите нам фельетоны, частушки, пословицы, поговорки, басни, карикатуры, темы для них» [43].

Редактировали журнал «Фронтовой юмор» П.Б. Банник, М.С. Коган, Т.В. Миронов, М.Р. Слободской, Л.Л. Шапиро.

Полковой комиссар Банник Павел Борисович (1904 – ??), начальник отдела пропаганды и агитации политуправления Западного фронта. В РККА с 1932 г. Был начальником политотдела 62-й армии 2-го Украинского фронта. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени (1944), Красного Знамени (1944, 1953), Богдана Хмельницкого 2-й степени (1944), Красной Звезды (1947), медалями «За боевые заслуги» (1944), «За оборону Москвы» (1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945) [53; 52; 54; 49].

Майор Коган Моисей Соломонович редактировал журнал с декабря 1942 г. [43; 38]. Родился 19 марта 1910 г. в Орловской

области. В РККА с ноября 1933 до 1934 г. и с сентября 1939 г. Место призыва: Советский РВК, г. Москва. Член ВКП(б). Участник похода в Западную Белоруссию, в 1940 г. участник боев с белофиннами на Карельском перешейке. Участник Великой Отечественной войны. С июня 1941 г. инструктор по печати политуправления, обеспечивал все издания Западного фронта. Был инициатором и по существу организатором журнала «Фронтовой юмор», организовал привлечение выдающихся художников страны (Горяев, Кукрыниксы, Бродаты). Был тесно связан с армиями и соединениями. В августе – сентябре 1943 г. работал в 33-й и 32-й армиях, организовал на месте выпуск сатирических листков. Во время боев находился в дивизиях и частях. Автор известного письма 7 апреля 1946 г. в Государственный исторический музей с краткой историей журнала [12, с. 1–5, 248–255]. После окончания войны политуправлением 3-го Белорусского фронта был привлечен к организации выставки «Боевой путь фронта». Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени (1945), Красной Звезды (1943), медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Миронов Тимофей Васильевич (род. в 1907 г., с. Луки Жлобинского р-на Гомельской обл.) – ответственный редактор газеты «Красноармейская правда» Западного фронта и «Фронтовая правда» 2-го Белорусского фронта, бригадный комиссар. В РККА с 1928 г., участник боев на оз. Хасан (1938). Участник Великой Отечественной войны. Когда началась война, кадровый военный, бригадный комиссар был назначен редактором газеты «Красноармейская правда». Мобилизовал трудовой коллектив на своевременный выпуск газеты в трудных условиях. Он сам неоднократно выезжал на передовые позиции и на месте учил своих коллег и одновременно помогал другим армейским газетам. В 1942–1943 гг. организовал выпуск газеты на узбекском, туркменском, таджикском и казахском языках. В составе Западного фронта, а с апреля 1944 г. 2-го Белорусского фронта дошел до Кенигсберга. Член ВКП(б) с 1928 г. Награжден орденами Красной Звезды (1942, 1944), Отечественной войны 1-й степени (1943), Красного Знамени (1945, 1950), медалью «За оборону Москвы».

Слободской Морис Романович (30.11(13.12) 1913, Санкт-Петербург – 06.02.1991, Москва) в годы Великой Отечественной войны

выпускал «окна ТАСС», военный корреспондент газеты Западного фронта, затем – 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда», издавал приложение к газете как мини-«Крокодил». Публиковал рассказы и фельетоны, в том числе главы повести «Новые похождения бравого солдата Швейка», также поставленной в виде пьесы. Первые шаги в журналистике вместе с Всеволодом Иорданским делал в газете «Подмосковный гигант» (сейчас «Новомосковская правда») в Бобриках (ныне Новомосковск Тульской области). Литературную деятельность начал в 1935 г. как фельетонист. Автор водевилей, комедий и обозрений. Сценарист-комедиограф игрового и анимационного кино. Начиная с 1945 г. (с пьесы «Факир на час») на протяжении 18 лет работал в соавторстве с В.А. Дыховичным. В это время были созданы «Человек с того света», «Воскресенье в понедельник», «200 тысяч на мелкие расходы», «Ничего подобного», «Женский монастырь» и другие пьесы, сатирические стихи, пародии, фельетоны. Помимо пьес творческим дуэтом Дыховичный – Слободской были написаны и другие эстрадные произведения в различных жанрах для пародийного театра «Синяя птичка», Московского театра миниатюр, Театра эстрады. Среди них как отдельные эстрадные номера, так и целые эстрадные программы – «Вместо концерта» для А.И. Шурова и Н.Н. Рыкунина (1953), «Вот идет пароход» для театра сада «Эрмитаж» (в соавторстве с Б.С. Ласкиным, 1953), «Кляксы» для М.В. Мироновой и А.С. Менакера (1960), пьесы для Московского мюзик-холла «Москва-Венера, далее везде…» (1961) и «Тик-так, тик-так» (1962), водевиль «Гурий Львович Синичкин» (1963) для Ленинградского театра комедии. Совместно с Я. Костюковским написал сценарии трех самых знаменитых комедий Л. Гайдая: «Операция Ы и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница» и «Бриллиантовая рука». Член ВКП(б) с 1943 г. Член Союза писателей СССР (1938). Награжден орденами Красной Звезды (1942), Отечественной войны 2-й степени (1944, 1945), «Знак Почета», медалями «За оборону Москвы» и др.

Шапиро Лазарь Львович (13.06.1905, Гомель – 27.05.1991, Минск) в годы Великой Отечественной войны был ответственным секретарем журнала «Фронтовой юмор» политуправления Западного фронта (1941–1942), корреспондентом газеты «Сталинский патриот» (1942–1945). Из семьи рабочего. В 1918–1920 гг. работал в Гомеле

на заводе «Чырвоны хімік». Окончил среднюю школу (1926). Работал заведующим агитпрома райкома комсомола. С 1927 г. в Красной армии. После войны на библиотечной работе, в 1948–1953 гг. – начальник библиотеки Дома офицеров. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями. Печататься Л. Шапиро начал в 1929 г. Первый рассказ «Винтики» (в переводе В. Макарова) вышел в 1931 г. Жизнь Красной армии показана в его повести «Кипучие дни» (журнал «Напагатове»), пьесе «Рожденная летать» (в газете «Боевые крылья», 1961). Работая во фронтовых газетах, он написал около 300 очерков и рассказов о летчиках, воинах Красной армии. Автор сценария документального фильма «На страже Родины». Член СП Беларуси с 1942 г. Писал на русском и белорусском языках.

Первый номер журнала «Фронтовой юмор» был составлен из произведений таких сатириков-литераторов, как Н. Колесников, С. Маршак, А. Раскин, М. Слободской, Н. Тихомиров и др. Рисунки исполнены В.Т. Айвазяном, А.П. Бубновым, К.А. Вяловым, В.А. Демидовым, К.С. Елисеевым, К.С. Ипатовым, С.П. Костиным, Д.И. Мельниковым, Г.Г. Нисским, В.Е. Памфиловым, Н.Э. Радловым, А.А. Сапожниковым, П.П. Соколовым-Скаля, А.А. Суворовым, А.В. Титовым, К.И. Финогеновым, П.М. Шухминым.

В последующих номерах принимали участие И. Арамилев, Д. Бедный, С. Васильев, Н. Вержбицкий, В. Гранов, М. Григорьев, В. Дыховичный, Н. Ерохин, А. Захаров, М. Исаковский, Л. Каллистратов, Я. Колас, Н. Коварский, Л. Котомка (В. Зеленский), К. Крапива, В. Лебедев-Кумач, М. Левитин, К. Михайлов, И. Молчанов, М. Пасынок, М. Пустынин, А. Резапкин, Г. Рыклин, Н. Рыленков, И. Рябов, Н. Сиротинин, М. Соболь, М. Соколов, Ц. Солодарь, А. Стоврацкий и др.

В художественном отделе сотрудничали А. Амальрик, А. Баженов, Л. Бродаты, О. Верейский, Н. Головин, А. Гончаров, В. Горяев, Н. Денисовский, Е. Евган, А. Каневский, Б. Клинч, С. Костин, Н. Котов, Кукрыниксы, В. Медведев, В. Милашевский, В. Минаев, А. Мякинин, П. Островский, Д. Циновский и др.

В 1944 г. публикуются «Забавные картинки из альбома художника-весельчака Аполлона Кузьмича Семицветова-Таракашкина», представляющие дружеские зарисовки на темы фронтовых буден.

В 1943–1944 гг. выездными редакциями (бригадами) журнала совместно с редакциями газет отдельных соединений выпускались сатирико-юмористические «Листки журнала ”Фронтовой юмор”». Печатались они на четырех страницах, с цветными иллюстрациями, имели самостоятельную нумерацию, но выпускались нерегулярно, с большими перерывами. Первые четыре номера «Листка» делались совместно с редакцией армейской газеты «На врага» и вышли 16–21 марта 1943 г. Следующий, пятый номер, подготовленный с помощью редакции армейской газеты «Красноармейская правда», увидел свет в июле 1944 г.

«Листок» заполнялся преимущественно рисунками и карикатурами, снабженными короткими подписями. Широко отражались боевые будни фронта, подвиги бойцов и командиров. В сатирическом отделе «Шприцем по фрицам» осмеивалось неоднократно битое фашистское воинство.

В выпуске «Листков журнала “Фронтовой юмор”» принимали участие литераторы К. Михайлов, С. Родионов и др., художники В. Горяев и М. Тартушкин, а также бойцы, командиры и политработники частей и подразделений.

Политуправление Карельского фронта в мае – сентябре 1942 г. издавало сатирический журнал «Сквозняк» [43]. Печатался на восьми страницах, с одноцветными иллюстрациями, без указания места издания. Вышло семь номеров. Редактор – батальонный комиссар М.Е. Левитин.

В журнале находило отражение положение дел на Карельском фронте. Осмеивалась хвастливая фашистская пропаганда с ее широковещательными заявлениями о молниеносном разгроме Красной армии и победоносном завершении войны. Особенно много насмешек – по адресу фашистской пропаганды, объясняющей поражение немецких войск в зимней кампании русскими морозами.

Использовались различные средства сатиры и юмора. Имелись сатирические отделы и рубрики «И в хвост, и в гриву», «Говорит Геббельс», «Торговые объявления», «Карельские ягодки (музей «Сквозняка»)», «О Геббельсе – фашистской сороке и Кировской ж.д.», «Артчастушки», «Заполярные частушки» и др.

Из номера в номер в журнале «Сквозняк» печатались полные остроумия и жизнеутверждающей силы письма красноармейца

Кости Перцова, рассказывающие о положении на фронте борьбы с белофиннами и фронтовых буднях. Иной характер носила другая сатирическая маска-образ – финского солдата Эрно Отощайнена, в записках которого, полных безысходного пессимизма, рассказывалось о настроениях в финской армии. Под рубрикой «Совершенно секретно» публиковались сообщения так называемого «бюро секретной переписки немецких и финских штабов, офицеров и солдат», в которых «союзники» обменивались «секретами» своих неудач в войне с Советским Союзом. Использовались и такие формы сатиры, как пародийные листки и бюллетени.

В «Боевом листке журнала «Сквозняк» (Без отрыва от войны)» преследовались иные цели. Здесь речь шла главным образом о боевой и политической подготовке красноармейцев. Осмеивались командиры Формалистиковы, предпочитающие боевым стрельбам бесконечные занятия по матчасти, показывались подвиги красноармейцев. Постоянно звучал призыв совершенствовать боевую выучку, овладевать боевой техникой, быть беспощадными к фашистским захватчикам.

В литературном отделе сотрудничали И. Булгаков, В. Владимиров, Т. Волынский, И. Гагарин, И. Задоров, И. Заходер, Б. Кежун, А. Коваленков, М. Левитин, Л. Марков, П. Николаев, С. Третьяков и др. Рисунки исполнялись художниками В. Гембачевым, И. Гинзбургом, Б. Ивановым, А. Короткиным, М. Медведевым, С. Осауленко, О. Сергеевым и др. Как в литературном, так и в художественном отделе активное участие принимали красноармейцы, сержанты и политработники частей фронта.

Красноармейская газета «Боевой путь» издавалась в 44-й стрелковой Чудовской Краснознаменной дивизии. Это соединение воевало в составе Ленинградского, Волховского, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. Рубрика с солдатским юмором не раз меняла свое название: «Штык в бок», «Коротким – коли», «Берем на мушку», «Бойцы смеются», «Красноармейский юмор». Материалы этих рубрик, публикуемые в «Боевом пути», были выражены в разных формах – проза, стихи, карикатура.

Стихотворные фельетоны Леонида Браусевича и Александра Бычкова публиковались в красноармейской газете 1-й (Кировской) дивизии народного ополчения Ленинградской армии народного

ополчения (ДНО ЛАНО, Ленинградский и Северо-Западный фронты) «За Советскую Родину». Л. Браусевич и А. Бычков помещали здесь злободневные «Красноармейские частушки», из номера в номер вели стихотворный фельетон «Наш приятель Ф. Курков», продолжения которого с нетерпением ожидали читатели.

Особым успехом у военнослужащих и мирного населения пользовался в газете «Красный черноморец» отдел юмора и сатиры «Рында». С 1939 г. в этом разделе работали репортеры А. Сальников, П. Афонин, Я. Яшин, А. Баковиков, А. Красовский, Д. Рымарев. В июле – октябре 1941 г. редакцию пополнили писатели Г. Гайдовский, П. Гаврилов, А. Жаров, В. Ряховский, И. Ивич, А. Явич, Л. Лагин, поэт Л. Длигач и художники-карикатуристы Л. Сойфертис, К. Дорохов, Ф. Решетников. Лучшие материалы отдела сатиры и юмора передавались по Всесоюзному радио, а в 1942 г. редакция газеты выпустила первый сборник сатирических публикаций «Рында».

Сатирическое издание «Гангут смеется» выпускал начальник партотдела редакции газеты «Красный Балтийский флот» политуправления Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) А. Эдельштейн. Редакция газеты «За свободную Беларусь» в 1942–1943 гг. выпускала сатирический листок «Партызанская дубінка». Руководил солдатским театром гротеска и буффонады, в котором красноармейцы ставили юмористические сценки, организатор кинопоездов и фронтовых киногрупп А. Медведкин.

В течение всей войны выходил и главный орган советской сатиры – журнал «Крокодил». В первые, самые тяжелые месяцы войны шутить получалось непросто. В последнем номере журнала «Крокодил» за 1941 г., который вышел в конце ноября, есть карикатура на первой странице: суровый мужик в рабочей одежде жжет горелкой тараканов со свастиками на спинках. Подпись призывает: «Истребим пруссаков в Советском доме». Открывает номер фельетон «В бабьем чепце» главного редактора журнала Г. Рыклина – история взятого в плен немецкого ефрейтора Михеля, который напялил на себя бабьи платки и жакетки, потому что холодно. Все время обыгрывается тема морозов. Уже в 1942 г., впрочем, общий настрой в «Крокодиле» меняется, становится более оптимистическим. К 1943 г. «юмористическая армия» развернула наступление по всем фронтам и только наращивала свою мощь.

Появлялись новые формы. Уже в 1944 г., когда счет освобожденным деревням и городам пошел на сотни, когда во фронтовых листках публиковалась переделка «Яблочка» с такими строками: «Эх, яблочко, нет румянее. Скоро с «Яблочком» пойдем по Германии». На страницы юмористической прессы возвращается совсем уже мирная тематика.

В создании юмористического контента принимали участие известные советские писатели и журналисты. Ираклий Андроников (1908–1990), с 1930 г. сотрудник юмористических ежемесячного журнала для самой младшей возрастной группы читателей «Чиж» («Чрезвычайно интересный журнал», 1930–1941) и журнала для школьников пионерского возраста «Еж» (аббревиатура от Ежемесячный Журнал), на войне был литературным сотрудником газеты «Вперед на врага» на Калининском фронте (1942), публиковался в газете Закавказского фронта «Боец РККА».

В годы Великой Отечественной войны Самуил Маршак активно работал в жанре сатиры, публикуя стихи, статьи и пьесы в «Правде» и «Красной звезде», создавая плакаты в содружестве с Кукрыниксами («Окна РОСТа») [29].

Белорусский писатель Кондрат Крапива (настоящее имя Кондрат Кондратьевич Атрахович) в начале войны печатался во фронтовой газете «За Советскую Беларусь», в «Красноармейской правде». В 1943–1945 гг. редактировал сатирическую газету-плакат «Раздавим фашистскую гадину». В 1945–1947 гг. – редактор журнала сатиры и юмора «Вожык».

Произведения советского писателя Леонида Соболева, направленного в распоряжение политуправления КБФ в Таллине, проникнуты интересом к человеку, отмечены характерным «флотским юмором». С приходом в газету «За Родину» Северо-Западного фронта Михаила Матусовского (1915–1990) удалось наладить юмор в газете, он написал несколько глав поэмы «Горестные приключения Курта Шнапса в России», печатает поучительные стихи «Братья-пулеметчики», дает стихи под карикатурами.

Литературный сотрудник газеты «Краснофлотец» на Северном флоте Николай Флеров (1913–1999) в 1942–1945 гг. вел в газете отдел юмора и сатиры, писал фельетоны в стихах с подписью «Боцман Захар Авралов». 1 января и 24 февраля 1943 г. его усилиями были

опубликованы две страницы юмора под заглавием: «Новогодний концерт. Главный распорядитель и конферансье – Захар Авралов» и «Цирковая программа Захара Авралова».

Борис Яглинг (1909–1948) в военные годы работал в редакциях североморских многотиражных газет «В атаку», «Краснофлотец». Не раз ходил на подводных лодках. Для экипажа он выпускал стенную газету и вывешивал ее в отсеке вместе с юмористическим приложением – «Приключения “Щукаря”».

В конце 1941 г. поэт, литературный консультант газеты «Пионерская правда» Елена Ширман (1908–1942) была назначена редактором боевого сатирического листка «Прямой наводкой». В этой газете печатались ее стихи, частушки, фельетоны.

В армейской печати публиковались очерки, стихи, песни, частушки военкора Бронислава Кежуна (1914–1984). Он писал юморески, басни и фельетоны для сатирического отдела газеты «Бей без промаха» и журнала «Сквозняк», выходившего на Карельском фронте («Веселая азбука от А до Я: пародии», 1960).

Летчик-ас Иван Романенко[1] так вспоминал наставления командиров ВВС Балтийского флота: «Стреляйте так, как стреляет своими стихами Браун». Советский поэт Николай Браун с первых дней войны был направлен в распоряжение политуправления Балтийского фронта (Таллин), получил назначение в газету «Красный Балтийский флот». Обладал юмором высокого класса, умел поднять дух людей. На ходу сочинял песни, куплеты. Выступил автором гимна морской авиации.

Активно сотрудничали военкоры. В журнале использовалось творчество бойцов, командиров и политработников. Считалось, что журнал должен поднимать боевой дух, вселять жизнерадостность, смелость и уверенность в победе над фашистскими варварами. Он был заполнен фельетонами, частушками, пословицами и карикатурами. Именно в те годы нашло подтверждение изречение «Когда противник смешон, он не так страшен».

---

[1] Романенко Иван Георгиевич (1908–1994) – советский летчик-истребитель и военачальник, участник советско-финляндской, Великой Отечественной и советско-японской войн, Герой Советского Союза (1940). Генерал-лейтенант авиации (1959).

Особое место на войне принадлежало меткому солдатскому слову. Только шутка подчас могла мобилизовать бойца, помогала уберечься от паники и слабости. «И русский говорит «гут», когда немцы бегут», «Чем глубже в лес, тем хуже для эсэс», «К нам на танках, а от нас на санках» – так говорили на Западном фронте осенью 1942 г.

«Василий Теркин» (Книга про бойца) – солдатская поэма Твардовского, созданная на фронтах Великой Отечественной войны в 1942–1945 гг. Большое эпическое произведение в стихах о «Васе Теркине», неизменно преуспевающем бойце финской кампании, как был он представлен на страницах газеты «На страже родины» Ленинградского военного округа, – задумано Твардовским в 1940 г. Там, на Карельском перешейке, в условиях суровой зимы и трудной войны, поэт открыл для себя мир простых людей, выполнявших нечеловечески трудную боевую работу. «Мне открылся новый, необычайно суровый и вместе с тем очень человеческий, дружный и радостный мир. Я рад, что он стал доступен и понятен мне. Красную Армию я полюбил так, как до сих пор любил только деревню, колхозы. И, между прочим, очень много схожего. Мне кажется, что армия будет второй моей темой на всю жизнь», – писал поэт.

Первый раз Вася Теркин появился в газете «На страже Родины», как один из ее корреспондентов. Именно таким именем был подписан сатирический фельетон «Сивый мерин в своем репертуаре». Случилось это благодаря дежурившему в тот момент Н. Щербакову, который заменил с одобрения ответственного редактора «На страже Родины» Д.С. Березина фамилию автора фельетона Кауфман на «более звучащую» Теркин.

В номере за 31 декабря 1939 г. был помещен портрет Васи Теркина. Здесь же сообщалось: «Специальный корреспондент нашего отдела «Прямой наводкой» Вася Теркин, пребывающий на передовых позициях, готовит материал, который будет печататься у нас в ближайшее время. Кстати, помещаем последний портрет Васи Теркина». На рисунке изображен лукаво улыбающийся боец в буденовке, перепоясанный ремнем. За плечами у него винтовка, карандаш и кисть художника. Эту публикацию и следует считать рождением легендарного героя. За время советско-финляндской войны вышло около 30 публикаций о Васе Теркине.

Среди бойцов всегда ценились свои «Василии Теркины», о чем свидетельствует бытовавшая во время войны поговорка: «Кто в отряде людей веселит, за того весь отряд стоит».

К 1943 г. «юмористическая армия» развернула наступление по всем фронтам и только наращивала свою мощь. С января 1942 г. вводится сатирическая маска удалого красноармейца разведчика Игната Сметкина, донесения которого о выполнении различных боевых задач печатаются из номера в номер. У каждой газеты Карельского фронта и Северного флота периода Великой Отечественной войны имелся и свой уголок юмора, и свой сатирический герой: Фома Смыслов – у «Часового Севера», Корней Эсминкин – у «Краснофлотца», ефрейтор Калистрат – у «Североморца», Иван Загребный – у «Северной вахты», Савелий Полубаков – у «Залпа».

Из публикаций на страницах военных газет, из боевых киносборников сошли на построение в единую шеренгу весельчаков боец Василий Теркин, разведчик Игнат Сметкин, художник Аполлон Кузьмич Семицветов-Таракашкин, повар Антоша Рыбкин [1].

По поэтическому «приказу» поэта Алексея Суркова в строй весельчаков встал Гриша Танкин [24], выдуманный герой, собирательный образ русского бойца. Он стал постоянным персонажем в газете «Красноармейская правда», за его приключениями следили солдаты Западного фронта. Так был создан цикл стихов-фельетонов о сметливом и веселом герое: «Как Гриша Танкин фашистов перехитрил», «Гриша Танкин в дозоре», «Как Гриша Танкин вражеского мотоциклиста перехитрил» [13]. А. Сурков создал на страницах газеты образ героя-бойца. Мужественного, сметливого, рачительного. Строчки из поэмы А. Суркова «Как Гриша Танкин фашистов обманул» вошли в книгу «Фронтовой фольклор» (1944): «Сорок немцев, двое нас и смекалка про запас». Систематически рассказывал о его ратных подвигах стихами. Давал ему слово для поучения трусов, болтунов, незнаек и зазнаек. Поэт шел от опыта армейской газеты, в которой работал во время финляндской кампании. В ней таким героем был Вася Гранаткин. Он пользовался у фронтовиков большой популярностью. Ему даже адресовали письма, считая реально существующим лицом.

В журнале «Фронтовой юмор» имелись постоянные сатирические отделы и рубрики: «Осколки», «Пой, пташечка, пой!», «Красноармейские частушки», «С подлинным скверно», «Наш объективный взгляд», «Пословицы и поговорки», «Задачник», «Вести из берлоги», «Пункт сбора донесений», «Пестрые рассказы» и др. Не меньшим спросом пользовались и разделы фронтовых газет, где печатались всевозможные анекдоты, частушки, басни, сатирические и юмористические миниатюры и веселые карикатуры.

Свой вклад в сатирическую копилку внесли и советские художники.

Карикатуры печатались в журнале «Красноармеец». В числе оформителей были видные художники страны. В газете Северного флота «Краснофлотец» к концу 1943 г. было опубликовано более 500 карикатур художника-графика газеты Наума Цейтлина (1909–1997).

То добродушно-шутливые, то беспощадно-язвительные карикатуры рисовал для журнала «Фронтовой юмор» художник газеты Западного фронта «Красноармейская правда» Орест Верейский (1915–1993), никогда ранее не бывший карикатуристом. По газете известен снайперски меткими в своем лаконизме зарисовками военной жизни.

Ответственным секретарем и художником журнала «Фронтовой юмор» был Андрей Гончаров (1903–1979), главный художник выставки «Политработа в частях 3-го Белорусского фронта». До конца войны ответственным секретарем и художественным редактором журнала «Фронтовой юмор» был Виталий Николаевич Горяев.

В 1943–1944 гг. выходили также «Листки журнала “Фронтовой юмор”» с цветными иллюстрациями, которые отражали будни фронтовой жизни. Гончаров рисовал по одной-две карикатуры в каждый номер «Фронтового юмора» и на протяжении всей войны делал жанровые рисунки с натуры. Сотрудником журнала «Фронтовой юмор» был советский художник-карикатурист Евгений Евган (наст. фамилия – Рапопорт). Художник журнала «Фронтовой юмор» Николай Радлов (1889–1942) в годы войны был одним из создателей «Окон ТАСС». До войны в творческом содружестве с писателем Михаилом Зощенко он издал сборники юмористических рисунков «Веселые проекты» (1928) и «Счастливые идеи» (1931).

Участник выпусков фронтового юмора Николай Игнатьев в наградном листе отмечен как фронтовой художник выпусков серии «Фронтовой карандаш». Плакаты и рисунки Игнатьева помещались в отдельных изданиях политуправления КБФ, многотиражных газетах соединений. Его плакаты использовались на фронтовых дорогах на больших щитах.

Уже после войны на страницах журнала «Юность» благодаря фронтовику, художественному редактору, художнику-карикатуристу Иосифу Оффенгендену появилась его озорная Галка Галкина, особа глазастая и всезнающая, регулярно появляющаяся на юмористической странице журнала.

Военным фотокорреспондентом газеты «Боевое Знамя» 30-й армии на Калининском фронте был фотохудожник авангардистского толка капитан Борис Игнатович, который в 1922–1925 гг. заведовал редакциями ленинградских юмористических журналов «Дрезина», «Смехач» и «Бузотер».

Фронтовым художником-корреспондентом, сотрудником фронтовой газеты «Красный Черноморец» был российский график Леонид Сойфертис (1911–1996), которого за ярко выраженную склонность к юмору и сатире пригласили в журнал «Крокодил». Там он, как казалось самому художнику, и отыскал себя, свое творческое «я». С 1960-х гг. работал иллюстратором, автором рисунков в юмористическом журнале «Крокодил».

Настал День Победы. Рассказывают, что Сталин, окруженный военачальниками, произносит речь: «Были у нас и тяжелые времена, и радостные победы, но мы всегда умели пошутить. Не правда ли, маршал Жуков?».

Источники и литература

1. Антоша Рыбкин // Энциклопедия отечественного кино: проект журнала «Сеанс». [URL] https://clck.ru/Pot95 (дата обращения: 22.07.2024).

2. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1965.

3. *Беликов Д.* Грозный смех советского солдата: Юмор на Великой Отечественной войне тоже был надежным оружием // Армейский стандарт. – 2020. – 15 мая: [URL] https://armystandard.ru/news/20205141117-ZKtR6.html?ysclid=lvm15kzboa391519763 (дата обращения: 30.04.2024).

4. *Борев Ю.* О комическом. – М., 1957.

5. *Вейн Д.К.* Образ врага в карикатурах Кукрыниксов в годы Великой Отечественной войны: по страницам газеты «Правда» // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 63–67.

6. *Вишневская И.* Комедия на орбите. – М., 1979.

7. Военный юмор: что помогало солдатам выживать на фронте в годы Великой Отечественной [URL] https://weekend.rambler.ru/read/52731280-voennyy-yumor-chto-pomogalo-soldatam-vyzhivat-na-fronte-v-gody-velikoy-otechestvennoy/ (дата обращения: 27.07.2024).

8. Вопросы теории сатиры. – М., 1957.

9. *Выходцев П., Ершов Л.* Смелее разрабатывать теорию советской сатиры // Звезда. – 1953. – № 2. – С. 146–156.

10. *Гиппиус В.В.* Гоголь: Воспоминания. Письма. Дневники… – М., 1999.

11. *Головкин Н.* Мы победили… И помогал нам фронтовой юмор: [URL] https://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/04/06/my_pobedili_i_pomogal_nam_frontovoj_yumor/ (дата обращения: 30.04.2024).

12. ГИМ (Государственный исторический музей). Ф. 452. Оп.1. Ед. хр. 2.

14. Гриша Танкин: Рассказы в стихах о подвигах смекалистого и веселого бойца / А. Сурков, Ц. Солодарь. – М., 1942.

15. *Демосфенова Г.Л.* Кукрыниксы-иллюстраторы. – М., 1965.

16. *Дикий А.* Героика и сатира // Литературная газета. – 1954. – 9 сентября.

17. *Ермилов В.* Некоторые вопросы теории советской драматургии. О гоголевской традиции. – М., 1953.

18. *Ершов Л.* Некоторые вопросы теории сатиры // Известия АН Латвийской ССР. – 1955. – Вып. 12. – С. 23–38.

19. *Ершов Л.* Советская сатирическая проза. – М.-Л., 1966.

20. *Ефимов Б.Е.* Вехи Победы: Великая Отечественная война в плакатах и рисунках. – М., 2004.

21. *Исхаков Р.Л., Ситникова М.В.* Прикосновение к харизме. – Екатеринбург, 2006.

22. *Калачева С.* Что же такое юмор? // Советская культура. – 1956. – 14 июня.

23. *Киселев И.Н.* Проблемы советской комедии. – Томск, 1973.

24. *Коган Л.* В чем сила юмора? // Советская культура. – 1956. – 12 июля.

25. Красноармейская правда Западного фронта. – 1941. – 19 июля.

26. *Крынецкий Н.* О красном смехе // Красная печать. – 1923. – № 20.

27. Кукрыниксы. Политическая сатира, 1929–1946: [альбом]. – М., 1973.

28. *Лихачев Д.С., Панченко А.М.* Смеховой мир Древней Руси. – Л., 1976.

29. *Лук А.Н.* Юмор, остроумие, творчество. – М., 1977.

30. *Маршак С.* Блиц-фрицы. Стихи и рисунки. Рис. Кукрыниксы. [URL] http://www.raruss.ru/childrens-books/page-child9/3777-kukryniksy-marshak-blitz-fritzs.html (дата обращения: 30.07.2024)

31. *Матафонова Ю.К.* Панфилов Анатолий Петрович // Екатеринбург. Энциклопедия. – Екатеринбург, 2002. – С. 426.

32. *Москалев Н.* Красноармейский юмор и сатира в годы ВОВ. Часть 1: URL https://proza.ru/2024/03/30/198?ysclid=lvm0vuhytv641499131 (дата обращения: 30.07.2024)

33. *Москалев Н.* Красноармейский юмор и сатира в годы ВОВ. Часть 2: URL https://proza.ru/2024/04/02/126 (дата обращения: 30.07.2024)

34. *Николаев Д.* Сатира Гоголя. – М., 1984.

35. *Николаев Д.* Сатира Щедрина и реалистический гротеск. – М., 1977.

36. *Новиченко Л.* Заметки о сатире // Известия. – 1953. – 17 апреля.

37. *Павловский А.* Сатира и общественный конфликт // Сибирские огни. – 1954. – № 4. – С. 161–168.

38. *Плугатарев И.* «Фронтовой юмор» маршала Жукова // Звезда. – 2022. – 30 апреля.

39. *Попов Н.П., Горохов Н.А.* Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – М., 1981.

40. *Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха. – М., 1976.

41. *Пьянов В.* За боевую советскую сатиру // Коммунист Украины. – 1953. – № 8.

42. Сатира в годы Великой Отечественной войны: [URL] https://malmusey.ru/satira-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny/ (дата обращения: 27.07.2024)

43. *Слонимский А.Л.* Техника комического у Гоголя. – Петроград, 1923.

45. *Стыкалин С.И., Кременская И.К.* Советская сатирическая печать. 1917–1963. – М., 1963.

46. *Тынянов Н.Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии). – Петроград, 1921.

47. *Фролов В.* Советская комедия. – М., 1954.

48. Фронтовой юмор. – М., 1942 (Библиотека красноармейца. Из фронтовой жизни).

49. Фронтовой юмор: [Сборник] / сост. В.Н. Вирен. – М., 1970.

50. Фронтовые байки… Смех сквозь пули: [URL] https://guardinfo.online/2018/05/08/frontovye-bajki-smex-skvoz-puli/?ysclid=lvm2i57sv5950570682 (дата обращения 30.04.2024)

51. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны). Картотека награждений. Шкаф 7, ящик 14.

52. ЦАМО. Оп. 11302. Д. 267.
53. ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 5.
54. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 5.
55. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043 Д. 96.
56. ЦАМО. Ф. 389. Оп. 4723. Д. 152.
57. *Чернова Н.В., Макарова Н.Н.* Смеховые практики в годы Великой Отечественной войны на страницах газеты «Магнитогорский рабочий» // Новая и новейшая история. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 172–184.
58. *Эйхенбаум Б.М.* Как сделана «Шинель» Гоголя. – Петроград, 1918.
59. *Эльсберг Я.* Наследие Гоголя и Щедрина и советская сатира. – М., 1954.
60. *Янковская Г.А.* Улыбка в стиле милитари: плакаты Победы в 1945 и 2015 гг. // Уральский исторический вестник, – 2019. – Вып. 3(64). – С. 93–98.

R.L. Iskhakov

A WEAPON THAT HITS WITHOUT A MISS: SATIRE AND HUMOR IN WAR

Annotation. In 1941, the Political Department of the Western Front created and published the magazine “Frontline Humor” until 1945. The author examines the ridiculous practices during the Great Patriotic War, the participation of the civil and military press in their development. For the first time, the names of humorous publications and the names of satirical journalists are introduced into scientific circulation

Keywords: the phenomenon of the comic, a sense of humor, the magazine “Frontline humor”, satire and humor, caricature, Vasily Terkin.

УДК 94(470)

Д.В. Кирюхин

КУПЕЧЕСКИЙ СЫН АЛЕКСЕЙ ХАРЛАМПИЕВИЧ ПАНЫШЕВ В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ И НА ФРОНТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена личности А.Х. Панышева, 1894 г.р., сына известного большемурашкинского купца, промышленника и благотворителя Харлампия Петровича Панышева. Семья Панышевых была большой, и после революции многие оказались очень далеко от родного

52. ЦАМО. Оп. 11302. Д. 267.
53. ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 5.
54. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 5.
55. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043 Д. 96.
56. ЦАМО. Ф. 389. Оп. 4723. Д. 152.
57. *Чернова Н.В., Макарова Н.Н.* Смеховые практики в годы Великой Отечественной войны на страницах газеты «Магнитогорский рабочий» // Новая и новейшая история. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 172–184.
58. *Эйхенбаум Б.М.* Как сделана «Шинель» Гоголя. – Петроград, 1918.
59. *Эльсберг Я.* Наследие Гоголя и Щедрина и советская сатира. – М., 1954.
60. *Янковская Г.А.* Улыбка в стиле милитари: плакаты Победы в 1945 и 2015 гг. // Уральский исторический вестник, – 2019. – Вып. 3(64). – С. 93–98.

R.L. Iskhakov

A WEAPON THAT HITS WITHOUT A MISS: SATIRE AND HUMOR IN WAR

Annotation. In 1941, the Political Department of the Western Front created and published the magazine “Frontline Humor” until 1945. The author examines the ridiculous practices during the Great Patriotic War, the participation of the civil and military press in their development. For the first time, the names of humorous publications and the names of satirical journalists are introduced into scientific circulation

Keywords: the phenomenon of the comic, a sense of humor, the magazine “Frontline humor”, satire and humor, caricature, Vasily Terkin.

УДК 94(470)

Д.В. Кирюхин

КУПЕЧЕСКИЙ СЫН АЛЕКСЕЙ ХАРЛАМПИЕВИЧ ПАНЫШЕВ В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ И НА ФРОНТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена личности А.Х. Панышева, 1894 г.р., сына известного большемурашкинского купца, промышленника и благотворителя Харлампия Петровича Панышева. Семья Панышевых была большой, и после революции многие оказались очень далеко от родного

села (Нижегородская область), так Алексей женился и жил в Ростове-на-Дону. После начала Великой Отечественной войны он, как и многие ростовчане, записался добровольцем в стрелковый полк народного ополчения, который героически защищал родной город. В середине 1942 г. А.Х. Панышев попал в плен и по документам ЦАМО числится пропавшим без вести. Уточнить детали его судьбы помогает исторический очерк его родственника Альбина Семеновича Гражданинова, который, вероятно, вел переписку с героем или его родными.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Большое Мурашкино (Нижегородская область), Панышевы, Ростовский-на-Дону стрелковый полк народного ополчения.

За последние десятилетия нельзя не отметить возросшее число публикаций, обращающихся к вопросам повседневности в условиях войны [14], а также раскрытию судеб личностей ее участников – как героев и орденоносцев [12], так погибших и пропавших без вести [11]. Несомненную роль в увеличении интереса к истории своей страны через призму персональной истории играют проводимые научные конференции [16], издание ранее не опубликованных или известных лишь малому числу читателей исторических источников, сборников документов [8]. События первой половины XX в. в нашей стране несколько раз коренным образом изменяли жизни людей, хотя во многих регионах происходившие процессы несколько отличались от того, что было в столице. Данный небольшой материал посвящен Алексею Харлампиевичу Панышеву, сыну крупного большемурашкинского промышленника Харлампия Петровича Панышева.

Поселок городского типа Большое Мурашкино, административный центр Большемурашкинского района, расположен в 90 км к юго-востоку от Нижнего Новгорода на притоке Волги реке Сундовик. По преданию, Большое Мурашкино было основано еще в XII в., первое письменное упоминание встречается в «Нижегородском летописце» 1371 г. [3, с. 15–16], в настоящее время поселок входит в Перечень исторических городов России. Как отмечает в своем очерке А.П. Блинов, к началу XIX в. это было одно из крупнейших сел Нижегородской губернии, а к концу века здесь проживало более 5000 чел. [1, с. 70]. Главным занятием жителей было овчинно-меховое производство, были и кожевенные заводы,

занимались мурашкинцы и металлическим промыслом. Из крупных промышленников Мурашкина с торговым оборотом в сотни тысяч рублей и имевших на заводах от 50 до 100 рабочих краевед называет Панышевых, Моневых, Пресняковых и Оленичевых.

Семейство Панышевых было многочисленным, сыновья Петра Михайловича Панышева – Харлампий Петрович и Иван Петрович, хотя проживали на расстоянии квартала друг от друга, близких родственных отношений не поддерживали. Как вспоминал в своем историческом очерке внук Харлампия Петровича Альбин Семенович Гражданинов, Иван Петрович был скупым и деспотичным человеком, однако его капитал был вдвое больше, чем у брата – четыреста тысяч рублей золотом. А вот как о Харлампии Петровиче вспоминала одна из его дочерей, Александра: «Это был великий труженик, я никогда не видела его отдыхающим, праздным. Вечно в своей конторке со счетами, в деле, в водовороте жизни…» [4, с. 3]. Много средств Харлампий Петрович тратил на благотворительность, был попечителем Андрейковской приходской школы, построенной на его личные средства, сам подыскивал учителей и оплачивал их труд и другие расходы, являлся попечителем Благовещенской церкви и регентом церковного хора. За помощь нуждающимся землякам А.Х. Панышеву были вручены наградные знаки и почетное холодное оружие, в 1913 г. на его похоронах эти реликвии, к сожалению, не сохранившиеся в семье, пронесли впереди процессии. Однако не все многочисленные Панышевы, занимавшиеся овчинно-меховым производством, разделяли взгляды Харлампия Петровича. Так, А.П. Блинов упоминает купца второй гильдии Ивана Степановича Панышева, поставщика мехов Двора Его Императорского Величества, который был прозван за свою жадность «туркой», он оставил после смерти капитал в 700 тыс. руб. и трехэтажный каменный дом, построенный около 1910 г. (ул. Свободы, 89) [1, с. 70].

Семья Харлампия Петровича и его супруги Натальи Григорьевны была большой – около 20 детей, из них сегодня нам известны имена дочерей Екатерины, Александры, Анны, Зои, Серафимы и сына Алексея. Александра (1900–1987) впоследствии вышла замуж за Семена Ивановича Гражданинова (1892–1942), участника Первой мировой войны, члена первого Большемурашкинского Совета,

руководившего несколько лет Рабоче-крестьянской инспекцией (Рабкрином) [6, с. 89–93]. У Семена и Александры родились трое сыновей. Старший Рафаэль (1924–1998), участник Великой Отечественной войны, автор воспоминаний «Фронтовые записки сержанта» [18], вернется в родное Мурашкино и станет педагогом и самодеятельным художником [7]. Средний сын Юрий уедет в Белоруссию, а младший Альбин (1938–2018) посвятит своим предкам несколько исторических очерков, опубликованных в районной газете «Знамя», благодаря которым мы сегодня многое знаем о быте и воспитании в семье Харлампия Петровича.

Основываясь на рассказах своей матери, Александры Харлампиевны, Альбин Семенович пишет, что «Высокогуманный человек Харлампий Петрович никогда не применял в воспитании детей популярных тогда приемов физического воздействия, как то порка, сопровождаемых грубой словесной бранью. Но исключение из правил все же было...» [5, с. 5] Здесь мы впервые знакомимся с личностью сына «лентяя Алешки», 1894 г.р., для которого на гвоздике на стене специально была заготовлена плетка-двухвостка, пускавшаяся в ход после очередных жалоб учителей «на ленивого Паныша». Впрочем, и наказание пребыванием в темном подполье не очень помогало. За ум купеческий сын взялся лишь повзрослев, его юность пришлась как раз на период становления советской власти в Большом Мурашкино.

1 мая 1917 г. состоялась первая в селе демонстрация, создается профсоюз меховщиков, в сентябре образовалась партийная группа. Избранный волостной исполком начал свою работу 12 марта 1918 г., его первым шагом стало решение наложить на промышленников контрибуцию, в результате было собрано 164 тыс. руб., было реквизировано несколько сот пудов хлеба. В том же году Княгининская ЧК во главе с П.С. Клоковым выселила из Мурашкина крупных промышленников и провела национализацию заводов и реквизицию имущества [1, с. 73–74]. Многие из родных и детей Харлампия Петровича Панышева навсегда покинули малую родину, и сегодня их потомки проживают в Нижнем Новгороде, Москве и Подмосковье.

Алексей Харлампиевич Панышев, согласно документам Центрального архива Министерства обороны РФ, переехал в Ростов-на-

Дону, где женился на Татьяне Семеновне Юдиной [10]. В начале 1940-х гг. город был одним из крупнейших административных, экономических и культурных центров на юге РСФСР, по численности населения являясь четвертым – здесь проживало 510 тыс. чел., были расположены крупные промышленные предприятия, такие как Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения, завод «Красный Аксай», Ростовский автосборочный завод, паровозоремонтный завод им. В.И. Ленина и др. [15]. Стратегическое значение города прекрасно понимали и наступающие немецко-фашистские части, поэтому защита Ростова-на-Дону была вопросом особой важности. Так как строевые подразделения РККА, сформированные в городе, направлялись на фронт, 10 июля 1941 г. начальник Ростовского гарнизона генерал-майор А.А. Гречкин издал приказ о формировании Ростовского стрелкового полка народного ополчения, помимо частей местного гарнизона, для мобилизации ростовчан непризывного возраста или по каким-либо причинам негодных к службе в действующей армии [15].

Основную массу ополченцев составили работники городских предприятий, а также коллективы Северо-Кавказской железной дороги и Ростовского речного порта. Когда началось комплектование полка, записывались в него целыми цехами, подразделения выстраивались по производственному принципу. Первоначально они были заняты на охране объектов военного, государственного и хозяйственного значения, несли службу по охране общественного порядка. В состав полка входили три стрелковых батальона, отдельный взвод связи и отдельный санитарный взвод. Командиром был назначен капитан запаса Михаил Александрович Варфоломеев (1897–1943), комиссаром – Порфирий Александрович Штахановский. В именном списке 7-й стрелковой роты 222-го Ростовского-на-Дону стрелкового полка народного ополчения мы можем найти и имя 47-летнего красноармейца стрелка Алексея Харлампиевича Панышева [10].

В октябре 1941 г. гитлеровские войска подступили к Ростову, мирное население которого уже было готово к обороне, выстроив 115 км защитных сооружений, ставших основным рубежом для оборонявшей город 56-й отдельной армии, в подчинение которой

входил и Ростовский стрелковый полк народного ополчения, вступивший в бой 20 октября 1941 г. по приказу командующего армией генерал-лейтенанта Ф.Н. Ремезова. Полк сыграл важнейшую роль в прикрытии отступления армии на левый берег р. Дон. Первая оккупация Ростова-на-Дону в 1941 г. продлилась восемь дней и получила название «кровавой недели» – гитлеровцы устраивали жестокие расправы над мирным населением [2].

В ночь с 27 на 28 ноября 1941 г. начались бои за освобождение Ростова-на-Дону, в которых приняли участие не только кадровые части Красной армии, но и Ростовский стрелковый полк народного ополчения, имевший собственный участок перехода через реку, на левом берегу которого находились позиции 56-й армии, а на правом – закрепившиеся в городе немцы. Ночью 28 ноября два батальона Ростовского стрелкового полка народного ополчения форсировали реку и к утру перешли в наступление. Ополченцы – вчерашние рабочие, инженеры, преподаватели, студенты – показали себя не менее отважными воинами, чем солдаты и офицеры регулярной армии. На следующий день, 29 ноября 1941 г. Ростов-на-Дону был освобожден, а немецкие части выбиты за пределы города. Командира полка и политкомиссара наградили орденами Красного Знамени. 20 декабря 1941 г. Ростовский стрелковый полк народного ополчения был зачислен в состав действующей армии как 222-й Ростовский стрелковый полк народного ополчения. Несмотря на то что у нас нет документальных свидетельств, подтверждающих участие А.Х. Панышева в этих событиях, это не вызывает сомнений, как житель Ростова-на-Дону он просто не мог остаться в стороне.

Второй штурм Ростова в июле 1942 г. стал наиболее героической страницей в истории Ростовского стрелкового полка народного ополчения. 23 июля 17-й полевой и 1-й танковой армиям вермахта удалось прорвать оборону соединений 56-й армии с востока, их силы поддерживало люфтваффе, постоянно осуществляя бомбардировки города и переправы [17]. Вместе с ополченцами, которым было предписано защищать восточные районы города – от поселка Чкалова до станицы Аксайской, Ростов-на-Дону обороняли 30-я Иркутская стрелковая дивизия, оборону переправ вел 230-й конвойный полк НКВД. Бои с наступавшими частями противника длились 50 часов, и только к вечеру 24 июля 1942 г. немцам удалось

вновь занять Ростов. Защитники понесли большие потери: из 120 тыс. бойцов в строю осталось 18 тыс. чел.

Выход подразделений 56-й армии из города на левый берег Дона прикрывали оставшиеся бойцы 222-го Ростовского стрелкового полка народного ополчения, так как переправы были разрушены непрерывным огнем противника, красноармейцы переправлялись на подручных средствах. Ополченцы, переправлявшиеся последними, потеряли больше половины численного состава бойцов, из 2000 чел. выбраться смогли лишь 800. Именной список пропавших без вести из личного состава полка за период с 23 июля по 25 октября 1942 г. на 41-й странице под номером 86 содержит имя красноармейца стрелка 7-й стрелковой роты Александра Харлампиевича Панышева, призванного на военную службу по месту жительства Железнодорожным РВК Железнодорожного района г. Ростов-на-Дону. К сожалению, в документе не обошлось без ошибки, так в графе «место рождения» указано – «Б. Муринское Горьковского края», но мы понимаем, что речь идет о селе Большое Мурашкино Горьковской (в настоящее время – Нижегородской) области [10]. Информацию из донесения о потерях дублирует и книга I 14-го тома Книги Памяти Ростовской области, в которой А.Х. Панышев значится «пропавшим без вести» в 1942 г. [13, с. 70].

Дальнейший путь Александра Харлампиевича в годы войны нам сегодня известен благодаря историческому очерку его родственника – Альбина Семеновича Гражданинова, который, очевидно, общался либо с самим ветераном, либо с его родными. А.С. Гражданинов был очень общительным и упорным человеком, вплоть до последних дней он вел активную переписку со многими родственниками. В то время как полк продолжил дальнейшие боевые действия в составе 339-й стрелковой дивизии, героически проявив себя и в обороне предгорий Кавказа, и к октябрю 1942 г., когда от его состава из первоначальных трех тысяч бойцов и командиров осталось лишь 140 чел., был расформирован, Александр Харлампиевич Панышев пребывал в концлагере в немецком плену. К сожалению, нерассекреченные или несохранившиеся документы не дают возможность уточнить, в каком именно лагере он оказался. Образы ужасов лагерей для военнопленных красноармейцев, созданные гением М.А. Шолохова, дополняет яркий рассказ А.С. Гражданинова, который он не мог

не получить из первых рук, присутствующие детали свидетельствуют, что об этом ему рассказывал сам А.Х. Панышев: «Немцы изощрялись в издевательствах над пленными. Имитировали приход русских: на танках с красными звездами заезжали на территорию лагеря, и когда узники, обрадованные неожиданно «свалившимся» счастьем, подбегали к «спасителям», те хладнокровно расстреливали людей из пулеметов» [5, с. 5].

Как и героям М.А. Шолохова, Александру Харлампиевичу удалось спастись из немецкого плена, но он не бежал, а был освобожден вместе с другими заключенными силами Красной армии, чье появление многие сначала встретили с недоверием: «И когда советские танки все же въехали на территорию концлагеря, то им обрадовались не сразу. И только когда убедились, что это не маскарад, а самые настоящие свои, то счастью уцелевших не было границ. Безгранична была и ненависть к немцам. Узники концлагеря, в том числе и Алексей, тут же получили оружие и пошли безжалостно истреблять фрицев, проклятую фашистскую нечисть, своих мучителей» [5, с. 5].

Несмотря на то что по документам ЦАМО А.Х. Панышев числится пропавшим без вести, в архиве есть документ, свидетельствующий о том, что он увидел победный май 1945 г. Именной список на рядовой и сержантский состав 236-го армейского запасного стрелкового полка содержит имя красноармейца Панышева Алексея Харлампиевича, 1894 г.р., русского, беспартийного [9]. Впрочем, и тут не обошлось без ошибки, в этот раз сделанной современным оператором портала «Память народа». В документе сложное отчество написано с сокращением и было неправильно расшифровано как «Харлампович» или «Харламович». Как бы то ни было, сын большемурашкинского промышленника Харлампия Петровича Панышева Алексей все же вернулся из плена и с фронта домой к жене Татьяне Семеновне Юдиной, где и прожил всю оставшуюся жизнь. К сожалению, нам известен лишь адрес, где семья проживала до войны – Ростов-на-Дону, Железнодорожный район, Красный город-сад, 2-я Кольцевая улица. Дом из красного кирпича сохранился и сегодня. Надеемся, что данная публикация поможет привлечь внимание родных, которые могли бы больше рассказать о непростой судьбе этого человека.

Источники и литература

1. *Блинов А.П.* Большое Мурашкино (Фрагменты из истории) / Записки краеведов. – Горький, 1977. – С. 65–79.

2. «В бой шли не только солдаты» (о первой оккупации г. Ростова-на-Дону в ноябре 1941 года) // Молот. – 2005. – 2 декабря. – № 177–178.

3. *Гациский А.С.* Нижегородский летописец. – Н. Новгород, 1886.

4. *Гражданинов А.С.* Харлампий Петрович // Большемурашкинская районная газета «Знамя». – 1999. – 29 июня. – № 58.

5. *Гражданинов А.С.* Харлампий Петрович // Большемурашкинская районная газета «Знамя». – 1999. – 9 июля – № 60.

6. *Гражданинов И.Р.* Судьба Семена Ивановича Гражданинова // На пути к гражданскому обществу. – 2019. – № 4 (36). – С. 89–93.

7. *Гражданинов Р.С.* «Люблю тебя, мой край родной!» Живопись. Графика / сост. Д.В. Кирюхин – Н. Новгород, 2023.

8. «Здравствуйте, дорогие мои...» (фронтовые письма 1941–1945 гг.): сб. документов / сост. Е.Э. Ешан, А.П. Пудалова. – Н. Новгород, 2015.

9. Именной список на рядовой и сержантский состав 236 азсп 12.05.1945 г. // ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 8529. Оп. 121601с. Д. 3.

10. Именной список пропавших без вести из личного состава Ростовского-на-Дону стрелкового полка народного ополчения за период с 23 июля по 25 октября 1942 г. // ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1996.

11. *Кирюхин Д.В.* По следам прошедшей войны: возможная судьба пропавшего без вести в ноябре 1941 г. А.И. Титенкова // На пути к гражданскому обществу. – 2019. – № 4 (36). – С. 94–98.

12. *Кирюхина Е.М., Голов И.Д.* Сохранение памяти о героях Великой Отечественной войны: гвардии капитан Старчиков Николай Алексеевич // Регионы России в военной истории страны. Вып. V: сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф. г. Йошкар-Ола, 15–16 нояб. 2023 г. / ред.-сост. О.А. Кошкина. – Йошкар-Ола, 2023. – С. 329–337.

13. Книга Памяти павшим в Великой Отечественной войне. Т. XIV (доп.). – Ростов-на-Дону. Кн. I. – Ростов-н/Д, 2000.

14. *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). – Ростов-н/Д, 2013.

15. Ополченцы стояли насмерть: памяти Ростовского стрелкового полка народного ополчения // Военное обозрение. – 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://topwar.ru/57737-opolchency-stoyali-nasmert-pamyati-rostov-skogo-strelkovogo-polka-narodnogo-opolcheniya.html (дата обращения: 02.08.2024).

16. Регионы России в военной истории страны. Вып. IV: сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 16–17 нояб. 2022 г. / ред.-сост. О.А. Кошкина. – Йошкар-Ола, 2022.

17. *Смирнов В.В.* Ростов под тенью свастики. – Ростов-н/Д, 2006.

18. Фронтовые записки сержанта Гражданинова Р.С.: рукописи, фронтовые письма, материалы периодической печати / сост. Д.В. Кирюхин. – Н. Новгород, 2017.

D.V. Kiryukhin

MERCHANT'S SON ALEXEY KHARLAMPIEVICH PANYSHEV IN GERMAN CAPTIVITY AND AT THE FRONT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article is devoted to the personality of A.Kh. Panyshev, born in 1894, the son of the famous merchant of Bolshoe Murashkino, industrialist and philanthropist Kharlampy Petrovich Panyshev. The Panyshev family was large, and after the revolution many found themselves very far from their native village (Nizhny Novgorod region), so Alexey got married and lived in Rostov-on-Don. After the beginning of the Great Patriotic War, he, like many Rostovites, volunteered for the rifle regiment of the people's militia, which heroically defended his native city. In mid-1942, A.Kh. Panyshev was captured and, according to the documents of the Central Archives of the Moscow Ministry of Defense, is listed as missing in action. A historical essay by his relative Albin Semenovich Grazhdaninov, who probably corresponded with the hero or his relatives, helps to clarify the details of his fate.

Keywords: Great Patriotic War, Bolshoe Murashkino (Nizhny Novgorod region), Panyshevy, Rostov-on-Don Rifle Regiment of the People's Militia

УДК 94(470.343)

А.С. Ладина

ПРОБЛЕМЫ БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАРИЙСКОЙ АССР)

Аннотация. С началом Великой Отечественной войны наблюдается резкое возрастание численности беспризорных и безнадзорных детей. Вместе с тем возросла и детская преступность. Особенно остро эта проблема

16. Регионы России в военной истории страны. Вып. IV: сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 16–17 нояб. 2022 г. / ред.-сост. О.А. Кошкина. – Йошкар-Ола, 2022.

17. *Смирнов В.В.* Ростов под тенью свастики. – Ростов-н/Д, 2006.

18. Фронтовые записки сержанта Гражданинова Р.С.: рукописи, фронтовые письма, материалы периодической печати / сост. Д.В. Кирюхин. – Н. Новгород, 2017.

D.V. Kiryukhin

MERCHANT'S SON ALEXEY KHARLAMPIEVICH PANYSHEV IN GERMAN CAPTIVITY AND AT THE FRONT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article is devoted to the personality of A.Kh. Panyshev, born in 1894, the son of the famous merchant of Bolshoe Murashkino, industrialist and philanthropist Kharlampy Petrovich Panyshev. The Panyshev family was large, and after the revolution many found themselves very far from their native village (Nizhny Novgorod region), so Alexey got married and lived in Rostov-on-Don. After the beginning of the Great Patriotic War, he, like many Rostovites, volunteered for the rifle regiment of the people's militia, which heroically defended his native city. In mid-1942, A.Kh. Panyshev was captured and, according to the documents of the Central Archives of the Moscow Ministry of Defense, is listed as missing in action. A historical essay by his relative Albin Semenovich Grazhdaninov, who probably corresponded with the hero or his relatives, helps to clarify the details of his fate.

Keywords: Great Patriotic War, Bolshoe Murashkino (Nizhny Novgorod region), Panyshevy, Rostov-on-Don Rifle Regiment of the People's Militia

УДК 94(470.343)

А.С. Ладина

ПРОБЛЕМЫ БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАРИЙСКОЙ АССР)

Аннотация. С началом Великой Отечественной войны наблюдается резкое возрастание численности беспризорных и безнадзорных детей. Вместе с тем возросла и детская преступность. Особенно остро эта проблема

стояла в прифронтовых регионах и на оккупированных территориях. Зачастую дети вставали на путь беспризорности из-за того, что теряли родителей во время эвакуации. Марийская АССР за годы войны приняла к себе тысячи жителей разных регионов, в том числе и детей. Целью данной статьи является рассмотрение вопроса о состоянии беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны в Марийской АССР в 1944 г. Для этого необходимо решить ряд задач: проследить динамику численности беспризорных и безнадзорных детей и выяснить, каким образом проводилась работа по ликвидации этих негативных явлений в тыловом регионе.

Ключевые слова: детская повседневность, беспризорность, безнадзорность, детская преступность, детские комнаты, Марийская АССР, Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

В годы Великой Отечественной войны остро встал вопрос о детях. В связи с массовым призывом в армию и мобилизацией на трудовой фронт дети оставались без присмотра и были предоставлены самим себе. Повсеместно росла беспризорность и безнадзорность.

Ученые выделяют несколько причин возрастания детской беспризорности и безнадзорности в годы войны. Во-первых, в результате мобилизации на фронт многие дети стали сиротами; во-вторых, массовая трудовая мобилизация и увеличение продолжительности рабочего дня; в-третьих, из-за нехватки питания и продовольствия дети уходили из дома в поисках недостающего.

В последнее десятилетие возрос интерес к изучению «маргинальных феноменов детской повседневности» [6] – детской беспризорности, безнадзорности и тесно связанной с ними преступности в годы Великой Отечественной войны. Эти темы рассматривали не только с точки зрения истории, но и социологии [1], и юриспруденции [12].

Фундаментальным исследованием стали работы А.А. Славко. Он провел детальный анализ причин и динамики распространения беспризорности и безнадзорности детей в масштабах страны [16; 17]. Исследователь Т.А. Кискидосова дает определения понятий «детская беспризорность» и «детская безнадзорность». Также она считает, что в законодательных актах того времени эти понятия не различались [8].

Во многих статьях рассмотрены способы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью на примере отдельно взятых регионов: Среднего и Нижнего Поволжья, Хакасии, Татарстана, Башкирии, Северной Осетии, Приморского края, Казахстана и др. [14; 8; 19; 7; 18; 4; 11; 15; 2]. Больше всего этот вопрос изучен в Нижнем Поволжье.

В работе использован широкий круг литературы и источников. Большинство источников вводятся в научный оборот впервые.

Развитие беспризорности и безнадзорности вело к возрастанию преступности. Поэтому государство взяло этот вопрос под особый контроль. Были приняты ряд постановлений, способствовавших борьбе с этими явлениями.

23 января 1943 г. принято постановление № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [8]. Воспитание сирот и проведение мероприятий по предупреждению детской безнадзорности стало важнейшим государственным делом. Появляются приемники-распределители для детей до 15 лет, образовываются новые колонии для несовершеннолетних. В связи с массовыми потерями детей и родителей во время эвакуации 8 сентября 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об усыновлении», который позволял усыновлять (или удочерять) детей в условиях эвакуации.

Задержанием беспризорных и безнадзорных детей занимались правоохранительные органы и работники детской комнаты, которые привлекали к работе педагогов, членов общественных организаций. В 1942 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О мерах комсомольских организаций по борьбе с детской безнадзорностью, по предупреждению детской беспризорности». Теперь этим вопросом занимались и комсомольцы.

Детская комната милиции как новая административная структура была создана в 1944 г. Ее основной задачей было разгрузить работу детских приемников-распределителей. В Марийской АССР детские комнаты были организованы не во всех районах. Зачастую не было специальных помещений, и из-за этого штат детской комнаты был не в состоянии должным образом развернуть свою работу. В штате обычно утверждалось 2 чел. [5, л. 40]. В докладной записке о работе органов милиции НКВД Марийской АССР по изъятию беспризорных и безнадзорных детей во втором квартале 1944 г. сказано, что детскую

комнату не смогли организовать из-за отсутствия помещения. Только после многочисленных ходатайств перед Областным комитетом партии, Совнаркомом и Президиумом Верховного Совета Марийской АССР 25 июля было предоставлено помещение для комнаты. До тех пор, пока ее обустраивали, работа с детской беспризорностью и безнадзорностью проводилась в помещении городского отделения милиции [5, л. 85].

В обязанности работников детских комнат входила организация работы на улицах и в местах скопления людей с целью задержания и изъятия несовершеннолетних, руководство работой привлеченных граждан – представителей общественности, педагогов и комсомола, обследование семейно-бытовых условий задержанных несовершеннолетних и оказание помощи семьям, в которых родители не справлялись с воспитанием детей [1]. Работники детской комнаты выходили на квартиры безнадзорных для проведения бесед с родителями, были выходы и в школы [5, л. 153–153об].

За шесть часов пребывания задержанных детей в детской комнате, а именно столько по инструкции они могли находиться там, необходимо было решить, куда их отправить – в приемники-распределители НКВД или вернуть родителям и опекунам, если таковые имелись. В приемниках-распределителях время пребывания несовершеннолетних составляло от двух недель до одного месяца. Дети-сироты до 14 лет направлялись через органы народного образования в соответствующие детские учреждения (детские дома, учреждения Наркомздрава, учреждения Наркомсобеса) или определялись на патронирование. Подростков старше 14 лет направляли на работу на промышленное производство и в сельское хозяйство или на учебу в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Оттуда дети либо сбегали, либо устраивали там беспорядки. Так происходило в Козьмодемьянской школе ФЗО № 4, где педагоги среди детей авторитетом не пользовались и воспитательную работу вели недостаточную [5, л. 155].

Для профилактики детской преступности, беспризорности и безнадзорности совершались выходы в места массового скопления людей – рынки и вокзалы, а также в школы [5, л. 153–153 об.]. Родителей вызывали в детские комнаты для предупреждения

и привлечения к ответственности за их безнадзорность. Учителей вызывали для установления данных о безнадзорности учащихся школы по случаю хулиганства и кражи. Кроме того, выделялись милиционеры для проведения проверок столовых и магазинов на наличие беспризорных и безнадзорных детей. В Марийской АССР за безнадзорность и беспризорность в первом квартале 1944 г. было задержано 57 чел. [5, л. 38]. Это на 14 больше, чем в четвертом квартале 1943 г. В школах выявлено 23 безнадзорных ребенка, проявляющих хулиганские действия [5, л. 30]. Во втором квартале детская беспризорность и безнадзорность увеличилась на 48 чел. [5, л. 85]. В третьем квартале – на 65 чел. Это произошло в основном за счет детей, бежавших из детских домов и приехавших из других областей и республик, особенно на водном транспорте. Одной из причин увеличения численности беспризорных во втором и третьем квартале стали летние каникулы. В это время досуг детей никак не организовывался [5, л. 123]. В Йошкар-Оле и Волжске периодически в ночное время специальными нарядами милиции проводились обходы по местам, где беспризорные и безнадзорные дети обычно концентрировались для ночлега [5, л. 85].

В третьем квартале 1944 г. на железнодорожной станции Йошкар-Олы и в магазинах производились периодические обходы. В кинотеатре ежедневно во время демонстрации кинокартин высылался специальный наряд из двух человек. Благодаря чему фактов спекуляции театральными билетами в этот период зарегистрировано не было [5, л. 123]. На рынке был выставлен подвижной односменный дневной пост, которому вменено в обязанность изъятие детей [5, л. 88].

Самыми распространенными действиями, за которые детей задерживали чаще всего, были карманные кражи, кражи хлеба, вещей и продуктов у колхозников, побеги из детских домов. Были и случаи порчи чужого имущества или покушения на жизнь и здоровье. Так, ученик 5 класса школы № 7 Л. Москвин в марте 1944 г. похитил из вагона с трофейным оружием на железнодорожной станции Йошкар-Олы два детонатора и взорвал их около здания кинотеатра. В результате взрыва было повреждено восемь оконных рам.

Группа из пяти несовершеннолетних детей 23 февраля 1944 г. ночью напала на проходящих по улице граждан, нанесла им ножевые ранения, ограбила их и скрылась [5, л. 38].

Повышение беспризорности и безнадзорности в Горномарийском районе летом наблюдалось ввиду находящегося там водного пути. Кроме того, в этом районе слабо велась воспитательная работа со стороны родителей и детских учреждений. Недостаточное внимание уделялось борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью со стороны работников РОМ НКВД. И поэтому большая часть преступлений в районе числилась за несовершеннолетними [5, л. 155].

За безнадзорность детей родителей привлекали к административной ответственности и штрафовали. Например, А.И. Краснощекова, работающего в ЛВВА вольнонаемным, оштрафовали на 100 руб. за то, что его сын Н.А. Краснощеков, 1929 г.р., систематически занимался уличным «озорством». За то же деяние было наложено взыскание на мать А.В. Зыкова, 1930 г.р., ученика школы № 9, в размере 85 руб.

В Марийскую АССР в годы Великой Отечественной войны было эвакуировано 20 детских домов. Эвакуация проводилась из прифронтовых городов – Москвы, Мурманска, Выборга Ленинградской области, Кролевца Сумской области Украинской ССР. В докладной записке секретаря Марийского обкома ВЛКСМ П.В. Щербакова на 1 января 1942 г. зафиксировано, что до начала войны в республике функционировало шесть детских домов. На январь 1942 г., соответственно, в 26 детских домах республики содержались 2066 чел.

Один из детских домов находился в Сернурском районе. Прибыл из Ежова в октябре 1941 г. В нем содержалось 233 ребенка. Из них 175 чел. – дети жителей Марийской АССР, остальные – дети из других регионов, приехавшие самостоятельно или эвакуированные [5, л. 43].

Материальное обеспечение детских домов оставляло желать лучшего. В Государственном архиве Республики Марий Эл сохранился документ со сведениями о результатах проверки Савинского детдома после инцидента с побегом детей [5, л. 36]: «19 апреля 1944 года в Савинском детдоме проводилась проверка. 2 апреля 1944 года из Московского приемника-распределителя прибыло 48 детей в возрасте от 7 до 13 лет. Сбежало 7 человек (6 мальчиков, 1 девочка). … Дети живут в плохих условиях, без кроватей

и постельных принадлежностей. Девочки спят все вместе на одной наре, мальчики на полу на матрасах и одежде, укрываются пальто. В комнатах холодно, выбиты стекла, дров нет, поэтому дети воруют их у местных колхозников, чтобы согреться. В углах комнаты кучи мусора. Дети не мылись со времени приезда из Москвы, а потому завшивлены и болеют чесоткой. Нет сменной одежды, почти у всех нет обуви. Продуктов питания в запасе также нет. Питаются три раза в день очень скудной и однообразной пищей: утром и в обед щи и по 100 грамм хлеба, вечером 200 грамм хлеба. Учебно-воспитательная работа не проводится, не ведется никакого учета, констатируются только факты безобразия со стороны детей. Все это является причиной краж и хулиганства со стороны детей. Краденые продукты дети готовили на кухне детдома. Руководство не обращало внимания» [5 л. 39]. Плохие условия содержания в детских домах наблюдались повсеместно по СССР.

Сбежавшие и предоставленные сами себе дети могли чинить различные хулиганства. В Еласовском районе были задержаны шесть беспризорников в возрасте 12, 13 и 15 лет, являющихся бывшими воспитанниками Сурского детдома. В начале июля 1944 г. они скрывались в лесу на территории этого детского дома и систематически занимались кражами с колхозных полей картофеля и яблок. Также они совершили кражу в колхозе «Красный Пролетарий» и ульев у колхозницы колхоза «Красное Селище» Д.П. Перовой. Всего они украли продуктов на сумму более 9000 руб. и хлебных карточек из пекарни Пайгусовского сельпо на 103 кг. Кроме того, в свою группу они рекрутировали некоторых воспитанников детдома. Все участники задержаны и привлечены к уголовной ответственности по ст. 162 п. «д» УК РСФСР. Одного из них направили в детскую колонию через Козьмодемьянский приемник-распределитель НКВД Марийской АССР [5, л. 96].

Были и случаи подстрекательства детей со стороны родственников на кражи. В марте 1944 г. А.В. Смирнов украл семь наволочек из гостиницы, выбив окно и подсадив туда своего брата Виталия. В апреле они вместе совершили кражу из кладовой нескольких «носильных» вещей и продуктов питания, за что Смирнов был арестован и привлечен к уголовной ответственности по ст. 173 ч. 2 и 162 п. «в» [5, л. 30].

Во втором квартале 1944 г. со стороны подростков в возрасте от 12 до 15 лет, в ряде случаев работающих на предприятиях и проживающих с родителями, наблюдались уголовные действия. Только в Йошкар-Оле за это время за кражу и хулиганство было привлечено к уголовной ответственности 25 чел. Например, в мае задержаны пять несовершеннолетних подростков. Группа, возглавляемая Виталием Куклиным, 1929 г.р., систематически занималась квартирными кражами. Все пятеро были привлечены к уголовной ответственности. В июне братья Сидоркины, возраста 14 и 15 лет, систематически занимались кражами вещей со склада «Союзутиль». Группа, состоящая из четырех подростков, в течение мая совершала квартирные кражи, а в столовой завода № 298 они избили заведующего [5, л. 85].

В третьем квартале 1944 г. из докладных записок можно выделить несколько описаний наиболее характерных преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Уроженец Ленинграда М.Б. Мымриков, 13 лет, работающий столяром в Государственном оптическом институте, похитил двое ручных часов, жировую и хлебную карточку из квартиры Кузнецова. Ранее Мымриков дважды был замечен в квартирной краже денег и печеного хлеба, за что осужден по ст.162 п. «в» УК и заключен под стражу в тюрьме Йошкар-Олы.

Алексеев Г.А., 15 лет, также уроженец Ленинграда, работник ГОИ, принимал участие в краже ручных часов совместно с Мымриковыми, кроме этого, в 1942 г. совершил кражу у Муратикова алюминиевой кастрюли с капустой. В феврале на рынке Йошкар-Олы из павильона стащил кусок мяса, за что был задержан и подвергнут приводу, после чего освобожден. 27 апреля из лаборатории ГОИ похитил карманные часы. Осужден по ст. 162 п. «в» и заключен под стражу.

Уроженец г. Чебоксары Е.В. Егоров, 15 лет, похитил 11 тыс. руб. из квартиры гражданки Кропиновой. А.М. Кузнецов, 15 лет, приехавший из г. Горький, систематически занимался кражей соли со склада ОРСа ГОИ и продуктов со склада «Треста общественного питания». Осужден по ст. 162 п. «г» и заключен под стражу [5, л. 111].

Из приведенных примеров видно, что систематически преступления совершали приезжие несовершеннолетние.

Таблица 1

Цифровые сведения о результатах работы органов милиции Марийской АССР по задержанию беспризорных и безнадзорных детей и по розыску детей, утерявших родителей за 1944 г. [5, л. 41, 84, 124, 165]

Квартал	Всего	В том числе		Из числа безнадзорных учащихся	В числе задержанных оказалось			Где задержаны		Сколько задержано				Приняли участие в раб. по изъятию			Привлечено родителей		Розыск детей			
																			Кол-во разыскиваемых		Кол-во разысканных	
		Беспризорных	Безнадзорных		Бежавших из детских домов	Бежавших из школ ФЗО и ремесленных училищ	Бежавших из приемников-распределителей НКВД	На улицах, в парках, кино, театрах	На рынках	Постовыми милиционерами	Уполномоченными	При массовых операциях	Общественностью	Комсомольцев	Общественности	Педагогов	К уголовной ответ-ти	В админ-ом порядке	Всего с начала орг. справ. дет. столов	Из них поступ. к роз. в отчет. квартале	Всего с начала орг. справ. дет. столов	Из них в отчетном квартале
I	220	77	143	48	42	7	3	166	54	39	89	56	36	34	43	18	7	3	13	-	1	-
II	170	32	138	74	31	56	5	167	83	88	48	57	20	62	33	18	2	19				
III	335	174	161	73	53	40	27	181	154	62	94	120	59	10	137	21?	1	13				
IV	251	52	209	60	11	64	4	155	106	81	70	101	9	20	51	11	2	19				

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны повсеместно встала проблема борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью. Развитию этих явлений послужила всеобщая мобилизация на фронт, трудовая мобилизация и массовая эвакуация. В целях предупреждения распространения преступности среди несовершеннолетних государство приняло несколько постановлений. Появились новые детские учреждения. В Марийской АССР задержанием беспризорных и безнадзорных детей занимались правоохранительные органы, работники детской комнаты, педагоги, члены общественных организаций, комсомольцы. Районами с самыми высокими показателями по беспризорности и безнадзорности были Горномарийский район (именно г. Козьмодемьянск), Волжский район и столица Марийской республики г. Йошкар-Ола. Связано это с тем, что несовершеннолетние дети прибывали на имеющиеся там вокзалы и скрывались в толпе эвакуированных. Основные преступления, за которые привлекались подростки, были кражи. Но имелись и случаи более тяжких преступлений, таких как порча имущества и покушение на убийство. К концу 1944 г. наблюдалось снижение количества беспризорных детей, но борьба продолжалась и после окончания войны.

Источники и литература

1. *Акимова Л.В.* Борьба с беспризорностью в годы Великой Отечественной войны // Берегиня. 777. Сова. – 2010. – № 5 (7). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-besprizornostyu-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 05.05.2024).

2. *Бурдина Д.А.* Решение проблем безнадзорности и беспризорности в рамках реализации социальной политики СССР 1936–1953 гг. (на материалах Байкальского региона) // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reshenie-problem-beznadzornosti-i-besprizornosti-v-ramkah-realizatsii-sotsialnoy-politiki-sssr-1936-1953-gg-na-materialah (дата обращения: 05.05.2024).

3. *Буряк Е.М., Свистова Н.В.* Организация системы функционирования детских домов и специальных учреждений в городе Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарно-педагогические

исследования. – 2018. – № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-sistemy-funktsionirovaniya-detskih-domov-i-spetsialnyh-uchrezhdeniy-v-gorode-magnitogorske-v-gody-velikoy-otechestvennoy 14 (дата обращения: 05.05.2024).

4. *Габанти А.Б.* Профилактика детской беспризорности в Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны // Известия АлтГУ. – 2009. – № 4–4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-detskoy-besprizornosti-v-severnoy-osetii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny 17 (дата обращения: 05.05.2024).

5. ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. Р-684. Оп. 1. Д. 17.

6. *Емелин С.М.* Органы внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник экономической безопасности. – 2010. – № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organy-vnutrennih-del-v-borbe-s-detskoy-besprizornostyu-i-beznadzornostyu-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945 16 (дата обращения: 05.05.2024).

7. *Жадан А.В.* Органы НКВД Дальнего Востока в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941–1945) // Гуманитарный вектор. – 2021. – № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organy-nkvd-dalnego-vostoka-v-borbe-s-detskoy-besprizornostyu-i-beznadzornostyu-1941-1945 15 (дата обращения: 05.05.2024).

8. *Кабирова А.Ш.* Общество и дети: борьба с детской безнадзорностью, беспризорностью и девиантностью в Татарстане в период Великой Отечественной войны // Вестник ТГГПУ. – 2011. – № 25. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-i-deti-borba-s-detskoy-beznadzornostyu-besprizornostyu-i-deviantnostyu-v-tatarstane-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny 11 (дата обращения: 05.05.2024).

9. *Кискидосова Т.А.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. – 2021. – № 1 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-detskoy-besprizornostyu-i-beznadzornostyu-v-hakasii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 05.05.2024).

10. *Красноженова Е.Е.* Социальная проблема беспризорности и безнадзорности и ее решение в период Великой Отечественной войны (по материалам Нижнего Поволжья) // Вестник КИГИ РАН. – 2012. – № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-problema-besprizornosti-i-beznadzornosti-i-ee-reshenie-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny-po-materialam-nizhnego (дата обращения: 05.05.2024).

11. *Красноженова Е.Е.* Борьба с детской беспризорностью в Нижнем Поволжье в период Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2013. – № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-detskoy-besprizornostyu-v-nizhnem-povolzhie-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 05.05.2024).

12. *Ляскина Н.В.* Работа по профилактике правонарушений и детской беспризорности среди несовершеннолетних в школах Приморского края (1941–1945 гг.) // Современная научная мысль. – 2019. – № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-po-profilaktike-pravonarusheniy-i-detskoy-besprizornosti-sredi-nesovershennoletnih-v-shkolah-primorskogo-kraya-1941-1945-gg (дата обращения: 05.05.2024).

13. *Маликов Ж.К.* Деятельность НКВД в годы Великой Отечественной войны // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 3 (22). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-nkvd-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 05.05.2024).

14. *Малхасян Н.В.* Опыт борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – № 5-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-borby-s-detskoy-besprizornostyu-i-beznadzornostyu-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 05.05.2024).

15. *Мухамедов Р.А., Пашкин А.Г.* Беспризорность несовершеннолетних как социальное явление в 1941–1945 годах: проявления и попытки преодоления в Среднем Поволжье // Научный диалог. – 2020. – № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/besprizornost-nesovershennoletnih-kak-sotsialnoe-yavlenie-v-1941-1945-godah-proyavleniya-i-popytki-preodoleniya-v-srednem-povolzhie (дата обращения: 05.05.2024).

16. *Сактаганова З.Г., Абдукаримова Ж.К., Сальникова А.А.* Дети войны: беспризорность и безнадзорность в центральном Казахстане в 1941–1945 гг. (по архивным документам) // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2021. – № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deti-voyny-besprizornost-i-beznadzornost-v-tsentralnom-kazahstane-v-1941-1945-gg-po-arhivnym-dokumentam (дата обращения: 05.05.2024).

17. *Славко А.А.* Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – № 120. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-regulirovanie-protsessa-likvidatsii-detskoy-besprizornosti-v-rossii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-i-v (дата обращения: 05.05.2024).

18. *Славко А.А.* Источники по истории детской беспризорности и безнадзорности в России 1920-х – начала 1950-х годов // Вестник ИГЭУ. – 2011. – № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-po-istorii-detskoy-besprizornosti-i-beznadzornosti-v-rossii-1920-h-nachala-1950-h-godov (дата обращения: 05.05.2024).

19. *Сулейманова Р.Н.* Меры по защите детства в годы Великой Отечественной войны: из региональной истории // ИСОМ. – 2021. – № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mery-po-zaschite-detstva-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-iz-regionalnoy-istorii (дата обращения: 05.05.2024).

20. *Черемина И.В.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Нижневолжском крае в 1941–1943 гг. (на материалах Астраханского округа) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2013. – № 27. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-detskoy-besprizornostyu-i-beznadzornostyu-v-nizhnevolzhskom-krae-v-1941-1943-gg-na-materialah-astrahanskogo-okruga (дата обращения: 05.05.2024).

A.S. Ladina

PROBLEMS OF HOMELESSNESS AND NEGLECT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON MATERIALS OF THE MARI ASSR)

Annotation. The Great Patriotic War exacerbated the child problem. Since the beginning of military actions, there has been a sharp increase in the number of homeless and neglected children. At the same time, juvenile crime has also increased. This problem was especially acute in the frontline regions and occupied territories. Often, children took the path of homelessness due to the fact that they lost their parents during evacuation. The Mari ASSR, being a zone of the active army, took in thousands of residents of different cities during the war, including children. The purpose of this article is to consider the issue of homelessness and neglect during the Great Patriotic War in the Mari ASSR in 1944. To do this, it is necessary to solve a number of problems: to track the dynamics of the number of homeless and neglected children and to find out how the work was carried out to eliminate homelessness and neglect in the rear region.

Keywords: children's everyday life, homelessness, neglect, juvenile delinquency, children's rooms, Mari ASSR, Great Patriotic War 1941-1945.

УДК 355.425.4

Т.Е. Лопатина,
А.П. Лопатин,
Н.А. Лопатина,
О.А. Васильева

УРОЖЕНЕЦ КУБАНСКОГО АРМАВИРА МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ДЖАГАРОВ – ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ОРГАНИЗАТОРОВ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ В БЕЛОРУССИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. К ВОПРОСУ О «МАЛОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЕ» И ЕЕ ГЕРОЯХ

Аннотация. Изучение биографий воинов стало одним из действенных способов постижения исторических реалий прошлого, настоящего и будущего. Здесь часто скрыты и причины, и обстоятельства, двигавшие человеком, значимые и для него самого, и даже для государства. Тем более важно, когда страна может узнать о судьбе еще одного своего сына, ставшего знаковой фигурой в таком сложном деле, как защита Отечества на партизанском фронте Великой Отечественной войны. Одному из сыновей Армавира, Михаилу Джагарову, посвящена эта статья. Армянин по национальности, он везде в анкетах военного времени писал «русский», благодаря таким образом свою вторую Родину – Россию, свой второй родной город – Москву. Но и это еще не все: для русского армянина Белоруссия (БССР), где он воевал в партизанских отрядах, стала после войны родным домом ему и его детям.

Ключевые слова: М. Джагаров, Великая Отечественная война, Белоруссия (БССР), партизаны, партизанский фронт.

Вот уже 15 лет как Государственной Думой России принято решение об учреждении 29 июня ежегодного праздника – Дня партизан и подпольщиков. Произошло это в 2009 г. по инициативе жителей и руководства Брянской области, чтобы еще раз «в знак памяти самоотверженной борьбы в тылу врага партизан и подпольщиков» отмечать, вспоминать, изучать значительный вклад партизанской войны в победу народов СССР над фашистами во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [4].

Почему именно 29 июня установлен этот памятный день в праздничном календаре России? Выбор даты праздника связан в первую очередь с выходом 29 июня 1941 г. Директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), предписывавшей всем организациям Советского Союза партийной, советской, профсоюзной и комсомольской направленности создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с немецкими войсками [2].

Надо отметить, что самый первый бой в истории народной «Малой партизанской войны» периода Великой Отечественной советские партизаны провели накануне выхода директивы 28 июня 1941 г., когда Германия вместе с союзниками захватила Минск. В том памятном бою силами партизан отряда Комарова была осуществлена засада на движущиеся по дороге Пинск – Логишин легкие танки. Это положило начало партизанскому искусству разведывательно-диверсионной работы на оккупированных врагом советских землях в период Великой Отечественной войны. Бой сил – «комаровцев» (где не было потеряно ни единого бойца – партизана), по праву может претендовать на честь называться самым первым партизанским боем в истории партизанского движения Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [3].

Более 6000 различных отрядов, в которые вступали все категории граждан, более миллиона человек – это не просто цифровые характеристики партизанской войны советского народа. Каждая единица в этом списке – это отдельная история боли, преодоления, побед и высочайшей силы духа, потрясающего сопротивления захватчикам всех народов великой страны. 30 мая 1942 г. был создан Центральный штаб партизанского движения, координировавший и направлявший действия местных, региональных штабов, руководимых главами ЦК компартии. Единый управленческий орган послужил импульсом интенсификации партизанской войны, ее масштабов и стратегии развития. Отлично организованная структура управления после проверки «боем» показала не просто свою жизнеспособность – она значительно увеличила эффективность ведения партизанской войны. Но залог успеха советского народа и на полях крупных сражений, и в партизанской войне был в первую очередь в том, что это была поистине народная, священная война, где все, от мала до велика, встали на пути германской военной

мощи. Партизанское движение, по сути, приобрело в СССР всенародный характер – его участниками стали и мужчины, и женщины, люди разных возрастов, профессий, национальностей.

Об одном из сыновей Армавира Михаиле Джагарове хотелось бы сегодня рассказать (*фото 1*)[1]. Армянин по национальности, он везде в анкетах военного времени писал «русский», благодаря таким образом свою вторую Родину – Россию, свой второй родной город – Москву. Но и это еще не все – для русского армянина Белоруссия (БССР), где он воевал в партизанских отрядах, была еще одной любящей матерью, ставшей после войны родным домом ему и его детям. Михаил Михайлович Джагаров, участник Великой Отечественной войны, государственный деятель Республики

Фото 1. М.М. Джагаров

[1] Здесь и далее: использованы фото с сайтов https://partizany.by/partisans/24142/, https://www.sb.by/articles/obvenchannye-voynoy.html, а также других открытых Интернет-источников.

Беларусь (БССР), родился 25 декабря 1920 г. в городе Армавире тогда Кубано-Черноморской области РСФСР по адресу: ул. Комсомольская, д. 84 (*фото 2*).

Мать Михаила Эрна Авдеевна, урожденная Джагарова, имела хрупкое здоровье. Известно, что брат Эрны, родной дядя Миши, ставший впоследствии известным в Советском Союзе психиатром, для лечения сестры не жалел сил, использовал все возможные средства и связи в Москве. Однако тяжелая болезнь, несмотря на

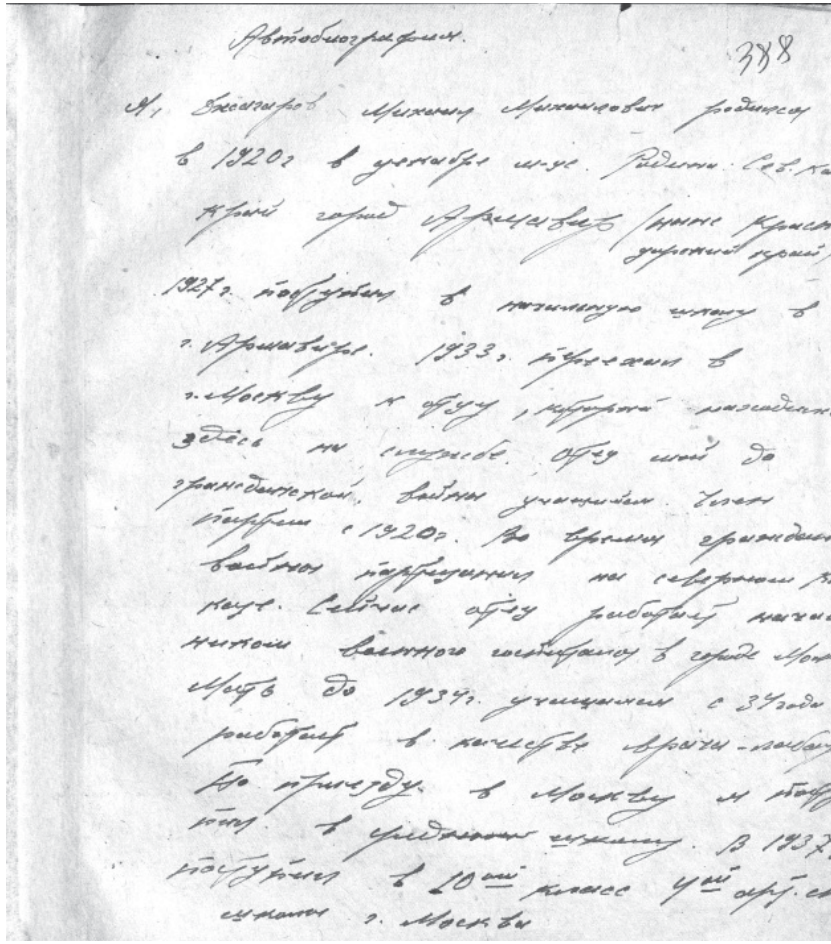

Фото 2. Автобиография М.М. Джагарова

колоссальные врачебные усилия специалистов московских клиник, оказалась сильнее – и молодая женщина в 1924 г. уходит из жизни. Отец маленького Михаила, М. Акопянц, в том же 1924 г., вскоре после кончины супруги, оставляет семью, уезжает и больше о нем никто не слышал. Михаил фактически в четыре года становится круглым сиротой [1].

Все тяготы его воспитания легли на плечи бабушки по материнской линии – Джагаровой. Здесь, в предгорьях Северного Кавказа проходят первые годы жизни Михаила Джагарова. Именно в Армавире Миша в 1927 г. поступает в младшую (начальную) школу, где несколько лет проходит его учеба. Чуть позднее с бабушкой Михаил переедет из Армавира в столицу к родному дяде – тезке, известному психиатру, доктору Михаилу Авдеевичу Джагарову. Спустя некоторое время в 1933 г. Михаилу Авдеевичу и его супруге Александре Иларьевне (врачу-лаборанту невропсихиатрического института имени П.Б. Ганушкина в Москве) удается официально усыновить ребенка, который наконец-то обретает полноценную семью. Уже будучи взрослым, Михаил Михайлович во всех автобиографиях не просто тепло отзывается о дяде и тете, он пишет о Михаиле Авдеевиче и Александре Иларьевне как о своих родителях, старается не подводить, гордится ими. А гордиться было кем! Михаил Авдеевич Джагаров (1900–1944) в 1926 г. окончил 2-й Московский медицинский институт. В 34 года получил должность главного врача 1-й Московской психиатрической больницы, пробыл на этой должности семь лет (1934–1941). Затем в звании майора медицинской службы в 1941–1943 гг. проходил службу в качестве начальника фронтового госпиталя на Северном фронте. Позже по возвращении в Москву и до трагической кончины 22 декабря 1944 г. снова возглавлял 1-ю Московскую психиатрическую больницу (1943–1944). Михаил Авдеевич, талантливый ученый, практикующий врач, занимался созданием архивных фондов по истории психиатрии в России, активно трудился над масштабным проектом документирования истории психиатрии дореволюционного периода, провел интервью с десятью «светилами» в этой области (*фото 3*).

Михаил Авдеевич сумел собрать оригиналы документации, выписки и копии свидетельств истории психиатрии (личный фонд

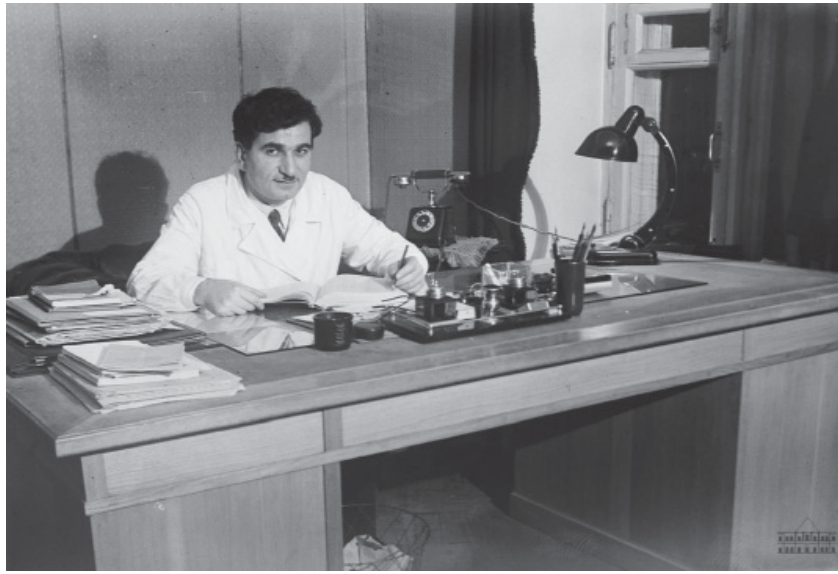

Фото 3. М.А. Джагаров в своем кабинете. Конец 1930-х гг.

М.А. Джагарова, архивный отдел Музея истории Преображенской психиатрической больницы им. В.А. Гиляровского). Михаил Авдеевич, занимаясь воспитанием юного Миши оказал значительное влияния на формировавшуюся личность будущего партизана-героя. А наш земляк, Миша, после получения аттестата об окончании полных десяти классов столичной Четвертой специальной артиллерийской школы едет в северную столицу – Ленинград. Там он проходит полный курс обучения во втором Ленинградском артиллерийском училище и после выпуска в лейтенантском звании получает направление командиром взвода 130-го корпусного артиллерийского полка в г. Ломжа (*фото 4*).

Фото 4. М.М. Джагаров

Самые первые дни начала Великой Отечественной войны застают молодого лейтенанта Джагарова в специализированных летних военных лагерях. Так случилось, что Михаил становится с первых часов войны непосредственным участником боев с наступающими силами противника. Однако уже спустя двое суток ожесточенных схваток начинается вынужденное отступление частей, где воевал Джагаров. Попав в окружение, он с другими красноармейцами идет к линии фронта в направлении Белосток – Волковыска – Слоним. Однако, не успев выйти к своим частям, красноармейцы принимают решение о начале диверсионной работы на оккупированной врагом земле.

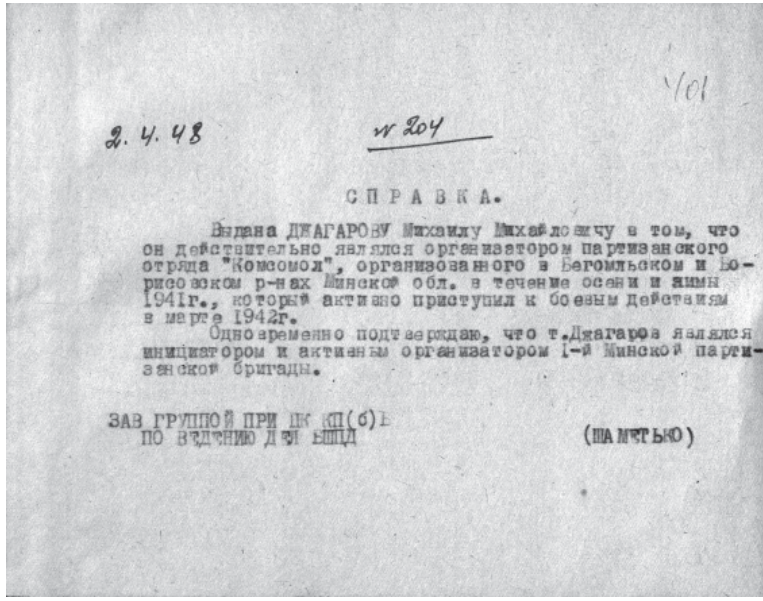
Обо всех событиях того трудного времени М.М. Джагаров подробно рассказал в книге «Костры партизанские: записки командира», созданной на основе архивных данных и воспоминаний участников событий (*фото 5*). Михаил Михайлович вспоминает, как в середине осенней поры 1941 г. с группой – «окруженцев»-красноармейцев, под видом заключенных устраивается на торфозавод «Белое Болото» в Борисовском районе. Там Михаил Михайлович начинает скрытно формировать организованную группу партизан. Февральскими днями 1942 г. Михаил Джагаров выводит в леса Белоруссии (БССР) часть работающих этого завода – будущих партизан, сам же возвращается на завод. Окончательно уходит в лес Джагаров лишь к середине весны с последней группой подпольщиков – партизан. И в белорусских лесах

Фото 5. Книга М.М. Джагарова «Костры партизанские»

появляется детище Джагарова – организованный отряд партизан «Комсомол» (Борисовский, Бегомльский районы).

Наш земляк становится командиром «Комсомола» (*фото 6*). К Первомаю отряд насчитывает уже не менее 60 вооруженных боевых единиц.

2.4.48 № 204

СПРАВКА.

Выдана ДЖАГАРОВУ Михаилу Михайловичу в том, что он действительно являлся организатором партизанского отряда "Комсомол", организованного в Бегомльском и Борисовском р-нах Минской обл. в течение осени и зимы 1941г., который активно приступил к боевым действиям в марте 1942г.

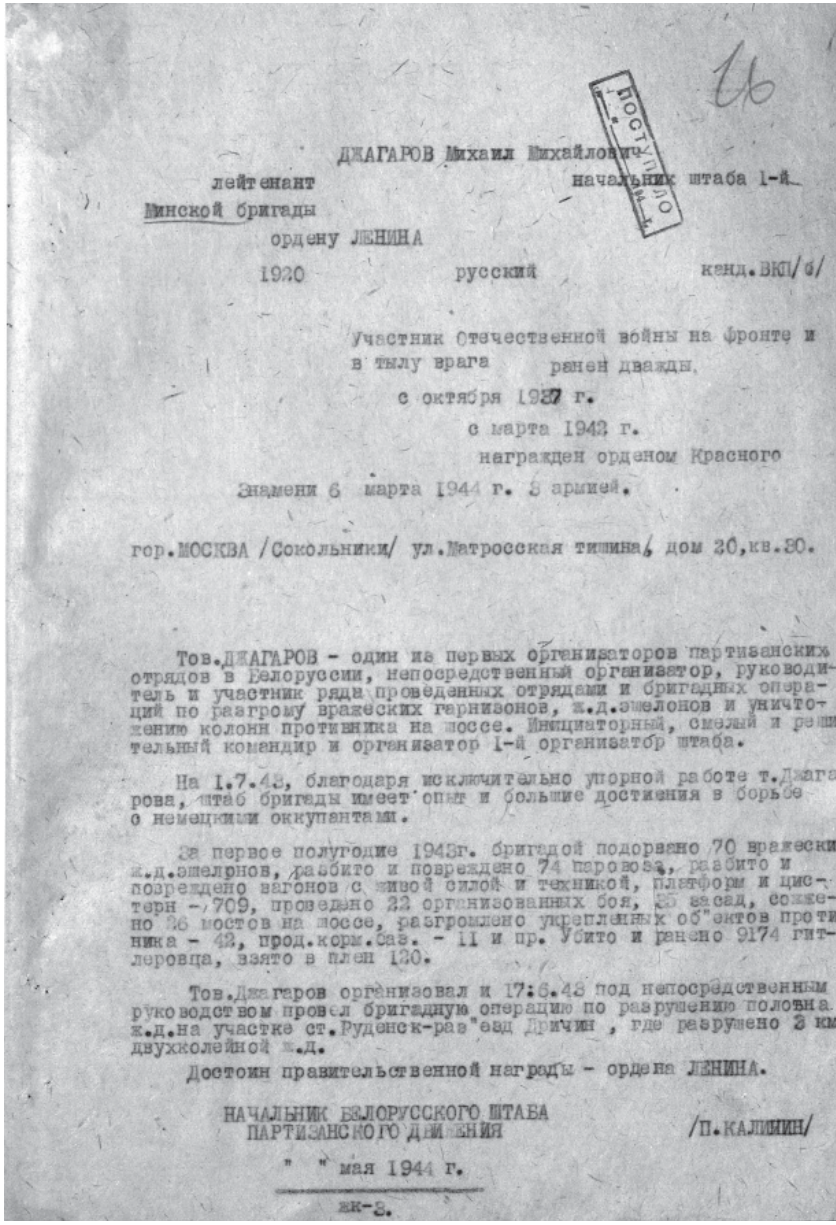
Одновременно подтверждаю, что т.Джагарова являлся инициатором и активным организатором 1-й Минской партизанской бригады.

ЗАВ ГРУППОЙ ПРИ ЦК КП(б)Б
ПО ВЕДЕНИЮ ДЕЛ ЦШД (НАМЕТЬКО)

Фото 6. Справка об организации отряда «Комсомол»

Весна – лето 1942 г. для «Комсомола» проходят как ряд успешных операций в тылу врага. Партизаны разрушают тыловую инфраструктуру вражеских частей. Летом 1942 г. партизанам все-таки удается пересечь линию фронта и соединиться с частями Красной армии, в надежде продолжать войну в регулярных частях. Однако после короткого отдыха в тылу отряд Джагарова перенаправляется в Червенский район. Именно там в конце лета 1942 г. из партизанских отрядов, в соответствии с решением Минского обкома партии, создается 1-я Минская партизанская бригада, где Михаил Михайлович возглавляет штаб (*фото 7*).

Осенью 1943 г. Джагарова представляют к награждению орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. В описании его подвига есть строчки о том,

ДЖАГАРОВ Михаил Михайлович начальник штаба 1-й
лейтенант
Минской бригады
ордену ЛЕНИНА
1920 русский канд.ВКП/б/

Участник Отечественной войны на фронте и
в тылу врага ранен дважды.
с октября 1937 г.
с марта 1942 г.
награжден орденом Красного
Знамени 6 марта 1944 г. 3 армией.

гор.МОСКВА /Сокольники/ ул.Матросская тишина, дом 36,кв.80.

Тов.ДЖАГАРОВ - один из первых организаторов партизанских отрядов в Белоруссии, непосредственный организатор, руководитель и участник ряда проведенных отрядами и бригадных операций по разгрому вражеских гарнизонов, ж.д.эшелонов и уничтожению колонн противника на шоссе. Инициативный, смелый и решительный командир и организатор 1-й организатор штаба.

На 1.7.43, благодаря исключительно упорной работе т.Джагарова, штаб бригады имеет опыт и большие достижения в борьбе с немецкими оккупантами.

За первое полугодие 1943г. бригадой подорвано 70 вражеских ж.д.эшелонов, разбито и повреждено 74 паровоза, разбито и повреждено вагонов с живой силой и техникой, платформ и цистерн - 709, проведено 22 организованных боя, 25 засад, сожжено 26 мостов на шоссе, разгромлено укрепленных об"ектов противника - 42, прод.скл.баз. - 11 и пр. Убито и ранено 9174 гитлеровца, взято в плен 130.

Тов.Джагаров организовал и 17.6.43 под непосредственным руководством провел бригадную операцию по разрушению полотна ж.д.на участке ст.Руденск-раз"езд Дричин, где разрушено 3 км двухколейной ж.д.

Достоин правительственной награды - ордена ЛЕНИНА.

НАЧАЛЬНИК БЕЛОРУССКОГО ШТАБА
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ /П.КАЛИНИН/

" " мая 1944 г.

ак-8.

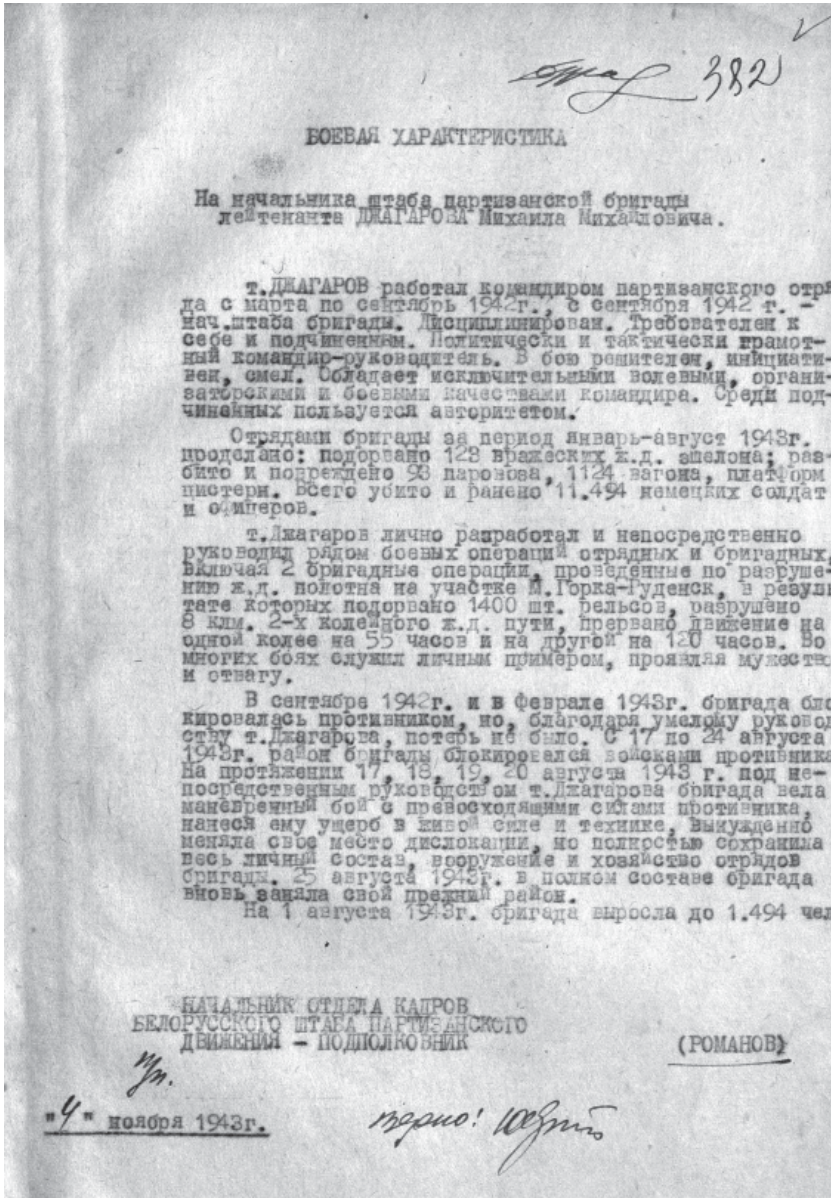
Фото 7. Наградной лист М.М. Джагарова

что еще в конце 1942 г. «с группой разведчиков пустил под откос вражеский эшелон», уничтожив технику и живую силу фашистов. В боевой характеристике, подписанной начальником отдела кадров Белорусского штаба партизанского движения подполковником Романовым от 4 ноября 1943 г. на начальника штаба партизанской бригады лейтенанта Джагарова Михаила Михайловича, говорится, что отрядами бригады за период январь – август 1943 г. подорвано 123 вражеских железнодорожных эшелона, разбито, повреждено 93 паровоза, 1124 вагона, платформ, цистерн, всего убито, ранено 11 494 немецких солдат и офицеров (*фото 8*). Джагаров лично разработал и непосредственно руководил рядом отрядных и бригадных боевых операций, во многих боях служил личным примером мужества и отваги.

Там же в белорусских лесах партизан Михаил Михайлович Джагаров знакомится со своей будущей супругой Ириной (*фото 9*). Уроженка Минска Ирина Степановна Марковская (1924–2010) выросла в семье музыканта-педагога С.С. Марковского, до начала войны окончила художественную студию. Рядовая партизанского отряда Ф.Ф. Юрченко И.С. Марковская вела делопроизводство бригады, активно содействовала выпуску художественно-литературных журналов. За участие в партизанском движении Ирина Степановна награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. В послевоенное время работала в лингвистическом институте в Минске.

Об истории знакомства с Михаилом Михайловичем Ирина Степановна рассказала в интервью газете «Советская Беларусь», в том числе и о «партизанской» свадьбе, когда в ближайшей деревушке скромным застольем 23 февраля 1943 г. они отпраздновали свой законный брак. А к самому концу осени 1943 г., недалеко от д. Красный Берег, в лесу Червенского района, у нашего земляка и минчанки появился на свет сын Борис, ставший крупным ученым, доктором физико-математических наук. Уже после войны в 1949 г. у Джагаровых родилась дочь Наталья, которая также выбрала стезю ученого-педагога (кандидат педагогических наук).

Из-за обстановки на фронтах Михаилу Михайловичу, прибывшему в Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) не удается вернуться в партизанскую бригаду. Джагарова по его

Отд 382

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

На начальника штаба партизанской бригады
лейтенанта ДЖАГАРОВА Михаила Михайловича.

т.ДЖАГАРОВ работал командиром партизанского отряда с марта по сентябрь 1942г., с сентября 1942 г. – нач.штаба бригады. Дисциплинирован. Требователен к себе и подчиненным. Политически и тактически грамотный командир-руководитель. В бою решителен, инициативен, смел. Обладает исключительными волевыми, организаторскими и боевыми качествами командира. Среди подчиненных пользуется авторитетом.

Отрядами бригады за период январь-август 1943г. пропущено: подорвано 128 вражеских ж.д. эшелона; разбито и повреждено 98 паровоза, 1124 вагона, платформ и цистерн. Всего убито и ранено 11.494 немецких солдат и офицеров.

т.Джагаров лично разработал и непосредственно руководил рядом боевых операций отрядных и бригадных, включая 2 бригадные операции, проведенные по разрушению ж.д. полотна на участке М.Горка-Гуденск, в результате которых подорвано 1400 шт. рельсов, разрушено 8 км. 2-х колейного ж.д. пути, прервано движение на одной колее на 55 часов и на другой на 120 часов. Во многих боях служил личным примером, проявляя мужество и отвагу.

В сентябре 1942г. и в феврале 1943г. бригада блокировалась противником, но, благодаря умелому руководству т.Джагарова, потерь не было. С 17 по 24 августа 1943г. район бригады блокировался войсками противника. На протяжении 17, 18, 19, 20 августа 1943 г. под непосредственным руководством т.Джагарова бригада вела маневренный бой с превосходящими силами противника, нанеся ему ущерб в живой силе и технике, вынужденно меняла свое место дислокации, но полностью сохранила весь личный состав, вооружение и хозяйство отрядов бригады. 25 августа 1943г. в полном составе бригада вновь заняла свой прежний район.

На 1 августа 1943г. бригада выросла до 1.494 чел.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА КАДРОВ
БЕЛОРУССКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ – ПОДПОЛКОВНИК (РОМАНОВ)

"4" ноября 1943г.

Верно!

Фото 8. Боевая характеристика М.М. Джагарова

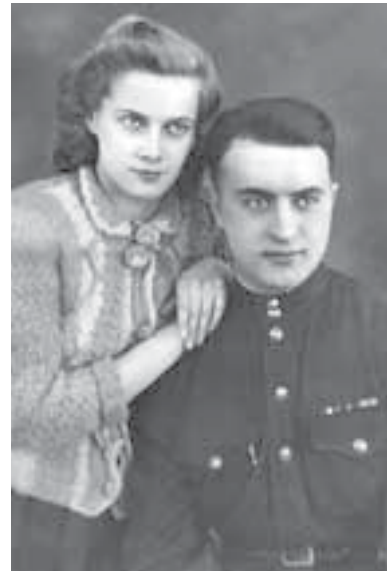
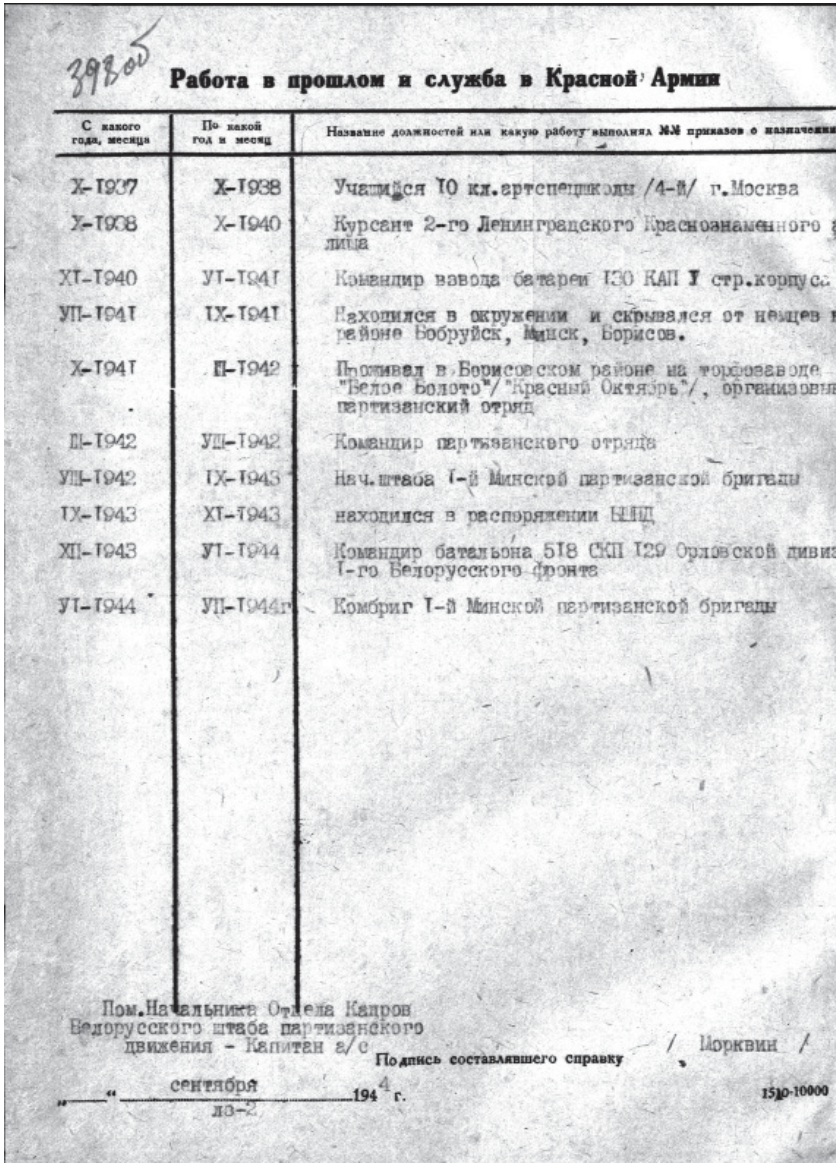

Фото 9. М. Джагаров с женой Ириной

просьбе направляют в декабре 1943 г. в действующую армию, где назначают зам. комбата 518-го стрелкового Краснознаменного полка 129-й стрелковой Орловской дивизии. Михаил проявил себя опытным, смелым командиром и за выполнение важной боевой задачи 6 марта 1944 г. его награждают орденом Красного Знамени. Но стране уже в скором времени потребовалось умение Джагарова действовать в тылу врага, вести «партизанскую войну», и в июне 1944 г. его по предписанию штаба направляют в 1-ю Минскую партизанскую бригаду временно исполнять обязанности партизанского комбрига. Это был период начала масштабного наступления – операции «Багратион». В задачу партизан входило уничтожение живой силы и техники отступающего врага, создание фактически «второго» фронта в лесах Белоруссии (БССР). Первая Минская бригада должна была обеспечивать проход Красной армии на участках Пуховичи – Марьина Горка (25 июня – 3 июля 1944 г.), обороняя левый берег Свислочи и подготавливая засадные точки на шоссе направления Червень – Смолевичи, для создания помех в организованном отступлении фашистских сил (29–30 июня 1944 г.) (*фото 10*).

398об

Работа в прошлом и служба в Красной Армии

С какого года, месяца	По какой год и месяц	Название должностей или какую работу выполнял №№ приказов о назначении
X-1937	X-1938	Учащийся 10 кл. артспецшколы /4-й/ г. Москва
X-1938	X-1940	Курсант 2-го Ленинградского Краснознаменного училища
XI-1940	VI-1941	Командир взвода батареи 130 КАП 3 стр. корпуса
VII-1941	IX-1941	Находился в окружении и скрывался от немцев в районе Бобруйск, Минск, Борисов.
X-1941	II-1942	Проживал в Борисовском районе на торфозаводе "Белое Болото"/"Красный Октябрь"/, организовав партизанский отряд
II-1942	VII-1942	Командир партизанского отряда
VII-1942	IX-1943	Нач. штаба 1-й Минской партизанской бригады
IX-1943	XI-1943	находился в распоряжении ЦШПД
XII-1943	VI-1944	Командир батальона 518 СКП 129 Орловской дивизии 1-го Белорусского фронта
VI-1944	VII-1944г	Комбриг 1-й Минской партизанской бригады

Пом. Начальника Отдела Кадров
Белорусского штаба партизанского
движения - Капитан з/с / Морквин /

Подпись составлявшего справку

"____" сентября 194 4 г.

лз-2

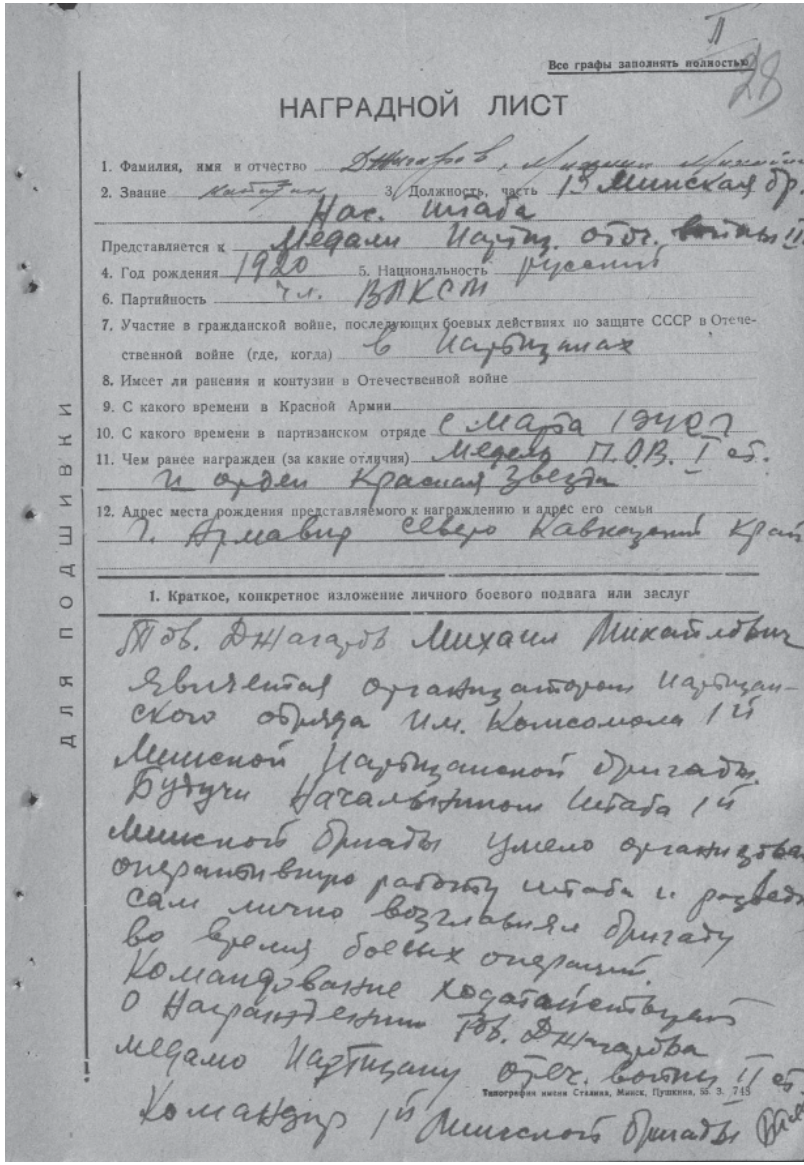
1510-10000

Фото 10. Послужной список М.М. Джагарова

11 июля 1944 г. Михаил Михайлович Джагаров – начальник штаба бригады, а уже 16 июля наш земляк принимает участие в «Партизанском» параде в белорусской столице – г. Минске. После воссоединения с регулярными частями Красной армии перед партизанской бригадой была поставлена задача выявления и уничтожения разрозненных группировок фашистов в Руденском, Червенском, Пуховичском районах.

Вполне заслуженно к середине лета 1944 г. Михаила Михайловича Джагарова представили к званию Героя Советского Союза, но через полгода в первом квартале 1945 г. представление «понизили» до ордена Отечественной войны 1-й степени. Прошло еще почти четыре года, прежде чем Михаил Михайлович был удостоен ордена по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1948 г. Второй раз М.М. Джагарова представляли к званию Героя Советского Союза уже в послевоенном 1965 году. Но по неизвестным причинам кандидатуры 12 партизан, среди которых был и Джагаров, отклонили (*фото 11*).

После войны партизанские отряды расформировывают, но уроженец Армавира Михаил Михайлович Джагаров навсегда остается на белорусской земле, ставшей для него второй Родиной. В сентябре 1944 г. его назначают зам. районного, а позже Главного уполномоченного СНК БССР по эвакуации белорусского населения с территории Польши. И эту тяжелейшую, непростую, даже опасную работу Джагаров выполняет с честью. Главный уполномоченный Совета министров БССР по эвакуации И. Круглик, характеризуя работу нашего земляка, указал: «в результате большой разъяснительной и организационной работы, проведенной т. Джагаровым, из волостей, к нему прикрепленных, эвакуировалось в Белоруссию (БССР) 152 белорусских хозяйства. За период работы т. Джагарова заместителем Бельского райуполномоченного по району подано 2041 заявление, эвакуировано в СССР 1210 хозяйств» [1, с. 10]. С июля 1946 г. Михаил Михайлович уже работает управляющим делами в Министерстве иностранных дел БССР, с апреля 1956 г. – референтом – ответственным секретарем, старшим референтом – ответственным секретарем Комиссии по установлению персональных пенсий при Совете министров БССР. Успевает земляк параллельно с работой учиться на историческом факультете БГУ (год окончания – 1955).

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Джагаров, Михаил Михайлович
2. Звание капитан 3. Должность, часть 1-й Минской бр. Нач. штаба
Представляется к медали Парт. отеч. войны 1 ст.
4. Год рождения 1920 5. Национальность русский
6. Партийность чл. ВЛКСМ
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР в Отечественной войне (где, когда) в партизанах
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне
9. С какого времени в Красной Армии
10. С какого времени в партизанском отряде с марта 1942 г.
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) медалью П.О.В. I об. и орден Красная Звезда
12. Адрес места рождения представляемого к награждению и адрес его семьи г. Армавир Северо Кавказский край

ДЛЯ ПОДШИВКИ

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

тов. Джагаров Михаил Михайлович
Являлся организатором партизанского отряда им. Комсомола 1-й Минской партизанской бригады. Будучи начальником штаба 1-й Минской бригады умело организовал оперативную работу штаба и разведки, сам лично возглавлял бригаду во время боевых операций. Командование ходатайствует о награждении тов. Джагарова медалью Партизану отеч. войны 1 ст.

Командир 1-й Минской бригады

Типография имени Сталина, Минск, Пушкина, 55. З. 715

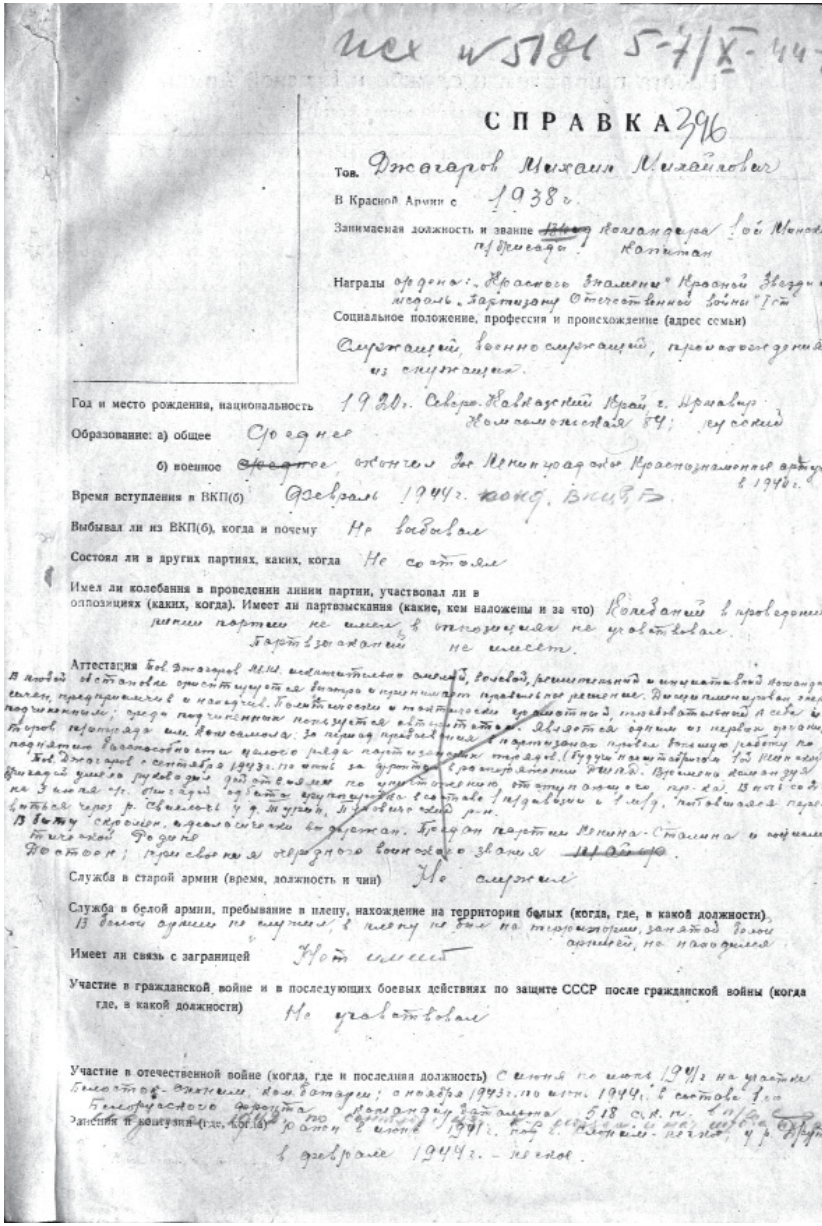
Фото 11. Наградной лист капитана М.М. Джагарова

В 1969–1984 гг. Джагаров работает в Совете министров БССР, занимаясь проблемами защиты социалистической собственности, вопросами охраны правопорядка, задачами подготовки и проведения призывных кампаний, подготовкой и воспитанием призывников, проблемами организации учебного процесса по гражданской обороне, жилищным обеспечением и трудоустройством офицерского состава, ушедшего в отставку, вопросами деятельности организаций ДОСААФ и др.

Михаилу Михайловичу была установлена в 1984 г. персональная пенсия республиканского значения. Но Джагаров продолжил работать, являясь начальником второго отдела Государственного комитета БССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства БССР (февраль 1984 – март 1986 г.). Был Михаил Джагаров и «общественником» – членом Президиума Белорусского республиканского совета ветеранов войны, Белорусского республиканского профсоюза работников государственных учреждений, также входил в делегацию Общества дружбы (конец 1960-х – начало 1970-х гг.). Написал наш земляк несколько книг и целый ряд статей по истории партизанского движения. Умер Михаил Михайлович Джагаров в декабре 2005 г., похоронен на Северном кладбище г. Минска.

Изучение биографий воинов стало одним из действенных способов постижения исторических реалий прошлого, настоящего и будущего. Здесь часто скрыты и причины, и обстоятельства, двигавшие человеком, значимые и для него самого, и даже для государства. Тем более важно, когда страна может узнать о судьбе еще одного своего сына, ставшего знаковой фигурой в таком сложном деле, как защита Отечества на «партизанском фронте» Великой Отечественной войны (*фото 12*).

Интерес к партизанскому движению, его зарождению, трансформации, фактам истории с годами не угасает. В современном цивилизационном пространстве все больше наблюдается тотальное игнорирование роли советских воинов, советского народа в уничтожении Третьего Рейха. Раз за разом ангажированные ЕС писатели, журналисты, ученые делают попытки «переписать», перекроить, исказить до неузнаваемости правду истории, бессовестно попирая память наших предков – освободителей Европы. Немые свидетели

Цех № 5781 5-7/X-44г

СПРАВКА 396

Тов. Джагаров Михаил Михайлович

В Красной Армии с 1938 г.

Занимаемая должность и звание ~~Ком~~ Командира 1ой Минской бригады Капитан

Награды ордена: "Красного Знамени" "Красной Звезды" и медаль "Партизану Отечественной войны" I ст.

Социальное положение, профессия и происхождение (адрес семьи)

Сержантский, военно сержантский, перешел из служащих.

Год и место рождения, национальность 1920 г. Сев. Кавказский Край г. Армавир Комсомольская 84; русский

Образование: а) общее Среднее

б) военное ~~Среднее~~ окончил 2ое Ленинградское Краснознаменное авиаучилище в 1940 г.

Время вступления в ВКП(б) Февраль 1944 г. канд. ВКП(б)

Выбывал ли из ВКП(б), когда и почему Не выбывал

Состоял ли в других партиях, каких, когда Не состоял

Имел ли колебания в проведении линии партии, участвовал ли в оппозициях (каких, когда). Имеет ли партвзыскания (какие, кем наложены и за что) Колебаний в проведении линии партии не имел в оппозициях не участвовал. Партвзысканий не имеет.

Аттестация Тов. Джагаров М.М. политически развитый, волевой, решительный и инициативный командир. В любой обстановке ориентируется быстро и принимает правильное решение. Дисциплинирован, энергичен, предприимчив и находчив. Политически и тактически грамотный, требовательный к себе и подчиненным; среди подчиненных пользуется авторитетом. Является одним из первых организаторов партизанского движения на Кавказе. За период пребывания в партизанах принял большую работу по подготовке высококвалифицированных кадров партизан. Тов. Джагаров с сентября 1943 г. по июнь за время существования 2ой Минской бригады умело руководил действиями по уничтожению отступающего противника. В июле с бригадой ушел в рейд по тылам противника в составе 1 отдельной и 1 м/д, пробивавшейся через р. Свислочь у д. Журавичи, Кировского района. В бою с немцами, вдвое сильнее по вооружению, был ранен. Достоин; представления к орденскому воинскому званию Майора.

Служба в старой армии (время, должность и чин) Не служил

Служба в белой армии, пребывание в плену, нахождение на территории белых (когда, где, в какой должности) В белой армии не служил, в плену не был, на территории, занятой белой армией, не находился.

Имеет ли связь с заграницей Не имеет

Участие в гражданской войне и в последующих боевых действиях по защите СССР после гражданской войны (когда где, в какой должности) Не участвовал

Участие в отечественной войне (когда, где и последняя должность) С июня по июль 1941 г. на участке Белосток-Гродно, ком. батареи; с июня 1943 г. по июнь 1944 г. в составе 2-го Белорусского фронта, командир эскадрильи 518 с.п. 16 в.а. Ранения и контузии (где, когда) Ранен в июле 1941 г. под г. Гродно, в феврале 1944 г. - легкое.

Фото 12. Справка М.М. Джагарова с адресом в г. Армавире

подвигов советского народа – монументы, памятники в бывших республиках СССР, в странах Европейского Союза – безжалостно разрушаются, лишая европейцев права знать правду о тех страшных годах. И потому сегодня приобретает все большую остроту необходимость восстановления истории тех времен, даже если это судьба одного человека, судьба одной семьи, судьба одного города.

Часто нам достаточно обернуться назад и всего лишь вспомнить о времени, о потерях и страданиях народа, вспомнить имена героев войны, чтобы встать на верный путь развития, чтобы не допустить фашистского режима в любых его проявлениях.

Источники и литература

1. *Агеенко Т.Н.* Михаил Джагаров: страницы биографии // Архіўны дыялог : зборнік артыкулаў. Вып. 2. – Мінск, 2024. – С. 5–11.

2. Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. – М., 1968. – С. 38–39.

3. Подвиги и судьбы партизан – в документах [Электронный ресурс]. URL: https://partizany.by/ (дата обращения: 19.08.2024).

4. Час истории «Шумел сурово брянский лес» [Электронный ресурс]. URL: http://belinckij23.blogs.donlib.ru/chas-istorii-shumel-surovo-brjanskij-les/?doing_wp_cron=1675630186.0336830615997314453125 (дата обращения: 17.08.2024).

T.E. Lopatina,
A.P. Lopatin,
N.A. Lopatina,
O.A. Vasilyeva

MIKHAIL MIKHAILOVICH DZHAGAROV, A NATIVE OF KUBAN ARMAVIR, WAS ONE OF THE FIRST ORGANIZERS OF PARTISAN DETACHMENTS IN BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR. ON THE ISSUE OF THE "SMALL GUERRILLA WAR" AND ITS HEROES

Annotation. Studying the biographies of warriors has become one of the most effective ways to comprehend the historical realities of the past, present and future. There are often hidden reasons and circumstances that moved

a person, significant for himself and even for the state. It is all the more important when an entire city can learn about the fate of another of its sons, who became an iconic figure in such a complex art as the defense of the Fatherland on the "partisan front" of the Great Patriotic War. I would like to tell you about one of Armavir's sons, Mikhail Dzhagarov, today. An Armenian by nationality, he wrote "Russian" everywhere in wartime questionnaires, thus giving thanks to his second homeland – Russia, his second hometown – Moscow. But that's not all – for the Russian Armenian, Belarus (BSSR), where he fought in partisan detachments, was another loving mother who became his and his children's home after the war.

Keywords: M. Dzhagarov, the Great Patriotic War, Belarus (BSSR), partisans, partisan front.

УДК 94(470)

М.Я. Салоникес

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ – СОЛДАТ И УЧИТЕЛЬ

Аннотация. Выпускник Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, участник Великой Отечественной войны В.И. Жуковский (1919–1992) более 40 лет проработал учителем географии в Оршанской средней школе Республики Марий Эл. В статье в наиболее полной форме изложен жизненный путь ветерана, в том числе и ранее не упоминавшиеся сведения о его пребывании в фашистском плену.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 362-я стрелковая дивизия, Оршанская средняя школа, Московский педагогический государственный университет.

Василий Иосифович Жуковский родился 9 августа 1919 г. в д. Кобыляки Оршанского уезда Гомельской губернии (с 1964 г. д. Поднепровье Оршанского района Витебской области) в Белоруссии. Родители дали младенцу имя Василий и тот стал почти полным тезкой знаменитого русского поэта Василия Андреевича Жуковского (1783–1852).

Позднее семья Жуковских переехала в Брянск, где Василий учился в средней школе № 11, в 1934 г. вступил в комсомол. С успехом окончив школу, он поступил на учебу на географический

a person, significant for himself and even for the state. It is all the more important when an entire city can learn about the fate of another of its sons, who became an iconic figure in such a complex art as the defense of the Fatherland on the "partisan front" of the Great Patriotic War. I would like to tell you about one of Armavir's sons, Mikhail Dzhagarov, today. An Armenian by nationality, he wrote "Russian" everywhere in wartime questionnaires, thus giving thanks to his second homeland – Russia, his second hometown – Moscow. But that's not all – for the Russian Armenian, Belarus (BSSR), where he fought in partisan detachments, was another loving mother who became his and his children's home after the war.

Keywords: M. Dzhagarov, the Great Patriotic War, Belarus (BSSR), partisans, partisan front.

УДК 94(470)

М.Я. Салоникес

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ – СОЛДАТ И УЧИТЕЛЬ

Аннотация. Выпускник Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, участник Великой Отечественной войны В.И. Жуковский (1919–1992) более 40 лет проработал учителем географии в Оршанской средней школе Республики Марий Эл. В статье в наиболее полной форме изложен жизненный путь ветерана, в том числе и ранее не упоминавшиеся сведения о его пребывании в фашистском плену.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 362-я стрелковая дивизия, Оршанская средняя школа, Московский педагогический государственный университет.

Василий Иосифович Жуковский родился 9 августа 1919 г. в д. Кобыляки Оршанского уезда Гомельской губернии (с 1964 г. д. Поднепровье Оршанского района Витебской области) в Белоруссии. Родители дали младенцу имя Василий и тот стал почти полным тезкой знаменитого русского поэта Василия Андреевича Жуковского (1783–1852).

Позднее семья Жуковских переехала в Брянск, где Василий учился в средней школе № 11, в 1934 г. вступил в комсомол. С успехом окончив школу, он поступил на учебу на географический

факультет МГПИ им. В.И. Ленина. Помимо учебы в студенческие годы Василий Жуковский занимался в стрелковом кружке, стал снайпером. К лету 1941 г. он окончил полный курс обучения в институте, но не успел получить диплом, так как в первые же дни Великой Отечественной войны был призван в Красную армию по комсомольской мобилизации через Фрунзенский районный военкомат г. Москвы.

В июле 1941 г. Василий Жуковский сражался рядовым стрелком на Западном фронте, принимал участие в обороне Смоленска. Здесь советские войска оказались в полуокружении, но ожесточенно сражались за город всю вторую половину июля месяца. Смоленск был захвачен немцами в ночь с 28 на 29 июля 1941 г., а 30 июля главное командование вермахта приказало измотанным в боях за Смоленск войскам группе армий «Центр» перейти к обороне.

2 августа 1941 г. красноармеец Василий Жуковский попал в немецкий плен, из которого был освобожден только через три года в июне 1944 г. наступавшими советскими войсками. Тогда же он был вновь мобилизован в Красную армию Шкловским районным военкоматом Могилевской области и с сентября 1944 г. воевал рядовым стрелком в 1208-м стрелковом полку 362-й стрелковой дивизии.

Эта дивизия была сформирована в 1941 г. в Омске, с февраля 1942 г. принимала участие в Ржевской битве, затем сражалась на Курской дуге, освобождала Белоруссию. В июле 1944 г. 362-я стрелковая дивизия принимала участие в Каунасской операции, освобождала литовские города Пренай и Мариамполь. С середины августа 1944 г. дивизия в составе 33-й армии отражала контрудары врага в районе литовского города Кибартай и понесла серьезные потери. Дивизия была пополнена маршевыми ротами, в составе которых был и Василий Жуковский.

В октябре 1944 г. 33-я армия была передана в состав 1-го Белорусского фронта. 362-я стрелковая дивизия передислоцировалась на юго-восток Польши, в декабре сосредоточилась на Пулавском плацдарме на западном берегу Вислы, в 40 км к северо-западу от Люблина. В ходе Висло-Одерской операции дивизия в составе 33-й армии наступала с Пулавского плацдарма, к 1 февраля 1945 г. вышла к Одеру, 4 февраля форсировала Одер в районе Франкфурта-

на-Одере, захватила плацдарм и в течение февраля-марта отбивала настойчивые контратаки вражеских войск.

В феврале 1945 г. красноармеец Василий Жуковский был награжден медалью «За отвагу» за то, что он «при прорыве обороны немцев 14 января 1945 года в районе деревни Нова-Мшадла на западном берегу реки Висла, первым прорвавшись в траншею противника, гранатами уничтожил пулеметную точку немцев с ее прислугой, чем обеспечил продвижение вперед пехотного подразделения» [1, л. 234 об.]. А в марте 1945 г. он был награжден орденом Славы 3-й степени [2].

В боях на Одере Василий Жуковский был ранен, лечился в медсанбате, где познакомился с полковыми разведчиками. По излечении он попросил перевести его на службу в разведку.

В апреле 1945 г. 362-я стрелковая дивизия была выведена с плацдарма на западном берегу Одера и получила пополнение. Тогда же красноармеец Василий Жуковский был переведен на службу во взвод пешей разведки. С 16 апреля 1945 г. 362-я стрелковая дивизия в ходе Берлинской операции вновь форсировала Одер юго-западнее Франкфурта-на-Одере, а затем канал Одер-Шпрее, закрепилась на его западном берегу, отбивая многочисленные контратаки немцев. Разведчик Василий Жуковский «в бою 17 апреля 1945 года на западном берегу канала Одер-Шпрее, ведя наблюдение под огнем противника, своевременно доставлял командованию ценные сведения о противнике; при выполнении задачи захватил в плен двух немецких солдат». За мужество, проявленное в боях на западном берегу канала Одер-Шпрее, Василий Жуковский был награжден второй медалью «За отвагу» [3, л. 251].

В ходе дальнейшего наступления 362-я стрелковая дивизия вела бои в районе города Фюрстенвальде, юго-восточнее Берлина, затем наступала на запад вглубь Германии. Сопротивление немцев слабело, дважды полковым разведчикам удалось пленить по целому взводу немецких солдат. 362-я стрелковая Верхнеднепровская Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова дивизия завершила боевые действия на реке Эльба в районе Дессау, где встретилась с войсками 1-й американской армии.

Но встретиться с американцами Василию Жуковскому не пришлось – 26 апреля 1945 г. он был вновь ранен [4] и День Победы

встретил на госпитальной койке. В июне 1945 г. красноармеец Жуковский был выписан из госпиталя и продолжил военную службу. После демобилизации в 1946 г. он приехал на жительство в пос. Оршанка на севере Марийской АССР, куда в годы войны была эвакуирована его семья, и устроился на работу в Оршанскую среднюю школу учителем географии. С Оршанской школой была связана вся дальнейшая жизнь Василия Иосифовича. Более 40 лет он преподавал географию школьникам, с 1965 г. был зам. директора школы по учебно-воспитательной работе [5]. О своем участии в Великой Отечественной войне ветеран не любил говорить, считал, что ничего героического на фронте не совершил. За заслуги на педагогической ниве В.И. Жуковский был награжден нагрудным знаком «Отличник народного просвещения РСФСР». В апреле 1985 г. в связи с юбилеем Победы ветеран был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

В 1989 г. В.И. Жуковский вышел на пенсию, но продолжал активно участвовать в ветеранском движении по патриотическому и интернациональному воспитанию населения. Память о нем сохраняется в Оршанской средней школе, ежегодно проводится кросс им. В.И. Жуковского в честь заслуженного учителя. Василий Иосифович Жуковский скончался в 1992 г.

Источники и литература

1. Приказ 1208-му стрелковому полку № 1н от 12 февраля 1945 года // ЦАМО Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4614. Л. 234 об.

2. Приказ 362-й стрелковой дивизии № 29н от 29 марта 1945 года // Портал «Память народа. 1941–1945». [Электронный ресурс] (дата обращения: 10.10.2023).

3. Приказ 1208-му стрелковому полку № 17н от 28 апреля 1945 года // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 612. Л. 251.

4. Солдаты Победы [Электронный ресурс]. URL: https://mari-el.gov.ru/upload/orshanka/Documents/%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%8B%20%D0%BF%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D1%8B.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

5. Учителя – фронтовики [Электронный ресурс]. URL: http://edu.mari.ru/mouo-orshanka/sh5/Raznoe/%D0%A3%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8F%20-%20%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D0%B8.pdf (дата обращения: 01.07.2024).

M. Salonikes

VASILY ZHUKOVSKY – SOLDIER AND TEACHER

Annotation. A graduate of the Moscow State Pedagogical Institute named after V.I.Lenin, a participant in the Great Patriotic War, V.I. Zhukovsky (1919–1992) worked for more than forty years as a geography teacher at the Orsha Secondary School of the Republic of Mari El. The article describes the veteran's life path in the most complete form, including previously unreported information about his stay in nazi captivity.

Keywords: Great Patriotic War, 362nd Infantry Division, Orsha Secondary School, Moscow Pedagogical State University

УДК 929.522.1

А.А. Семенов

ОНИ ОТСТОЯЛИ ЛЕНИНГРАД: ЗАЩИТНИКИ И ИХ СЕМЬИ

Аннотация. В статье, основанной на хрониках трех семей чувашских крестьян, наглядно показано единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Семья Ионовых как социологический срез советского общества середины XX в.: из пяти братьев на фронт ушли четверо, вернулись двое, из трех сестер одна осталась вдовой… Женщины и подростки, заменив ушедших на фронт мужчин, буквально на своих плечах вынесли все тяготы войны. Фронтовые будни защитников Ленинграда кратко, набросками, редкими даже для советской «лейтенантской» прозы, показаны на примерах красноармейца, погибшего при прорыве блокады, и, казалось бы, далеких от фронта «тыловых» офицеров: военного юриста и интенданта, попавшего в штрафбат. Их поступки и письма, адресованные самым близким, демонстрируют повседневность самой страшной войны.

Ключевые слова: народный комиссариат юстиции Чувашской АССР, военный трибунал, военный юрист, блокада Ленинграда, Пискаревское кладбище, интендант, штрафной батальон, труд в тылу, бригадир, председатель колхоза, фронтовые письма, Великая Отечественная война.

Нам – потомкам победителей нацизма, чтобы понять их чувства и повседневность в условиях самой страшной войны, необходимо вспомнить, хотя бы кратко, факты из жизни того многострадального и великого поколения.

M. Salonikes

VASILY ZHUKOVSKY – SOLDIER AND TEACHER

Annotation. A graduate of the Moscow State Pedagogical Institute named after V.I.Lenin, a participant in the Great Patriotic War, V.I. Zhukovsky (1919–1992) worked for more than forty years as a geography teacher at the Orsha Secondary School of the Republic of Mari El. The article describes the veteran's life path in the most complete form, including previously unreported information about his stay in nazi captivity.

Keywords: Great Patriotic War, 362nd Infantry Division, Orsha Secondary School, Moscow Pedagogical State University

УДК 929.522.1

А.А. Семенов

ОНИ ОТСТОЯЛИ ЛЕНИНГРАД: ЗАЩИТНИКИ И ИХ СЕМЬИ

Аннотация. В статье, основанной на хрониках трех семей чувашских крестьян, наглядно показано единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Семья Ионовых как социологический срез советского общества середины XX в.: из пяти братьев на фронт ушли четверо, вернулись двое, из трех сестер одна осталась вдовой… Женщины и подростки, заменив ушедших на фронт мужчин, буквально на своих плечах вынесли все тяготы войны. Фронтовые будни защитников Ленинграда кратко, набросками, редкими даже для советской «лейтенантской» прозы, показаны на примерах красноармейца, погибшего при прорыве блокады, и, казалось бы, далеких от фронта «тыловых» офицеров: военного юриста и интенданта, попавшего в штрафбат. Их поступки и письма, адресованные самым близким, демонстрируют повседневность самой страшной войны.

Ключевые слова: народный комиссариат юстиции Чувашской АССР, военный трибунал, военный юрист, блокада Ленинграда, Пискаревское кладбище, интендант, штрафной батальон, труд в тылу, бригадир, председатель колхоза, фронтовые письма, Великая Отечественная война.

Нам – потомкам победителей нацизма, чтобы понять их чувства и повседневность в условиях самой страшной войны, необходимо вспомнить, хотя бы кратко, факты из жизни того многострадального и великого поколения.

Мой дед Семенов Иван Семенович родился 18 марта 1912 г. в семье крестьянина д. Саруй Цивильского уезда Казанской губернии. По окончании девятого класса в мае 1931 г. поехал в Москву и работал на заводе «Серп и молот» землекопом: рыли котлован для строительства цеха. В тот же год по направлению профсоюза поступил на рабфак, на 3-й курс вечернего отделения [2, с. 15–41].

По окончании учебы весной 1933 г. вернулся в родную деревню и работал в колхозе бригадиром. В 1934 г. был избран секретарем Орнарского сельсовета. С 15 сентября 1934 г. – студент Казанского юридического института. Летом 1936 г., приехав домой на каникулы, женился на односельчанке Ионовой Мариамне – учительнице Саруйской школы. Их первенец Анатолий родился 30 июля 1937 г. прямо в поле в момент жатвы хлебов [2, с. 42–52]. С этого момента Мариамна была крепко привязана к дому мужа и прожила в нем, ожидая редких встреч с ним лишь во время отпусков и каникул, до ноября 1940 г. [1, с. 50–51].

По окончании института в августе 1938 г. Иван был направлен на должность ревизора народных судов в наркомат юстиции Чувашской АССР. 20 ноября 1938 г. призван в ряды РККА. Одногодичник – призывник с высшим образованием за один год службы становился офицером – командиром взвода. Службу рядовой Семенов проходил в 3-й роте одногодичников 168-го стрелкового полка Самаро-Ульяновской Железной дивизии в Ленинграде [2, с. 53–55].

В мае 1939 г. командование предоставило ему 10-дневный отпуск по случаю рождения сына Владимира. По возвращении в полк продолжил службу на границе с Финляндией. Уже в первый день советско-финляндской войны 30 ноября 1939 г., не успев получить офицерское звание, Иван в звании сержанта участвовал в форсировании пограничной реки Сестра. В конце декабря 1939 г. был ранен в руку в ходе ожесточенного боя.

После госпиталя был направлен в оздоровительный батальон в г. Ржев. А затем, в феврале 1940 г. – на переподготовку в Петрозаводск: стал командиром расчета миномета. После чего старший сержант Семенов был переведен в военный трибунал (далее – ВТ) 8-й армии [2, с. 55–62].

В апреле 1940 г., когда штаб 8-й армии передислоцировался из Петрозаводска в Новгород, он получил 10-дневный отпуск.

Солнечным утром вошел в родной дом, когда вся семья сидела за столом. Сначала все от неожиданности остолбенели, потом заговорили разом, обрадовались. Мариамна сказала старшему двухлетнему сыну, показывая на Ивана: «Это твой папа!». Толя категорически отклонил это, показал на фотопортрет на стене и сказал: «Вот мой папа!». Все рассмеялись, а Толя только через несколько дней стал называть Ивана отцом… [2, с. 63].

20 июня 1940 г. части 8-й армии вступили на территорию Эстонии. Штаб, включая Военный трибунал, расположился сначала в г. Тарту, а затем – в Таллине; с осени 1940 г. – в Митаве (Елгаве), недалеко от столицы Латвии.

По истечении срочной службы с октября 1940 г. старший сержант Семенов остался в кадрах РККА и продолжил службу в ВТ 8-й армии в должности секретаря судебных заседаний. Ему была предоставлена большая двухкомнатная квартира на втором этаже двухэтажного здания с большой кухней и большой верандой во всю длину квартиры. В конце ноября 1940 г. жену вместе с детьми Иван перевез в служебную квартиру в г. Елгаве. Мариамна так вспоминала о жизни там: «Приехали мы туда, как в рай попали. Комнаты большие, светлые, чистые. Кровати белые, мягкие. Продукты все есть, сколько хочешь… Иван тоже радуется нам и покупает всякие вещи и для меня, и для детей: мне платья, туфли, двум сыновьям – костюмчики, игрушки, велосипед. А жить было как легко и радостно! Я прожила в этом раю 6 месяцев, и это единственное счастливое воспоминание из всей моей жизни» [2, с. 64].

За полгода сыновья научились говорить по-русски. А в один из июньских дней они пришли домой и рассказали матери, что, когда во дворе дети узнали, что мы чуваши, по-дружески предупредили, чтобы мы уезжали скорее отсюда, что скоро начнется война и всех русских будут убивать. Иван в это время находился в госпитале. Сразу по его выздоровлении, Мариамна упросила его взять отпуск и отвезти семью на родину. Муж успокаивал: «Войны не должно быть, мы будем бить немцев на их территории, война будет недолгой». Поэтому не взяли с собой почти никакой одежды, никаких игрушек, никаких вещей и семейных документов – выехали налегке, по-летнему. Вчетвером ехали в отдельном купе, выходили на каждой остановке, покупали разные вкусные продукты – наслаждались отпуском.

Выехали из Митавы 20 июня 1941 г. Навстречу шли военные эшелоны… Так случилось, что в 1944 г. уже капитану Семенову И.С. довелось освобождать Митаву от фашистов. Он отыскал тот самый дом, в котором жили семьи офицеров, точнее то, что от него осталось после первого же авианалета 22 июня 1941 г. … [2, с. 64–67].

Приехав в родную деревню, гуляли, ходили в гости к многочисленной родне, дарили подарки. 22 июня сидели за столом за поздним завтраком, когда в дом вошел брат мужа Гаврил Семенович и сказал: «Война началась».

Через неделю Иван выехал на фронт, на прощанье сказал, что через два-три месяца война закончится и он заберет их опять, а пока надо пожить у отца. Это «пока» для Мариамны растянулось на семь долгих полуголодных лет жизни без мужа в темной холодной прокуренной избе со свекром и свекровью. Единственное облегчение приносили мысли, что все живы-здоровы, выехали из Прибалтики свободно и вовремя, избежали бомбежек и прочих лишений, жили среди своих и не были беженцами.

Мариамна снова пошла работать в школу учителем, а когда мужчины-учителя ушли на фронт, она стала директором Саруйской начальной школы. Потянулись безрадостные будни, работа – зимой в школе, летом в колхозе, дома – хлопоты по хозяйству и уход за тремя детьми. Сон – на полу или на скамейке: везде одинаково холодно.

Вот как потом вспоминал этот период жизни сын Владимир Иванович, которому в мае 1942 г. исполнилось три года: «…Спали мы где придется, но в основном зимой дед [Семен Лукич] с Лешей Гавриловым [внуком – сыном Гаврила Семеновича] спали на печке, бабушка [Наталья Ивановна] – с нами [внуками – сыновьями Ивана Семеновича: Владимиром и Анатолием] – на путмаре (деревянной широкой кровати), Тамара – в подвешенной к потолочному брусу люльке, а мать – на широкой скамье под иконами. Позже, когда Тамара подросла, нам тоже пришлось спать на скамьях, потому что на полу спать зимой было невозможно: в подпол на зиму ставили более 40 ульев с пчелами, а для постоянного доступа воздуха к ним и для поддержания небольшой минусовой температуры (чтобы пчелы не перегревались), дед держал вентиляционные отверстия-продухи открытыми – пол был очень холодным; в итоге

у нас с Толей – постоянный насморк. Хотя спали мы одетыми и старательно кутались в старые азямы, но на скамейках все равно это сползало с нас, и мы опять промерзали насквозь от холода, идущего от стены и окна…» [1, с. 52].

Мариамна Ионовна, жена офицера, помогала своей старшей сестре Агафье – жене, а с апреля 1944 г. вдове красноармейца. Ионова Агафья Ионовна родилась 28 августа 1913 г. Она росла в большой семье: три старших брата, два младших и две сестренки. Поэтому в школу она ходила с перерывами, кое-как доучилась до четвертого класса – надо было помогать матери, которая часто болела, нянчить четырех детей, печь хлеб, готовить на шестерых взрослых, варить пиво, прясть нитки, вязать носки, ткать материал для семьи. В 20 лет ее выдали замуж за толкового парня из д. Яндоуши, работавшего бригадиром, а потом и председателем колхоза. У них родилось четверо детей. 11 апреля 1942 г. муж Николай ушел на фронт. Оборонял Москву. Прорывал блокаду Ленинграда. За два года был ранен четыре раза. Последнее ранение оказалось смертельным. На руках у 30-летней Агафьи остались два сына, две дочки и сварливая свекровь.

Вот что осталось в памяти двухлетнего младшего сына Николая: «Помню, что были люди в доме, мужчины за столом, на столе – угощение. Отец сидит на месте хозяина лицом к «красному» углу. Я подошел к краю стола, ухватился за него и, подтянувшись, попросил: «Чэкэт пар (Дай домашний сыр)». Отец взял меня на руки и посадил на колени. Только это и помню из того дня, когда отца провожали на фронт. Но зато хорошо помню траурный день, когда через 2 года принесли похоронку на отца. Он был ранен в бедро 12 апреля 1944 г. Из полевого лазарета его перевезли в госпиталь в Ленинград, где он 16 апреля скончался от гангрены. Похоронка, видимо, пришла в третьей декаде апреля. Был солнечный день, снег давно растаял, и мы четырехлетние бегали босиком. Когда мне стало известно о похоронке, я выбежал на улицу и, не понимая смысла пришедшего извещения, побежал вверх по улице вприпрыжку, восклицая: «Аттень вильне хут кильне!» (На отца похоронка пришла). По улице спускалась 9-летняя самая старшая сестра Галя, и я радостно повторил ей это известие. Не помню реакции Гали, но когда вошел в избу увидел:

мама, бабушка (по отцовской линии), тетя Мария – сестра отца, катались на кровати и на полу в страшном вое, плаче, истерике.

Отец воевал командиром минометного расчета, был представлен к награждению орденом Красного Знамени – получить не успел. В последнем письме домой написал, что участвовал в тяжелых боях по разблокированию Ленинграда, что наши перешли эстонскую границу, бои идут за освобождение Эстонии.

Образование он имел лишь один класс, но характеризовался односельчанами как очень рассудительный, скромный, спокойный человек. Мать прожила с ним восемь лет и не раз говорила, что за эти годы не было ни одного случая ссоры, обидных слов. Это можно было понять по письмам с фронта. В них столько любви к семье: отец перечислял всех по именам, просил мира и любви в семье, ибо знал, что у его матери (нашей бабушки по отцу) характер крутой, что к снохе (нашей маме) она не всегда была «равнозначна», особенно по возвращении из гостей во хмелю…» [1, с. 48–49].

В архиве Пискаревского кладбища удалось найти номер и, соответственно, место захоронения Филиппова Николая Филипповича, которое находится по входу на кладбище на правой стороне, памятник под № 4 [1, с. 44–45].

Во время войны в деревне не оставалось трудоспособных мужчин – женщины вынуждены были их заменять на самых трудных работах. Агафья работала полевым бригадиром, было очень нелегко: ни лошадей, ни тракторов, механизмы ломались, а восстанавливать было некому. Каждый день вставала в четыре утра и уходила из дома, чтобы давать задания каждому работнику бригады, а затем уходила на поля. Усталая и разбитая она возвращалась домой поздно вечером и падала пластом. Ей было очень тяжело не только физически, но и морально, потому что, приходя в дома колхозников, часто заставала драматические картины в связи с получением с фронта плохих вестей – «похоронок» на мужа, сына, брата, отца... [1, с. 43–44].

После окончания войны стали возвращаться домой мужчины, и тогда ее заменили на бригадирской работе. Она работала дояркой на ферме до 1950 г. Позже вспоминала о трудностях военных лет: не было никакой механизации и лошадей тоже было мало, да и те были из отбракованных, не годных для фронта [1, с. 45].

Вот что еще рассказывает о матери младший сын Николай: «…мама, несмотря на свое начальное образование, была очень здравомыслящей, мудрой, смекалистой, умела делать сложные расчеты в уме. Когда я учился в пятом классе, она помогала мне решать задачи. Не зря ее избирали бригадиром: землю, поля измеряли «шагалкой» – двухметровым «аршином», а она данные замеров запоминала без записи на бумаге…» [1, с. 47–48].

А вот как вспоминает свою мать младшая дочь Раиса: «…В совместной жизни у папы с мамой не было даже ни одного спора, такой уравновешенный в общении с близкими был мой отец Николай Филиппович. Жизнь у них была… хорошей и даже счастливой. В этом, конечно, была заслуга и моей мамы, которая хоть и имела образование в три с половиной класса, но была очень уважаемая работница и человек в деревне…» [1, с. 46].

Такой тяжелой была ситуация в тылу на протяжении всех четырех лет войны… А вот несколько фактов из истории Ленинградской блокады. Выехавшему на фронт Ивану Семенову удалось найти ВТ 8-й армии лишь 6 июля 1941 г. в лесу близ Тарту, когда армия с боями отходила к Финскому заливу. В августе младший военный юрист Семенов был назначен секретарем ВТ 268-й дивизии. В начале сентября уцелевшие подразделения дивизии были отведены в Ленинград. В нашей семье бережно хранятся письма, написанные им. Вот два из них: «Добрый день, детки мои! Толя, садись рядом с мамой и начинай через нее говорить со мной. Толя ты мой старший, хороший, красивый и сильный сын. Ты, наверное, помнишь хорошо, как мы с тобой боролись, и ты был очень сильным, и я еле справился с тобою. Теперь ты большой стал и еще сильнее и здоровым. Это хорошо. Мы с тобой еще будем бороться… Скоро мы с тобой будем жить вместе и веселее. Ты, наверное, кушаешь мед, дедушка тебя любит, и бабушка ласкает. Как ты дома бегаешь с ребятами, напиши все. Здесь у нас война и мы стреляем фашистов, которые отнимают нашу совместную радостную советскую жизнь. Мы их бьем день и ночь, но озверелые лезут на нашу землю. Мы их все равно перебьем и создадим свободную, культурную жизнь для нашей молодежи. Я здоров, питаюсь хорошо… С поцелуем твой отец». 10 сентября 1941 г.

И 15 сентября 1941 г., в котором обращается в жене Мариамне [которая 25 сентября родит дочь Тамару]: «С горячим поцелуем.

Твой Ваня. К моменту получения тобою этого письма мне думается, что твое состояние становится напряженным, т.е. дело подходит к появлению на свет нового человека. Поэтому я хочу предупредить, чтобы вы мне об этом сообщили быстрее, ибо письмо доходит не быстро. Передайте любой ценой телеграмму… Вижу во сне детей. Напиши их разговоры в быту и их характер, как они изменились или такие же? Знают ли сколько-либо по-русски, могут ли понять, когда обращаются к ним на русском языке? И в какой мере владеет Вова чувашским языком. Как обстоит дело с хлебом, получили ли деньги по аттестату? …Пишут ли Ионовы? [здесь речь идет о двух братьях Мариамны: Иван, от которого не было вестей с 26 июня 1941 г., сгорел в танке, защищая г. Котовск (ныне Подольск) Одесской области; Платон был призван в июле 1941 г. и погиб, защищая Москву в октябре 1941 г.]. От Раи [младшая сестра Мариамны, ставшая в 1948 г. второй женщиной – кандидатом наук из Чувашской АССР и первой чувашкой – кандидатом филологических наук] получил только одно письмо. К Иллариону [старшему брату Мариамны, которого избрали председателем колхоза] я написал одно [письмо]. Будьте здоровы, детки мои! Желаю броситься в твои объятия!».

В первую блокадную зиму офицеры штаба дивизии получали по 300 г хлеба в сутки. Только меткая стрельба из пистолета ТТ по воронам давала Ивану и его сослуживцам мясной бульон к корке хлеба [2, с. 72–74].

С середины декабря 1941 г. он был переведен на должность члена ВТ 72-й стрелковой дивизии. Военный трибунал располагался в помещении цеха действующего завода Ленметаллург под постоянным артиллерийским обстрелом. Несмотря на смертельную опасность, летом 1942 г. сотрудники там вырастили капусту и засолили большую кадушку [2, с. 75–77].

В октябре 1942 г. переведен в ВТ 55-й армии в пос. Рыбацкое – на окраине Ленинграда, а затем – назначен членом ВТ 2-й особой инженерной бригады, подразделения которой охраняли все мосты города. 18 июня 1943 г. – в ВТ Приморской оперативной группы, штаб и трибунал которой располагались западнее Ораниенбаума – в 20 км от устья реки Ижоры [2, с. 78–82].

На всю жизнь он запомнил этот случай. Интендант в звании майора, по представлению военной прокуратуры, был осужден за

хищение продуктов питания и отправлен в шрафбат. Однако вскоре выяснилось, что майор оплатил взятые продукты через финслужбу, поэтому в вину ему можно было поставить только использование служебного положения в личных целях, а это объяснялось тем, что жена его была беременна и находилась в единственном действующем в Ленинграде роддоме на сохранении беременности, причем врачи настойчиво рекомендовали майору подкормить жену хоть чем-нибудь… Иван под каким-то официальным предлогом выехал в штрафбат, чтобы договориться с командиром штрафного батальона о некотором послаблении майору, чтобы тот смог выжить в предстоящей мясорубке и вернуться к жене. Когда он объяснил комбату обстоятельства дела, тот сочувственно похмыкал и сказал: «Ты опоздал, старлей, бывший майор уже на задании». Какое задание? Ведь наступление только завтра! – воскликнул Иван. «А проходы в минных полях надо сделать сегодня, вот я и отправил трех человек на разминирование, в том числе и его». Но ведь майор – не сапер! – возмутился Иван. «А у меня все такие – где я саперов найду?», и добавил: «Садись, перекуси со мной, раз пришел, подождем, может, вернется живой». Вестовой принес две миски каши с американской тушенкой. Они выпили «наркомовские» и молча начали есть… Когда в относительной фронтовой тишине с небольшими интервалами раздались три недалеких взрыва, майор сказал: «Ты слышал три взрыва – вопрос исчерпан…» [2, с. 86–87].

В начале ноября 1943 г. Ивана Семеновича назначили членом ВТ 109-го стрелкового корпуса в связи с тем, что весь состав военного трибунала корпуса, находившийся в одной большой землянке, погиб от прямого попадания авиабомбы. 28 декабря 1943 г. – членом ВТ и председателем военно-полевого суда 42-й армии [2, с. 83–84].

В апреле 1944 г. после полного снятия блокады Ленинграда Иван Семенович был назначен членом ВТ 67-й армии. После успешного выполнения ряда поручений председателя ВТ 3-го Прибалтийского фронта генерал-майора юстиции Голенкова старший лейтенант юстиции Семенов И.С. 17 сентября 1944 г. был назначен председателем ВТ 288-й Дновской стрелковой дивизии. Ему запомнилось одно из поручений Голенкова. Военно-полевой суд разбирал дело женщины – инвалида войны, бывшего сержанта полковой разведки. Она, выпив в рюмочной, достала два трофейных

немецких пистолета и начала стрелять в окружающих инвалидов. Председательствующий Семенов И.С. выслушал потерпевших, обвиняемую и свидетелей, долго обсуждал с заседателями, что делать. Фронтовичке по законам военного времени грозил расстрел. Приговор был вынесен максимально мягкий: три года заключения общего режима с возможным расконвоированием; поскольку здоровые люди не пострадали, соответственно, урон обороноспособности страны нанесен не был… [2, с. 89–90].

Вообще за время службы в 288-й стрелковой дивизии председатель ее военного трибунала И.С. Семенов не утвердил ни одного смертного приговора. После разгрома Курляндской группировки вермахта понесшая потери 288-я дивизия была переброшена на финскую границу. Это был заслуженный отдых после кровопролитных боев. Там Ивана Семеновича нашла заслуженная награда. 21 мая 1945 г. он был награжден орденом Красной Звезды. Кроме прочего в наградном листе указано: «Проводил большую правовую работу среди личного состава, систематически в частях рассматривал дела о снятии судимости с военнослужащих, отличившихся в боях с немецкими захватчиками. 27 сентября 1944 г. в районе ДАГСТЫ Латвийской ССР задержал диверсанта с оружием в руках» [2, с. 90–92].

Под лозунгом «Все для фронта! Все для победы!» труженики тыла ковали долгожданную Победу на заводах и фабриках, полях и фермах. Сами голодали, но полностью обеспечивали бойцов и командиров на фронтах всем необходимым. Общими героическими усилиями фронта и тыла был разгромлен вермахт.

Наиболее ярко боевое братство фронтовиков и тыловиков проявилось в блокадном Ленинграде. Население крупного промышленного центра СССР сорвало блицкриг: сковало войска группы армий «Север», в нечеловеческих условиях блокады продолжало выпускать оружие и боеприпасы, активно пополняло редеющие ряды красноармейцев. Вечная слава поколению победителей!

Источники и литература

1. «Род «Вунике тавраш» и род Янрала – вместе из века в век» / Семенов-Янрал Н.И., Николаев Н.Н. и др. – Чебоксары, 2009.

2. «Род Янрала: 200 лет служения Отечеству. Два брата – две судьбы: Роман-хроника времен XX века» / Семенов-Янрал И.С., Гаврилов-Янрал И.С., Семенов-Янрал Н.И. – Чебоксары, 2008.

A.A. Semenov

THEY DEFENDED LENINGRAD: THE DEFENDERS AND THEIR FAMILIES

Annotation. The article, based on the chronicles of three families of Chuvash peasants, clearly shows the unity of the front and rear during the Great Patriotic War of 1941-1945. The Ionov family as a sociological cross-section of Soviet society in the middle of the twentieth century: four of the five brothers went to the front, two returned, one of the three sisters remained a widow ... Women and teenagers, replacing men who went to the front, literally bore all the hardships of the war on their shoulders. The front-line everyday life of the defenders of Leningrad is briefly shown in sketches, rare even for Soviet "lieutenant" prose, using the examples of a Red Army soldier who died during the breakout of the blockade, and seemingly "rear" officers far from the front: a military lawyer and an intendant who got into a penal battalion. Their actions and letters addressed to their closest ones demonstrate the daily routine of the most terrible war.

Keywords: People's Commissariat of Justice of the Chuvash ASSR, Military tribunal, military lawyer, siege of Leningrad, Piskarevskoye cemetery, quartermaster, penal battalion, labor in the rear, foreman, chairman of the collective farm, front-line letters, the Great Patriotic War.

УДК 929

А.В. Тайгильдин

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945) В ДНЕВНИКЕ Л.А. ТАЙГИЛЬДИНА. 1941 г.

Аннотация. В научный оборот вводится военный дневник преподавателя Марийского музыкального училища им. И.С. Палантая Леонида Андреевича Тайгильдина (1921–1962). Он всю войну провел в немецком плену и на протяжении этого времени вел дневник. Однако оригинал дневника утерян автором в плену, но после освобождения советскими войсками Л.А. Тайгильдин восстановил дневник по памяти. В дневнике содержится информация о начале войны и повседневной жизни военнопленных. Здесь представлен отрывок дневника, описывающий самое начало войны.

Ключевые слова: история XX века, дневник, воспоминания, Великая Отечественная война, плен.

A.A. Semenov

THEY DEFENDED LENINGRAD: THE DEFENDERS AND THEIR FAMILIES

Annotation. The article, based on the chronicles of three families of Chuvash peasants, clearly shows the unity of the front and rear during the Great Patriotic War of 1941-1945. The Ionov family as a sociological cross-section of Soviet society in the middle of the twentieth century: four of the five brothers went to the front, two returned, one of the three sisters remained a widow ... Women and teenagers, replacing men who went to the front, literally bore all the hardships of the war on their shoulders. The front-line everyday life of the defenders of Leningrad is briefly shown in sketches, rare even for Soviet "lieutenant" prose, using the examples of a Red Army soldier who died during the breakout of the blockade, and seemingly "rear" officers far from the front: a military lawyer and an intendant who got into a penal battalion. Their actions and letters addressed to their closest ones demonstrate the daily routine of the most terrible war.

Keywords: People's Commissariat of Justice of the Chuvash ASSR, Military tribunal, military lawyer, siege of Leningrad, Piskarevskoye cemetery, quartermaster, penal battalion, labor in the rear, foreman, chairman of the collective farm, front-line letters, the Great Patriotic War.

УДК 929

А.В. Тайгильдин

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945) В ДНЕВНИКЕ Л.А. ТАЙГИЛЬДИНА. 1941 г.

Аннотация. В научный оборот вводится военный дневник преподавателя Марийского музыкального училища им. И.С. Палантая Леонида Андреевича Тайгильдина (1921–1962). Он всю войну провел в немецком плену и на протяжении этого времени вел дневник. Однако оригинал дневника утерян автором в плену, но после освобождения советскими войсками Л.А. Тайгильдин восстановил дневник по памяти. В дневнике содержится информация о начале войны и повседневной жизни военнопленных. Здесь представлен отрывок дневника, описывающий самое начало войны.

Ключевые слова: история XX века, дневник, воспоминания, Великая Отечественная война, плен.

Дневник – один из самых важных исторических источников, поскольку может пролить свет на события не только страны, региона, места проживания, но и отдельной семьи. Исторические события глазами отдельного человека привлекают свое внимание бытовыми деталями и пространными рассуждениями, которые зачастую помогают историкам наиболее полно погрузиться в тот или иной период. Не будет преувеличением сказать, что Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оставила отпечаток практически в каждой семье. Некоторые участники этих событий оставили свои воспоминания.

В данной статье приведен отрывок дневника уроженца Марий Эл Тайгильдина Леонида Андреевича, преподавателя музыкального училища г. Йошкар-Олы. Дневники Леонид Андреевич вел с 1938 г. до своей трагической гибели в автокатастрофе в 1962 г. Его дневники – ценные источники по истории Марийского края, Великой Отечественной войны, г. Йошкар-Олы и музыкального училища. Актуальность публикации дневника не вызывает сомнения, поскольку в научный оборот вводится исторический источник, помогающий изучить историю советских военнопленных, к некоторым из них было негативное отношение в СССР [1, с. 81].

Родился Леонид Андреевич 15 февраля 1921 г. в д. Большая Сосновка Звениговского района Марийской АССР. Детство Леонида было трудное, в семье было пятеро детей и приходилось много работать, чтобы прокормиться. В 1928 г. умерла мать Леонида, а в 1933 г. – отец, вся забота о младших братьях (Леониде и Кролиде) легла на плечи старшей сестры Ефросиньи и брата Валериана. В 1936 г. Леонид поступил в музыкальное училище Йошкар-Олы.

Великую Отечественную войну Л.А. Тайгильдин встретил под Ригой, где проходил срочную службу в армии. Через несколько дней он попал в плен, там пробыл почти всю войну, до 23 марта 1945 г. Военный дневник Леонид Андреевич писал по памяти в г. Арис (ныне г. Ожиш в Польше). Публикация содержит первую часть военного дневника, до того момента, когда Л.А. Тайгильдин попал в плен.

Работа подготовлена в соответствии с правилами издания исторических документов [2]. Текст публикуемых документов воспроизводится согласно современным правилам орфографии

с максимальным сохранением стилистических особенностей. В квадратные скобки заключены расшифрованные сокращения и пропущенные, восстановленные по смыслу слова в документах. Географические названия и личные имена публикуются без изменений. Примечания по тексту составлены публикатором. В комментариях даны названия современных населенных пунктов.

Текст дневника

Отпуск

8 июня 1941 года я со своей воинской части приехал домой – в гор[од] Йошкар-Ола МарАССР[1] к Кавалеровым.

Причина приезда была такова: я должен был привезти с собой в полковой оркестр двух-трех кларнетистов и флейтистов для подготовки к предстоящему конкурсу военных оркестров. Двух я нашел в своем муз[ыкальном] уч[или]ще[2], а одного уговорил в Казанском муз[ыкальном] уч[или]ще. Но по некоторым нашим неосторожностям меня разоблачили и первых двух увезти не удалось, а одного 13 июня я захватил с собой.

Отпуск был на исходе, и мы очень спешили в часть, поэтому через четверо суток были уже на месте.

Ваня – как звали малыша – играл на кларнете, и как только приехал, был зачислен в музвзвод воспитанником. Однако не успел он еще обмундироваться, как началась война.

Война

Еще 20 июня 2-й батальон нашего полка по тревоге ушел из казармы. На следующий день ушел и 3-й батальон. 1-й в это время находился на строительстве укреплений. Чувствовалось тревожное состояние. Жены командиров, провожая мужей, плакали, а те утешали, что ничего особенного не ожидается, но предполагаются маневры.

В полку людей осталось совсем мало. На кухню чистить картошку стали брать и музвзвод, который до этого не тревожили. Так мы чистили и в ночь с 21 на 22 июня. С вечера был дан приказ затемнить окна. Чтобы за работой время проходило веселее, мы запели песню. Пришел слушать и дежурный по кухне.

---

[1] Марийская Автономная Советская Социалистическая Республика.

[2] Марийское музыкально-театральное училище им. И.С. Палантая (МТУ).

Только распелись, как вдруг часа в 2 ночи затрубили боевую тревогу. Побросав ножи, мы побежали в казарму. По дороге упрекали себя: «Дураки! Не напели бы войны». Так как в основном заранее все было подготовлено, во взводе быстро собрались и пошли к штабу полка. Не разбудили только одного воспитанника. В этот день оперативным дежурным по полку был наш капельмейстер[3]. Он отпустил нас обратно во взвод, но предупредил, чтобы мы не раздевались и были в любую минуту начеку. Мы так и сделали – некоторые лежали даже прямо с ранцами. Сверхсрочники, проживающие в городе, тоже были в сборе.

Так, ожидая неопределенное, мы заснули, как вдруг нас разбудил сильный взрыв. Все соскочили с мест, но понять, что произошло, не могли. Во дворе снова было тихо и только что светало. Прошло немного времени, как опять казарма задрожала от двух взрывов. Тут мы услышали гул моторов, а затем увидели 10 летевших строем самолетов. По ним уже открыли зенитчики огонь: все небо покрылось облачками от разрывающихся снарядов. Но самолеты были высоко и свой строй не нарушали.

Среди людей был переполох и недоумение. Одни говорили, что это самолеты немецкие, другие – английские, а третьи – что это свои, что это не война, а маневр. Поэтому, дескать, и самолеты не падают, что по ним стреляют ненастоящими снарядами.

За одной группой самолетов пролетела другая группа. Одни приказывают по ним стрелять, другие – прекратить огонь. А самолеты летают строем и бросают настоящие бомбы, не получая сами вреда. Наконец из одной береговой батареи пальнула тяжелая пушка. Около самолетов вспыхнул черный дым и один из них выйдя из строя свернул направо и пошел на снижение. Остальные рассыпались по одиночке.

Прошло около часа. Все были на ногах, таращили глаза на небо. Чувство подсказывало, что наступило что-то страшное, но что именно – никто не знал.

Тут как раз пришел капельмейстер и сообщил, что Германия, нарушив договор о дружбе, сегодня в 4 часа без объявления войны

---

[3] Капельмейстер – дирижер полкового оркестра.

напала на нашу страну. Как-то мозг не воспринимал всего значения этих слов. Не верилось в начало войны.

Капельмейстер также сообщил о том, что наши батальоны уже готовятся к бою. Приказал инструменты упаковать, а самим идти в помещение полковой школы для получения вооружения и боеприпасов. Мы начали готовиться.

Я свое второе обмундирование дал Ваньке, который все еще ходил в своих гражданских брюках и рубашках. Запаковали все имущество, забили двери, а сами пошли в помещение полковой школы. Там собрались все, кто оставался в казарме: музыканты, комендантский взвод, больные – всего человек 60. Стали себе подбирать оставшиеся в пирамидах винтовки и ручные пулеметы. Я взял ручной пулемет. Моим вторым номером стал наш помстаршина. Ванька взял СВТ[4]. Тут же получали патроны, гранаты и знакомились с последними.

В 12 часов все пошли слушать обращение Молотова к народу, я же в это время был дневальным, послушать не удалось. Обедали без аппетита.

Вечером нас взяли на погрузку семей комсостава на эшелон. Мы выносили из квартир вещи и погружали их на грузовики. Кругом спешка, сутолока, шум, гам, женщины в тревоге, дети плачут. Часто уезжающие берут ненужное, а нужное оставляют.

И все это происходило в ожидании очередного налета авиации врага, которая действовала весь день.

Работая до пота, в одной уже покинутой квартире я натолкнулся на чайник с брагой. Сначала напился сам, но когда ударило в голову и увидел, что одному все равно не выпить, позвал друзей. Распили. Я им показал и спирт, виденный мной. Забрали с собой.

Когда закончили погрузку и вернулись в казарму, я свалился на постель и заснул. Будили пить спирт, но не встал. Проспал так до 4-х часов утра и не слышал, как люди два раза выбегали по воздушной тревоге.

Рано утром[5] нас 4 человека послали на склад боеприпасов за патронами. По дороге нас застал налет авиации. Мы немного

[4] Самозарядная винтовка Токарева.

[5] 23 июня.

поволновались (один из нас даже стрельнул не целясь, хотя до самолетов было не менее 2–3 км) и пошли дальше. Обратно приехали с попутной машиной – до склада было около 2-х км.

Наш взвод без завтрака направили везти на фронт боеприпасы.

В 11 ч автоколонна тронулась на фронт, до которого от городка было 35 км. Сгружали боеприпасы в крестьянской усадьбе, недалеко от боев. На этом участке уже воевали два наших батальона. Покушали с полевой кухни. Тут же встретили некоторых знакомых.

Только тронулись обратно, как над самой головой пролетел немецкий самолет. Начальник автоколонны повел машины километров 5 на полном газу и велел быстро и тщательно замаскироваться. Едва успели мы это сделать, как тот же самолет совсем низко пролетел над нами в ту сторону, откуда мы выехали. Мы же остались незамеченными.

Снова мчались до аэродрома. Аэродром весь был изрыт бомбежкой. Стояли десятки обгорелых «чаек»[6]. Квартиры летчиков, столовая, магазин – все было разрушено. Далеко от магазина валялись конфеты, сыр, печенья и т.д., но начальник колонны ничего взять не разрешил.

Когда вернулись в казарму, я сходил на ужин, а потом зашел в санчасть, т.к. от беготни, жары и пота перепрела нога и слезла кожа. Дежурный врач был пьяный, но перевязку сделал. Был сильно озабочен тем, как быть, т.к. снаряды противника разрывались уже совсем близко. На мои слова о том, что еще рано падать духом, что обязательно будут подкрепления, он ответил довольно пессимистично.

В 10 часов вечера нас вдруг срочно собрали и объявили, что враг подошел вплотную и взял город в кольцо и что нам следует немедленно идти на помощь обороняющимся. Лишь только выстроились во дворе, чтобы идти, как взрыв страшной силы оглушил нас и заставил залечь. Полетели все стекла и почудилось, что треснула стена. Решив, что это немец начал обстрел из тяжелых пушек, мы бегом направились на свой назначенный участок.

Дорога уже была забросана и завалена поленьями и различными обломками от разбитых деревянных построек. Соседняя нам

---

[6] И-153 – советский самолет-истребитель.

казарма у канала стояла без окон и в нескольких местах треснувшая. Вдобавок по пути нас едва не угробило пролетевшей раскаленной штукой. Тогда мы еще ничего не знали о настоящем положении. Только несколькими часам позже установилось, что моряки взорвали крейсер «Ленин»[7] и несколько подводных лодок, стоявших рядом с казармой в канале. Все это было сделано для того, чтобы не досталось врагу, а тем самым, между прочим, мы лишились очень сильной артиллерии. Таким образом взрыв, слышанный нами, был взрывом корабля, а раскаленная масса, упавшая около нас, корпусом морской торпеды, вылетевшей из трюма. Позже мы всю ночь слышали то треск разрывающихся винтовочных патронов, то сильное уханье снарядов: это горел крейсер.

Ночь пролежали в большой тревоге. Чтобы успокоить, нам сообщили, что к 4 часам[8] утра на подкрепление нам должны прибыть один пехотный полк и мотобригада. Успокоившись, стали ждать. К утру к нам присоединились моряки с крейсера «Ленина» и подводники.

С рассветом на передовой начался бой. Там был и наш третий батальон. Руководил боем командир нашей дивизии. Настало 4 часа, а подкрепления все нет. Из передовой пришел один лейтенант с нашего полка и принес очень тревожные сообщения. Часов в 11 на территорию военного городка с немецкого самолета выбросились три парашютиста. Поиски оказались безрезультатными.

Настал вечер. Несколько человек от нас, в том числе и Ваньку, взяли на кухню чистить картошку. Оставшиеся получше окопались.

На следующий день[9] с утра снова начался бой. Со своей линии нам приказали перейти на передовую. С нами шли и бойцы, вернувшиеся с кухни. Прибыв на место, получили участок и стали окапываться. Бой шел правее нас, где находился штаб дивизии.

Прошли еще сутки.

26-го июня после обеда в штаб дивизии попал вражеский снаряд и почти всех командиров убило. Генерал был тяжело ранен и умер уже на операционном столе. Вечером обороной стали руководить моряки, т.к. оставшийся комсостав куда-то исчез. Положение было

[7] Эсминец «Ленин».

[8] 24 июня.

[9] 25 июня.

самое печальное. Трое суток находились в полном окружении. Ожидать подкрепление перестали, т.к. ходили слухи, что бои идут у тех городов, откуда мы ожидали помощь.

Наши силы и без того малые, постоянно истощались, тогда как противник продолжал наносить нам удары, не испытывая недостатка ни в чем. Однако только авиация не давала нам покоя, в то время как со своей стороны ни одного самолета мы не видели.

С Ваней стали держаться как можно ближе и неразлучней. Решили или погибнуть, или выжить – только вместе. Даже в случае серьезного ранения одного из нас договорились исполнить все просьбы пострадавшего.

27 июня в 9 часов утра все силы, которые еще оставались в городке, бросились по двум путям на прорыв вражеского кольца, ставя целью добраться до Риги и присоединиться к главным силам. Вместе с войсками пошли и семьи комсостава: женщины, дети, старики. Тут происходило неописуемое страшное дело: люди, машины, кони – все таяло под перекрестным огнем немецкой засады. Кроме всего, на помощь немцам прилетели их истребители.

Мало здоровых людей вышло из этого окружения. Да и те до Риги не дошли, а как потом рассказывали пленные, были побиты или пленены, когда шли по тылам немцев.

Наш участок в этот день выходил правее основной дороги через маленький мостик. Здесь немцев было меньше, но дорога была плохая – приходилось идти по колено в воде по вязкому болоту.

Моряки, имея меньше амуниции, побежали гурьбой с криком «Ура» и легко проскочили в лес. Да немцы не слишком их и удерживали. А мы – пехотинцы, со своими ручными и станковыми пулеметами, с противотанковыми пушками, соблюдая «тактику» наступления, от моряков отстали и были встречены активным огнем. Однако, преодолевая противника, зашли в лес и тут немного задержались.

В перестрелке перестал действовать мой ручной пулемет. Пришлось бросить его и взять у убитого бойца винтовку. Всякого рода амуниция мешала ползти или быстро перебегать. Моя сумка с нотами, которую все еще носил с собой, была в двух местах прострелена. Противогаз тоже. Чтобы не мешали, я их выбросил, но когда заполз в надежную канаву и успокоился, то вспомнил, что там

в сумке хранятся мои письма, адреса, фотокарточки, да и вообще интересно вынести простреленную вещь. Решил сумку забрать обратно, тем более что она лежала всего в метрах трех от меня. Но в тот момент, когда я взялся за лямку, получил страшной силы удар в правую ляжку. От боли стиснул зубы и на минуту замер. Понял, что ранен.

Как только пришел в себя, быстро перекинулся снова в канаву и стал звать Ваню. Но на мой зов Ваня не явился. Так мы с ним расстались.

Вскоре подполз один боец, осмотрел рану и перевязал индивидуальным пакетом. Когда я узнал, что кость не повреждена, то пополз обратно в военный городок. День был солнечный, знойный и я скоро почувствовал слабость. В глазах стало темнеть. Все, что я имел с собой, выбросил. Хотелось пить, но не было воды. К городку тянулись такие же раненые. Вечером, часов в 9, добрался до тех окопов, откуда выступили утром. Это, стало быть, я полз 2 км пол дня. Здесь я снова потерял сознание. Придя в себя, двинулся к санитарной машине, которая стояла неподалеку, но места в ней уже не было, и я остался. Уезжая, шофер обещался приехать еще раз.

Стемнело. Санитары занесли в помещение зенитной батареи, где был устроен лазарет и уложили на свободную койку. Санитар сделал мне перевязку.

Противник, предполагая, что в городке еще много войск, всю ночь обстреливал нас. Мины и снаряды ложились повсюду. С минуты на минуту ожидали, что наш дом тоже превратится в развалины. Но это не так беспокоило, как беспокоила рана.

К рассвету 28 июня обстрел прекратился. Все стихло и сон немного переборол боль. Я на часок уснул.

Проснулся от разговора – это собирались уходить легкораненые.

Машина за нами так и не приехала.

Часов в 11 с большим трудом один вышел во двор. Кругом было тихо и безлюдно. Моросил мелкий дождичек. Оставаться тут не хотелось.

С помощью одного красноармейца из нашего полка, раненного в руку, направились к своим казармам.

Что нами руководило и какие цели преследовали – сказать не могу. В основном просто хотелось после стольких утомительных

и бессонных дней забраться в свою казарму, лечь на свою постель и выспаться, а там будь что будет.

По дороге везде валялись разбитые автомашины, повозки, людские и конские трупы – результат ночного обстрела.

Придя к казарме увидели, что она горит и от своих намерений пришлось отказаться. К этому времени снова выглянуло солнце. Стало жарко, захотелось пить, но водопровод не работал. Дошли до столовой и там на кухне напились.

Тут опять через нас стали пролетать мины и оставаться здесь стало опасно. Выхода из городка не было, поэтому я предложил снова идти к тому месту, откуда вчера мы выходили, а сегодня ожидались немцы. А там сообразно с действием немцев действовать и нам. Так и сделали. По пути встретились несколько бойцов, тоже не знающих куда деваться, но они ушли своей дорогой.

Когда поравнялись со своей казармой, появился еще один кр[асноармее]ц с нашего полка, которого я знал раньше. Он присоединился к нам. С помощью двоих передвигаться мне стало намного легче.

Как только пришли к каналу и залегли в метрах 200 от моста, показались немецкие разведчики.

Перейдя мост, несколько человек из них вошли в дом, где мы переночевали и где оставались еще тяжело раненые. До нас долетели звуки коротких автоматных очередей и крики раненых кр[асноармей]цев. Потом все стихло.

Другие в это время по дороге вдоль канала направились в нашу сторону. Нужно было как можно скорее перебраться на другой берег. Арам (так звали приставшего к нам азербайджанца) плавать не умел, Васька был ранен в руку и за плечами имел котомку с хлебом, я был ранен в ногу. Но тут помог дощатый щит, плавающий на наше счастье здесь. Васька с Арамом уцепились за эту доску, а я перетянул их на другой берег.

Незамеченные мы заползли в кусты.

Теперь справа нас через мост заходили немцы, сзади была вода, а впереди нас болото, за которым сидели немецкие пулеметчики и охраняли выход из городка. Вечером пулеметчики снялись, лишь перед уходом обстреляли впереди лежащие кусты, в том числе и наш.

Ночью ползком по болоту двинулись к лесу. В лесу все еще стояли немцы. Время от времени местность они освещали ракетами, но все-таки 2 км, отделяющие нас от леса, мы преодолели и укрылись в чаще леса.

Держась на Восток, шли до рассвета и когда утомились, укрывшись от комаров хвоей, под елью улеглись спать. Обмундирование на нас было летнее, головной [убор] был только у одного Арама. Спали на сырой земле.

Днем[10] отправились дальше. Сначала боялись всякого встречного, но когда от латышей узнали, что немцы тут с позавчерашнего дня не показывались, пошли прямо по дороге. Ночевали у латыша. Отнесся он к нам хорошо, накормил, отвел место для сна в сарае на соломе, дал укрываться одежду.

Утром[11] снова в пути. В одном месте нас обогнали 12 человек солдат и матросов с Либавы[12]. Сначала они не хотели нас оставить, но видя, как я тихо передвигаюсь, пошли дальше. Скоро они расположились на отдых, и мы опять оказались впереди их. Километра через два они снова стали нас нагонять, как вдруг сзади на мотоциклах налетели 9 немецких патрулей с автоматами и пулеметами.

Мы, втроем увидев это, бросились в придорожную канаву вправо, а они – за постройки влево. Была маленькая перестрелка, но у наших было не больше пяти винтовок и скоро бой прекратился. На наших глазах, оставшихся в живых и поднявших руки, немцы перестреляли. Пока их закапывали, мы ползком по канавам успели скрыться. Кроме того, они видно нас и не заметили, т.к. не преследовали.

До ночи пролежали во ржи и решили направление сменить, а идти только ночью. На рассвете залегли в одном сарае и заснули. Днем[13] я вышел к хозяину и выпросил покушать. Вечером хозяин еще раз накормил и выпроводил.

Ночью перешли шоссе и железную дорогу, а утром[14] снова остановились в хуторе. Нас накормили и уложили в сарае спать.

---

[10] 29 июня.

[11] 30 июня.

[12] Лиепая, Латвия.

[13] 1 июля.

[14] 2 июля.

Вечером еще раз покушали и двинулись по проселочной дороге. Но у одного богатого хутора хозяин нас остановил и заявил, чтобы мы немедленно пошли и сдались немцам, иначе айсарговцы[15] (латышская фашистская партия) всех блуждающих по лесам и дорогам расстреливают. Очевидно, он и сам был айсарговцем. Мы пошли по указанной дороге, но как только скрылись из виду, с дороги свернули. Тут пошел сильный дождь и нас до нитки промочило. Пришлось снова вернуться к тому, у кого укрывались днем. Старик хозяин провел нас через лес к следующему хутору, куда мы и заявились поздно вечером. Но хозяйка наотрез отказалась принять нас. Мы едва выпросились переночевать в дровяном сарае далеко от дома. Однако она и вечером, и утром принесла немного покушать, но просила, чтобы мы скорее убрались.

И 3 июля в 7 утра мы тронулись в путь. Погода стояла прохладная, шли все время лесом без всяких дорог. При переходе через одну речку я упал в воду. На холоде разделся, выжал воду и пошли дальше. При выходе из лесу чуть не напоролись на немецких солдат, но незамеченные свернули в сторону.

Часа в 4 зашли к одному бедному латышу, но он ни кусочка не дал, а лишь предложил сдаться в плен. Указал даже, куда для этого нужно обращаться.

Снова мы сделали вид, что идем туда, но потом изменили путь.

Но вот зашли в один хутор и не успели еще попросить покушать, как во дворе появились вооруженные латыши.

Стали допытываться, кто мы, откуда и куда идем, где наше оружие и куда схоронились остальные наши друзья.

Мы прикинулись, что идем сдаваться в плен, но никак не можем найти немцев. Что нас только трое.

Это было в 40 км от Либавы, недалеко от ж-д. станции Калвен[16].

Хозяин хутора накормил нас, но и дальнейшую «заботу» о нас принял на себя. Напрасно мы просили указать дорогу к немцам. Недалеко от хутора проходила большая дорога, на восток шли немецкие войска, а в обратную сторону – порожние машины

[15] Айзсарги – полувоенные формирования в Латвии, действовавшие с 1919 по 1940 г.

[16] Калвене, Латвия.

и тягачи. Вот хозяин и еще один вооруженный латыш повели нас на дорогу и сдали водителям одного из возвращающихся тягачей.

Так 3 июля 1941 года в 8 часов вечера я с двумя своими однополчанами попал в немецкий плен.

Источники и литература

1. *Кошкина О.А.* Украденная судьба. Инженер-майор А.В. Матвеев (1904–1950) // Марийский архивный ежегодник. – 2018. – С. 81–91.

2. Правила издания исторических документов в СССР. – М., 1990.

A.V. Taigildin

THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945) IN THE DIARY OF L.A. TAIGILDIN. 1941

Annotation. The military diary of Leonid Andreevich Taygildin, a teacher at the I.S. Palantai Mari Music School (1921-1962), is being introduced into scientific circulation. He spent the entire war in German captivity and kept a diary during this time. However, the original diary was lost by the author in captivity, but after the liberation by Soviet troops, L.A. Taygildin restored the diary from memory. The diary contains information about the beginning of the war and the daily life of prisoners of war. Here is an excerpt from the diary describing the very beginning of the war.

Keywords: History of the XX century, diary, memoirs, the Great Patriotic War, captivity.

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

УДК 93/94

В.П. Сапожникова,
О.И. Марискин

ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ВАЛИ КОТИКА, ЗИНЫ ПОРТНОВОЙ) В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Аннотация. В данной статье рассматриваются пионеры-герои на примере героического подвига Вали Котика и Зины Портновой. Приводятся примеры объектов культурного наследия на данную тему.

Ключевые слова: пионеры-герои, Валя Котик, Зина Портнова, героизм, память народа.

Пионеры-герои – это дети, которые в своем юном возрасте совершили поистине героические поступки. Образы пионеров-героев в Советском Союзе активно использовали в пропаганде, которая была направлена как на взрослых, так и на детей. Ими восхищались и хотели быть на них похожими. В 1954 г. был сформирован список пионеров-героев, в который вошли 85 мальчишек и девчонок. Они попали в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина. Шестеро пионеров-героев были удостоены звания Героя Советского Союза: Боря Цариков, Валя Котик, Зина Портнова, Леня Голиков, Марат Казей и Саша Чекалин.

Валя Котик родился в с. Хмелевка (Украинская АССР) в 1930 г. Он является самым маленьким Героем Советского Союза. В 1941 г. он только перешел в 6 класс. С первых же дней стал бороться с фашистами [3].

Осенью 1941 г. вместе со своими друзьями подорвал гранатой машину главы полевой жандармерии. Валя собирал с поля боя оружие и переправлял его в свой отряд. С 1942 г. был партизаном. Затем участвовал в боях. Был дважды ранен. Осенью 1943 г. перерезал провод, тем самым прервал связь между захватчиками и ставкой Гитлера. За время службы он подорвал шесть немецких эшелонов. Также спас отряд от карателей, убив офицера и поняв тревогу. 16 февраля 1944 г. был смертельно ранен, а 17 февраля скончался [5, с. 16].

Перед школой, где учился Валя Котик, поставлен памятник юному Герою Советского Союза. Известный поэт Михаил Светлов посвятил юному партизану стихи:

Мы вспоминаем о боях недавних,
В них совершен был подвиг не один.
Вошел в семью героев наших славных
Отважный мальчик – Котик Валентин [5, с. 17].

В честь юного пионера-героя улицы СССР были названы его именем: гг. Бор, Донецк, Казань, Калининград, Нижний Новгород, Ровно и многие другие. Пионерские дружины и детские лагеря были именованы в честь Вали Котика, например, детский лагерь в Республике Марий Эл. Также его именем был назван теплоход.

Большое количество памятников архитектуры было посвящено Вале Котику: в 1960 г. скульптор Н. Конгисерн вылил бюст, выставленный на территории ВДНХ в Москве; в 2015 г. на Аллее пионеров-героев в Ульяновске установлен барельеф; бюсты и памятники поставили в Шепетовке, Красилове (территория Украины), в г. Бор, в Симферополе.

В 1957 г. режиссер Эдуард Бочаров создал фильм «Орленок», который был посвящен Вале Котику и Марату Казею.

Одним из самых известных пионеров-героев можно назвать Зину Портнову [1, с. 56]. Девочка родилась 20 февраля 1926 г. в Ленинграде. В 1941 г. вместе со своей семилетней сестрой Галей она отправилась к бабушке в Белоруссию, в д. Зуя – около станции Оболь. Именно на этой территории девочек и настигла война. Через своего дядю Ивана Зина Портнова вышла на партизан, с подачи которых она стала распространять антифашистские листовки. После военных действий она собирала с поля боя оружие и доставляла в отряд. У девочки был твердый характер, она всячески пыталась

помогать русскому войску в борьбе с фашистами, всей душой ненавидела врага, хотела отомстить за сломанные судьбы людей [7, с. 5].

В 1942 г. Зина и Галя Портновы вступили в организацию «Юные мстители», которая находилась под руководством Ефросиньи Зеньковой. В течение двух лет организация мстила немцам: разрушала мосты, железные дороги, взрывала объекты стратегического значения. Зина заслужила авторитет среди товарищей.

В один из дней Зину Портнову организация устроила в заведение, где происходила переподготовка немецких офицеров. Там она стала работать в столовой: к еде ее не подпускали, она занималась грязной работой (выносила мусор, мыла полы). Но однажды в столовой заболела посудомойка, тогда Зина и воспользовалась случаем, чтобы отравить немцев. Она вылила в суп большую порцию крысиного яда. Через два дня от отравления умерло около 100 немцев. Тогда и началось расследование по поимке преступника, подозрения пали на Зину. Ей предложили съесть суп, который она с легкостью на глазах немцев съела. Еле живой Зина дошла до дома, где ее бабушка лечила несколько дней отварами. Молодой организм смог справиться с отравлением. После этого случая ей пришлось переехать в партизанский отряд [1, с. 56].

Летом 1943 г. большое количество участников «Юных мстителей» задержали и убили [1, с. 56]. Зина решила найти предателя и отправилась в д. Мостище, где была выдана немцам Анной Храповицкой. Но и от них она смогла сбежать, убив офицера гестапо и трех немцев. Но до конца побег не удался: Зину немцы настигли у реки, где она пыталась от них отбиваться, поняв безвыходность ситуации, она выстрелила себе в грудь [8]. Больше месяца 17-летнюю Зину пытали: выкололи ей глаза, раздробили суставы… Но она не проронила ни слова. Ее повели на казнь полностью седой и слепой… Зину расстреляли 10 января 1944 г.: «Сосна дрогнула, несколько сучков упали вниз на снег. Они легли рядом с еще теплым телом девочки из Ленинграда, шагавшей в бессмертие... Но подвиг маленькой партизанки совершенно изумителен, легендарен» [5].

Большое количество литературных произведений было посвящено Зине Портновой. Например, Андрей Черников написал стихотворение на тему «Зинаида Портнова», он описал подвиг юной девочки. Стихотворение пропитано гордостью, патриотизмом:

Ей было пятнадцать, ребята,
Но девочка с духом бойца
Травила карателей ядом
За Родину, маму, отца... [9].

В 1975–1980 гг. были написаны две известные повести, рассказывающие о жизни Зины, – В.И. Смирнов «Зина Портнова: повесть» (1980) и А.И. Солодов «Девочка с косичками» (1975). Эти произведения рассказывают не только о пионере-герое, но и о войне в целом, о страшных событиях того периода [7; 8].

В городском поселке Оболь (Белоруссия), откуда родом Зина, в память пионеру-герою поставлена памятная стена на автодороге А215; названы улица и школа; открыт музей, посвященный «Юным мстителям»; сохранился дом, где проживала Зина.

В период с 1968 по 2000 г. в Дальневосточном морском пароходстве существовало судно «Зина Портнова». В Санкт-Петербурге в школе № 608, открыт музей, а в Кировском районе названа улица в честь Зины. Поставлены бюсты, памятники в пос. Оболь, в селе Ягодное, в Москве; в Ульяновске установлен барельеф Зины [6, с. 203].

Маленьким пионерам-героям был посвящен цикл рассказов, который вышел в свет в 1973 г. как альбом-выставка [2, с. 124]. Затем с 1979 г. была выпущена серия книг из 12 рассказов. Каждая из книг знакомит с одним из пионеров-героев: детские годы, испытания войны, а затем героическая смерть или же вознаграждение за любовь и патриотизм к Родине. Благодаря этим книгам у детей появлялись кумиры, которым они подражали и хотели быть на них похожими.

После Великой Отечественной войны выжившие пионеры-герои активно участвовали в общественной жизни страны и в социальной реабилитации ветеранов войны.

Они организовывали сбор и передачу гуманитарной помощи для разрушенных городов и сел, раздавали продукты, одежду и медикаменты нуждающимся людям. Пионеры-герои помогали в строительстве новых домов, школ и детских садов. Они участвовали в поисковых экспедициях, искали погибших во время войны, памятные места и мемориальные комплексы.

Таким образом, пионеры-герои были образцом патриотизма, добра и справедливости для многих детей и подростков. Они создали

идеалы мужества, самоотверженности и героизма. Власти всеми силами пытались на долгие годы сохранить память о маленьких защитниках Великой Отечественной войны: снимали фильмы, создавали памятники архитектуры, называли улицы, школы, открывали музеи. Подвиги пионеров-героев на века останутся в памяти народа.

Источники и литература

1. *Андронова М.А.* Дети – герои. История Зины Портновой // Исторический путь России: из прошлого в будущее: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского. В 3-х томах, Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 года. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 55–58.

2. *Кадлец Н.А.* Как быль стала сказкой: серия «Пионеры-герои» и детский героический сюжет 1970–1980-х гг. // Детские чтения. – 2018. – № 2 (14). – С. 123–137.

3. *Котик А.Н.* Он был пионером. Рассказ матери. – Ашхабад, 1962.

4. *Набатов Г.О.* Юность, огнем опаленная: Повести. – Минск, 1968.

5. *Наджафов Г.Д.* Валя Котик. – М., 1982.

6. *Патонич И.К.* Зина Портнова – герой нашего времени // Этих дней не смолкнет слава : сборник материалов IV Республ. студенческой военно-науч. конф., посвящ. Дню Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., Гродно, 30 апр. 2019 г. – Гродно, 2019. – С. 199–204.

7. *Смирнов В.И.* Зина Портнова: Повесть. – М., 1980.

8. *Солодов А.С.* Девочка с косичками. – М., 1975.

9. *Черников А.* Зинаида Портнова // https://stihi.ru/2022/04/14/6351 (дата обращения: 06.08.2024).

V.P. Sapozhnikova,
O.I. Mariskin

PIONEERS-HEROES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF VALYA KOTIK, ZINA PORTNOVA) IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE

Annotation. This article examines the pioneer heroes, using the example of the heroic feat of Vali Kotik and Zina Portnova. Examples of cultural heritage sites on this topic are given.

Keywords: Pioneers are heroes, Valya Kotik, Zina Portnova, heroism, the memory of the people.

УДК 94

О.Н. Сенюткина

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НИЖЕГОРОДСКИХ ТАТАР-МУСУЛЬМАН[1]

Аннотация. Автор на примере исторической памяти нижегородских татар-мусульман, содержащей оценки Первой мировой войны, показывает значимость взгляда на прошлое для воспитания и образования россиянина в современных условиях. В статье доказывается необходимость создания общей картины происходившего, в результате чего формируется не только знание о прошлом, но и воспитывается бесконечная благодарность всем тем, кто был готов и готов сегодня защищать Родину и отдать при необходимости за нее собственную жизнь. Автор, опираясь на архивные, неопубликованные и опубликованные источниковые материалы, собирает по крупицам воедино образ воина и труженика тыла, позволяющий понять, как смогли выжить и выстоять наши предки в условиях войны, преодолевая ее тяготы и выполняя военно-политические задачи на фронтах.

Ключевые слова: Первая мировая война, Нижегородская губерния, российские мусульмане, нижегородские мусульмане, герои, героизм, патриотизм.

Актуальность избранной темы определяется в основном влиянием исторической памяти на жизнь народа. Историческая память хранит понимание культуры своего этноса, утверждает самоуважение к тем, кто близок человеку по языку, традициям и обычаям. Что дает современному молодому российскому (в том числе нижегородскому) татарину знание о прошлом его предков периода Первой мировой войны?

Прежде всего знание о выборе, сделанном его односельчанами и родственниками в пользу Родины – России, а не Турции, которая была важнейшим символом для каждого правоверного в те времена, когда султан Османской империи являлся одновременно халифом всех мусульман. Значимо, безусловно, и то, что люди России, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности,

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «№ 24-28-00188, https://rscf.ru/project/24-28-00188/».

продемонстрировали тогда единение в решении общей задачи защиты интересов Российского государства, не поддались на панисламистскую пропаганду, имеющую целью ослабить российскую государственность путем политического сепаратизма российского сообщества.

Когда речь идет об исторической памяти, важно ответить на следующие вопросы: что нужно помнить людям XXI в. об ушедшем применительно к Первой мировой войне, то есть каким должно быть устойчивое содержание блока памяти и почему именно то или иное содержание необходимо тиражировать и включать в культурно-просветительские и образовательные практики. Еще один вопрос: о чем люди помнят и что забывают в современных условиях, когда вспоминают события Первой мировой войны; есть ли утраченные сюжеты, которые необходимо оживлять в памяти людей? Какие идеи современности требуют обращения к событиям 1914–1918 гг.? Как историческая память о той войне может улучшить каждого из нас в это непростое время нашей жизни? Ответы на эти вопросы формируют осознанный взгляд на войну начала XX в., ее образ в контексте статьи позволяет глубже понять роль нижегородских татар-мусульман, которую они сыграли в ходе масштабного события XX столетия.

Цель статьи – исследовать, как образ участия нижегородских татар-мусульман в Первой мировой войне может служить социальному конструированию жизни россиян в современных условиях.

Историография темы исследования. Как считают специалисты, «участие российских мусульман в Первой мировой войне и отношение мусульманского населения империи к происходившим в Европе и на Кавказе событиям в 1914–1918 гг. все еще мало изучены как в отечественной, так и в зарубежной истории» [6, с. 188]. В историографии доминирует внимание к восстанию 1916 г. в Туркестане и к формированию и участию в войне так называемой Дикой дивизии из кавказцев.

Что касается изучения региональной конкретики повседневности российских мусульман в те годы, то эта тема остается пока фактически вне поля зрения историков.

Источниковая основа исследования – это тексты документов, устная традиция, знаки, символы, выраженные в памятниках, обелисках, названиях улиц, в праздничных датах и датах скорби и пр.

Объектом нашего рассмотрения является историческая память конкретной группы людей, представленной татаро-мусульманским обществом юго-востока Нижегородской области.

Методологическим основанием может служить концепция «социальных рамок памяти» французского философа, социолога и психолога Мориса Хальбвакса, исходящая из того, что существует социальное детерминирование человеческой психики [7].

Формы сохранения исторической памяти об участии нижегородских татар-мусульман в Первой мировой войне:

- Воспоминания об участниках Первой мировой войны представителей нижегородской татаро-мусульманской среды, полученные во время полевых исследований. Например, по рассказам старожилов разных татарских нижегородских сел, многие участники войны вернулись с фронта как сочувствующие революционерам, представителям левых партий. Часть из них заняли руководящие посты, стали видными советскими работниками, председателями колхозов и т.д. В частности, авторы книги по истории татарского селения Камкино указывают, что «участники Первой мировой войны Мустафа Надюков и Жаббар Пономарев играли большую роль в жизни села, колхоза, служили примером в отношении к работе, общественному долгу» [3, с. 68].
- Издание книг с включенными в их текст материалами о войне. О потерях в Первой мировой войне имеется материал в ряде книг серии «Татарские деревни Нижегородского края». Авторы книг в основном опирались на опубликованные Союзом возрождения родословных традиций «Алфавитные списки потерь в I мировую войну». В книгах исторического содержания даются фрагменты о жизни нижегородских татар в годы Первой мировой войны. Например, в книге по истории нижегородского татарского селения Уразовка [5] приводится 29 имен участников войны: погибших и пропавших без вести.
- Из книг в ходе культурно-просветительской работы черпается информация о героях-земляках. Среди наиболее отличившихся: Халилулла Нуриевич Нуриев, уроженец татарского села Красный

Остров, унтер-офицер кавалерии, полный Георгиевский кавалер; Нурмухамед Невманович Алимов, уроженец татарского села Петряксы, учивший однополчан рукопашному бою; Махмут Мухаметжанович Мухаметжанов, прошедший всю войну с 1914 по 1917 г. включительно [1, с. 180–181] и др.

• Создание памятников участникам Первой мировой войны. Если говорить о нижегородцах, воевавших на фронтах той войны, то их количество исчисляется 250 тыс. чел., из которых 60 тыс. погибли или пропали без вести. Если же привести цифры, связанные с нижегородскими татарами-мусульманами, то, по нашим подсчетам, более трех тысяч солдат отправились на фронт в первые годы войны, поэтому можно с уверенностью сказать о том, что торжественно открытый 25 июля 2024 г. в парке И.П. Кулибина в Нижнем Новгороде памятник жителям Нижегородской области – участникам Первой мировой войны символизирует, среди прочего, многоэтничный, многоконфессиональный характер выполнения нижегородцами общей задачи победы над врагом. Он символизирует заслуги перед Отечеством всех россиян, а не только представителей отдельных групп российского общества.

Внешний вид памятника (отлитая в бронзе фигура солдата Российской императорской армии с чеканным профилем при полной амуниции с винтовкой в руке) несет в себе важнейшую смысловую нагрузку – значимость для современного человека преемственности поколений, служения Отчизне и патриотизма. Солдат Первой мировой сделал выбор и был готов защищать свою страну от немецких и австро-венгерских захватчиков, как и сегодня делают свой выбор в борьбе с врагом участники Специальной военной операции.

В поддержку Проекта «Увековечение памяти героев-нижегородцев войн XX века» выступают представители региональной власти, общественных организаций, научного сообщества, библиотек, архивов, школьных музеев, студентов и учащихся. На торжественном открытии памятника, посвященного подвигу нижегородцев-участников Великой войны, мэр Нижнего Новгорода Юрий Шалабаев отметил: «Мы не имеем права забывать о подвиге нижегородцев, которые защищали Россию. Этот памятник является символом патриотизма, самоотверженности, самоотдачи наших

предков, нижегородцев – участников Первой мировой войны. Главная его задача – это воспитание молодежи. Глядя на него, они будут вспоминать историю своих предков, нижегородского края и своей страны» [2].

Ту же смысловую нагрузку несет монумент в честь участников и героев Второй Отечественной войны (1914–1918), поставленный в райцентре Починки Нижегородской области 26 ноября 2019 г. Памятник представляет собой каменную стелу прямоугольной формы на массивном черном постаменте. В верхней ее части изображен Георгиевский крест, внизу выбита лаконичная надпись: «Участникам Первой мировой войны 1914–1918 гг.» [4].

В *заключении* отметим, что историческая память о Первой мировой войне 1914–1918 гг. сохранилась в сознании нижегородских татар-мусульман, не могла не остаться в памяти в силу масштабности этого события всеобщей истории. К тому же участие в этом событии принимали жители татарских сел Нижегородчины. Однако память о тех временах нуждается в дополнении и использовании всех возможных форм ее сохранения, ибо дает возможность воспитать молодежь на примерах героизма и выносливости предков в труднейших условиях существования. Участие нижегородских татар-мусульман в Первой мировой войне может служить основой для социального конструирования жизни россиян в современных условиях.

Источники и литература

1. Нижегородцы и Великая война 1914–1918. – Нижний Новгород, 2014.

2. Общественная палата. 2024. 25 июля [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-183447150_2198 (дата обращения: 26.07.2024).

3. *Орлов А.М., Каримов А.А.* Камкино: история и современность. Очерки по истории села Камкино Сергачского района Нижегородской области. – Нижний Новгород, 2003.

4. Русская Императорская армия: история и традиции. 2019. 26 ноября [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-8295379_19315?ysclid=m-0htgiv5e8981786251 (дата обращения: 26.07.2024).

5. *Сенюткина О.Н.* История Уразовыла-Уразовки, что на Нижегородчине (XVII–XXI вв.). – Нижний Новгород, 2023.

6. *Соболев В.Г.* «Мусульманский вопрос» в Российской империи в период Первой мировой войны 1914–1916 // Клио. – 2015. – № 3 (99). – С. 188–195.

7. *Хальбвакс Морис.* Социальные рамки памяти. – М., 2007.

8. ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области). Ф. 636. Оп. 1. Д. 1; Ф. 2368. Оп. 1721. Д. 71, 73; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1485.

O.N. Senyutkina

THE FIRST WORLD WAR IN THE HISTORICAL MEMORY OF NIZHNY NOVGOROD MUSLIM TATARS

Annotation. The author, using the historical memory of the Nizhny Novgorod Muslim Tatars, which contains assessments of the First World War, shows the importance of looking at the past for the upbringing and education of a Russian in modern conditions. The article proves the need to create a general picture of what happened, as a result of which not only knowledge of the past is formed, but also endless gratitude is cultivated to all those who were ready and are ready today to defend the Motherland and, if necessary, give their own lives for it. The author, relying on archival, unpublished and published source materials, collects bit by bit the image of a warrior and a home front worker, allowing us to understand how our ancestors were able to survive and withstand the war, overcoming its hardships and performing military and political tasks at the fronts.

Keywords: First World War, Nizhny Novgorod province, Russian Muslims, Nizhny Novgorod Muslims, heroes, heroism, patriotism.

УДК 94(47).084.8:94(470)

С.В. Стариков

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются исторические параллели между Великой Отечественной войной (1941–1945) и событиями, связанными с проведением Специальной военной операции в 2022–2024 гг. Особое внимание уделяется целям СВО и Героям России – защитникам Отечества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Специальная военная операция, нацизм, тоталитаризм, Отечество, Герой России.

6. *Соболев В.Г.* «Мусульманский вопрос» в Российской империи в период Первой мировой войны 1914–1916 // Клио. – 2015. – № 3 (99). – С. 188–195.

7. *Хальбвакс Морис.* Социальные рамки памяти. – М., 2007.

8. ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области). Ф. 636. Оп. 1. Д. 1; Ф. 2368. Оп. 1721. Д. 71, 73; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1485.

O.N. Senyutkina

THE FIRST WORLD WAR IN THE HISTORICAL MEMORY OF NIZHNY NOVGOROD MUSLIM TATARS

Annotation. The author, using the historical memory of the Nizhny Novgorod Muslim Tatars, which contains assessments of the First World War, shows the importance of looking at the past for the upbringing and education of a Russian in modern conditions. The article proves the need to create a general picture of what happened, as a result of which not only knowledge of the past is formed, but also endless gratitude is cultivated to all those who were ready and are ready today to defend the Motherland and, if necessary, give their own lives for it. The author, relying on archival, unpublished and published source materials, collects bit by bit the image of a warrior and a home front worker, allowing us to understand how our ancestors were able to survive and withstand the war, overcoming its hardships and performing military and political tasks at the fronts.

Keywords: First World War, Nizhny Novgorod province, Russian Muslims, Nizhny Novgorod Muslims, heroes, heroism, patriotism.

УДК 94(47).084.8:94(470)

С.В. Стариков

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются исторические параллели между Великой Отечественной войной (1941–1945) и событиями, связанными с проведением Специальной военной операции в 2022–2024 гг. Особое внимание уделяется целям СВО и Героям России – защитникам Отечества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Специальная военная операция, нацизм, тоталитаризм, Отечество, Герой России.

Российская Федерация сегодня переживает сложные времена, особый период за последние 33 года новейшей истории. Впервые наше государство и общество столкнулось с вызовами, которые напрямую ставят вопрос о нашей национальной безопасности и защите суверенитета. Объявленная коллективным Западом широкомасштабная война против России вновь и вновь заставляет всех нас учитывать уроки истории, обращаться к традициям и опыту прошлого.

Сегодня многие сравнивают проводимую нашей страной Специальную военную операцию с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. С точки зрения профессионального историка это не только необходимо, но и обязательно для учета уроков истории. Все познается в сравнении, а сравнивать при этом есть что и с чем. Исторические параллели при этом как никогда уместны. История Великой Отечественной войны сегодня отражена в фундаментальном исследовании российских историков [2]. Появились первые труды, посвященные Специальной военной операции [6], очерки о героях СВО [4; 8], свидетельства участников боевых действий [3; 7], хроники и репортажи военных корреспондентов и журналистов [1; 5]. Все эти материалы представляют большой интерес для историка и невольно заставляют делать определенные обобщения и выводы.

Надо учитывать в первую очередь кардинальные задачи, которые решала страна в годы Великой Отечественной и сегодня ставит их и решает в ходе СВО. Хотелось бы обратить внимание на следующие главные обстоятельства и уроки.

1. Обеспечение национальной безопасности России

К сожалению, часть российского общества не осознает в полной мере того, что в последние 10 лет происходило и происходит на Украине. Вооружив вместе с другими западными странами Украину, США после госпереворота в Киеве феврале 2014 г. поставили своей глобальной целью нанести России стратегическое поражение, максимально не только ослабить ее, но и расчленить страну, вызвать политический переворот в самой России, расколоть единство многонационального российского народа. Украине при этом отводится роль антироссийского авангарда на постсоветском пространстве.

Эта политика не является новой. Истоки ее уходят в победный 1945 год. Уже тогда США начали составлять планы ядерных бомбардировок Советского Союза, который тогда не имел ядерного оружия. Объявленная нашей стране в 1946 г. холодная война ставила своей целью максимальное ослабление СССР по всем позициям.

Если говорить о Европе, то прямая параллель есть между предвоенной ситуацией 1938–1941 гг. и событиями 2014–2022 гг. Тогда западные державы, в первую очередь Англия и Франция, толкали нацистскую Германию на восток и уже в 1939 г., используя ее военную машину, планировали и предпринимали конкретные шаги, чтобы ликвидировать СССР. Тогда этот план англосаксов был сорван И.В. Сталиным, что стало стратегической победой советской дипломатии.

А в 2022 г., как свидетельствуют опубликованные документы, они же готовили широкомасштабную войну Украины против ДНР и ЛНР, вооружали ВСУ, строили укрепрайоны, готовили масштабное вторжение и в Россию, прикрываясь лозунгами о демократии и свободе. Россия еще надеялась, что безопасность ДНР и ЛНР будет гарантирована достижением договоренностей на переговорах в Минском формате. Но Запад, как и тогда в 1939 г., вел переговоры с нашей страной ради переговоров, а фактически готовил войну против нашей страны.

Действиями коллективного Запада Украина превращена в «анти-Россию». Из некогда братской нам Советской Украины создали фактически форпост, суть существования которого сводится исключительно к противостоянию с нашей страной.

Россия начала специальную военную операцию по демилитаризации и денацификации Украины 24 февраля 2022 г. Президент Владимир Путин назвал целью спецоперации «защиту людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима». По словам главы государства, спецоперация предотвратила реальную опасность, которая нависла над Россией. А ведь если бы наше командование не произвело упреждающий удар, дыхание этой войны было бы намного ощутимее. Поэтому начало военной операции стало превентивным ударом по планам США и Запада. Вопрос встал о будущем нашей страны, ее безопасности, поддержке наших соотечественников на востоке Украины.

Против России создана широкая коалиция, в которую входит коллективный Запад, включая страны НАТО и ЕС, а также их союзники и сателлиты, такие как Австралия, Новая Зеландия, Япония. Совокупно антироссийская коалиция составляет 48 государств. Это те страны, которые ввели против России санкции, а также осуществляют широкомасштабные поставки вооружения Киевскому режиму, оказывают помощь Киеву разведданными, ведут беспрецедентную информационную войну против нашей страны. России и республикам Донбасса противостоит подготовленная Западом украинская армия. Проиграв свое контрнаступление летом 2023 г., Украина при поддержке и согласии Запада начала террористическую борьбу против России, собирает коллаборационистов, предателей, усиливает свою пятую колонну в России, проводит обстрелы и захваты российской территории.

Поэтому уроки истории и современность наглядно демонстрируют, что СВО – это гарантия национальной безопасности России. Нужна консолидация всего российского общества. Необходима мобилизация тыла. А можно ли победить в такой войне без напряжения всех сил? Необходимо сплотить воедино зону СВО с тылом. Судьба, будущее нашей Родины зависит от каждого из нас!

2. Как Украина превратилась в тоталитарное государство

Подчас приходится слышать суждение о том, что украинская проблема надумана, что Украина всего лишь хотела жить так, как живет Европа. Однако это далеко не так. Действия всех президентов «новой Украины» полностью координировались западными кураторами, результатом чего стало установление в стране откровенно тоталитарного режима, при котором без судебных решений закрывались оппозиционные средства массовой информации, на граждан Украины, не согласных с действиями преступного режима, накладывались внесудебные санкции и возбуждались надуманные уголовные дела.

Для обеспечения внешнего управления Украиной, США и страны Запада проникли практически во все сферы жизнедеятельности украинского общества, была создана сеть организаций и СМИ, получающих финансирование за счет средств зарубежных грантов, в наблюдательные советы всех государственных корпораций вошли иностранцы; реорганизация судебной и правоохранительной

системы осуществлялась по зарубежным методическим материалам, при непосредственном участии иностранцев.

Иностранные граждане (представители западных стран) напрямую управляли целым рядом украинских министерств. В 2016 г. министром финансов Украины была назначена гражданка США Наталья Яресько, а министром экономики гражданин Литвы Айварас Абрамовичус. Председателем наблюдательного совета государственной компании «Нафтогаз» стала подданная Великобритании Клер Споттисвуд, бывшая глава регуляторного органа Великобритании по вопросам газоснабжения. Главой наблюдательного совета железных дорог Украины, государственной корпорации «Укрзализниця», стал гражданин Турции Шевки Аджунер, ранее работавший в Европейском банке реконструкции и развития.

Параллельно западные инструкторы готовили украинских военных, в стране осуществлялись поставки вооружения, фактически на ее территории создавались военные базы (несмотря на прямой запрет, содержащийся в Конституции страны). Еще в 2015 г. стало ясно, что под предлогом «военных учений» на Яворовском полигоне в Львовской области имело место перманентное иностранное военное присутствие, равнозначное размещению военной базы. Ежегодно увеличивалось количество мест проведения так называемых «маневров». На берегу Черного моря в Очакове строилась военно-морская база для кораблей стран НАТО, которая была уничтожена нашими вооруженными силами в первые дни Специальной военной операции.

Таким образом, ясно вырисовывается еще одна историческая параллель – как и в 1930-е гг. прошлого века западные державы проводили политику ремилитаризации Германии, так и сегодня они начиняют Украину своим оружием. Народ Украины стал заложником аппетитов военно-промышленного комплекса и геополитических амбиций администрации Соединенных Штатов, оказался в условиях военизированного тоталитарного режима. Наш долг, как и в годы Великой Отечественной войны, помочь братскому украинскому народу сбросить с себя эти оковы и выполнить свою освободительную миссию. Поэтому одной из главных целей проводимой СВО является демилитаризация Украины.

3. Украинский нацизм – прямое наследие германского нацизма и современного Запада

В сентябре 1943 г. бойцы Красной армии освободили Донбасс от гитлеровской оккупации. Предстала перед взором страшная картина преступлений. Нацисты гитлеровской Германии целенаправленно разрушали инфраструктуру Донбасса и уничтожали его жителей, в том числе детей.

80 лет спустя нацизм, признанный в ходе Международного военного трибунала в Нюрнберге преступлением против человечества, снова поднимает свою голову в странах Запада. Практически во всех европейских странах действуют неонацистские организации. На Украине неонацисты оказались у власти. Как итог – в основу политики возведен геноцид – массовое уничтожение всех, кто не согласен с этим режимом.

Геноцид киевского режима проявляется в следующих преступных действиях: уничтожение культурного и иного влияния России; этнокультурный геноцид русскоязычных граждан; физическое истребление инакомыслящих. Украинский нацизм – это дискриминационные законы в отношении русских и русского языка, тотальная фальсификация истории, истории русско-украинских отношений, Советской Украины в составе СССР, истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., объявленная война с памятью и памятниками советского периода и более ранних периодов нашей общей истории. В статье «Об историческом единстве русских и украинцев», опубликованной 12 июля 2021 г., Владимир Путин обратил внимание на политику дискриминации русского населения на Украине: «Речь идет о принудительной смене идентичности. И самое отвратительное, что русских на Украине заставляют не только отречься от своих корней, от поколений предков, но и поверить в то, что Россия – их враг. Не будет преувеличением сказать, что курс на насильственную ассимиляцию, на формирование этнически чистого украинского государства, агрессивно настроенного к России, по своим последствиям сравним с применением против нас оружия массового поражения».

На Украине происходит процесс насаждения нацистских идей о превосходстве украинцев как основателей не только европейской, но и всей мировой цивилизации.

Нацизм внедряется в сознание украинцев с детского возраста. Еще в 2014-м «Комсомолка» писала о лагерях подготовки и воспитания украинской молодежи и детей в «правильном» духе «украинских арийцев».

Развернута целая сеть нацистских лагерей для детей, подростков и молодежи, в которых воспитуемый «контингент» не только подвергается жесткому психологическому прессингу, но и обучению приемам обращения с оружием, стрельбе из него, рукопашному бою и даже ножевому бою и рукопашной схватке. В одном «Азовце» на окраине Киева за лето проходят нацистское военизированное обучение от 400 до 500 детей. Эти лагеря первыми описали западные журналисты, которых украинские радикальные националисты всюду пускали, все показывали и даже гордились тем, каких «убийц москалей» они воспитывают начиная с 7–8-летних детей, явно ожидая похвалы от Запада за свои действия.

На Украине нашли поддержку самые человеконенавистнические теории – от пещерного национализма до политического нацизма со своими боевыми формированиями и широким представительством во власти, СМИ, армии. Фактически весь офицерский состав прошел через нацбаты и другие нацистские организации.

Украинский национализм является неонацизмом потому, что полностью повторяет путь немецких нацистов: от кучки полусумасшедших националистов, провозгласивших превосходство единственной нации к созданию массовых вооруженных формирований, затем к созданию собственных политических партий и захват власти. И все это происходит при финансировании собственных и зарубежных олигархов. Аналогом СС и СА стали националистические батальоны, в первую очередь «Азов», финансируемый украинским олигархом И. Коломойским, так же как СС вначале финансировались Круппом.

Как и немецкие нацисты, украинские нацисты провозгласили превосходство одной нации – «украинской», лозунг нацистов «Один народ, одна империя, один фюрер» перекликается с украинским «Одна страна – одна нация – одна мова (язык)».

Точно также украинские неонацисты начали физически уничтожать всех, кто публично сопротивлялся их стремлению к власти. За последние восемь лет множество общественных деятелей были

убиты или вынуждены бежать из страны. 2 мая 2014 г. почти 50 чел., не желающих подчиняться майданному режиму и выступающих за предание русскому языку статуса второго государственного, были заживо сожжены в одесском Доме профсоюзов.

Уже тогда проявилась вся жестокость и бесчеловечность идеологических последователей Бандеры и Шухевича. Факельные шествия украинских нацистов с портретами этих «героев» точь-в-точь повторяют шествия германских нацистов периода прихода Гитлера к власти.

Боевики из националистических батальонов пытают и убивают российский военнослужащих, попавших в плен. Например, кадры с убийством наших солдат – безоружных пленных в г. Ирпень Киевской области – обошли весь мир.

Покрывателями украинских нацистов являются современные западные политики. Они перечеркнули все уроки истории. Денацификация впервые была проведена в массовом масштабе после победы над гитлеровской Германией в 1945 г. Она наложила запрет под угрозой уголовного преследования на идеологию превосходства одной нации над другой, сурово осудила всех за причастность к военным преступлениям и совершивших преступления против человечности (геноцид), военные преступления (нарушения законов ведения войны). Ликвидировались все политические организаций, проповедующие нацизм и национализм.

Неонацизм на Украине создан в первую очередь против России, это наконечник западного проекта «Украина – это Анти-Россия». Поэтому денацификация Украины является одной из главных целей СВО.

4. Защита Отечества: Герои Великой Отечественной – Герои СВО

Народ Донбасса и Армия России противостоят наследникам гитлеровцев, продолжая дело героев Великой Отечественной войны. При этом российские бойцы демонстрируют образцы великой доблести, мужества и героизма, которые могут быть сравнимы с подвигами воинов Красной армии, победивших фашизм в Европе и в Азии в 1945 г.

Совершенно не случайно В.В. Путин назвал имена славных украинцев, воевавших с фашизмом в Великую Отечественную. «Сегодня, – отметил он, – ополченцы Донбасса вместе с бойцами

армии России сражаются на своей земле, где насмерть стояли герои Великой Отечественной войны – Николай Ватутин, Сидор Ковпак, Людмила Павличенко… Вы сражаетесь за Родину, за ее будущее, за то, чтобы никто не забыл уроков Второй мировой. Чтобы в мире не было места палачам, карателям и нацистам». Так что наши парни воюют сегодня еще и за возвращение памяти о Ватутине, Павличенко, Ковпаке, Кожедубе и еще о тысячах настоящих героев Украины.

Мужество и героизм наших солдат и офицеров – главный источник наших побед. Те, кто сейчас сражается с нацизмом, поднявшим голову в соседней стране, продолжают дело своих дедов и прадедов, которые освобождали Россию и Европу от немецко-фашистских захватчиков почти 80 лет назад. Российский солдат и сегодня несет великую освободительную миссию.

Читая истории героев СВО, поражаешься, как много в них общего с историями той войны 80-летней давности. Просыпаются все те лучшие качества наших людей, которые проявлялись и в Великую Отечественную войну Советского Союза.

В декабре 2022 г. все российские СМИ обошла новость о беспримерном героизме русских летчиков, пожертвовавших своими жизнями для уничтожения врага в зоне СВО. 2 декабря в районе Клещеевки, под Бахмутом, на территории ДНР был сбит российский бомбардировщик Су-24М. Его экипаж в составе командира Александра Антонова и штурмана Владимира Никишина направили горящий самолет в колонну скопления украинской бронетехники. Летчики заставили нацистов дорого заплатить за свои жизни, сорвав наступление врага. Спустя 81 год Александр Антонов и Владимир Никишин повторили подвиг Героя Советского Союза Николая Гастелло, совершившего свой подвиг 26 июня 1941 г. Посмертно им присвоено звание Героев Российской Федерации.

Героями России стали наши земляки, уроженцы Йошкар-Олы и Республики Марий Эл. Это: Сергей Вячеславович Иштуганов, зам. командира десантно-штурмовой бригады, гвардии подполковник; Леонид Владимирович Рыжов, начальник управления общевойсковой армии, гвардии полковник; Дамир Эдуардович Шаймарданов, командир танковой роты, старший лейтенант, геройски погибший в бою.

Возможно, не все бойцы, которые сражаются сейчас на полях СВО, удостоятся золотых звезд, но, вне всяких сомнений, все они – герои.

Лозунг Великой Отечественной войны «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» вновь наполняется реальным и зримым содержанием.

Наших солдат не нужно убеждать в справедливом характере войны. Ради духовных и нравственных ценностей солдаты готовы отдать свою жизнь, если речь идет о защите нашего Отечества. Они сломают планы США и НАТО. Поколение фронтовиков Великой Отечественной гордилось бы такими внуками.

Поклон тебе, Солдат России!

Источники и литература

1. *Алехин Г.Т.* Донбасская дуга: Спецоперация продолжается. – М., 2023.

2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. – М., 2011–2015.

3. *Губарев П.Ю.* Факел Новороссии. От Русской Весны до СВО 2014–2023. – М., 2023.

4. *Коваленко Д.Л.* Александр Потапов – Герой России посмертно: «Главное, чтобы вы жили…». Специальная военная операция на Украине. – М., 2023.

5. *Коц А.И.* 500 дней поражений и побед. Хроника СВО глазами военкора. – М., 2023.

6. *Саперов В.* Специальная военная операция. Ч. 1. Исторические и политические предпосылки. – М., 2024.

7. *Стешин Д.А.* Священная Военная Операция: от Мариуполя до Соледара. – М., 2023.

8. *Федоров М.И.* Герои СВО. Символы российского мужества. – М., 2023.

S.V. Starikov

THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE SPECIAL MILITARY OPERATION: HISTORICAL PARALLELS AND THE LINK BETWEEN GENERATIONS

Annotation. The article examines the historical parallels between the Great Patriotic War (1941-1945) and the events related to the conduct of a Special military operation in 2022-2024. Special attention is paid to the goals of the SVO and the Heroes of Russia – the defenders of the Fatherland.

Keywords: Great Patriotic War, Special military operation, Nazism, totalitarianism, Fatherland, Hero of Russia.

УДК 908.03

Т.П. Урожаева

АФГАНСКАЯ ВОЙНА – БОЛЬ, СТРАДАНИЯ И ПАМЯТЬ ЖИТЕЛЕЙ ПРИАНГАРЬЯ

Аннотация. В наши дни, когда афганские события ушли в прошлое, назрела осознанная необходимость объективного комплексного исследования и осмысления обнародованных фактов и воспоминаний очевидцев. В 1980-х – начале 1990-х гг. общество плохо представляло себе то, что на самом деле происходило в Афганистане, пользуясь скупыми, часто противоречивыми, порой искаженными сведениями из прессы, а то и вовсе слухами. Непопулярность самой войны переносилась на солдат, хотя воины ограниченного контингента советских войск в Афганистане, большинство которых честно выполняло свой воинский долг, нередко проявляя героизм и самоотверженность, действовали по приказу, отданному во исполнение решений высшего политического руководства СССР, и сами стали жертвами безответственной государственной политики.

Ключевые слова: Афганская война, ограниченный контингент войск, афганский синдром, моджахеды.

В 2024 г. исполняются две знаковых даты: 45 лет с момента ввода советских войск в Афганистан и 35 лет – с момента вывода войск из этой страны. Афганская война, долгое время остававшаяся закрытой темой для отечественной истории, с конца 1980-х гг. стала приоткрывать свои тайны. В наши дни, когда афганские события ушли в прошлое, назрела осознанная необходимость объективного комплексного исследования и осмысления обнародованных фактов и воспоминаний очевидцев.

Ввод советских войск в Афганистан начался в 15.00 по московскому времени 25 декабря 1979 г. через Термез по суше и по воздуху с посадкой самолетов на аэродромах в Кабуле и Баграме. Штурм дворца Тадж-Бек начался 27 декабря 1979 г. Именно эта дата «без отметки в календаре» стала точкой отсчета ввода войск в Афганистан.

В Афганистане погибло 27 иркутян – солдат и офицеров. Вечная им память! Вспомним, как хоронили первых афганцев. Им отказывали даже в последних человеческих почестях.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 30 июля 1981 г. М. Суслов заявил: «…если сейчас мы будем увековечивать память, будем об этом писать на надгробиях могил, а на некоторых кладбищах таких могил будет несколько, то с политической точки зрения это не совсем правильно» [5, с. 4].

Официальная пропаганда в Союзе не знала, что делать с войной, полыхающей на юге. На телеэкранах разыгрывались спектакли с крашеными газонами и отутюженными солдатиками, сажающими деревья для счастливых афганцев.

Тем временем война, которой не было, шла своим чередом. Почти непрерывно шли бои в районе Кандагара, где советские войска то устанавливали относительно безопасную зону вдоль дороги, то оказывались в кольце окружения. Ежегодно приходилось возобновлять боевые действия в Панджшере. Неоднократно проводились операции в «зеленой зоне» Чарикара и Джабаль – Уссараджа, в Каписе, Хосте и Герате.

Специфика афганской войны заключалась в том, что в горах колоссальное преимущество в авиации и военной технике становилось иллюзорным. Успех операций зачастую зависел от действий батальонов, которые уходили в горы. «Духи» воевали дома, были мобильны, хорошо знали местность… История пребывания советских войск в Афганистане богата примерами подлинного героизма. Мужество солдата, которого родина послала в чужую страну, не может быть обесценено тем, что войне дана та или иная оценка. Нет числа случаям, когда парни ценой гибели спасали товарищей, верные присяге и воинскому долгу [19, с. 4].

Жительница г. Ангарска В. Добровольская работала медсестрой-анестезиологом в Афганистане в самые кровопролитные годы – 1984–1985. Уже первые дни в Кабуле на «пересылке» ей недвусмысленно дали понять: передумать и вернуться нельзя, назад дороги нет. Все это осталось в другой реальности, называемой «Союз».

Бывало, привозили раненых по 25 чел. в день. Принимали их два хирурга и Валентина. Сколько часов провела, не выходя из операционной… Сколько потратила на соки – поддержать искалеченных войной мальчишек. Скольких пришлось проводить к последнему приюту… В Кундузе был самый большой из трех афганских моргов [13, с. 2].

В мае 1980 г. Н. Деев из г. Братска написал рапорт с просьбой отправить его в Афганистан. Накануне выхода очередной автоколонны к перевалу Саланг поступили разведданные о том, что в кишлаке Газни, расположенном на маршруте движения, засела группировка душманов.

4 февраля 1982 г. был самый обычный рейд. В засаду, по словам Николая, попали по собственной глупости: «Комбат командовал, «целый» майор…». Группа шла по дну каньона, «духи» забросали гранатами сверху…

– Как будто камнем по ноге ударило. Я сначала так и подумал, когда упал. Ефрейтор К. Баганов подбегает: «Тебя ранило, командир!» Спасибо ребятам. Вынесли. Осколочное ранение в правую ногу, орден Красной Звезды, звание капитана досрочно» [11, с. 4].

С 14 лет жизнь иркутянина С. Дубинина была связана с армией. Окончив Свердловское Суворовское училище, продолжил учебу в Томском высшем военном командном училище. В августе 1980 г. добровольцем поехали в Афганистан. Был контужен. Награжден медалью «За боевые заслуги». Через два с половиной года вернулся в Россию, но уже в звании старшего лейтенанта. Служил в Белоруссии, Забайкалье, а в июле 1992 г. в течение полугода воевал в Приднестровье.

Позднее Сергей Николаевич, получив звание подполковника, исполнял обязанности начальника связи 12-й Краснознаменной ордена Суворова артиллерийской дивизии, что дислоцировалась в Шелеховском районе [10, с. 3].

Житель г. Шелехова В. Шалимов прослужил в Афганистане год. В 18 лет его забрали в армию. Он служил в обычной советской части. Но спустя некоторое время старшина объявил взводу Владимира, что парней ожидает внеплановый медосмотр. Медосмотр был очень тщательным – из 34 чел. взвода его прошли лишь шестеро, в том числе и В. Шалимов. И из таких здоровых ребят, собранных со всех взводов, создали «Команду-100».

Ничего не объясняя, солдат отвезли в Ташкент, и лишь там они узнали, что их отобрали для выполнения интернационального долга в Афганистане. Уже перед самым отлетом в Кабул Владимир успел написать коротенькое письмецо матери и попросил незнакомого старика отправить его. В письме говорилось: «Мама, я еду в Афган».

Во взводе, в котором служил В. Шалимов, было 54 чел. – таких же, как он, парней, почти мальчиков. Когда война закончилась и Владимир стал искать своих сослуживцев, выяснилось, что в живых осталось всего несколько человек. В памяти сохранились загоревшие на афганском солнце лица ребят, которым навсегда было суждено остаться молодыми [4, с. 3].

Командир 40-тонного танка Т-62 житель г. Ангарска Г. Голованов вместе со своим бронированным батальоном, входящим в мотострелковый полк, сопровождал колонны с боеприпасами, ГСМ, продовольствием, идущие бесконечным потоком из Кабула в Джелалабад.

Шел 1982 г. Война полыхала в Афганистане уже три года. Геннадий с первых же дней знал, куда его отправят. В военкомате этого никто не скрывал. В Туркестанском военном округе прошел сначала курс молодого бойца, а потом выучился на командира танка. В Кабул его с товарищами перебросили по воздуху.

Буквально через два месяца, еще толком не изучив обстановку, экипаж танка Геннадия принял первое боевое крещение, когда «духи» напали на возвращающуюся с боевой операции 8-ю роту, устроив засаду у Чертова моста. Одетые во все черное, слившись с такими же черными скалами, они поливали сверху свинцом и машины, и людей. Одна пуля прошла насквозь по косой – через плечо и грудь. Бой для него закончился, и надо было добираться до ближайшего БТР.

Очнулся уже в Кабуле, в госпитале, весь в бинтах. Там и узнал, что спасли его ребята из подошедшего на подмогу подкрепления, что операция уже сделана, грудь от прошедшей насквозь пули зашили, раздробленную плечевую кость поправили и жить он будет. Геннадий за первый бой у Чертова моста и второй, был награжден двумя медалями «За отвагу» [8, с. 3].

Для иркутянина С. Морозова Афганистан начался с анекдота: в июне 1984 г. командир части вызвал к себе молодого старшего лейтенанта, задав немудреный вопрос: «Хочешь за границу съездить?». Услышав в ответ «не хочу», сказал просто: «Вот тебе предписание, через два месяца быть на месте». Дальше все как обычно: самолетом в Кабул, вертолетом в Пули-Хумри – знаменитую «долину смерти». Афган встретил жарой в 50 градусов,

горами, выжженными солнцем. Командировка растянулась почти на два года, дома остались жена и пятилетний сын. Вернулся домой в октябре 1986 г. В том же году Сергей был представлен к награде, однако медаль «За боевые заслуги» получил только в 1990 г., уже на службе в Иркутске.

Термез – Кабул, Кундуз – Файзабат, Герат – Кандагар, Хайратон, Чарикар, Кабул – Джелалабад. Такую географическую карту пришлось осваивать в 1980–1981 гг. и другому иркутянину, старшему лейтенанту – командиру транспортной роты В. Каражекову. Перегонка техники, перевозка боеприпасов и продуктов, доставка стройматериалов для воинского контингента в Афганистане были просто жизненно необходимы.

Оплывшим, с расплавленным асфальтом, почерневшим от копоти, с запахом гари – таким перевал Саланг впервые увидел братчанин С. Морозов. Здесь накануне «духи» сожгли целиком сразу две колонны с бомбовозами и «наливняками» (цистернами с горюче-смазочными материалами). В. Каражеков и А. Карнаухов рассказывали, что в колонне, как правило, шли от 40 до 50 машин. На фугасах часто подрывалось до пяти машин. Обстреливали же колонны постоянно – в большей или меньшей степени. Без поддержки сверху «вертушками» Саланг пройти было трудно. Так, сверху, началось знакомство с Салангом иркутянина Ю. Мацнева.

Для Юрия, служившего в 50-м отдельном смешанном авиационном полку, география Афганистана измерялась и познавалась небом над ним. Будучи старшим парашютно-десантной группы поисково-спасательного обеспечения полетов, Юрий в составе экипажа вертолета МИ-8 совершил 163 боевых вылета, принял участие в спасении трех экипажей. Так, 21 октября 1987 г. лично участвовал в спасении 6 членов экипажа и 13 пассажиров самолета АН-12. Организовал выброску ложного десанта в районе населенного пункта Гардез, который способствовал взятию труднодоступного перевала. За это был награжден медалью «За боевые заслуги», а в 1989 г. – орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», и был даже представлен к награждению орденом Красной Звезды [14, с. 4].

Иркутянин В. Бабкин часто вспоминал Афган. Полк Вячеслава дислоцировался в Джелалабаде, который находится от Кабула

в 200 км. В этих краях почти не бывает зимы. Здесь даже в январе ниже плюс 15 градусов температура не опускается. Ну а летом – плюс пятьдесят, а то и выше. У пилотов от постоянного соприкосновения с раскаленным металлом были на руках долго не заживающие волдыри.

Крупнокалиберные пулеметы душманов запросто прошивали вертолет с расстояния в три километра. Насквозь. Правда, Вячеславу повезло. И его экипаж остался жив и невредим. Но вертолет, если бы не латали на нем сквозные отверстия от пуль и снарядов, был бы похож на дуршлаг. На вертолетах в разные точки Афганистана забрасывались десантные группы. В день приходилось подниматься в воздух по два-три раза.

Он мало говорил о тех опасностях, которые поджидали его в воздухе. Но об этом за него рассказала Т. Сакович, преподаватель Иркутского медицинского института, во время событий в Афганистане служившая врачом в госпиталях Кабула. «В Афганистане я оказалась, приехав из Самарканда на два месяца в командировку, а задержалась на два года, – поведала Татьяна свою фронтовую быль. – В мае 1986 г. впервые были испытаны «Стингеры», первой жертвой которых стал транспортный самолет, перевозивший «Груз-200». В это время в Афганистане находился А. Розенбаум. Под впечатлением от этой трагедии он написал песню «Черный тюльпан». Мне был положен отпуск. Провела его в Иркутске. Возвращаюсь в Кабул. А на меня все смотрят вытаращенными глазами. Оказывается, меня уже похоронили. И даже помянули. Пока я добиралась из Иркутска, самолет, на котором я должна была лететь из Ташкента, над Афганом был сбит ракетой. В нем было 160 чел.».

Часто спрашивают: почему в Афганистане месяц шел за три? Ответ на этот вопрос у всех разный. Иркутянин, подполковник запаса В. Лаврик получил орден «За службу Родине в ВС СССР». Афганскую пыль глотал два года. Его подразделение доставляло в Кандагар авиационное топливо. Очень опасная работа. Особенно когда колонна возвращалась порожняком. Пустые цистерны – бомбы. В них не было горючего, но оставались остатки топлива, превратившиеся в газ. Стоит попасть в такую цистерну трассирующей пуле или снаряду, она тут же взрывалась [19, с. 4].

Судьбы двух братчан, офицеров-пограничников, ветеранов афганской войны подполковника запаса Н. Михасенко и майора запаса П. Подлевского, схожи. Оба родились в Иркутске, оба волею случая стали пограничниками. Почти в одно время оказались на афганской войне, даже воевали в одной провинции, вполне могли там встретиться. Но познакомились только в 1993 г. в Иркутске, где вместе служили в отряде пограничного контроля «Байкал» Пограничного управления ФСБ России.

В 1986 г. старший лейтенант П. Подлевский служил в мотоманевренной группе Термезского пограничного отряда. В это время пограничники обеспечивали вывод первых шести армейских полков из Афганистана. Солдаты все время спрашивали Подлевского: «А где же граница?». В очередной раз, отправляясь на сопровождение армейского подразделения, он взял с собой банку белой краски. Определив на глаз, где находится середина моста через Амударью, он остановил машину, вышел и провел жирную черту краской. «Это – граница», – объявил он бойцам, возвращавшимся в Союз. С тех пор все, кто проезжал в этом месте, традиционно выполняли этот ритуал. Говорят, нарисованная Подлевским «линия границы» была еще видна и в феврале 1989 г. [6, с. 5].

Ефремов С. служил в Афганистане два года – с 1982 по 1984. Всего два года – целых два года, переплавившихся в поэтические строчки. Он коренной иркутянин. Окончил школу № 16, металлургический факультет политехнического института. Мечтал о работе на большом заводе, а стал командиром взвода управления минометной батареи 81-го Термезского погранотряда ПВ КГБ СССР.

Старший лейтенант С. Ефремов достойно выполнил свой интернациональный долг. И, вернувшись домой, исполнил свою мечту – пошел работать на Иркутский алюминиевый завод, потом – в компанию «СПЛАВ» Иркутской областной организации воинов-интернационалистов [9, с. 3].

Вспоминает летчик, уроженец г. Иркутска В. Белокрылов: «Для меня Афган начался с декабря 1979 г. В составе одного из экипажей 708-го военно-транспортного авиационного полка, который базировался в то время в Кировобаде Азербайджанской ССР, я участвовал во вводе войск на территорию Демократической Республики Афганистан.

В 1984–1985 гг. довелось служить в знаменитом «полтиннике» – 50-м смешанном авиационном полку, базировавшемся в столице Афганистана г. Кабуле. Приходилось летать и днем, и ночью в горах, без всяких ориентиров на земле, в сложных метеоусловиях – в горах никогда не знаешь, какая погода будет через пять минут. За восемь лет службы в Афганистане набралось 685 боевых вылетов» [1, с. 4].

В г. Черемхове, так уж повелось с некоторых пор, ветераны Великой Отечественной и афганской войн в одном строю и в будни, и в Дни Победы, и в Дни памяти. Хотелось бы рассказать о ветеране локальной, но не менее жестокой войны, подполковнике запаса В. Константинове. В тяжелых боях он брал горные высоты, штурмовал афганские крепости, совершал победные рейды. Встречался со смертью не единожды. Заслуженно носил на груди орден «За службу Родине в Вооруженных силах», боевые и юбилейные медали.

В 1980 г. командовал ротой в Афганистане. Военную службу уже в мирное время подполковник В. Константинов закончил в Черемховском городском военном комиссариате в должности начальника 3-го отделения [7, с. 5].

Вспоминал иркутянин, полковник запаса В. Кобзарь: «Я попал на вывод войск из Афганистана. Наш полк ежедневно обеспечивал вылет около 60 транспортных самолетов Ил-76 с возвращающимися домой войсками. Каждую посадку и взлет самолета-гиганта обеспечивали четыре вертолета прикрытия Ми-24 – «смертники», которые в случае пуска ракеты принимали ее на себя».

За участие в боевых действиях В. Кобзарь был отмечен государственными наградами: орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3-й степени и медалью «За боевые заслуги» [16, с. 4].

Житель г. Ангарска В. Величко с горечью признавался, что Афган и в мыслях, и в снах преследовал его, как, наверное, и всех ветеранов той «неизвестной» войны. Доставка боеприпасов, ГСМ, медикаментов, продовольствия, отправка груза «200» – и днем, и ночью, в жару и стужу, под обстрелом душманов и вой снарядов, в ожидании диверсии за каждым поворотом серпантина дорог в горах и на перевалах. В одном из рейдов Вадим Петрович тоже был ранен и тяжело контужен, но скоро вернулся в строй. И снова – в опасные рейсы.

За умелое обеспечение боевых действий 40-й армии и проявленное мужество В. Величко был награжден медалью «За боевые заслуги», памятной медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа», грамотой Президиума Верховного Совета СССР. «Я видел жизнь и смерть людей в погонах, – говорит Вадим Петрович, – их невероятно тяжелый ратный труд. На войне испытывается сила духа, армейское братство, когда ты делишься с другим последним глотком воды, последними патронами. А завтра провожаешь его в последний путь» [18, с. 4].

Вспоминал ветеран Афганистана, ангарчанин А. Баталов: «В 1982 г. был замкомандира полка вертолетчиков. Нашему полку была поставлена боевая задача: перебазироваться в Афганистан. Но все было по собственному желанию, из нашего полка насильно никого не посылали. Туда попадаешь как в другой мир. Здесь, в мирной жизни, у нас множество личин: дома мы одни, на работе другие и так далее. А туда приходишь – с тебя вся эта мишура слезает, и ты остаешься голенький, какой есть на самом деле. И сразу понятно, чего ты стоишь. Там другие ценности. Финансовый вопрос просто не стоял, деньги были ничто, и никого они не интересовали» [15, с. 3].

Ветеран Афганской войны, майор запаса В. Ткаличев работал в Солерудниковской гимназии в пос. Тыреть Заларинского района. Он вел уроки по основам безопасности жизнедеятельности. А, кроме того, занимался с ребятами в патриотическом клубе «Витязь», дружине юных пожарных «Огнеборец» и в клубе инспекторов дорожного движения «Светофорик». А еще – он написал стихи о незабываемых днях войны [3, с. 4].

Встреча с Афганистаном у всех молодых бойцов состоялась поразному. Для 18-летнего А. Карнаухова жителя г. Усть-Илимска война началась с призыва на службу в Вооруженные Силы по окончании школы. Эшелоном в Узбекистан, самолетом в Афганистан – из зимы в лето. Первая же ночевка под свист пуль на аэродроме в Кабуле расставила все точки над «і». Много лет спустя Анатолий узнал, что был одним из тех советских солдат, кому довелось первыми попасть в Афганистан. О «дембеле» пришлось мечтать в роте обеспечения два года там же, за границей. Домой вернулся в 1981 г. прямиком из Афганистана, с медалью «От афганского благодарного народа»

и знаком «Отличник социалистического соревнования». Позже к ним присоединились памятные медали «Воинам-интернационалистам», «15 лет вывода войск из Афганистана» [2, с. 3].

Участник афганской войны, житель г. Усть-Илимска И. Косов вспоминал: «Афганистан вошел в нашу жизнь как-то спокойно, почти без волнений. Те скупые телеграммы, которые приходили в части, не отражали правды происходящего. Как не отражала ее и наша советская пресса. Поэтому, отправляя первые экипажи, мы не чувствовали запаха пороха. Нам казалось, что это обычная загранкомандировка, абсолютно мирная, не требующая дополнительной подготовки. Недооценка происходящего стоила многим из нас жизни. Войну мы увидели и услышали лишь после прибытия на аэродром Кундуз. Рядом с аэродромом четверка Ми-24 наносила удар по кишлаку. И мы отчетливо видели взрывы бомб и слышали канонаду разрывов. С наших лиц сошли улыбки, когда мы увидели трупы. К войне привыкнуть можно. К взрывам, стрельбе, трассерам по ночам. Нельзя привыкнуть к смерти» [12, с. 4].

Поколение «афганцев» вспоминало службу «за речкой» как лучшие годы своей жизни. И для С. Тарасова это был самый яркий и значимый отрезок в его судьбе. Он был уверен: Афганистан научил его многому, но самое главное – любить жизнь, разбираться в людях, ценить настоящую мужскую дружбу.

Тарасов С. был призван в пограничные войска 14 ноября 1985 г. Когда начался отбор в Термезскую десантно-штурмовую маневренную группу (ДШМГ) в Афганистан, успешно прошел испытания и уже в июне 1986 г. в числе 30 «счастливчиков» оказался в узбекском г. Термез.

О своих первых военных опытах Сергей Валерьевич вспоминает с гордостью: «Все операции были сложные, а мы – еще молодые, необстрелянные. Но результаты показали хорошие, и нас сразу зауважали и «старики», и другие десантные отряды». За смелые и решительные действия в боевых операциях рядовой С. Тарасов был награжден медалью «За отвагу». Он пробыл в Афганистане полтора года. Полтора года – в постоянной опасности. Еще запомнилась пора цветения маков – все горы красные. Такая красота!» [17, с. 2].

Участие ограниченного контингента советских войск в афганской войне с ее сложными, противоречивыми и трагическими

сторонами, нашедшими свое отражение в данном исследовании, уже стало частью нашей истории. Боевая деятельность ОКСВ осуществлялась в очень непростой обстановке, обусловленной социально-политическими, национально-этническими и религиозными особенностями этой страны.

Незнание обстановки, ошибка в оценке возможностей советских войск в условиях горного Афганистана и партизанской войны, неосведомленность в вопросах о соотношении сил противоборствующих сторон, раздорах в правящей партии обернулись тем, что первоначально предполагавшийся непродолжительный срок пребывания 40-й армии в чужой стране затянулся на долгих 3341 день войны.

Конечно, затянувшееся на годы пребывание советских войск в Афганистане, их вовлечение в гражданскую войну, борьбу с массовым антиправительственным движением, то есть попытка разрешить, по существу, внутренние, суверенные проблемы страны путем применения силы не имели исторического оправдания, как не имеют исторического оправдания понесенные в связи с этим человеческие жертвы. Но при этом надо понимать, что ошибки прежнего руководства никоим образом не умаляют чести и достоинства советских солдат, сержантов и офицеров, вынесших на своих плечах все тяготы и лишения войны.

Источники и литература

1. *Белокрылов В.* Небо выбрало нас // Восточно-Сибирская правда. – 2009. – 12 февраля.

2. *Виноградов Н.* «Панджшер» принимает эстафету // Усть-Илимская правда. – 2008. – 2 сентября.

3. *Водопьянова Е.* Проверка поколения на прочность // Сельская новь. – 2014. – 11 февраля.

4. Вы уходили на войну, ребята…// Восточно-Сибирская правда. – 2001. – 17 февраля.

5. *Гаврилов В.* Дата «без отметки в календаре» // СМ-номер один. – 1997. – 27 декабря.

6. *Григорьева М.* Афганские истории // Областная газета. – 2008. – 21 февраля.

7. *Жилкин В.* Свой среди своих // Черемховские новости. – 2009. – 14 февраля.

8. *Ивкин М.* Отважный «шурави» // Губерния. – 2004. – 1 сентября.

9. Из афганской тетради // Вечерний Иркутск. – 2009. – 21 февраля.

10. *Карнаухов В.* Внук солдата // Губерния. – 1999. – 8 мая.

11. *Кинщак В.* Офицерский вальс // Восточно-Сибирская правда. – 1999. – 16 февраля.

12. *Косов И.* Время выбрало нас...// Усть-Илимская правда. – 1999. – 14 февраля.

13. *Костанова Т.* Назад дороги нет // Губерния. – 1999. – 15 февраля.

14. *Красавина Т.* В афганской «командировке» // Областная газета. – 2006. – 22 февраля.

15. «На войне совсем другие ценности…» // Областная газета. – 2011. – 27 декабря.

16. *Олефир А.* «Правда – она жесткая…» // Губерния. – 2011. – 15 февраля.

17. *Цицеронова Ю.* Нерушимое братство // Губерния. – 2014. – 11 февраля.

18. *Шастун В.* Ветеран «неизвестной» войны // Вечерний Иркутск. – 2011. – 22 февраля.

19. *Шибанов Д.* Была такая война // Областная газета. – 1999. – 13 февраля.

T.P. Urozhaeva

THE AFGHAN WAR – PAIN, SUFFERING AND MEMORY OF THE INHABITANTS OF THE ANGARA REGION

Annotation. Nowadays, when the Afghan events have become a thing of the past, there is a recognized need for an objective comprehensive study and understanding of the published facts and eyewitness memories. In the 1980s – the beginning of the 1990s, society had a bad idea of what was actually happening in Afghanistan, using stingy, often contradictory, sometimes distorted information from the press, or even rumors. The unpopularity of the war itself was transferred to the soldiers, although the soldiers of the limited contingent of Soviet troops in Afghanistan, most of whom honestly performed their military duty, often showing heroism and dedication, acted on orders given in pursuance of decisions of the supreme political leadership of the USSR, and themselves became victims of irresponsible state policy.

Keywords: Afghan war, limited contingent of troops, Afghan syndrome, Mujahideen.

УДК 069.5:623.4

Е.Г. Шалахов

ВОСТОЧНОЕ ОРУЖИЕ И ЗАЩИТНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ В МУЗЕЯХ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРУЖИЕВЕДЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются и анализируются наиболее информативные публикации отечественных исследователей, посвященные проблемам научной атрибуции и популяризации уникальных предметов и коллекций из музейных собраний России. Наибольший интерес представляют печатные работы сотрудников столичных и региональных музеев, направленные на изучение специфических особенностей произведений мастеров-оружейников стран Востока эпохи Средневековья и Нового времени. Вопросы происхождения тех или иных музейных предметов и их связь с конкретными историческими событиями, в том числе событиями военной истории России и сопредельных государств, детально освещены в большинстве научных трудов ориентального (востоковедного) характера. Музееведческая ценность публикаций о восточном оружии и доспехах также очевидна.

Ключевые слова: Восток, оружие, доспех, кинжал, коллекция, сабля, топорок, шлем, щит.

Среди небольшого числа обстоятельных публикаций, посвященных музейным собраниям восточного оружия и защитного снаряжения, особо стоит отметить работу старшего научного сотрудника Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Н.С. Гарасевой, опубликованную в сборнике материалов XVI Золотаревских чтений, состоявшихся 25–26 октября 2016 г. Автор статьи, в которой дан подробный обзор музейных предметов из коллекции Рыбинского музея-заповедника, так обосновала цель своего исследования: «Многочисленность восточных народов, проживающих на огромной территории, длительная самоизоляция некоторых из них, известная консервативность восточной культуры в целом привели к созданию бесчисленных типов вооружения. Необычность и разнообразие форм, зачастую уникальность качества исполнения

и декоративной отделки восточного оружия, с одной стороны, и отсутствие уставных типов вооружения, с другой, являются теми факторами, которые и вызывают затруднения при его определении и дальнейшем изучении. Вследствие этого до настоящего времени в музее оружейные памятники восточного происхождения были аннотированы достаточно условно…» [2, с. 41].

Как отмечает Н.С. Гарасева, ядро коллекции восточного холодного оружия и защитных доспехов Рыбинского музея-заповедника было сформировано в 20-е гг. прошлого века. Данный факт заинтересовал автора настоящей статьи потому, что в этот же период времени аналогичная коллекция формировалась на базе Нижегородского исторического музея (костяк этой коллекции составили персидские и среднеазиатские доспехи и клинковое оружие из замка Шереметевых).

Отличительной особенностью публикации Н.С. Гарасевой является профессиональный подход к вопросу систематизации ориентальных музейных материалов: «Наиболее крупную и разнообразную по своему составу группу составляет оружие индоиранского региона (16 единиц хранения). Следующая по численности группа (6 предметов) – это среднеазиатские доспехи и оружие. В коллекции также представлено оружие Османской империи (4 предмета), Китая (2 предмета), Малайского архипелага (2 предмета) и Эфиопии (2 предмета)» [2, с. 41–42].

Для описания наиболее ценных памятников иранского оружейного искусства XVII–XIX вв. Н.С. Гарасева использует старинную персидскую терминологию: «чар-айна» – зерцальный доспех; «худ» – полусферический шлем; «сипар» – стальной щит круглой формы; «шамшир» (в переводе с персидского – «тигриный коготь») – основной тип персидской сабли с узким линзовидным клинком [2, с. 42–43].

Кроме того, в статье Н.С. Гарасевой содержится конкретная музейная и музееведческая информация. Уважение к музейному источнику проявилось у исследовательницы в том, например, что она указала в своей публикации шифры изученных музейных предметов.

Следующая публикация, которая привлекла к себе внимание, посвящена вопросу изучения арабографических надписей на

доспехах из коллекции Костромского государственного музея-заповедника (КГМЗ). Статья опубликована в сборнике материалов конференции «Ефим Честняков и его наследие в культурном и образовательном пространстве XX–XXI вв. К 145-летию художника и писателя Ефима Васильевича Честнякова (1874–1961)», состоявшейся в г. Костроме 20 ноября 2019 г. Исследователи Л.Н. Новожилова, Н.М. Барабанова и Ф.Ф. Салахетдинов опубликовали результаты своих попыток расшифровки надписей на защитном снаряжении, выполненном «в восточном стиле» [8, с. 372].

Основными предметами исследования стали пистолет кремневый, изготовленный на Кавказе мастером Ахматом в середине XIX в. (музейный шифр – КМЗ КОК-6952 О-30); кольчуга восточной работы, датированная XVI в. (КМЗ КОК-7068 О-272) (*рис. 1*); доспех

Рис. 1. Кольчуга восточной работы. XVI в.
Коллекция Костромского музея-заповедника (по: [8, с. 374])

индо-мусульманский: стальной щит круглой формы, датированный XVII–XVIII вв., размеры которого составляют 55×55×12 см (КМЗ/КРМ ОФ-1499/2), стальной наручь (налокотник) размерами 35×9,8 см (КМЗ КРМ ОФ-1499/3) и стальной шлем «кула-худ» [1, с. 222–223] размерами 27×19×19 см (КРМ КМЗ ОФ-1499/1) [8, с. 378–379]. У последнего предмета заметна утрата подвижного наносника-«стрелки». Возможно, эта утрата случилась в бою во второй половине XVIII в. – именно в это время боевые наголовья типа «кула-худ» достигают пика своей популярности у воинства Средней Азии [1, с. 226].

Как отмечают авторы статьи, «вопрос о восточных надписях на оружии, особенно раннем – XV–XVII вв., которое находится в российских музеях, обсуждается специалистами по оружию и историками» [8, с. 373].

Самой удачной попыткой изучить арабографическую надпись на защитном снаряжении, по мнению Л.Н. Новожиловой и ее соавторов, явилась работа над переводом чеканного текста, выполненного на каждом из 20 тыс. колец железной кольчуги: «Фотографии с надписями на кольчуге и щите были отправлены преподавателю арабского языка Катарского университета профессору Мустансиру Хамаду. Он ответил, что относительно надписи, выгравированной на кольцах кольчуги, можно с достаточной долей уверенности сказать, что там написано слово «Бог (Аллах)» на арабском языке» [8, с. 376–377].

Продолжая тему, связанную с изучением арабографических надписей на защитном снаряжении восточного воинства в российских музеях, стоит упомянуть публикацию художника-реставратора Муромского историко-художественного музея (МИХМ) А.С. Моховой, посвященную атрибуции индо-персидского щита XIX в. из собрания МИХМ. Статья о парадном щите типа Separ-Dhal (в переводе с арабского языка – «отдельный») опубликована в сборнике материалов VIII Международной научно-практической конференции «Мир оружия: история, герои, коллекции», которая состоялась в г. Туле в октябре 2020 г. Автор этой работы, ссылаясь на результаты своих поисков, отмечает, что богато украшенный щит, получивший музейный шифр М-46 О-69, «был передан из уездного ЧК г. Мурома» в 1918 г. [6, с. 337].

Описание музейного предмета изобилует восточными терминами, переведенными с арабского на русский язык, и содержит профессионально подготовленные комментарии самой А.С. Моховой. На наш взгляд, интересен фрагмент описания, где наряду с техническими деталями внешней отделки щита приведены ценные сведения об арабской палеографии: «Край щита усилен по окружности латунной каемкой (ловцом стрел). Окружность украшают восемь овальных картушей, внутри которых изображены арабские каллиграфические надписи… Они выполнены шрифтом насх – одним из шести традиционных арабских почерков (*аль-аклам, ас-ситта*), основным и самым распространенным шрифтом для записи большинства языков, использующих арабский алфавит. Насх приобрел повсеместное распространение в арабском мире в XV веке» [6, с. 337–338].

Текст надписи на языке оригинала звучал и как стихи, и как молитва, обретая магический смысл. В сочиненном обереге есть такие слова: «Сохрани сына и сохрани возлюбленного, покрыв его» (перевод выполнен сотрудницей Института археологии РАН А. Максимовой) [6, с. 340–341].

Исследовательница из Муромского музея отнесла щит, украшенный изысканными растительными орнаментами и мусульманской символикой, к позднему периоду правления династии Каджаров (XIX в.).

Подчеркнем также, что главным достоинством публикации А.С. Моховой является богатый иллюстративный материал – три рисунка и две фототаблицы, снабженные четкими прорисовками фраз на арабском языке.

Значительная по своему объему и содержанию статья директора Государственного исторического музея А.К. Левыкина и кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника, хранителя коллекции холодного оружия Оружейной Палаты Московского Кремля В.Р. Новоселова посвящена драгоценному турецкому кинжалу (*рис. 2*), который в третьей четверти XVIII в. принадлежал османскому офицеру высокого ранга, трехбунчужному сераскиру Агмету Урфе-Валесы [4, с. 117].

Авторы публикации, по их собственному признанию, вернулись к теме изучения иранского кинжала, введенного в научный оборот

Рис. 2. Кинжал сераскера Агмета Урфе-Валесы. Турция. 1750–1760-е гг. Коллекция Оружейной палаты музеев Московского Кремля (по: [4, с. 120, илл. 1])

еще в 2004 г. Как отмечают А.К. Левыкин и В.Р. Новоселов, булатный кинжал поступил в Оружейную палату в 1810 г. в составе собрания императорской Рюст-камеры: «Клинок кинжала стальной, кованый, изогнутый, линзовидный в сечении, обоюдоострый, длина клинка – 21,4 см, ширина – 2,9 см. <…> Рукоять и ножны кинжала оправлены тонким золотым листом, декорированным живописной эмалью: на белом фоне помещены крупные яркие цветочные бутоны на стеблях с листьями. Верхняя и нижняя части рукояти, а также устье и наконечник ножен обозначены серебряными, золочеными, ажурными накладками со вставленными в них шестьюдесятью пятью крупными алмазами. Навершием рукояти служит каст с крупным неограненным турмалином» [4, с. 119, 121].

Драгоценная отделка кинжала и ножен олицетворяет роскошь Востока. Уникальный по исполнению предмет хранится в фондах музеев Московского Кремля (Инв. № Ор – 3891). Глядя на цветную фоторепродукцию с изображением предмета [4, с. 120, илл. 1], в полной мере осознаешь престижность вещи, созданной руками нескольких мастеров – оружейника, ювелира и эмальера.

Публикаторы кинжала, добиваясь главной цели исследования, то есть истинной культурно-хронологической атрибуции предмета вооружения, использовали очень качественный иллюстративный материал и информацию из зарубежных каталогов, ссылаясь, например, на работу Мохаммеда Башира, изданную в Милане в 2008 г. [4, с. 130].

Научный поиск А.К. Левыкина и В.Р. Новоселова заслуживает самой высокой оценки еще и потому, что исследователями сделан подробный морфологический анализ престижного коротко-клинкового оружия, изготовленного в XVIII–XIX вв. мастерами Ирана и Турции [4, с. 122–125, 136].

Указанными авторами подробно освещена история захвата драгоценного военного трофея, связанная с именами героев и полководцев русско-турецкой войны 1768–1774 гг. – подполковника Ф.И. Фабрициана, удостоенного чести стать первым кавалером ордена Святого Георгия, подполковника Н.А. Каразина и генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского. «Кинжал, захваченный подполковником Н.А. Каразиным, как того желали П.А. Румянцев и офицеры его армии, навсегда вошел в собрание оружия императорской Рюст-камеры памятью о доблести и героизме русских солдат и офицеров <…>. Он стал свидетелем славы русского оружия…» [4, с. 147].

Уникальная коллекция восточного клинкового и короткодревкового оружия хранится в фондах Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. В юбилейном издании музея, авторами-составителями которого стали С.К. Свечников, Е.В. Кириллова, Д.Ю. Ефремова, И.В. Бушкова, Н.Д. Ведерникова, Э.М. Колчева и Е.В. Кунцева [7], в разделе «Коллекция предметов оружия» альбома с иллюстрациями (фотограф А.Г. Комелин) представлены пять изделий персидских, кавказских и турецких оружейников [3, с. 172, 174–175, 177].

Значительный интерес вызывает топорок, изготовленный персидскими мастерами XIX в. Общая длина предмета составляет 85 см. Указаны основные технологические приемы работы с металлом – ковка, гравировка, чеканка, обработка слесарная [3, с. 172. КП 2412]. Рукоять топорка обложена металлом, лезвие клинка выпуклое, обух молоткообразный, прямоугольный. Если бы не граненый наконечник, закрепленный на навершии рукояти, топорок из Национального музея следовало отнести к боевым топорам типа айбалта [5, с. 65].

К парадному оружию, происходящему из коллекции нижегородских дворян Шереметевых, относится топорок, внешне напоминающий алебарду – с секировидным клинком и отходящим вверх от проушины копьевидным наконечником [3, с. 174. КП 2520]. Общая длина предмета – 20 см, рукоять отсутствует. Научный сотрудник ведущей категории, хранитель оружейной кладовой Российского этнографического музея Д.А. Шереметьев – консультант раздела «Коллекция предметов оружия» [7, с. 2] – датирует топорок XVII–XIX вв. Персидские мастера-оружейники украсили клин топорка, его шейку, обушок, проушину и наконечник золотой насечкой в виде растительного орнамента.

Персидский топорок с нарядной отделкой поверхностей, как полагает автор настоящей статьи, мог оказаться в оружейной коллекции дворян Шереметевых благодаря шурину Василия Петровича. Очевидно, топорок с золотой насечкой – один из военных трофеев Михаила Дмитриевича Скобелева, добытых им самим или его солдатами в ходе Хивинского (1873 г.) и Кокандского (1875–1876 гг.) походов российских войск [9, с. 9–11].

Не меньший интерес для исследования и экспонирования вызывают кавказский кинжал с прямым клинком длиной 34 см и костяной рукоятью, основание которой оковано серебром [3, с. 175. КП 2341], персидская сабля, датированная концом XVIII – XIX вв., с фигурной гардой и клинком длиной 80 см [3, с. 177. КП 2422], сабля, изготовленная турецкими мастерами-оружейниками [3, с. 177. КП 2423].

Напомним, что основная часть коллекции восточного оружия и защитного снаряжения из кабинетов замка Шереметевых, в том числе Скобелевского [12, с. 87], с 1923 г. находится в фондах

Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (НГИАМЗ). С информацией о двух предметах, которые входили в набор вооружения среднеазиатского воина второй половины XIX в., можно будет ознакомиться на страницах одного из столичных научных изданий в самое ближайшее время.

Завершая обзор, коснемся еще одного аспекта, связанного с проблематикой межмузейного сотрудничества и межмузейной коммуникации в области изучения и публикации восточных оружейных комплексов.

В феврале 2024 г. на официальном сайте Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова была опубликована любопытная, на наш взгляд, информация о получении в дар первого тома богато иллюстрированной монографии Д.Ю. Милосердова «Оружие и доспехи в ханствах Средней Азии (Бухара, Коканд, Хива) конца XVIII – начала XX в.» [10]. Автор книги – старший научный сотрудник фондов Государственного Дарвиновского музея и эксперт по культурным ценностям Министерства культуры РФ – ввел в научный оборот кистень XIX в. из собрания МРКМ, изготовленный мастерами-оружейниками Бухары.

Исследовательская работа Д.Ю. Милосердова в фондах МРКМ стала возможной благодаря тесному взаимодействию ученого-оружиеведа с коллективом Мартьяновского музея. Об этом красноречиво свидетельствует авторский инскрипт, сделанный на форзаце нового издания [11].

Таким образом, основная ценность рассмотренных выше музейных публикаций, посвященных восточному оружию и защитному снаряжению, состоит в том, что в них прослеживается непрерывная, скрупулезная работа с вещественными источниками. Как правило, многие предметы из оружейных комплексов стран Востока, хранящиеся в фондах российских музеев, иллюстрируют непростые взаимоотношения нашей страны с азиатским миром в прошлые века. Ориентальная тематика музейных проектов, реализуемых коллегами-оружиеведами, позволяет глубже изучить и показать роль внешнеполитических и военных достижений России в историческом контексте.

Список сокращений

КП – Коллекционный предмет

МИЦАИ – Международный институт центральноазиатских исследований

МРКМ – Минусинский региональный краеведческий музей

Источники и литература

1. *Бобров Л.А.* «Индо-персидский» шлем хана Джангира и проблема эволюции наголовий «кула-худ» XVI–XIX веков // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Шестой Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 14–15 мая 2015 г. Часть 1. – СПб., 2015. – С. 218–233.

2. *Гарасева Н.С.* Холодное оружие и доспехи стран Востока в коллекции Рыбинского музея-заповедника // XVI Золотаревские чтения: Материалы науч. конф., Рыбинск, 25–26 окт. 2016 г. / отв. ред. Ю.Г. Салова и др. – Рыбинск, 2016. – С. 40–48.

3. *Кириллова Е.В.* Коллекция предметов оружия // Национальный музей Республики Марий Эл имени Тимофея Евсеева. 100 лет истории. – Йошкар-Ола, 2020. – С. 172–181.

4. *Левыкин А.К., Новоселов В.Р.* Кинжал сераскира Агмета Урфе-Валесы – реликвия русской военной славы // Историческое оружиеведение. – 2021. – № 10. – С. 117–149.

5. *Милосердов Д.Ю.* Топоры и булавы в ханствах Средней Азии XIX – начала XX века: оружие и символы власти // Вестник МИЦАИ. – 2020. – Т. 30, № 2. – С. 61–70.

6. *Мохова А.С.* Индо-персидский щит из коллекции Муромского музея (перевод и описание текста на щите) // Мир оружия: история, герои, коллекции: сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф., Тула, 7–9 окт. 2020 г. – Тула, 2021. – С. 336–341.

7. Национальный музей Республики Марий Эл имени Тимофея Евсеева. 100 лет истории. – Йошкар-Ола, 2020.

8. *Новожилова Л.Н., Барабанова Н.М., Салахетдинов Ф.Ф.* Восточная загадка. К вопросу о надписях на доспехах из коллекции Костромского музея-заповедника // Музейный хронограф: Сб. ст. и исторических документов, Кострома, 20 нояб. 2019 г. Вып. 8. – Кострома, 2020. – С. 372–379.

9. *Семидетко В.А.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев, военная карьера, участие в боевых действиях, награды России и других государств за военные заслуги // III Скобелевские чтения, п. Юрино, 9–10 окт. 2001 г. Коллективный сб. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 4–14.

10. Сокровища музея – на страницах книг [Электронный ресурс]. URL: https://музей-мартьянова.рф/2024/02/26/сокровища-музея-на-страницах-книг/ (дата обращения: 28.02.2024).

11. Фото дарственной надписи Д.Ю. Милосердова [Электронный ресурс]. URL: https://музей-мартьянова.рф/wp-content/uploads/2024/02/DSC0506.jpg (дата обращения: 28.02.2024).

12. *Шалахов Е.Г.* История Скобелевского мемориала в замке Шереметева (к 180-летию со дня рождения героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерала от инфантерии М.Д. Скобелева) // Регионы России в военной истории страны: сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф., Йошкар-Ола, 15–16 нояб. 2023 г. / ред.-сост. О.А. Кошкина. Вып. V. – Йошкар-Ола, 2023. – С. 86–96.

E.G. Shalakhov

ORIENTAL WEAPONS AND PROTECTIVE EQUIPMENT IN RUSSIAN MUSEUMS (BASED ON THE MATERIALS OF DOMESTIC WEAPONS RESEARCH PUBLICATIONS OF RECENT YEARS)

Annotation. This article examines and analyzes the most informative publications of Russian researchers devoted to the problems of scientific attribution and popularization of unique objects and collections from Russian museum collections. The most interesting are the printed works of the staff of the capital and regional museums aimed at studying the specific features of the works of the master gunsmiths of the countries of the East of the Middle Ages and Modern Times. The issues of the origin of certain museum objects and their connection with specific historical events, including events in the military history of Russia and neighboring states, are covered in detail in most scientific works of an oriental (Oriental) nature. The museological value of publications on Oriental weapons and armor is also obvious.

Keywords: East, weapon, armor, dagger, collection, saber, hatchet, helmet, shield.

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).083

А.В. Ануфриев

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ. ИРКУТЯНЕ БЕЛОГОЛОВЫЕ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

Аннотация. Статья посвящена военной истории известной иркутской купеческой династии Белоголовых. Большая часть мужчин из рода Белоголовых на рубеже веков выбрала военную карьеру. Автор, опираясь на архивные источники, рассказывает об участии Белоголовых в русско-японской, Первой мировой и Гражданской войнах.

Ключевые слова: Белоголовые, войны, Гражданская, Иркутск, Первая мировая, русско-японская, флот.

Династия Белоголовых – одна из самых знаменитых купеческих династий Иркутска, известная еще с начала XIX в. Одним из ее ярких представителей был Андрей Андреевич Белоголовый. Он, как старший сын, унаследовал дело отца, в 1860–1861 гг. заведовал иркутской конторой Амурской компании. Но большую известность приобрел на общественном поприще. Был попечителем Сиропитательного дома Е. Медведниковой, членом губернского статистического комитета. В 1857–1864 гг. – один из руководителей полулегального кружка либеральной молодежи – «Общества зеленых полей», один из инициаторов и издателей первой частной газеты в Сибири «Амур», автор статей в сибирских и центральных газетах. С 1867 г. жил в Китае, в Тяньцзине, управлял делами русских фирм.

Наш рассказ – о его сыновьях и внуках. Из представителей второго поколения заметный след в истории г. Иркутска оставил Василий Андреевич (1864–1930) – третий сын Андрея Андреевича. После смерти отца он вернулся из Китая в Иркутск, был купцом и активным

участником общественной жизни города: являлся председателем Общества вспомоществования учащимся и учителям, членом городской думы, почетным попечителем учительской семинарии. Судьба Василия Андреевича – настоящий приключенческий роман. Родился он в семье потомственного почетного гражданина г. Иркутска 1 февраля 1864 г. В 1884 г. окончил Иркутское технологическое училище. В 1885 г. при освидетельствовании «признан совершенно непригодным к воинской службе и освобожден от нее навсегда». После окончания училища выбрал себе образовательную карьеру, преподавал арифметику и геометрию в ремесленно-воспитательном заведении Трапезникова, затем стал там же воспитателем и учителем чистописания. Официально свое положение он подтвердил в 1889 г., сдав при педагогическом совете Иркутской мужской гимназии экзамен на звание «учителя начальных училищ».

Позже преподавал в Омолоевском училище, затем вернулся в Иркутск и работал в пятиклассном Иркутском городском училище, Иркутском горном училище. В 1900 г. «за отлично-усердную и полезную деятельность» удостоен серебряной медали «За усердие». Параллельно, Василий Андреевич активно занимался общественной деятельностью – с 1898 г. гласный городской думы Иркутска, а позже – член городской управы.

Однако за активной работой Василия наблюдало не только иркутское общество, но и соответствующие структуры… В соответствии с приказом № 38 Иркутского военного генерал-губернатора от 26 июня 1903 г. Белоголовый был уволен с должности почетного блюстителя начальных училищ Иркутской губернии. А дальше – мнения историков расходятся. Есть данные, что в ноябре 1903 г. он был исключен из состава гласных в связи с зачислением в число студентов Императорской Военно-медицинской академии [7]. Есть данные о его обучении на медицинском факультете МГУ.

Но однозначно известно, что с началом русско-японской войны Василий Андреевич вместе со своим старшим сыном Силой отправляются на фронт в составе 10-го Санкт-Петербургского летучего отряда Красного Креста. Старший Белоголовый служит там фельдшером, а младший санитаром. «За самоотверженную работу на перевязочном пункте в бою 20–26 августа 1904 г. под Ляояном» Василий был награжден Знаком отличия Военного ордена за № 109045.

После возвращения в Иркутск он продолжил общественную и педагогическую деятельность. В мае 1907 г. продал один из своих домов на углу улиц Дворянской и Ивановской правлению общества трудолюбия, потерял имущественный ценз и право быть гласным. Одновременно Василий Андреевич продал свою известную в городе библиотеку.

Почти в 50 лет поступил в Московский университет и в 1916 г. получил диплом врача. Несмотря на тяжелое неврологическое состояние (последствия контузии и перелома ноги в русско-японской войне) добровольцем ушел на фронт. С июня 1916 г. – младший врач 4-го Сибирского стрелкового полка, но по состоянию здоровья в ноябре этого же года переводится на аналогичную должность в 12-й железнодорожный санитарно-дезинфекционный поезд. Тыловая жизнь тяготит его, и он вновь возвращается на фронт – в 15-й гренадерский Тифлисский полк. Но возраст и последствия контузии берут свое, и в апреле 1917 г. Василий Андреевич получает отпуск для лечения на Кавказских минеральных водах [11]. В отличие от сыновей, он не уехал в эмиграцию и остался в советской России. Умер от сыпного тифа в 1930 г. в Москве [7].

Военную карьеру выбрал и его родной брат Сергей Андреевич Белоголовый (1882 – ? гг.). Сергей родился 20 апреля 1882 г. в г. Тяньцзын Китайской империи. Не позднее 1874 г. семья Белоголовых переехала в столицу Российской империи или, скорее всего, стала жить на два дома – в Иркутске и Санкт-Петербурге. Весьма вероятно, что причиной переезда было не только развитие бизнеса, но и желание дать хорошее образование детям. Вместе с семьей Андрея Андреевича Белоголового в столицу переехала и семья его брата Аполлона Андреевича Белоголового (1836–1885). Сергей поступил в первый класс гимназического отделения в 1893 г. [16]. Однако окончательное образование получил при 1-м кадетском корпусе.

Осенью 1903 г. по жребию Сергей был призван в армию, на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в 12-ю роту лейб-гвардии Егерского полка. После окончания учебной команды получил звание ефрейтора, а затем младшего унтер-офицера. Успешно сдав 10 августа 1904 г. экзамен на чин прапорщика запаса, был уволен со службы. Но уже 28 ноября 1904 г. призван из запаса.

Службу проходил в 178-м Венденском полку 45-й пехотной дивизии, где последовательно исполнял обязанности командира 11-й, 12-й и 15-й рот.

В 1906 г. был командирован для поступления в Виленское пехотное училище. Однако не был допущен, ибо был уже женат. Женой Сергея была Мария Куликова, «девица из крестьян Тверской губернии». Но молодой офицер нашел выход из ситуации и «выдержав экзамен при Санкт-Петербургском юнкерском училище» (так в тексте. – *А.А.*) был 14 октября 1907 г. произведен в подпоручики и отправлен для прохождения службы в 146-й пехотный Царицынский полк. На 1911 г. Сергей Андреевич Белоголовый – подпоручик 146-го пехотного Царицынского полка. В полку чаще всего занимал хозяйственные должности (ведал солдатской лавкой и полковой швальней, делопроизводством), был ктитором полковой церкви. Произведен в поручики 15 октября 1912 г.

Вместе с полком выступил на фронт Первой мировой. Будучи командиром нестроевой роты, а с 1916 г. – начальником хозяйственной части, был награжден орденами Святой Анны 4-й степени «За храбрость» (12 апреля 1915 г.), 3-й степени с мечами и бантом (1915), в том же году получил мечи и бант ордена Святого Станислава 3-й степени. В 1916 г. получил звание штабс-капитана, а в следующем году удостоился ордена Святого Станислава 2-й степени.

Последнее сообщение о службе гласит, что С. Белоголовый «командируется в Петроград для эвакуации архива полка и закупа канцелярских принадлежностей для штаба» [12]. К сожалению, дальнейшая судьба С.А. Белоголовова неизвестна. На 1917 г. записи о рождении детей в послужном списке отсутствуют.

Третий брат Александр Андреевич Белоголовый (1862–1927, г. Лион, Франция) стал морским офицером. После окончания Морского корпуса и Офицерской минной школы – старший офицер минного крейсера «Абрек» (1899–1901), командир транспорта «Самоед» (1902–1905), учебного судна «Днестр» (1905–1907), 31-го флотского экипажа (1907–1908) и линейного корабля «Евстафий» (1907–1909), линейного корабля «Георгий Победоносец» (1909–1910). Председатель комиссии для приемных испытаний вновь построенных и ремонтирующихся судов (1913–1914), комиссии для

испытания судов военного флота (1914–1915). В 1908 г. произведен в капитаны 1-го ранга. 6 апреля 1914 г. был произведен за отличие в контр-адмиралы.

Представляют несомненный интерес служебные аттестации, отложившиеся в РГВА ВМФ. В 1899 г. лейтенант Белоголовый аттестовался как «вполне дисциплинированный, надежный во всех отношениях офицер. Энергичный, ретивый, любящий свое дело и свое судно». О личных качествах в аттестации было записано: «Характера энергичного, горячего. Хорошо воспитан. Правдив и безупречно нравственен. Хороший семьянин. С начальством держится безукоризненно. В кают-компании веселый, хороший товарищ». Кроме этого, отмечено знание французского, английского и немецкого языков. В 1900 г. характеристика имеет более спорный характер: «Весьма дисциплинирован. Исполнителен и старателен. Собственной инициативы мало. Служил более 10 лет на яхтах в должности минного офицера. Последствия такого прохождения службы сказываются в некоторой непривычке к требованиям строевой морской службы. Характера раздражительного и тяжелого. Хотя и не строг, но мелочно придирчив, почему тяжел для подчиненных».

Однако через пару лет характеристика меняется: «Дисциплинирован. Исполнителен и очень аккуратен. Ревностно относится к своим обязанностям. На службе и вне ее тактичен. Вообще офицер хороший. Здоровья хорошего. Храбр. Морскую службу знает хорошо. Развитый и образованный офицер. Воспитан хорошо. Нравственности и поведения хорошего. Характер грубоватый. К команде относится строго, почему и не был ею особенно любим».

А характеристика старшего офицера – капитана 1-го ранга Белоголового, командира линейного корабля «Георгий Победоносец» (1909) мягче: «Хорошо знает службу и опытный морской офицер. Хороший администратор. К учебно-воспитательной службе не пригоден. Любит службу и предается ей почти исключительно. Имеет инициативу. Исключительно добросовестен. Очень нервен, но сдержан».

Сохранилось свидетельство об участии А.А. Белоголового в испытаниях новых судов российского флота: «На той же Лукулльской мерной миле в 1915 г. под председательством контр-

адмирала Белоголового работала комиссия по производству приемных испытаний шести миноносцев типа «Быстрый» (водоизмещение 1350 т, машина в 30 000 л.с.н., ход 35 узлов). В числе контрактных испытаний было оговорено 10-часовое испытание при скорости в 30 узлов, что требовало мощности около 0,8 от полной. Не зная об испытаниях «Кагула» или не придавая им значения, контр-адмирал Белоголовый хотел добиться требуемого хода 30 узлов и на глубине около 20 м. Однако, хотя машина развила мощность не в 20 000, а в 30 000 сил и даже больше, ход оставался равным 29 узлам и дальше не возрастал. За кормой бежала громадная волна, и, если бы не протест представителя завода (с записью в акт испытаний и в вахтенный журнал), котлы были бы сожжены и произошел бы массовый разрыв котельных трубок, причем пострадали бы кочегары, подобно тому как в 1888 г. от другой причины на броненосце «Синоп» были обварены насмерть 29 кочегаров и матросов» [8].

В годы Первой мировой войны Александр командует обороной Моонзунда: «Зимой 1915 года положение ухудшилось тем, что 1-й полк морской бригады ушел в Гаисаль для “развертывания”, 2-й и 3-й полки еще не были полностью укомплектованы. В результате осложнилась охрана береговой линии острова Эзель, так как замерз Рижский залив. Начальник Моонзундской позиции контр-адмирал Белоголовый, видимо, находясь под впечатлением летних атак германского флота, считал, что немцы смогут по льду перейти с материка, минуя полуостров Сворбе, прямо к Аренсбургу. Белоголовый просил Герасимова направить в Ирбенский пролив ледоколы, но опасения начальника Моонзундской позиции были напрасны. Путь от мыса Домеснес до Аренсбурга длиной 58 км по льду могли совершить только русские солдаты» [15, с. 182]. После конфликта, связанного со стратегией обороны Моонзунда, перемещен на должность командира Санкт-Петербургского порта.

За время службы Александр был награжден орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом (1905), Святой Анны 3-й степени (1898), Святого Станислава 2-й (1904) и 3-й степеней (1893). Кроме этого, имел иностранные награды – Датский орден Данеброга 3-й степени (1891) и Тунисский орден Нишан-Ифтикар (1900) [9]. Адмирал не принял Октябрьскую революцию и участвовал в Гражданской войне в Вооруженных силах Юга России.

Эвакуировался в Турцию, и к лету 1921 г. был в Константинополе. На 1 января 1922 г. – член правления Союза морских офицеров в Константинополе. Жил в эмиграции во Франции, в 1926 г. – член парижской кают-компании. Служил кассиром в Гранд Базар. Был организатором церковного прихода в Лионе, после окончил школу шоферов. Умер в 1927 г. в Лионе [4; 13, с.136].

Следующее поколение Белоголовых тоже отметилось в военных конфликтах. Подробнее остановимся на детях Василия Белоголового.

У Василия Белоголового было пять дочерей и пять сыновей (хотя в послужном списке упомянуто девять детей). Сыновья – Сила (13 сентября 1885 г.), Николай (6 декабря 1888 г., другая дата – 1887 г.), Петр (5 октября 1896 г.), Андрей (12 февраля 1895 г.), Борис (16 апреля 1899 г.) – стали офицерами.

Старший и стал самым известным из династии – Сила Васильевич Белоголовый. Он обучался в Иркутской мужской губернской гимназии (1895–1904), в 1904 г. вместе с отцом добровольцем отправился на русско-японскую войну, где служил санитаром в отряде Красного Креста. Затем поступил в горный институт.

После объявления войны в 1914 г. поступил «охотником» в 7-ю Сибирскую стрелковую дивизию. В Первой мировой воевал в конно-охотничьей команде 7-й Сибирской дивизии (хотя числился по 27-му Сибирскому стрелковому полку), к февралю 1915 г. награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней, медалью «За храбрость» 4-й степени. Несмотря на частые ссылки на то, что Сила Васильевич закончил 1-ю Иркутскую школу прапорщиков, он был произведен в прапорщики армейской пехоты за боевые отличия из охотников унтер-офицерского звания 27-го Сибирского стрелкового полка приказом Главнокомандующего армиями Северо-западного фронта № 300 от 10 декабря 1914 г. [3].

Вот что сообщала газета «Иркутская жизнь» за 28 октября 1914 г.: «На днях в «Иркутской жизни» сообщалось об охотнике восточно-сибирского полка Силе Васильевиче Белоголовом, за боевые отличия получившем два Георгиевских креста и представленном к производству в прапорщики запаса. Теперь с театра военных действий одним из местных офицеров получено сообщение, что названный С.В.Б. получил уже все четыре степени

ордена Св. Георгия. Последний орден г. Б-вый заслужил тем, что, когда в пылу сражения необходимо было передать из части войск в другую сообщение чрезвычайной важности и сделать это выпало на его долю, помчался на лошади по назначению, был атакован несколькими неприятельскими солдатами, отбился от них, опрокинул их и блестяще выполнил поручение. Письмо о подвигах г. Б. прочтено частям иркутских войск. В текущую войну г. Белоголовый является первым сибиряком, получившим все степени Св. Георгия и вторым – по всей России» [6].

После получения звания прапорщика переведен в 77-й пехотный Тенгинский полк, в котором служил до конца Первой мировой войны. 29 декабря 1915 г. произведен в подпоручики; 27 мая 1916 г. – в поручики; 16 августа 1917 г. – в штабс-капитаны. Будучи в офицерском чине был награжден орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 3-й степени с мечами и бантом и 2-й степени с мечами, Святого Станислава 2-й степени с мечами, орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом [2].

После окончания войны вернулся в Сибирь, служил у «белых» в составе Байкальского стрелкового полка, 30-го Нерчинского стрелкового полка, 54-го Сибирского стрелкового полка, комендантской роты 1-го Маньчжурского стрелкового атамана Семенова полка, Омского и Иркутского стрелковых полков в 1918–1922 гг.

Правда, отметился С.В. Белоголовый и с отрицательной стороны. Так, в газете «Сибирь» за 6 сентября 1918 г. описывался следующий случай: вечером 3 сентября 1918 г., проходивший по Большой улице штабс-капитан С.В. Белоголовый, толкнув какую-то даму, не извинился, а на замечание ее, что нужно быть вежливее, ответил «площадной» бранью. Наблюдавший эту сцену солдат Розенберг заметил своему спутнику, что «хоть с дамами-то можно быть корректнее». Услышав эту фразу, офицер закричал на солдата, и когда Розенберг повторил сказанное, с криком «А, так ты жидовская…» выхватил шашку и ударил его по голове. Пострадавшему была оказана медицинская помощь, а штабс-капитан Белоголовый арестован [14].

В Гражданскую войну он дослужился до штабс-капитана, в 1922 г. эмигрировал в Китай, до 1932 г. работал на КВЖД. Был

женат. Жена – Белоголовая Мария Емельяновна (1898 г.р.); дочери – Зоя Силовна (19.04.1925 г.), Людмила Силовна (19.04.1925 г.); сын – Святослав Силыч (05.06.1922 г.). Умер и похоронен Сила в 1946 г. в Харбине [5, с. 26–27; 1; 2].

Не менее известен его брат Андрей Васильевич Белоголовый (1895–1977). Он обучался в Иркутском городском пятиклассном училище. Образование получил в Иркутском военном училище, которое окончил по 1-му разряду 1 октября 1914 г. По окончании училища был отправлен для прохождения службы в 22-й Сибирский стрелковый запасной батальон, где принял под начало 9-ю роту. С этой ротой убыл на фронт 27 декабря 1914 г. В начале 1915 г. продолжил службу в 260-м пехотном Брацлавском полку. Последовательно командовал 2-й, 3-й и 11-й ротами. 23 апреля 1915 г. был ранен в бою – «проникающая рана правого коленного сустава». Правда, ранение получилось анекдотичное – в послужном списке Андрея Васильевича значится: «…у с. Козиово во время атаки нечаянно наткнулся на свой штык».

Именно за бои у этого села он получает награду – Георгиевское оружие: «28, 29 и 30 марта 1915 г. у села Козиово, временно командуя 1-м батальоном, поручик Белоголовый занимал важный боевой участок у моста на шоссе при выходе в вышеозначенную деревню, находясь с батальоном в общей боевой линии, несмотря на настойчивые и повторные атаки превосходных сил противника, поддержанные сильным артиллерийским огнем, сумел благодаря своей храбрости и распорядительности удержать занимаемую им позицию. В случае отхода батальона с участка поручика Белоголового противник мог распространиться в тыл Брацлавского полка и частей 1-й Финляндской стрелковой дивизии...» [10, л. 106]. В 1916 г. в боях у Фрунцеа получает повторное ранение «ранен разрывом … бомбой в левый глаз с повреждением роговицы».

За время войны Андрей дошел до штабс-капитана, награжден орденами Святого Станислава 3-й степени (с мечами и бантом), 2-й степени (с мечами), Святого Владимира 4-й степени (с мечами и бантом) и Аннинским оружием.

После развала армии вернулся в Иркутск. Принял активное участие в Гражданской войне, сражаясь в армии адмирала Колчака. В августе – октябре 1919 г. в чине капитана командовал отрядом

из 16 офицеров, 488 солдат и 61 казака, отправленных 21 августа на пароходе «Бурят» с баржой из Иркутска в район Братска против красных партизан. После Гражданской войны эмигрировал в Корею, затем в США. Был женат на Варваре Александровне (1899 г.р.), в браке родились две дочери: Нина (1924 г.р.) и Тамара (1926 г.р.). Умер Андрей Васильевич 16 марта 1977 г. в Сан-Франциско [5, с. 26–27; 1].

Гораздо меньше информации о других братьях Белоголовых. Белоголовый Петр Васильевич (05.11.1896 – 13.05.1922 гг., Харбин). Запись о рождении Петра сохранилась в метрической книге одной из иркутских церквей. Жизненный путь его во многом повторяет путь старшего брата Силы. Он выбирает профессию горного инженера и оканчивает Екатеринбургский горный институт. Но начавшаяся Первая мировая меняет его планы, и он оказывается в 1-й Петергофской школе прапорщиков, которую оканчивает в 1917 г. После событий октября 1917 г. вместе с братьями служит в белых войсках Восточного фронта, в Иркутском артиллерийском дивизионе. На начало 1920 г. – в Иркутске. Подпоручик Белоголовый Петр Васильевич уехал в эмиграцию в Китай. Покончил жизнь самоубийством 13 мая 1922 г. в Харбине [3].

Еще более трагично сложилась судьба Бориса. Белоголовый Борис Васильевич родился в Иркутске. Служил в «белых» войсках Восточного фронта; на 27 февраля 1919 г. – юнкер Иркутского военного училища. 3 июня 1919 г. окончил училище и направлен в 1-ю армию. Подпоручик 3-го батальона 1-й Сибирской штурмовой бригады был убит 3 сентября 1919 г. под д. Быстрая близ Голышманова (Тобольской губ.) Омской железной дороги [3]. Единственное что можно добавить о его судьбе, так это дату рождения – Иркутск, 16 апреля 1899 г.

Еще меньше сведений о Николае Васильевиче. Достоверно имеется информация о его месте и дате рождения – Иркутск, 6 декабря 1888 г. Служил в «белых» войсках Восточного фронта; доброволец в 12-м Верхне-Удинском стрелковом полку, в октябре 1918 г. командирован в Иркутское военное училище [3].

Вот такая крайне нетипичная семья, сменившая прилавок и торговлю на служение Отечеству, давшая стране и моряка – адмирала, и военного медика и пять братьев, ставших офицерами. К сожалению, данная история изобилует «белыми пятнами», которые еще ждут своего исследователя.

Источники и литература

1. Архив БРЭМ. Электронный ресурс.https://gakhkk.khabkrai.ru/projects/brem/50345/ (дата обращения: 05.05.2024).

2. *Белоголовый С.В.* Электронный ресурс. https://www.ria1914.info/index.php/Белоголовый_Сила_Васильевич (дата обращения: 05.05.2024).

3. *Волков С.В.* Белое движение. Электронный ресурс. https://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_02-B.pdf (дата обращения: 05.05.2024).

4. *Волков С.В.* Штаб-офицеры и генералы белых армий. Энциклопедический словарь участников Гражданской войны. – М., 2019

5. *Дмитриева Т.В.* Небольшое дополнение: братья Белоголовые // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 2002. – № 10. – С. 26–27.

6. Иркутская жизнь. – 1914. – № 54.

7. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири / под. ред. А.С. Зуева, В.П. Зиновьева. Т. 1, кн. 1. – Новосибирск, 1994.

8. *Крылов А.Н.* Мои воспоминания. – СПб., 2003.

9. РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-морского флота). Ф. 406. Оп. 9. Ед. хр. 225Б.

10. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 400. Оп. 12. Д. 27382 (1916).

11. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 138727 (п/с 88 – 063)

12. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 163291 (п/с 116 – 934)

13. Российское зарубежье во Франции 1919–2000 / Л. Мнухин, М. Авриль, В. Лосская. – М., 2008.

14. Сибирь. – 1918. – № 6.

15. Флот в Первой мировой войне. Т. 1. – М., 1964.

16. Школа Карла Мая. Электронный ресурс. www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=219&ysclid=lwbr6mouob160126634 (дата обращения: 05.05.2024).

A.V. Anufriev

FAMILY STORIES. IRKUTSK WHITE-HEADED PEOPLE AT THE FRONT AND IN THE REAR

Annotation. The article is devoted to the military history of the famous Irkutsk merchant dynasty of the White Heads. Most of the men from the Belogolov family at the turn of the century chose a military career. The author, relying on archival sources, tells about the participation of the White Heads in the Russian-Japanese, World War I and Civil Wars.

Keywords: White-headed, wars, civil, Irkutsk, World War I, Russian-Japanese, fleet.

УДК 908

М.А. Бегоутова

«БЕЗ ПРАВА НА ЗАБВЕНИЕ» (РЕЗУЛЬТАТ ПОИСКА РОДСТВЕННИКОВ ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Аннотация. В статье рассказывается о судьбах воинов-починковцев, которые долгое время числились пропавшими без вести. Многие из них сгинули в застенках концентрационных лагерей, и их судьбу удалось восстановить благодаря поисковой деятельности. По присланным спискам поисковиков студенты Починковского техникума нашли родственников красноармейцев.

Ключевые слова: Дулаг-184, Великая Отечественная война, Починковский район, Горьковская область, г. Вязьма, Смоленская область.

В 2023 г. от руководителя Нижегородской областной молодежной общественной поисковой организации «Курган» Ф.Б. Дроздова, мы получили большой список найденных воинов-починковцев, числившихся пропавшими без вести уже более 80 лет. Имена погибших бойцов поисковикам удалось восстановить по поднятым из земли вместе с останками медальонам, а иногда они были просто нацарапаны на солдатских ложках или фляжках. Значительную часть пропавших без вести ребята вернули из небытия, обратившись к военным архивам, картотекам военнопленных и документации по воинским захоронениям [4].

В списке пропавших без вести солдат Великой Отечественной войны значилось 65 красноармейцев. На сегодняшний день нами найдены родственники 25 солдат-освободителей.

Из донесения «СМЕРШ», хранящегося в ЦАМО РФ, были установлены имена бойцов и командиров Красной армии, плененных германской армией и умерших в германских лазаретах в г. Вязьма. В донесении значился рядовой Зимин Антон Федорович (1904 г.р.), числившийся в Книге Памяти умершим от ран. По архивным документам данные бойца нашла команда поисковиков, работающих над увековечением памяти узников Дулага-184.

Антон Федорович Зимин был призван на фронт в феврале 1942 г. Починковским РВК. Рядовой Зимин защищал родину в составе

59-го стрелкового полка и принимал участие в Ржевско-Вяземской наступательной операции.

В результате ожесточенных боев наш земляк был ранен и попал в плен, где умер в сентябре 1942 г. в лазарете № 2 в лагере военнопленных г. Вязьма на Кронштадтской улице. В этот лазарет поступали умирающие военнопленные, как правило, лечение в лагере не осуществлялось, а жизнь сохраняли только тем, кто мог работать и выполнять необходимые поручения. Немцы превратили этот лагерь, по существу, в лагерь смерти. Солдат кормили один раз в сутки болтушкой из протухшей картофельной муки. Заключенных использовали на оборонительных работах – рытье окопов и блиндажей. Бригады из заключенных выносили каждое утро умерших и складывали их в кучу, затем с помощью тележки вывозили за пределы лагеря и сваливали в яму. Ежедневно в лагере погибало до тысячи человек. Материалы и фотографии вяземского лагеря были представлены советской стороной на Нюрнбергском процессе.

Прямые родственники у нашего земляка А.Ф. Зимина есть, но с нами связалась Татьяна Ивановна, которая является женой внука Антона Федоровича. Сейчас она проживает в с. Починки [1].

В пересыльном военном лагере Дулаг-184 в лазарете № 2 скончался еще один уроженец земли починковской Абоимов Павел Васильевич. Он родился в 1904 г. в с. Шагаево. Призван на войну Наруксовским РВК 29 декабря 1941 г. Воевал в составе 30-й стрелковой бригады в звании сержанта. Павел Абоимов был женат на Варваре Ивановне, которая ждала его всю свою жизнь и все надеялась, что Павел вернется. Красноармейца постигла страшная участь, раненым он попал в Dulag-184, где 28 сентября 1942 г. скончался. В лагерных списках наш земляк значился под № 291. Его судьба схожа с судьбой земляка Зимина и сейчас увековечена в созданном мемориальном комплексе на территории Вяземского завода синтетических продуктов, где в годы оккупации располагался лазарет № 2 Дулага-184.

Абоимов П.В. был захоронен в г. Вязьма Смоленской области недалеко от того места, где располагался лагерь для военнопленных. По воспоминаниям внучки бойца Екатерины Дмитриевны Власовой, Павел Васильевич был очень добрым человеком. До войны он

занимался портным делом, когда началась Великая Отечественная, на фронт отправился вместе со своими четырьмя братьями. В дружной семье Павла Васильевича Абоимова выросло трое детей (два сына и дочь). Сейчас у защитника Отечества подрастают правнуки.

Еще один уроженец с. Шагаево Починковского муниципалитета Григорий Ефимович Есин, чьих родственников мы нашли в результате поисковой работы. Племянница красноармейца Анна Васильевна Гришина рассказала нам о судьбе не только Григория, но и его братьев Ивана и Михаила, которые пропали без вести. Позже их судьба будет установлена, как и место захоронения.

Григорий Ефимович родился в 1915 г. в с. Шагаево. Был призван на фронт в июне 1941 г. В списках пропавших без вести числился с января 1942 г. Григорий Ефимович попал в плен и был отправлен в концентрационный лагерь Stalag XI-C 311 (Саксония, д. Бельзен). Лагерь предназначался для пленных, которые владели иностранными паспортами и которых можно было обменять на пленных германских поданных, содержащихся в лагерях союзников. Но страшные условия проживания оставляли минимальные шансы на жизнь. Голод, болезни и издевательства над заключенными приводили к огромному количеству жертв среди узников концлагеря. Так, узник под № 10629 (Есин Г.Е.) погиб в плену 13 октября 1941 г. Наш земляк был захоронен на кладбище Херстен в г. Берген Крайс Зелле, в Нижней Саксонии.

Михаил Ефимович Есин повторил судьбу своего брата Григория. В списках пропавших без вести он значился с января 1942 г. Красноармеец был взят в плен и попал в лагерь Stalag XD (310), который находился на территории Люнебургской пустоши, где и лагерь XI-C 311, в котором содержался его брат. Шталаг функционировал как лагерь исключительно для советских военнопленных. Красноармейцев держали в открытом поле, где они были предоставлены самим себе и смерти от голода, холода и болезней. Наш земляк Михаил Есин погиб 11 ноября 1941 г. Захоронен в Нюрнберге на южном кладбище.

Третий брат Иван Ефимович воевал в составе 8-й мотострелковой Бобруйской Краснознаменной ордена Суворова и Кутузова бригады.

В 1943 г., громя бастион немецкой обороны на центральном участке фронта на Орловско-Курском направлении, Иван Есин был убит. Красноармеец захоронен в братской могиле в д. Колки Кромского района Орловской области [2].

Летом 2024 г. нами были завершены поиски родственников бойцов из с. Пузская Слобода Починковского муниципального округа. Были найдены внуки Павла Семеновича Мамонова и близкие родственники Михаила Васильевича Чехлова.

Павел Семенович Мамонов родился в 1906 г. в с. Пузская Слобода. Был призван на фронт в первые дни войны. Из донесения о потерях видно, что боец пропал без вести 18 октября 1941 г. на территории так называемого Вяземского котла. Долгое время числился без вести пропавшим, пока поисковики не нашли сведения о захоронениях узников Дулага-184, где и погиб Петр Мамонов 25 января 1942 г. По воспоминаниям односельчан, дочь Петра Семеновича всю жизнь искала своего отца. Теперь внуки знают точно: их дед и прадед был захоронен в г. Вязьма Смоленской области.

Михаил Васильевич Чехлов родился в с. Пузская Слобода в 1906 г. На фронт был призван в августе 1941 г. Автозаводским РВК Горьковской области. В сентябре 1941 г. перестали приходить письма от Михаила его жене Матрене Дмитриевне. Боец нес службу в 131-м стрелковым полку. Судя по документам ЦАМО, он был найден в 1952 г. на территории Карело-Финской ССР. Был захоронен в Кондопожском районе Карелии. У Михаила Чехлова есть близкие родственники, которые берегут светлую память о своем защитнике Отечества.

Александр Григорьевич Школкин родился в 1923 г. в Горьковской области в с. Шагаево. В архивных документах долгое время Александр числился пропавшим без вести с марта 1942 г. [6]. В результате кропотливой работы архивных поисковиков были найдены сведения о нашем земляке. Александр Школкин в ходе одного из генеральных сражений за г. Орел (Орловско-Болховская наступательная операция) получил ранение и попал в плен. Его отправили в концлагерь, который находился в Орле (располагался лагерь на территории городской тюрьмы по ул. Красноармейской и был назван гитлеровскими властями «Армейский сборный пункт

№ 20 2-й танковой Германской армии»). Условия содержания заключенных в лагере были направлены на сознательное истребление советских граждан. В неотапливаемых, темных и сырых тюремных камерах в 15–20 кв. м содержалось до 60–80 чел. В практике наказаний было раздевание военнопленных в зимнее время и регулярное избиение. Обессилевших на работах военнопленных, как правило, расстреливали. Так 17 марта 1942 г. А.Г. Школкин погиб в лагере для военнопленных [3]. Похоронен он был там же на ул. Красноармейской, на Братском кладбище жертв фашизма.

Александр Григорьевич по каким-то причинам не числится в Книге Памяти Нижегородской области. В поисках родственников нам помогла Татьяна Вениаминовна Хохлова из с. Шагаево. Как оказалось, прямых родственников у Александра нет и, к сожалению, фотографии с ним не осталось. Мама Татьяны Вениаминовны является защитнику Отечества двоюродной сестрой, также у него остались две внучатые племянницы.

Еще один узник концентрационного лагеря для военнопленных Дулаг-184 Дмитрий Васильевич Рокунов родился в 1905 г. в Горьковской области, в д. Ильинское Починковского района. Красноармеец воевал в составе 231-го стрелкового полка 40-й стрелковой дивизии. С первых дней формирования дивизии командиры и штабы частей организовывали плановую учебу личного состава. Изучались уставы и наставления. Уделялось большое внимание строевой подготовке, караульной службе, тактическим приемам боя. Была налажена штабами частей командирская учеба офицеров. Дивизия готовила кадры младшего командного состава различных специальностей – стрелков, артиллеристов.

Появление дивизии и других соединений 66-й армии на Сталинградском фронте было обусловлено сложившейся во второй половине августа 1942 г. фронтовой обстановкой. Битва за Сталинград началась 17 июля 1942 г. на дальних подступах к городу, на рубежах по р. Чир. После ожесточенных месячных боев ударная группировка врага вышла к р. Дон. В ходе боев были взяты в плен многие наши бойцы, в том числе и Дмитрий Рокунов. Рядовой попал в лагерь для военнопленных Дулаг-184 23 августа 1942 г., где скончался в лазарете № 2 [5].

Судьбы многих починковцев схожи, и порой земляки встречались в одном Stammlager или Dulag, и их жизнь заканчивалась трагически. Поисковиками Дмитрий Рокунов был найден и установлен по архивным спискам. Захоронен в г. Вязьма Смоленской области немецкими солдатами в общей могиле для расстрелянных или замученных нацистами людей. Числится наш земляк в Книге Памяти Нижегородской области как умерший от ран (т. 10, с. 667). Нами был найден внук красноармейца Александр, проживающий в настоящее время в г. Богородске. Родственники хранят светлую память о своем герое Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Бегоутова М.А.* Не без вести пропавший // На земле Починковской. – 2024. – 24 февраля. – № 16 (13044).

2. *Бегоутова М.А.* Родственники защитников Отечества найдены // На земле Починковской. – 2024. – 20 марта. – № 22 (13050).

3. ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф. Р-349. Оп. 1. Д. 2. Л. 60 об.

4. *Дмитриев А.* Без права на забвение // Земля Нижегородская. – 2024. – 8 мая. – № 18 (1730).

5. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1220. Л. 153.

6. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 360. Л. 146.

M.A. Begoutova

“WITHOUT THE RIGHT TO BE FORGOTTEN” (THE RESULT OF THE SEARCH FOR RELATIVES OF MISSING SOLDIERS THE GREAT PATRIOTIC WAR)

Annotation. The article tells about the fates of the Pochinkov soldiers, who have been missing for a long time. Many of them perished in the dungeons of concentration camps and their fate was restored thanks to search activities. According to the sent lists of search engines, students of the Pochinkovsky College found relatives of the Red Army soldiers.

Keywords: Dulag-184, Great Patriotic War, Pochinkovsky district, Gorky region, Vyazma, Smolensk region.

УДК 37(470.343)

Л.Г. Кавиева

«МУЗЕЙ ХРАНИТ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ»

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о сохранении исторической памяти событий Великой Отечественной войны через включение подростков в активную поисково-исследовательскую деятельность в образовательных проектах, о роли музея как важного фактора развития гражданского и патриотического воспитания подростков.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, школьный музей, поисково-исследовательская деятельность, Специальная Военная Операция.

Сегодня все чаще можно услышать слова о том, что между Великой Отечественной войной и Специальной военной операцией на Украине много общего. И это не только похожий враг – нацизм, но и то, что помогло нам победить в той войне и поможет победить сейчас – мужество и героизм наших солдат. Российские солдаты, кто сейчас сражается с нацизмом, поднявшим голову на Украине, продолжают дело своих дедов и прадедов, которые освобождали Россию и Европу от немецко-фашистских захватчиков почти 80 лет назад.

Учителя и выпускники МОУ «Лицей № 11 имени Т.И. Александровой г. Йошкар-Олы» Республики Марий Эл в разные периоды принимали активное участие в защите нашей страны. 5 учителей и 57 выпускников нашего лицея геройски погибли в годы Великой Отечественной войны, защищая Родину.

Наш музей активно участвует в акции «ПроПОИСК», организованной в 2016 г. студентами Казанского университета «ТИСБИ» по сбору информации о погибших учителях и выпускниках нашего лицея. В результате лицеистам удалось расширить базу данных о погибших на основе работы с обобщенным электронным банком данных «Память народа», сравнить их с базой данных, имеющихся в городской Книге памяти, пополнить информацию о них в нашем музее. В музее открыты экспозиции: «Ушли и не вернулись ребята с наших улиц», «Подвиг подольских курсантов».

В музее мы продолжаем собирать материалы о тех выпускниках, которые хранят верность боевым традициям нашей армии,

рассказываем учащимся о преемственности поколений. Пятнадцать выпускников нашего лицея с честью выполнили интернациональный долг в 1970–80-х годы в Демократической Республике Афганистан. Об этом рассказывает экспозиция «Ребята из Афгана».

Трое выпускников лицея погибли в ходе Специальной военной операции. Это выпускник 1994 г. – Александр Федорович Анучин, выпускник 2009 г. – Валентин Юрьевич Кутасов, выпускник 2011 г. – Богдан Владимирович Бульченко. Все трое были посмертно награждены орденами Мужества. В нашем музее была торжественно открыта экспозиция «Твои герои, Россия», памятные доски, посвященные героям СВО.

Российских военнослужащих, выполняющих задачи специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, отличают беспримерное мужество, героическая отвага, истинная доблесть и несокрушимое бесстрашие. Сегодня нам очень горько слышать о том, что на Украине власти разрушают памятники героям Великой Отечественной войны. Наши ребята воюют за возвращение памяти о тысячах настоящих героев Украины.

Пока мы помним о наших дедах, которые принесли нам Победу, жива наша страна. Потому что эту память мы передаем молодому поколению. В своей статье мы решили рассказать об одном из наших выпускников, чья военная судьба была тесно связана с историей Великой Отечественной войны на Украине. Вот уже в течение многих лет мы с ребятами пишем историю Великой Отечественной войны в судьбах учителей и выпускников нашего лицея. В этом году была подготовлена книга «Школа, ты не старишься». В третьей главе этой книги рассказывается о поисково-исследовательской деятельности школьного музея, о 45 погибших учителях и выпускниках. Среди них выделяется материал о Вадиме Михайловиче Гильдине, награжденном в годы Великой Отечественной войны четырьмя орденами.

Первоначальные данные о Вадиме Михайловиче Гильдине, выпускнике 1940 г., в нашем музее узнали из воспоминаний его младшей сестры Галины Михайловны Гильдиной еще в советское время. Вот что она сообщила: «Мой брат Вадим Гильдин родился в поселке Звенигово в семье служащих. Мама работала счетоводом на заводе «Красный волгарь». С 1939 года Вадим стал учиться

в городе Йошкар-Оле в средней школе № 6 имени М. Горького (ныне лицей № 11)». Г.М. Гильдина рассказала о детстве своего брата, его увлечениях, учебе в школе, о формировании характера.

«Вадим был активным мальчиком, занимался в нескольких кружках: фото, занимался созданием машин: смастерил любительский педальный автомобиль, сам сделал байдарку. А ведь это было еще до начала войны. Вадим очень любил родную природу, Волгу. Часто ездил рыбачить на дедушкиной лодке. Он очень любил деда. Дед подарил ему свои инструменты, которыми Вадим не любовался, а работал. Около Вадима всегда были мальчишки. Они всегда играли в русскую лапту и футбол. Вадим всегда был вратарем. В 1940 году Вадим закончил 10-А класс школы № 6 имени М. Горького, а через год началась Великая Отечественная война.

30 июля 1941 года Гильдин Вадим уехал добровольцем в армию. Он был зачислен курсантом рязанского училища, а через год был эвакуирован в Среднюю Азию. Затем были курсы Высшего командного состава при академии Жуковского. В это время курсанты осваивали оружие – минометы. Через Каспийское море Гильдин Вадим был направлен в город Орджоникидзе. Он очень огорчился, что его не посылают на фронт. А не посылали потому, что он был еще молодым и его держали в резерве. Первое боевое крещение Вадим получил на Северном Кавказе. И вот позади Ростов, Четвертый Украинский фронт. Вадим никогда не забывал нас с мамой. В письмах он не любил писать о себе, а чаще спрашивал о жизни родных, товарищей, преподавателей. Он спрашивал о новых улицах и домах. Его и на фронте интересовали Родина и родной город».

Из писем капитана В.М. Гильдина матери и сестре:

«Здравствуйте, дорогие мама и Галя! Получил ваше письмо от 17 апреля, чему очень рад. Только что-то мало вы мне пишете и не очень подробно. Я же писал, что меня больше всего интересует. Пишите мне обо всем новом в городе, что построено, о моих знакомых, о вашей жизни подробно. А о себе я уже не знаю, чего и писать. Дело в том, что жизнь наша военная довольно однообразная, правда, сейчас мы находимся на отдыхе. Отдыхаем, учимся, подытоживая свой боевой опыт. Готовимся к большим боям, которые у нас еще впереди.

Все действия у меня пропитаны злом к немецким захватчикам. Да, мам, насмотрелся я на ужасные дела этих бандитов. И одно только – мстить, мстить за кровь наших людей.

А тебе, Галя, – вырабатывать все больше и больше продукции в помощь фронту. Передай привет всем».

6 июня 1943 года.
Вадим Гильдин.

«…Живу по-прежнему. Скоро уже, мама, разобьем эту погань. Скоро, скоро, поверь мне. Дела их очень скверны. Вы и сами это знаете из газет. Обо мне не беспокойтесь, жив буду, не умру».

10 августа 1943 года.
Вадим Гильдин.

«Пишу из только что освобожденного города. Живу по-старому. Есть изменения лишь в том, что можете поздравить меня с тем, что ваш сын и племяш дважды награжден орденом Красной Звезды. Намереваюсь как можно больше дать «подарков» к Новому году фрицам, гансам и прочим псам. Вы можете не беспокоиться: все «подарки» дойдут по адресу и в срок».

28 декабря 1943 года.
Вадим Гильдин.

«Я уже за Днестром, почти в Румынии. Немец здесь бежал, аж пятки сверкали. Я здоров и настроение мое прекрасное. Мамаша, я за нашей старой границей. Очень интересно видеть здешнюю жизнь. Кругом, конечно, частная собственность и никакого сравнения с нашим народом нет. Наш советский народ, здесь мне кажется, во много раз гостеприимнее этого, что он имеет – все отдаст, только чтобы скорее разгромить ненавистного врага…»

28 марта 1944 года.
Вадим Гильдин.

Вадим прошел всю Украину. Дошел до Румынии. Последнее письмо было из г. Коломны. В широких украинских шароварах, вышитой рубашке, играющим на бандуре, он сфотографировался в последний раз.

Где он был ранен, точно никто не знает. Адреса нет. Кончился бой. Вадима отправили в штаб. Он сел в машину. Женщина кричала ему вслед: «Дорога заминирована». Но он не услышал. Мгновение и машина подорвалась на мине. Вадим долго лежал в госпитале.

Ему ампутировали сначала одну, потом другую ногу. Но он держался бодро. Был уверен, что можно молодому прожить и без ног. Несколько раз ему делали операции, видимо, занесли инфекцию.

В феврале 1945 г. его мама приехала к нему в госпиталь, чтобы забрать его домой. Но ей вручили документы в красном мешочке и извещенье о его смерти. Она сходила на его могилу. Вадим Гильдин умер в госпитале от ран, от гангрены. Хоронили его в воскресный день с воинскими почестями. Людей на похоронах было много.

Приближалась Победа. Было очень обидно, что такой молодой парень не дожил до Победы всего несколько месяцев. Вадиму было всего 22 года. Ордена Вадима Гильдина вручили его матери уже после окончания войны».

Прошли годы и подробности его боевого пути, наградные листы мы смогли вместе с ребятами найти на портале «Память народа» только в 2019 г. Мы нашли следующую информацию о Вадиме Гильдине: «дата поступления на службу – 25 июля 1941 года, воинская часть 867 стрелковый полк 271 стрелковая Горьковская, Краснознаменная ордена Богдана Хмельницкого дивизия 4 Украинского полка. Звание – старший лейтенант». В наградном листе написана другая дата поступления на службу – ноябрь, а не 25 июля 1941 г. Мы считаем, что с 25 июля по ноябрь 1941 г. Вадим Гильдин еще учился в училище, поэтому в документах указаны разные даты поступления на военную службу.

Также мы нашли информацию о том, что он был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней. Но выписки из наградных листов мы нашли на портале «Память народа» только на три ордена. На один орден Красной Звезды мы увидели только дату из приказа – 13 февраля 1944 г., но не увидели самого наградного листа.

Краткое изложение подвига из наградного листа: «В наступательных боях 17 и 18 июля 1943 года в районе села Берестово, батарея 120-миллиметровых минометов под командованием старшего лейтенанта Гильдина Вадима Михайловича уничтожила: 3 дзота, 5 блиндажей, которые мешали продвижению вперед 2-му и 3-му стрелковым батальонам, занятию села Берестово, занятие которого имело большое практическое значение. Уничтожено: 6 пулеметов, 2 наблюдательных пункта, минометная рота 81-миллиметровых

минометов. Подавлен огонь батареи противника. Несмотря на интенсивный обстрел и бомбежку огневой позиции, батареей было отбито 5 контратак танков и пехоты противника. Огнем батареи пехота противника была отсечена от танков, рассеяна и частично уничтожена. За два дня боев, огнем батареи 120-миллиметровых минометов уничтожено до 200 солдат и офицеров противника. Достоин правительственной награды орденом Отечественной войны 2-й степени. Командир 867 стрелкового полка майор Козлов, от 8 августа 1943 года» [6, л. 13].

Мы с ребятами были очень горды, когда узнали, что Вадим Гильдин был участником боев за высоту Саур-Могила в самые тяжелые дни августа 1943 г. Сейчас это самое святое место в Донбассе. Наши ребята из СВО второй раз воевали за возвращение этих мест. Многие из них говорили: «Наши деды победили, и мы победим!»

Краткое изложение подвига из наградного листа: «За то, что батарея под командованием старшего лейтенанта В.М. Гильдина в наступательном бою за сильно укрепленную высоту Саур-Могила 27 и 28 августа 1943 года уничтожила: 4 пулеметных точки с прислугой, подавлен огонь двух батарей противника, разбита одна автомашина, уничтожено до роты пехоты противника.

4 сентября 1943 года в бою за город Горловка, батареей уничтожено: 3 пулеметных точки, мешающих продвижению нашей пехоты, минометная батарея, разбито 2 автомашины с пехотой, 4 повозки с боеприпасами, отбито две контратаки противника, уничтожено до роты гитлеровцев. 6 сентября 1943 года, в бою за населенный пункт Новоселовка, батареей подбито 3 автомашины, из которых 2 сожжены, уничтожено 2 ротных пулемета, 2 пулеметных точки с прислугой, уничтожено отдельное орудие с прислугой и минометная батарея противника, уничтожено до двух взводов пехоты противника. В бою старший лейтенант Гильдин смел и отважен, воодушевляя своих бойцов на подвиг. Умело руководит батареей. Удостоен правительственной награды «Красная Звезда». Командир 867 стрелкового полка майор Алехнович, от 10 октября 1943 года» [5, л. 19].

Мы нашли и другие наградные листы, которые свидетельствуют о героизме Вадима Гильдина в боях за освобождение Украины от фашизма.

Краткое изложение подвига из наградного листа: «Во время прорыва обороны в районе села Свентий Станислав 22–23 июля 1944 года старший лейтенант Гильдин В. батареей подавил 6 пулеметных точек и уничтожил до взвода пехоты противника, тем самым обеспечил успешное продвижение наших подразделений. В бою за село Красное 26 июля 1944 года огнем своей батареи подавил огонь 105 мм батареи, огнем по движущейся колоне противника. Достоин правительственной награды, ордена Отечественной войны 1 степени. Командир 867 стрелкового Прикарпатского полка майор Данилевский, от 23 августа 1944 года» [7, л. 12]. Воинское звание: старший лейтенант, в 1945 году – капитан, командир батареи (ЦА МО, № шкафа 41, номер ящика 26).

Память о подвиге героев Великой Отечественной войны мы бережно храним в нашем лицее. К сожалению, в 2021 г. скончался последний ветеран Великой Отечественной войны, выпускник 1941 г. – Александр Вавилович Чернов. Поэтому мы транслируем воспоминания ветеранов о периоде Великой Отечественной войны. Сейчас мы с членами музея стараемся сделать все для того, чтобы герои Великой Отечественной войны стали примером для подражания ребятам нового поколения. Вадим Михайлович Гильдин освобождал Украину в годы Великой Отечественной войны, сегодня наши выпускники освобождают землю Украины от нацистов. И поэтому сегодня мы видим задачу для нашего музея – оформить содержательную преемственность между Великой Отечественной войной и Специальной военной операцией. К работе музея мы активно привлекаем ветеранов СВО. Считаем, что их подвиг должен быть образцом. Биографии наших выпускников, участников СВО известны. Мы продолжаем тесно общаться с их семьями, учителями и одноклассниками. Считаем, что это обеспечит связь поколений, преемственность ориентиров, нравственных норм; мобилизацию ценностного потенциала российского общества для ответа на вызовы врагов. Так мы не только сохраним Победу, но и действительно сможем ее повторить.

Источники и литература

1. *Макеев В.* Иного нам не дано. Связь времен и поколений. Газета – День литературы. https://denliteraturi.ru/article/6942 (дата обращения: 17.11.2022).

2. *Миронов С.* Мы должны быть достойны великого подвига наших предков. Парламентская газета. Издание Федерального Собрания Российской Федерации https://www.pnp.ru/social/my-dolzhny-byt-dostoyny-velikogo-podviga-nashikh-predkov.html. (дата обращения: 09.05.2023).

3. *Стариков А.* Острые углы истории. Между подвигом предков и героизмом бойцов СВО нужно поставить знак равенства. https://baltnews.com/Russia_West/20230509/1025966320/Mezhdu-podvigom-predkov-i-geroizmom-boytsov-SVO-nuzhno-postavit-znak-ravenstva.html (дата обращения: 09.05.2023).

4. Министерство обороны РФ и корпорация ЭЛАР – Интернет-портал «Память народа», https://pamyat-naroda.ru/.

5. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1691.

6. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 161.

7. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6202.

L.G. Kavieva

“THE MUSEUM KEEPES THE MEMORY OF THE WAR”

Annotation. The article describes a question of preserving the historical memory of the events of the Great Patriotic War through the inclusion of children in active search and research activities in educational projects, about the role of the museum as an important factor of the development of civic and patriotic education of teenagers.

Keywords: patriotic education, school museum, exploratory research, Special Military Operation.

УДК 93/94

С.Н. Сибиль,
С.В. Завьялова

«ПОДВИГ ВАШ, ЛЕНИНГРАДЦЫ, БЕССМЕРТЕН»: ДЕТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Аннотация. В статье рассказывается о детях, которым пришлось испытать все тяготы войны, о Тане Савичевой, которая вела дневник в блокадном Ленинграде.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада, Ленинград, дети, Таня Савичева.

Один раз в год летом мы с семьей посещаем могилу моего прадеда участника и инвалида Великой Отечественной войны.

2. *Миронов С.* Мы должны быть достойны великого подвига наших предков. Парламентская газета. Издание Федерального Собрания Российской Федерации https://www.pnp.ru/social/my-dolzhny-byt-dostoyny-velikogo-podviga-nashikh-predkov.html. (дата обращения: 09.05.2023).

3. *Стариков А.* Острые углы истории. Между подвигом предков и героизмом бойцов СВО нужно поставить знак равенства. https://baltnews.com/Russia_West/20230509/1025966320/Mezhdu-podvigom-predkov-i-geroizmom-boytsov-SVO-nuzhno-postavit-znak-ravenstva.html (дата обращения: 09.05.2023).

4. Министерство обороны РФ и корпорация ЭЛАР – Интернет-портал «Память народа», https://pamyat-naroda.ru/.

5. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1691.

6. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 161.

7. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6202.

L.G. Kavieva

“THE MUSEUM KEEPES THE MEMORY OF THE WAR”

Annotation. The article describes a question of preserving the historical memory of the events of the Great Patriotic War through the inclusion of children in active search and research activities in educational projects, about the role of the museum as an important factor of the development of civic and patriotic education of teenagers.

Keywords: patriotic education, school museum, exploratory research, Special Military Operation.

УДК 93/94

С.Н. Сибиль,
С.В. Завьялова

«ПОДВИГ ВАШ, ЛЕНИНГРАДЦЫ, БЕССМЕРТЕН»: ДЕТИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Аннотация. В статье рассказывается о детях, которым пришлось испытать все тяготы войны, о Тане Савичевой, которая вела дневник в блокадном Ленинграде.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада, Ленинград, дети, Таня Савичева.

Один раз в год летом мы с семьей посещаем могилу моего прадеда участника и инвалида Великой Отечественной войны.

Он похоронен в Лукояновском районе Нижегородской области. Каждый раз, проезжая р.п. Шатки, мы останавливаемся и посещаем мемориальный комплекс «Тане Савичевой и детям войны посвящается».

Накатываются слезы, щемит сердце, когда размышляешь о защитниках Ленинграда, о тех, кто героически сражался за город на подступах к нему, о жителях, обреченных на медленную голодную смерть и в первую очередь о детях. О детях, которые лишились детства, которым пришлось слишком рано повзрослеть. О детях, которые увидели смерть «лицом к лицу». Тема детского подвига приводит в трепет, потому что невозможно смириться с теми ситуациями, когда страдает ребенок!

Одним из символов трагедии ленинградских детей стало имя 11-летней девочки Тани Савичевой. Оно стало известно всему миру благодаря ее блокадному дневнику. Дневник Тани Савичевой использовался как документ во время Нюрнбергского процесса в качестве одного из главных свидетельств преступлений фашистов. На девяти страничках записной книжки она скупо зафиксировала, как день за днем уходили из жизни ее близкие.

Первой умерла старшая сестра Женя, Таня записала в записной книжке на букву «Ж»: «Женя умерла 28 декабря в 12-30 час. утра 1941 г.». Далее умерли бабушка, брат Леонид, дяди Вася и Леня, последней умерла мама... У Тани не осталось ни одного близкого человека. Никого нет. «Савичевы умерли». «Умерли все». «Осталась одна Таня» – это последние записи в ее дневнике.

Для ребенка мир рухнул: она осталась одна в холодном и голодном городе, окруженном фашистами. Никого из близких не осталось, а ведь это была самая обыкновенная ленинградская семья со своими планами на жизнь, надеждами, мечтами.

Блокада Ленинграда длилась 872 дня, терпя ежедневные бомбардировки и страшный голод, город продолжал жить и бороться. От голода и холода люди умирали тысячами. Продуктов катастрофически не хватало, общественный транспорт стоял, ленинградцы отапливали жилье мебелью и книгами. При этом промышленные предприятия, административные и даже культурные учреждения продолжали работать. Подростки сменяли на рабочих местах ушедших на фронт отцов и старших братьев. Дети как могли

помогали взрослым. Но холод и голод не щадил никого, взрослые умирали, дети оставались сиротами. Открывались все новые и новые детские дома.

Таню эвакуировали в Горьковскую область вместе с такими же сиротами, обессилившими и больными. По рассказам очевидцев, когда поезд с блокадниками прибыл на станцию Шатки, женщины, помогавшие выносить детей из вагонов, рыдали навзрыд от ужаса, видя скелеты, обтянутые кожей и большие глаза, смотревшие на них с недетской тоской. Но здоровье девочки было сильно подорвано, она не смогла восстановиться, и в 14 лет она умерла от дистрофии, туберкулеза и нервного истощения.

Наше общество должно помнить не только о героях войны, но и о многочисленных жертвах, одной из которых была Таня Савичева. Подвиг этого ребенка в том, что, когда ее близкие падали от голода и умирали, она находила в себе силы оставлять свидетельства. На примере этой истории мы видим трагедию изнутри, самое важное в дневнике то, что Таня пишет не о себе, а о том, как погибали близкие.

Да, она пишет в состоянии жесточайшего стресса, но на смерть нельзя смотреть как на что-то обыденное. До сих пор историки и психологи спорят: зачем она вела дневник? Мнения разные, но мы считаем, что она старалась выжить в этих страшных условиях. Таким образом, пыталась победить смерть. Таня Савичева доказала свое право на память.

Источники и литература

1. Блокадный дневник Тани Савичевой: самые страшные... [Электронный ресурс]. URL: kulturologia.ru›blogs/090517/34476/ (дата обращения: 05.05.2024).

S.N. Sybil,
S.V. Zavyalova

“YOUR FEAT, LENINGRADERS, IS IMMORTAL”: CHILDREN OF BESIEGED LENINGRAD

Annotation. The article tells about children who had to experience all the hardships of the war and about Tanya Savicheva, who kept a diary in besieged Leningrad.

Keywords: The Great Patriotic War, the blockade, Leningrad, children, Tanya Savicheva.

УДК 929(470.344)”19”

Н.Б. Смирнова

УЧАСТНИК ТРЕХ ВОЙН МАЙОР МАЛЯСОВ СТЕПАН ПАВЛОВИЧ

Аннотация. В статье исследован жизненный и боевой путь одного из обычных героев – майора Малясова Степана Павловича.

Ключевые слова: вооруженные конфликты, личность в истории, Гражданская война, советско-финляндская война, Великая Отечественная война.

Вооруженные конфликты, часто имеющие место на протяжении XX в., коснулись практически каждой семьи, члены которой либо воевали, либо трудились в тылу. Героические поступки отдельных личностей являются неотъемлемой составляющей подвига народа в целом. В связи с этим увековечение их памяти – наш общий долг. Одним из многочисленных героев, несомненно, является дед автора этих строк, майор Степан Павлович Малясов, который не мог оставаться в стороне от происходящих событий и бесстрашно принимал активное участие в нескольких войнах.

С.П. Малясов

Малясов С.П. родился 21 июля 1902 г. в с. Семеновское Алатырского уезда (ныне Порецкий муниципальный округ) Чувашии в семье бедного крестьянина. С восьмилетнего возраста совместно с отцом вынужден был обрабатывать земли зажиточных односельчан, а зимой учился в церковно-приходской школе, которую, несмотря на выпавшие на его долю трудности, успешно закончил. В ноябре 1919 г. добровольно вступил в Красную армию и был направлен в г. Симбирск на пехотно-командирские курсы. После их окончания С.П. Малясов был зачислен в 28-й стрелковый полк и в должности командира батальона выезжает на Восточный фронт для подавления войск А.В. Колчака [6]. В течение года он успешно воюет, пока не получает ранение. В 1921 г. уезжает на лечение в г. Симбирск. После выздоровления С.П. Малясова назначают командиром отдельного учебного батальона Приволжского военного округа, а через год он направляется для прохождения службы в Алатырский уездный военный комиссариат.

В мае 1923 г. он добровольцем уходит на Восточно-Туркестанский фронт на борьбу с басмачами[1]. Согласно некоторым источникам, за успешное проведение операции по уничтожению банды Ибрагимбека, С.П. Малясов был награжден орденом Красного Знамени [6]. Однако документальных подтверждений этому не имеется. В наградном листе на представление к награждению указанным орденом, датированном 1942 г., указывается, что до этого С.П. Малясов не награждался [2].

В 1927 г. по состоянию здоровья он оставляет военную службу и возвращается на родину. Работает председателем Семеновского сельсовета, затем в различных учреждениях с. Порецкого, принимает активное участие в создании товариществ по совместной обработке земли, совхоза «Порецкий», колхозов. В 1928 г. С.П. Малясов был направлен на работу уполномоченным уголовного розыска Порецкого отдела милиции, а в 1930 г. – в уголовный розыск г. Горького, затем он был комендантом спецлагеря в Коми АССР [6]. По рассказам родственников, в 1937 г. С.П. Малясов был репрессирован, но ему удалось отстоять свое честное имя и выйти на свободу.

[1] Басмачество – вооруженное контрреволюционное националистическое движение в Средней Азии в 1917–1926 гг.

В конце 1930-х гг. после увольнения из органов внутренних дел он возвращается в с. Порецкое, где работает военруком в средней школе. В 1939 г. С.П. Малясов оказывается на фронте советско-финляндской войны. В 1941 г. начинается Великая Отечественная война, с первых дней которой он отважно сражается с гитлеровскими войсками в должности командира стрелковой роты, затем батальона. Во время боевых действий проявил себя расчетливым, смелым и мужественным командиром, подходя со всей ответственностью к выполнению порученных заданий. Так, 13 января 1942 г. он отличился при взятии населенного пункта д. Бор Калининской области. Ему удалось выявить систему вражеского огня, тщательно разведать количество живой силы противника. В течение двух суток С.П. Малясов с отрядом смог выбить противника с большими для него потерями из укрепленного рубежа и занять указанную деревню. При этом отряду удалось сохранить всю материальную часть, а С.П. Малясов смог грамотно организовать вынос с поля боя всех раненых с их оружием [3].

Проявляя мужество и героизм во время военных действий, он был два раза тяжело ранен (20 сентября 1941 г. и 22 февраля 1942 г.), а также имел контузию. После излечения всегда возвращался в действующую армию, чтобы с новыми силами громить врага. Войну С.П. Малясов закончил командиром учебного стрелкового полка в звании майора. За ратный труд был награжден орденами Красного Знамени (4 марта 1942 г.), Красной Звезды (6 ноября 1945 г.), медалями «За оборону Москвы» (1 мая 1944 г.), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (9 мая 1945 г.).

Согласно приказу командира Приволжского военного округа № ОК 26/3585 от 30 мая 1945 г., С.П. Малясов был назначен военным комиссаром г. Алатырь, прослужил на этой должности до 1946 г. Демобилизовавшись в 1946 г., он возвращается к мирной жизни, связав свою судьбу с системой потребительской кооперации с. Порецкого, где проработал до самого выхода на пенсию в 1967 г. [4, с. 226]. В течение многих лет С.П. Малясов возглавлял организацию ДОСААФ в Порецком районе. Вплоть до последних дней он оставался в строю, участвуя в общественной жизни района. Все накопленные им силы, знания, опыт охотно

передавал подрастающему поколению, всегда находился там, где были необходимы его помощь и советы, пользуясь заслуженным уважением и авторитетом среди поречан не только как фронтовик, но и как человек. Об этом свидетельствуют воспоминания писателя, кандидата экономических наук Б.С. Чернышова, уроженца Порецкого района, который впоследствии проживал в г. Екатеринбурге [1]. Они были опубликованы в 1990 г. в Порецкой районной газете «Заветы Ильича» под названием «Степан Павлович Малясов (воспоминания о друге)» [5], где, в частности, приводятся рассказы С.П. Малясова о боевых эпизодах в годы Гражданской войны и его работе в исправительной колонии на Севере, и автор дает ему следующую характеристику: «…Малясов …был отличным рассказчиком, много рассказывал о случаях из собственной жизни, мог говорить часами, причем красочно и интересно… он много говорил о боях и походах в Гражданскую войну, о работе среди заключенных, многие из которых были весьма одаренными, интересными людьми…» [5, 13 ноября]. 15 февраля 1985 г. жизненный путь заслуженного ветерана боевых действий оборвался. Долг перед родиной он выполнил в полной мере, не жалея сил и собственной жизни.

Таким образом, майор Малясов Степан Павлович внес свой вклад в победу, участвовал в нескольких вооруженных конфликтах и отстаивал интересы Родины. Его имя, как и имена тысяч других героев, никогда не будет предано забвению.

Источники и литература

1. Наши знатные земляки. Борис Степанович Чернышов // Заветы Ильича. – 1990. – 18 октября.

2. Подвиг народа. URL: https://podvignaroda.ru/?#id=6036775&tab=navDetailDocument (дата обращения: 14.05.2024).

3. Подвиг народа. URL: https://podvignaroda.ru/?#id=6036786&tab=navDetailManAward (дата обращения: 12.05.2024).

4. Порецкая энциклопедия / под ред. Н.В. Лоскутова. – Чебоксары, 2023.

5. *Чернышов Б.* Степан Павлович Малясов (воспоминания о друге) // Заветы Ильича. – 1990. – 13, 15, 17 ноября.

6. *Чистяков В.* Человек завидной судьбы // Заветы Ильича. – 1990. – 25 сентября.

N.B. Smirnova

A PARTICIPANT IN THREE WARS, MAJOR MALASOV STEPAN PAVLOVICH

Annotation. The article examines the life and combat path of one of the inconspicuous heroes who brought victory over the enemies of the Soviet government – Major Malasov Stepan Pavlovich.

Keywords: armed conflicts, personality in history, Civil War, Soviet-Finnish War, Great Patriotic War.

УДК 356.3”1941/1945”

Е.В. Федотова (Ермилова),
Т.Ю. Федотова

«ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА!»: ВОСПОМИНАНИЯ ПОГОНЩИКА ГУРТА ИЗ АКСУМЛЫ ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА ТАТАРСКОЙ АССР

Аннотация. В центре внимания авторов – труженики тыла, гуртовщики из чувашского села Аксумла ныне Нурлатского района Республики Татарстан, воспоминания Анны Герасимовны Яковлевой-Пайдугановой о героическом перегоне скота из Октябрьского района Татарской АССР до Калуги для фронта во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: труженики тыла, гурт, погонщики гурта, Анна Герасимовна Яковлева-Пайдуганова, Алексей Леонтьевич Белов.

В свое время война ввела в жизнь сельчан новое: часто трудное, долгое испытание на прочность, верность. О том, что во время войны гнали гурт – стадо крупного рогатого скота мясного направления, – написано немного, но еще есть сами погонщики, которые участвовали в перегоне скота будучи еще подростками [3], и те, кто помнит, как во время войны шли стада овец, коров через их селения [2], воспоминания старожилов о трудном походе в сторону фронта, о долгом пути в несколько месяцев, когда их уже не ждали дома, в тылу [1]. Эти воспоминания скудные, встречающиеся как бы мимоходом, но все же они есть. Есть и работа, специально

N.B. Smirnova

A PARTICIPANT IN THREE WARS, MAJOR MALASOV STEPAN PAVLOVICH

Annotation. The article examines the life and combat path of one of the inconspicuous heroes who brought victory over the enemies of the Soviet government – Major Malasov Stepan Pavlovich.

Keywords: armed conflicts, personality in history, Civil War, Soviet-Finnish War, Great Patriotic War.

УДК 356.3”1941/1945”

Е.В. Федотова (Ермилова),
Т.Ю. Федотова

«ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА!»: ВОСПОМИНАНИЯ ПОГОНЩИКА ГУРТА ИЗ АКСУМЛЫ ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА ТАТАРСКОЙ АССР

Аннотация. В центре внимания авторов – труженики тыла, гуртовщики из чувашского села Аксумла ныне Нурлатского района Республики Татарстан, воспоминания Анны Герасимовны Яковлевой-Пайдугановой о героическом перегоне скота из Октябрьского района Татарской АССР до Калуги для фронта во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: труженики тыла, гурт, погонщики гурта, Анна Герасимовна Яковлева-Пайдуганова, Алексей Леонтьевич Белов.

В свое время война ввела в жизнь сельчан новое: часто трудное, долгое испытание на прочность, верность. О том, что во время войны гнали гурт – стадо крупного рогатого скота мясного направления, – написано немного, но еще есть сами погонщики, которые участвовали в перегоне скота будучи еще подростками [3], и те, кто помнит, как во время войны шли стада овец, коров через их селения [2], воспоминания старожилов о трудном походе в сторону фронта, о долгом пути в несколько месяцев, когда их уже не ждали дома, в тылу [1]. Эти воспоминания скудные, встречающиеся как бы мимоходом, но все же они есть. Есть и работа, специально

написанная для сохранения памяти о тружениках тыла, которые героически прошли трудный и долгий путь гуртовщика-кочевника во время войны [1]. Сами погонщики гурта тоже мало рассказывали об этом [6, с. 317]. Жизнь шла своим чередом, вносила новые коррективы, прошлое уходило со свидетелями времени. Но, к счастью, остались воспоминания, сохранилась память о тех годах.

В конце августа 2024 г. при выезде в Нурлатский район Республики Татарстан в с. Аксумла нам удалось встретиться с дочерью погонщицы гурта – Анны Герасимовны Яковлевой-Пайдугановой, 1916 г.р., уроженки пос. Березовка Егоркинской волости Чистопольского уезда Казанской губернии (ныне входит в Нурлатский район Республики Татарстан) [4] – Полиной (Пелагеей) Ефимовной Акмулиной (в девичестве Пайдугановой), 1948 г.р. [5].

Собранный из колхозов со всего Октябрьского района Татарской АССР в пос. «Татарстан» гурт в 200 голов крупного рогатого скота – коров, телят, быков – погнали только в августе 1943 г., когда дело шло уже к осени. Как рассказывает Полина Ефимовна Акмулина: «*Вĕсем август уйăхĕнче кăна тухса кайнă. 1943 çулта. Хатĕр виçĕ уйăх ытла хăвалана та вĕсем. Сивĕтрĕ тет кĕркунне енне. Хатĕр унта… И-и, вăл каласа пама тытăнсан унта… Анне калатчĕ: темиçе кĕнеке çырма пулать тетчĕ. Ĕçлеме кайсассăн, хирте, çиме памасчĕç тет: «Çавна каласа пар-ха, ун çинчен каласа пар-ха…». Халап пек, ялан кăна каласа панă вăл çавăн çинчен. Кайни-килни çинчен. Ну, хайхи… Ах… Тем те курнă ĕнтĕ вĕсем унта…*» (Они вышли в путь только в августе. В 1943 году. Гнали они больше трех месяцев. К осени похолодало, говорила. Теперь там… И-и, когда она начинала рассказывать об этом… Мама говорила: несколько книг можно написать. [Уже в мирное время], когда на работу ходила в поле, во время обеда ей не давали есть, просили рассказать о том, как гнали гурт. Словно сказку-быль, она все время рассказывала им об этом. Как шли, гнали гурт, как возвратились. Ну, теперь… Ах… Что только не видели – стерпели они там…) [5]. Вспоминая рассказы своей матери, Полина Ефимовна задумывается и, по нашей осторожной просьбе, продолжает дальше: «*Ну лерелле кайнăçем вĕсем унта бомбит тунă, çунтарнă ялсем патĕнчен иртнĕ, трубисем кăна лараççĕ тетчĕ. Ну вĕсем мĕн, выçă кайман вĕсем. Вĕсене солдатский паек панă. Примерно ак Нурлат пек çĕре*

çитеççĕ: каяççĕ, тупаç-ха унта военкомат, райисполком. Çавăнта вĕсене çăкăр панă, сахăр панă, туртмалли панă. Салтак пек вĕсене – паек. Миçе куна-тăр ĕнтĕ вĕсем. Çавăн пек паекне илеççĕ те тата каяççĕ. Тепĕр хуланалла-и, района-и… Хулана кĕмесĕр кайнă ĕнтĕ вĕсем. Çавăн чухлĕ выльăхпа унта ăçтан хулана кĕрен? Вĕсене вĕт хăваламалла кăна мар, çитермелле те пулнă вĕт, кĕтсе. И-и, тем те каласа паратчĕ» (Как шли дальше, они проходили мимо сгоревших от бомбежек деревень. Только печные трубы стоят, говорила. Ну они что, не голодные они шли. Им давали солдатский паек. Доходят до места, примерно вот как Нурлат, идут, ищут, находят где военкомат, райисполком. Там им выдавали хлеб, сахар, курево. Как солдатам им – паек. На сколько-то дней им. Берут этот паек и идут дальше. К другому городу ли, к району ли… Они уж в город не заходили. Со столькими животными как там в город зайти? Их ведь не только гнать, но и пасти надо было, чтобы они могли поесть. И-и, что только не рассказывала) [5]. На наш вопрос: «Был ли отел коров?», П.Е. Акмулина, отвечая, рассказывает дальше: «*Çук. Пăрулаканни пулман, ну сăвакан ĕнесем пурччĕ тет. Çавсене сукалаттăмăрччĕ тет. Хайхи, ĕçме-çиме ĕнтĕ. Пысăк вăкăрсем пурччĕ тет. Вĕсене шучĕ кирлĕ пулнă ĕнтĕ. Çухатман вĕсем, пурне те илсе çитернĕ. Ульяновски патне çитсен самолет пырса бомбит турĕ тет. Ульяновски кĕперрине лектереймерĕ тет. Ну кăсем çавăнта инçе мар ĕнтĕ кĕтӳпелен вăрман хĕрринче пăхса тăтăмăр тет. Кĕтĕвĕпелен, хайхи, çывăха пыма çук ăçта та. Вĕсене çитермелле, татах уттарамалла. Ой, унта тем те каласа паратчĕ…*» (Нет. Отела не было, но были коровы, которых надо было доить. Рассказывала, что их доили. Молоком питались сами. Говорила, что были большие быки. Погонщикам нужен был счет. Они не потеряли поголовье скота, всех догнали до места назначения. Когда они дошли до Ульяновска, говорила, что прилетал самолет, бомбил. Но в мост не попал, говорила. Они с гуртом стояли у леса, смотрели. Со стадом никуда близко нельзя было подойти. Их надо было кормить и дальше гнать. Ой, она там что только не рассказывала…) [5].

«*Пĕр çĕре çитсессĕн хайхи вăрман витĕр тухмалла тет, и тăватă метр пек сарлакăш кăна тет просек. Хайхи çуран çӳремелли çул пек кăна пулнă ĕнтĕ. 200 выльăха çавăнтан хăваламалла вĕт-ха ăна. Пĕр тăватă километр кăна таршиĕ пур*

тет вăрманĕ. Хайхи вĕсем пиллĕкĕн пулнă та-ха вĕсем. 4 херарам, пĕр арçын пулнă вĕсем. Пĕр-иккĕшĕ малтан пынă ĕнтĕ, ыттисем хыçалтан хăваланă аташса ан юлччĕр тесе ĕнисене. Хайхи лере тухса пыраç тет. Сип-симĕс уçăм тет. Хатĕр ĕнисем кĕрсе ӳкнĕ ĕнтĕ уçăм çине. Выçă вĕт ĕнтĕ вĕсем хатĕр. Тахçан çинĕ-ха, таçта çинĕ-ха вĕсем? Хатĕр килсе тухрĕ тет пĕр хура лашапа сухаллă арçын. Колхоз председателĕ тет вăл. Ĕнисене пĕрре çапать тет, хăвалаканнисене иккĕ çапать тет хăвалăр тесе. Хайхи вĕсем потрав тăваç вĕт ĕнтĕ вĕсем мĕн чухлĕ выльăх. Хайхи вара кăларса çитерсен ăнлантарса панă ĕнтĕ мĕнле, ăçта кайнине, ыйтса пĕлнĕ ĕнтĕ. Вара колхоз картине хупса ĕнисене мунча кӳртсе, мĕн туса çапла ăсатса ячĕ тет» (Когда дошли в одно место, надо было выйти через лес, а ширина просеки примерно только в четыре метра. Дорога как для пешеходов только была. 200 голов скота надо было гнать в этот узкий просек. Лес был примерно в 4 км длиной, говорила. Теперь их было пятеро. Четыре женщины и один мужчина. Один-два человека шли впереди, остальные гнали сзади, чтобы коровы не отставали. Теперь они стали выходить из леса. Смотрят: зелень озимых. Теперь коровы набросились на озимые. Голодные ведь они. Где и когда они щипали траву в последний раз? Теперь появился, говорила, на черной лошади один бородатый мужчина. Председатель колхоза, оказывается. Рассказывала, что коров один раз бьет кнутом, а погонщиков – два раза, чтобы выгнали с озимых. Они же теперь потраву сделали – столько скота. После того, как выгнали гурт с озимых, объяснили: как, куда идут с гуртом. Расспросили уж у них. Закрыв гурт в колхозный загон, председатель колхоза погонщикам дал возможность немного отдохнуть, помыться в бане, потом проводил, рассказывала [мать]) [5]. Когда наступили холода, погонщики, пребывая круглые сутки вместе с гуртом под открытым небом, и простывали. Как рассказала Анна Герасимовна Яковлева-Пайдуганова своей семье, во время перегона скота с наступлением холодов у нее и глаза закрылись, видимо, воспалились от переохлаждения. «*Вĕсем çĕр каçнă вĕтĕ урам варринчех, кĕтĕвĕ патĕнчех. Кам вĕсене, хайхи, кĕтсе тăна унта? Пĕр вăкăр çумне выртаттăмччĕ тет те… Пысăк вăкăр пурччĕ тет. Хăй дежурит тунă каç ĕнтĕ. Икшерĕн-и, дежурит тунă вĕсем. Кĕтĕвĕ йĕри-тавра. Вăкăрĕ çумне таянса*

выртаттăмччĕ тет те. Вăкăрĕ йăшăлтатма тытăнсан иккен ытти выльăхсем те тăраççĕ пулать. Пĕр тăрсан вĕт вăл выльăх тăрать вĕт вăл, каять вĕт вăл. Ĕнисем те çапла. Ялан пĕр вăкăре çумне таянса лараттăмччĕ тет» (Они ведь ночевали на улице же, около гурта. Кто их там ждал? В ночь, когда дежурила сама, располагалась к одному быку, говорит, [для тепла]… Один большой бык был, говорит. По два человека, что ли, они дежурили вокруг гурта. Сидела, прислонившись к одному быку, говорит. Если он

Погонщики гурта из с. Аксумла Октябрьского района Татарской АССР. Калуга, 1944. Стоят: слева направо – А.Г. Яковлева-Пайдуганова, А.Л. Белов, А. Чернова. Сидят: слева направо – М. Матросова (Сахвине), Е. Акмулина

шевелился, она уже знала, что сейчас за ним встанет весь гурт и двинется) [5]. Так они и шли. Когда доходили до населенного пункта, владеющие русским языком А.Г. Яковлева-Пайдуганова и А.Л. Белов с документами шли к органам власти известить о прибытии погонщиков вместе с гуртом по маршруту. Остальные три женщины оставались у гурта.

Проходя через разрушенные селения, один раз большой бык провалился в чей-то погреб. Погонщики общими силами смогли его вызволить оттуда. Остается только удивляться титанической силе женщин и одного мужчины.

В декабре 1943 г. дошли до Калуги. Это было место назначения. Там весь гурт был пущен на мясо, погонщики работали на разделывании туш. После они работали еще на заводе по изготовлению мыла. Приехали на поезде на станцию «Нурлат» в январе 1944 г. Из Нурлата шли пешком в Аксумлу. По дороге домой около селения Пушкино Анна Герасимовна Яковлева-Пайдуганова встретила своего родственника. Тот был удивлен. Оттого, что никаких вестей не было от нее с августа месяца 1943 г., думали, что ее уже нет в живых.

Все погонщики были из с. Аксумла. Их было сначала шесть человек. Сидул Пайдуганов вернулся обратно. Пять человек с гуртом дошли до места назначения – до Калуги. Главным был Алексей Леонтьевич Белов, все документы, карта для ориентирования на местности, бумаги по гурту были у него. Остальные – женщины, их было четверо: Екатерина Акмулина, Анна Герасимовна Яковлева-Пайдуганова, Анна Чернова, Сахвине Марьи – Мария Матросова (?) (на фотографии, снятой в Калуге, когда они уже дошли с гуртом, она сидит в первом ряду, вокруг шеи, поверх фуфайки, у нее красуются бусы).

Государственное задание – погнать гурт в Калугу – они выполнили. Падежа не было. Все 200 голов крупного рогатого скота мясного направления были доставлены по месту назначения. Героический труд погонщиков гурта из с. Аксумла Октябрьского района Татарской АССР сохранился в памяти потомков. Историческая память народа хранит их подвиг. Слава труженикам тыла, погонщикам гурта, участникам перегона скота для фронта, для Победы!

Источники и литература

1. *Галлямова Э.* А вы знали про этот подвиг совсем юных ребят? / Учалинская телерадиостудия «Учалы ТВ» 12.04.2021 г. https://vk.com/wall-106925062_24154 (дата обращения: 05.09.2024).

2. *Огородникова А.П.* Бомбили каждую ночь… // Вестник ЗОЖ. – 2024. – № 9 (743). – Рубрика «Дети войны». – С. 23.

3. Полевые материалы авторов (ПМА). Перлова Елизавета Ильинична, 07.04.1933 г.р., уроженка с. Аксумла Октябрьского (ныне Нурлатского) района Татарской АССР (ныне Республики Татарстан). Запись 21.08.2024 г. в доме Перловых.

4. ПМА. Яковлева-Пайдуганова Анна Герасимовна, 1916 г. р., уроженка пос. Березовка Егоркинской волости Чистопольского уезда Казанской губернии (ныне входит в Нурлатский район Республики Татарстан).

5. ПМА. Акмулина (в девичестве Пайдуганова) Полина (по паспорту Пелагея) Ефимовна, 1948 г.р., уроженка с. Аксумла Октябрьского (ныне Нурлатского) района Татарской АССР (ныне Республики Татарстан). Запись 21.08.2024 г. в доме П.Е. Акмулиной.

6. *Федотова (Ермилова) Е.В., Федотова Т.Ю.* Единство фронта и тыла: на примере семьи Ермиловых // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 22 июня 2021 г.). – Чебоксары, 2021. – С. 313–318.

Приложение

Полевые материалы авторов (ПМА)

Перлова Елизавета Ильинична, 07.04.1933 г.р., уроженка с. Аксумла Октябрьского (ныне Нурлатского) района Татарской АССР (ныне Республики Татарстан). Во время войны в подростковом возрасте была погонщицей гурта. Стадо погнали от поселка «Татарстан» Октябрьского района Татарской АССР до Казани. Сами потом вернулись на поезде. В каком году погнали гурт – не помнит. Никаких документов не сохранилось. В трудовой книжке нет записи про работу в перегоне гурта. Вместе с кем гнали гурт, сколько человек погонщиков было – тоже не смогла сказать. Говорит: «Была подростком, особо не общалась ни с кем, сказали гнать – гнала и все». Она росла сиротой. Всю жизнь прожила с семьей брата Петра Ильича Перлова. Запись 21.08.2024 г. в доме Перловых.

Яковлева-Пайдуганова Анна Герасимовна, 1916 г.р., уроженка пос. Березовка Егоркинской волости Чистопольского уезда Казанской губернии (ныне входит в Нурлатский район Республики Татарстан). Младшая

дочь в семье Натальи Прокофьевны и Герасима Яковлевича Яковлева. Образование: два неполных класса. Единственная из женщин в с. Аксумла, которая владела русским языком. В Березовке жили и русские. В Аксумлу она пришла замуж за Яхӳнькке Пайдуганова. Во время войны окончила бригадирские курсы. Труженица тыла. Погонщик гурта до Калуги в августе – декабре 1943 г. Вернулись домой на поезде в январе 1944 г. Ее старший брат Михаил Герасимович Яковлев погиб на фронте в Первую мировую войну. Во время войны ее отец Герасим Яковлевич Яковлев для всего поселка плел лапти. Дед Яков служил в царской армии 25 лет, за что в награду ему была выделена земля. Вернувшись из царской армии, женился, вырастил с женой семь детей. Жена его была голубоглазой красавицей.

Акмулина (в девичестве Пайдуганова) Полина (по паспорту Пелагея) Ефимовна, 1948 г.р., уроженка с. Аксумла Октябрьского (ныне Нурлатского) района Татарской АССР (ныне Республики Татарстан). Дочь Анны Герасимовны Яковлевой-Пайдугановой. Запись 21.08.2024 г. в доме П.Е. Акмулиной.

E.V. Fedotova (Ermilova),
T.Yu. Fedotova

"EVERYTHING FOR THE FRONT!": THE MEMOIRS OF A HERD DRIVER FROM THE AKSUMLY OKTYABRSKY DISTRICT OF THE TATAR ASSR

Annotation. The authors focus on home front workers, drovers from the Chuvash village of Aksumla, now in the Nurlatsky district of the Republic of Tatarstan, Anna Gerasimovna Yakovleva-Paiduganova's memories of the heroic cattle drive from the Oktyabrsky district of the Tatar ASSR to Kaluga for the front during the Great Patriotic War of 1941-1945.

Keywords: home front workers, herd, herd drivers, Anna Gerasimovna Yakovleva-Paiduganova, Alexey Leontievich Belov.

УДК 908

А.И. Щетинин

ПРЕДСЕДАТЕЛИ КОЛХОЗА «ОТБОЙ» – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье представлены сведения о боевом пути участников Великой Отечественной войны, которые в разное время занимали должность председателя колхоза «Отбой» в с. Виняево Арзамасского района Горьковской области.

дочь в семье Натальи Прокофьевны и Герасима Яковлевича Яковлева. Образование: два неполных класса. Единственная из женщин в с. Аксумла, которая владела русским языком. В Березовке жили и русские. В Аксумлу она пришла замуж за Яхӳнькке Пайдуганова. Во время войны окончила бригадирские курсы. Труженица тыла. Погонщик гурта до Калуги в августе – декабре 1943 г. Вернулись домой на поезде в январе 1944 г. Ее старший брат Михаил Герасимович Яковлев погиб на фронте в Первую мировую войну. Во время войны ее отец Герасим Яковлевич Яковлев для всего поселка плел лапти. Дед Яков служил в царской армии 25 лет, за что в награду ему была выделена земля. Вернувшись из царской армии, женился, вырастил с женой семь детей. Жена его была голубоглазой красавицей.

Акмулина (в девичестве Пайдуганова) Полина (по паспорту Пелагея) Ефимовна, 1948 г.р., уроженка с. Аксумла Октябрьского (ныне Нурлатского) района Татарской АССР (ныне Республики Татарстан). Дочь Анны Герасимовны Яковлевой-Пайдугановой. Запись 21.08.2024 г. в доме П.Е. Акмулиной.

E.V. Fedotova (Ermilova),
T.Yu. Fedotova

"EVERYTHING FOR THE FRONT!": THE MEMOIRS OF A HERD DRIVER FROM THE AKSUMLY OKTYABRSKY DISTRICT OF THE TATAR ASSR

Annotation. The authors focus on home front workers, drovers from the Chuvash village of Aksumla, now in the Nurlatsky district of the Republic of Tatarstan, Anna Gerasimovna Yakovleva-Paiduganova's memories of the heroic cattle drive from the Oktyabrsky district of the Tatar ASSR to Kaluga for the front during the Great Patriotic War of 1941-1945.

Keywords: home front workers, herd, herd drivers, Anna Gerasimovna Yakovleva-Paiduganova, Alexey Leontievich Belov.

УДК 908

А.И. Щетинин

ПРЕДСЕДАТЕЛИ КОЛХОЗА «ОТБОЙ» – УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье представлены сведения о боевом пути участников Великой Отечественной войны, которые в разное время занимали должность председателя колхоза «Отбой» в с. Виняево Арзамасского района Горьковской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, председатель, колхоз, Виняево.

Колхоз «Отбой» был образован в 1929 г. в с. Виняево Арзамасского района Горьковской области и просуществовал до июня-июля 1950 г., когда вошел в состав соседнего колхоза «Красный пахарь». Благодаря архивным документам, газетным публикациям и воспоминаниям односельчан удалось установить имена 10 председателей, возглавлявших колхоз в указанный период. Из них восемь человек принимали участие в Великой Отечественной войне, шестеро из которых погибли или пропали без вести. На их судьбе и хотелось бы остановиться ниже. Данные о председателях – участниках Великой Отечественной войны – представлены по хронологии их руководства колхозом.

Тихон Степанович Грашкин родился 13 июня 1906 г. в с. Виняево в крестьянской семье [1, л. 122 об.]. Окончил местную школу в 1920 г., с 1923 г. состоял членом ВЛКСМ. В январе 1929 г. был назначен секретарем Слизневского сельсовета, а через полгода председателем сельсовета. На этом посту принимал участие в мероприятиях по коллективизации [3, л. 4–4 об.]. Член ВКП(б) с 1930 г. [9]. В мае 1931 г. возглавил виняевский колхоз «Отбой». Параллельно окончил советскую партийную школу в Арзамасе. После этого по решению РК ВКП(б) руководил слизневским колхозом «Привет», затем забелинским колхозом «Имени 13-й годовщины Октября». В январе 1936 г. вновь встал во главе виняевского колхоза «Отбой». В 1938 г. окончил областные курсы повышения квалификации председателей колхозов [28, л. 2]. Точная дата перехода его на новое место работы неизвестна – в мае 1939 г. он еще упоминается как председатель колхоза «Отбой», а на момент призыва в Красную армию в июле 1941 г. работал дорожным бригадиром в Арзамасе. После призыва направлен в запасной стрелковый полк во Владивосток на должность ручного пулеметчика. Оттуда в августе 1942 г. убыл в г. Свердловск, а потом в действующую армию. В составе 50-й мотострелковой бригады воевал под Сталинградом. Погиб в бою 21 декабря 1942 г. и похоронен на хуторе Ближнемельничный Нижнечирского района Сталинградской области [24, л. 111]. Имя увековечено в Книге Памяти Нижегородской области [7, с. 235] и на памятнике погибшим воинам в с. Виняево.

Николай Ильич Фролов родился 3 декабря 1911 г. в с. Виняево в крестьянской семье [1, л. 254 об.]. Окончил сельскую школу в 1926 г., а на следующий год вступил в ВЛКСМ. До 1930 г. трудился в сельском хозяйстве. Упоминается на должности председателя колхоза «Отбой» с июля по октябрь 1931 г., что накладывается на время руководства Т.С. Грашкина. Можно предположить, что Н.И. Фролов возглавлял колхоз как временный председатель. В 1934 г. окончил районную колхозную школу в Арзамасе и работал счетоводом при колхозе «Отбой». В 1937 г. окончил курсы при областном финансовом отделе в г. Горьком и стал работать налоговым инспектором в Арзамасе. Член ВКП(б) с 1940 г. [10]. Призван в Красную армию 2 июля 1941 г. и направлен в 1003-й стрелковый полк 279-й стрелковой дивизии. Формирование дивизии происходило на Щелковском хуторе г. Горького. 4 августа 1941 г. части дивизии выехали на фронт и заняли позиции на р. Десна. В начале сентября части 279-й стрелковой дивизии получили приказ начать наступление и овладеть населенными пунктами Хлистовка, Алешня, Любимовка, Слобода [18, л. 106]. К середине сентября противник вышел в тыл 50-й армии и занял Брянск. 17 октября остатки дивизии в количестве полторы тысячи человек соединились с группой войск различных подразделений. 17 ноября 279-я дивизия была расформирована и официально прекратила свое существование. Последнее письмо от Н.И. Фролова было получено родственниками 25 сентября 1941 г. [26, л. 26]. Признан пропавшим без вести в октябре 1941 г. Увековечен в Книге памяти Нижегородской области [7, с. 491] и на памятнике погибшим воинам в с. Виняево.

Александр Павлович Макаров родился 20 ноября 1914 г. в с. Виняево в крестьянской семье [2, л. 12 об.]. Данных об образовании нет. До 1928 г. был пастухом, в 1930 г. работал нарядчиком по с. Виняево, а затем сельским уполномоченным. Член ВЛКСМ, в 1932 г. подавал заявление о вступлении кандидатом в члены ВКП(б) [4, л. 13]. О том, что А.П. Макаров руководил колхозом «Отбой», есть лишь одна запись, когда в мае 1932 г. он был снят с этой должности. В Красную армию был призван 29 мая 1941 г. для переподготовки и направлен в 624-й стрелковый полк 137-й стрелковой дивизии, находившийся в Гороховецких лагерях.

Воинская учетная специальность – связист-проволочник. 26 июня 1941 г. дивизия начала переброску в район Орши, куда первые эшелоны соединения прибыли 29 июня 1941 г. 8 июля 1941 г. была снята с позиций и направлена в район с. Сухари восточнее Могилева. В боях дивизия была окружена, но частично смогла выйти, собравшись на берегу р. Сож. 7 августа 1941 г. переброшена под Кричев, где участвовала в наступлении, 9 августа 1941 г. окружена западнее Рославля. Точных сведений о судьбе А.П. Макарова нет. Признан пропавшим без вести в августе 1941 г. Увековечен в Книге Памяти Нижегородской области [7, с. 355] и на памятнике погибшим воинам в с. Виняево.

Иван Матвеевич Крымов родился в 1901 г. в с. Слизнево Арзамасского района в крестьянской семье. В 1918 г. вступил в Красную армию, служил на Восточном фронте. Демобилизован в 1924 г. В 1930 г. избран председателем Слизневского сельсовета, а в 1933 г. – председателем колхоза «Отбой» [29, л. 136]. Известно, что в 1935 г. вновь вернулся на должность председателя сельсовета, в которой находился и в 1938 г. Состоял членом ВКП(б) с 1932 по 1934 г., исключен при чистке [11]. Точная дата призыва его в Красную армию с началом Великой Отечественной войны неизвестна. Возможно, был призван из Челябинской области, где согласно учетно-партийным документам его жена работала учительницей [12]. Сведения о его боевом пути также отрывочны. Единственным упоминанием о нем является приказ Главного управления кадров НКО СССР от 31 марта 1945 г. об исключении из списков Красной армии. Согласно ему, младший лейтенант Крымов И.М., командир взвода 30-й армии (полк и дивизия не указаны) пропал без вести в марте 1942 г. [19, л. 195]. Известно, что 30-я армия весной 1942 г. принимала участие в Ржевско-Вяземской наступательной операции. Увековечен в Книге Памяти Нижегородской области [7, с. 323].

Максим Степанович Маюров родился 28 апреля 1909 г. в с. Виняево в крестьянской семье [1, л. 211 об.]. Окончил четыре класса сельской школы. С декабря 1933 г. работал бригадиром полеводческой бригады колхоза «Отбой», а в июле 1934 г. избран председателем. Руководил колхозом до января 1935 г. Затем в течение нескольких лет работал приемщиком конторы «Заготзерно» в Арзамасе, а с июля 1938 г. снова трудился в колхозе

«Отбой» завхозом. В декабре 1939 – марте 1940 г. был мобилизован в Красную армию, принимал участие в советско-финляндской войне [23, л. 2]. На Великой Отечественной войне с июня 1941 г. в должности помощника командира взвода 131-го инженерного батальона. В конце того же года переведен в 41-й стрелковый полк 181-й стрелковой дивизии в роту саперов. Принимал участие в боях под Старой Руссой, где был ранен. Лечился в госпитале № 1331 в Ярославле. После восстановления направлен в 18-ю минно-инженерную роту, воевал на Юго-западном и Воронежском фронтах. С марта 1943 г. в должности старшины хозяйственного взвода 977-го стрелкового полка 270-й стрелковой дивизии. Отличился во время боевых действий 12–27 июля 1943 г., когда под сильным огнем противника бесперебойно доставлял вооружение и боеприпасы на передовую. Награжден медалью «За отвагу». В августе 1943 г. принят кандидатом в члены ВКП(б) [13]. 17 сентября 1943 г. погиб в бою на территории Смоленской области. Похоронен в братской могиле восточнее д. Мелихово [25, л. 179]. Увековечен в Книге Памяти Нижегородской области [7, с. 355] и на памятнике погибшим воинам в с. Виняево.

Александр Иванович Вязов родился 5 августа 1904 г. в с. Виняево в семье солдата [1, л. 80 об.]. В 1916 г. окончил Виняевскую начальную школу. Член колхоза «Отбой» с 1931 г. Работал бригадиром полеводческой бригады до ноября 1938 г. Затем в течение полутора лет работал председателем Слизневского сельского совета [5, л. 88]. Кандидат в члены ВКП(б) с января 1939 г. [14]. В январе 1940 г. возглавил колхоз «Отбой». Вероятно, оставался в этой должности до марта 1941 г. Сведения о боевом пути весьма скудные. Согласно донесениям о потерях 129-й стрелковой дивизии красноармеец Вязов А.И. погиб в бою 1 мая 1942 г. на территории Ленинградской области [27, л. 110]. Похоронен в д. Ануфриево Старорусского района. Увековечен в Книге Памяти Нижегородской области [7, с. 216] и на памятнике погибшим воинам в с. Виняево.

Михаил Николаевич Вязов родился 12 сентября 1905 г. в с. Виняево в крестьянской семье [1, л. 101 об.]. В 1917 г. окончил сельскую школу. С марта 1931 г. – в колхозе «Отбой». С мая 1936 по ноябрь 1939 г. работал кладовщиком, а затем бригадиром. В марте 1941 г. избран председателем колхоза «Отбой». Ушел с должности

председателя в марте 1942 г. по причине призыва в Красную армию. Призван Арзамасским РВК в марте 1942 г. Направлен в распоряжение 20-й запасной стрелковой бригады в г. Казань. Оттуда убыл в состав формировавшейся в Горьком 101-й танковой бригады. 22 июня 1942 г. бригада передислоцирована из Горького в район г. Старица и вошла в состав 31-й армии Западного фронта. В должности санинструктора мотострелкового батальона 101-й танковой бригады М.Н. Вязов воевал на Западном, Брянском и Центральном фронтах. Во время боев 12–23 февраля 1943 г. оказал помощь и перевязал 70 раненых бойцов и командиров [20, л. 64]. Награжден медалью «За боевые заслуги». В июне 1943 г. переведен в медсанвзвод той же бригады. Тогда же принят в члены ВКП(б) [15]. В ноябре 1943 г. был награжден орденом Красной Звезды. Весной 1944 г. 101-я танковая бригада участвовала в Крымской наступательной операции, приняв участие в освобождении Джанкоя, Мелитополя, Симферополя и Севастополя. С 17 июля 1944 г. в составе 19-го танкового корпуса 1-го Прибалтийского фронта принимала участие в освобождении Литовской ССР и Латвийской ССР, в ходе которой М.Н. Вязов был второй раз удостоен ордена Красной Звезды. После демобилизации в 1946 г. работал полеводом колхоза «Отбой», а после его присоединения к «Красному пахарю» – зав. свинотоварной фермой. Награжден орденом «Знак Почета». Умер 10 января 1977 г. Похоронен на кладбище с. Виняево.

Иван Сергеевич Варганов родился 4 сентября 1922 г. в с. Виняево в крестьянской семье [30, л. 34]. Дата рождения установлена по архивным документам ЗАГСа Стексовского волисполкома, однако в более поздних документах дата рождения указана как 18 августа 1921 г. Окончил Виняевскую начальную школу, затем продолжил обучение в Слизневской школе. В 1937 г. поступил в Арзамасский педрабфак. Там был принят в члены ВЛКСМ. В марте 1941 г. устроился на Магнитогорский металлургический комбинат им. И.В. Сталина контролером ОТК [8, с. 19–20]. Иван Сергеевич Варганов был призван 1 июля 1941 г. по мобилизации ЦК ВЛКСМ. После краткосрочных военных сборов его в качестве политбойца направляют в 34-й гвардейский минометный дивизион, где он служил установщиком орудия. С конца октября 1941 г. участвовал в обороне Тулы. «Бойцы и командиры дивизии

сражались с фашистами мужественно и стойко, – рассказывал позднее И.С. Варганов о боях под Тулой. – Вражеские части вышли к Ясной Поляне, а затем в район Косой Горы – Скуратово. К исходу дня на обороняющихся бойцов и ополченцев немцы бросили более 200 танков» [6, с. 317]. За мужество и отвагу, проявленные в этих боях, И.С. Варганов награжден орденом Красной Звезды.

В мае 1942 г. его как опытного и уже показавшего себя бойца направили в 1-е Московское Краснознаменное артиллерийское училище им. Л.Б. Красина. Он проучился там до октября 1942 г. и в звании младшего лейтенанта снова направлен в ряды Красной армии, где принял должность командира батареи 2-й гвардейской минометной бригады. В апреле 1943 г. принят в члены ВКП(б) [16]. В июне 1943 г. 2-я гвардейская минометная бригада выдвинулась на Ленинградский фронт и расположилась в районе Синявских болот. Во время этих сражений 11 июля 1943 г. И.С. Варганов был первый раз ранен. Лечился в госпитале № 925. 7 октября 1943 г. выписан и направлен в свою часть.

Во время боев 3 августа 1944 г. в районе железнодорожной станции Аувере в Эстонии Иван Сергеевич Варганов был ранен второй раз. Тогда же награжден вторым орденом Красной Звезды. В его наградном листе указано: «Гвардии лейтенант Варганов И.С., … умело руководит вверенной ему батареей в бою. Его батарея является лучшей в дивизионе. Все поставленные перед нею боевые задачи выполняет отлично. В боях за освобождение Советской Эстонии товарищ Варганов показал образцы умелого руководства в бою, мужество и отвагу, добившись слаженности и быстроты работы личного состава при подготовке батареи к бою и стопроцентного схода мин при стрельбе» [22, л. 157].

В декабре 1944 г. 2-я гвардейская минометная бригада была переброшена на 1-й Белорусский фронт и с января 1945 г. снова участвовала в боях. Здесь минометчики наступали на Сандомирском плацдарме в рамках масштабной Висло-Одерской операции по освобождению Польши. Одним из центральных событий стало освобождение Варшавы. За успешное выполнение боевой задачи И.С. Варганов был награжден медалью «За освобождение Варшавы» и удостоен Благодарности Верховного Главнокомандующего за ликвидацию плацдарма на Одере.

В середине марта минометчики 2-й гвардейской бригады участвовали в штурме Альтдамма – крупного промышленного центра, где производились самолеты, торпеды и авиамоторы для немецкой армии. 20 марта город смогли полностью взять. Тогда гвардии старший лейтенант Варганов был представлен к награждению орденом Александра Невского. В наградном листе его подвиги отмечались так: «Гвардии старший лейтенант Варганов И.С., работая командиром батареи, в боях с немецкими захватчиками проявляет образцы отваги… В боях за овладение городом Штутгардт, товарищ Варганов, совмещая работу командира батареи, выбывшего начальника штаба дивизиона, сумел организовать правильное огневое взаимодействие дивизиона с пехотными частями. В боях за овладение городом Альтдамм, товарищ Варганов, находясь на самых трудных участках, умело руководил батареей, мощным огнем прокладывая путь наступающей пехоте» [21, л. 140].

Завершил И.С. Варганов свой боевой путь взятием Берлина. Он вспоминал: «Все шло очень быстро, так, что трудно было сразу сориентироваться. Нас обстреляли, подожгли головную машину. Батарея остановилась. Когда я вышел из своей машины, меня ранило в руку и что было дальше, я уже не помню» [8, с. 39]. О капитуляции Германии и окончании войны Иван Сергеевич узнал уже в госпитале № 1069 в г. Бузулук Чкаловской (Оренбургской) области. Тогда же пришло ему известие и о награждении за бои в Берлине вторым орденом Александра Невского. За взятие Берлина Варганов получил Благодарность Верховного Главнокомандующего, а приказом Военного Совета 1-го Белорусского фронта № 0454 от 8 июня 1945 г. ему присвоено звание гвардии капитан. 27 июня 1945 г. И.С. Варганов был демобилизован по ранению [17].

После возвращения в родное село устроился военруком в Слизневскую школу, а затем учетчиком труда и зам. председателя в колхоз «Отбой». В августе 1949 г. возглавил колхоз и руководил им вплоть до объединения, став, таким образом, последним председателем колхоза «Отбой». В 1965 г. избран председателем объединенного колхоза «Красный пахарь». При нем колхоз достиг своего расцвета, став крупнейшим в Арзамасском районе. За большой личный вклад в дело развития сельского хозяйства и подъем экономики колхоза Иван Сергеевич удостоен орденов Ленина

и «Знак Почета», награжден медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», почетными грамотами обкома КПСС, облисполкома, облсовпрофа. В феврале 1981 г. ушел с должности председателя. Умер 31 мая 1997 г. и похоронен в с. Виняево. В родном селе его именем названа центральная улица.

Источники и литература

1. ГАНО, г. Арзамас (Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас). Ф. 207. Оп. 1. Д. 5.

2. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 207. Оп. 1. Д. 7.

3. ГОПАНО (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области). Ф. Р-60. Оп. 27. Д. 11.

4. ГОПАНО. Ф. 632. Оп. 1 Д. 2.

5. ГОПАНО. Ф. Р-60. Оп. 27. Д. 8.

6. *Демочкин А.П.* Под лязг танковых гусениц: очерки об арзамасских танкистах, участниках Великой Отечественной войны. – Арзамас, 2005.

7. Книга памяти нижегородцев, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Том 3. – Нижний Новгород, 1994.

8. *Маслова Е.И., Щетинин А.И.* Знатный председатель (к 100-летию со дня рождения И.С. Варганова). – Нижний Новгород, 2021.

9. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Учетно-партийные документы Грашкина Тихона Степановича образца 1936 г.

10. РГАСПИ. Учетно-партийные документы Фролова Николая Ильича образца 1936 г.

11. РГАСПИ. Учетно-партийные документы Крымова Ивана Матвеевича образца 1926 г.

12. РГАСПИ. Учетно-партийные документы Крымовой Анны Ивановны образца 1936 г.

13. РГАСПИ. Учетно-партийные документы Маюрова Максима Степановича образца 1936 г.

14. РГАСПИ. Учетно-партийные документы Вязова Александра Ивановича образца 1936 г.

15. РГАСПИ. Учетно-партийные документы Вязова Михаила Николаевича образцов 1936 г., 1954 г., 1973 г.

16. РГАСПИ. Учетно-партийные документы Варганова Ивана Сергеевича образцов 1936 г., 1954 г.

17. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Учетно-послужная карта Варганова Ивана Сергеевича.

18. ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 21.
19. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 632.
20. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 144.
21. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 5409.
22. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690706. Д. 3281.
23. ЦАМО. Ф. 45502. Оп. 794810. Д. 1555.
24. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1112.
25. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 1000.
26. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 2176.
27. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 257.
28. ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области). Ф. Р-1273. Оп. 2. Д. 1683.
29. ЦАНО. Ф. Р-2209. Оп. 3. Д. 20167.
30. ЦАНО. Ф. Р-6489. Оп. 4. Д. 2807.

A.I. Shchetinin

CHAIRMEN OF THE COLLECTIVE FARM "OTBOY" – PARTICIPANTS THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. The article presents information about the combat path of the participants of the Great Patriotic War, who at various times held the position of chairman of the collective farm "Otboy" in the village of Vinyaevo, Arzamas district, Gorky region.

Keywords: Great Patriotic War, chairman, collective farm, Vinyaevo.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры фундаментальной медицины, Научно-клинический центр им. Башларова (г. Махачкала).

Ануфриев Александр Валерьевич – старший преподаватель кафедры истории России, Иркутский государственный университет, старший научный сотрудник, Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова, исполнительный директор ИРО РВИО (г. Иркутск).

Ащеулов Олег Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и экономической теории, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России (г. Москва).

Багаутдинов Сапиюлла Магомедович – независимый исследователь (г. Махачкала).

Бахтин Александр Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин и методики их преподавания, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Бегоутова Мария Александровна – преподаватель истории, Починковский сельскохозяйственный техникум (с. Починки, Нижегородская область).

Безденежных Александр Иванович – учитель истории и обществознания, СОШ № 20 (г. Йошкар-Ола).

Бимеева Альфия Равилевна – старший научный сотрудник Института истории и культуры региона, «Ленинский мемориал» (г. Ульяновск).

Бойкова Ирина Петровна – кандидат исторических наук, зав. отделом «Дом-музей А.Л. Дурова», Воронежский областной краеведческий музей (г. Воронеж).

Бушуев Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань).

Васильева Ольга Александровна – специалист по учебно-методической работе кафедры гуманитарных дисциплин и спортивной режиссуры, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма (г. Краснодар).

Герман Роман Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД РФ (г. Ставрополь).

Гибадуллин Марат Зуфарович – кандидат экономических наук, доцент, преподаватель Технического колледжа, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ (г. Казань).

Горбашова Галина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Грознов Евгений Андреевич – зав. музейно-патриотическим центром «Герои Отечества», Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (г. Йошкар-Ола).

Гусарова Анастасия Юрьевна – главный архивист Научного центра, Государственный исторический архив Чувашской Республики (г. Чебоксары).

Делова Людмила Алиевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (г. Майкоп).

Дроботушенко Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет (г. Чита).

Завьялова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, преподаватель, Нижегородский институт путей сообщения, филиал Приволжского государственного университета путей сообщения (г. Нижний Новгород).

Игошина Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Медицинского университета «РЕАВИЗ» (г. Самара).

Исхаков Рафаиль Лутфуллович – кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента «Факультет журналистики»

Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Кавиева Люция Габдельнуровна – учитель истории, педагог-организатор, руководитель музея истории, Лицей № 11 им. Т.И. Александровой (г. Йошкар-Ола).

Кирюхин Дмитрий Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой «Иностранные языки», Нижегородский государственный агротехнологический университет им. Л.Я. Флорентьева (г. Нижний Новгород).

Кирюхина Елена Михайловна – доктор культурологии, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры «История, философия и социология», Нижегородский государственный агротехнологический университет им. Л.Я. Флорентьева (г. Нижний Новгород).

Кошкина Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Кудрявцев Алексей Николаевич – научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Ладина Анастасия Сергеевна – директор филиала Российского общества «Знание» в Республике Марий Эл (г. Йошкар-Ола).

Лопатин Александр Петрович – зав. отделом археологии и палеонтологии, Армавирский краеведческий музей (г. Армавир).

Лопатина Надежда Александровна – руководитель Арт-студии «Ассель», Городской Дворец культуры (г. Армавир).

Лопатина Татьяна Евгеньевна – ведущий специалист, «Муниципальный Вестник Армавира» (г. Армавир).

Марискин Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой экономической истории и информационных технологий, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск).

Маркова Светлана Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко (г. Воронеж.).

Новик Вера Михайловна – кандидат исторических наук, доцент (г. Йошкар-Ола).

Нуриева Айгуль Рустамовна – кандидат экономических наук, доцент (г. Казань).

Оськин Максим Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и гуманитарных дисциплин, Международная полицейская академия ВПА (г. Тула).

Петров Олег Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Полугодин Андрей Дмитриевич – кандидат исторических наук, учитель истории, СОШ № 50 (г. Калуга).

Пчелкин Алексей Юрьевич – аспирант, Международный юридический институт (г. Москва).

Разумная Надежда Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры региональной истории, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Салоникес Михалис Янис – советник при ректорате, Московский педагогический государственный университет (г. Москва).

Сапожникова Виктория Павловна – студентка 2 курса магистратуры Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (г. Саранск).

Семенов Александр Анатольевич – главный архивист отдела публикации документов, Государственный исторический архив Чувашской Республики (г. Чебоксары).

Сенюткина Ольга Николаевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и мировой политики, начальник научно-исследовательской лаборатории «Историческая компаративистика, регионоведение, развитие восточноазиатских территорий», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород).

Сергеев Максим Андреевич – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжский) федерального университета (г. Елабуга).

Сергеева Алевтина Николаевна – начальник отдела использования документов, Государственный архив Республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола).

Сибиль Семен Николаевич – студент, Нижегородский институт путей сообщения, филиал Приволжского государственного университета путей сообщения (г. Нижний Новгород).

Смирнова Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Стариков Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Суздальцев Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, преподаватель истории, школа № 1381 (г. Москва).

Тайгильдин Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Урожаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии, Иркутский государственный университет (г. Иркутск).

Устинов Демид Александрович – научный сотрудник музея «Оружие подвига», «Ленинский мемориал» (г. Ульяновск).

Устинова Александра Александровна – независимый исследователь (г. Ульяновск).

Федотова (Ермилова) Елена Владимировна – кандидат филологических наук, специалист по этнокультурному достоянию отдела традиционного народного творчества и ремесел, Республиканский центр народного творчества «Дворец культуры тракторостроителей» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики (г. Чебоксары).

Федотова Татьяна Юрьевна – студентка историко-географического факультета, боец поискового отряда «Георгиевская лента», Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Харитонова Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Шалахов Евгений Геннадьевич – экскурсовод музейной части, «Замок Шереметева» (пгт Юрино, Республика Марий Эл).

Шулдяков Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент 1-й кафедры (технического обеспечения и тактики), Омский автобронетанковый инженерный институт – филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева Министерства обороны РФ (г. Омск).

Шумилов Евгений Николаевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Пермь).

Щетинин Алексей Иванович – независимый исследователь (г. Арзамас).

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Выпуск VI

Материалы VI Всероссийской
научно-практической конференции,
г. Йошкар-Ола, 13–14 ноября 2024 года

Авторы несут ответственность за достоверность предоставленной информации, содержание научных статей, цитирование и использование иллюстративного материала.

ISBN 978-5-94950-134-4

Редактор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Дизайн обложки *В.В. Безденежных*

12+ Знак информационной продукции
согласно ФЗ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Оригинал-макет подготовлен к печати в МарНИИЯЛИ.
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44.
Телефон: (8362) 64-19-28, 45-25-41
Т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 18.10.2024. Формат 60x84/16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 27,9. Печать
офсетная. Заказ № 2598. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «Стринг»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
корпус 101А, помещение 12-12А

